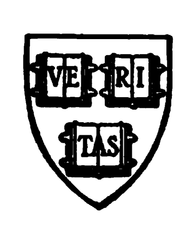
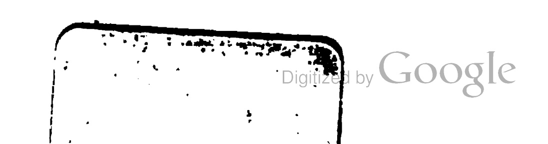

VE RI
TAS

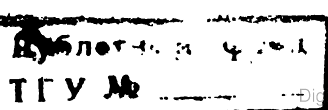


Современный

МІРЪ

ІЮНЬ

1908



ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора покорнѣйше проситъ лицъ, ПОДПИСАВШИХСЯ въ разсрочку НА ПОЛГОДА и желающихъ продолжать подписку, ОЗАБОТИТЬСЯ ПРИСЫЛКОЮ 2-ГО ВЗНОСА НЕ ПОЗЖЕ 20-ГО ІЮНЯ. Всѣмъ не уплатившимъ къ этому сроку высылка журнала съ іюля мѣсяца будетъ пріостановлена.

Кромѣ того при уплатѣ, какъ и при перемѣнѣ адреса, контора покорнѣйше проситъ присылать адресъ бандероли или № подписки.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современный
МІРЪ

ІЮНЬ

1908

Типографія Монтвида, Гончарная ул., 7.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР

Логика.

Романъ.

(Памяти друга Михаила Владимировича Гельрота посвящаю).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Надъ человѣческой жестокостью, надъ ея природой и свойствами Натанъ Маймонъ задумываться сталъ съ ранняго дѣтства, въ хедерѣ.

Туда, въ духовную школу, Натана, какъ и всякаго еврейскаго ребенка, отдали маленькимъ-маленькимъ: ему еще не было полныхъ четырехъ лѣтъ—и все же первыя впечатлѣнія младенчества сохранились до мельчайшихъ подробностей. Въ чистой душѣ дитяти воспріятія эти ярко оттиснулись, какъ на новомъ папирусѣ ясные знаки четкаго письма...

...Въ памяти встаютъ широкія сѣни отцовскаго дома, невысокій табуретъ у порога, круги толстенныхъ канатовъ у дверей... На табуретѣ устало сидитъ мать: умаялась за долгій день отъ хлопотливыхъ заботъ по хозяйству; на кругахъ канатовъ, на бичевѣ отъ невода, умѣстился отецъ.

Разговариваютъ озабоченно, дѣловитымъ полушепотомъ,—Натану слышны только отдѣльныя слова: „Тонечка... взрослый... ужъ пора..."

Заспорили. Заговорили громче. Мать умоляетъ: „такой крошечный!.. Какъ камышинка... И чего торопиться?.. Погулять бы ему еще... Еще только это лѣто пусть бы побѣгалъ... Вѣдь успѣетъ! Если позже на одно полугодіе?".. И когда услышалъ послѣднее слово--понялъ. Они это о хедерѣ! Чтобъ его туда отдать!..

И ущемленной болью сжалось его сердце: нехорошо разсказывали о школѣ старшіе братья...

Тоня сталъ слушать внимательнѣе. Отецъ увѣщеваетъ: говоритъ объ обязанностяхъ еврея предъ Богомъ и какія-то

другія непонятныя слова: „бездонные колодцы писанія... 613 заповѣдей..."

Мать печально киваетъ головой, фартукомъ утираетъ глаза...

Вечеромъ въ домѣ Маймоновъ состоялось большое торжество. Въ залѣ зажгли семисвѣчную люстру, позолоченную и въ кристаллахъ, убрали столы. Приглашенныхъ явилось много: пришли родственники и родственницы, и „добрые друзья", и еще какой-то: этотъ раньше никогда не бывалъ,—высокій, костлявый, рыжій, совсѣмъ непохожій на еврея.

Тоня, когда увидѣлъ его, испугался, а потомъ узналъ, что это и есть „меламедъ"—наставникъ духовной школы, самъ страшный Пивникъ! Гроза дѣтей! Тотъ, предъ кѣмъ трепещутъ, какъ умирающій предъ ангеломъ смерти.

Гости пили, ѣли, произносили „лехаимъ" — здравицы. Подзывали Тоню, гладили его по головкѣ, трепали по щекѣ, поздравляли „со свѣтлымъ кануномъ..." И Пивникъ,—онъ тоже чокнулся съ нимъ,—сентенціозно протянулъ указательный палецъ, и назидательно пустилъ: „И сказано: „Наставника своего, какъ Бога бойся!"

Эту ночь Тоня провелъ безпокойно. Какъ только его уложили, ему сталъ мерещиться страшный Пивникъ. Въ саванѣ... остеклѣлые глаза,—мертвые... въ костлявой рукѣ мечъ ангела смерти,—бѣлый, тонкій, остроотточенный!..

Плакалъ со сна, просыпался съ острыми, протяжными выкриками.

Утромъ Натана одѣли во все субботнее и повели къ дѣдушкѣ.

Дѣдушка, раввинъ общины, по имени раби Нойахъ, почему-то тоже въ праздничномъ одѣяніи: въ атласномъ кафтанѣ, длиннополомъ, препоясанномъ широкимъ поясомъ изъ чернаго шелка, въ раввинской митрѣ--мѣховая шапка пирожкомъ, съ бобровымъ околышемъ, лучеобразно утыканномъ собольими хвостами.

Равви сосредоточенно серьезенъ. Маленькаго внука онъ теперь встрѣтилъ, какъ взрослаго, привѣтствовалъ:

— Шолемъ алейхемъ! Миръ вамъ!

Сѣлъ. Поставилъ предъ собой пришедшаго, возложилъ ему на голову обѣ руки, закрылъ глаза, зашепталъ. Долго молился шепотомъ, потомъ сталъ читать вслухъ, приказалъ Натану, чтобъ повторилъ за нимъ, чтобъ просилъ для себя у Бога—у Источника Благостнаго Позpнанья Истиннаго,—чтобъ просилъ вѣнца Мудрости Нетлѣнной, Короны Торы Святой.

Кончилъ молитву, поднялся со своего кресла, всталъ, возвелъ глаза горѣ, рекъ: „и скажемъ аминь да аминь!" Снова опустился на кресло, посадилъ внука на правое колѣно, поцѣловалъ его въ лобъ, сказалъ: „будь благочестивымъ евреемъ! Каширнымъ, чистымъ, опорой для народа своего!"

Отпустилъ съ миромъ.

* * *

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Натана Маймона отвели въ хедеръ. Сдали меламеду, наказали вести себя благонравно, не шалить и слушаться ребе-наставника,—во всемъ ему повиноваться, почтительно и безпрекословно.

И впервые Тоня очутился въ незнакомомъ домѣ одинъ. Было страшно. Прыгало сердце, и щекотало въ горлѣ, и зудило подъ вѣками,—но плакать боялся. Онъ растерянно опустился на земляной полъ, усѣлся рядомъ съ другими. Между ними узналъ Вигдора, родственника своего и пріятеля. Тотъ уже второе полугодіе посѣщалъ школу.

Вигдоръ замѣтилъ родича, пересѣлъ къ нему и отъ этого сосѣдства Тоня почувствовалъ себя лучше: пріободрился немного, осмотрѣлся.

Въ полутемномъ помѣщеньицѣ школы подъ кроватью, на привязѣ, кудахтала домашняя птица: курица, двѣ утки, пѣтухъ. Жалобно мычалъ стреноженный теленокъ. Онъ часто вскакивалъ, отчаянно брыкалъ свободными ногами, дергалъ головой.

Къ нему бросались, пытались успокоить, и тогда пугалась привязанная птица: она изступленно металась, шумно хлопала крыльями,—и отъ этого въ хедерѣ подымалось дикое галдѣнье.

На полу дѣти боязливо жались другъ къ дружкѣ, робко переглядывались, промежъ себя переговаривались пугливымъ шепоткомъ. Косились на почетный уголъ. Тамъ за четырехъугольнымъ столомъ, некрашенымъ и безъ скатерти, двое малышей жалобно и нараспѣвъ заучивали библейскій алфавитъ, а надъ ними, изогнувшись, рыжей глыбой нависла суровая фигура наставника. Онъ строго и также на распѣвъ задавалъ краткіе, однообразные вопросы.

— Эт-та ка-кая буква? И ска-а-жи-и же, мальчи-ше-е-ечка: Бэ-ета-а-а!

— Эт-та ка-кая буква? И ска-а-жи-и же, мальчи-ше-е-ечка: Га-ам-ма-а!

Изрѣдка, при удачномъ отвѣтѣ, сверху на раскрытый часословъ ниспадала конфетка, пряничекъ, яблочко.

И ребе тогда торжественно возглашалъ: „вотъ ангелъ мудрости! Онъ поощряетъ прилежанье твое! Видишь? Съ неба онъ тебѣ яблочко кинулъ! Кушай и старайся! Оправдай довѣріе защитника небеснаго!"

Кто-то изъ новичковъ робко захныкалъ. Наставникъ рѣзко обернулся къ нему.

— Что? Чего тебѣ?

Малышъ расплакался и, рыдая и сбиваясь, кое-какъ объяснилъ: ему необходимо выдти...

Наставникъ разрѣшилъ ему отлучку, сурово напутствовалъ: вернуться немедленно!

Прошло нѣсколько минутъ и дитя не возвращалось. Ребе всполошился... Онъ подкрался къ дверямъ, тихонько пріоткрылъ ихъ, глянулъ во дворъ и отошелъ быстро, неслышными шагами.

Снялъ со стѣны „канчукъ"—ременную плеть, трехвостую и узловатую, зловѣще осмотрѣлъ весь хедеръ, приложилъ палецъ къ губамъ, прошипѣлъ:

— Шш-ша!

Притаился у входа.

Вотъ сторожко скрипнули двери, сторожко открылись. Показалась крошечная фигурка. Юркнула черезъ порогъ, жмется къ стѣнѣ, крадучись пытается добраться до мѣста, проскользнуть незамѣтно. Лукаво и блаженно улыбается сверстникамъ...

Плеть взвизгнула, засвистѣла! И опалѣлый крикъ! И снова визгливый свистъ плети... Пивникъ съ размаху стегалъ по плечамъ, по курчавой головкѣ...

* * *

Отъ этой первой встрѣчи духовной школы въ мозгу у Натана Маймона навсегда остался темный слѣдъ. Его чуткая душа скорбѣла негодующимъ состраданьемъ и съ жуткимъ оцѣпенѣніемъ Тоня ждалъ первой кары хедера. Ждалъ и все же надѣялся, неувѣренно и робко успокаивалъ себя: надо быть прилежнымъ и послушнымъ—и будешь избавленъ, и не коснется тебя карающая десница наставника...

Не избѣгнулъ: опоздалъ какъ-то, пришелъ въ школу на четверть часа позже назначеннаго времени, всего на пятнадцать минутъ опоздалъ,—и Пивникъ оборвалъ ему „пейсы"—локоны у висковъ.

Чтобы скрыть отъ родителей ученика слѣды истязанья,

наставникъ срѣзалъ у Натана нѣсколько локоновъ и волосы эти искусно пришилъ къ околышу ермолки мальчика.

Въ субботу, послѣ полудня, Давидъ Маймонъ по обыкновенію экзаменовалъ сына изъ пройденнаго за недѣлю. Отецъ остался доволенъ успѣхами дитяти, любовно расцѣловалъ его, ласково погладилъ по головкѣ.

Погладилъ по головкѣ и широкимъ рукавомъ халата задѣлъ за ермолку мальчика, и та сдвинулась немного.

Старикъ оторопѣлъ: вмѣстѣ съ ермолкой сдвинулись и пейсы! Одна стала у Тони на лбу...

Въ домѣ произошелъ переполохъ. Давидъ Маймонъ бурно волновался: онъ ничего не имѣетъ противъ хедерныхъ наказаній... школьную дисциплину онъ глубоко чтитъ! Мальчика, конечно, необходимо наказывать... Но для этого имѣется розга... А вырывать пейсы! Обезобразить ребенка! Лишить его облика еврейскаго! Такое кощунство не должно пройти безнаказанно! И онъ, Маймонъ, этого ему не проститъ! Никогда!

Вытребовалъ къ себѣ на домъ меламеда, разнесъ его, пригрозилъ судомъ,—короннымъ судомъ.

Вмѣшались евреи. Зятю раввина, Давиду Маймону напомнили: предать еврея въ руки иновѣрныхъ—великій грѣхъ! Пивника могутъ засудить, приговорить къ заточенію, а у него семья, дѣти малыя. Они лишатся кормильца, безъ хлѣба останутся...

На чью голову падутъ слезы голодныхъ?..

И отступился старый Маймонъ, и Натанъ остался въ хедерѣ Пивника.

II.

Шесть полугодій пробылъ Тоня въ школѣ Пивника, а на седьмомъ, когда ему минуло семь лѣтъ, его перевели въ высшій хедеръ, — гдѣ проходили талмудическую письменнось.

Здѣсь школьный режимъ былъ мягче, чѣмъ въ хедерѣ Пивника: ученики этой категоріи считались уже отроками, и къ нимъ пощечины и пинки примѣнялись рѣдко.

Наставникъ талмудической школы ребъ Менахемъ, щупленькій старичекъ съ козлиной бородкой и печальными глазами никогда не дрался. А къ розгѣ онъ прибѣгалъ только въ экстреннѣйшихъ случаяхъ.

Но ребъ Менахемъ считалъ своихъ восьмилѣтнихъ и десятилѣтнихъ учениковъ взрослыми, и поэтому занятія у

него въ хедерѣ длились съ ранняго утра и до самого вечера.

Было лѣто. Въ полутемномъ подвалѣ тѣсной школки стояла смрадная духота,—дни были хрустально чистые, лучезарные: ликующее солнце покойно нѣжилось въ шелковомъ пологѣ южныхъ небесъ,—и Тоня томительно изнывалъ: его влекло на свѣжій просторъ душистой степи, тянуло къ морю.

У моря, на бѣломъ, какъ рыбья чешуя, пескѣ рдѣли, истомно грѣли свои толстые бока камышевые курени отцовскихъ неводовъ.

По утрамъ тамъ солили рыбу, а вечерами, на солнечномъ закатѣ широкобортыя суда съ острыми крыльями сѣрыхъ парусовъ, точно хищныя птицы—гиганты, уплывали на ловъ.

Возвращались въ сумеркахъ. На берегу охотниковъ встрѣчали огнями. И отъ мѣднаго пламени смолистыхъ факеловъ съ разрыхленными, дымными султанами по чернымъ бороздамъ водъ прыгали, ломаясь и трепетно волнуясь, огненныя копья, ножи и мечи, — зыбко стлались пылающія тропы. Багряно-красныя съ темнымъ блескомъ, какъ отраженіе пламени въ серебрянной чашѣ.

Рыбаки съ засученными выше колѣнъ штанами, иные въ однѣхъ рубахахъ медленно тянули бичеву невода, „клячу"; они со степенной молчаливостью передвигались по плоскому берегу залива, тщательно и зорко перебирая мокрыя крылья огромной сѣти. Въ ней, въ ея квадратныхъ отверстіяхъ, трепыхая головкой и хвостомъ, влажнымъ звѣзднымъ отсвѣтомъ поблескивала сверкающая спинка „баламута", пузанки, лиманной сельди.

...Вздрогнула, буйно забилась, отчаянно рвется изъ крѣпкихъ путъ...

А потомъ уха. На пескѣ, остывшемъ отъ влажнаго дыханья моря, уже разставляютъ закоптѣлые треножники тагановъ и нидъ ними на деревянныхъ крюкахъ подвѣшиваютъ чугунные казаны. Разводятъ костеръ.

И въ потревоженной тишинѣ теплой ночи безпокойно шипѣлъ огонь костра, трещалъ, брызгалъ лучистыми искрами; въ котлахъ торопливо булькала и гнѣвно пузырилась закипавшая вода, и билась въ ней еще живая рыба.

Ловко готовилъ уху кашеваръ Ганько!

* * *

Изъ хедера Тоня сталъ убѣгать къ рыбакамъ. Онъ бѣгалъ не долго: на неводѣ всегда натыкался на кого нибудь изъ семьи, на отца, на братьевъ.

Раза два мальчику спустили, не обратили вниманія на его проступокъ. А въ третій разъ наказали и отвели обратно,— въ хедеръ.

И Натанъ сталъ уходить за городъ: нашелъ убѣжище на кладбищѣ. Служка „святого мѣста“, кладбищенскій сторожъ добрый Мойшеле хорошо помнилъ свои школьные годы,—ой-ой, какъ помнилъ!

И старикъ пожалѣлъ малютку-бѣглеца, пряталъ у себя, не выдавалъ. И тутъ, въ мирномъ покоѣ „дома вѣчности“ Тоня часто оставался до ночи.

Въ лунные вечера усаживались у сторожки на заваленкѣ, бесѣдовали.

Предъ ними разстилалась нѣмая степь, жутко утканная сиреневыми тѣнями восходящаго мѣсяца, — по ту сторону, за ихъ спинами мѣрно дышало поле мертвыхъ... И Мойшеле, древній старецъ, согбенный, съ сѣдой до колѣнъ бородой, густой и пышной, какъ кладбищенская трава,—въ ермолкѣ и въ одномъ бѣльѣ, тихо разсказывалъ о жизни покойниковъ.

— За всѣ эти сорокъ лѣтъ своей службы, тутъ, у дома вѣчности, онъ таки хорошо узналъ свою команду, усопшихъ.

— И у нихъ, надо знать, у нихъ все равно, какъ и у людей, живущихъ на міру, у каждаго имѣются свои привычки. Примѣрно: одинъ любитъ чеснокъ неочищеннымъ. Такъ нужно это знать! И класть ему то, что ему любо!

— Такъ. Другому — напротивъ: чтобъ ему, на могилу его, положить безъ шелухи—сохрани Всевышній!.. Разгнѣвается и... тамъ что нибудь надѣлаетъ тебѣ... Этакое...

Мойшеле таинственно повелъ въ воздухѣ растопыренными пальцами.

— Далѣе. Иной выходитъ изъ гроба только при мѣсяцѣ, часамъ этакъ къ десяти, къ тому времени, когда въ городѣ обыкновенно отходятъ ко сну. Есть же такіе, что вовсе не выносятъ свѣта!

— И еще бываютъ покойники, вродѣ, какъ безлюдники. Эти постоянно бродятъ въ одиночку.

— Другіе же наоборотъ: всегда держатся „Хеврой“,— съ товарищами, цѣлой компаніей. Разные характеры!

— Видѣть ихъ трудно. Очень трудно, и даже что-почти невозможно. Ибо изъ гроба встаетъ не тѣло: тѣло же, извѣстно, прахъ—оно же подвержено гніенію. Выходитъ изъ могилы отраженіе души. Сама же душа тамъ! Тамъ, на томъ свѣтѣ ея мѣстопребываніе: въ эдемѣ, если праведная, нечестивая—въ гееннѣ. Такъ.

— И, если хорошенько всмотрѣться, то на землѣ можно замѣтить особыя тѣни. Еле уловимыя, почти прозрачныя и узкія. И безъ головы. Это и есть онѣ, выходящія оттуда.

— Въ первые годы своей службы Мойшеле таки побаивался ихъ... Ну, а потомъ, съ теченіемъ времени, свыкся. И ничего.

— Они его не трогаютъ. И онъ мирно уживается съ ними. И, надо сказать правду, они вообще ведутъ себя смирно.

— Конечно, не обходится безъ неблагополучія: они же не ангелы, а люди. И бываетъ это въ ночь, когда въ еврейскій домъ появляется духъ смерти. Тогда таки—да... Какъ-то такъ... жутковато...

— Начинается оно обыкновенно во полунощи. И первымъ дѣлаютъ суматоху инструментъ дома вѣчности—лопаты эти заступы и кирки, вотъ всѣ тѣ, что стоятъ за дверью въ сѣняхъ сторожки.

— Среди нихъ и начинается. Прыгаютъ безпокойно, стучатъ, какъ бы подаютъ кому тревожный сигналъ. И точно, какъ только они свое отстучатъ,—въ тоже мгновенье тамъ, на полѣ мертвыхъ подымается горькое стенанье. Изъ гробовъ встаютъ родственники усопшаго... Въ своихъ саванахъ, въ талесахъ, неслышными стопами, стопами мертвыхъ они идутъ на встрѣчу родной тѣни...

— И особенно тревожно на святомъ мѣстѣ, когда преставился младенецъ. Тоже, если дѣвушка невѣста: если она умерла послѣ обрученья. Тогда изъ гробовъ, гдѣ лежатъ музыканты, раздаются звуки... странные такіе... печальные, веселые... Это тамъ, въ могилахъ, настраиваютъ инструменты...

— И скрипочка эта плачетъ, и флейта, и этотъ кларнетъ.

— И рыдаютъ, и пляшутъ... Репетируютъ. Потому завтра имъ, покойникамъ музыкантамъ, предъ погребеніемъ, когда гробъ съ невѣстой введутъ подъ свадебный балдахинъ мертвыхъ, подъ черный балдахинъ веселья смерти, имъ вѣдь при этой церемоніи придется играть... маршъ играть: и вѣнчальный, и похоронный.

— Въ такія ночи глубокій трауръ у всѣхъ, обитающихъ въ домѣ вѣчности; даже кладбищенскія козы не притрагиваются къ сѣну,—постятся.

— Скотина,—она добрая, она жалѣетъ человѣка.

III.

Не долог осенній день, а зимній, онъ — мгновенью подобенъ; и оттого въ талмудической школѣ съ сентября занятія съ заходомъ солнца не прекращались.

...Ушли съ земли дневныя тѣни, унялась и смокла заботливая суета труда людскаго, — и къ тусклымъ оконцамъ убогаго подвала, пылая зноемъ угасанья, страстно прильнула заря заката. Радостно смотритъ въ уборѣ золотомъ, свѣтлоокая. Зоветъ къ себѣ дѣтей, заморенныхъ дѣтей еврейскаго хедера.

Но нѣтъ ей отклика, и, обезсилѣвъ въ истомномъ ожиданіи, она блѣднымъ румянцемъ мечется по грязнымъ стѣнамъ, по пыльному полу, у чернаго устья раскрытой печи...

Вытянулась судорожно, угасла. Ушла. Оставила улыбчатую грусть и тихую печаль... Скорбное молчанье. Только подъ кроватью, на привязи, глубоко вздыхаетъ дремлющая птица, — да припавъ къ зеленому стеклу окна жужжитъ муха. Тоскливо ей, тоскливо.

И вотъ ужъ сумерки. На стѣнѣ затрепетало блѣдно-розовое пятно: не то отблескъ умирающей зари, не то отсвѣтъ зажженнаго огня. Оно не долго мигаетъ. Расплылось и растаяло, исчезло въ мглистыхъ покровахъ растущаго мрака.

...Хедеръ, окутанный въ темныя ткани ночи, хмуро застылъ...

...Зажгли свѣчу. Желтый свѣтъ хилыми полосками немощно поползъ по убогой свѣтелкѣ. Жутко. Чудится скребущій шорохъ подъ поломъ, мягкіе стуки мохнатаго...

Многоликій страхъ нудно ворошитъ воображеніе Тони. Теперь, вечеромъ, ему тутъ нестерпимо тяжело: ему страшно и, какъ только наступали сумерки, онъ убѣгалъ изъ хедера.

Наставникъ трижды предупредилъ Натана: вынужденъ будетъ поучить его „жезломъ", — такъ ребъ Менахемъ называлъ свой канчукъ. И послѣ троекратнаго предупрежденія, меламедъ безнаказаннымъ пропустилъ еще одинъ побѣгъ, а за пятый наказалъ непокорнаго: трижды высѣкъ его.

Съ недѣлю мальчикъ исправно посѣщалъ школу, но темный страхъ хедерныхъ вечеровъ предолѣлъ и стыдъ, и боль,—и побѣги Натана возобновились.

Рѣшено было пресѣчь зло въ корнѣ, принять предупредительныя мѣры, — и строптиваго за ногу привязали къ столу, за которымъ шли учебныя занятія.

Предъ вечеромъ Тоня сталъ проситься у наставника, чтобъ его выпустилъ изъ хедера: ему необходимо...

Отпустили подъ надзоромъ Вигдора. И штрафованнаго въ веревочныхъ путахъ ребъ Менахемъ торжественно вручилъ конвоиру; онъ ему строго внушилъ: „Бди зорко, Вигдоръ! Вѣдь знаешь, это не мальчикъ,—этотъ „спиртъ“ міръ способенъ спалить!“

Лишь только переступили порогъ, Тоня взмолился стражу: пусть предоставитъ ему возможность уйти. Онъ горячо взывалъ къ родственнымъ чувствамъ мальчика. Предложилъ ему взятку, посулилъ всѣ свои сокровища: двѣ дюжины пуговицъ, десятокъ исписанныхъ перьевъ, сине-красный карандашъ.

Вигдоръ заколебался было, но устоялъ: вспомнилъ про „жезлъ“ ребъ Менахема,—про толстый, плетеный канчукъ.

Прошло пять минутъ, подошла пора возвратиться. Положеніе Тони казалось безвыходнымъ: вернется, зайдетъ въ хедеръ и тогда кончено: уже больше его оттуда не выпустятъ: весь вечеръ придется посидѣть!

Раздумывалъ, старался выиграть время. Выручилъ случай: какъ разъ въ этотъ моментъ у забора школы двое уличныхъ мальчугановъ затѣяли игру въ пуговицы.

Вигдоръ, какъ и всякій ученикъ хедера, самъ страстный игрокъ, заглядѣлся. И Натанъ воспользовался оплошностью своего конвоира. Улучилъ подходящій моментъ, ловко и незамѣтно скинулъ со своихъ ногъ веревочныя путы, безшумно перелѣзъ черезъ невысокій тынъ, пустился въ бѣга.

Несся со всѣхъ ногъ, спѣшно соображая на ходу: куда? Опытъ бывалаго бѣглеца подсказывалъ ему: до кладбища не успѣетъ, — далеко, настигнутъ по дорогѣ, — а дома накроютъ, выдадутъ.

На пути попался амбарчикъ. Онъ стоялъ открытымъ, а въ немъ пустые чаны изъ подъ соленой рыбы. Шмыгнулъ въ амбарчикъ, забрался въ одинъ изъ пустыхъ чановъ. Притаился.

Вотъ съ гулкимъ топотомъ промчалась погоня. Пробѣжали и спустя недолго вернулись. Теперь шли не спѣша, разговаривали, смѣялись, хвалили удаль и ловкость бѣглеца.

Выждалъ немного и вышелъ изъ своего убѣжища. Ужъ сумеречилъ вечеръ, на кладбище идти онъ не рѣшался, боялся темной дороги и поэтому направился домой.

Опасаясь, что домашніе отведутъ его обратно, не вошелъ въ комнаты, а спрятался въ сѣняхъ. Полагалъ скрываться

тамъ до ночи, до седьмого часа. Тогда незамѣтно пробраться въ спальню и сейчасъ же улечься въ кровать. Не подымутъ же съ постели?

Въ сѣняхъ желтыми грудами лежала солома: ее припасли для топки печей. Тоня зарылся въ развороненные снопы и отъ прѣлой духоты закашлялся. Сдерживался, кашлялъ глухо.

И померещилось домашнимъ, что въ сѣни забралась свинья. Гурьбой высыпали они изъ покоевъ, стали кричать:

— Аац-цю-у-у! ац-цю-у-уу!

Тыкали лопатами въ солому, задѣли Тоню, лопатой попали ему въ плечо. Не сдержался и застоналъ. Домашніе испуганно шарахнулись, подняли крикъ, вонъ кинулись изъ сѣней.

И скоро вернулись, должно сообразили. Теперь они осторожно шарили въ соломенныхъ кучахъ. Шарили сдержанно, въ напряженномъ молчаніи... И вдругъ прыснули,—захохотали весело, заливчато, шумно! И съ издѣвками и прибаутками вытащили бѣгуна изъ „соломенной пещеры".

Съ поговорками и острыми словечками Тоню обрядили въ мамину кацавейку,—Натанъ бѣжалъ въ одной фуфайкѣ безъ пальто, безъ пиджака, и въ этомъ смѣшномъ нарядѣ повели его, плачущаго, обратно, „въ плѣнъ", какъ, шутя, назвала хедеръ старая тетка Шеве.

* * *

На этотъ разъ Натана постигла самая суровая кара духовной школы: онъ былъ подвергнутъ „кинэ".

Послѣ вечернихъ занятій его домой не отпустили: ночь онъ провелъ въ хедерѣ.

Не спалось. До разсвѣта не смѣжилъ глазъ, дрожалъ въ холодномъ испугѣ, возбужденно думалъ о предстоящемъ, безсвязно молился, зарекался,—и лишь подъ утро тревожно забылся. Мучили кошмары...

Въ восьмомъ часу разбудили.

Послѣ утренней молитвы наставникъ собралъ всѣхъ учениковъ въ кругъ, Тоню онъ поставилъ по срединѣ круга. Поставилъ и укоряюще сталъ вычитывать ему всѣ его прегрѣшенья. Читалъ долго, съ глубокими, мучительными паузами, при этомъ дико таращилъ глаза, скорбно чмокалъ губами, сокрушенно трясъ бородкой.

Кончивъ чтеніе обвинительной грамоты, крикнулъ грозно:

— Изыде!

— Къ мѣсту позорному становись, ты-ы! Сынъ позора! Махнулъ рукой.

И по данному знаку изъ круга тотчасъ же вышло двое школьниковъ. Они схватили Натана подъ руки и отвели его къ „черному углу“, къ тому, гдѣ стоитъ сосудъ съ помоями.

Тамъ, на позорномъ мѣстѣ, съ мальчика сорвали верхнюю одежду, сбили шапку. И выдернули подолъ рубашенки и задрали ее надъ его головой, и поверхъ подола нахлобучили колпакъ шута. Изъ цвѣтной бумаги колпакъ дурацкій.

И въ ротъ ему всунули гусиное перо „папиросникъ“. И разстегнули ему брючки, и открыли его наготу.

И приблизились къ обреченному товарищи его, подходили поочередно, одинъ за другимъ,—и каждый изъ нихъ бичевалъ его плетью и плевалъ въ открытую его наготу.

И когда окончили обрядъ бичеванья, обреченнаго вывели за дверь, и въ облаченіи шута повели по двору,—на кочергѣ верхомъ водили. И подгоняли кнутомъ.

Смирился Тоня. Съежился весь, пересталъ бѣгать. И съ теченіемъ времени свыкся.

Тосковалъ по ночнымъ кострамъ невода на берегу морскомъ,—тосковалъ по мирному покою тихаго кладбища, по лунному свѣту въ степи и по доброму, милому Мойшеле.

IV.

Много было жуткой прелести въ зимнихъ ночахъ хедера. Дневныя занятія обыкновенно длились до четвертаго часу. Въ эту пору наступалъ перерывъ, и наставникъ уходилъ въ синагогу, къ вечернѣ.

Дѣти, оставшись безъ надзора меламеда, предавались играмъ и забавамъ. Играли въ „Маккавеевъ“, въ „продажу Іосифа братьями“, въ „Самсона“.

Въ сумеркахъ усаживались на широкую лежанку теплой печи, плотно прижимались другъ къ дружкѣ, пѣли пѣсни, грустныя пѣсни еврейскихъ женщинъ.

Вигдоръ, запѣвало и солистъ, скорбно пригорюнившись, подперевъ кулачкомъ курчавую головку, выводилъ звонкимъ дискантомъ, чистымъ, какъ горный ручеекъ:

— Въ краю чужомъ, въ краю далекомъ,
Гдѣ сосны хмурыя растутъ,
Тамъ горъ угрюмыя вершины
Сурово плѣнъ мой стерегутъ!
Сурово плѣнъ мой стерегутъ!

Хоръ съ печальной лаской подбиралъ конечныя слова послѣдней строфы, бережно примыкалъ къ солисту, останавливался, дѣлалъ торжественный интервалъ, и ужъ потомъ пѣлъ самъ. Нѣжно и тихо, какъ бренчанье старинной арфы, хоръ дѣтей въ рыдающихъ аккордахъ изливалъ вѣковѣчнуютоску народа-изгнанника.

— Іордана милая долина
Тебя намъ больше не видать!

... Въ хедерѣ было темно. Не хотѣлось зажигать огня. Казалось, какъ только появится свѣтъ, онъ спугнетъ и разсѣетъ печальную красоту сумеречнаго часа...

Потомъ, много лѣтъ спустя, въ долгихъ странствованіяхъ своей скитальческой жизни, Натанъ Маймонъ часто вспоминалъ о сладкой грусти зимнихъ ночей хедера. Тогда ему начинало казаться, что у пѣсни той было лицо... И глаза у нея были, кроткіе глаза... Она вся была живая! Одухотворенная. Имѣла чуткую душу, нѣжную. Но во мглѣ вечера нельзя было разглядѣть лица ея, а отъ огня, отъ пламени свѣчи оно пряталось, убѣгало...

* * *

Изъ синагоги наставникъ возвращался около шести. Зажигали свѣтъ. Къ занятіямъ, однако, сейчасъ не приступали. Ребъ Менахемъ почему-то медлилъ урокомъ.

Онъ усаживался въ дальній уголъ, доставалъ кисетъ, люльку,—закуривалъ. Сидитъ и сумно пускаетъ разрыхленными прядями дымныя спирали,—задумчивый такой. И на изможженномъ лицѣ темными пятнами хмурится забота.

Добрый тогда бывалъ ребе: виталъ гдѣ-то далеко-далеко, не замѣчалъ, не обращалъ вниманія на шалости учениковъ, и его менторское „шша“ теперь звучало скорбной мольбой...

Покурилъ. Еще посидѣлъ. Въ тактъ своимъ думамъ качалъ головой,—медленно-медленно. Не спѣша вытряхивалъ люльку, собирая пепелъ въ горсть.

Вставалъ, подходилъ къ книжному шкафу, бралъ фоліантъ,—и занятія возобновлялись. Ученики попарно усаживались за учебный столъ и совмѣстно съ наставникомъ читали главу изъ Талмуда.

Остальные ученики сидѣли поодаль, обыкновенно у печки, и всѣмъ имъ Исосъ, первый сказочникъ хедера, разсказывалъ сказки.

Исосъ, кривоглазый съ лукавымъ личикомъ и необычайно тонкой шеей, повѣствовалъ таинственнымъ шепоткомъ. Раз-

сказывалъ о коварныхъ дѣяніяхъ волшебницъ и волшебниковъ, про чудеса „добрыхъ евреевъ", про оборотни, про блуждающія души грѣшниковъ, про хитрыя похожденія Асмодея...

Доходя до центра сказки, Исосъ для усиленія эффекта выворачивалъ свои вѣки, сплющивалъ ноздри и страшно поводилъ испорченнымъ глазомъ.

Часамъ къ девяти занятія въ школѣ прекращались. Въ темныя ночи домой возвращались при фонаряхъ. Складные фонарики конусами, цилиндриками, шарами и пирамидочками, изъ промасленной цвѣтной бумаги красиво мигали въ уличной тьмѣ красными, синими и оранжевыми огоньками...

Шли съ пѣснями, съ русскими пѣснями, смѣлыми, воинственными, испуганно громко заливались:

Рампа, бѣды, разъ давайся (Громъ побѣды раздавайся).
Веселъ Ися Храбрый Росъ! (Веселися).

Пѣли и боялись: вотъ-вотъ изъ ближайшей подворотни христіанскаго дома покажется *оно*... Выскочитъ въ бѣломъ... Огромное!.. Выскочитъ... подхватитъ... унесетъ... за тынъ перекинетъ!

А тамъ обернется... явится въ видѣ дикаго кабана, начнетъ грызть... до смерти загрызетъ!

* * *

Особенно дѣтей бралъ страхъ, когда случалось проходить мимо опустѣлаго дома.

Чернымъ ореоломъ рѣяла надъ нимъ мрачная слава гибели и ужаса. Передавали, что нѣкогда *опустѣлый* принадлежалъ первѣйшему богачу города. Но онъ, богачъ этотъ, отступился отъ завѣтовъ Торы: завелъ у себя трефную кухню, пересталъ блюсти святость дня субботняго, и отошло отъ него благословеніе отцовъ: благословеніе Авраама, Исаака и Іакова,—и въ домѣ нечестивца водворилось несчастье.

Внезапно, безъ видимой причины, умеръ его старшій сынъ, его первенецъ. А за нимъ, одинъ за другимъ всѣ домочадцы,—всѣ до единаго. Растаяли отъ какой-то таинственной болѣзни,—не спасло ихъ ни богатство, ни знахари, ни врачи. И онъ самъ, глава несчастной семьи, удавился. На чердакѣ дома своего повѣсился.

И потухъ его очагъ и опустѣлъ его домъ, и стоялъ онъ необитаемымъ, какъ поздней осенью садовая сторожка.

Днемъ опустѣлый глядѣлъ понуро молчаливымъ, но лишь только смеркалось, въ его проклятыхъ нѣдрахъ начиналось... Въ широкихъ щеляхъ потрескавшихся стѣнъ поблескивали зеленые огни. Нечистые. Дымъ, бурый и зловонный, съ шипѣніемъ и хриплымъ визгомъ вырывался изъ проваловъ замуравленныхъ оконъ,—вырывался и тотчасъ же исчезалъ, точно его загоняли обратно. А надъ кровлей, надъ полуразрушенной трубой потухшаго очага кружились странныя птицы,—дикія. Каркали.

Полагали, что *самъ онъ* со всей своей свитой устроилъ въ опустѣломъ пристанище себѣ.

По ночамъ прохожій слышалъ звѣриное завыванье, мяуканье, протяжный гоготъ. И мерзкую музыку, и богохульное пѣніе, и гнусный плясъ... грохочущій топотъ копытъ.

Онъ предавался тамъ оргіямъ.

И если кто, безразсудный, пытался приблизиться къ опустѣлому на разстояніе въ сто локтей, въ домѣ подымались хаосъ и буря!

Завывало и улюлюкало, и изрыгало пламя, и швыряло каменьями... Летѣли кости,—черепа человѣческіе!

Итакъ прошли долгіе годы.

И было, и въ городъ пріѣхалъ новый аптекарь. Этотъ, конечно, не вѣрилъ легендѣ. Онъ смѣялся надъ темной славой опустѣлаго. Пріобрѣлъ его за ничтожную цѣну, отстроилъ заново, поселился въ немъ. Съ молодою женою поселился въ немъ аптекарь.

Еретикъ, понятно, не устроилъ „обновленія дома" и къ косякамъ его дверей не подвѣсилъ „мезузе"—молитвы, написанныя на сверткахъ пергамента, щитъ и ограда отъ духа злого. Не подвѣсилъ.

А женщина, жена аптекаря, была на сносяхъ: ей шелъ послѣдній мѣсяцъ бремени и со дня на день ждали младенца.

И былъ вечеръ, и аптекаря позвали въ аптеку. И женщина, жена его, осталась одна.

И увидѣла, что за окномъ горитъ большой свѣтъ, будто отъ золотого семисвѣчника исходитъ свѣтъ тотъ.

И встала она съ ложа своего и приблизилась къ окну. И видитъ: точно золотой семисвѣчникъ.

И распахнула женщина окно и простерла свою руку. И подаютъ ей семисвѣчникъ. А кто подаетъ ей—не видно.

Только хотѣла его взять, уже пальцами прикоснулась къ драгоцѣнному стволу,—и увидѣла *его*... Черный! Зелеными змѣями глаза... Рожки... Высунулъ языкъ, какъ у коровы языкъ,—и какъ завоетъ! Какъ захохочетъ!

Она вскрикнула, въ безчувствіе впала. Прибѣжалъ мужъ, сбѣжались люди. Видятъ, и она лежитъ ничкомъ, окно раскрыто, а рама будто опалена, а на подоконникѣ пятно. Нехорошее пятно.

Пришла она въ себя и все разсказала. И мужъ тоже разсказалъ: пошелъ въ аптеку, потому что его позвали, а приходитъ туда,—и тамъ никого нѣтъ...

Въ ту же ночь жена аптекаря родила мертваго ребенка. А сама сошла съ ума. А аптекарь, ея мужъ, наложилъ на себя руки,—повѣсился.

V.

Сказки хедера зародили и развили въ Натанѣ любовь къ книгѣ. Къ чтенію онъ пріохотился съ ранняго дѣтства; у нихъ въ семьѣ даже женщины были обучены чтенію и письму: домъ былъ старинный, фамилія раввиновъ, — изъ поколѣнія въ поколѣніе въ немъ не переводились раввины.

Глава дома, Давидъ Маймонъ, мужъ отмѣннаго благочестія,—вставалъ съ пѣтухами, во полуночи, когда на вышнихъ небесахъ, тамъ, гдѣ престолъ Вѣчносущаго—на седьмой тверди смѣняется вторая стража ночи.

Въ этотъ часъ просыпается самъ Іегова.

Богъ просыпается и дѣлаетъ смотръ всему сущему. И стройно и смиренно предъ лицомъ Творца проносятся всѣ миріады міровъ. Предстаетъ Ерусалемъ, его опустошенная столица. Въ ранахъ кровоточивыхъ предстаетъ онъ.

Храмъ, сердце вселенной, оскверненный сынами Вавилона, сынами Рима,—угрюмо зіяетъ руинами сожженныхъ святилищъ.

На храмъ, на свой поруганный алтарь, взираетъ Богъ—Элогимъ. Смотритъ, и изъ Его Ока падаетъ слеза. Она, Слеза Господа, огненнымъ ливнемъ ниспадаетъ въ мореокеанъ, падаетъ и возмущаетъ воды земли.

Онѣ стонутъ бурями, волнуются водоворотами. И, какъ стѣны, вздымаются валы, и прыгаютъ, и шумятъ, и воютъ, какъ барсы пустыни, какъ львы. Заливаютъ села, города. Топятъ корабли.

Тоскуетъ Отецъ Израиля.

И предъ скорбью Вседержителя, Его стража, отряды серафимовъ содрогается великимъ содроганьемъ, машетъ крылами во страхѣ.

И отъ взмаховъ ангельскихъ крыльевъ сыпятся искры. Сыпятся по небу падучими звѣздами, расплавленными осколками падаютъ на землю.

Падаетъ искра пѣтуху подъ крыло. И пробуждается пѣтель. Обожженный огнемъ неба, онъ троекратно поетъ хвалу Владыкѣ, громко славословитъ Отца всего сущаго.

И чтобы не {проспать часа пробужденья Адонаи, подъ ложемъ благочестиваго спитъ на привязи эта птица-вѣщунъ.

* * *

Давидъ Маймонъ вставалъ и тотчасъ же приступалъ къ чину омовенія ногтей: подъ ними, на кончикахъ пальцевъ гнѣздится она—нечистая,—у изголовья еврея она пребываетъ неотлучно. Подстерегаетъ.

И если предъ тѣмъ, какъ отойти ко сну, посыпать вкругъ постели пескомъ или чѣмъ-нибудь инымъ, на чемъ отчетливо сохраняется слѣдъ,—при пробужденіи явственно замѣтенъ „черный отпечатокъ",—слѣды уродливыхъ лапъ, чудовищныхъ когтей...

Въ слѣдъ за главой дома подымались его домочадцы-мужчины, съ ними вставалъ и Тоня. И по омовеніи ногтей и благодарственной молитвы за возвращенье души, отнятой во снѣ, усаживались за столъ, оплакивали плѣненіе Іудеи, разрушеніе храма, пѣли гимны, псалмы покаянные.

И послѣ этого отецъ и старшіе братья углублялись въ „Зогаръ",—въ эту мудрую книгу таинственной Каббалы, а Натанъ принимался за сборникъ легендъ о житіи мужей праведныхъ и о козняхъ Асмодея.

Онъ, Асмодей, всегда искушаетъ праведныхъ,—въ образѣ прелестницы искушаетъ онъ слабость человѣческую. И отъ его коварства есть только одно вѣрное средство: кольцо съ подлиннымъ титуломъ Вѣчносущаго,—сорокъ два священныхъ имени.

Натанъ постоянно мечталъ объ этомъ завѣтномъ перстнѣ: добыть его—и навсегда избавишься отъ искушенія.

Еще любимой книгой Тони былъ Исаія. Видѣнія великаго пророка іудейской земли, его негодующія обличенья богатыхъ и сильныхъ, грезы пророка о свѣтломъ грядущемъ, о братскомъ единеніи человѣчества со всѣми тварями,—волновали умъ мальчика, уносили его воображенье въ дивные предѣлы радужныхъ мечтаній.

Мозгъ Натана постоянно былъ въ работѣ. И порой въ молчаніи ночи мальчику чудились таинственные голоса... Изъ мрака его окликали:

— Ната-анъ! На-танъ! Рабъ мой Натанъ!

Онъ трепетно вслушивался въ таинственный зовъ, и ему

мнилось, что это гласъ неба: Богъ его призываетъ!.. Какъ нѣкогда пророка Самуила, Онъ предназначаетъ его къ великому служенію... Быть можетъ, ему, отпрыску раввиновъ, потомку благочестивыхъ, быть можетъ ему пріуготованъ великій удѣлъ: онъ Господомъ избранъ орудіемъ избавленія Израиля отъ гнета плѣненія?

И въ сладостномъ восторгѣ замирало сердце.

* * *

Со свѣтскими книжками Натана познакомилъ сказочникъ хедера, кривоглазый Исосъ. Сначала давалъ ему сказки и разсказы, потомъ сталъ доставлять „романы".

Тоня увлекся, часами просиживалъ за этими книжками, и старшіе на него недовольно косились: зачѣмъ тратить время на пустяки, на легкомысленные пустяки?

— И что это у него за дружба съ этимъ кривоглазымъ? Ровня онъ ему?

— Исосу, рожденному въ семьѣ портного, сыну ремесленника, несвѣдующему въ писаніи, тому и подобаетъ возиться съ жаргонными побасенками, но Тонѣ, внуку раввина?

Сдѣлали строгое внушеніе. Отобрали книжки. И отъ этого страсть мальчика къ жаргоннымъ книжкамъ еще больше распалилась. Пустился на хитрости сталъ, прибѣгать къ уловкамъ. Въ свободные отъ школьныхъ занятій дни, по субботамъ и праздникамъ, уходилъ въ молитвенный домъ для того будто, чтобы тамъ, въ мирной тишинѣ храма спокойно заняться писаніемъ.

Изъ библіотечнаго шкафа онъ выбиралъ самый объемистый фоліантъ, усаживался въ укромномъ мѣстѣ, раскрывалъ книгу, и на ея раскрытыхъ страницахъ клалъ „романъ". Сидѣлъ и упивался запретнымъ. И воображеніе выростало, и окрылялось, и носилось по широкому міру, по безграннымъ предѣламъ вымысла и свѣтлыхъ сказаній...

...Попался Натану какъ то учебникъ исторіи. Онъ прочелъ его съ захватывающимъ интересомъ. Точно въ колоссальной панорамѣ предъ мальчикомъ прошло прошедшее народовъ земли, угасшихъ и живущихъ, загадочное появленіе невѣдомыхъ племенъ, внезапное возвышеніе націй, паденіе царствъ... И изъ всѣхъ событій историческихъ эпохъ успѣхи турокъ при завоеваніи имперіи восточныхъ цезарей особенно привлекли чуткое вниманіе Натана.

Сталъ грезить войной: освобожденіемъ старой родины...

* * *

Было девятое число мѣсяца Ава, день поста и плача—скорбная годовщина разрушеніе Іерусалима римлянами.

Какъ и всѣ школьники, Тоня послѣ утрени, побывалъ на кладбищѣ. Пошелъ туда препоясанный мечомъ. По старинному обычаю, въ этотъ день къ покойникамъ — на поле мертвыхъ — подростающее поколѣніе должно явиться вооруженнымъ: вооруженныя дѣти—символъ былой мощи свободной Іудеи...

Вотъ нестройными рядами маленькіе воины стали у каменныхъ памятниковъ. Скорбное пѣніе вѣчной памяти, сухой трескъ, — ломаютъ оружіе, — и обломки мечей дѣти тихо втыкаютъ въ невысокіе курганы дѣдовскихъ могилъ: пала Іудея, обезоруженъ Израиль,—плѣнникъ... рабъ...

Съ погоста Натанъ возвращался вмѣстѣ съ Исосомъ. Шли, разговаривали, вспоминали былую славу предковъ, и Натанъ посвятилъ Исоса въ свои завоевательные планы. Быстро шагая, онъ возбужденно говорилъ: имъ обоимъ уготовано великое поприще!

Когда они станутъ взрослыми, они должны будутъ обойти всѣ четыре страны свѣта: евреи вѣдь разсѣяны по всѣмъ концамъ земли. И въ каждой странѣ призывать дѣтей Израиля въ возстанію, чтобы вооруженной рукой вернуть Ханаанъ, священный удѣлъ избраннаго народа.

И, переходя изъ края въ край и проповѣдуя избавленіе, они соберутъ армію новыхъ Маккавеевъ,—стотысячную!

Потомъ купятъ сто тысячъ лошадей,—и въ походъ!

И знамя у нихъ будетъ—огненное. И гербъ знамени—старый гербъ священной земли—левъ Іегуды!

Если собственныя силы окажутся недостаточными, и понадобится подмога, — они обратятся къ грекамъ: вѣдь и у тѣхъ измаильтяне родину ограбили. Греки, конечно, присоединятся. Они съ радостью примкнутъ къ еврейской арміи. Выставятъ свое войско, вспомогательный отрядъ, сорокатысячный. Больше и не потребуется. И за эту подмогу, при дѣлежѣ, имъ будетъ возвращена ихъ древняя столица,—Константинополь. А также и другіе города, которые нѣкогда грекамъ принадлежали. По справедливости.

И съ такими силами они у внуковъ наложницы Агари—отнимутъ страну завѣта,—страну праотцевъ, — законное наслѣдство законнаго сына Авраама.

Планы Натана Исосъ нашелъ выполнимыми. И уже вдвоемъ они посвящаютъ въ свои замыслы Вигдора и еще двухъ сверстниковъ. И всѣ вмѣстѣ, въ числѣ пяти, обра-

зуютъ военный орденъ „Новые Маккавеи“. И приступаютъ къ подготовительнымъ работамъ.

Обложили себя „десятиной“: двѣ копѣйки въ недѣлю съ каждаго. Деньги эти—фондъ на расходы войны избавленія. Казначеемъ сталъ Исосъ.

И, по истеченіи двухъ недѣль, когда въ казнѣ скопилось двадцать копѣекъ, Исосъ поссорился со всѣми членами ордена и захватилъ кассу. И по всему хедеру разболталъ про орденъ, издѣвался надъ ними, дразнилъ. И, подмигивая испорченнымъ глазомъ, спрашивалъ съ задорнымъ ехидствомъ:

— Маккавеи! Гдѣ же ваша конница? Сто тысячъ лошадей?

Школьники подхватили новую кличку, проходу не давали, бѣгали за Тоней и дразнили, распѣвая:

— Ссс-сто тыщъ! Сс-сто-о тыщъ!

— Ой! Эй, ай! сто тысячъ ло..!

— Ло-ло-ло! Лошадей!

Такъ окончились первыя мечтанія Натана Маймона.

VI.

Весной предъ пасхой и ранней осенью, недѣли за двѣ до еврейскаго новаго года, въ городъ прибывали книгоноши.

У Маймоновъ, какъ и во всякомъ благочестивомъ домѣ, эти странствующіе продавцы радостно встрѣчались всѣми домочадцами. У страниковъ, въ ихъ тростниковыхъ коробахъ, громоздкихъ и обшитыхъ парусиной, были молитвенники, катехизисы, божественныя книги. Была также бѣлая палестинская земля въ конусообразныхъ мѣшечкахъ, чудодѣйственныя дудочки изъ Іорданскаго тростника, цѣлебныя травы съ могилы праматери Рахили, ладонки на освященномъ пергаментѣ.

Все это сбывалось хворымъ, сбывалось немощнымъ; старикамъ, старушкамъ богомольнымъ. А для молодежи, для тѣхъ, кто искалъ свѣтской мудрости, — во второмъ потайномъ днѣ короба хранилось запрещенное: стихи и проза новоеврейской литературы, популярныя брошюры о явленіяхъ природы—„мудрость натуры“, и даже русскіе буквари.

И у одного изъ такихъ странствующихъ просвѣтителей, Натанъ, на четырнадцатомъ году, научился русской азбукѣ.

Склады онъ прошелъ самъ, безъ помощи учителя: читать научился по вывѣскамъ лавокъ и кабаковъ.

Любознательность мальчика была возбуждена, но научиться большему не оказалось возможнымъ: единственная свѣтская школа города, народное училище, было доступно только для христіанъ.

И сами евреи считали и зазорнымъ и даже грѣховнымъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье къ иновѣрцамъ: у нихъ въ школахъ принуждаютъ сидѣть съ непокрытой головой,— безъ шапки, писать по субботамъ.

И вотъ, въ началѣ осени, какъ разъ къ тому времени, когда въ хедерѣ началось второе — зимнее полугодіе, на телеграфныхъ столбахъ базарной площади, у почты, на заборахъ синагоги и молитвенныхъ домовъ наклеили крупныя объявленія. Жителей-евреевъ оповѣщали: училище преобразовано въ шестиклассное городское, и отнынѣ доступъ туда открытъ для всѣхъ безъ различія націи и вѣры.

„Афишки"—такъ горожане назвали объявленія — встревожили городъ. Благочестивые люди считали ихъ порожденіемъ *его самого*, того, чье мерзкое имя не должно произносить въ еврейскомъ домѣ.

Старики опасались, какъ бы слабые не впали въ соблазнъ. Принимали мѣры. Три субботы подрядъ раввинъ въ синагогахъ предостерегалъ паству, уговаривалъ отцовъ и опекуновъ не искушаться, не уклоняться отъ *пути*, — не отдавать дѣтей, еврейскихъ дѣтей въ руки къ иновѣрнымъ.

* * *

Въ хедерѣ ребъ Менахема „афишки" вызвали горячіе споры. Гадали школяры: попадетъ ли кто изъ сверстниковъ въ „классы", — такъ ученики хедера называли школу христіанъ.

Сѣтовали. У нихъ, у „гоевъ"—у иновѣрныхъ—хорошо у нихъ! Очень превосходно!

Вигдоръ сказалъ и скорбно пригорюнился.

— Поучатся немножечко, попишутъ себѣ тамъ, и сейчасъ имъ уже даютъ перемѣну. Вотъ какъ у нихъ!

— А послѣ двухъ такихъ перемѣнъ, есть у нихъ еще третья. И называется „Большая", — она ббальш-ша-а-ая, — большущая! Можетъ на цѣлые полчаса!

— Чшто-о! „Полчаса"? На часъ! На цѣлый часъ!

Тощенькій малышъ съ анемичными губками и завитыми локонами у висковъ восторженно протянулъ сжатый кулачекъ.

— А на перемѣнахъ у нихъ игры: гуляютъ, бѣгаютъ на перегонки, играютъ въ „краски", въ „войну", въ „мнячъ".

И учитель ихній тоже. Онъ тоже играетъ съ ними! Вотъ, еслибы и у насъ такъ!

Нѣсколько голосковъ, сразу и перебивая другъ дружку, заспѣшили, захлебываясь въ завистливомъ восторгѣ.

— Вообразимъ... представимъ себѣ нашего ребе, — ребъ Менахема... что онъ играетъ съ нами... таки въ „мнячъ". Задралъ фалды своего длиннополаго кафтана и бѣжитъ,— чтобъ поймать его,—мнячъ! Бѣжитъ и его пейсы трясутся, ххи-хх-и!

Исосъ сострилъ и шумно прыснулъ. За нимъ весело захохотали остальные, но смѣхъ быстро оборвался,—замеръ. Дѣти укоризненно посмотрѣли на Исоса. Угрюмо помолчали, опять заговорили.

— А послѣ обѣда у нихъ уже не учатся, — вовсе не учатся!

— Они послѣ обѣда дома остаются!

— А чтобъ учиться ночью, какъ у насъ въ зимнемъ полугодіи, такъ у нихъ это совершенно не заведено! Никогда!

— А лѣтомъ у нихъ каникулы. Все лѣто. Съ мая и до самого до половины августа каникулы у нихъ!

— Тогда они вовсе не учатся. Иди себѣ тогда въ степь, лови сверчковъ, лови стрекозъ.

— Иди себѣ къ морю. Купайся... Хоть три раза въ день,— хоть съ утра до вечера!

— Хор-рош-шо! Очень великолѣпно!

— А у насъ лѣтомъ все равно, какъ всегда: у насъ каникулъ не полагается.

— Для дѣтей еврейскихъ не устраиваютъ такъ, чтобы они лѣтомъ гуляли!

Грустно умолкли. Молчали недолго, снова заговорили.

— У нихъ, у иновѣрныхъ учиться хорошо. Ихній ребе, учитель не дерется, не сѣчетъ. Тта-акъ... поставитъ тамъ въ уголъ или на колѣнки... пустячное!

— Въ уг-го-олъ!.. на колѣнки! Это тоже называется наказанье? Ха!

Дѣти еще долго увлекались прелестями „классовъ", и когда возвращались изъ хедера, по дорогѣ домой, Тоня по секрету сообщилъ Вигдору: завтра же онъ отправится туда, въ „классъ" и запишется въ ученики.

Вигдоръ усомнился: посмѣетъ ли Тоня? Вѣдь отецъ, когда объ этомъ узнаетъ, онъ его за такой поступокъ искалѣчитъ.

Натанъ настаивалъ: пойдетъ, непремѣнно пойдетъ, не-

премѣнно поступитъ въ школу,—отъ отца же онъ съумѣетъ скрыть, устроить такъ, чтобъ онъ не узналъ.

Заспорили. Побились объ закладъ. Пари держали на двѣ дюжины пуговицъ.

* * *

На слѣдующій день, послѣ заутрени, Натанъ прямо изъ синагоги направился въ городское училище.

Чтобы избѣгнуть встрѣчи съ евреями, онъ пошелъ особой дорогой, — пробирался окраиной. Тамъ обитали только русскіе, и оттого Тоня всю дорогу тревожился: какъ бы не напали собаки, пьяные мужики.

Шелъ, оглядывался ежеминутно, повторялъ старательно заученное имъ „вступительное слово". Съ рѣчью этой онъ обратится къ учителю, къ самому главному, къ тому, кто завѣдуетъ пріемомъ учениковъ.

Шагалъ, пугливо волновался, шепталъ: „Желаю быть ученикомъ вашимъ. Очень прошу, очень умоляю дать мнѣ возможность вкусить отъ плодовъ сладостныхъ древа животворнаго, древа знанія великихъ мудрецовъ міра, какъ сказано у Соломона царя: „блаженъ, нашедшій мудрость".

Пришелъ. Несмѣло открылъ двери, попросилъ сторожа, чтобы доложилъ о немъ самому главному учителю.

Когда тотъ показался, Тоня оробѣлъ. Во всполошенномъ сознаніи мальчика заметалась ужасная мысль: здѣсь, внѣ еврейскаго міра, онъ одинокъ, беззащитенъ... и его отсюда не выпустятъ... Запрутъ... На замокъ запрутъ! И окрестятъ!

... Учитель ласково поздоровался, улыбнулся мягко, привѣтливо спросилъ,—деликатно спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

И исчезла тревожная мысль, нырнула обратно... какъ тяжелый комъ она грузно опустилась въ отдаленныя глубины сознанія, опустилась и замутила его. И въ мозгу у мальчика все спуталось и почему-то ссохлись губы...

Забылъ поклониться, снять шапку, залепеталъ:

— Я... источникъ сладостный... ученикъ древа... примите въ животворнаго... въ Соломоны... Царя Соломона... Мудрый... какъ сказано...

Сбился. Тоскливо смолкъ. Изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ скупо выступили слезы смущенья.

Учитель успокоилъ Натана, попросилъ его присѣсть. И Тоня ободрился, поправился и уже плавно прочелъ свое вступительное слово.

Его повели въ классъ, проэкзаменовали и приняли. Ска-

зали, чтобы завтра, когда явится на ученье, принесъ съ собою бумаги,—документы.

Смутился. Помолчалъ въ замѣшательствѣ, потомъ объяснилъ, что бумагъ доставить не можетъ, потому что сюда пришелъ безъ вѣдома, тайкомъ отъ своихъ: тѣ противъ его поступленія въ училище. Они опасаются, что здѣсь, въ русской школѣ заставляютъ нарушать законы еврейской вѣры. И вотъ надо имъ доказать, что это неправда, и, когда они убѣдятся, тогда ему позволятъ.

Учитель согласился. Объявилъ, что по субботамъ и въ еврейскіе праздники онъ, Маймонъ, будетъ освобожденъ отъ школьныхъ занятій и велѣлъ на слѣдующій день явиться въ училище.

И сложилось такъ, что у ребъ Менахема не возникло никакихъ подозрѣній. Натану удалось увѣрить своего наставника, что теперь онъ уже не можетъ приходить въ хедеръ раньше обѣда, потому что долженъ до перваго часа оставаться у дѣдушки раввина. Тотъ рѣшилъ принять теперь непосредственное участіе въ его воспитаніи.

Ребъ Менахемъ повѣрилъ.

VII.

Прошелъ первый урокъ, прозвенѣли къ перемѣнѣ, и ученики шумной гурьбой высыпали на училищный дворъ. Натанъ остался. Неловко, съ радостной робостью онъ медленно ходилъ по классу.

Нравилась строгая важность высокихъ залъ,—свѣтлыхъ, просторныхъ; ряды удобныхъ партъ, классная доска на деревянныхъ подмосткахъ, губка, бѣленькими конусами куски мѣла...

Учительская каѳедра, точно въ синагогѣ... Со стѣнъ величаво глядѣли портреты царей въ золоченыхъ рамахъ, въ мантіяхъ, въ діадемахъ. Съ загадочной таинственностью смотрѣли полотна полушарій... Извилистыя ленточки рѣкъ, синія пятна озеръ, узенькія тесемочки дорогъ желѣзныхъ, прихотливыя очертанья морей, земель. Глобусъ.

Все это непонятное привлекало и трогало: душа мальчика была объята свѣтлой теплотой. И лишь одно омрачало мирную гармонію: въ классѣ, въ углу противъ входа висѣла икона... И предъ нею въ розовой лампадкѣ теплился малиновый огонекъ,— огонекъ жертвы...

* * *

Быстро прошло очарованіе. На сотню русскихъ дѣтей, Тоня оказался единственнымъ иноплеменникомъ,—и на тѣхъ самыхъ перемѣнахъ, о которыхъ такъ восторженно мечтали ученики хедера,—въ эти заманчивые часы веселыхъ игръ школьники-христіане остервенѣло глумились надъ евреемъ.

Они буйно обступали Натана цѣлыми десятками. Дергали за фалды смѣшного кафтана, длиннополаго, нелѣпо сшитаго. Драли за локоны у висковъ—за пейсы. Нападали сзади, хватали за локти, за плечи, держали крѣпко, чтобъ не могъ сопротивляться.

Крестили. Натирали губы свининой.

Порой валили на земь, садились ему на руки, на ноги, разстегивали пуговицы у брюкъ и съ тягучимъ припѣвомъ:

— Жжж-жи-идъ, пога-не-цъ!
Ппа-аррххъ, обрѣза-не-ецъ!

съ хохотомъ плевали въ разстегнутое отверстіе брюкъ.

Когда надоѣдало плевать, вскакивали съ криками, брались за руки, шли вкругъ Маймона хороводомъ, гримасничали. И поддѣлываясь подъ еврейскій акцентъ, водя пальцами у висковъ, у воображаемыхъ пейсовъ, съ ужимками и дурашливымъ припѣвомъ:

— Ой вей! Ой вей!

— Тателе-мамеле!

Тянули кощунственную пѣсенку о грубой дракѣ боговъ, русскаго и жидовскаго.

Пѣли, какъ русскій Богъ надругался надъ еврейскимъ въ его же домѣ, „въ жидовской синагогѣ“. Избилъ его, повалилъ на полъ, сталъ сѣчь.

Отъ страха жидовскаго Господа прослабило. Заголосилъ. Сталъ звать на помощь.

И сбѣжались къ нему исповѣдующіе его, и они, желая утѣшить своего обиженнаго и избитаго божка, пали предъ нимъ ницъ, цѣловали его тѣло, ступни, умыли и его этой же водой умыли и себѣ головы. Мыли и пѣли:

Нна-ашъ ббо-оххъ!

. . . .

Головы вымазали, а виски остались,—оттого у жидовъ и пейсы.

Натана душило негодованіе. Разъяреннымъ бросался онъ на хулителей Святого Имени, бросался—и его избивали.

Положеніе мальчика стало невыносимымъ. Просить защиты у учителя онъ не могъ: традиція хедера сурово осуждала малѣйшую жалобу на товарищей, она ихъ равняла доносу.

Сталъ раздумывать, не уйти-ли—оставить училище? Обида истерзала его. И когда ужъ совсѣмъ собрался оставить школу, явился нежданный защитникъ.

Первый силачъ училища, девятнадцатилѣтній третьеклассникъ Первушинъ, сильный, какъ Самсонъ, и рослый, какъ Голіафъ, на одной изъ перемѣнъ громко объявилъ:

— Хаимъ (Первушинъ почему-то окрестилъ Натана Хаимомъ, причемъ поставилъ удареніе на „имъ“).

— Хаимъ—мой жидокъ! Беру его подъ свою высокую руку! И кто его тронетъ, тому голову съ плечъ!

Угроза перваго силача школы подѣйствовала; Маймона перестали травить. Но самъ покровитель, въ награду за свое великодушіе, изрѣдка разрѣшалъ себѣ пугнуть своего пріемыша свининой. Но только пугать. Да порой въ минуты особаго расположенія къ Натану, Первушинъ пальцами крутилъ у висковъ: будто завивалъ пейсы.

Впрочемъ заступничество перваго силача школы длилось недолго. По истеченіи мѣсяца со дня своего поступленія въ училище, у Маймона минула надобность въ особомъ защитникѣ: Натанъ первымъ шелъ по ариѳметикѣ. И его недавніе гонители при рѣшеніи замысловатыхъ задачъ, сами теперь искали помощи у перваго математика класса,—такъ они стали почтительно титуловать Маймона.

Къ этому времени и евреи города примирились съ училищемъ, и въ школу сразу поступило съ десятокъ еврейскихъ мальчиковъ. Уладилось дѣло и съ родными. Инспекторъ лично побывалъ у отца Маймона. Цѣлый часъ провелъ у него. Наединѣ.

О чемъ они говорили, для Натана осталось неизвѣстнымъ, но, повидимому, визитъ важнаго чиновника польстилъ старику, и онъ далъ свое согласіе, чтобы сынъ посѣщалъ школу.

И стали сбываться мечтанья. Натанъ прилежно учился. Не пропускалъ ни одного урока. И только по вторникамъ и пятницамъ, въ тѣ часы, когда въ его классѣ шелъ „Законъ Божій“, только тогда онъ отсутствовалъ.

* * *

Однажды законоучитель школы, настоятель городского собора протоіерей Гавріилъ, явился на свой урокъ не въ обычное время.

Натанъ Маймонъ былъ въ классѣ, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на передней партѣ съ краю. Когда вошелъ священникъ, и Натанъ понялъ, что сейчасъ начнется урокъ „За-

кона“,—Маймонъ поднялся со скамьи, намѣреваясь уходить.

— Сиди. Ничего.

Протоіерей городского собора ласковымъ жестомъ указалъ еврею, чтобы сѣлъ. Уйти теперь ужъ было неловко. Маймонъ опасался, что его уходъ сочтутъ за демонстрацію, и остался.

Сидѣлъ, слушалъ и изумлялся: старый попъ, тотъ, кого онъ, Маймонъ, считаетъ служителемъ Ваала, онъ излагаетъ своимъ ученикамъ, русскимъ,—онъ имъ излагаетъ главу изъ Торы... Священной книги Бога?!

— Имъ, маленькимъ язычникамъ, онъ — жрецъ языческій—повѣствуетъ объ исходѣ евреевъ изъ земли Египетской!.. Говоритъ о чудесахъ, проявленныхъ Саваоѳомъ, Господомъ Силъ, чрезъ Моисея Наставника... Титулуетъ Моисея пророкомъ Божіимъ,—величайшимъ изъ всѣхъ пророковъ...

— Какъ же такъ?

— Вѣдь они... вѣдь всѣ они: русскіе... христіане,—они же всѣ идолопоклонники!

Недоумѣвалъ, разводилъ подъ партой руками.

— Служатъ... чтутъ... поклоняются издѣліямъ рукъ человѣческихъ...

— Боги ихъ изъ дерева... серебра... изъ золота...

— Вотъ же этотъ, что виситъ вонъ тамъ,—въ углу... въ золоченомъ одѣяніи...

— Идолопоклонники и... и чтягъ Истиннаго? Признаютъ Іегову? Бога Живаго... Господа Авраама, Исаака и Іакова...

— Какъ же это примирить, согласовать? Странно... Непонятно...

Въ сознаніе еврея рѣзко вошло новое. Вошло и смутило привычное.

Смущенно ерзалъ на скамьѣ, и его душу наполняла горделивая радость: и невѣрные преклоняются предъ лицомъ Бога Израиля!

Межъ тѣмъ законоучитель продолжалъ свой урокъ. Отецъ Гавріилъ разсказывалъ,—говорилъ съ умиленіемъ,—о переходѣ черезъ Чермное море избраннаго народа (такъ и сказалъ: „избранный народъ“), въ яркихъ краскахъ и съ одушевленіемъ обрисовалъ гибель фараона и всего воинства египтянъ, радовался торжеству евреевъ.

Отъ древнихъ іудеевъ священникъ перешелъ къ настоящимъ. И о нихъ также отозвался съ похвалой: богобоязненны, трезвенники, почитаютъ старшихъ, бѣдняковъ своихъ безъ помощи не оставляютъ. Праздники свои проводятъ

чинно: въ молитвѣ, въ мирномъ отдыхѣ. Добрымъ примѣромъ могутъ служить и для христіанъ.

По окончаніи урока настоятель городскаго собора подошелъ къ Маймону, сталъ его разспрашивать: чей онъ, давно-ли поступилъ въ школу? Пригласилъ бывать на урокахъ Закона Божьяго, сказалъ при этомъ: „это тебѣ на пользу будетъ".

Натанъ ничего не отвѣтилъ соборному протоіерею. Въ сердцѣ своемъ рѣшилъ: „не стану ходить. Ибо сказано: изъ устъ отступника и отрицателя и хорошаго не слушай,—говоритъ бо съ злымъ умысломъ".

Такъ Натанъ думалъ. Но что-то подзадоривало и дразнило его любопытство. И сталъ бывать.

VIII.

Прошло шесть недѣль. Натанъ прослушалъ значительную часть ветхозавѣтной исторіи: и о Богоявленіи на Синаѣ и о странствіяхъ по пустынѣ, о тельцахъ золотыхъ.

О грѣхопаденіи Израиля старый священникъ говорилъ со скорбнымъ негодованіемъ.

А Натанъ слушалъ и поражался. Не понималъ: — Обличаетъ идолопоклонство другихъ, искренно негодуетъ, — а самъ?

Слушалъ мальчикъ, и недоумѣніе его росло: почему же разница? Зачѣмъ крестъ? Отчего отвергаютъ субботу, обрѣзанье?

— Это же главнѣйшая изъ заповѣдей... Символъ нерушимаго единенія между вѣрующими и Іеговой...

— Почему вражда, гоненья?

— И мальчики, вотъ они, его сотоварищи по школѣ,— изучаютъ библію, еврейскую библію, признаютъ ее божественной,—значитъ... выходитъ, что считаютъ ее истинной... вѣрятъ въ то же самое, что и мы, — евреи... Вѣрятъ и... и издѣваются надъ своей же вѣрой! Какъ же это можно?!

— ... Кощунственно глумятся надъ Богомъ Израиля, то-есть надъ своимъ же собственнымъ Господомъ!..

— И зачѣмъ-то называютъ: „русскій Богъ", „еврейскій Богъ"? Вѣдь сами же утверждаютъ: Богъ единъ.

— Какъ же такъ?

Выросъ большой вопросъ, предсталъ рѣзко, властно требовалъ отвѣта. И шаталось обезпокоенное привычное, оно безпомощно металось въ путахъ недоумѣнья.

Не къ кому было обратиться за разъясненіемъ, не съ кѣмъ было подѣлиться тревожными думами.

Съ отчаянія сталъ разспрашивать своего меламеда. Опасаясь признаться ребъ Менахему, что посѣщаетъ уроки христіанскаго священника, представилъ наставнику дѣло въ такомъ видѣ. Онъ, Тоня, случайно слушалъ, какъ у нихъ на кухнѣ одинъ изъ работниковъ отца, рыбакъ, читалъ книгу, и въ книгѣ той сказано, что они, христіане, признаютъ Тору,—считаютъ ее Богоданной.

— Является вопросъ: если это такъ, почему же они не исполняютъ ея заповѣди? И почему, вообще, разница?

Ребъ Менахемъ отвѣтилъ:—Дѣйствительно, точно признаютъ. И не признавать не могутъ! Тора — это же солнце, свѣтило міра. А кто, какой безумецъ, дерзнетъ отрицать солнце?

— И всѣ племена, всѣ народы земли,—всѣ твари: рыбы въ нѣдрахъ водъ, звѣри въ лѣсу, животныя, птицы въ поднебесьи, деревья, злаки полевые,—всѣ преклоняются предъ Истиннымъ Богомъ, Богомъ Силъ.

— И все же русскіе—язычники. То-есть на половину, полуязычники.

Еврей сослался на очевидность: не соблюдаютъ установленій Торы, синайскаго законодательства. Поклоняются издѣліямъ рукъ человѣческихъ, употребляютъ въ пищу кровь животныхъ, жрутъ нечистое, напримѣръ, свинину. Не обрѣзываются. И еще приводилъ примѣры.

Натану наставникъ ничего не разъяснилъ, и не улеглась его душевная тревога.

* * *

Былъ среди школьниковъ хромой Филька. Серьезный, молчаливый мальчикъ. Избѣгалъ шума, веселья, игръ. На перемѣнахъ всегда съ книжкой, priткнется гдѣ-нибудь въ углу и читаетъ.

Натанъ Маймонъ также не участвовалъ въ школьныхъ играхъ. Во время перемѣнъ онъ занимался, готовилъ уроки къ слѣдующему дню. И въ промежуткахъ между уроками только они двое: Филька и Натанъ оставались въ опустѣломъ классѣ; сидѣли, читали и изрѣдка перекидывались словомъ.

Разговорились какъ-то. Подѣлились мыслями. И Филька повѣрилъ товарищу свою завѣтную мечту. Его умъ только однимъ и занятъ: какъ спастись, уйти отъ соблазна міра. И онъ думаетъ о монашествѣ. Да вотъ,—несовершеннолѣтенъ. А такихъ безъ согласія родителей въ монастырь не принимаютъ. А его отецъ и мать о монастырѣ и слушать

не хотятъ. Онъ, Филька, ихъ не осуждаетъ, грѣхъ вѣдь осуждать старшихъ, родителей. Но вѣдь Бога любить надо больше всѣхъ,—больше родителей!.. Чтожъ... придется потерпѣть: подождать пока достигнетъ двадцати одного года,—совершеннолѣтія.

Въ словахъ Фильки Натанъ почуялъ родственное настроеніе, и онъ свелъ разговоръ на то, что теперь его неотступно томило.

— Вотъ, Филя!..

Немного замялся, осмотрѣлся, заговорилъ, странно растягивая слова.

— Вотъ слушай... я хочу тебя одно спросить... вы, русскіе, нашу библію признаете? И... заповѣди... десять заповѣдей? И Моисея пророка... да-а?

— Ну, а то какъ же! Наша вѣра у грековъ взята, а греки ее отъ васъ получили.

— Такъ почему же разница? У насъ одно, у васъ другое?

Натанъ оживленно придвинулся къ Филькѣ.

— Какъ это?

Филька не понималъ.

— Насчетъ чего ты?

— Да вотъ... Смотри.

Еврей возбужденно показалъ руку, сжатую въ кулакъ, раскрылъ его, сталъ оперировать пальцами.

— У васъ крестъ, иконы,—а у насъ поклоненье какимъ-либо изображеніямъ—величайшій грѣхъ есть! Это тебѣ разъ.

Натанъ загнулъ мизинецъ.

— У насъ суббота, у васъ воскресенье,—это тебѣ два!

Загнулъ слѣдующій палецъ.

— Мы чтимъ одни праздники, вы другіе,—уже имѣешь три.

— Не обрѣзываетесь, не кушаете на пасху мацы, опрѣсноковъ,—четыре!

— И кровь животныхъ, и... и свинина... и вотъ, мальчики говорятъ: „русскій Богъ“, „жидовскій Богъ“... Вотъ тебѣ всѣ пять!

Торжествующе протянулъ сжатый кулакъ.

— Понялъ?

Спросилъ и выжидательно примолкъ.

— Видишь-ли...

Филька страдальчески поморщился. Затруднялся. Онъ искалъ нужныхъ словъ, подходящихъ выраженій. Заговорилъ задумчиво, раздѣльно.

— Дѣйствительно, что такъ... Ваша вѣра, іудейская,

раньше считалась первой, истинной... до... до Іисуса Христа. И вы, евреи, вы тогда тоже... назывались тогда „первый народъ“. Избранный Богомъ. Ну, а когда явился Спаситель міра, и вы Его не признали... потому такъ было предсказано, въ священномъ писаніи...

Филька въ замѣшательствѣ оборвалъ себя. И, опасаясь, что причиняетъ товарищу острое страданіе, сказалъ съ застѣнчивой скорбью:

— И вы Его распяли...

Опустилъ глаза, вздохнулъ съ глубокимъ сокрушеніемъ.

— Тогда ужъ мы стали первыми. Это послѣ того, какъ вы отреклись отъ Іисуса Христа...

Христіанинъ заволновался, воодушевился, заспѣшилъ Увлеченно заговорилъ о крестныхъ мукахъ Сына Божія, о предательствѣ Іуды, о предсказаніяхъ пророковъ. Сбился. И тогда сказалъ:

— Не могу... Я не въ состояніи тебѣ всего хорошенько обсказать... все это... какъ оно тамъ было... Я все хорошо понимаю, ну, а только что другимъ я еще передавать не умѣю... какъ слѣдуетъ. Ну, и я вотъ лучше тебѣ дамъ книгу. Тамъ, въ книгѣ этой, все есть. Все, какъ слѣдуетъ. И ты ее прочти, и тебѣ все понятно станетъ. Потому, въ книгѣ все очень хорошо объяснено. Называется книга: „Священная Исторія“. И ихъ двѣ части: Ветхій Завѣтъ,— это вашъ, и Новый Завѣтъ,—нашъ.

— Ты сначала прочтешь первую, а кончишь, возвратишь ее мнѣ, и я тебѣ вторую дамъ. Хорошо?

Натанъ согласился. И Филька суетливо захлопоталъ. Заковылялъ къ своей партѣ, досталъ ранецъ, вытащилъ его, вынулъ книгу и отдалъ ее Маймону.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Осиповичъ.

НЕЛЛИ.

Помнишь ли ты, Нелли: паруса бѣлѣли,
Мчалась наша шхуна въ предразсвѣтной мглѣ...
Гдѣ съ тобой мы были: къ небу-ль мы летѣли,—
Или наше небо—было на землѣ?!

Помнишь ли ты, Нелли: старыя качели
Вечеромъ качались—къ небу отъ земли,
Вновь къ землѣ стремились, къ небу вновь летѣли,
Но оставить землю, Нелли, не могли!

Помнишь ли ты, Нелли: астры помертвѣли,
Осень къ намъ подкралась—вѣстница зимы...
Помнишь ли, какъ—„любимъ!"—мы сказать хотѣли,
И сказать боялись... и разстались мы...

Влад. Вѣтвицкій (Бѣлостоцкій).

Н. Г. Чернышевскій.

въ годы ученія и на пути въ университетъ.

V.

Намъ предстоитъ еще разъ вернуться къ письменнымъ работамъ Чернышевскаго уже болѣе зрѣлаго періода, когда онъ былъ въ семинаріи. Въ группѣ тетрадей 1844 года, объединенной подъ общимъ заглавіемъ „Задачи Ученика Нисшаго Класса Втораго Отдѣленія Николая Чернышевскаго“, находимъ тридцать два упражненія по словесности, двадцать одно латинское и десять сочиненій на темы по всеобщей исторіи. Всѣ эти упражненія, какъ по обдуманности, такъ и по почерку, неузнаваемо отличаются отъ прежнихъ. Упражненія латинскія представляютъ собою довольно свободныя изложенія на заданныя темы. Обычныя оцѣнки, дѣлавшіяся учителями, не выходили изъ разряда—bene, valde bene, recte et bene, admodum bene, elegantissime et optime sensa exposita. Одно сочиненіе Николай Гавриловичъ написалъ на тему—„An scholae publicae privatis sunt praeferendae?“,—гдѣ онъ весьма краснорѣчиво доказалъ преимущество частныхъ школъ надъ казенными, которыя, по его мнѣнію, обезличиваютъ учащихся, не давая выхода ихъ индивидуальнымъ способностямъ. Указавъ недостатки казенныхъ школъ, онъ закончилъ панегирикомъ въ честь домашняго воспитанія: — „Sane felicissimi sunt, qui domi erudiuntur prae iis, qui scholis tantum publicis erudiri possunt: et multo hi feliciores prae iis, qui omnino sunt non eruditi“. Учитель дважды подчеркнулъ эту фразу и въ своей рецензіи похвалилъ слогъ, но остался недоволенъ направленіемъ мыслей. „Sensuum expositio concinna et optima, sed sensuum directio, abusus scholarum publicarum solum modo spectans, fallax. Finis, ad quem scholae a summa Potestate diriguntur, silentia praeteritus est“. Рецензія эта очень любопытна: она показываетъ, въ какомъ почтительномъ отдаленіи слѣдовало держать самостоятельно развившуюся мысль отъ тѣхъ схоластическихъ формъ, какія прививались семинарской практикой.

И Чернышевскій отлично примѣнился къ этимъ формамъ.

Цѣлыя тетради исписывалъ онъ упражненіями на построеніе періодовъ, развивая и вширь и вглубь „предложенія логическія", въ родѣ: „должно обуздывать страсти"; періоды сравнительные, напр., „праведникъ, яко гора Сіонъ, не подвигнется во вѣки", періоды постепенные — „Богъ всѣхъ насъ влечетъ къ спасенію". Сдѣлавъ рядъ замѣчаній, учитель положилъ резолюцію: „Можно питать надежду, что авторъ современемъ будетъ мастеръ хорошій своего дѣла".

Особенно обстоятельны учительскія рецензіи подъ упражненіями въ составленіи хрій. Здѣсь среди одобрительныхъ и даже лестныхъ отзывовъ встрѣчались и такіе: „не мѣшало бы каждую посылку распространить чрезъ остальныя части хріи. Отъ чего въ сочиненіи было бы болѣе разнообразія и менѣе *сухости*"; или „сочиненіе очень дѣльное. Но приноравленія къ слушателямъ не сдѣлано. Во всемъ изложеніи замѣтна холодность, которая не шевелитъ души". Эта рецензія была положена на „Слово" на тему изъ текста — „Вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ". Были упражненія и въ діалогической формѣ, гдѣ требовалась уже извѣстная доля творчества, ограниченная, впрочемъ, очень строгими рамками указаннаго матеріала. Мы помнимъ дѣтскія переложенія разговоровъ Густава со Стефаномъ. Здѣсь мы видимъ нѣчто совершенно другое. „Разговоръ Іисуса Христа съ двумя учениками, шедшими въ Эммаусъ", находящійся въ одной изъ разсматриваемыхъ тетрадей, отличается большой ясностью мысли и легкостью изложенія. Задачей этой работы было показать, что страданія, смерть и воскресеніе Христа были предсказаны пророками. Наглядно показано сомнѣніе учениковъ вначалѣ, свидѣтельства пророковъ выбраны такъ искусно и приведены такъ кстати, что исчезновеніе сомнѣній у маловѣрныхъ является логически неизбѣжнымъ. Въ своей оцѣнкѣ этой работы учитель особенно оттѣнилъ глубокое знаніе Священнаго Писанія: „пріятно и утѣшительно видѣть—замѣтилъ онъ—основательное знаніе Священнаго Писанія" [1]).

---

[1]) Приведемъ для характеристики начало „Разговора":

„(*Ученики идутъ; лица ихъ выражаютъ глубокую печаль, за ними не въ далекѣ слѣдуетъ Іисусъ и при первыхъ словахъ разговора настигаетъ ихъ*).

Клеопа (продолжая начатый прежде разговоръ). Да! Какъ ни думай, что ни говори, а вотъ чѣмъ все кончилось!

Другой ученикъ: вотъ чѣмъ кончились всѣ чудеса его!

Кл. А того ли должно было ожидать?

Д. У. Странно и ужасно!

Іисусъ. Добраго пути! Но объ чемъ это вы говорите, и отъ чего лица ваши такъ печальны?

Кл. Неужели ты одинъ изъ всего Іерусалима не знаешь о случившемся здѣсь вотъ въ послѣдніе дни?"

Одно изъ упражненій состояло въ переложеніи послѣдняго псалма Давида 4-хъ стопными бѣлыми стихами. Съ обычнымъ усердіемъ Чернышевскій выполнилъ и эту задачу. Получилось слѣдующее произведеніе:

Азъ братьевъ всѣхъ своихъ моложе
Я былъ въ кругу семьи родной;
И не было меня юнѣе
Въ отцовскомъ домѣ никого.
Одна на мнѣ лежала должность,
Чтобы отцовскихъ пасть овецъ.
И съ младу пѣть я гимны началъ,
Творца чтобъ ими восхвалять,
И самъ себѣ органъ состроилъ
И десять—струнную псалтирь.
Никто посредникомъ межъ мною
И Богомъ будетъ, я сказалъ,
И кто Ему мои моленья
Въ чертогъ небесный принесетъ?
Никто! Онъ самъ меня услышитъ,
Мои моленья совершитъ;
И много разъ, меня онъ слышалъ,
Мои моленья исполнялъ;
И вотъ что онъ рукою мощной
Со мной, безсильнымъ, сотворилъ:
Съ небесъ Онъ Ангела послалъ мнѣ,
Чтобъ отъ овецъ меня воззвать,
И Самъ избранія елеемъ,
Меня помазавъ, освѣтилъ.
И сильны были и велики,
И старше братья всѣ меня,
Но ихъ Господь себѣ не избралъ;
Хотя моложе и слабѣе
Ихъ былъ я, но меня Всесильный
Свершить судьбу свою избралъ.

Въ этомъ духѣ ведется весь діалогъ. Между прочимъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, Іисусъ спрашиваетъ: „А вы надѣялись, говорите, что онъ Мессія?“

„*Кл.* И нельзя было не надѣяться; ученіе, дѣла и вся жизнь его были такъ высоки, такъ божественны, что его, или никого уже, должно было почесть Мессіей.

Д. У. А теперь разрушились всѣ надежды наши. Не таковъ долженъ быть Мессія. Всѣ пророки говорятъ о Немъ, какъ о Царѣ, предъ которымъ ничто всѣ цари земные, царствію котораго нѣтъ ни конца ни предѣла, какъ о Богѣ; возможно ли же признать его въ человѣкѣ претерпѣвшемъ столько уничиженія, умершемъ такою поносною смертью какъ Іисусъ?

I. Но точно ли предшествовавшая его жизнь показывала въ немъ Мессію?

Кл. Да, мы уже сказали и повторяемъ, что если его не должно было считать Мессіей, то уже нельзя и никого...“

Иноплеменнику на встрѣчу
Я вышелъ съ помощью Его;
Меня проклялъ онъ и на жертву
Своимъ богамъ подземнымъ далъ;
Но у него изъ крѣпкой длани
Легко я мечъ его исторгъ,
И сверженному мной на землю
Ему главу отсѣкъ я имъ;
И этимъ дѣломъ славнымъ съ племя
Израилева снялъ позоръ.

Учитель далъ этому произведенію весьма резонную оцѣнку: „Размѣръ вѣренъ, но поэзіи не видно"...

Въ 1845 г. темы для сочиненій становятся гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Одна изъ работъ доказывала, что образованіе человѣчества зависитъ отъ образованія молодого поколѣнія. Тяжеловѣсная неопредѣленность такой постановки вопроса лежала, конечно, на отвѣтственности учителя, но Чернышевскій ясно и послѣдовательно установилъ связь между задачами, лежащими на молодомъ поколѣніи и тѣмъ богатствомъ знанія и культуры, которое это поколѣніе получаетъ отъ прошлаго. „Знаніе — это неизсякаемый рудникъ,—пишетъ онъ,—который доставляетъ владѣтелямъ своимъ тѣмъ большія сокровища, чѣмъ глубже будетъ разработанъ". И онъ кончаетъ призывомъ къ неутомимой дѣятельности на полѣ знанія: „подумаемъ только,—ходъ образованія цѣлаго человѣчества зависитъ отъ нашей дѣятельности". Другія работы были на темы: „На какомъ основаніи логика называется гимнастикою мышленія?" (учительская помѣтка — „Такъ"); „Начало премудрости страхъ Господень"; „Боже, Боже мой, вскую оставилъ мя еси?"; „О началѣ и значеніи Ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній"; „О сущности міра"; „Постепенное прекращеніе первозданнаго существа въ явленія"; „О пространствѣ міра"; „О системѣ міра и космическихъ законахъ". Послѣднія четыре работы находятся въ связи и представляютъ собой самостоятельное изложеніе чтеній по космологіи. Рецензія носитъ весьма одобрительный характеръ; одна изъ нихъ гласитъ: „Прочитано съ удовольствіемъ". Выяснялъ Чернышевскій и „аналогію между образованіемъ сужденія и твореніемъ міра", писалъ и „о явленіи Бога Иліи на Хоривѣ", доказывалъ необходимость чтенія хорошихъ книгъ; въ сочиненіи на тему—„обманываютъ-ли насъ чувственные органы?"—Чернышевскій возражалъ Эккартсгаузену, утверждавшему невозможность опредѣлить соотвѣтствія нашихъ представленій о предметахъ самимъ предметамъ. Доказательства Эккартсгаузена Чернышевскій считалъ неубѣдительными. Если у насъ нѣтъ доказательствъ a pasteriori, опытныхъ, по свойству

самаго предмета изслѣдованія, то можно воспользоваться доказательствами a priori. Для какой же цѣли въ такомъ случаѣ даны намъ чувства, если они только обманываютъ насъ, слѣдовательно не помогаютъ, а вредятъ намъ, повергая насъ въ заблужденія? „А кто же былъ бы въ такомъ случаѣ виновникомъ обмана, въ который повергали бы насъ чувства? Безъ сомнѣнія Тотъ, Кто намъ далъ ихъ. Но чтобы Богъ былъ виновникомъ лжи и причиною обмана, это рѣшительно невозможно. А если невозможно то, чтобы Богъ былъ виновникомъ лжи, то мы должны согласиться, что Онъ не далъ намъ чувственныхъ органовъ, устроенныхъ такъ, чтобы они насъ обманывали“. Учитель оцѣнилъ сочиненіе отмѣткой „Очень хорошо“. Очевидно отвѣтъ на вопросъ совершенно удовлетворялъ требованіямъ учителя, излишнія же умствованія не допускались. Одна изъ работъ отличалась особой обстоятельностью, въ ученическихъ, конечно, предѣлахъ. Это была работа на тему „Откуда составилось у евреевъ понятіе о Мессіи, какъ Царѣ чувственномъ?“ Чернышевскій далъ историческое объясненіе. Главнѣйшей причиной развитія той мысли, что Мессія будетъ Царемъ земного владычества, было, по его указанію, политическое положеніе іудеевъ. Онъ отмѣтилъ ихъ бѣдствія послѣ смерти Соломона, сознаніе которыхъ постоянно омрачалось памятью о быломъ могуществѣ. Подъ вліяніемъ притѣсненій въ нихъ пробудилась необыкновенная жажда свободы, а вмѣстѣ съ нею и пламенная надежда на свѣтлое будущее. „Естественно мысли ихъ должны были обратиться къ Мессіи, пришествія котораго ждалъ съ нетерпѣніемъ каждый израильтянинъ, мысль о которомъ одна поддерживала евреевъ среди бѣдствій, отъ котораго одного они всего надѣялись: Ему, которому Богъ будетъ непосредственно помогать, легко будетъ съ Его всесильною помощью побѣдить и покорить всю вселенную: и вотъ, у нихъ родилась мысль, что Мессія долженъ возвратить имъ свободу и самостоятельность, и изъ рабовъ сдѣлать владыками вселенной...“ Въ Священномъ Писаніи они находили много пророчествъ, которыя они могли истолковывать въ желательномъ для себя смыслѣ, и Чернышевскій приводитъ длинный рядъ цитатъ изъ Св. Писанія. Но эти пророчества, разсуждаетъ онъ далѣе, были истолкованы іудеями неправильно и привели къ подавленію въ нихъ стремленія къ высшимъ, небеснымъ благамъ... Учитель далъ этому сочиненію такую оцѣнку: „Виденъ здравый и основательный разсудокъ и знаніе дѣла, — хорошо очень. Впрочемъ, есть и недостатокъ тотъ, что мысли не расположены въ порядкѣ. Вамъ бы слѣдовало сказать, что основаніемъ чувственнаго понятія о Мессіи были развратъ сердца и неспособность возвышаться къ духовенству; поддерживалось это

ложное понятіе пророчествами, и пр. пр. Вотъ естеств. порядокъ, или ходъ мыслей".

Среди тетрадей 1845 г. сохранилась записка одного изъ учителей, доказывающая, что, независимо отъ своихъ занятій въ семинаріи, Чернышевскій получалъ еще и особыя заданія на домъ. Къ сожалѣнію, подпись этого учителя оказалась неразборчивой. „Г. Чернышевскій!—говорилось въ этой запискѣ.—Прошу Васъ заняться сочиненіемъ на слѣд. тему: логическія изслѣдованія могутъ-ли открывать какіе либо слѣды Божеств. совершенствъ въ мыслящемъ духѣ человѣка? Въ основаніе сего сочиненія можете взять прежнее Ваше сочиненіе объ аналогіи между происхожденіемъ вещей и нашихъ сужденій. Въ приступѣ рекомендую развить ту мысль, что въ разумной природѣ человѣка сокрыто едва ли не больше чудесъ, чѣмъ во всей видимой природѣ. Завтра въ 9-ть часовъ пожалуйте ко мнѣ. Учитель И..."

Упражненія въ арабскомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ состояли въ переводахъ съ этихъ языковъ на русскій и обратно басенъ, изреченій и отрывковъ изъ Библіи. Такъ, для упражненія въ персидскомъ языкѣ служили „басни" Локмана Мудраго— „Газель", „Левъ и лисица", „Левъ и волъ"; дѣлались переводы и „изъ книги славы въ человѣколюбивыхъ дѣяніяхъ султанства и въ династіяхъ исламскихъ". Сохранилось начало повѣсти о халифатѣ Гаруна-аль-Рашида: „Въ 170-мъ году явился на халифатъ Аль-Рашидъ, одинъ изъ лучшихъ халифовъ, онъ былъ также одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ, ученѣйшихъ и щедрѣйшихъ изъ нихъ. Онъ каждый годъ совершалъ Хаджъ и каждый годъ воевалъ противъ невѣрныхъ..." Далѣе идутъ многочисленныя арабскія изреченія въ переводѣ Чернышевскаго. Приведемъ нѣкоторыя:

„Богъ не на небесахъ, а на землѣ.
Ученый безъ дѣла, какъ облака (-ко) безъ воды.
Худшій изъ людей, который не приноситъ пользы для своей науки.
Женщина безъ скромности, какъ пища безъ соли.
Сердце глупца во рту его, а языкъ мудраго въ сердцѣ его.
Живая собака лучше льва мертваго".

Обиліе упражненій показываетъ, что общенію съ мудростью Востока Чернышевскій отдалъ не мало времени втеченіе своихъ трехлѣтнихъ занятій. Нужно думать, что не всѣ необходимыя пособія были у Чернышевскаго подъ руками: цѣлыя тетради исписывались имъ подъ словари и грамматическія правила; была списана между прочимъ вся татарская грамматика Г. С. Саблукова, со множествомъ примѣровъ и цитатъ. Латинскимъ языкомъ, въ годы пребыванія своего въ семинаріи Чернышевскій владѣлъ уже настолько свободно, что могъ писать стихи, о ко-

торыхъ тоже можно было сказать словами его учителя: „размѣръ вѣренъ, а поэзіи не видно“. Но такъ какъ эти опыты стихосложенія совпадали съ изученіемъ метрики, то послѣдняя цѣль, повидимому, не стояла на ближайшемъ планѣ, а первая достигалась вполнѣ. Въ тетрадяхъ Горацій смѣняется Тацитомъ, Тацитъ—Цицерономъ.

Поэзія, дѣйствительно, не была удѣломъ Чернышевскаго. Разсудочная мысль слишкомъ брала верхъ надъ воображеніемъ, и само воображеніе, которымъ, какъ показало будущее, природа щедро надѣлила его, отличалось разсудочнымъ, теоретическимъ характеромъ. Область книжной мысли слишкомъ рано захватила любознательность юноши и не дала красокъ образамъ, которые зарождались въ его головѣ. Въ годы ученія процессъ накопленія знаній поглотилъ всѣ другіе интересы молодой души, и всѣ ея запросы рано слились въ одинъ потокъ, пролагавшій себѣ путь по каменистому ложу неуклонной, стремительной мысли.

Въ эти годы видывалъ время отъ времени молодого Чернышевскаго А. Ѳ. Раевъ. Онъ запомнилъ его внѣшность—свѣтлый пуховой цилиндръ, свѣтло-сѣрый костюмъ: „все мнѣ казалось на немъ отлично хорошо, и самъ онъ мнѣ виднѣлся издали такимъ милымъ и симпатичнымъ, что я позавидовалъ ему“. Какъ „приходящій“ или „квартирный“, т. е. не живущій въ общежитіи семинаріи, Чернышевскій могъ допускать нѣкоторую вольность въ своемъ костюмѣ; обыкновенный костюмъ его состоялъ изъ темно-синяго, не слишкомъ длиннаго, сюртука и такихъ же брюкъ, въ холодное время носилъ шинель, голову прикрывала широкая, пушкинская шляпа [1]).

Уже въ годы ученія, подъ вліяніемъ необыкновенныхъ успѣховъ и неизмѣнно лестныхъ учительскихъ отзывовъ, у Чернышевскаго должна была зародиться вѣра въ себя и безграничное могущество науки. Не могъ не задумываться и Гавріилъ Ивановичъ надъ участью сына, которому семинарія становилась какъ будто тѣсна. Невольно сама собою зародилась мысль, которая вскорѣ заслонила всѣ интересы семьи Чернышевскихъ: это была мысль объ университетѣ, о грядущей научной карьерѣ, можетъ быть о славѣ. Мысль эта не давала Гавріилу Ивановичу покоя еще задолго до окончанія сыномъ семинаріи.

Первымъ видимымъ ея проявленіемъ было письмо отъ 2 января 1845 г., о которомъ Раевъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Именно, протоіерей Чернышевскій обратился въ этомъ письмѣ къ Раеву съ просьбой сообщить ему самыя точныя

---

[1]) Юдинъ, Ист. Вѣст. 1905 г., № 12.

свѣдѣнія о томъ, можетъ ли сынъ его поступить въ Петербургскій университетъ, не имѣя не только аттестата объ окончаніи полнаго курса семинарскихъ наукъ, но даже не окончивъ и того средняго отдѣленія семинаріи, куда онъ поступилъ 1-го сентября 1844 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гавріилъ Ивановичъ просилъ прислать программу пріемныхъ экзаменовъ въ университетъ, а Николай Гавриловичъ присоединялъ къ этому просьбу разузнать, какіе учебники приняты въ гимназіяхъ Петербургскаго округа. Въ апрѣлѣ того же года Гавріилъ Ивановичъ писалъ Раеву: „Ваша заботливость о моемъ Николаѣ столь пріятна моему сердцу, что я не въ состояніи вполнѣ возблагодарить васъ. Николай нынѣ для университета еще молодъ, ибо ему еще 17-й годъ. Я предполагалъ, ежели Богъ благоволитъ и благословитъ мое предположеніе, отправить его на будущій годъ; между тѣмъ онъ нѣсколько подкрѣпится тѣломъ и получше приготовится къ принятію лекцій университетскихъ. О намѣреніи моемъ перевести Николая въ университетъ никто не знаетъ, кромѣ васъ [2]); впрочемъ, при разговорахъ со свѣтскими учителями, когда завязывалась рѣчь о моемъ сынѣ, куда я его готовлю, были совѣты помѣстить его въ Казанскій университетъ, гдѣ якобы метода ученія идетъ лучше, но тѣже самые люди говорили, что для службы будущей лучше вашъ (Петербургскій) университетъ. При свиданіи, которымъ вы обѣщаете подарить насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, лучше о семъ побесѣдуемъ“...

На рѣшеніе Гавріила Ивановича взять сына изъ семинаріи до окончанія курса повліяло также одно чисто внѣшнее обстоятельство. Его отношенія съ преосвященнымъ Іаковомъ, всегда благоволившимъ къ нему, неожиданно испортились. Въ метрическихъ книгахъ, бывшихъ на отвѣтственности протоіерея Чернышевскаго, оказалась ошибка, объясняемая тѣмъ, что Чернышевскій былъ введенъ въ заблужденіе данными ему свѣдѣніями: онъ записалъ незаконнорожденнаго сына майора Протопопова, родившагося отъ брака, заключеннаго за мѣсяцъ до рожденія младенца, что было неизвѣстно Чернышевскому, такъ какъ бракъ былъ совершенъ въ деревнѣ. На него былъ сдѣланъ доносъ, и въ наказаніе онъ былъ уволенъ отъ должности члена консисторіи.

Это огорченіе тяжело отозвалось на семьѣ Чернышевскихъ. Гавріилъ Ивановичъ былъ сильно разстроенъ, но крѣпился

---

[2]) Ниже Раевъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „я былъ, кажется, первый изъ учениковъ Саратовской семинаріи, который сдѣлался студентомъ С.-Петербургскаго университета. И. И. Введенскій, окончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ ранѣе меня, былъ наполовину Пензенскимъ семинаристомъ. Въ Саратовской семинаріи онъ былъ только въ концѣ моего ученія“.

духомъ и не хотѣлъ унижать своего достоинства передъ мѣстнымъ начальствомъ. Все это было извѣстно Раеву. „Я наводилъ черезъ знакомыхъ въ синодѣ справки по тому дѣлу,—писалъ онъ впослѣдствіи,—вмѣстѣ съ которыми и сообщилъ Гавріилу Ивановичу, что для поправленія его положенія нужно настояніе мѣстнаго Епископа. По этому поводу отецъ Гавріилъ писалъ мнѣ: „Его преосвященство настаивать не будетъ, а я просить не отважусь; для меня довольно уже награды съ его стороны: онъ плакалъ обо мнѣ, зная мою невинность". Около того же времени (письмо отъ 7-го января, 1844 г.), Евгенія Егоровна писала Раеву: „Я бѣдная, много, много, очень много скорблю тѣмъ болѣе, что часто вижу его (мужа) задумчивымъ, невеселымъ; въ теченіи сего непріятнаго времени посѣдѣлъ"...

Неблаговоленіе преосвященнаго соотвѣтственнымъ образомъ отразилось и на отношеніи мѣстнаго духовенства къ пострадавшему протоіерею и даже на настроеніи семинарскаго начальства по отношенію къ сыну. Гавріилъ Ивановичъ сильно призадумался надъ перспективой духовной карьеры для Николая, и если прежде, какъ можно было предположить, его намѣреніе опредѣлить сына въ гражданскую школу могло бы встрѣтить горячій протестъ со стороны Евгеніи Егоровны, то теперь, подъ вліяніемъ пережитыхъ разочарованій, и она пришла къ убѣжденію въ необходимости сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ.

„Николай,—писала она Раеву,—учится прилежно по-прежнему, по-нѣмецки на вакацію бралъ уроки; по-французски тоже занимался. Мое желаніе было и есть его оставить въ духовномъ званіи, но согрѣшила: настоящія непріятности поколебали мою твердость; всякій бѣдный священникъ работай, трудись, терпи бѣдность, а вотъ награда самому лучшему изъ нихъ, Господь да проститъ имъ несправедливость". Можно себѣ представить, какія тревоги должны были пережить родители, рѣшаясь ввѣрить судьбу своего единственнаго сына случайностямъ неизвѣстнаго будущаго и нарушая традиціи сословія, намѣчавшія вѣками проторенную, спокойную бытовую колею.

Жребій былъ брошенъ.

29 декабря 1845 года ученикъ средняго (философскаго) отдѣленія Николай Чернышевскій подалъ прошеніе ректору объ увольненіи, гдѣ говорилось: „Съ согласія и позволенія родителя моего протоіерея церкви Нерукотвореннаго Спаса (такъ оффиціально называлась Сергіевская церковь), Гавріила Чернышевскаго, имѣю я желаніе продолжать ученіе въ одномъ изъ Императорскихъ русскихъ Университетовъ". 26 января 1846 г. была сдѣлана помѣтка объ увольненіи Чернышевскаго для продолженія ученія въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а 18 февраля того же

года, за № 751, ему было выдано увольнительное свидѣтельство. Въ немъ успѣхи Чернышевскаго аттестовались слѣдующимъ образомъ: „по философіи, словесности, гражданской, церковно-библейской и россійской исторіи—отлично хорошо; по православному исповѣданію, священному писанію, математикѣ, латинскому, греческому и татарскому языкамъ—очень хорошо, при способностяхъ отличныхъ, прилежаніи неутомимомъ и поведеніи очень хорошемъ“.

Не трудно представить себѣ, какъ относился молодой Чернышевскій къ заботамъ родителей о его судьбѣ. Конечно, онъ не оставался равнодушенъ; конечно, онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ тревогахъ и надеждахъ, волновавшихъ его отца и мать. По отдѣльнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ можно заключить, что душа его рвалась изъ привычныхъ стѣнъ родительскаго дома и отъ семинарской схоластики къ университету, къ болѣе глубокимъ источникамъ общенія съ книгами и людьми науки. Не трудно представить себѣ, какъ, сохраняя обычную сдержанность, онъ мечталъ и давалъ воображенію уносить себя далеко-далеко отъ береговъ родимой Волги и поднимать себя такъ высоко, что передъ нимъ разстилалась вся Русь, отъ моря до моря. И можетъ быть ему провидѣлось то время, когда эта Русь съ гордостью будетъ повторять его имя... Мы ни на минуту не сомнѣваемся вѣрить на слово Раеву, когда онъ разсказываетъ, какъ однажды, на прогулкѣ, Чернышевскій размечтался и на вопросъ Раева, чего бы онъ больше всего хотѣлъ отъ жизни,—отвѣтилъ: „славы, хотѣлъ бы я“... И Чернышевскій не только хотѣлъ славы, но увѣренно шелъ къ ней, полагаясь на свои силы и свою несокрушимую энергію. Но слава представлялась Чернышевскому безъ того оттѣнка суетнаго тщеславія, какого можно было бы ждать въ его юные годы. Ему грезилась слава человѣка науки и, главное, просвѣтителя людей. Мечты эти такъ глубоко волновали его и сообщали его самолюбію такую болѣзненную чувствительность, что самыя обычныя пожеланія, совпадавшія съ его настроеніемъ, принимались имъ, какъ нѣчто провиденціальное. Разсказывая о промежуткѣ между семинаріей и университетомъ, Чернышевскій отмѣчаетъ на листкѣ для памяти: „Петръ Никифоровичъ Каракозовъ, священникъ церкви при Александровской больницѣ, первый пожелалъ мнѣ именно того, желаніемъ чего исполнена вся душа моя: говоря о поѣздкѣ близкой моей въ Петербургъ, онъ сказалъ: Дай Богъ намъ съ вами свидѣться, пріѣзжайте къ намъ оттуда профессоромъ, великимъ мужемъ, а мы уже въ то время посѣдѣемъ“. И добавляетъ восторженно: „Какъ душа моя вдругъ тронулась этимъ! Какъ пріятно видѣть человѣка, который хотя и нечаянно, безъ намѣренія, можетъ быть, но все-таки скажетъ то, что ты самъ думаешь, поже-

лаетъ тебѣ того, чего ты жаждешь и чего почти никто не пожелаетъ ни себѣ, ни тебѣ, особенно въ такихъ лѣтахъ, какъ я, и положеніи". А 28 мая того же года, уже во время путешествія въ Петербургъ, повстрѣчавшійся въ пути діаконъ М. С. Протасовъ, пожелавъ счастья и здоровья, сказалъ: „желаю вамъ, чтобы вы были полезны для просвѣщенія и Россіи".—„Вотъ второй человѣкъ!"—замѣчаетъ о немъ Чернышевскій и продолжаетъ: „Мнѣ теперь обязанность: быть имъ съ Петромъ Никифоровичемъ вѣчно благодарнымъ за ихъ желаніе: вѣрно эти люди могутъ понять, что такое значитъ стремленіе къ славѣ и служба человѣчеству. Маменька сказала: это уже слишкомъ много, довольно если и для отца и матери; нѣтъ, этого еще весьма мало, скажутъ о немъ; надобно именно быть полезнымъ и для всего отечества. Я вѣчно долженъ ихъ помнить".

Съ такими мыслями и чувствами готовился Чернышевскій стать студентомъ Петербургскаго университета. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого онъ усерднѣе засѣлъ за книги, подъ общимъ руководствомъ Гавріила Ивановича, онъ бралъ уроки у учителей гимназіи, но больше всего читалъ и работалъ самъ. Неопредѣленность требованій пугала его, но время не ждало и послѣ долгихъ хлопотъ и сборовъ необходимо было двинуться въ путь.

VI.

Путешествіе отъ Саратова до Петербурга, при тогдашнихъ условіяхъ передвиженія, было цѣлымъ событіемъ. Предстояло приспособиться къ дорожному обиходу въ тарантасѣ „на долгихъ," въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, предусмотрѣть и все необходимое, и неудобства, и возможныя случайности продолжительнаго пути. Понятно, что родители побоялись отпустить сына одного, или со случайной оказіей, и на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что его повезетъ сама Евгенія Егоровна, въ сопровожденіи своей хорошей знакомой Устиньи Егоровны Кошкиной, еще молодой, но „очень разсудительной особы". Время выѣзда ихъ изъ Саратова устанавливаетъ Гавріилъ Ивановичъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Раеву, отъ 21 мая 1846 г. „Мой Николай 18 сего мая, въ 5 часовъ послѣ обѣда оставилъ Саратовъ, чтобы явиться къ Вамъ въ Петербургъ подъ предводительство и попечительство Ваше. Его сопровождаетъ туда Евгенія Егоровна. Прошу Васъ усерднѣйше принять ихъ подъ Ваше попеченіе. Они поѣхали черезъ Воронежъ и Москву на долгихъ до самаго Петербурга, куда, полагаю, прибудутъ не ближе какъ черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и ранѣе. Николай вчера изъ Маріинской колоніи написалъ къ Сашенькѣ (А. Н. Пыпину), что по началу ѣзды ихъ, аривме-

тически достигнуть цѣли своей черезъ 5 недѣль, 6 дней и $11^1/_2$ часовъ"...

Разставшись съ роднымъ домомъ, Чернышевскій аккуратно переписывался съ отцомъ и другими близкими. Письма эти бережно хранились, съ помѣтками объ ихъ полученіи и по, счастью, дошли до насъ, можно думать, въ полномъ видѣ. Уже первыя письма, отправленныя съ дороги, живо изображаютъ ту обстановку, въ которой совершалось тогда это длительное путешествіе на долгихъ; интересны они еще въ томъ отношеніи, что уже въ этихъ раннихъ отраженіяхъ новыхъ впечатлѣній, переживавшихся юношей, сказалось умѣнье Чернышевскаго примѣняться къ каждому изъ своихъ корреспондентовъ, писать ему не о томъ, что наполняло самого Чернышевскаго, но о томъ, что являлось какъ бы мостикомъ, соединявшимъ ихъ интересы и чувства. Первое письмо, помѣченное 19 мая, въ два часа пополудни, было получено въ тотъ же день въ 10 вечера. Въ немъ Чернышевскій писалъ на четвертушкѣ плохой писчей бумаги: „Милый папенька, пишемъ къ вамъ изъ Маріинской колоніи, гдѣ остановились кормить лошадей; доѣхали мы сюда очень благополучно и, какъ видите, очень тихо. Ночевали мы въ Ольшанкѣ. Извощикъ нашъ пока очень хорошъ: каковъ-то Богъ дастъ, впередъ будетъ: а, кажется, можно надѣяться, что намъ нельзя будетъ быть имъ недовольнымъ. Пріѣхали сюда, въ Маріинскую колонію, въ 11 часовъ утра, застали Ивана Андреевича еще въ церкви, служащимъ, по окончаніи обѣдни, молебенъ кому то. Въ 2 или 3 часа выѣзжаемъ; куда успѣемъ нынѣ доѣхать и гдѣ будемъ ночевать— не знаемъ пока еще, но до Аткарска, какъ бы намъ хотѣлося, вѣрно не доѣдемъ. Прощайте милый папенька, цѣлую вашу ручку. Сынъ вашъ Николай". Затѣмъ слѣдовала приписка, въ которой Чернышевскій разсказывалъ о своей встрѣчѣ съ топографскимъ чиновникомъ, Ѳедоромъ Семеновичемъ Кеномъ. „Онъ полякъ. Такой, кажется, добрый и ласковый". Кенъ воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ, и Евгенія Егоровна не упустила случая закидать его вопросами о томъ, что ее всего болѣе заботило въ Петербургѣ, и онъ далъ много наставленій и совѣтовъ, какъ держать экзаменъ, какъ себя вести вообще, съ кѣмъ въ какія отношенія поставить себя, далъ даже письмо къ инспектору университета — „Его Высокоблагородію Александру Ивановичу Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ". „Жаль, что время такъ коротко: отъ него бы, кажется, можно было узнать много такого, что очень и очень пригодилось бы. Маменька просили его зайти къ вамъ, когда онъ будетъ въ Саратовѣ, и онъ обѣщался..."

Въ томъ же письмѣ оказалась и приписочка къ двоюроднымъ сестрамъ. Онъ имъ писалъ: „Милыя сестрицы мои, Любинька, Ва-

ринька и Евгеньичка! Осушили ли вы свои слезы? А мы, какъ простились съ вами, такъ и отерли ихъ; сначала кое о чемъ говорили, кое чему смѣялись, а потомъ маменька заснули: но мы съ Устиньею Васильевною неукоризненно не смыкали глазъ до самаго ночлега: да и тутъ я не могъ уснуть до часа ночи. Прощайте, будьте здоровы. Цѣлую васъ, поцѣлуйте и вы за меня ручку у Бабиньки. Братъ вашъ Николай Ч.".

Тутъ же было и письмо къ маленькому А. Н. Пыпину, который уже въ то время поражалъ Раева „замѣчательнымъ спокойствіемъ и благоразуміемъ". Тонъ письма Чернышевскаго любовно-шутливый, проникнутый особой нѣжностью и симпатіей глубокаго духовнаго сродства. „Милый другъ и братъ мой, Саша,—писалъ ему Чернышевскій въ этомъ первомъ письмѣ своемъ съ дороги,—какъ ты находишь, повѣрятъ ли англичане, такъ тщеславящіеся своими скаковыми лошадьми, что у насъ въ Россіи, простыя извощичьи лошади, пара съ 15 пудами клади, могутъ нестись съ быстротою трехъ съ двумя третьими ($3^2/_3$) верстъ въ часъ? А это фактъ, братъ: именно съ такою быстротою несемся мы. Повѣрь ужъ мнѣ. Впрочемъ меня утѣшаетъ въ этой быстротѣ разрѣшеніе уравненія $x = 1800 - 43$, изъ котораго выходитъ, что x, число верстъ, которыя остается намъ проѣхать — только 1757. Не меньше меня утѣшаютъ и два другихъ уравненія $x : 1 = 1757 : 43$, изъ котораго выходитъ, что намъ остается ѣхать только (43/1757/$41^{24}/_{43}$) $41^{24}/_{43}$ дня, или 5 недѣль, 6 дней и около $11^1/_2$ часовъ. И наконецъ: $x'' : 1 =$ ну, да не остается мѣста, такъ сообщу тебѣ это любопытное уравненіе въ другой разъ. Прощай. Cura ut valeas. Цѣлую тебя. Братъ твой Николай Ч.".

Ѣхали медленно, и это огорчало Евгенію Егоровну, которая, повидимому, волновалась и сгорала нетерпѣніемъ поскорѣе прибыть въ Петербургъ. Путешествіе совершалось благополучно; для ночлега останавливались то въ городахъ (въ Аткарскѣ „у тетеньки"), то въ селахъ. Въ одномъ изъ писемъ Чернышевскій описываетъ подробный маршрутъ первыхъ дней путешествія: 21-го, напримѣръ, — „обѣдали въ полѣ, подлѣ села Колѣна (въ селѣ не стали потому, что погода была прекрасная), ночевали въ Крутцѣ". „Теперь мы сидимъ въ прекрасной избѣ, бѣлой и чистой,—пишетъ Чернышевскій утромъ 22 мая,—а тѣ всѣ три ночи ночевали мы съ маменькою въ черныхъ избахъ: впрочемъ въ избѣ ночевали до сихъ поръ только мы съ маменькою: Устинья Васильевна и всѣ прочіе товарищи наши спятъ въ повозкахъ: теперь и маменька рѣшаются ночевать въ повозкѣ, если будетъ хорошая погода, а теперь со второго часа ночи идетъ дождь, хотя и не слишкомъ большой, но сопровождаемый сильнымъ и довольно холоднымъ вѣтромъ: въ повозкѣ у насъ, впрочемъ, хорошо..." Въ

тотъ же день писалъ онъ и сестрамъ, невольно, вмѣстѣ съ характерными черточками своего подвижнаго быта, передавая и черты, рисующія характеръ Евгеніи Егоровны: „когда погода и дорога хороши и мы сидимъ въ повозкѣ, маменька все укоряютъ себя, что не взяли тебя, Любинька; а какъ становиться ночевать или обѣдать въ курной, черной избѣ, то благодарятъ Бога, что ты осталась дома“.

„Впрочемъ мы какъ-то веселы и беззаботны: то-ли уже толчки, которые со всѣхъ сторонъ получаемъ, когда ѣдемъ и усталость отъ нихъ и голодъ, когда пріѣдемъ на ночлегъ, не даютъ ни о чемъ думать кромѣ дороги и ѣды“...

Типичными дорожными разсужденіями наполнено и письмо къ Пыпину, отъ того же 22-го числа. Ихъ можно оцѣнить и независимо отъ личностей корреспондентовъ, если припомнить, что переѣздъ изъ Саратова въ Петербургъ, тянулся болѣе мѣсяца! „Милый братъ Саша! Что, братъ, каково поживаешь безъ насъ?..—пишетъ Чернышевскій въ этомъ письмѣ,—что, теперь, я думаю, не съ кѣмъ уже поиграть въ шахматы? Не знаю какъ тебѣ, (едва ли впрочемъ), а мнѣ уже хоть бы въ шахматы поиграть съ кѣмъ, да кусаешь локоть, да не достанешь. Теперь мы проѣхали 19 верстъ въ $3^1/_2$ часа: это по вашей Саратовской математикѣ выйдетъ по $5^3/_7$ въ часъ, а по нашему кажется, что мы ѣдемъ верстъ по 25 въ часъ. Да вотъ теперь кажется придется сидѣть не у моря, а въ избѣ у болота, да ждать погоды, т. е. хорошей. А небо такъ обложило облаками, что кажется придется ждать до этой хорошей погоды дондеже отымутся власы: впрочемъ недѣли черезъ три народится новый мѣсяцъ и тогда погода вѣрно перемѣнится: а три недѣли куда ни шло! А знаешь ли, вѣдь года черезъ три будетъ желѣзная дорога изъ Петербурга въ Саратовъ: не подождать ли уже ея? А то, что тянуться по 7 верстъ въ день: вѣдь не раньше же дотянешься, а только бока натрудишь (а по твоему небойсь надо бы вмѣсто ера написать ерь? кчему это, я вѣкъ на это не соглашусь) прощай, цѣлую тебя, пиши же ко мнѣ“.

Однообразіе пути нарушалось иногда маленькими приключеніями въ родѣ того, какое описано въ письмѣ 20 мая: „у одной изъ нашихъ спутницъ (повидимому, ѣхали цѣлымъ обозомъ) у повозки сломался сердешникъ, только что мы выѣхали было изъ Корякина: это было часовъ въ 6 вечера; часа два провозились извозчики съ этимъ, я между тѣмъ солнце подвинулось совсѣмъ уже къ закату: нечего дѣлать, принуждены были остановиться въ Корякинѣ, кормить лошадей; часу во 2-мъ ночи выѣхали, и въ 7 или 8 пріѣхали въ Аткарскъ“... По поводу извозчиковъ и

ихъ лошадей, Чернышевскій подтрунивалъ, что у нихъ—„вѣрно духъ бодръ, а плоть немощна“...

Аткарскъ далъ Чернышевскому поводъ, изобразить его сестрамъ въ шутливомъ тонѣ: онъ восторгается его безчисленными лужами, напоминающими лагуны Венеціи („Саша скажетъ вамъ, впрочемъ, что, лужа и лагуна происходятъ отъ одного корня и значатъ одно и то же“), его безчисленными хорами лягушекъ, которыя „вѣчно поютъ, и не чуждаются людей“, его нравами; отмѣчаетъ „важность въ политическомъ и торговомъ отношеніи“. Изображаетъ маленькія бытовыя сцены. Вотъ движутся они по улицамъ Аткарска. Когда повозки остановились вблизи больницы, больные, высунувшись изъ оконъ, спрашивали извозчиковъ, кто это пріѣхалъ. — „Сестра Александры Егоровны, отвѣчали извозчики.—Чтоже это, ея, что ли, товары-то? На базаръ, видно, ихъ привезла? Да, отвѣчали смущенные такою догадливостью и проницательностью извозчики“. Пока происходилъ этотъ разговоръ, Евгенія Егоровна, и Устинья Васильевна разыскивали, гдѣ жилъ Н. Д. Пыпинъ.

Хорошее расположеніе духа не покидало Чернышевскаго во все время пути. Путешествіе въ просторномъ и удобномъ возкѣ очень нравилось ему. „Повозка наша, писалъ онъ отцу 28-го мая изъ Балашова, сначала довольно тряская, теперь такъ укаталась, что читать въ ней можно совершенно свободно, даже не только по русски, но и по нѣмецки, все равно какъ въ комнатѣ: нѣтъ, здѣсь то важное различіе, что въ комнатѣ читаешь кое въ какомъ положеніи, сидя или стоя; чуть захочешь прилечь, сейчасъ назовутъ лежебокомъ; да и укладываться поспокойнѣе очень трудно: а здѣсь я пользуюсь безпрекословно правомъ лежать 14 часовъ въ сутки въ повозкѣ, а остальные 10 на лавкѣ въ избѣ: прелесть! поэтому я и ничуть не скучаю дорогою: я думалъ, что дорогою нельзя дѣлать дѣла, а выходитъ напротивъ: очень и очень можно“...

Въ Воронежъ прибыли въ четвергъ 30 мая въ 8 ч. вечера. Рѣшено было остановиться на 2—3 дня для отдыха и поклоненія мѣстнымъ святынямъ. Въ пятницу говѣли, въ субботу причащались св. Таинъ. Воронежъ не произвелъ особаго впечатлѣнія на юнаго путешественника, и онъ только въ шутку, дразня саратовскій патріотизмъ своихъ сестеръ, отдаетъ предпочтеніе Воронежу передъ Саратовомъ. Изъ церквей посѣщали и приглядѣлись къ св. Митрофану, остальныя по наружному виду не шли и въ сравненіе съ саратовскими: каѳедральный соборъ (Смоленской Богоматери) показался во всемъ и менѣе, и хуже даже Никольской церкви, не только Сергіевской или Троицкой. И монастырь св. Митрофана широкъ, но не длиненъ, вообще втрое менѣе

саратовскаго новаго собора: наберется народа сотъ семь или тысяча—„и уже до того тѣсно, что негдѣ занести руку перекреститься“. Понравился Чернышевскому иконостасъ, бѣлый, съ огромными золотыми колоннами, но вообще великолѣпія было, по его мнѣнію, мало, и самая рака, гдѣ покоятся мощи, не слишкомъ богата. И Чернышевскій подводитъ итогъ общему впечатлѣнію: „уже, кажется, если нѣтъ средствъ поразить, ослѣпить изумляющимъ великолѣпіемъ, богатствомъ, блескомъ, то лучше бы уже поразить величественной простотою. А то такъ—ни то, ни се“. Не особенно понравился Чернышевскому и мѣстный напѣвъ, и опять-таки отзывъ о немъ чрезвычайно характеренъ: онъ показываетъ, куда были направлены требованія Чернышевскаго и въ этомъ отношеніи. „Напѣвъ точно,—пишетъ онъ,—въ нѣкоторыхъ словахъ иной пѣсни церковной, отзовется чувствомъ, но вообще неестественъ и страненъ, потому что не смотритъ на мысль и чувство, заключающіяся въ словахъ“. Далѣе шли подробности о чинѣ богослуженія, объ исполненіи причастна, ирмосовъ, о расположеніи монаховъ на клиросахъ и т. д. Видимо, всѣ эти подробности были до тонкости извѣстны Чернышевскому и служили предметомъ особаго интереса для Гавріила Ивановича. Письмо долго задерживаетъ на нихъ вниманіе и только въ концѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько строкъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ. Далѣе выѣхали на Задонскъ, оттуда на Елецъ.

Удобства ѣзды увеличивались съ каждымъ днемъ. Чернышевскій забавно разсказываетъ, какъ имъ становилось все спокойнѣе и спокойнѣе ѣхать. „Провизіи, которую мы съ собою набрали, достало бы не только до Воронежа, но и въ оба конца, туда и оттуда, въ Петербургъ. Впрочемъ, мы ею не безпокоимся: переклали ее на козлы кучеру“. Читая эти описанія, нельзя не перенестись воображеніемъ въ тѣ условія дореформенныхъ путешествій, которыя отошли въ невозвратное прошлое, съ ихъ прелестями и тяготами, съ поэзіей и мечтательной скукой. Огромнѣйшій рыдванъ, который Чернышевскій сумѣлъ превратить въ кабинетъ для чтенія, томительно медленное движеніе впередъ, долгія остановки, теплыя ночи, новыя впечатлѣнія—все это должно было складываться въ непрерывную цѣпь ощущеній своеобразныхъ и для молодой души увлекательныхъ. Но у Чернышевскаго не вырывается ни одного восклицанія восторга, ни одного намека на пережитое очарованіе красотой природы или новизной путевыхъ впечатлѣній. Уже въ этихъ письмахъ онъ скупъ на лирическія изліянія. Но онъ понимаетъ ихъ въ другихъ людяхъ и въ тонѣ его писемъ уже чувствуется въ высшей степени заботливое вниманіе къ тому, чѣмъ жили его корреспонденты, взрослые и юные. Съ отцомъ онъ подѣлится

своимъ „географико-топографическимъ“ наблюденіемъ, что горы не кончаются Соколовой и Лысой, а идутъ вездѣ по всей нагорной сторонѣ (Волги), подробно опишетъ церковь или монастырь; „милому другу Сашенькѣ“, „извѣстному своею скромностью“, будетъ излагать свои „новыя и благородныя“ мысли объ улучшеніи дорогъ, экипажей и прочаго: „какъ буду министромъ путей сообщенія (теперь я рѣшился согласиться занять пока и это мѣсто), то буду приводить ихъ въ исполненіе“... Съ сестрами будетъ неизмѣнно шутить, чтобы вызвать ихъ беззаботный веселый смѣхъ.

Въ томъ письмѣ, гдѣ Чернышевскій сообщалъ маленькому Пыпину о новыхъ идеяхъ, приходившихъ ему въ голову во время путешествія, излагается любопытный планъ дорожнаго переустройства; въ немъ уже можно разглядѣть прообразъ будущихъ соціальныхъ утопій, которыя такъ занимали Чернышевскаго впослѣдствіи и на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на полудѣло, полу-развлеченіе. „По всѣмъ дорогамъ,—пишетъ онъ,—должно устроить галлереи крытыя; начать разумѣется, съ тракта между Аткарскомъ и Иткаркою: это будетъ не то что длинная 3 (т. е. въ 3-ей степени, т. е. превосходной, выговаривай длиннѣйшая), а длинная 333333 галлерея, построенная изъ дикаго камня и кирпича, смотря по удобствамъ мѣстнымъ и крытая желѣзомъ или черепицею, тоже смотря по мѣстнымъ удобствамъ, шириною саженъ въ 5, вышиною сажени въ 2½, мощеная хоть чугунными плитами: отъ Петербурга до Саратова постройка ея будетъ стоить милліоновъ 15: за то въ ней будетъ уже рѣшительно, не то что какъ въ комнатѣ, а какъ во дворцѣ: можно пожалуй хоть топить ее: печи будутъ стоить 100000 рублей, а отопка тысячъ 200, за то уже какая прелесть! И она будетъ освѣщена, не газомъ, а Друммондовымъ свѣтомъ, который почти также яркъ, какъ солнечный! Не правда ли богатая мысль? Надѣюсь на твою скромность“...

О томъ, въ какую сторону были направлены вообще помыслы Чернышевскаго въ эту пору, говоритъ одно, по истинѣ драгоцѣнное письмо отъ 1 іюня къ тому же „милому брату и другу Сашенькѣ“. Оно является отвѣтомъ на замѣчаніе его корреспондента о томъ, что изъ Саратова ему „нечего писать“: дней прошло не много, и впечатлѣній не набралось достаточно. Это замѣчаніе заставило Чернышевскаго „отчитать“ своего двоюроднаго брата въ милой и добродушной формѣ. Письмо краснорѣчивѣй всякихъ доказательствъ говоритъ о томъ, чѣмъ былъ Чернышевскій для Пыпина въ годы наиболѣе критическіе для крѣпнущей мысли и формирующейся воли. „Нечего писать“!—возмущается Чернышевскій: „Да возможно ли только сказать это? Неужели ты во всю эту

недѣлю не думалъ ни о чемъ, не дѣлалъ ничего, ни одна новая мысль не пришла тебѣ въ голову? Въ Саратовѣ нѣтъ новостей, да если и есть, то онѣ не занимательны ни для тебя, ни для меня, да ты и не знаешь ихъ; нѣтъ новостей и во внѣшней жизни твоей: Да кто жъ и требуетъ отъ тебя такихъ новостей? Если ужъ кто и требуетъ, такъ навѣрное не я. Посмотри на дерево лѣтомъ: есть ли хоть одна минута, въ которую бы не произошло въ немъ перемѣны къ лучшему или худшему?

„Останавливается ли хоть на мигъ его развитіе? Такъ и душа человѣческая, особенно въ нашихъ лѣтахъ съ тобою: не проходитъ дня, чтобы не развивалась на сколько нибудь наша душа: съ каждымъ новымъ днемъ, въ наши лѣта, или начинаешь понимать и постигать что нибудь, что прежде было для тебя непостижимо, или начинаешь задумываться надъ тѣмъ, что прежде было для тебя непостижимо, или начинаешь не понимать того, что казалось простымъ до того, что не надъ чемъ и голову ломать. Все равно умственныя очи наши теперь ежедневно постепенно дѣлаются сильнѣе и зорче, какъ изощрялось бы зрѣніе, если сталъ смотрѣть въ зрительныя трубы и микроскопы, выбирая другъ за другомъ ихъ все лучше и лучше. Смотришь простымъ глазомъ: движется что-то; а что, рѣшить невозможно; берешь порядочную трубу: человѣкъ; еще получше: вотъ на немъ такое-то и такое-то платье; еще лучшую: это вотъ тотъ-то твой знакомецъ; еще лучшую—и различаешь каждую порошинку на его платьѣ, каждый его волосокъ: такъ съ каждымъ днемъ теперь, при развитіи души нашей, становится понятнѣе, ближе то, что прежде было непонятно; прежде ты смотрѣлъ конечно хладнокровно на эту точку, а теперь ты, узнавши въ ней своего пріятеля, интересуешься имъ, смотришь съ участіемъ: такъ знаніе возбуждаетъ любовь: чѣмъ больше знакомишься съ наукою, тѣмъ больше любишь ее. Теперь наоборотъ: смотришь на каплю воды, на листокъ зелени простымъ глазомъ: надъ чѣмъ тутъ задуматься? Безъ цвѣта, безъ вкуса, безъ запаху: берешь микроскопъ, и эта капля безцвѣтная, мертвая оживаетъ подъ нимъ: въ ней видишь цѣлый міръ, милліоны существъ, наслаждающихся и дорожащихъ бытіемъ своимъ, защищающихъ и сохраняющихъ его: что тебѣ прежде было въ этой каплѣ? Капля, такъ капля и есть, что въ ней толку, интересу? А теперь, какъ она интересна для тебя! Что было въ ней непонятнаго, занимательнаго? А теперь, сколько вопросовъ объ этихъ существахъ у тебя въ головѣ! Сколько трудныхъ вопросовъ, сколько въ ней темнаго почти всегда. И это интересуетъ тебя, представляя тебѣ загадки и вопросы: такъ ясное и потому не интересовавшее насъ прежде, становится темнымъ и потому самому интереснымъ для насъ при развитіи силъ

души нашей... Ну записалъ, да негдѣ кончить теперь; если не скучно, то доведу до конца въ слѣдующемъ письмѣ, а дѣло въ томъ, что умъ твой развивается, и потому вездѣ являются для него новые интересы, а интересное для тебя, можетъ ли быть не интересно для любящаго тебя? Какъ же тебѣ не о чемъ писать? Нѣтъ, ты долженъ всегда находить много о чемъ писать: можетъ у тебя не быть время, охоты писать: но не можетъ не быть предмета, о которомъ бы нечего писать къ любящему тебя Николаю Ч.".

Застѣнчивый и замкнутый по натурѣ, Чернышевскій—юноша въ письмахъ, какъ—позже—въ дневникахъ, словно ищетъ возможности раскрыть ту, другую, интимную сторону своего существа, которая мало проявлялась, или не проявлялась вовсе при личномъ общеніи, прочную, на всю жизнь привязанность къ людямъ и нѣжную заботливость, способную возвышаться до самопожертвованія и почти всегда замаскированную ироніей или добродушной шуткой. Здѣсь въ пути, эти свойства проявлялись въ трогательной заботѣ о матери. Путешествіе, какъ видно изъ сообщенія Чернышевскаго отцу, сдѣланнаго по латыни, отзывалось на Евгеніи Егоровнѣ значительнымъ утомленіемъ. Она чувствовала себя иногда разстроенной, разбитой, можетъ быть, сѣтовала. Онъ нѣсколько разъ высказываетъ свою радость по тому поводу, что съ ними ѣдетъ Устинья Васильевна: „теперь маменька за нею спокойны во всемъ, что только можетъ отъ нея зависѣть, ну, а безъ нея... ай, ай, ай—бы. И вынетъ все, и уложитъ, и все, и все". Удручительно дѣйствовали непріятности съ извозщикомъ, о которомъ Чернышевскій сначала отзывался одобрительно: „извощикъ нашъ дороги не знаетъ, лошадьми править не умѣетъ вовсе, хуже Павла, но добрый, милый и послушный: съ дороги, дастъ Богъ, не собьемся, да и сбиться нельзя, лошади сильныя и смирныя, дастъ Богъ доѣдемъ благополучно: онъ обѣщается доѣхать до Москвы (580 верстъ) въ 7 дней". Но вскорѣ пришлось сильно разочароваться въ этомъ добромъ и послушномъ маломъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Чернышевскій останавливается на дороговизнѣ путешествія: „обѣдать за комнату плати двугривенный, ночевать—другой... въ постоялыхъ дворахъ гадость, мерзость, пьянство и все таки на эту прескверн҆ѣйшую дорогу вышло бы не менѣе 150 рублей, нашихъ слѣд. денегъ зашло бы за извощика рублей 130 (за шоссе еще 20)",— и прибавляетъ: „сверхъ того еще недовольствія съ извозчикомъ, отъ которыхъ маменька плакала раза по три въ день: онъ, каналья, нарочно грубитъ, ни въ чемъ не слушается, почти ругаетъ маменьку; поэтому рѣшились бросить его и бросили, полюбовно согласившись оставить у него забранныя деньги, и

наняли дилижансъ. „Si vis—пишетъ Чернышевскій далѣе—alias etiam causas tibi adduco: a perpetuo motu in vheda (?) nostra, caventi elasticis sustentaculis, meum quoque pectus et corpus conflictabantur et aegrotabant: quid de matre dico“?.

Какъ бы то ни было, 12-го іюня, путешественники были въ Москвѣ. Извозчикъ обошелся имъ до Москвы всего 240 рублей, дорожные же расходы поглощали рубля 2 въ день; весь путь до Петербурга былъ разсчитанъ приблизительно рублей на 500 (ассигнаціями).

VII.

Въ Москвѣ Чернышевскіе остановились у іерея Григорія Степановича Кліентова, въ домѣ при церкви Воскресенія, на Вронной, близъ Спасскихъ воротъ. Попросились у него „жить“, по выраженію Николая Гавриловича. Москва произвела многоразличное и сильное впечатлѣніе и на Евгенію Егоровну и на молодыхъ ея спутниковъ. „Другъ мой, Гавріилъ Ивановичъ!— писала она въ день пріѣзда: что мнѣ писать, то ли, что городъ великъ, хорошъ, украшенъ храмами, многолюденъ, но лучше все это перескажу, когда возвращусь, а теперь буду писать о томъ, въ какомъ я затруднительномъ положеніи насчетъ извозчика, ѣдемъ медленно, Николай скучаетъ, и я совершенно не знаю, что мнѣ дѣлать, холода и дождь безпрерывные, но Господь Хранитель нашъ бережетъ насъ, слава Богу здоровы. Другъ мой милый, помолись за насъ, мы теперь въ чужой сторонѣ, нѣтъ ни совѣтниковъ, ни утѣшителей, небо пасмурно, одинъ Господь надежда моя. У маменьки прошу благословенія, всѣмъ моимъ милымъ кланяюсь и цѣлую“... Начали съ усерднаго посѣщенія храмовъ, причемъ, „молебствовали“ о прекращеніи дождя, старались все осмотрѣть, но глаза видимо разбѣгались, и впечатлѣнія съ трудомъ укладывались въ отчетливыя рамки. Въ письмѣ „къ милымъ сестрицамъ“ Чернышевскій пытается дать, въ обычной полушутливой формѣ, нѣкоторое внѣшнее понятіе о Москвѣ. Онъ ходилъ по „знаменитому“ Кузнецкому мосту, моста не видалъ. Магазины снаружи великолѣпны, а внутри не былъ, особую прелесть придаютъ бульвары—не чета саратовскимъ: густота деревъ удивительна. Мытищенская вода чиста, пріятна и мягка на вкусъ: „привыкшіе къ ней жители не могутъ пить чаю съ Москворѣцкою водою, хоть и она очень хороша“, словомъ— хорошо побывать въ Москвѣ не на 3 дня, а на 3 мѣсяца, „и съ 30,000 денегъ въ карманѣ, своихъ разумѣется“...

Особое вниманіе Чернышевскаго привлекало, конечно, все, касавшееся университета. Въ день, назначенный для выѣзда

изъ Москвы, (въ субботу 15 іюня), въ университетѣ былъ объявленъ актъ, но Чернышевскій, къ его сожалѣнію не успѣлъ побывать на немъ. „Гимназіи здѣшней я не видалъ, пишетъ онъ Пыпину въ день отъѣзда, а гимназистовъ нѣсколькихъ видалъ: по виду все такіе маленькіе и хорошенькіе, не знаю, что на дѣлѣ. Студенты университета составляютъ, кажется, половину народонаселенія: до того часто мелькаютъ ихъ голубые воротники: не пройдешь 20 саженъ, не увидѣвши хоть одного: и это еще большая половина разъѣхалась... Эхъ, братъ, некогда, а то много бы можно написать. Я все какъ-то не могъ свыкнуться съ мыслью, что мы въ Москвѣ. Чудно кажется“... За разсужденіемъ о преимуществѣ московскаго населенія надъ саратовскимъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи слѣдуетъ любопытное сравненіе удобствъ жизни въ этихъ городахъ, въ зависимости отъ цифры годового дохода: „Здѣсь съѣстные припасы дороже вдвое, втрое противу Саратова, поэтому, если мало денегъ, какъ у насъ, такъ лучше жить тамъ, но если пять, семь тысячъ дохода, то нѣтъ никакого сравненія: въ Саратовѣ и на 30,000 нельзя имѣть такихъ удобствъ жизни, какъ здѣсь на 10, не говоря уже объ умственныхъ наслажденіяхъ: народъ здѣсь весь несравненно образованнѣе саратовскаго, но образованность эта имѣетъ, кажется, очень мало дурныхъ слѣдствій, а почти все одни хорошія, наоборотъ противъ того, что говорятъ о Парижѣ, напримѣръ“...

Въ 4 часа дня 15 іюня выѣхали изъ Москвы. Дилижансъ оказался покойный, и путь былъ совершенъ благополучно. Евгенія Егоровна писала мужу: „Другъ мой, благодареніе Царю царей мы въ Петербургѣ въ 5 часовъ утра 19-го числа іюня“.

А. Ѳ. Раевъ записалъ о прибытіи Чернышевскихъ: „Прибывъ въ Петербургъ въ августѣ [1]) Чернышевскій въ тотъ же день отыскалъ меня. При первыхъ разговорахъ рѣшено было, что Николай Гавриловичъ, по сдачѣ пріемныхъ экзаменовъ въ университетѣ, поселится вмѣстѣ со мною. Ничего особеннаго о Петербургскихъ впечатлѣніяхъ Чернышевскій не высказывалъ, но мать его говорила мнѣ: „что это у васъ въ Петербургѣ всѣ куда-то торопятся, и бѣгутъ съ вытаращенными глазами?“

Кромѣ Раева, Чернышевскіе въ первый же день разыскали другихъ своихъ знакомыхъ, были въ университетѣ, вообще въ первое же утро „исходили верстъ десять“. Городъ показался Евгеніи Егоровнѣ богатымъ. „Хорошъ, огроменъ,—писала она 20-го іюня,—но не желаю и не хотѣла бы быть въ немъ. Кто имѣетъ постоянное здѣсь жительство, хорошо тому, но я летѣла бы скорѣй домой“. Квартиру они наняли за 16 рублей асс. въ мѣ-

---

[1]) Неточно, какъ указано выше.

сяцъ въ Спасскомъ переулкѣ (у Каменнаго моста), въ домѣ наслѣдника Прилуцкаго. Квартира эта заключалась въ одной комнатѣ, помѣщавшейся въ 3-мъ этажѣ, „удобствъ никакихъ, ходить въ нее черезъ жилье хозяевъ“... Пугаетъ дороговизна жизни, заботитъ вопросъ устройства сына, оставить его одного, у чужихъ людей, невозможно—„хаосъ“; помѣстить съ Раевымъ, но тотъ за одну квартиру платитъ 35 р. асс., а столъ и чай имѣетъ свой. Знать бы, что Николай выдержитъ экзаменъ, и отдать его пансіонеромъ, но Раевъ этого не одобряетъ. „Поживу, узнаю подробнѣе; посовѣтуй, не нужно ли быть у кого изъ профессоровъ“. Николай, сообщаетъ она далѣе, до Москвы ѣхалъ не весело, оживился, когда поѣхали изъ Москвы, а въ Петербургѣ снова загрустилъ.

„Сію секунду нахожусь подъ вліяніемъ спокойствія, а то вовсю дорогу и вчера, и нынѣ, въ Петербургѣ находясь, все тосковала. Утромъ нынѣ была въ церкви у заутрени; ближайшая къ нашей квартирѣ — Вознесенія Христова, церковь прекрасная, иконы всѣ въ ризахъ богатыхъ... Московскія церкви всѣ мрачны, темны, но богаты украшеніемъ“. Была у Евгеніи Егоровны еще одна забота—похлопотать о возстановленіи репутаціи Гавріила Ивановича въ глазахъ синодскаго начальства. Но здѣсь она встрѣтила черствое равнодушіе и формализмъ, отъ которыхъ она чувствовала себя обидно и грустно. „Наше единственное теперь утѣшеніе и желаніе,—говоритъ она, изливъ накопившуюся горечь,—состоитъ въ сынѣ, и я именно ѣхала съ нимъ и для него, чтобы видѣть то мѣсто, гдѣ Богу угодно назначить для его новаго поприща, нѣсколько время поживу, и, если можно, то даже прожила бы всѣ четыре года съ нимъ“... Она еще разъ возвращается къ той мысли, что Петербургъ хорошъ только для богатыхъ и для тѣхъ, „кто можетъ жить здѣсь при должности“, иначе—умрешь съ голоду. Дома, гдѣ живутъ бѣдные, воздухъ дурной—не отъ климата, а отъ нечистоты въ домахъ. „Это, по моему, декораціи“, и хозяева такихъ домовъ сами въ нихъ не живутъ. Вскорѣ послѣ того она уже раскаивается, что завезла сюда свое сокровище. „Будешь бранить, и сама себя за эту мысль браню, но передать ее, кромѣ тебя некому, умоляй Господа, чтобы онъ сохранилъ намъ его, но не брани меня за сіе, и не скучай, что я сказала, милости его къ намъ такъ велики, что когда бы я была дома, не вынесла бы ни того холода, ни такой погоды, какая была во всю дорогу. Напиши мнѣ больше, но что писать,—что хочешь, я бы такъ и полетѣла домой, или уже прожила бы здѣсь всю зиму, но ни терпѣнія, ни денегъ нашихъ на сіе не достанетъ. Столица, столица, Богъ съ нею“...

...„Мнѣ въ Петербургѣ еще ничто не понравилось,—пишетъ

она далѣе въ томъ же письмѣ, исполненномъ грусти и тревоги,— Саратовъ нашъ лучше, помолись о немъ, помолись о сынѣ нашемъ, далеко мы его завезли, помолись, чтобы далъ Богъ встрѣтить ласковыя лица профессоровъ: долго мнѣ еще томиться неизвѣстностью о его участи. Климатъ холодный, впрочемъ теперь сносно, но когда настанетъ осень, то каково то будетъ и здѣсь, и ѣхать". Во все продолженіе пути отъ Москвы до Петербурга лилъ дождь, было неуютно и холодно, не хотѣлось писать длинныхъ писемъ. Поэтому Евгенія Егоровна дѣлится своими впечатлѣніями изъ Петербурга. Понравилась ей Тула, жаль было и выѣзжать изъ нея, Богородскъ—маленькій, Подольскъ—маленькій, но хорошенькій, Тверь—такъ хорошъ городъ, что хотѣла бы даже жить въ немъ хорошъ и обширенъ и Новгородъ... Мнѣніе Евгеніи Егоровны о Петербургѣ мы уже знаемъ: для людей при должности и онъ не дуренъ. Пожеланіе встрѣтить ласковыя лица профессоровъ, конечно, объясняется знаніемъ семинарскихъ нравовъ, гдѣ безъ „ласковости" преподавателей ученическіе успѣхи сильно тускнѣли.

Тонъ писемъ Чернышевскаго къ отцу, напротивъ, бодрый, а къ сестрамъ и брату—положительно жизнерадостный. Онъ, видимо, очень доволенъ, что попалъ въ Петербургъ, гдѣ столько пищи для ума и размышленій. Первое, что ему бросилось въ глаза въ Петербургѣ—обиліе книжныхъ лавокъ. „На Невскомъ проспектѣ,—пишетъ онъ (21 іюня 1846)—кажется въ каждомъ домѣ по книжному магазину: серьезно, я не проходилъ и 3—6-й доли его, а видѣлъ по крайней мѣрѣ 20 или 30 ихъ, да сколько еще пропустилъ мимо глазъ!" Вскорѣ онъ познакомился съ книжными лавками Грефа, Ольхина, Смирдина, Ратькова, узналъ, что изъ частныхъ типографій лучшая—Эд. Праца. Разъ пять отправлялся въ Публичную библіотеку, но каждый разъ находилъ ее запертою: „зданіе прекрасное, но не замѣчательно особенно ничѣмъ". Затѣмъ онъ побывалъ въ Соборахъ и подѣлился съ отцомъ своими впечатлѣніями. Ему очень понравился Исаакіевскій соборъ, который въ то время отдѣлывался внутри. Его главы „такъ и свѣтятъ на солнышкѣ, странно и прекрасно отраженіе солнца въ маленькихъ его главахъ: оно такъ же дрожитъ, какъ свѣтъ звѣзды или свѣчи, когда издалека смотрѣть на нее". Часто бывали Чернышевскіе въ Казанскомъ соборѣ, который имъ показался „великолѣпенъ". Не понравились молодому Чернышевскому только памятники Кутузову и Барклай-де-Толли: „признаюсь, они довольно оправдываютъ насмѣшливые стихи и анекдоты про нихъ: вообще статуи не произвели на насъ благопріятнаго впечатлѣнія". Зато понравился Чернышевскому „памятникъ Александру I" (рѣчь идетъ, конечно, объ Александровской

колоннѣ); большое впечатлѣніе произвелъ и памятникъ Петру.

Позже онъ сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія о колоннахъ Исаакіевскаго собора, о вмѣстимости Казанскаго, о церковныхъ напѣвахъ („хуже, чѣмъ въ Саратовѣ"), о строившемся Николаевскомъ мостѣ. Но особенно типиченъ выборъ сюжетовъ для письма къ „бабинькѣ" (Голубевой). Письмо обнаруживаетъ явное стремленіе примѣниться ко вкусамъ и любознательности старушки и проникнуто превосходной степенью довольства и благодушія, сквозь которую пробивается чуть замѣтная струйка ироніи. Въ самомъ дѣлѣ, оно очень характерно: „Мы, слава Богу, здоровы. Погода у насъ въ Петербургѣ хорошая и по Саратовскому, не то что уже по здѣшнему. Третьяго дня мы видѣли митрополита: мы шли по улицѣ, а онъ ѣхалъ навстрѣчу намъ въ каретѣ— сидитъ и благословляетъ народъ. Но Царской фамиліи пока мы еще не видали: она вся въ Петергофѣ (25 верстъ отъ Петербурга)—тамъ у нихъ готовится свадьба: Ольга Николаевна выходитъ замужъ, обрученіе уже было. Видѣли мы и паровозъ: идетъ онъ не такъ уже быстро, какъ воображали: скоро, уже нечего и говорить, но не слишкомъ уже. Нева рѣка чудесная, по крайней мѣрѣ въ полверсты: этакъ какъ до косы отъ женскаго монастыря. Вода чудесная, какой въ Саратовѣ нѣтъ: такъ чиста, что дно видно сажени на полторы. Самая рѣка и проведенные по улицамъ каналы обдѣланы гранитною чудеснѣйшею набережною, потомъ на ней чугунная рѣшетка въ аршинъ. Спуски со ступенями, все гранитное. Купаться въ рѣкѣ не позволяютъ, а если угодно, то купайся въ купальнѣ. Колодезей что то не видно, да и не нужно: вездѣ есть вблизи каналы изъ рѣки".

Въ противоположность Евгеніи Егоровнѣ, его не очень заботитъ вопросъ о квартирѣ и устройствѣ быта. Осуществившееся предположеніе поселиться съ Раевымъ радовало его въ томъ отношеніи, что хозяинъ ихъ квартиры, нѣкто Аллезъ былъ французъ, въ семьѣ котораго Чернышевскій надѣялся выучиться по-французски. О неудобствахъ и невзгодахъ Петербургской жизни Чернышевскій пишетъ въ полушутливомъ тонѣ. Обстановка комнаты, въ которой они остановились, была весьма неказиста: даже писать было почти не на чемъ. „Столъ нашъ, исправляющій должность письменнаго,—пишетъ онъ отцу 28 іюня,—немного стеня и трясыйся..." Моціонъ въ Петербургѣ необходимъ (пишетъ онъ сестрамъ того же числа), и Петербургъ съ одной стороны устроенъ для моціона, но если приходится подчасъ дѣлать въ день верстъ по 15—ти по неровно набитымъ камнямъ мостовой, это уже пожалуй слишкомъ много. Чернышевскій встрѣчаетъ много прелестныхъ лицъ на улицахъ, но эти лица—„съ

позволенія сказать, разбиты ногами, какъ наша черная лошадь: съ ужасомъ смотришь на ихъ ковылянья и ждешь и себѣ подобнаго хроманія на обѣ плесни въ будущемъ; изъ прелестныхъ вещей (для меня книгъ, для васъ платьевъ, шляпокъ и проч.) купить почти ни одной не хватаетъ денегъ". Черезъ нѣсколько времени, освоившись съ Петербургомъ онъ находитъ его уже не столь обширнымъ. Впрочемъ, знакомство съ нимъ совершалось медленно: ходить все приходилось по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, обошелъ Васильевскій островъ, былъ на Петербургской сторонѣ, собирался на Елагинъ островъ, на гулянье съ иллюминаціей, гдѣ должна была быть царская фамилія... Но гулять было некогда—приходилось усиленно заниматься. „Объ университетѣ (пишетъ онъ отцу 21-го іюня), экзаменахъ, приготовленіи и пр. все собираю свѣдѣнія: пока они благопріятны. Приготовленіе изъ исторіи я кончилъ дорогою". Интересы предстоявшихъ испытаній все болѣе и болѣе захватываютъ Чернышевскаго и наполняютъ его письма къ отцу. Дѣятельно шло его приготовленіе по математикѣ, одновременно съ другими предметами. Книги доставалъ ему Раевъ „у племянника новаго саратовскаго губернатора", который тоже готовился въ университетъ. Письма къ Пыпину пестрятъ полуфантастическими математическими формулами и чертежами: Чернышевскій предлагаетъ ему поломать голову надъ ними. Изученіе библіотекъ продолжается, и заботы о книгахъ являются существеннымъ предметомъ переписки съ Гавріиломъ Ивановичемъ. Чтобы судить о степени начитанности Чернышевскаго уже въ эту пору и предъявлявшихся имъ требованіяхъ къ библіотекамъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на письмо отъ 6-го іюля: „Карта изъ Лихтенбергова Атласа получена съ почтою Алекс. Өеодоровичемъ. Получивши ее, я отнесъ Шмиццорфу 65 к. сер.; въ полученіи ихъ выдали росписку, хоть я вовсе и не думалъ о ней. Книжная лавка его изъ нѣмецкихъ здѣсь, кажется, первая, но Библіотека для Чтенія не стоитъ того, чтобы подписываться: однѣ повѣсти, романы, путешествія и театральныя піэсы. Серьезныхъ книгъ очень не много въ каталогѣ, который я нарочно просматривалъ съ большимъ вниманіемъ: ищешь той, другой серьезной книги Европейской славы—нѣтъ почти ни одной; нѣтъ даже ни Герена, ни Шеллинга, ни Гегеля, ни Нибура, ни Раумера, нѣтъ ничего: о существованіи ихъ Библіотека и не предчувствуетъ. Только рѣшительно и нашелъ я изъ исторіи и философіи что нѣсколько сочиненій (а не полное собраніе ихъ) Гердера и Автобіографію Стефенса, отрывки изъ которой были въ Москвитянинѣ. Но что касается до беллетристики, то она дѣйствительно должна быть богата, въ ней тысячъ 13 томовъ. Условія подписки: если брать

домой по 4 тома, то 9 рубл. сер. въ годъ, а если по 6 томовъ, то 12 рубл. и залога, кажется, рублей 9 или 10. Не знаю, не хороша ли развѣ библіотека у Беллизара: я у него еще не былъ; надобно сходить и посмотрѣть каталогъ... А хорошо бы ходить къ Шмиццдорфу..."

А Евгенія Егоровна все тревожилась и все собирала справки о томъ, въ какомъ случаѣ полезно и въ какомъ вредно идти къ профессорамъ, которые пока отсутствовали, „разъѣхавшись по дачамъ". Чернышевскому не нравилась эта сторона заботливости матери. Евгенія Егоровна сочла нужнымъ побывать у законоучителя Райковскаго, потомъ 24-го іюля, вмѣстѣ съ сыномъ. Райковскій принялъ ихъ ласково, но по пріему Чернышевскій рѣшилъ, что визитъ былъ, въ сущности, излишнимъ. Съ чувствомъ особаго удовлетворенія сообщаетъ онъ отцу 26 іюля, что „къ профессорамъ, кажется, не должно идти: самъ Райковскій и не намекнулъ на это: да я думаю и незачѣмъ, и не нужно, еслибъ и можно. Какъ угодно, невольно заставишь смотрѣть на себя, какъ на умственно-нищаго, идя разсказывать, какъ ѣхали 1500 верстъ мы при недостаточномъ состояніи и прочее. Какъ ни думай, а какое тутъ можно произвести впечатлѣніе, кромѣ худого. Да едва-ль и выпросишь снисхожденіе къ своимъ слабостямъ этимъ. Ну, положимъ, хоть и убѣдишь Христа ради принять себя: да вопросъ еще, нужна ли будетъ эта милостыня? Ну, а если не нужна? Если дѣло могло-бъ и безъ нея обойтись? А вѣдь какъ угодно, нужна ли она или нѣтъ, а прося ее, конечно, заставляешь думать, что нужна. Какъ-такъ и пойдешь на всѣ 4 года съ титуломъ: „Дуракъ, да 1500 верстъ ѣхалъ; нельзя же"! Такъ и останешься вѣкъ дуракомъ изъ-за тысячи пятисотъ верстъ. А, вѣроятно, и ненужно ничего этого дѣлать. Не должно—это уже извѣстно. Маменька, впрочемъ, довольны, что были у Райковскаго. Мы теперь, слава Богу, здоровы. Я былъ бы очень веселъ, еслибъ не маленькая забота о томъ, что будетъ. Впрочемъ, я и такъ веселъ". Заботы Евгеніи Егоровны въ этомъ направленіи имѣли, однако, извѣстное основаніе. Существовало опасеніе, какъ бы Чернышевскому, не кончившему курса семинаріи, не было отказано въ пріемѣ вовсе; заступничество профессоровъ могло, конечно, имѣть извѣстное значеніе при рѣшеніи этого вопроса. Но еще 20 іюня Чернышевскій успокаиваетъ отца, что всѣ необходимыя справки по этому поводу были уже сдѣланы. „О томъ, что слышала маменька, что въ Университетѣ не принимаютъ не кончившихъ въ семинаріи курса, нечего вамъ безпокоиться: Олимпъ Яковлевичъ Рождественскій самъ нарочно за этимъ ходилъ къ Ректору Университета, когда маменька, видѣвшись съ нимъ у Колеровыхъ,

сказала ему свое сомнѣніе, и Ректоръ сказалъ ему, что это вздоръ, что даже и самое то, хорошъ или нѣтъ аттестатъ семинарскій не имѣетъ вліянія".

Не мало тревогъ испытала Евг. Егоровна и за время нездоровья сына. Невская вода, которую онъ такъ расхваливалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, заставила прохворать его нѣсколько дней. Сообщая объ этомъ мужу, она пишетъ: „Николай удивительно какъ исхудалъ, но я и тому рада, что первая перемѣна отъ воды съ нимъ была при мнѣ"... Съ трогательной нѣжностью разсказываетъ она, что при всѣхъ своихъ хлопотахъ и заботахъ она съ Устиньей Васильевной вяжутъ носки Николенькѣ и связали уже двѣ пары помочей. „Хорошо, какъ бы Варенька вышила ему помочи, да пошире тѣхъ, какія у него теперь"... Въ ожиданіи экзаменовъ время тянулось томительно. Наконецъ, 12-го іюля Чернышевскій подалъ прошеніе о принятіи его въ университетъ. На слѣдующій день, въ день ангела Гавріила Ивановича, Чернышевскій подробно описываетъ процедуру принятія прошенія. Здѣсь отъ его взора не ускользаетъ ни орденокъ въ петлицѣ у сѣденькаго старичка въ партикулярномъ сюртукѣ, стоявшаго у окна, заваленнаго поданными прошеніями, ни подробности разговора со „старичкомъ", принятымъ имъ за ректора (П. А. Плетневъ). Вмѣстѣ съ прошеніемъ Чернышевскій приложилъ и свидѣтельство объ увольненіи и аттестатъ (повидимому, объ успѣхахъ). 20-го іюля Чернышевскій узналъ изъ „здѣшнихъ Вѣдомостей", что начало экзаменовъ назначено на 2-ое августа. Чернышевскій былъ очень доволенъ, что экзамены откладывались: тѣмъ лучше можно было приготовиться. 26-го іюля утромъ онъ былъ въ университетѣ и узналъ всѣ подробности предстоящихъ испытаній. Экзаменующіеся будутъ раздѣлены на три комиссіи, по порядку буквъ алфавита, съ которыхъ начинаются ихъ фамиліи, ему, стало быть, придется экзаменоваться въ третьей. Предметы, по которымъ предстоитъ экзаменоваться, тоже будутъ раздѣлены на три отдѣла: 1-ый отдѣлъ—русская словесность и языки; 2-ой—Законъ Божій, логика, исторія и географія, 3-ій—математика и физика. Всѣ три комиссіи будутъ держать экзаменъ въ одно время, каждая изъ особаго отдѣла.

Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ о „реформѣ": университетскій пансіонъ упраздняется. Чьихъ это рукъ дѣло, министра (Уварова), или Мусина-Пушкина, онъ не знаетъ. „По духу, кажется, Уварова. Ему дали графа". Далѣе—любопытно маленькое замѣчаніе о тогдашнихъ студентахъ: „студенты, почти всѣ его (Уварова) удивительно любящіе, радовались этому до нельзя. Еслибъ, говоритъ одинъ, мнѣ самому дали генерала или даже графа же, я кажется, не былъ радъ столько".

Наконецъ, 2-го августа начались экзамены. Первый былъ по физикѣ. „Ленцъ остался доволенъ, сказалъ „очень хорошо“, спросилъ, гдѣ я воспитывался. Онъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, но еще не сѣдой, и здоровый, и свѣжій“. Чернышевскій описываетъ самый процессъ экзамена: „Экзаменовали четыре профессора вдругъ на 3 столахъ. Ленцъ экзаменовалъ на среднемъ, какъ предсѣдатель комиссіи. Когда пришли ректоръ и попечитель, сѣли за этимъ же столомъ, но справа отъ Ленца, а Ленцъ остался на первыхъ креслахъ. Налѣво, подлѣ его креселъ, кресла для экзаменующагося. При попечителѣ вызывали по порядку алфавитнаго списка; когда онъ ушелъ, вызывать перестали, а каждый подходитъ самъ, раньше или позднѣе, какъ угодно, въ родѣ того, какъ подходятъ исповѣдываться. Желающій держать экзаменъ подходитъ къ столу, поклонится, профессоръ тоже ему; потомъ экзаменующійся беретъ билетъ, прочитываетъ его вслухъ, потомъ садится въ кресла, поставленныя налѣво отъ экзаменаторскихъ“. На слѣдующій день Чернышевскій столь же успѣшно выдержалъ экзаменъ по математикѣ: по алгебрѣ и тригонометріи даже лучше, чѣмъ онъ могъ надѣяться; отчасти этотъ успѣхъ объяснялся, казалось Чернышевскому, тою бойкостью, съ какою онъ держалъ себя при отвѣтахъ. Тутъ же вскользь сообщаетъ онъ, въ письмѣ къ сестрамъ, что маменькѣ Петербургъ уже нравится „онѣ говорятъ даже, что согласились бы, ничего, здѣсь жить, если бы сюда перевели папеньку; говорятъ, для этого стоитъ только попросить Михаила Павловича (великаго князя): онъ въ дружбѣ съ митрополитомъ, и Антоній ничего не скажетъ“.

Бойкость, о которой упоминалъ Чернышевскій выше, была, повидимому, тѣмъ подъемомъ духа, своего рода вдохновеніемъ, которое испытывалъ онъ въ минуты обнаруженія своихъ знаній. Эти минуты были для него, конечно, торжественны, въ нихъ воплощались давнишнія саратовскія мечты, въ нихъ сосредоточивались въ эти дни, высшіе интересы его расцвѣтавшей юности. Скупой на лирическія изліянія, онъ въ перепискѣ съ отцомъ обнаруживалъ, въ немногосложныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ всю глубину того нравственнаго удовлетворенія, которое онъ переживалъ. И нѣтъ сомнѣнія, что отецъ такъ же глубоко понималъ сына, какъ глубоко чувствовала свою привязанность къ сыну его мать, видѣвшая въ его успѣхахъ залогъ будущей служебной карьеры, перспективу его матеріальнаго благополучія и душевнаго покоя.

Экзамены продолжались. 7-го августа Чернышевскій подвергался испытанію по словесности и латинскому языку; по словесности онъ написалъ сочиненіе на тему „письмо изъ столицы“ и отвѣчалъ на вопросы по исторіи русской литературы. По латыни

онъ экзаменовался у Фрейтага и Шлиттера. Такъ какъ Фрейтагъ плохо говорилъ по-русски, то Шлиттеръ переводилъ его вопросы, предлагавшіеся на нѣмецкомъ языкѣ. Экзаменуясь у нихъ, Чернышевскій остался собою недоволенъ. „Я сдѣлалъ здѣсь три глупости,—пишетъ онъ отцу,—первое, мнѣ бы должно заговорить съ Фрейтагомъ по-латыни, а я не догадался, а когда догадался, было уже поздно, потому что онъ уже занялся съ другимъ; второе, должно было взять не переводить, а сочинить; но это не въ употребленіи, потому должно было *мнѣ* самому сказать, что я могу сочинять, а не дожидаться, что меня спросятъ объ этомъ; третье (но я это узналъ послѣ, изъ нѣмецкаго экзамена) должно было спросить, нѣтъ ли у нихъ здѣсь Тацита или Горація или другого автора, чтобы мнѣ перевести безъ приготовленія. Но я не зналъ, что это было бы хорошо. Но все таки я получилъ 4, этого слишкомъ достаточно, а съ Фрейтагомъ еще успѣю познакомиться". Забавно происходилъ экзаменъ по нѣмецкому языку. Чернышевскій написалъ сочиненіе на тему „о благословенныхъ плодахъ міра" и прочелъ его Свенске. Тотъ задалъ вопросъ, говоритъ ли Чернышевскій по-нѣмецки. „Я отвѣчалъ ему по-нѣмецки, — пишетъ онъ,—что самъ не знаю, что сказать ему на это: говорить, какъ видитъ, говорю немного, а что говорятъ другіе, того почти вовсе не понимаю, потому что не привыкъ слышать, какъ говорятъ по-нѣмецки". Экзаменъ продолжался такимъ образомъ, что Свенске задавалъ вопросы по-русски, а Чернышевскій отвѣчалъ и давалъ объясненія по-нѣмецки, и странно казалось экзаменатору, какъ могъ Чернышевскій такъ хорошо переводить à livre ouvert трудный текстъ и не понимать нѣмецкой рѣчи. Во время этого экзамена подошелъ профессоръ Соколовъ и предложилъ проэкзаменоноваться по-гречески. Это было необязательно въ то время, но Соколовъ такъ расположилъ его своимъ благодушнымъ видомъ, что Чернышевскій не могъ отказать ему въ удовольствіи, при чемъ отвѣчалъ, по собственному признанію, не особенно хорошо. Соколовъ замѣтилъ однако, что Чернышевскій, сравнительно съ другими студентами, зналъ еще порядочно. Его смущало нѣсколько то обстоятельство, что Соколовъ будетъ знать о его неполныхъ свѣдѣніяхъ по греческому языку. Но дѣлать нечего: „онъ (Соколовъ) такой добрый, что во всякомъ случаѣ я радъ, что онъ узналъ меня" [1])...

[1]) Въ письмѣ отъ 23-го августа Чернышевскій, отвѣчая на вопросъ отца, приводитъ полученные имъ баллы: физика—5, математика—4, словесность — 5, латинскій языкъ — 4, нѣмецкій языкъ—5, французскій языкъ—3 („по французски я въ одномъ мѣстѣ поставилъ не тотъ предлогъ, въ другомъ пропустилъ членъ; кромѣ того ничего особеннаго не было"), логика—5, географія—3, Законъ Божій—5, исторія: всеобщая—5, русская—5.

14-го августа Гавріилу Ивановичу были отправлены наспѣхъ двѣ коротенькія записочки. Первая была отъ сына: „Слава Богу, я принятъ въ университетъ, и довольно хорошо. Прощайте. Спѣшу на почту, не знаю, успѣю ли. Цѣлую Вашу ручку. Сынъ Вашъ Николай Ч.“ Вторая — отъ Евгеніи Егоровны: „Слава Богу, я здорова. Поздравляю, мой родной, съ сыномъ студентомъ. Евгенія Чернышевская“. Почеркъ неровный, размашистый, дрожащій, видимо торопились подѣлиться радостью, которая наполняла въ этотъ день ихъ сердца.

Успокоенная и счастливая выѣхала Евгенія Егоровна 21 августа изъ Петербурга въ обратный путь, оставляя „свое сокровище“ на попеченіе Бога и Раева. Съ нею поѣхала та же Устинья Васильевна и крѣпостной ихъ знакомаго, „человѣкъ очень надежный и хорошій“. Молодые люди провожали отъѣзжавшихъ до заставы. „Онѣ (маменька) слава Богу, разставались со мною гораздо спокойнѣе, нежели я думалъ,—пишетъ Чернышевскій отцу два дня спустя.—Почти даже не плакали. Мы для подкрѣпленія ихъ твердости, дѣлали самое веселое лицо, смѣялись надъ рѣпою, которой онѣ купили себѣ въ дорогу, и т. п. вещами. Дѣло и кончилось почти весело. Обѣщались не тосковать обо мнѣ и не думать много, а только молиться Богу и играть въ карты съ Устиньею Васильевною... Я обѣщался имъ быть непремѣнно здоровымъ“. Въ этомъ тонѣ сквозитъ явное желаніе утѣшить отца, показать, что въ фактѣ разставанія и въ самомъ дѣлѣ не было ничего необыкновеннаго. Но воспоминанія Раева разсказываютъ объ этомъ нѣсколько иначе. Если веселость и была на лицѣ Николая Гавриловича, то напускная, принужденная. „Она (Евгенія Егоровна) разставалась съ сыномъ въ первый разъ во всю свою жизнь и, конечно, не безъ слезъ. Николай Гавриловичъ возвращался съ проводовъ матери вмѣстѣ со мною въ настроеніи весьма грустномъ“. Но грустить долго было не въ натурѣ Чернышевскаго. Новая жизнь, книги, студенты — все это цѣликомъ захватило его и увлекло въ своемъ жизнерадостномъ и быстромъ теченіи.

„Благословите меня, милый папенька, на успѣшное окончаніе того, что теперь я начинаю“.

22-го августа студентъ Николай Чернышевскій въ новенькомъ мундирѣ („изъ сукна по 18 рублей“), съ темнозелеными, вмѣсто прежнихъ черныхъ, кантиками по воротнику, съ треуголкой и при шпагѣ („за ту и другую вмѣстѣ 10 рубл. сер., въ гостиномъ дворѣ есть подешевле... но гораздо хуже, эти вдвое прочнѣе“) стоялъ на молебнѣ въ университетской церкви, послѣ котораго слѣдовало прочтеніе списка принятыхъ и рѣчь ректора,—

въ ней преподавалось наставленіе, какъ слѣдовало вести и держать себя студентамъ университета.

Къ традиціямъ прошлаго не было возврата. Онѣ еще прочно держали чувство Чернышевскаго въ своей власти, но мысль уже открывала передъ собой новые и свѣтлые горизонты, предъ которыми тихія заволжскія дали блѣднѣли въ нѣжныхъ воспоминаніяхъ счастливаго и невозвратимаго дѣтства.

Евг. Ляцкій.

---

* * *

Въ гривѣ блещущаго снѣга
Съ дикимъ воемъ—дикій звѣрь—
Вьюга злобная съ набѣга
Бьется въ стонущую дверь.

Потрясаетъ гнѣвно своды,
Но, счастливые, съ тобой
Мы забыли гнѣвъ природы,
Видимъ куполъ голубой.

Видимъ солнце, дышимъ зноемъ,—
Горяча въ рукѣ рука...
Пусть дрожитъ подъ дикимъ воемъ
Домъ нашъ, легче челнока!

Пусть его разрушитъ вьюга...
Мы сіяющей звѣздой
Полетимъ, обнявъ другъ друга,
Въ бездну вѣчности нѣмой!

А. Лукьяновъ.

Яшка Безпаловъ.

РАЗСКАЗЪ.

Яшка Безпаловъ, ухарь и щеголь, въ плисовыхъ штанахъ, сапогахъ наборомъ и всегда заломленной на кудряво выбивающихся волосахъ шапкѣ, удивительно стройный и пропорціонально сложенный, былъ общій любимецъ и баловень.

На сѣрой, монотонной, наполненной бычачьей работой мужицкой жизни, онъ пестрѣлъ яркимъ праздничнымъ пятномъ.

Водили ли дѣвки хороводъ, гуляли ли на вечеринкахъ, или съ гуломъ, звономъ, музыкой справляли свадьбу, никто такъ не отдиралъ по убитой стонущей землѣ трепака, никто такъ щедро не сыпалъ пряниками и конфектами въ толпу, никто такъ захватывающе въ подмывающей пѣснѣ не леталъ по поднебесью яснымъ соколомъ, какъ Яшка. Мужики съ нимъ пьянствовали, молодухи гуляли, дѣвушки увивались, какъ хмѣль вокругъ жердочки.

Но въ будни, когда мужики, бабы, дѣвки сурово, сосредоточенно и не глядя по сторонамъ шли и ѣхали на работы, возили сѣно, косили, сѣяли, убирали скотину, стряпали, мыли бѣлье, Яшка въ своей яркой шелковой рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ съ непокорно выбивающимися кудрями, казался лишнимъ.

Ходилъ по слободѣ, щелкалъ сѣмена, позѣвывая, сплевывая на сторону, заговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, но отвѣчали ему односложно и нехотя и проходили мимо, какъ будто въ обыденные, будничные дни, ему не находилось мѣста, и вся эта медлительная, черноземная, отъ вѣка налаженная, жизнь текла мимо широкой, ровно подвигающейся рѣкой, не задѣвая и не принимая его въ себя.

Иногда Яшка вдругъ проваливался, какъ сквозь землю. Проходили дни, недѣли, случалось и полгода, о немъ не было ни слуху, ни духу.

— Должно, сокрушили молодцу голову, али попался, кандалами позваниваетъ,—говорили мужики, когда кто-нибудь о немъ вспоминалъ.

Но онъ появлялся такъ же неожиданно, какъ неожиданно пропадалъ.

Исхудалый, оборванный, съ сожженнымъ, потрескавшимся отъ зноя, вѣтра и степной пыли лицомъ, съ горячечно, остро-лихорадочно блестѣвшими черно-запавшими глазами, онъ, какъ добирался до своей хаты, заваливался спать. Спалъ безъ просыпа, спалъ по цѣлымъ днямъ, пока не появлялся наконецъ на свободѣ снова веселый, безпечный, ухарь и щеголь.

И въ ближайшій праздникъ подымалась безшабашная гульба. Деньги изъ яшкиныхъ кармановъ лились рѣкой. Мужики пили, дѣвушекъ одѣлялъ сластями, а молодухи уносили подарки.

— Яшь, а Яшь!.. люблю тебя вотъ до чего... хоть руку тебѣ свою отрубить, али ногу, а?.. И пьяненькій собесѣдникъ, въ экстазѣ любви и преданности безнадежно крутилъ мокрой растрепанной головой.

Яшка цѣловался, обнявшись, чокался, пилъ, и, откинувшись, затягивалъ пѣсню высокимъ, сильнымъ въ душу просящимся голосомъ, и разливалась она, какъ безкрайная степь, надъ которой лишь небо, да солнце, да на курганѣ степной орелъ.

— Яша... все хочу тебя объ одной просьбѣ просить... вишь ты,—ласково подбирался кто-нибудь изъ мужичковъ,—все хочу тебя просить... крышу, вишь ты, надо мнѣ перекрывать, да самъ знаешь, въ прошлую зиму быки пали, однолѣтокъ парочку, думаю, присовокупить въ хозяйство... Яша, а?.. будь другомъ по вѣкъ жизни... четвертной билетъ... обернусь, отдамъ... охъ и парень ты рѣдкой, золотая голова!.. тебѣ-то все равно, какъ пришли, такъ уйдутъ, а нашему брату вѣкъ хребетъ гнуть...

Яшка, не глядя, лѣзъ въ карманъ, доставалъ, сколько рука захватила, кидалъ на столъ и опять, чуть покачиваясь, откинувъ голову съ потемнѣвшими расширенными зрачками, за душу хватая неизбывной тоской, что, какъ вѣтеръ степной, гуляетъ съ молодцемъ, и орелъ жадно простираетъ крылья и пропадаетъ въ поднебесьи, и надъ степью только небо да солнце.

Всѣ знали, чѣмъ занимается Яшка, но гдѣ, какъ и съ кѣмъ работаетъ, никто не зналъ, потому что уѣзжалъ онъ

на „работу“ за сотни верстъ, въ слободѣ же не пропадало ни одной лошади, ни скотины, ни овцы.

И всѣ берегли Яшку и не выдавали.

II.

Мѣсяцъ, круглый и бѣлый, стоитъ высоко, и черныя тѣни отъ тополей, отъ хатъ, отъ плетней и воротъ лежатъ всѣ въ одну сторону на озаренной землѣ.

За темно-молчаливыми, но задумчиво-неспящими садами въ безпредѣльно неуловимомъ сіяніи—степь, и тысячи сверлящихъ, нестройныхъ, негромкихъ, но все заполняющихъ звуковъ безчисленной ночной никогда не засыпающей жизни несутся оттуда.

Неподвижны бѣлыя хаты съ темно-обвисшими соломенными крышами. Молчаливо—пусто на запятнанныхъ тѣнями улицахъ. Только собаки то близко, то далеко лаютъ упорно, сосредоточенно съ небольшими передышками, какъ будто у нихъ особенныя обязанности въ эту лунную ночь.

Въ густой тѣни дремотно осіянной листвы голосъ Якова:

— Слышь, Ганна, докудова же буду ждать?

И голосъ Ганны:

— Ужъ сколько разовъ тебѣ говорила: жди до второго пришествія. Убѣгомъ не пойду за тебя, а такъ не отдадутъ...

Между ними высокій сухой плетень. Она придерживается поднявъ обѣ руки за высовывающіеся изъ плетня колья, и монисты стеклянно пошевеливаются на ея шеѣ.

— А увезу.

— Руки коротки.

— Али не любишь?

Изъ подъ черной брови лукаво блеститъ веселый глазокъ.

— Желанный мой... долго не ѣхалъ, думала пропалъ, али приключилось что...

И она просовываетъ поверхъ плетня между кольями теплыя руки, притягиваетъ его голову, и высокій мѣсяцъ, и бѣлыя хаты, и молчаливо-стройные тополя меркнутъ и беззвучно уплываютъ.

Сзади глядитъ только Волчекъ, косматый съ рѣпьями въ свалявшейся шерсти, чуть пошевеливая хвостомъ и едва замѣтно улыбаясь ушами: вижу, молъ, и знаю, да не мое, молъ, дѣло.

А Яшка отнимаетъ ея руки, схватывается за колья, и высокій плетень трещитъ подъ гибко переброшеннымъ, съ мелькнувшей по землѣ тѣнью, сильнымъ тѣломъ.

Дѣвушка увертывается, и съ визгомъ отскакиваетъ Волчекъ, которому оттоптали лапу, садится въ сторонкѣ и глядитъ на нихъ, добродушно помахивая хвостомъ: ничего, молъ, ничего, я не сержусь.

— Нѣтъ... пусти... не надо... гляди, отецъ выйдетъ...

Не выпуская изъ объятій, онъ сажаетъ ее съ собой на заваленку подъ ея оконцами.

— Обернула ты меня округъ пальца, не жить мнѣ безъ тебя. Будя. Намотался я по степи, нагулялся, налажу хозяйство, возьму тебя, будешь у меня хозяйкой, какъ мѣсяцъ ясный въ небѣ.

Она на минуту наклоняетъ голову, потомъ подымаетъ и въ глазахъ странно путаясь, искрится не то насмѣшка, не то оттѣнокъ снисходительности и презрѣнія.

— Конокрадъ ты и воръ...

— Кому—воръ, а тебѣ—хозяинъ...

— Летать ясну соколу по поднебесью, а не ходить по пашнѣ, переваливаться сѣрой вороной... Не мужиковать тебѣ... Какой изъ тебя хозяинъ?.. нѣтъ въ тебѣ правильности...

Волчекъ все время смотрѣвшій на нихъ, поднялъ голову и глянулъ въ оконце. Оконце стукнуло, поднялось, показалась борода:

— Кто тутъ?

Дѣвушка исчезла, а Волчекъ торопливо и радостно завилялъ хозяину хвостомъ.

— Я,—кинулъ Яковъ, подымаясь, и пошелъ къ воротамъ.

— Объѣзжай подальше по ночамъ то... выбралъ мѣсто полуношничать....

Волчокъ поднялся и, грустно опустивъ голову и хвостъ, пошелъ за Яковомъ, постоялъ, хотѣлъ было полаять да раздумалъ, отправился подъ навѣсъ и улегся на мягкой пахнущей навозомъ соломѣ, прислушиваясь, какъ жуетъ скотина.

Оживилось во дворѣ Яшкиной избушки. Только и слышно съ утра стучитъ топоръ, да визжитъ пила, да Яшка весело посвистываетъ, какъ сусликъ надъ норой. Солнышко взойдетъ, Яшка уже за работой, солнышко зайдетъ, Яшка еще возится подъ навѣсомъ.

Ворота поставилъ, арбу новую связалъ, нужно только купить станъ колесъ къ ней. Плетни поставилъ, стойло для коровы заготовилъ.

И чѣмъ больше возился и налаживалъ хозяйство, тѣмъ сильнѣе захватывало его. Точно могучая, черноземная, дремавшая въ немъ сила подымалась, и уже не могъ Яшка противиться ей.

Дѣды и прадѣды съ поконъ вѣковъ цѣлыми поколѣніями возились около земли, поливали ее потомъ, а теперь эта земля потребовала и Яшку, и онъ, радостно чуя въ себѣ силу ея, пошелъ къ ней.

И уже обступили его со всѣхъ сторонъ мужицкія заботы и думы. У Кривой балки хорошо бы клинъ запахать; да гречихи присѣять. А въ Волчьемъ Логу хорошо трава косится и овсы родятся. Если взять у Вавилы, который долженъ двѣсти рублей, пару молодыхъ бычковъ, такъ съ осени и пахать начинать.

А мужики, проходя мимо Яшкина двора, ухмылялись въ бороду:

— Должно перепилъ... съ жиру сталъ бѣситься, за хозяйство взялся,—и насмѣшливо крутили головой,—хо-зяя-инъ!..

Воткнулъ Яшка топоръ, выкурилъ цыгарку, задавилъ, чтобъ, Боже упаси, пожару не раздула, глянулъ на солнце,—высоко еще,—и пошелъ къ Митричу Безгубому, отцу Ганки.

Безгубый изъ березоваго кряжа тесалъ ось.

— Здорово, Митричъ.

— Будь здоровъ.

— Богъ на помочь.

– Спасибо.

— Сказываютъ, ноньче опять хлѣбъ на станціи подорожалъ.

— Нда-а...

Яшка помолчалъ, лазая по двору глазами, почесалъ за ухомъ:

— Ось тешете? Та-акъ... А я вотъ объ чемъ Митричъ къ вамъ. Дѣло стало, ни малое, ни великое, а между протчимъ сватовъ думаю засылать.

Митричъ молча продолжалъ тесать, какъ будто былъ одинъ. Яшка крякнулъ, придавилъ пальцемъ и громко сморкнулъ одной ноздрей.

— И собственно до васъ... Ганну, стало быть, за меня отдадите?

Слышно только, какъ тюкаетъ топоръ да щепа трещитъ, скалывается. А съ улицы доносится:

— Заворачи-ва-ай бы-ко-овъ къ Ми-тю-у-хѣ...

— Такъ какъ же объ дѣлѣ мнѣніемъ вашимъ, Осипъ Митричъ?

А Митричъ спокойно продолжая тесать, уронилъ:

— Буде тебѣ баловаться... что языкъ-то чешешь...

Яковъ вспыхнулъ.

— Я не бабки пришелъ играть... сказываю, по чести, по совѣсти... повѣнчаюсь и заживемъ хозяйствомъ...

Митричъ пересталъ тесать, опустилъ на минутку топоръ и поглядѣлъ на Якова:

— Ну какой ты хозяинъ!..

И опять затюкалъ топоръ. Яковъ злобно покраснѣлъ.

— Слышь, я не шутки шутить... сказываю, по совѣсти, не какъ-нибудь... потому люблю ее больше судьбы... все брошу, пахать, сѣять зачну, мужиковать буду... силы-то,— онъ протянулъ желѣзныя руки,—силы-то на два хозяйства хватитъ... нужды не будетъ знать, павой будетъ ходить... осточертѣло и мнѣ по степи шаландаться, погулялъ и будя... а то безъ угла, безъ племени, безъ своей хаты, безъ семьи... да я теперича полъ степи плугомъ подыму...

Также мѣрно заворачивалъ щепу топоръ.

— Никакой ты хозяинъ... правильности въ тебѣ нѣту, сегодня ты—хозяинъ, завтра все верхъ тараманомъ... конокрадъ ты и воръ... и деньги тебѣ даромъ... и не пріученъ ты съ измальства, какъ мы, изъ земли потъ свой пить...

— Не попрекай... сказано бросилъ, и бросилъ, и слово мое, какъ камень... еще вы, землеѣды, за мной не поспѣете, зачну пахать да сѣять... и вотъ тебѣ сказъ: кабы воръ да конокрадъ, давно бы дочку у тебя уволокъ, никто бы и „охъ“ не успѣлъ сказать, сгинула и шабашъ!.. а тамъ повольничалъ съ ней и въ городъ бы сплавилъ въ прислуги, али еще куда въ доброе мѣсто... а я пальцемъ не тронулъ, потому окровянила она мнѣ сердце... хочу по чести по совѣсти... и будетъ она хозяйкой надъ хозяйствомъ...

— Ну за эти дѣла тоже не гладятъ... а между протчимъ изъ пустого въ порожнее неча намъ съ тобою переливать: Олихменковы сватовъ засылаютъ, и я согласенъ.

Яковъ поблѣднѣлъ, потомъ опять густо покраснѣлъ и руки невольно судорога свела въ два тугіе кулака.

— Та-акъ!..

И пошелъ, грузно ступая по горячей землѣ.

Туча тучей ходилъ Яковъ дома. Первое время все валилось изъ рукъ, но онъ переломилъ себя и попрежнему работалъ.

Ганна уклонялась отъ свиданій съ нимъ, а когда случайно

встрѣчались, она торопливо проходила, не глядя, сильная, чернобровая, зовущая къ себѣ, и только, когда пройдетъ, глянетъ на него ясными, дѣвичьими глазами, за которыя и тысячи рублей не жалко.

И Якова то охватывала и била страсть, то ласковая нѣжность къ ней, то подымались возмущеніе и злоба.

— Засвѣтить развѣ слободу со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, чтобъ свѣтло сдѣлалось темною ночкой, по степи, какъ передъ заутреней Христовой, да погулять въ послѣдній разъ.

Но въ немъ подымалась старая мужицкая терпѣливая настойчивость:

— Ничего... ничего... по моему будетъ...—и онъ продолжалъ рубить, тесать, завелъ скотину.

А мужики по прежнему, проходя ухмылялись, и когда Яшка заговаривалъ съ ними насчетъ хозяйства, они говорили добродушно:

— Пойдемъ выпьемъ, Яша, къ Вавилихѣ, а то ты небось соскучился, давно не пьешь.

И куда бы Яковъ ни обращался, было одно и то же. Какой-то прочный добродушно молчаливо враждебный кругъ смыкался кругомъ его, и онъ никакъ не могъ пробиться. По странной ироніи судьбы его всѣ любили, баловали, и онъ всѣмъ нуженъ былъ, какъ конокрадъ, но его не пускали въ свою благообразную, вѣками установившуюся, крѣпко спаянную трудомъ и обычаемъ, мужицкую жизнь, какъ конокрада.

Уже сыграли и сговоръ Ганкинъ, много пили и веселились, и больше всѣхъ пилъ и веселился Яшка, но въ ту же ночь грянула надъ слободой бѣда: у Олихменковыхъ въ семьѣ жениха увели не только всѣхъ лошадей, но и всю скотину угнали, быковъ, даже овецъ. Домъ—полная чаша—стоялъ теперь, какъ развалина; нищія женщины голосили, какъ по мертвому, а мужчины, съ дикими горячечными глазами, прыгающей челюстью и землистой блѣдностью въ лицѣ, метались, какъ безумные, по степи въ поискахъ, но все кануло какъ въ воду.

Всѣ знали, что дѣло рукъ Яшкиныхъ, но нельзя было приступиться; Яшка цѣлую ночь пьянствовалъ у всѣхъ на глазахъ и никуда не отлучался. И все-таки дѣло его рукъ. Всѣ знали, что онъ принадлежитъ къ воровской организаціи, сѣтью покрывавшей всю степь, и безъ его приказа теленокъ не могъ пропасть.

Свадьба разстроилась. Хату заколотили, точно въ ней

чума побывала: мужики разбрелись, кто въ городъ, кто на чугунку на заработки, а бабы кое-какъ мыкали горе въ слободѣ. И какъ отмѣченный, стоялъ опустѣлый дворъ съ разрушеннымъ хозяйствомъ, и, проходя, всѣ угрюмо косились, какъ косятся живые на мертвое тѣло.

Ганку Яковъ не видалъ—она отъ него бѣгала, какъ отъ привидѣнія, а, когда приходилъ къ нимъ во дворъ, его встрѣчали чуть не съ кольями.

Надъ слободой повисло темное напряженіе ожиданія. Какое-то огромное несчастье, поголовное разореніе, крики, разомъ и далеко кроваво-освѣтившаяся среди глухой ночи степь, все стояло, какъ неизбѣжное надъ людьми въ каждый занимающійся зарей день, въ каждый зачинающійся сумерками вечеръ.

И проходилъ день, и проходила ночь спокойно, но непотухающее ожиданіе такой же густой удушливой мглой нависало надъ избами, садами, надъ женщинами, дѣтьми, стариками, надъ молодыми.

Мужики дѣлали свое дѣло, ѣздили, ходили, работали въ полѣ, поглощенные обычными заботами, но, не спуская глазъ, глядѣли, проходя, на маленькую покосившуюся избушку съ растрепанно-почернѣлой крышей, съ выбитыми стеклами, съ косо висѣвшими сорванными ставнями.

Казалось избушка была заброшена, но изъ чернозіявшихъ съ осколками глазковъ глядѣла таинственная, зловѣщая пустота, чреватая несчастьями.

И когда проходили, бурчали подъ носъ:

— Нѣтъ на тебя пропасти... когда только издохнешь, собака.

Никто не мелькалъ въ окнахъ и по вечерамъ не зажигался огонь. Пустой дворъ густо заросъ травой, которую не топтали, и даже ребятишки не лазали, далеко обходя задворками.

По ночамъ мужики не спали, осторожно выбирались и въ глухой темнотѣ по долгу стояли и слушали. Лошади всегда были накрѣпко прикованы. Было тихо, ничего ни у кого не пропадало, но это еще больше сгущало ожиданіе, и измученные всѣ задыхались въ этой густой, какъ мгла, атмосферѣ напряженія.

Въ темную, глухо нависшую ночь съ десятокъ парней прокрались къ одинокой, неясно маячившей въ темнотѣ избушкѣ. Съ кольями, со шкворнями окружили, расположились у дверей, оконъ, выскочить было некуда. Дѣло надо было сдѣлать чисто, аккуратно, безъ огласки, и потомъ зарыть тѣло

среди ночи въ степномъ безлюдномъ оврагѣ, чтобъ ни одна душа не знала. Сгинулъ, а гдѣ, какъ и когда, никто бы не дознался. Можетъ быть, за сотни верстъ отъ слободы.

Когда нажали дверь, она незапертая свободно подалась. Въ ту-же секунду, съ совершенно противоположной, неожиданной стороны, сверкнулъ одинъ, потомъ другой выстрѣлъ, раскатываясь взбудораженнымъ эхомъ и, ѣдко въѣдаясь въ тѣло, всѣхъ осыпалъ бекасинникъ.

Побросавъ колья и шкворни, какъ буря, понеслись ребята, и долго въ молчаливой темнотѣ замиралъ топотъ по неподвижнымъ спавшимъ улицамъ. Сзади также грозно и нѣмо чернѣла заброшенная избушка съ полупріотворенной дверью.

Попрежнему Яковъ пропадалъ по недѣлямъ, по мѣсяцамъ и, когда появлялся, былъ, какъ и прежде, щеголемъ, пьянствовалъ и сыпалъ деньгами. И когда гулялъ, всѣхъ встрѣчалъ внимательнымъ пытливымъ взглядомъ.

— Мерина никакъ добраго купилъ? — бросалъ онъ невинно, выпивая стаканчикъ,—а?..

Ничего не было особеннаго въ вопросѣ, а хозяина коробило, точно медленно подпаливали пятки:

— Ну что!..—ну купилъ... что такого...

— Хе-хе-хе... ничего...

Онъ уже зналъ, не видать теперь мужику ни сна, ни покоя, цѣлыми ночами будетъ ходить по двору да потрагивать желѣзные путы на лошади.

Разъ пришли къ нему старики, разсѣлись на заваленкѣ и долго молчали, потомъ заговорили:

— Слышь ты, Яшь, отъ міру къ тебѣ пришли, отъ обчества.

— О-о!.. али обчество соскучилось?..

— Погоди Яша... самъ знаешь, противъ обчества итить, въ землѣ быть... Парень ты добрый, ласковый...

— Стало быть, благодарить пришли...

— Постой, не скачь, сороки скачутъ... Однимъ словомъ обчество проситъ всѣмъ міромъ во... поѣзжай въ другое мѣсто, пожилъ, будетъ съ тебя... мочи нашей нѣту... пожилъ...

— Мало.

Онъ опустилъ глаза, долго глядѣлъ въ землю, потомъ поднялъ и жгучей за сердце хватающей ненавистью обожгли они.

— Погожу.

Старики помолчали, откашлялись.

— Яша, тебѣ все одно, гдѣ не быть, жисть у тебя такая... безъ роду, безъ племени, правильности въ тебѣ нѣту, а у насъ особь статья, у насъ хозяйство, забота, каждодневно... ложишься спать, а самъ все думаешь, какъ да что... Поэтому самому просимъ... обчество, стало быть, согласно, дастъ, сказать, за выкупъ, на хозяйство, стало быть, на обзаведеніе, а ты поѣзжай, устроишься, ежли не пропьешь, и насъ трогать не будешь...

Онъ заговорилъ страстно, едва успѣвая выговаривать слова:

— Съ вами хочу жить, братья мои милые, названные, Богомъ благословенные, съ вами... такъ жить, какъ вы живете, также округъ земли, округъ скотины ворочаться, также мужиковать, также изъ-подъ ладони на солнышко Божіе глядѣть, и бояться, и радоваться, не зажгло бы хлѣбушка, не засушило бы, послалъ бы Богъ ведра...

Тогда рыжебородый степенный мужикъ, не спѣша погладилъ бороду:

— Вышлетъ обчество, чтобъ ты зналъ, и не каялся бы...

— Всѣ дороги изъ Сибири въ вашу слободу... ни одна не минуетъ... вышлите и будете каждую ночьку назадъ гостя поджидать...

Тогда они долго молчали и долго смотрѣли въ землю. И рыжебородый сказалъ:

— Убьемъ.

— Убьемъ.

— Все одно, убьемъ.

И сѣденькій старичекъ, ласково глядя на него, подтвердилъ:

— Убьемъ, Яшенька, больше нечего... убьемъ, Яша, податься намъ некуда, самъ понимаешь...

Яшка сощурилъ глаза, какъ будто слишкомъ ярко свѣтило солнце, и свиснулъ такъ, что голуби и воробьи съ шумомъ вылетѣли изъ-подъ соломенной застрехи.

— Служите панихиду; да сзывайте на поминки, на почестной пиръ гостей, друзей, моихъ товарищей, да заготовляйте больше браги да сладкой водочки. Загуляютъ молодцы, прилетятъ орлы степные, да, чтобъ свѣтлѣе было, закурятъ трубки съ четырехъ концовъ, чтобъ по всей степи видно было, какъ по товарищу поминки справляютъ, гульбу гуляютъ. Ну, а домой станутъ собираться, вы ужъ коней со всей слободы приготовьте, не пѣшкомъ гостямъ идти... Хе-хе-хе!.. а?.. такъ-то... покеда что будемъ жить, а обѣщать я ничего не обѣщаю, всѣ ли кони у васъ цѣлы будутъ съ этой ночи, али нѣтъ, сами считайте...

Медленно шли старики по широкой улицѣ, о чемъ то говорили и разводили руками.

Долго пропадалъ Яшка, и всѣ вздохнули. Но онъ опять появился и шелъ по улицѣ, какъ всегда ухарь и щеголь.

Навстрѣчу Ганна съ полными ведрами босикомъ осторожно по горячей пыли, опустивъ глаза. Исхудалая, какъ будто постарѣвшая, отрепанная, съ черными пятнами загара на ввалившихся щекахъ.

— Добраго здоровья!.. давно не видались...

Но она, сгибаясь подъ тяжелымъ коромысломъ съ раскачивающимися полными ведрами, не глядя, обошла и пошла дальше. Яковъ загородилъ дорогу.

— Али генеральшей стала?

И, зло усмѣхаясь, бросилъ:

— Не сладко?

Та задрожала, коромысло соскользнуло, ведра опрокинулись, Ганна сѣла, какъ стояла, въ пыль, зажала лицо руками, и билась въ нестерпимыхъ, рвущихъ грудь рыданіяхъ.

Съ той роковой ночи, послѣ которой Олихменковы проснулись нищими, непереходимой молчаливой чертой сомкнулось вокругъ нея отчужденіе. Всѣ отшатнулись, точно и къ ней прикоснулась чума. Уже никто не слыхалъ ея въ яркой толпѣ дѣвокъ, не плыла серебромъ въ лѣтнемъ сумракѣ ея пѣсня, и парни не баловались и не шутили съ ней, когда соберется молодежь на праздникъ за околицей.

О томъ, чтобы посватались за нее теперь нечего и думать,—судьба Олихменковыхъ грозно стояла предъ глазами, и, какъ въ осеннюю дорожную слякоть, идти ей до могилы покинутой, никому ненужной, старой дѣвкой.

Дома ее поѣдомъ ѣли старики, точно она во всемъ виновата, и собирались отправить ее въ городъ въ прислуги. А она валялась у нихъ въ ногахъ, только бы остаться. Еще малюткой качалась она въ люлькѣ на пашнѣ, и степной вѣтеръ обвѣвалъ ее; выросла среди деревенской улицы, среди избъ, плетней, навѣсовъ, всего деревенскаго уклада, среди деревенскихъ пѣсенъ и слезъ, нужды и радости, и не умѣла оторваться ото всего этого.

— Не сладко?

Яшка стоялъ надъ рыдавшей дѣвушкой, когда-то задорной, сильной, кровь съ молокомъ, и изъ-подъ черной брови сверкалъ лукавый глазокъ. Пришелъ кто-то и стеръ румянецъ, задоръ, веселье, безпечность, стеръ и унесъ и Яшкино

счастье, любовь, семью, и жизнь мужицкую, въ которой онъ хотѣлъ отдохнуть отъ своей загулявшейся молодости.

И его охватывало сладостно-мстительное чувство, то чувство, съ какимъ онъ прислушивался къ глухому, ни днемъ, ни ночью не замирающему напряженію ожиданія, которое, какъ мглой, опутывало и душило мужиковъ.

Она рыдала.

Онъ, было, пошелъ, но вдругъ, повернулся, наклонился, взялъ ее за руку.

— Ганна... слышь...

Жгучее, почти болѣзненно-радостное чувство невыразимой нѣжности, жалости подрѣзало его, какъ осоку зазвенѣвшій серпъ. И, точно обрадовавшись нахлынувшему внезапно и помимо воли чувству, онъ заговорилъ измѣнившимся голосомъ.

— Слышь, Ганна... брось... скажи только слово, горло всѣмъ перерву, камня на камнѣ не оставлю... брось... скажи только... уѣдемъ... уѣдемъ вмѣстѣ въ городъ али... куда... брось... заживемъ панами... только что птичьяго молока не будетъ у насъ... Слышь ты, Ганна, люба моя... не клиномъ свѣтъ сошелся... раздолья-то куда хошь...

А она поднялась, и на него безконечной ненавистью глянули сухіе горячечные глаза, и изъ трепещущихъ отъ злобы губъ вырвалось:

— Воръ... воръ!.. будь ты проклятъ!..—и плюнула ему въ лицо.

Черная глухая ночь молча обнимаетъ невидимыя избы, улицы, сады, невидимое небо, степь. Не шелохнется листъ, только далекія собаки отрывисто, монотонно и слабо доносятъ лай.

Въ избушкѣ тихо, темно, нѣтъ огня.

Человѣкъ лежитъ, закинувъ руки за голову. Задремываетъ чуткимъ, прислушивающимся сномъ, которымъ спалъ прежде только на „работѣ“, а теперь и дома.

Среди ночи и молчанія кто-то ходитъ легкими, неслышными шагами, прокрадется къ дверямъ, хруснетъ камышинкой, постоитъ, и опять все та же тьма, наполненная тяжелымъ молчаніемъ.

— Караулятъ!..

Зло усмѣхаясь, поворачивается на бокъ и засыпаетъ, но сейчасъ же, какъ ему кажется, просыпается:

— А?..—и садится съ бьющимся сердцемъ.

Также могильно черно и нѣмо, но что-то въ этой нѣмотствующей непроглядно влажной темнотѣ случилось.

— Да ну, ничего нѣту... собаки али лиса...

Но непотухающее безпокойство не даетъ сомкнуть глазъ. И онъ подымается и, напряженно впиваясь въ густую, все заслоняющую, ровную, таинственную тьму, безоружный выходитъ во дворъ.

Темно и тихо.

Въ нешевелящейся напряженной темнотѣ кажется вотъ-вотъ недовольно сдержанно, угрожающе, заворчитъ громъ, широкимъ на секунду синевато-задерживающимся свѣтомъ полыхнетъ молчаливая молнія, но по прежнему темно и тихо.

Глазъ понемногу привыкаетъ. Смутно, чернымъ контуромъ, подымается уголъ избы и тонетъ вмѣстѣ съ крышей въ океанѣ мрака. Гуще, чѣмъ эта непроглядная ночь, проступаетъ темная чаща деревьевъ и тоже расплывается въ тяжелой, влажной, давящей тьмѣ.

— Никого... попритчилось...

Онъ уже хочетъ уходить,—какъ глазъ поражаетъ смутный, неподвижно-темный абрисъ человѣка въ сторонѣ подъ деревомъ. Онъ--прямой, высокій, какъ будто проглотилъ палку.

— Ты что?

Тотъ неподвиженъ.

Волосы шевелятся на головѣ Якова.

— Кто?—и, протянувъ руки, дѣлаетъ шагъ.

Рука натыкается на платье. Это—женщина. Она такая же неподвижная, вытянутая, неестественно высокая, и—что покрываетъ ужасомъ—слегка откачивается отъ руки, ощущающей послѣднюю теплоту стынущаго тѣла.

— Ганна... Ганна!.. слышь?.. а?.. Ганна!..—бормочетъ онъ безсмысленно, стараясь притянуть и поставить на ноги, которыя, упрямо качаясь, не касаются земли.

И ночную тяжелую тьму по-звѣриному прорѣзаетъ крикъ и потомъ повторяется слабѣе за терновникомъ въ камышахъ,

Лошадь перестаетъ жевать наваленное передъ нею сѣно, стрижетъ ушами. Черезъ минуту слышенъ ея тяжелый скокъ и трескъ ложащихся, ломающихся камышей, и все слабѣющіе, пропадающіе вмѣстѣ съ лошадинымъ топотомъ въ темной степи бѣшено-звѣриные крики.

— Ратуйте!.. ратуйте!.. ратуйте!..

Позади по прежнему неподвижно темно, и лишь доносится замирающій лай собакъ.

Онъ продолжаетъ скакать въ глухую степь, гдѣ нѣтъ людей, жилья, нѣтъ завтрашняго дня, просыпающагося

круга очередной работы, заботъ; въ глухую безлюдную степь, гдѣ по непролазнымъ чащамъ глухихъ овраговъ и балокъ щенятся лишь волчьи выводки.

Уже все чаще спотыкается лошадь, огромное пространство молчаливо ложится позади.

Вдругъ изо всѣхъ силъ откидывается назадъ, бѣшено натягивая поводья.

Лошадь садится на заднія ноги, задыхаясь и крутя головой. Совсѣмъ передъ лошадиной мордой встаютъ черные силуэты какъ будто хаты.

Ни малѣйшаго звука, ни лая, ни шороха. Не ворчитъ громъ, не вспыхиваютъ зарницы. Не слышны обычно заполняющіе лѣтнюю ночь непрестаннымъ, неумолчнымъ сверленіемъ кузнечики. Тучи, тяжелыя, мрачныя и влажныя, невидимо и низко лежатъ на землѣ, все такъ-же удушливо обѣщая ночную грозу и не давая ни капли дождя.

И опять прорѣзываетъ густую тьму:

— Ра-туй-те!..

Онъ поворачиваетъ, бьетъ изступленно лошадь и скачетъ въ другую сторону, туда, во тьму отъ людей, отъ ихъ жилищъ, и невидимо рвущійся изъ-подъ копытъ конскій топотъ снова заполняетъ безпредѣльно простирающуюся тьму. Только изуродованными, разорванными кусками несется темный воздухъ, свиститъ въ ушахъ, безжалостно треплетъ одежду.

Уже съ хриплымъ, свистящимъ дыханіемъ рвется подъ нимъ лошадь, но не видно ни падающей пѣны, ни вытянутой головы и шеи, ни кровавыхъ ноздрей, ни улетающей сухой твердой земли.

И, наполняя душу несказаннымъ ужасомъ, смутно проступая, черно выростаютъ какъ будто контуры хатъ, молчаливые, нѣмые...

— Ратуйте!.. ратуйте!..

Но уже не можетъ сдержать скачущей лошади и, припавъ къ ея мокрой отъ пѣны шеѣ, мчится къ этому неподвижно чернѣющему человѣческому жилью, какъ въ черную пропасть...

На другой день мужики нашли въ степи, на току, среди неподвижно-молчаливыхъ скирдовъ лошадь. Она лежала, какъ грянулась объ укатанную землю, съ высоко вздувшимися боками, вытянутыми какъ колья ногами и застывшей пѣной въ оскаленныхъ зубахъ. Возлѣ, раскинувъ руки, лежалъ Яковъ, съ разбитой о молотильный катокъ головой.

А. Серафимовичъ.

Сонеты.

I

Я много странствовалъ. Я видѣлъ океаны,
Высокихъ снѣжныхъ горъ алмазные хребты,
Пустыни мертвыя, зеленыя саванны,
Тропическія звѣзды и цвѣты.

Мнѣ гибелью не разъ грозили ураганы,
Не разъ мой конь скользилъ надъ бездной пустоты,
И сквозь летучіе миражные обманы
Оскаливала смерть голодныя черты.

Но я не уставалъ. Я съ страстью ненасытной
Рвался къ опасностямъ. Я жаждалъ красоты.
Мнѣ былъ противенъ міръ предательскій и скрытный,

Базаръ торгашества и будни суеты.
Гдѣ люди, тамъ и зло. Всѣ гнутъ предъ силой выи.
Не измѣняютъ лишь природа и стихіи.

II

Скрежещетъ ключъ въ замкѣ. Калитка отомкнута
И снова замкнута. Я здѣсь, въ своемъ саду.
Я снова одинокъ. Я никого не жду,
Никто не ждетъ меня у моего пріюта.

Ни свѣта за окномъ, ни ласки, ни уюта.
По влажному песку среди деревъ иду.
Лищь полки вѣрныхъ книгъ на мѣстѣ я найду,
И за минутою потянется минута...

Днемъ буду я бродить, а по ночамъ читать,
Читать до одури, безсоницей томиться
И слушать, какъ въ окно бьетъ вѣтеръ, дождъ стучится,

И бурныхъ волнъ морскихъ тоскующая рать
Гремитъ у берега, рыдаетъ на просторѣ,
Хоронитъ прошлое и окликаетъ горе.

А. Ѳедоровъ.

Послѣднія теченія французской живописи.

„Прекрасное всегда странно, но не все странное прекрасно".

Ш. Бодлэръ.

Въ широкихъ кругахъ русскаго общества до сихъ поръ еще держится взглядъ на новое искусство, какъ на искусство *декадентское*, какъ на продуктъ упадка и вырожденія, симптомъ „болѣзни духа" [1]). При этомъ имѣется въ виду не только искусство, характеризующее вырожденіе извѣстныхъ общественныхъ слоевъ, но и вырожденіе самого искусства. Правда, слово „декадентство" имѣетъ право гражданства въ исторіи искусства: такъ, мы можемъ говорить о декадансѣ итальянскаго искусства послѣ Микель-Анджело, или испанскаго послѣ Гойи, болѣе того—о декадансѣ почти всего европейскаго искусства въ теченіе XVIII в. Но ставя клеймо декаданса на новую живопись конца XIX и начала нашего столѣтія, мы, какъ и всегда, лишь повторяемъ ту же самую ошибку, которую, съ легкой руки Макса Нордау, дѣлала западно-европейская публика и въ которой она уже начала каяться. Въ самомъ дѣлѣ: именно эта, только что пережитая нами, эпоха ознаменовалась не упадкомъ, а расцвѣтомъ живописи, не мертвымъ застоемъ, а глубочайшей революціей, открывшей новые горизонты и проложившей путь для современнаго и грядущаго искусства. Будущій историкъ долженъ будетъ отмѣтить этотъ періодъ, не какъ безвременье упадка, а какъ эпоху новаго возрожденія.

Правда, современное искусство переживаетъ глубокій кризисъ, и въ немъ есть несомнѣнные элементы декаданса. Декадансъ—это все растущее перепроизводство художниковъ,—это колоссальныя выставки, рынки картинъ, на которыхъ истинныя произведенія искусства тонутъ въ морѣ сорной травы; — это несмѣтная толпа подражателей, этихъ „хрюкающихъ поросятъ", которые жадно набрасываются на каждаго крупнаго художника, опошляютъ и

[1]) См. напр. статью Бердяева „Декадентство и общественность".

доводятъ до абсурда каждую крупную идею; — это, наконецъ, полный разрывъ между народомъ и художественной культурой, между публикой и художниками. Но всѣ эти симптомы свидѣтельствуютъ не столько объ увяданіи искусства какъ таковаго, сколько о вырожденіи всего нашего общественнаго строя, о сумеркахъ нашей культуры. Никогда еще общественныя условія не были менѣе благопріятны для развитія художественнаго творчества, чѣмъ въ наше время, но все таки искусство идетъ впередъ, ширится художественная воспріимчивость, утончаются слухъ и зрѣніе, и часто на больной почвѣ распускаются геніальные „красные цвѣтки“ творчества. Искусство декадентской эпохи еще не есть декадансъ искусства. Послѣ смерти Александра Македонскаго былъ упадокъ Аѳинъ, но не было упадка скульптуры: Родосская и Пергамская школа создали новые элементы красоты, обогатили искусство новыми завоеваніями, но въ плохихъ учебникахъ исторіи новаторство до сихъ поръ смѣшивается съ декадентствомъ и эллинистическая скульптура называется „декадентской“. Но не являются ли еще большими новаторами современные „декаденты“? Ибо характерно то, что величайшіе художники прошлаго были вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми яркими выразителями своего вѣка, въ то время, какъ лучшіе художники современности идутъ „противъ теченія“ и перерастаютъ свое время. Они живутъ отверженными, умираютъ непонятыми, и лишь слѣдующее поколѣніе начинаетъ ихъ реабилитировать, и тогда оказывается, что то самое искусство, которое считалось „декадентскимъ“, и есть настоящее, классическое искусство, а то, которое считалось настоящимъ, лишь пустоцвѣтъ. Такова „обыкновенная исторія“ всѣхъ художниковъ нашей эпохи. Не доказываетъ ли это чрезвычайнаго консерватизма нашихъ эстетическихъ оцѣнокъ? Въ самомъ дѣлѣ, мы радуемся прогрессу во всѣхъ областяхъ жизни, превозносимъ до небесъ ученыхъ за ихъ открытія, производящія революцію въ наукѣ; для одного лишь искусства дѣлается исключеніе; одно лишь искусство мы обрекаемъ на вѣчную неподвижность и вѣчный застой; одни лишь художественныя цѣнности мы оставляемъ безъ переоцѣнки! Стоитъ только художнику выйти изъ установленныхъ рамокъ, перестать писать такъ, какъ писали его предки—и его обвиняютъ въ неискренности и декадентствѣ!

Но не лежитъ ли въ основѣ этого эстетическаго консерватизма чувство привычки, въ силу котораго дѣти любятъ сто разъ слушать одну и ту же сказку, и боязнь той затраты энергіи, которая требуется на воспріятіе еще невиданныхъ красокъ и формъ? Ибо „прекрасное всегда странно“, какъ вѣрно замѣтилъ поэтъ Бодлэръ: въ прекрасномъ всегда есть элементъ новизны, откровеніе.

И не пора ли намъ уже отбросить догматическую и патологическую точки зрѣнія въ области искусства и стать на единственно вѣрную и научную точку зрѣнія развитія. Мы вѣдь такъ любимъ говорить, что исторія есть процессъ; такъ будемъ же разсматривать и искусство, какъ безконечную цѣпь развитія. Правда, это процессъ несравненно болѣе медленный и консервативный, чѣмъ исторія человѣческой мысли: онъ часто оглядывается назадъ, подолгу останавливается на одномъ мѣстѣ. Въ наукѣ одно открытіе влечетъ за собой другое, въ искусствѣ художественное откровеніе часто превращается въ тормазъ дальнѣйшаго движенія, и въ сущности исторія искусства есть исторія освобожденія его отъ пережитковъ прошлаго. Вотъ почему, прежде чѣмъ говорить о новомъ искусствѣ, посмотримъ, какова точка его отправленія.

Вся исторія искусства въ общемъ и цѣломъ можетъ быть сведена къ борьбѣ двухъ тенденцій, изъ которыхъ попеременно то одна, то другая брала верхъ — реализма и идеализма, внѣшняго впечатлѣнія и отвлеченной мысли. Новое искусство, не смотря на свои анти-реалистическіе выводы, глубоко реалистично по своему происхожденію. Оно—заключительное звено того процесса, который начался еще на рубежѣ античнаго искусства. Старый итальянскій реализмъ I вѣка былъ побѣжденъ христіанствомъ и только въ XIV в. самъ побѣдилъ Византійское искусство: въ лицѣ Джіотто и другихъ художниковъ ранняго итальянскаго возрожденія живопись стала возвращаться къ реальной дѣйствительности. Но въ XVI в. началось увлеченіе другимъ отвлеченнымъ идеаломъ—античнымъ міромъ, который сначала вызвалъ возрожденіе искусства, а затѣмъ превратился въ застывшую догму. Гуманизмъ сталъ классицизмомъ, который и вошелъ въ плоть и кровь всего европейскаго искусства и почти на 3 столѣтія оторвалъ художника отъ жизни. Въ XVII вѣкѣ въ Голландіи и Испаніи сдѣлана была попытка освободиться отъ этого новаго итальянскаго ига. Въ буржуазной Голландіи рождается жизнерадостный реализмъ Рембранта и Рубенса; въ феодальной Испаніи—аристократическій реализмъ Веласкеца. Подъ конецъ своей жизни (въ 1656 г.) этотъ геніальный портретистъ перешагнулъ даже за грани реализма и его портреты Инфантъ можно считать первымъ знаменіемъ новаго искусства. Это была первая попытка перейти отъ красочной пестроты къ красочной гармоніи, отъ объективнаго копированія къ субъективному синтезу. Но часъ новаго искусства еще не пробилъ; только черезъ два вѣка сѣмена, посѣянныя Веласкецомъ, взошли на французской почвѣ.

Съ появленіемъ на исторической сценѣ третьяго сословія въ Англіи и во Франціи живопись также переходитъ къ реалисти-

ческому изображенію быта—къ портрету и жанру. Но вмѣстѣ съ соціальной революціей и появленіемъ новой публики измѣнилось и назначеніе искусства. Въ древности искусство было органической потребностью жизни, въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія оно было служеніемъ Богу. Но для искусства-игры, для искусства-молитвы не было больше мѣста въ новомъ обществѣ: искусство стало роскошью. Для дѣловыхъ людей, занятыхъ первоначальнымъ накопленіемъ, оно имѣло raison d'être лишь постольку, поскольку приносило пользу. И въ Англіи и во Франціи новое общество потребовало отъ искусства искупительной жертвы [1]). Оно потребовало, чтобы искусство перестало существовать самостоятельной жизнью и превратилось въ воспитательное средство — въ родѣ розогъ, каковыми были картины англичанина Гогарта, обличавшаго пороки третьяго сословія,—или похвальнаго листа, каковымъ были картины французскаго художника Греза, изображавшаго добродѣтели того же сословія. И грекъ, и итальянецъ, и маркизъ XVIII ст. наслаждались искусствомъ безкорыстно, потому что оно повышало радость жизни; буржуазная же публика, ввалившаяся своими сапожищами въ салонъ 1790 года, способна была реагировать лишь на поучительное и сентиментальное и созерцала картины такъ же, какъ слушала политическихъ ораторовъ.

Именно эта доктрина эстетическаго утилитаризма и погубила реализмъ въ самомъ его зародышѣ и привела къ новому и пышному расцвѣту классицизма. Античная свобода считалась идеаломъ политики и поэтому античная красота стала идеаломъ искусства. Порвалась нить, связывавшая искусство съ жизнью; живопись и скульптура перешли къ подражанію древне-греческимъ формамъ, къ иллюстрированію античной поэзіи и исторіи. Художественное произведеніе стало цѣниться не по тому, *какъ* оно изображало, а по тому, *что* было изображено; весь интересъ его сосредоточился на сюжетѣ, на анекдотѣ, къ которому краски и рисунокъ являлись лишь безплатнымъ приложеніемъ. Стерлось всякое различіе между живописью и повѣствовательной литературой. Эта дидактическая тенденція пустила чрезвычайно глубокіе корни во всѣхъ странахъ. Въ 40-хъ годахъ XIX в. она возродилась съ новой силой въ живописи англійскихъ прерафаэлитовъ, для которыхъ искусство было лишь средствомъ религіознаго внушенія или нагляднаго объясненія природы. Рескинъ, теоретикъ этого теченія, заявилъ, что „искусство, цѣлью котораго является

---

[1]) „Каждое произведеніе скульптуры и живописи должно выражать какую либо великую максиму и быть урокомъ для зрителя; безъ этого оно нѣмо" — писалъ Дидро. См. Diderot, Oeuvres, т, IV. „Статуя героя—урокъ мужества, статуя мудреца—трактатъ о морали" — говорилъ Q. de Quincy, см. Considerations sur les arts. 1791.

удовольствіе, украшеніе, есть признакъ дикихъ и жестокихъ націй, въ то время какъ искусство, популяризирующее великіе факты, свидѣтельствуетъ объ утонченности духа" [1]). Но еще болѣе богатую почву этотъ педагогическій реализмъ нашелъ въ 60-хъ годахъ у насъ, въ Россіи. Здѣсь онъ достигъ высшей точки своего развитія и отлился въ наиболѣе кристаллизованную форму. Правда, въ основѣ „идейной" и „гражданской" живописи нашихъ передвижниковъ лежали чисто-русскія и глубокія причины: „болѣзнь совѣсти", психологія кающагося барства, но все же духовное родство нашего народническаго искусства съ идеями французскихъ ситуаеновъ XVIII в. несомнѣнно. И тѣмъ не менѣе „передвижничество" на долгое время застраховало насъ отъ художественныхъ открытій аморальнаго запада! И только въ послѣдніе годы, параллельно съ нарожденіемъ общественности и европеизаціей всего строя жизни, идетъ эмансипація нашего художества отъ морали и публицистики... Что же касается „Германіи туманной", то здѣсь, также какъ и въ Англіи, живопись носитъ скорѣе философскій, чѣмъ интуитивный, скорѣе классическій, чѣмъ современный характеръ. Картины Беклина, Штука, Клингера, Тома, всѣ эти фавны и сфинксы, эти философскія загадки въ краскахъ—ничѣмъ органически не связаны съ нашей эпохой,—они могли бы появиться и 100 лѣтъ тому назадъ. Фридрихъ Ницше очень мѣтко охарактеризовалъ это старое дидактическое искусство. „Нѣмцы—говоритъ онъ—хотятъ при помощи художниковъ возбудить въ себѣ и пережить воображаемую страсть; итальянцы хотятъ при помощи художниковъ успокоить свою дѣйствительную страсть, французы же хотятъ воспользоваться искусствомъ для того, чтобы доказать свою мысль и имѣть поводъ къ рѣчамъ" [2]).

Итакъ, передъ новымъ искусствомъ стояла двоякая задача. Надо было освободить искусство отъ классицизма, отъ всѣхъ пережитковъ и наслоеній прошлаго, наполнить его современной кровью и плотью, создать *современное* пониманіе красокъ и формъ. Такова была художественная сторона задачи. Надо было освободить въ искусствѣ искусство, расковать золотыя цѣпи морали и литературы и поставить его на собственныя ноги, на которыхъ оно стояло раньше—другими словами возродить *чистое, свободное* искусство. Такова была формальная сторона задачи. Борьба за это двоякое освобожденіе искусства и есть исторія новой живописи.

Родина ея—Англія. Только въ лондонскихъ туманахъ могла родиться мысль о томъ, что живопись есть прежде всего гармо-

---

[1]) R. de-Sizeranne. La peinture anglaise contemporaine, стр. 257.

[2]) Ф. Ницше. Утренняя Заря, стр. 124.

нія красокъ, и въ пейзажахъ Тернера (1775—1851) впервые засіяли свѣтлыя и воздушныя краски и засверкало солнце. Здѣсь же въ 1843 году прозвучалъ призывъ Рескина, ставшій лозунгомъ всего новаго искусства: назадъ къ природѣ, къ природѣ, въ которой нѣтъ ничего чернаго и бураго [1])! Рескинъ провидѣлъ основные принципы той техники, которая впослѣдствіи легла въ основу импрессіонизма, но на этомъ завоеваніи и остановилась англійская живопись. Сдѣлавъ шагъ впередъ, Рескинъ сдѣлалъ два шага назадъ. „Молодые художники—писалъ онъ—должны итти къ природѣ со всей простотой своего сердца и слѣдовать за нею покорно и благоговѣйно, имѣя только одну мысль: понять ея урокъ, *ничего не отбрасывая, ничего не презирая, ничего не выбирая*" [2]). Ботанической точности требовалъ Рескинъ прежде всего; оказалось, что художникъ сбросилъ черные очки, черезъ которые онъ раньше смотрѣлъ на природу, лишь для того, чтобы взяться за микроскопъ. И дѣйствительно прерафаэлизмъ и былъ сочетаніемъ научнаго педантизма формы съ религіознымъ мистицизмомъ содержанія. Англичане открыли лишь технику, скелетъ новой живописи, но душу въ нее вдохнули французы.

I.

> „Внѣ академій, жюри и салоновъ начинается движеніе, которое пойдетъ далеко—Импрессіонизмъ... Ему принадлежитъ будущее".
>
> (О. Мирбо. Салонъ 1885).

> „Мы работаемъ вмѣстѣ со всѣмъ вѣкомъ надъ великимъ дѣломъ завоеванія природы".
>
> (Зола, Le Roman experimental).

Парижъ—истинная столица новаго скусства; здѣсь подымались новыя знамена, отсюда они разносились по всему свѣту. Англичане и нѣмцы искали въ картинахъ философскихъ глубинъ, французы же—самодовлѣющей красоты. Вотъ почему германскія и англійскія картины лишь эпизоды въ исторіи искусства, французскія же создавали эпоху и производили революцію.

Буревѣстникомъ новой французской живописи былъ Делакруа (1798—1863). Какъ это часто бываетъ съ художниками и писателями, его реальное значеніе совсѣмъ не совпадало съ его номинальной ролью. Онъ былъ *романтикомъ* въ сюжетахъ, но сталъ

---

[1]) J. Ruskin, Modern Painters (1843).

[2]) Ibid., т. II, ч. III.

безсмертнымъ, благодаря *реализму* своего колорита. Это былъ первый художникъ, который, послѣ Рубенса и Тиціана, осмѣлился писать красками, въ то время какъ его современники лишь раскрашивали свои мысли. Делакруа реабилитировалъ живопись. До него художники писали грязнобурыми красками, подражая тѣмъ почернѣвшимъ отъ многовѣковой пыли картинамъ старыхъ мастеровъ, которыя они видѣли въ музеяхъ. Делакруа первый очистилъ свою палитру отъ этихъ музейныхъ тоновъ; „врагъ всякой живописи—говорилъ онъ—это сѣрый тонъ". Его картины были первой попыткой разрѣшить проблему свѣта и воздуха въ живописи, но ему удалось лишь намѣтить путь къ ея разрѣшенію, на который и вступили черезъ 30 лѣтъ импрессіонисты. Наконецъ, Делакруа явилъ собою и первый типъ современнаго художника-искателя, полярную противоположность англійскому прерафаэлиту. „Холодная работа—писалъ Делакруа—это не искусство. Задачей художника не можетъ быть *точное* воспроизведеніе предметовъ, ибо высшая цѣль искусства есть передача *впечатлѣнія*" [1]).

Первымъ теоретикомъ новой живописи и защитникомъ Делакруа былъ поэтъ *Бодлеръ* (1821—1867). Какъ Делакруа въ своей живописи, такъ и Бодлэръ въ своихъ критическихъ статьяхъ о салонахъ 1846—1851 гг. предвосхитилъ весь тотъ кругъ идей, которыми питается современное искусство. Какъ Делакруа классицизму, такъ Бодлэръ нанесъ первый ударъ догматической критикѣ. Онъ первый указалъ на то, что нѣтъ абсолютнаго идеала красоты, что „каждый народъ, каждая эпоха имѣютъ свою красоту и мораль" [2]). Бодлэръ первый заговорилъ о живописи, какъ о гармоніи красокъ, какъ о поэзіи и музыкѣ. „Краски это источникъ гармоніи и мелодіи; гармонія—такова должна быть основа теоріи красокъ"... „Лучшій способъ для того, чтобы узнать мелодична ли данная картина, это посмотрѣть на нее съ такого разстоянія, съ котораго нельзя различать ни сюжета, ни линій. Если она мелодична, то и безъ этого *въ ней уже есть смыслъ* и она запечатлѣвается въ нашей памяти" [3]). Это было цѣлое откровеніе: въ то время какъ господствующая классическая доктрина усматривала въ краскахъ лишь неизбѣжное зло, Бодлэръ осмѣлился заговорить о томъ, что колоритъ имѣетъ „смыслъ" самъ по себѣ, о томъ, что живопись—самоцѣль.

Но первая ласточка еще не дѣлаетъ весны. Тщетно Бодлэръ защищалъ Делакруа—послѣдній еще не могъ совершить переворота и свергнуть бездушную статую академизма. Яркія краски и бурная фантазія Делакруа современникамъ казались варварствомъ.

---

1) См. P. Signac. D'Eug. Delacroix au néo-impressionisme.

2) См. Ch. Baudelaire, Curiosités Esthétiques, стр. 84.

3) Ch. Baudelaire, Les Curiosités Esthétiques.

„Massacre de Scio,—выразился Гро про извѣстную картину Делакруа,—c'est massacre de la peinture". Являясь реакціей противъ догматическаго классицизма, романтизмъ въ поэзіи и живописи провозгласилъ полную свободу художественнаго творчества и господства индивидуализма или, какъ выражался Бодлэръ, „темперамента" [1]), въ искусствѣ. Но для того, чтобы эта программа могла осуществиться, для того, чтобы живопись могла стать тѣмъ „царствомъ воображенія", о которомъ мечталъ Бодлэръ, она должна была предварительно пройти черезъ діалектически-противоположную стадію развитія—позитивизмъ. Только черезъ 30 лѣтъ созрѣла почва для воплощенія тѣхъ началъ, которыя намѣчены были Парнасской поэзіей и живописью Делакруа. Живопись пережила ту же самую эволюцію, что и литература, только съ нѣкоторымъ запозданіемъ.

Въ серединѣ XIX ст. наступилъ кризисъ романтизма. Позитивная философія О. Конта стала евангеліемъ писателей и художниковъ. Развитіе естествознанія показало, что человѣкъ отнюдь не царь вселенной, не мѣра вещей, и центръ тяжести въ искусствѣ перенесся изъ личности художника во внѣшній міръ. Бальзакъ и Флоберъ первые приступили къ точному, естественно-научному изученію „человѣческой комедіи", къ реалистическому изображенію современнаго общества. Этому натурализму въ литературѣ соотвѣтствовалъ реализмъ Курбэ и Миллэ въ живописи. Реализмъ раздвинулъ рамки художественнаго творчества, заставилъ художниковъ обратиться отъ классической Греціи и романтическихъ Среднихъ Вѣковъ къ современной дѣйствительности, отъ классически правильнаго—къ индивидуальному, отъ профессіональныхъ натурщиковъ—къ бытовымъ фигурамъ: каменотеса и крестьянина, прачки и рабочаго. Курбэ доказывалъ, что единственный источникъ искусства это—не застывшая догма, не отвлеченный идеалъ, а живая природа, восприятіе внѣшняго міра. Постановка вопроса была совершенно правильная. Курбэ реабилитировалъ современную дѣйствительность въ области сюжета, и въ этомъ его огромная историческая заслуга, но онъ не научилъ смотрѣть на нее глазами художника. Если классицизмъ драппировалъ природу въ античную тогу, а романтизмъ облекалъ ее въ рыцарскіе доспѣхи, то реалисты рѣ-

---

[1]) „Зачѣмъ нужна критика?"—спрашиваетъ Бодлэръ—„Ея задачей является требовать отъ художника чтобы онъ со всей наивностью и искренностью выразилъ свой темпераментъ, пользуясь всѣми средствами, которыя ему предоставляетъ его спеціальность. *Кто не имѣетъ темперамента, тотъ не достоинъ писать картины*—пусть онъ поступитъ въ помощники къ художнику съ темпераментомъ! Ch. Baudelaire, Les Curiosités Esthétiques стр. 81.

шили, не мудрствуя лукаво, раздѣть ее до нага. И въ погонѣ за „настоящей правдой", за „хорошимъ кускомъ" природы живопись превратилась въ мертвую фотографію, творчество уступило мѣсто наблюденію. Отъ художника не требовалось ни вымысла, ни чувства, его задача свелась къ рабскому и объективному *копированію* природы. „Поэты и художники,—писалъ Прудонъ въ своей книгѣ о Курбэ—въ человѣчествѣ то же, что пѣвчіе въ церкви или барабанщики въ полку. Мы требуемъ отъ нихъ не ихъ личныхъ переживаній, а своихъ: они не для себя рисуютъ. поютъ и играютъ, а для насъ" [1]). Безличность, безстрастность были основной чертой и натурализма въ литературѣ. „Искусство,—писалъ Флоберъ—недолжно имѣть ничего общаго съ художникомъ... Страсть не создаетъ стиховъ, и чѣмъ субъективнѣе поэтъ, тѣмъ онъ слабѣе... Чѣмъ менѣе мы переживаемъ какую либо вещь, тѣмъ болѣе мы способны выразить ее такою, какова она есть, какова она всегда, какова она сама по себѣ, очищенная отъ всего случайнаго"... [2]).

Комично было то, что Курбэ, этотъ революціонеръ и членъ Коммуны, думалъ, что его грубый реализмъ и „отрицаніе идеаловъ" именно и есть настоящее, новое и соціалистическое искусство. Между тѣмъ, исторія учитъ насъ тому, что всегда и вездѣ—въ Греціи, Италіи и Голландіи,—этотъ объективный реализмъ, это паденіе искусства съ неба на землю были знаменіемъ грядущей буржуазіи; что всегда и вездѣ требованіе „голой правды" и точнаго сходства исходило отъ частныхъ буржуазныхъ заказчиковъ. Ибо, какъ правильно замѣтилъ одинъ историкъ французской буржуазіи, объясняя склонность буржуазной публики временъ Великой Революціи къ портрету, „констатированіе сходства портрета съ моделью не требуетъ ни высокой культуры, ни художественнаго чутья". [3]) И въ этомъ сближеніи искусства съ бытомъ, въ этомъ уклонѣ искусства отъ общаго къ индивидуальному, отъ божескаго къ человѣческому и заключается косвенное значеніе буржуазіи въ исторіи искусства. Таково же было чисто формальное значеніе и реализма Курбэ.

Итакъ, дѣйствительность была вновь обрѣтена и возстано-

---

[1]) Прудонъ. Искусство, его основанія и общественное назначеніе С.-Пет. 1865, стр. 146. Вотъ одинъ изъ перловъ мѣщанскаго міросозерцанія Прудона: „Въ каждомъ произведеніи искусства первымъ нужно принять во вниманіе самую идею и практическую цѣль его, а потомъ исполненіе. Цѣль прежде средствъ; содержаніе прежде формы; мысль прежде осуществленія". (стр. 423).

[2]) Brunetiere, L'évolution de la poésie lyrique en France т. II, стр. 130.

[3]) Benoit, L'Art français sous la Rèvol. et l'Empire, стр. 139

влена въ правахъ; отнынѣ надо было найти и доказать ея красоту: это и сдѣлалъ импрессіонизмъ.

Отцомъ импрессіонизма принято считать Э. Манэ [1]), но это не совсѣмъ такъ. Не онъ создалъ импрессіонистскую теорію и технику, но онъ первый подошелъ къ реальной природѣ съ осознанной художественной задачей. Реалисты изображали ее, какъ пассивные фотографы, „ничего не выбирая, ничего не презирая“, Манэ же первый выставилъ принципъ *концентрированнаго* воспроизведенія природы, произвольнаго *выбора* тѣхъ элементовъ ея, которые эстетически цѣнны. У прежнихъ художниковъ были раскрашенныя линіи, у Манэ же линіи растворились въ пятнахъ, и эта побѣда пятенъ надъ линіями была первымъ этапомъ живописнаго постиженія природы. Въ первый періодъ, когда Манэ увлекался Веласкецомъ, его занималъ благородный контрастъ темныхъ и свѣтлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ пятенъ; отсюда былъ одинъ шагъ—и онъ перешелъ къ чувственному контрасту красочныхъ пятенъ. Еще одинъ шагъ—и красочныя пятна растаяли въ сплошномъ потокѣ краски, но этотъ шагъ сдѣланъ былъ уже не Манэ, а импрессіонистами... Въ 1863 г. Манэ послалъ въ Салонъ свою картину „Завтракъ на травѣ“, и съ этой даты начинается тридцатилѣтняя война между новой живописью и публикой. Картина вызвала бурю негодованія и по приказу Наполеона III была вынесена въ Салонъ отверженныхъ. Картина, говоритъ Duret—произвела на публику такое же впечатлѣніе какъ дневной свѣтъ на глаза совы: ее находили черезчуръ пестрой“. [2]). Но мало того: Манэ обвиняли въ покушеніи на священныя основы морали, ибо—horribile dictu—голая, только что выкупавшаяся женщина завтракала рядомъ съ одѣтыми мужчинами!

Но „статуя не бываетъ нагой“.

У Манэ было только одно желаніе—показать контрастъ свѣтлаго тѣла съ темными пятнами сюртуковъ и это желаніе не было ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ,—оно было эстетическимъ. Правда, уже реалисту свойственна была любовь къ вещамъ и извѣстный культъ формы—„форма рождаетъ идею“ говорилъ Флоберъ,—но реалистъ любилъ вещи, не какъ художникъ а какъ познающій субъектъ, и устами Прудона требовалъ, чтобы „идея, которую изображаетъ художникъ, всегда была логична, раціональна и истинна“ [3]). Въ противоположность дидактическому реализму Греза, живопись Курбэ была реализмомъ для реализма, изученіемъ ради изученія; но творчество Манэ было уже искусствомъ для искусства, освобожденнымъ отъ „идеи“ и сюжета.

---

[1]) 1832--1883.

[2]) T. Duret, Manet, стр. 23.

[3]) Прудонъ, Ibid, стр. 423.

Въ 1865 г. Манэ выставилъ Олимпію, эту Венеру fin de siecl'a, и публика едва не растерзала ее судомъ Линча, а въ слѣдующемъ году двери Салона оказались уже закрытыми для него. Тогда, отвергнутый Манэ апеллируетъ къ самой публикѣ и, устроивъ отдѣльную выставку, въ предисловіи къ каталогу своихъ картинъ пишетъ: „Манэ никогда не думалъ протестовать, наоборотъ, это противъ него протестуютъ, ибо люди, воспитанные на традиціонномъ пониманіи искусства, не допускаютъ иного пониманія его... Манэ вовсе не претендуетъ на то, чтобы создать новую живопись. Онъ старается лишь быть самимъ собой и никѣмъ другимъ. Художникъ не говоритъ теперь публикѣ: приходите смотрѣть мои безукоризненныя работы, онъ говоритъ: приходите смотрѣть мои искреннія работы. И таково свойство искренности—она придаетъ произведеніямъ художника характеръ протеста, въ то время какъ послѣдній *думалъ лишь о томъ, чтобы прійти къ соглашенію съ публикой*, изъ которой для него сдѣлали врага". [1]) Какъ характерно это воззваніе къ публикѣ, эта просьба о правѣ на искренность. Она могла родиться только въ наше культурное время: и въ Греціи, и въ Италіи не публика вліяла на художниковъ, а художники воспитывали публику; не публика нужна была художникамъ, а художники нужны были публикѣ. Но съ паденіемъ стараго порядка произошла перемѣна ролей. Отнынѣ художникъ сталъ творить не для свободной коммуны, не для утонченнаго Льва X и Сфорца, а на неизвѣстнаго массового потребителя и волей—неволей долженъ искать „соглашенія" съ этимъ новымъ сфинксомъ. Но съ другой стороны, порвалась та пуповина, которая соединяла художника съ обществомъ, искусство съ жизнью, рухнулъ общій религіозный идеалъ, который роднилъ людей между собою, а вмѣстѣ съ нимъ и общій, догматическій идеалъ красоты. Между художникомъ и обществомъ выросла стѣна взаимнаго непониманія... Таково то фатальное противорѣчіе, въ которое упирается современный художникъ и котораго еще не понималъ Манэ. И его надежды на „соглашеніе" не оправдались, и только послѣ его смерти умолкъ злобный хохотъ публики и улюлюканье критики. Правда, были люди, которые оцѣнили его еще при жизни. Въ 1866 г., въ Evenement появилась статья Зола въ защиту Манэ. Это былъ своего рода коммунистическій манифестъ новой живописи, и я позволю себѣ привести кое какія выдержки. „Толпа,—писалъ Зола,—видитъ въ картинѣ лишь сюжетъ, который хватаетъ ее за горло или щемитъ сердце, и не требуетъ отъ художника ничего другого, кромѣ слезъ или смѣха... Я же требую отъ художника, чтобы онъ далъ самого себя, свое сердце и душу... чтобы выразилъ

---

[1]) Th Duret, Manet et son Oeuvre, Paris 1902, стр. 49.

природу такою, какой ее видитъ. Художникъ не долженъ думать о томъ, понравится онъ или нѣтъ; его обязанность быть самимъ собою, обнажить свое сердце, энергично формулировать свою индивидуальность. Онъ долженъ пересоздавать жизнь и творить внѣ всякихъ формулъ, изъ себя... Въ художественномъ произведеніи имѣются два элемента—элементъ реальный, *природа*, и элементъ индивидуальный, *человѣкъ*. Первый является величиной постоянной, второй же наоборотъ способенъ къ безконечному измѣненію. Сколько произведеній, столько и различныхъ людей. Еслибы темперамента не существовало, то картины превратились бы въ фотографіи... *И слово реализмъ ничего не говоритъ моей душѣ: я объявляю реальность подчиненной темпераменту.* Изобразите вѣрно, и я буду рукоплескать, но изобразите индивидуально, и я буду рукоплескать еще громче. Ибо нѣтъ художественной красоты, какъ вѣчной и абсолютной истины... Искусство это функція, это продуктъ человѣка. А это значитъ, что художественное произведеніе сегодняшняго дня перестанетъ считаться таковымъ же завтра, а художественное произведеніе завтрашняго дня не можетъ быть таковымъ же сегодня и у васъ нѣтъ возможности формулировать ни одного правила, ни одной заповѣди художественнаго творчества ...Наши отцы смѣялись надъ Курбэ, а мы восторгаемся имъ; теперь мы смѣемся надъ Манэ, а наши дѣти будутъ приходить въ восторгъ передъ его полотнами". [1]) Эта статья вызвала такую же бурю негодованія, какъ впослѣдствіи знаменитое „J'accuse" и Зола принужденъ былъ перестать сотрудничать въ газетѣ [2]).

Вскорѣ вся ненависть, козломъ отпущенія которой былъ Манэ, вылилась на его молодыхъ друзей. Въ 1874 г. открылась первая выставка этой молодежи, называвшей себя „независимыми", (Intransigents), но такъ какъ на выставкѣ была картина Манэ подъ названіемъ „Impressions" (впечатлѣніе), то публика и окрестила молодыхъ художниковъ „импрессіонистами", и эта кличка утвердилась за новымъ теченіемъ. Бѣшенство публики противъ импрессіонистовъ было такъ велико, что „въ 1875 г., во время распродажи въ Hôtel Drouot, гдѣ chefs d'œuvre Манэ и Ренуара продавались отъ 45 до 100 фр. (!), пришлось насильно увести нѣкоторыхъ цѣнителей, которые готовы были отъ словъ

---

[1]) См. Evenement, отъ 4 мая 1866 г. Статья „Mon Salon"

[2]) „Статья Зола вызвала такое же негодованіе среди публики на бульварахъ, какъ картины Манэ въ Салонѣ... Возбужденіе было всеобщее. Редактору газеты дано было понять, что если онъ не освободится отъ своего художественнаго критика, то читатели освободятся отъ газеты. Тогда редакторъ выпустилъ второго критика, который расхваливалъ то, на что первый нападалъ. Но и эта мѣра не могла успокоить общественное мнѣніе". Duret. Manet, стр. 44.

перейти къ дѣлу“ [1]). Въ чемъ же заключалось преступленіе импрессіонистовъ?

Въ 1870 г. Монэ и Сислэ побывали въ Лондонѣ; здѣсь они открыли забытаго Тернера, здѣсь на берегу Темзы они научились писать на открытомъ воздухѣ. Старые мастера писали природу въ мастерской, пейзажисты XIX в. иногда баловались на открытомъ воздухѣ, но только съ 1870 г., только съ Монэ, „plein-air“, живопись воздуха на открытомъ воздухѣ, свѣта при свѣтѣ, вошла въ принципъ. Клодъ Монэ, а не Манэ является истиннымъ иниціаторомъ импрессіонизма. Выйдя изъ комнаты на улицу, художникъ сдѣлалъ цѣлый рядъ великихъ открытій, создавшихъ новую эпоху въ исторіи искусства. Онъ замѣтилъ, что цвѣта не существуютъ какъ вещи въ себѣ, какъ нѣчто постоянное и самостоятельное, каковъ напримѣръ музыкальный тонъ. Онъ понялъ, что цвѣтъ предметовъ это ощущеніе человѣка,—это впечатлѣніе, которое мѣняется не только въ зависимости отъ источника свѣта, но и отъ взаимнаго вліянія двухъ сосѣднихъ цвѣтовъ. Онъ понялъ, что нѣтъ постоянныхъ, локальныхъ, тоновъ — нѣтъ цвѣта кожи, цвѣта волосъ, цвѣта земли, цвѣта тѣни, какъ это думали наивные реалисты. Онъ понялъ, что его задача — передавать не свое *абстрактное понятіе о цвѣтѣ* даннаго предмета, а то *конкретное и мимолетное впечатлѣніе цвѣта*, которое мѣняется въ зависимости отъ данной воздушной среды. И если ученый, Гельмгольцъ, открылъ въ природѣ физическій законъ взаимнодополнительныхъ цвѣтовъ, то онъ, художникъ, открылъ въ ней новый источникъ красоты—гармонію красокъ, рожденную сочетаніемъ двухъ дополнительныхъ тоновъ. Теперь онъ зналъ то, о чемъ лишь догадывались японскіе художники, готическіе орнаментисты, венеціанскіе колористы—и Веласкецъ и Вистлеръ. Но этимъ принципомъ гармоніи не исчерпывается сущность импрессіонизма. Природа не знаетъ смѣшанныхъ цвѣтовъ. Цвѣта вещей это чистые и простые элементы солнечнаго спектра, которые лишь въ нашемъ глазу претворяются въ смѣсь. Вотъ почему, поскольку живопись сближалась съ природой, ея прогрессъ долженъ былъ выражаться въ прогрессивномъ очищеніи палитры отъ грязной смѣси и приближеніи ея къ цвѣтамъ спектра: Японцы великимъ инстинктомъ своимъ поняли это и первые стали живописать чистыми красками [2]). Делакруа также отбросилъ сѣро-

[1]) Geffroy, La vie artistique, III, стр. 33.

[2]) Въ 70-хъ годахъ во Франціи появилась масса японскихъ произведеній, и японское искусство, съ его гармоніей свѣтлыхъ и воздушныхъ красокъ, оказало огромное, революціонное вліяніе на все это поколѣніе французскихъ художниковъ. „Нужно было появиться среди насъ японскимъ альбомамъ для того, чтобы кто либо осмѣлился сѣсть на

бурую смѣсь: импрессіонисты же пошли еще дальше. Они оставили на своей палитрѣ лишь 7 или 8 простыхъ цвѣтовъ и вмѣсто того, чтобы смѣшивать краски на палитрѣ, какъ это дѣлалось раньше, стали переносить ихъ на полотно почти въ чистомъ видѣ, предоставляя уже глазу зрителя смѣшивать эти отдѣльныя пятна въ одно оптическое цѣлое. Такимъ образомъ, главное новшество и безсмертное открытіе импрессіонизма заключалось не столько въ синтезѣ, сколько въ анализѣ, въ разложеніи красокъ. Принципъ *оптическаго смѣшенія красокъ*, *живопись чистыми красками*—стали исходной точкой не только импрессіониза, но и всего новаго искусства. Смѣсь красокъ никогда не давала всей суммы лучей, отражаемыхъ каждой краской въ отдѣльности, а только ихъ общіе, потухшіе лучи. Теперь же каждая краска запѣла *свою* пѣсню, засверкала, какъ драгоцѣнный камень, во всю свою первородную силу. Это была не только перемѣна въ техникѣ, но и цѣлая революція въ искусствѣ. Отнынѣ художникъ освободился отъ своей вѣковой болѣзни — цвѣтовой слѣпоты и подражанія музейнымъ тонамъ; онъ пересталъ тушить въ себѣ священное пламя и бояться яркости красокъ. Отнынѣ впервые живопись стала возможной *какъ таковая* и вошла въ семью искусствъ, какъ равный членъ — какъ особенный художественный языкъ, имѣющій право на существованіе на ряду съ языкомъ звуковъ и словъ. Отнынѣ, наконецъ, живопись могла окончательно эмансипироваться отъ литературы и морали и перестать играть служебную роль.

Но импрессіонизмъ возродилъ и рисунокъ. Академія учила рисовать природу такъ, какъ будто послѣдняя была недвижно стоящей греческой статуей. Но вотъ художникъ вышелъ на улицу, гдѣ все бѣжитъ и все течетъ, и, спѣша, сталъ заносить въ свой альбомъ всѣ мимолетныя впечатлѣнія. Но передавая все летучее и случайное, онъ научился видѣть самое характерное и постоянное. Съ удивленіемъ онъ увидѣлъ, что нѣтъ шаблона красоты, которому его учили въ академіи; что существуютъ „сотни видовъ красоты“ (Ницше). Онъ понялъ все уродство пропорціонально-правильнаго и всю красоту характерно-уродливаго. Исканіе характера въ линіи стало исходной точкой современнаго рисунка. И въ то время, какъ разные Бугро и Кабанели продолжали рисовать женщину въ видѣ Діаны, Дегазъ первый осмѣлился дать

берегу рѣки и писать ярко-красную крышу, бѣлую стѣну, зеленый тополь, синюю воду. *До японскаго вліянія это было немыслимо.* Художникъ вѣчно лгалъ. Природа, съ ея яркими красками, ослѣпляла его, и онъ заносилъ на полотно лишь тусклыя краски полу-тона“, говоритъ Duret въ своей брошюрѣ Les Peintres Impressionistes, Paris 1868 г., стр. 14.

образъ современной, цивилизованной женщины во всемъ ея интимномъ уродствѣ...

Итакъ, импрессіонизмъ провозгласилъ новую концепцію искусства: художникъ долженъ передавать не объективную дѣйствительность какъ таковую, а свое *впечатлѣніе* отъ нея. Такое искусство безсмертно; это широкая дорога, открытая для всѣхъ временъ, для всѣхъ темпераментовъ, для всѣхъ индивидуальностей; это перманентная революція, ибо, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣка, будетъ расти его художественная впечатлительность,— будетъ мѣняться характеръ его впечатлѣній, будутъ мѣняться краски и линіи. Объективный же реализмъ смертенъ: въ одинъ прекрасный день его убьетъ цвѣтная фотографія такъ-же, какъ кинематографъ убьетъ бытовую комедію... Таково было великое принципіальное значеніе импрессіонизма: *онъ создалъ почву для безконечнаго прогресса въ искусствѣ.*

Но фактически импрессіонизмъ былъ не отрицаніемъ, а логическимъ завершеніемъ, послѣднимъ словомъ реализма. Курбэ думалъ, что можно воспроизвести „настоящую“ правду, импрессіонисты уже знали, что цвѣта это явленія. Курбэ хотѣлъ писать природу такою, какъ она есть, импрессіонисты писали ее такою, какою она имъ казалалась. Живопись Курбэ была *наивнымъ* реализмомъ, живопись импрессіонистовъ *научнымъ* реализмомъ. Еще въ 1852 г. Леконтъ-де-Лиль писалъ: „Искусство и наука, столь долго оторванные другъ отъ друга... должны отнынѣ стремиться къ взаимному сближенію, если не къ сліянію. Первое было интуитивнымъ раскрытіемъ истины, вторая ея точнымъ и разумнымъ доказательствомъ. Но искусство утратило свою первобытную непосредственность (spontancite), и дѣло науки напомнить эти забытыя традиціи, а оно уже воскреситъ ихъ въ наиболѣе подходящей для себя формѣ“ [1]. И его Poémes antiques были первымъ приложеніемъ науки къ поэзіи, натурализмъ былъ приложеніемъ ея (исторіи, этнографіи, психологіи) къ роману. Наконецъ, съ 70-хъ годовъ и живопись подчинилась этой „эволюціи, которая проходитъ черезъ все столѣтіе и толкаетъ всѣ проявленія человѣческаго духа на одинъ и тотъ же путь науки“ [2]). Физика и химія [3]) освободили живопись какъ отъ подражанія старымъ мастерамъ, такъ и отъ вульгарнаго реализма; поставивъ ее лицемъ къ лицу съ живой природой, онѣ открыли

[1]) Цит. по Brunetier'y. Manuel de l'histoire de la litterature française стр. 491. Эта теорія параллелизма науки и искусства въ 1865 г. формулирована была Тэномъ въ Philosophie de l'art.

[2]) Zola, Le roman experimental, стр. 7.

[3]) Мы имѣемъ въ виду работы Гельмгольца, Шеврейля и Шарля Анри; послѣдній спеціально работалъ надъ приложеніемъ спектр. анализа къ теоріи красокъ.

передъ ней новый міръ красокъ. Въ смыслѣ расширенія художественной воспріимчивости, импрессіонизмъ былъ не только „окномъ, открытымъ на реальность“, какъ гдѣ то выразился Зола, а уже цѣлой, настежь раскрытой дверью. Сколько вѣковъ художникъ-реалистъ стучался въ эту дверь и наконецъ теперь, въ лицѣ импрессіониста, онъ преодолѣлъ сопротивленіе матеріальной среды, побѣдилъ природу, постигъ ея тайну. Ибо, что такое было оптическое смѣшеніе красокъ, какъ не разгадка величайшей тайны природы? Разлагая цвѣта на составные элементы, художникъ уподоблялся самой природѣ: онъ живописалъ такъ же, какъ пишетъ самъ солнечный лучъ, окрашивая предметы. Итакъ, импрессіонизмъ ознаменовалъ собою *завоеваніе природы искусствомъ*.

Но эта побѣда далась не даромъ. Обогативъ живопись свѣтомъ и воздухомъ, импрессіонисты пожертвовали своей личностью. По выраженію Манэ, свѣтъ сталъ единственнымъ персонажемъ картинъ. Цѣлое поколѣніе художниковъ влюбилось въ солнце и влюбилось съ такимъ самозабвеніемъ, что позабыло о себѣ. Вотъ пейзажи Монэ, этого зачинателя импрессіонизма, художника неба и моря, мастерской которому служила лодка. Если прежнихъ пейзажистовъ интересовалъ въ пейзажѣ стиль, характеръ, настроеніе, все кромѣ красокъ, то наоборотъ, картины Монэ это чистая живопись, абстрагированная отъ всего, кромѣ красокъ. Природа не знаетъ линій, и рисунокъ интересуетъ Монэ лишь какъ граница краски. Невозмутимо и плавно течетъ рѣка Эвира, растворяя въ себѣ линіи, претворяя всѣ предметы въ простые сгустки свѣта, а самого то Монэ и нѣтъ: онъ словно самъ растворился въ этой гармоніи красокъ. Съ какимъ терпѣніемъ и объективностью изучаетъ онъ въ своихъ циклахъ „Скирды“ и „Руанскій соборъ“ всѣ безконечные переливы, всѣ мимолетныя трепетанія свѣта „Въ каждой картинѣ — говоритъ Дюрэ — онъ хотѣлъ лишь зафиксировать на полотнѣ ту перемѣну въ изображаемомъ предметѣ, которую вызывали разное время и разное состояніе атмосферы“ [1]). У геніальнаго японскаго художника Хокусаи есть циклъ „100 видовъ горы Фуи; каждый видъ цѣлая лирическая поэма. Живопись Монэ это эпическая поэзія, это какая-то физическая гармонія и, несмотря на обиліе солнца, холодомъ вѣетъ отъ его пейзажей, отъ этой равнодушной природы. Съ такимъ же объективнымъ спокойствіемъ писали Сислэ, Писарро, Кайлеботъ и др. Самый субъективный и талантливый художникъ этой группы—Ренуаръ (1841—1905). Но посмотрите на его женскія тѣла, словно изрытыя синими пят-

[1]) Duret. Manet et son Oeuvre, стр. 97.

нами солнца, — они кажутся органической частью зелени, окружающей ихъ; посмотрите на его Moulin de Galette—это не люди танцуютъ, это прыгаютъ и кружатся синія тѣни сіяющаго дня. Лаская глазъ, его картины не трогаютъ души. И такова вся живопись импрессіонистовъ. Мы видимъ, что импрессіонистъ заносилъ на полотно лишь *одно оптическое ощущеніе*, которое вызывала у него природа, такимъ образомъ, фактически „импрессіонизмъ" не пошелъ дальше чисто-внѣшняго впечатлѣнія.

Характерно, что именно въ этомъ научно-реалистическомъ характерѣ импрессіонизма, въ самомъ принципѣ оптическаго смѣшенія красокъ и таилась одна изъ главныхъ причинъ того непониманія, на которое онъ натолкнулся. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ прежніе художники преподносили публикѣ цвѣта въ уже готовомъ, переработанномъ видѣ, и ей ничего не оставалось, какъ только спокойно посматривать, не расходуя энергіи, не напрягая зрительныхъ нервовъ, импрессіонизмъ потребовалъ отъ нея активнаго участія въ процессѣ творчества. Стоя передъ картиной импрессіониста, она должна была претворять хаосъ въ гармонію, прибавляя къ созерцанію кое-что отъ себя. Кромѣ того, ее привыкшую къ потускнѣвшимъ краскамъ старыхъ мастеровъ шокировала странная яркость новыхъ красокъ. „Пришла зима; импрессіонистъ пишетъ снѣгъ; онъ видитъ, что при свѣтѣ солнца тѣни по снѣгу становятся синими—и безъ колебанія онъ пишетъ синія тѣни. Тогда публика начинаетъ хохотать... Подъ лучами лѣтняго солнца кожа и платье покрываются словно лиловымъ налетомъ, и импрессіонистъ пишетъ людей стоящихъ въ тѣни деревьевъ лиловыми. Тогда публика окончательно приходитъ въ бѣшенство, а критика грозитъ кулакомъ и ругаетъ художника коммунаромъ и каторжникомъ... Напрасно бѣдный художникъ клянется въ своей глубокой искренности, клянется въ томъ, что онъ передаетъ *только то, что видитъ, и остается вѣрнымъ природѣ*—публика помѣщаетъ его въ разрядъ отверженныхъ" [1]).

„Допустимъ, говорила публика, что краски лишь ощущенія, но разъ милліонамъ людей тѣнь кажется черной, а не синей, значитъ она черная, а не синяя, значитъ наше ощущеніе вѣрно, а ваше ложно". И, строго говоря, съ позитивной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія накопленнаго и провѣреннаго опыта, публика по своему была права, и импрессіонизмъ попалъ въ тупикъ, изъ котораго выбраться можно было только однимъ путемъ: для этого надо было провозгласить право художника изображать природу не только *такъ, какъ онъ видитъ*, но и такъ, *какъ онъ хочетъ*. Импрессіонистъ очутился въ трагикомическомъ положеніи. Онъ

---

[1]) Duret. Les peintres impressionistes, 1878 года, стр. 16.

оказался болѣе послѣдовательнымъ реалистомъ, чѣмъ сама публика, большимъ, чѣмъ самъ папа! Его можно было упрекнуть въ здоровьи, въ слишкомъ большомъ здоровьи, а публика видѣла въ немъ декадента и безумца. Отказываясь покупать картины импрессіонистовъ и принимать ихъ въ галлереи, публика и государство отказывали имъ въ правѣ на жизнь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова [1]). 30 лѣтъ тянулась героическая борьба художниковъ, не имѣвшихъ ничего кромѣ таланта, съ консерватизмомъ публики и государства, и, наконецъ, поле сраженія осталось за импрессіонизмомъ. Въ 1890 г.—по частной подпискѣ—у вдовы Манэ куплена была Олимпія, и министерство Буржуа, уступая петиціи, подписанной лучшими именами Франціи, соблаговолило принять ее въ Люксембургскій музей. Въ 1894 оно пошло еще дальше и... милостиво приняло въ даръ частную колекцію Кайлебота—правда, отказавшись отъ многихъ—и лучшихъ—картинъ. Хотя „нація" не истратила почти ни одного су на импрессіонизмъ, но и это уже была побѣда: въ глазахъ публики и художественнаго стада за импрессіонизмомъ было оффиціально признано право гражданства. Такимъ образомъ, въ 90-хъ годахъ героическая эпоха импрессіонизма кончалась, и въ 1896 г. тотъ же самый Зола, посѣтивъ оффиціальный Салонъ, съ удивленіемъ констатировалъ происшедшую за 30 лѣтъ революцію. „Что меня поражаетъ прежде всего,—писалъ Зола—это преобладаніе свѣтлыхъ красокъ. Всѣ стали Манэ, всѣ стали Монэ, всѣ стали Писарро... Теперь всѣ плетутся въ хвостѣ моихъ друзей, которыхъ вмѣстѣ со мной забрасывали грязью" [2]).

Въ концѣ 80-хъ годовъ появилось новое теченіе, свидѣтельствовавшее уже о вырожденіи импрессіонизма,—такъ называемый „нео-импрессіонизмъ", представителями котораго являются Сеура, Синьякъ во Франціи и Ванъ-Рисельберге въ Бельгіи. Желая дать „максимумъ свѣта" и иллюзію воздуха, они довели до абсурда принципъ разложенія красокъ, передавая всѣ предметы въ видѣ красочной мозаики—одинаковыми, правильными точками, за что публика и окрестила ихъ не безъ остроумія „пуантилистами" или „конфеттистами". Они гордились тѣмъ, что писали не „по

---

[1]) Дюрэ разсказываетъ, что въ 1875 г. онъ и Манэ, желая сдѣлать доброе дѣло и притти на помощь Монэ, который подвергался бойкоту, купили у него 10 картинъ по 100 фр. и это казалось тогда благодѣяніемъ, а теперь его картины продаются за десятки тысячъ. Нужда Монэ создала богатство торговаго дома Durand-Ruel'а, который, предчувствуя въ Монэ „художника завтрашняго дня" и пользуясь его безвыходнымъ положеніемъ, скупалъ его картины за безцѣнокъ для того, чтобы потомъ за бѣшеныя деньги продавать ихъ американцамъ.

[2]) Nouvelle Campagne, стр. 75.

капризу и вдохновенью" [1]), какъ старое поколѣніе импрессіонистовъ, а на основаніи строго научной системы. Подъ ихъ кистью теорія взаимно-дополнительныхъ тоновъ превратилась въ застывшую догму, техника сдѣлалась самоцѣлью, и отъ личности художника не осталось и слѣда. Великое открытіе импрессіонистовъ, возродившее искусство, само стало препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія. Освободившись отъ морали и литературы, живопись попала въ плѣнъ къ наукѣ.

Ту же эволюцію пережила и литература. Начавъ съ того, что „художественное произведеніе есть уголокъ природы, преломленный въ граняхъ темперамента", Зола закончилъ утвержденіемъ, что „всякая литература это логика" [2]) Натурализмъ договорился до эспериментальнаго романа и медицинскаго протоколизма [3]) Переставъ быть „учителемъ людей", какъ того требовалъ Бальзакъ, романистъ самъ сталъ ученикомъ врачей...

„Наука оказала такое сильное вліяніе, что художники нашего столѣтія непроизвольно превратились въ восхвалителей научнаго счастія" [4])—эти слова Ницше какъ нельзя болѣе подходятъ къ нео-импрессіонизму. Живопись стала математикой, литература логикой. Реализмъ описалъ полный кругъ развитія; дальше итти было некуда. Изъ этого тупика для искусства было только двѣ дороги: или стать снова рабомъ природы, или сдѣлать ее своей рабыней, превратиться въ фотографію или остаться искусствомъ. Живопись и поэзія пошли по второму пути.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Я. Тугенхольдъ.

---

1) Signal. D'Eugene Delacroix au Neo-impressionisme стр. 81.

2) Zola. Le Roman Experimental, стр. 198.

3) „Самый ничтожный человѣческій документъ трогаетъ насъ гораздо больше, чѣмъ какая угодно фантастическая комбинація. Въ концѣ концовъ литература будетъ давать простые этюды безъ перипетій и развязки, т. е. записки, выхваченныя изъ жизни и классифицированныя въ логическомъ порядкѣ", говоритъ Зола. Ibid. стр. 241.

4) Утренняя Заря, стр. 492.

Зеркало.

Монгольская Пѣсня.

Я коня вороного тебѣ осѣдлала,
Отточила твой ножъ, заострила копье.
Если нужно,—такъ въ путь, встрѣть змѣиное жало,
Но въ бою не забудь ту, чье сердце—твое.

Какъ въ томъ зеркальцѣ маломъ, въ томъ зеркальцѣ чудномъ,
Что мнѣ съ ярмарки разъ ты изъ Кяхты привезъ,
Обѣщай мнѣ, что буду въ пути многотрудномъ
Отражаться въ душѣ твоей, въ зеркалѣ грезъ.

Прежде, чѣмъ ты уѣдешь, мнѣ дай обѣщанье,
Каждый вечеръ смотрѣть въ третій часъ на Луну;
Въ этотъ часъ, какъ ея такъ зеркально сіянье,
Ты гляди въ серебро, ты гляди въ глубину.

Прежде, чѣмъ ты уѣдешь, тебѣ обѣщанье
Также дамъ, что смотрѣть въ третій часъ на Луну;
Каждый вечеръ я буду, завидѣвъ сіянье,
Въ тотъ серебряный кругъ, въ ту ея глубину.

Каждый вечеръ твои буду чувствовать очи,
Каждый вечеръ глаза будешь чуять мои—
И взаправду Луна въ приближеніи ночи
Будетъ зеркаломъ намъ, въ серебрѣ, въ забытьи.

Каждый вечеръ увижу коня вороного
И тебя въ томъ краю, гдѣ играетъ война,
Каждый вечеръ увидишь ты снова и снова,
Какъ тебя я люблю, какъ тебѣ я вѣрна.

К. Бальмонтъ.

Увидѣлись.

ЭСКИЗЪ.

Было солнечно, бодро, спокойно.

Тюрьма стала привычкой; она не замѣчалась. Березки вывели изъ забытья,—тоненькія, нѣжныя. Недавно пересажены въ ограду; открыли первые листочки,—свѣтлые глазки ребенка,—и съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣли вокругъ. Хотѣлось ласково посмѣяться надъ ихъ молодостью, разсказать про тюрьму, обнадежить: выростете,—увидите вольный міръ за оградой! Тамъ плещется Нева, и солнечная струя бѣжитъ во слѣдъ пароходу; тамъ такъ много жизни: обрывки волны вытягиваются въ прозрачныя полосы, чтобы разсыпаться полукруглыми блестками, засвѣтиться полумѣсяцами, собраться въ торжественныя короны, плеснуться искрами и затрепетать серебристыми крыльями чаекъ. Не вспорхнули чайки,—быстрѣе мысли обернулись онѣ чашечками ландыша и мгновенно перенесли мысль въ даль дѣтства. Забылись наивные глазки тюремныхъ березокъ, забылась тюрьма.

Свистокъ: разъ, разъ-два. Будто далеко, далеко. А сколько разъ бывало рѣзалъ онъ слухъ и заставлялъ встрепенуться въ тревожномъ ожиданіи. Теперь медленно, точно противъ воли, проникаютъ въ сознаніе знакомые звуки: разъ, разъ-два. Нашъ корридоръ.

Воробей третій разъ пропорхнулъ мимо окна и пискнулъ съ упрекомъ. Тамъ, по безлистнымъ вѣтвямъ, пѣли когда-то невидимыя птахи, и ландыши манили въ лѣсную глубь. Почему не достигъ конца той тропинки, что начиналась отъ раскидистой старой березы? Какая досадная трусость, въ лѣсу такъ много тайнъ!

Далеко загремѣлъ засовъ, кому-то другому сказали:

— Пожалуйте къ помощнику!

Ноги перебираютъ желѣзныя ступени, а глаза неотступно силятся постичь тайну завѣтной тропинки, и слышится, какъ береза сердито заворчала вершиной въ отвѣтъ на безцѣль-

ную обиду вѣтра. Смутно вижу столъ съ зеленымъ сукномъ.

— Сейчасъ сообщу вамъ радостную вѣсть...

Что? Какія тайны открыла извилистая тропинка? О чемъ прошумѣлъ вѣтеръ-обидчикъ?

— Ждете чего-то пріятнаго?

Смѣшной этотъ помощникъ, рыхлый, не похожъ на офицера. Зачѣмъ говоритъ не какъ тюремщикъ?

-- Не ждете?

— Журналы? Разрѣшены наконецъ?

— Лучше! Вотъ бумага, прочтите.

Департаментъ полиціи. Согласно прошенію такого-то, его женѣ, административно-ссыльной такой-то, разрѣшена отлучка въ Петербургъ на недѣлю.

— Вамъ дано два свиданія. Личныя, по полтора часа.

Три часа за три года! Какъ и какъ искернне радуется за меня рыхлый помощникъ!

Опять въ камерѣ.

Бѣгалъ бы изъ угла въ уголъ въ радостномъ волненіи, да сердце клинкомъ кольнуло. Сѣлъ,—и радость ушла въ ненасытную стѣну. Увидимся,— когда? Тысячи верстъ и... три часа! Все-таки... Надо послать телеграмму.

Узнаетъ она, узнаетъ исправникъ. Вотъ глаза вытаращитъ! Три года его осаждали приказами: смотрѣть, не пускать,—и вдругъ отлучка въ Петербургъ! Воображаю его испугъ,—ха-ха!

Ха-ха! А товарищи, — тамъ, среди тундръ, — тоже изумятся. Сколько бѣготни! Засыплютъ порученіями, проводятъ шумной толпой. И тутъ же шпіонъ!

Стало такъ весело, что сѣлъ за книгу, которая въ тяжелое время недѣлями была въ забросѣ. Кажется, весь мозгъ заколебался, какъ рѣка послѣ парохода, и слагается въ мысли,—круглыя, овальныя, изогнутыя въ красивую линію. А веселая грудь все ускоряетъ волненіе мозга.

Подана лодка. Гребцы взмахнули веслами, на берегу раздалась пѣсня, комариный столбъ вытянулся надъ пассажиркой. Догадалась-ли она запастись сѣткой? Пароходъ, поѣздъ, шумъ колесъ и звонки на площади. Гдѣ она остановится? Какъ устроится?

Странно: вѣдь въ самомъ дѣлѣ будетъ свиданіе! Подалъ прошеніе безъ надежды,—такъ себѣ, лишь бы выдумать занятіе на воскресный день. Подалъ и забылъ... Нѣтъ, не забылъ, и только теперь признался себѣ, что жилъ надеждой, и надежда часто торопила мысль въ прибрежный боръ, над-

ломленный горстью сѣрыхъ домишекъ у безлюдной, ненужной рѣки. Чаще и чаще беззвучная мысль пронизывала розоватыми крыльями дымную даль и пытливо искала покосившееся окно; она прислушивалась къ незримымъ шорохамъ; быстролетная, въ блескѣ молодого солнца, окидывала она взоромъ широкія отмели и рѣяла надъ враждебнымъ боромъ,—все напрасно: ни слѣдовъ, ни голоса, ни лица!

И вдругъ голосъ, лицо — все будетъ тутъ, возлѣ, даже безъ рѣшетки. Узнаетъ-ли она меня? Сильно-ли измѣнился?

Окно открывается внутрь; книгу къ стеклу—зеркало готово. Чьи это глаза? Странныя искорки, гдѣ-то фонарики,—не разберешь, близко-ли: взоръ безъ направленія и разстоянія. Видѣлъ такой у сумасшедшаго, бѣжавшаго изъ больницы и напугавшаго меня въ подгородней рощѣ. Давно это было, и въ зеркалѣ тогда отражался не такой взглядъ. Еще что-то было, не могу вспомнить, что-то большое. Вдругъ встряхнуло всего воспоминаніе,—ясное и непонятное: многозвучное безъ звуковъ, красивое безъ очертаній, волнующее безъ настроенія: на мгновеніе воскресло цѣлостное ощущеніе молодости и бросило въ мучительное недоумѣніе. А за оконнымъ стекломъ, прикрытымъ книгой, стоялъ взоръ безъ направленія и разстоянія, усталый отъ многолѣтняго покоя каменной могилы.

Проходили дни,—томительные, какъ безконечное плаваніе по ненужной рѣкѣ. Выѣхала или не выѣхала? Когда выѣдетъ? Писать-ли письмо? Не спрашивалъ,—рыхлый тюремщикъ самъ великодушно догадался:

— Вы ждете телеграммы? Она получена вчера вечеромъ, но не можетъ быть выдана: начальникъ не пріѣхалъ. Поэтому я пришелъ объяснить на словахъ, что жена ваша выѣхала вчера. Я говорю это къ тому, что вы сегодня пишете письмо, такъ чтобы знали.

— Благодарю васъ.

Разорвалъ начатое. Быстро заходилъ по камерѣ,—не мѣшаетъ клинокъ, что такъ часто рѣзалъ слишкомъ бьющееся сердце. Ходилъ все быстрѣе. Остановился передохнуть и вспомнилъ:

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе...

Годы навалились на плечи, дернули, толкнули къ табуреткѣ и вдругъ сгинули. Легко стало, весело. Хорошо, что разстояніе велико, до пріѣзда успокоюсь. Вдругъ мелькнуло изумленное, красное лицо исправника, а воробьи за окномъ окончательно разсмѣшили: гнались за однимъ, который несъ

булку; уронилъ, — на лету подхватилъ другой, тоже уронилъ, — подцѣпилъ третій; крикъ на весь дворъ. Ужасно смѣшные эти милые, умные воробышки!

Кажется, пора бы пріѣхать. Могутъ позвать. Это необычное свиданіе, —нѣтъ силъ отдаться ожиданію, оставаться наединѣ съ собою. Въ рукахъ два романа: переходъ отъ одного къ другому освѣжаетъ и даетъ силу кое-что понимать. Солнце на полу показываетъ десять, свиданіе въ часъ, а страницы слишкомъ спѣшатъ. Бѣда, если онѣ пробѣгутъ всѣ раньше, чѣмъ вызовутъ на свиданіе.

Щелкнулъ замокъ. Весь насторожился.

— Заявить ничего не имѣете?

— Ничего.

Вздумали дѣлать обходъ какъ разъ сегодня. Не спѣшите такъ, страницы! Вдругъ свистокъ: разъ, разъ-два. Слышится: „Дай № 765“. Спѣшно одѣлся. Руки дрожатъ.

— Пожалуйте къ помощнику.

— Что такое? Зачѣмъ?

Расписался подъ ненужной бумагой. Будетъ-ли свиданіе? Можетъ быть она давно въ городѣ? Или еще за тысячи верстъ? Уже поздно. Опять свистокъ. Затеплилась послѣдняя надежда и пропала: вызвали другого. Нечего ждать. Романъ становится противенъ. Возмутительный романъ: дѣло близко къ развязкѣ, но глупая миссъ не хочетъ отвѣтить, какъ нужно, а рѣшаетъ ѣхать на годъ за границу. Добровольно! На годъ! И болванъ-авторъ сочувствуетъ рѣшенію сумасбродной дѣвчонки!

Со двора доносится шарканье арестантскихъ ногъ, прерываемое окриками надзирателей. Когда же конецъ всей этой тюремной мукѣ?

Опять свистокъ...

Затеряли разрѣшительную бумагу, долго искали.

Отрывистый поцѣлуй среди толпы тюремщиковъ. Потомъ почти одни. Надзиратель сѣлъ поодаль, старался не смотрѣть, дѣлалъ видъ, что не слушаетъ. Мы сидѣли въ канцеляріи на широкой тахтѣ; чиновникъ у ближайшаго стола занятъ своимъ дѣломъ, часто выходитъ озабоченный изъ комнаты. Мы старались держаться такъ, точно видѣлись часъ назадъ, ежедневно видимся. Смѣхъ, шутки, дорожныя приключенія, мелочи дня. Больше всего разсмѣшили шляпки. Когда въ городкѣ узнали, что одинъ изъ обитателей ѣдетъ въ Петербургъ, и только на недѣлю, весь тундровый бомондъ заволновался: всѣмъ понадобились модныя шляпки. Попадья, докторша, жена судьи, купчихи — все поднялось.

Только бѣдная исправница не посмѣла войти въ сношенія съ политической и выместила свое огорченіе на неповинномъ супругѣ. Теперь женѣ въ Петербургѣ хлопотъ изъ-за шляпокъ по горло. Впрочемъ, и времени свободнаго много въ тюрьмѣ придется побывать еще только одинъ разъ. Въ сущности, нужно побывать въ департаментѣ полиціи. Тамъ вѣроятно привыкли къ просьбамъ и нарочно дали такъ мало, чтобы потомъ накинуть.

Вихремъ пронеслись полтора часа. Опять камера. Нѣтъ возможности тотчасъ разбираться въ впечатлѣніяхъ. Нужно раньше успокоиться за романомъ. Оказалось, что поѣздка глупой миссъ въ Германію придумана самимъ авторомъ, только для обстановки. Молодой герой поскакалъ во слѣдъ, и въ Мюнхенскомъ музеѣ разразилась неизбѣжная катастрофа. Лучшіе романы—тѣ, гдѣ все кончается благополучно. И безъ романовъ довольно горя. Сегодня здѣсь красили куполъ. На шестиэтажной высотѣ отъ окна къ окну перекинуты доски. На доскахъ рабочій съ кистью. Неловкое движеніе— смерть. Полъ усыпанъ опилками, чтобы не забрызгать краской; забрызгать кровью не страшно—легко смыть. Сколько нужно было горя рабочему, чтобы ступить на узкую доску?

Тюрьма уже спала, когда послышались долгіе стоны. Больного? Вновь прибывшаго? Сумасшедшаго? Въ ушахъ еще стояли недавніе крики. Помѣшаннаго отправляли въ больницу. Онъ думалъ,—говорятъ надзиратели,—что его хотятъ убить. Онъ рыдалъ, молилъ, грозилъ, бился въ отчаяніи. Теперь стоны тише, но имъ конца нѣтъ. Больно за человѣка, но зачѣмъ же онъ другихъ еще мучитъ? Поднимается злоба противъ больного, противъ тюрьмы. Надзиратель!

— Кто это стонетъ? Почему не уберутъ въ больницу?

Изумился, потомъ сообразилъ:

— Да это голуби! Налѣзли въ куполъ черезъ открытыя окна и гудятъ на всю тюрьму.

— Чертъ ихъ возьми!

— Намъ тоже на нервы дѣйствуетъ.

Утро. Влажными глазками смотрятъ березки на гуляющихъ по кругу арестантовъ. Безпорядочно стучатъ по плитамъ десятки ногъ. Бодрая свѣжесть переполняетъ грудь, слово просится наружу. Робкій шопотъ,—и тотчасъ окрикъ:

— Чего разговариваешь? Иди къ камеру! Намордники на васъ нужно!

Въ тонѣ окрика—презрѣнье. Вмѣшиваюсь.

— Арестанты не собаки.

— Да вѣдь я не вамъ сказалъ.

— А я вамъ говорю!

Надзиратель сдѣлалъ руки по швамъ. Онъ трусливъ и недалекъ. Когда подлетаютъ воробьи, чтобы получить булку, этотъ надзиратель, — высокій, скуластый, съ заплывшими жиромъ глазами,—не смѣетъ остановить меня: онъ хватаетъ съ земли большой булыжникъ и пытается убить увертливую птичку. Теперь онъ трусить, и злится, и думаетъ о мести. Вдругъ онъ замѣтилъ мой пристальный взглядъ вверхъ и радостно оживился. Погоди же!

Упорнѣе прежняго смотрю вверхъ,—и въ заплывшихъ глазахъ надзирателя заиграло торжествующее лукавство. Онъ уже видитъ побѣду, ожидаетъ награды за открытіе сношеній. Остается только узнать, въ какомъ окнѣ дѣлаютъ мнѣ знаки. Я смотрю на окна и скашиваю глаза, будто боюсь; не могу сдержать улыбки,—а она новое доказательство тайнаго разговора знаками. Надзиратель вертится, рыщетъ по двору, бѣжитъ внутрь, всѣхъ поднялъ на ноги. Трое выходятъ на дворъ и слѣдятъ за окнами, остальные провѣряютъ камеры черезъ дверной глазокъ. На время перестаю смотрѣть вверхъ,—надзиратели расходятся, и я вновь начинаю дразнить. Слышится безсильная злоба въ окрикахъ, слезы въ голосѣ при докладѣ старшему:

— Все глядитъ!

Смѣшно и тяжко. Приходится вести войну съ надзирателемъ, приходится считаться съ его окриками: не находи, не разговаривай, не оборачивайся, не сходи съ дороги, не смотри вверхъ, не улыбайся, не... не...—Эти безчисленные не! Ими связано каждое движеніе. Въ ушахъ звенитъ не... не... и что-то смутное безпокоитъ, готово вспомниться. Хочетъ родиться слово, которое что-то разобьетъ,—дорогое, нѣжное. Родилась связь между этимъ и чѣмъ то другимъ, — мучительная, преступная, невозможная связь. И эта связь должна вылиться въ какое то слово. Вотъ оно, вспомнилось:

— Не сломай!

Въ глазахъ потемнѣло отъ этихъ двухъ словъ. Вчера... да, вчера... на свиданіи. Она не сказала: не сломай. Она только предупредила: сломаешь,—когда я оперся на новый, изящный зонтикъ, лежавшій на упругомъ диванѣ. Сломаешь! Это тоже, что „не сломай“. Ей жаль стало зонтика, и не жаль человѣка, задыхающагося въ неисчислимыхъ *не*. Пусть были бы сломаны одна, пять, десять вещей,—неужели трудно

было понять; какъ невозможно теперь въ ея устахъ всякое, малѣйшее *не*? Гдѣ же ея чуткость? За одно съ надзирателемъ...

Фу, какъ самъ мерзокъ! Могъ приравнять, упрекнуть! Она волновалась не меньше меня. Нечаянно сорвалось ея слово. Была точно въ столбнякѣ первыя минуты. Лицо, всегда измѣнчивое, было неподвижно и блѣдно, и глаза не смѣялись, когда разсказывала о шляпкахъ. Не тѣ, не прежніе глаза, не та улыбка. Прощаніе слишкомъ поспѣшное. Подумалъ: волнуется, боится не выдержать. Но откуда эта, тогда несознанная мною, мгновенная тѣнь недовольства, когда разсказывала о полученіи телеграммы, о разрѣшеніи ѣхать?

Въ ушахъ звенитъ: сломаешь, сломаешь!

Надзиратель и она... она и надзиратель...

Тьфу, какъ нагноилась душа. Къ окну, къ свѣту!—Все привычное,—рѣка, дома, фабричныя трубы. Не на чемъ остановить вниманіе. Незамѣтно для себя отхожу отъ окна. Весь день сверлитъ въ мозгу: намордники, не оборачивайся, сломаешь, намордники, сломаешь, сломаешь... Стѣны скрылись изъ глазъ послѣ цѣлаго дня мельканья. Уже вечеръ; незамѣтно уснулъ дневной шумъ. И ничего, ничего кромѣ: сломаешь, намордники, сломаешь! Вдругъ,—неужели оркестръ? Порывисто кинулся къ окну. Тихо; только барки тоскливо поскрипываютъ у берега. Галлюцинація то была или дѣйствительность? Скорѣе бы провѣрить себя, вновь услышать гармоничные звуки, понять, откуда они вырвались! Воздухъ прозраченъ, и жадно впиваются въ него глаза безъ направленія, безъ разстоянія. И тамъ, гдѣ на исчезнувшей стѣнѣ долженъ висѣть красный, мѣдный тазъ, появился скуластый надзиратель: щеки налились еще больше, и торжествующая хитрость въ прищуренныхъ глазахъ. — Сломаешь, сломаешь, - твердятъ его отвердѣлыя толстыя губы съ тѣмъ презрѣньемъ, съ какимъ онъ кричалъ о намордникахъ.

Прочь!

Поднялъ руку, хотѣлъ ударить, когда метеоръ звуковъ вдругъ освѣтилъ комнату. Влетѣлъ, разсыпался, и бѣлыя стѣны стали на мѣсто. Опять стройные звуки. Полились каскадомъ, пахнули ключевой свѣжестью, омыли пылающій лобъ. Быстро прошелъ пароходъ съ оркестромъ. Звуку уже разрываются вѣтромъ, а мысль летитъ за убѣгающимъ очагомъ свѣта и хочетъ спросить:

— Вернешься ли ты съ дороги жизни?

М. Ольминскій.

Идеологія мѣщанина нашего времени.

Oh ironie, sainte ironie, viens que je t'adore!

Прудонъ,

Г. Ивановъ-Разумникъ написалъ двухъ-томную „*Исторію русской общественной мысли*“, въ короткое время выдержавшую два изданія. И хотя, разумѣется, успѣхъ даннаго сочиненія никогда не можетъ служить ручательствомъ за его внутреннюю цѣнность, но онъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что содержаніе этого сочиненія соотвѣтствуетъ извѣстнымъ требованіямъ читающей публики. Поэтому всякое сочиненіе, пользующееся успѣхомъ, заслуживаетъ вниманія со стороны того, кто, по той или другой причинѣ, интересуется вкусами читателей. Что же касается, въ частности, сочиненія г. Иванова-Разумника, то оно интересно еще и потому, что посвящено въ высшей степени важному предмету. Какъ не интересоваться русскому человѣку исторіей развитія русской общественной мысли?

Я съ жадностью прочелъ „трудъ“,—какъ любитъ выражаться г. Карѣевъ,—г. Иванова-Разумника. Прочелъ и... мнѣ стала понятна причина того успѣха, которымъ, несомнѣнно, пользуется теперь у насъ нашъ новый историкъ русской общественной мысли.

Всякій процессъ развитія, всякая „исторія“ представляется людямъ въ различномъ видѣ, сообразно той точкѣ зрѣнія, съ которой они на него смотрятъ. Точка зрѣнія—великое дѣло. Не даромъ же Фейербахъ говорилъ когда-то, что человѣкъ отличается отъ обезъяны только своей точкой зрѣнія. Какова же точка зрѣнія г. Иванова-Разумника?

Она характеризуется подзаглавіемъ его книги: „*Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.*“. Г. Ивановъ-Разумникъ непримиримый врагъ мѣщанства. Мѣщанство, это—тотъ шибонетъ, съ помощью котораго онъ опредѣляетъ,—въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ,—заслуги русскихъ писателей: кто *боролся* съ мѣщан-

ствомъ, тотъ пользуется его симпатіями; кто *мирился* съ мѣщанствомъ, кто *подчинялся* ему или, что еще хуже, *самъ былъ его проповѣдникомъ*, тотъ подвергается осужденію. Сообразно съ этимъ и исторія русской общественной мысли представляется чѣмъ-то въ родѣ длиннаго поединка между мыслящими русскими людьми,—интеллигенція тожъ,—и мѣщанствомъ. Въ этомъ длинномъ поединкѣ „счастье боевое" очень не рѣдко начинаетъ служить мыслящимъ русскимъ людямъ. Вотъ, напримѣръ, мы узнаемъ отъ г. Иванова-Разумника, что „люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, западники, славянофилы, Бѣлинскій, Герценъ, дали этическому мѣщанству рѣшительную битву—и побѣжденное мѣщанство разсѣялось туманомъ при свѣтлой зарѣ шестидесятыхъ годовъ" (т. I, стр. 225). Разумѣется, это было бы очень отрадно даже и въ томъ случаѣ, если бы было разсказано менѣе возвышеннымъ слогомъ. Но вотъ что очень печально: „разсѣиваясь туманомъ", побѣжденное мѣщанство снова и снова собирается надъ мыслящими людьми черной тучей. Такъ, сообщивъ намъ о побѣдѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ надъ „этическимъ мѣщанствомъ", г. Ивановъ-Разумникъ меланхолически прибавляетъ: „Жаль только, что побѣда эта не была окончательная". Еще бы не жаль! И тѣмъ больше жаль, что мыслящимъ людямъ,—и не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ,—какъ видно, вообще не суждено когда бы то ни было окончательно побѣдить мѣщанство. Возьмите хоть бы соціализмъ. Многіе думаютъ, что торжество соціализма было бы окончательнымъ пораженіемъ мѣщанства. Но это большое заблужденіе. Г. Ивановъ-Разумникъ напоминаетъ своимъ читателямъ о той „еретической" мысли Герцена, что „соціализмъ, *оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, самъ выродится въ мѣщанство*" (т. I, стр. 369 курсивъ въ подлинникѣ). И къ этому напоминанію прибавляетъ: „эту мысль о потенціальномъ мѣщанствѣ соціализма уразумѣло только поколѣніе русской интеллигенціи начала XX вѣка". Я не могу сейчасъ же взяться за разсмотрѣніе того, какова собственно „еретическая мысль" Герцена, и какъ именно поняло ее „поколѣніе начала XX вѣка". Объ этомъ мнѣ придется весьма подробно говорить ниже. Сейчасъ я хочу только обратить вниманіе читателя на то, что если ужъ и соціализмъ не справится съ мѣщанствомъ, то ясно, что оно дѣйствительно непобѣдимо, или—чтобы выразиться точнѣе—должно казаться непобѣдимымъ намъ, живущимъ, борющимся, страдающимъ и надѣющимся въ „началѣ XX вѣка". Вѣдь мы лучше соціализма пока еще ничего не придумали, а оказывается, что и соціализмъ страдаетъ мѣщанствомъ, по крайней мѣрѣ,—„потенціальнымъ". Какъ же тутъ не пріуныть? Какъ не воскликнуть:

О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Однако, откуда же берется непобѣдимая сила мѣщанства? И что оно за штука?

Выяснивъ себѣ понятіе мѣщанства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ и ясное представленіе о точкѣ зрѣнія г. Иванова-Разумника. Но для того, чтобы хорошенько выяснить себѣ понятіе мѣщанства, намъ необходимо разстаться на время съ нашимъ авторомъ и обратиться къ Герцену. Всякія отступленія досадны; однако, нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ иногда не только полезны, но прямо необходимы,—и съ такими приходится мириться.

II.

Герценъ говоритъ о цивилизаціи западно-европейскихъ странъ:

„Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностью. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, и случилось: среднее состояніе сдѣлалось *всѣмъ*—на условіи владѣть *чѣмъ-нибудь*. Знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ“ [1]).

Въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за только что приведенными, Герценъ поясняетъ, въ какомъ смыслѣ употреблено имъ слово: *уродство*. Оказывается, что это слово совсѣмъ не обозначаетъ собою чего либо неестественнаго, „противозаконнаго“ или,—какъ сказали бы мы теперь,—*незакономѣрнаго*. „Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому же *закону*, какъ и организмы... Но сверхъ общей подзаконности они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять-таки мы имѣемъ право выводить безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять“. Герценъ приводитъ въ примѣръ жирафа. „Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонне*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части и что въ силу этого въ организмѣ непремѣнно будетъ рядъ недостатковъ, соотвѣтствующихъ его одностороннему развитію, но которые для него естественны и относительно нормальны“.

Примѣняя эти общія соображенія къ цивилизаціи западной Европы, Герценъ продолжаетъ: „переднюю часть европейскаго камелеопарда составляетъ мѣщанство—объ этомъ можно было бы

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, Genève—Bâl-Lyon 1879, т. X, стр. 215—216.

спорить, если-бъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видѣть всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастіе родового пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его приказчикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго—адвокаты, судьи, нотаріусы и пр." [1]).

Такъ обстоитъ дѣло въ общественной *жизни*,—въ области *„бытія“*; и совершенно такъ же обстоитъ оно въ области *мысли* и вообще въ области *„сознанія“*. Съ обычнымъ своимъ блестящимъ талантомъ Герценъ рисуетъ печальныя духовныя послѣдствія буржуазнаго господства.

„Мѣщанство—послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, говоритъ онъ,—демократизація аристократіи, аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—*мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—*будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться и тотчасъ покинула своего фанатическаго любовника Маццини, измѣнила своему мужу-геркулесу Гарибальди, лишь только геніальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенькій, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе" [1]).

Эти остроумныя строки полезно будетъ дополнить еще вотъ этими.

„Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ—нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли,—нѣту силы воли; міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло такъ-же, какъ время Рафаэля и Буонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого; кредита нѣтъ, всѣ перебиваются со дня на день, образъ жизни дѣлается все менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ, всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ жи-

[1]) Тамъ же, стр. 216—217.
[1]) Тамъ же, стр. 203—204.

вутъ, какъ лавочники, нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими“ [1]).

Итакъ, дѣло въ томъ, что,—по мнѣнію Герцена,—въ западной Европѣ все болѣе и болѣе упрочиваются мелко-*буржуазныя отношенія*. „Этическое мѣщанство“—неизбѣжный и вполнѣ естественный продуктъ этихъ отношеній. Если бы устранена была *причина*, то устранилось бы и ея *слѣдствіе*. Если бы пришло къ концу господство мелкой буржуазіи въ *общественной жизни*, то прекратилось бы и господство мелко-буржуазныхъ *нравовъ*, то отошло бы въ область преданія и *„этическое мѣщанство“*. Но Герценъ не видѣлъ никакихъ основаній къ тому, чтобы ждать прекращенія мелко-буржуазной гегемоніи въ западной Европѣ. Правда, онъ допускалъ возможность кореннаго потрясенія, общественнаго „взрыва“, внезапнаго появленія „той или другой лавы“, которая покроетъ каменнымъ покровомъ, уничтожитъ и предастъ забвенію хилыя, слабыя, глупыя поколѣнія людей, выродившихся подъ вліяніемъ мелко-буржуазнаго общественнаго порядка. И тогда начнется новая жизнь, но когда и отчего это произойдетъ? Допуская отвлеченную возможность подобныхъ „взрывовъ“ даже и въ западной Европѣ, Герценъ считалъ ихъ, однако, крайне мало вѣроятными. Мнѣ сдается, что на силы, которыя могли бы привести къ „взрыву“, къ появленію „лавы“, Герценъ смотрѣлъ приблизительно такъ, какъ Кювье смотрѣлъ на силы, время отъ времени производящія,— по его знаменитому ученію,—„революціи земного шара“: онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣми факторами, дѣйствіе которыхъ мы наблюдаемъ при обычномъ теченіи вещей [2]). Къ возможнымъ дѣйствіямъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ нельзя пріурочивать какія нибудь *опредѣленныя упованія*, которыя способны были бы повести къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ *поступкамъ*. При томъ, даже и эти гипотетическіе „взрывы“ и „лавы“ представлялись Герцену возможными лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда смѣнится цѣлый рядъ поколѣній. Понятно, что такая отвлеченная и отдаленная возможность отнюдь не могла поколебать его убѣжденія въ томъ, что западная Ервопа есть царство мелкой буржуазіи, „купца“, на все накладывающаго свою „торговую марку“.

---

1) Сочиненія, т. V, стр. 63—64.

2) Кстати, Герценъ, знакомый съ естествознаніемъ своего времени, навѣрно, зналъ и ученіе Кювье, и онъ очень охотно проводилъ параллели между жизнью природы и общественной жизнью. По временамъ онъ даже злоупотреблялъ ими, подобно французскимъ матеріалистамъ XVIII-го столѣтія и нѣкоторымъ натуралистамъ XIX-го.

III.

Наведя у Герцена эту необходимую справку, мы можемъ обратиться къ г. Иванову-Разумнику.

Онъ заимствовалъ понятіе о мѣщанствѣ у знаменитаго автора „*Былого и Думъ*". Но въ своемъ качествѣ критически мыслящей личности онъ не зоветъ насъ „назадъ къ Герцену"; наоборотъ онъ хочетъ вести насъ „*впередъ отъ Герцена*". И съ этой похвальной цѣлью онъ подвергаетъ Герценово понятіе о мѣщанствѣ критическому пересмотру.

Онъ начинаетъ съ характеристики этого понятія. Онъ говоритъ: мѣщанство—въ смыслѣ, приданномъ ему Герценомъ—есть... группа преемственная, внѣклассовая и внѣсословная. Въ этихъ признакахъ—главное отличіе „мѣщанства" отъ „буржуазіи", типично сословной и классовой группы. Буржуазія это прежде всего—третье *сословіе*; далѣе это общественный *классъ*, рѣзко опредѣляемый и характеризуемый, какъ экономическая категорія, понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ рентой, въ условно-широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и доходъ предпринимателей, и доходъ землевладѣльцевъ). Понятіе мѣщанства — неизмѣримо шире, такъ какъ внѣсословность и внѣклассовость являются его характерными признаками" (I, 14).

Тутъ я рѣшительно протестую и аппеллирую къ читателю, который, надѣюсь хорошо знаетъ теперь, что *мѣщанство, въ смыслѣ, приданномъ ему Герценомъ, вовсе не есть „группа внѣсословная и внѣклассовая"*. Совсѣмъ напротивъ! По Герцену, *мѣщанство есть „прежде всего" мелкая буржуазія*, которая, сдѣлавшись „кормчимъ" западно-европейскаго міра, преобразовала по своему подобію всѣ остальные общественные слои и „группы". Такое понятіе о мѣщанствѣ можетъ быть признано *правильнымъ;* оно можетъ быть признано *ошибочнымъ*. Но что оно *принадлежитъ Герцену*, въ этомъ совсѣмъ нельзя сомнѣваться. Зачѣмъ же говорить „то, чего не было"? Я боюсь, что если мы въ *этомъ направленіи* пойдемъ „*впередъ отъ Герцена*", то уйдемъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ.

Впрочемъ, самъ же г. Ивановъ-Разумникъ даетъ весьма серьезный поводъ усомниться въ справедливости сказаннаго имъ на этотъ счетъ. Вотъ что читаемъ мы у него въ концѣ перваго тома.

„Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; *отдѣльныя, болѣе или*

менње ярко окрашенныя индивидуальности изъ всњхъ классовъ и сословій составляютъ внњклассовую и внњсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мњщанство" (курсивъ въ подлинникѣ).

Посмотрите же, какой видъ принимаетъ теперь взглядъ Герцена подъ перомъ г. Иванова-Разумника! *Мњщанство* было по Герцену „группой и внѣсословной", а *анти-мњщанство* онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ. Съ чѣмъ же это сообразно? Это ни съ чѣмъ не сообразно. Что же это такое? Самая простая путаница понятій.

Когда г. Ивановъ-Разумникъ открываетъ „ошибку Герцена" въ томъ, что тотъ искалъ анти-мѣщанства въ группѣ классовой и сословной, онъ имѣетъ въ виду ту его мысль, что русскій народъ не зараженъ духомъ мѣщанства и потому несравненно болѣе западныхъ народовъ способенъ осуществить соціалистическіе идеалы; но именно эта мысль Герцена,—хотя она и ошибочна сама по себѣ,—именно она-то и показываетъ, что онъ не смотрѣлъ на „этическое мѣщанство", [1]) какъ на свойство „внѣклассовой и внѣсословной группы", т. е. какъ на нѣчто независимое отъ общественныхъ отношеній, а, напротивъ, видѣлъ въ немъ „*этическое*" слѣдствіе извѣстнаго *соціальнаго* порядка. Западные народы живутъ *при однихъ* экономическихъ условіяхъ; русскій народъ—*при совершенно иныхъ*, на западѣ господствуетъ и все болѣе упрочиваетъ свое господство *мелко-буржуазная собственность*; русскій народъ крѣпко держится за *общинное землевладњніе*. Поэтому западные народы насквозь пропитаны *духомъ мњщанства*, а русскій народъ—едва-ли не наиболѣе *антимњщанскій народъ* въ мірѣ. *Сознаніе опредњляется бытіемъ*.

Такъ какъ, по Герцену, мѣщанскій „*духъ*" есть слѣдствіе *мелко-буржуазныхъ общественныхъ отношеній*, то неудивительно, что на западѣ,—гдѣ безраздѣльно царствуютъ именно мелко-буржуазныя отношенія,—антимѣщанство не могло найти для себя подходящую *общественную почву*. Тамъ оно существовало только въ видѣ *рњдкихъ исключеній изъ общаго правила*, въ видѣ „свѣтлыхъ точекъ", совершенно неспособныхъ разогнать окружающій ихъ мракъ. Въ Парижѣ Герценъ видитъ эти свѣтлыя точки въ латинскомъ кварталѣ:

„Тамъ хранится Евангеліе первой революціи; читаютъ ея апостольскія дѣянія и посланія святыхъ отцовъ XVIII вѣка; тамъ

---

[1]) Чтобы читатель не запутался въ терминологіи, я попрошу его запомнить, что словами: этическое мѣщанство г. Ивановъ-Разумникъ обозначаетъ этическія свойства и вообще *духовную сущность*" мѣщанства, какъ *группы*.

извѣстны *великіе вопросы*...; тамъ мечтаютъ о будущей „веси человѣческой“ такъ, какъ монахи первыхъ вѣковъ мечтали о „веси божіей“. Изъ переулковъ этого Лаціума, изъ четвертыхъ этажей невзрачныхъ домовъ его, постоянно идутъ ставленники и миссіонеры на борьбу и проповѣдь и гибнутъ большею частью морально, а иногда и физически, in partibus infidelium, т. е. по другую сторону Сены“ [1]).

Герценъ горячо симпатизируетъ „свѣтлымъ точкамъ“, благороднымъ гражданамъ парижскаго „Лаціума“. Но онъ, къ сожалѣнію своему, не видитъ за ними ровно никакой общественной силы, эти благородные мечтатели представляютъ собою именно только немногочисленныя отдѣльныя „точки“. Отсюда проистекаетъ ихъ слабость; отсюда проистекаетъ то, что они какъ нельзя болѣе далеки отъ побѣды надъ всесильнымъ, всеохватывающимъ мѣщанствомъ; отсюда проистекаетъ, наконецъ, нѣчто гораздо болѣе печальное: *ихъ самихъ побѣждаетъ мѣщанство*. Герценъ, бывшій подчасъ тонкимъ психологомъ, картинно изобразилъ эту слабую сторону тогдашняго французскаго антимѣщанства. По его словамъ, благородные граждане Лаціума погибаютъ, правда, *физически*,—какъ мученики за идею,—но чаще всего они погибаютъ морально и погибаютъ вслѣдствіе чего? Вслѣдствіе простого переѣзда „на другую сторону Сены“, т. е. тогда, когда, окончивъ курсъ, они сами вступаютъ въ мѣщанскую жизнь и... сами дѣлаются мѣщанами. Намъ, русскимъ, это явленіе очень хорошо извѣстно: вѣдь оно такъ часто повторялось у насъ съ благородными мечтателями Васильевскаго острова и московскихъ студенческихъ кварталовъ... „Ты земля и въ землю пойдешь“—сказалъ Іегова первому человѣку послѣ его грѣхопаденія. „Ты—мѣщанинъ и въ мѣщанство вернешься, хотя бы душа твоя была полна самой жгучей ненависти къ мѣщанству“. Такъ говорила, говоритъ и будетъ говорить французская, нѣмецкая, итальянская, русская, болгарская, румынская (и т. д. и т. д.) общественная жизнь всѣмъ тѣмъ благороднымъ мечтателямъ, всѣмъ тѣмъ „интеллигентамъ“, которые, оставаясь *внѣ-классовой* и *внѣ-сословной* группой, не умѣютъ слиться съ передовымъ классомъ своего времени; не умѣютъ стать его идеологами и опереться въ своей работѣ для лучшаго будущаго на желѣзный рычагъ классовой борьбы. Такъ говорила, говоритъ и будетъ говорить она имъ, не справляясь о томъ, чѣмъ вызывается „первородный грѣхъ“ такихъ интеллигентовъ—собственною-ли ихъ близорукостью, или же неразвитостью современныхъ имъ общественныхъ отношеній. Такъ говорила, говоритъ и будетъ говорить она, и ея зловѣщее пред-

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, Женевское изданіе, т. X, стр. 95.

сказаніе оправдывается и будетъ оправдываться: „внѣсословная и внѣклассовая“ интеллигенція въ самомъ дѣлѣ гибла, гибнетъ и будетъ гибнуть морально, какъ „только перебирается на другую сторону Сены“. Да это еще что! Бываетъ много хуже. Бываетъ такъ, что проповѣдниками мѣщанства, его наиболѣе „красивыми“ представителями, являются именно тѣ люди, которые считаютъ себя самыми злыми его врагами. Увы! это страшное несчастье случилось у насъ со многими изъ тѣхъ, которые зовутъ теперь нашу интеллигенцію въ крестовый походъ противъ мѣщанства. Это—какъ разъ та иронія, та „святая иронія“, которой хотѣлъ поклониться Прудонъ, но объ этомъ ниже.

IV.

Г. Ивановъ-Разумникъ сообщилъ намъ, что понятіе мѣщанства „неизмѣримо шире“ понятія буржуазіи. По этому поводу я настоятельно прошу его разъяснить слѣдующія мои сомнѣнія.

Во-первыхъ, на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что „буржуазія это прежде всего—третье сословіе?“ Вѣдь третье сословіе обнимало собою *и буржуазію, и пролетаріатъ,* поскольку существовали тогда эти общественныя категоріи.

Но *когда существовало* третье сословіе, буржуазія была еще далека отъ полнаго господства въ западно-европейскомъ обществѣ. Этого господства она достигла *уже послѣ того,* какъ уничтоженъ былъ *сословный строй* (ancien régime), т. е. послѣ того, какъ устранено было всякое логическое основаніе для того, чтобы именовать буржуазію „*сословной группой*“.

Мнѣ кажется, что я догадываюсь, почему нашъ историкъ позабылъ въ этомъ случаѣ исторію, но я не хочу высказывать свою догадку. Я предпочитаю дождаться отвѣта отъ г. Иванова-Разумника.

Во-вторыхъ, даже упраздняя опредѣленіе буржуазіи, какъ *группы* „прежде всего“ *сословной,* мы все таки сохраняемъ ея опредѣленіе, какъ *классовой* группы (почему не просто *класса*?). Что же у насъ теперь получается? А вотъ что.

Хотя мѣщанство, какъ группа, „неизмѣримо шире“ буржуазіи, но очевидно, что въ составъ мѣщанства входитъ *также и буржуазія.* Это мы непремѣнно должны допустить, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени и для такой страны, какъ, напримѣръ, современная Франція, въ которой старый порядокъ уничтоженъ былъ основательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было [2]). Значитъ въ современной Франціи существуетъ *буржуазный классъ* и этотъ *буржуазный классъ* является составною частью „*внѣклассовой*“

---

[2]) Ниже я покажу, почему я дѣлаю эту ограничительную оговорку.

(хотя за уничтоженіемъ сословій и *не* „внѣсословной“) группы мѣщанства. Но если это такъ,—а это, какъ видитъ читатель, не можетъ быть иначе,—то имѣемъ-ли мы право называть *мѣщанскую* группу—*внѣклассовой?* Очевидно, нѣтъ! Та общественная группа, *одной изъ составныхъ частей которой является буржуазный классъ*, сама должна имѣть *по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени*, классовой характеръ. До какой же именно степени? Это зависитъ отъ той роли, какую играетъ этотъ классъ въ этой группѣ. Если роль, принадлежащая въ этой группѣ буржуазіи, есть вліятельная роль, то и группа эта по необходимости пріобрѣтетъ *буржуазный характеръ*. Если же роль эта мало вліятельна, то и группа, включающая въ себя буржуазію, лишь въ незначительной степени пропитается классовымъ *духомъ буржуазіи*.

Но и въ этомъ случаѣ мы еще не получимъ права называть группу мѣщанства внѣклассовой группой. Если одною изъ составныхъ ея частей является *буржуазный классъ*, то другими ея составными частями могутъ явиться только какіе-нибудь *другіе классы* или слои. Вѣдь это же ясно, какъ день. А если ясно, то спрашивается: *какіе* же классы или слои? Г. Ивановъ-Разумникъ хранитъ на этотъ счетъ глубокое молчаніе. Но молчаніе не аргументъ.

Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, всякая общественная группа по необходимости имѣетъ классовый характеръ, хотя, въ зависимости отъ обстоятельствъ, этотъ ея характеръ и не всегда получаетъ яркое выраженіе. Но тотъ, кто хочетъ писать исторію общественной мысли, долженъ умѣть понять его даже и тогда, когда онъ остается блѣднымъ и неясно выраженнымъ. Въ противномъ случаѣ придется только *mit Worten kramen*, по извѣстному выраженію Мефистофеля.

Я взялъ для примѣра современную Францію, какъ страну, гдѣ метла великой революціи вымела за порогъ общественнаго зданія весь соръ сословнаго строя. И я прошу еще разъ г. Иванова-Разумника отвѣтить мнѣ: имѣютъ ли какой-нибудь классовый *характеръ тѣ* группы, которыя, вмѣстѣ съ буржуазіей, входятъ въ этой странѣ въ собирательную группу мѣщанства? Если—да, то какой именно; а если—нѣтъ, то почему не имѣютъ. И что это значитъ?

Я буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта, а въ ожиданіи его я останусь при томъ твердомъ убѣжденіи, что въ нынѣшней Франціи печать буржуазіи лежитъ на всѣхъ другихъ общественныхъ классахъ и группахъ, за исключеніемъ пролетаріата, да и то постольку, поскольку этотъ послѣдній сознательно—или хотя бы безсознательно—возстаетъ противъ буржуазной гегемоніи.

Г. Ивановъ-Разумникъ не любитъ пускаться въ *соціологическія* разсужденія; онъ предпочитаетъ оставаться въ области *этики*. Это, конечно, его дѣло. Но посмотримъ, насколько богаты содержаніемъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ онъ въ этой области.

„Опредѣляя возможно широко сущность этическаго мѣщанства,—говоритъ онъ,—мы скажемъ, что мѣщанство это—*узость*, *плоскость* и *безличность*, узость формы, плоскость содержанія и безличность духа; иначе говоря, не имѣя опредѣленнаго *содержанія*, мѣщанство характеризуется своимъ вполнѣ опредѣленнымъ *отношеніемъ* къ какому бы то ни было содержанію: самое глубокое оно дѣлаетъ самымъ плоскимъ, самое широкое—самымъ узкимъ, рѣзко индивидуальное и яркое—безличнымъ и тусклымъ...

Мѣщанство—это трафаретность, символъ вѣры мѣщанства, и его завѣтное стремленіе—это „быть какъ всѣ"; мѣщанство, какъ группа, есть поэтому та сплоченная посредственность (conglomerated mediarity, по цитированному Герценомъ выраженію Милля), которая всегда и всюду составляла толпу, доминирующую въ жизни"... (I, 15—16).

Итакъ, „мѣщанство—это трафаретность". Поэтому антимѣщанство не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ *антитрафаретностью*, а исторія русской общественной мысли оказывается борьбой антитрафаретности съ трафаретностью. Это поистинѣ новый (чуждый всякой „трафаретности") и глубокій взглядъ на историческія судьбы „бѣдной русской мысли"! [1])

V.

„Понятіе мѣщанства неизмѣримо шире" понятія буржуазіи. Мы уже знаемъ, что это ясно развѣ только для людей, смотрящихъ на исторію съ точки зрѣнія борьбы анти-трафаретности съ трафаретностью, а менѣе глубокомысленные люди наталкиваются здѣсь на непреодолимыя для нихъ трудности. Но допустимъ, что эти трудности превзойдены, допустимъ, что г. Ивановъ Разумникъ уже объяснилъ намъ,—чего онъ, правда, еще не сдѣлалъ, да, пожалуй, и не сдѣлаетъ,—въ какомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, французская буржуазія къ другимъ общественнымъ группамъ, вмѣстѣ съ нею составляющимъ во Франціи, какъ и во всѣхъ буржуазныхъ странахъ, несравненно болѣе широкую „группу мѣщанства". Предположивъ, что мучившія насъ трудности превзойдены, мы, какъ это само собой понятно, ис-

---

[1]) Это напоминаетъ то опредѣленіе, которое Энгельсъ съ полнымъ логическимъ правомъ вывелъ изъ Дюринговыхъ разсужденій о злѣ: Das Böse ist die Katze!

пытываемъ значительное облегченіе. Но очень скоро нами опять овладѣваетъ мучительное безпокойство.

Говоря о борьбѣ съ „литературнымъ мѣщанствомъ“ [1]), нашъ авторъ упоминаетъ, между прочимъ, о такъ называемой *мѣщанской драмѣ* (I, 47). Но что такое „мѣщанская драма“, чѣмъ она была въ свое время? *Формой литературнаго выраженія борьбы буржуазіи со старымъ порядкомъ*, или,—чтобы употребить выраженіе г. Иванова-Разумника,—*формой борьбы буржуазіи съ литературной трафаретностью*. Выходитъ, стало быть, что было такое время, когда буржуазія *не являлась составною частью* группы мѣщанства, *а стояла внѣ ея и боролась съ нею*. Буржуазія *противъ* мѣщанства—таково было положеніе дѣлъ во Франціи не далѣе какъ въ половинѣ XVIII вѣка. Вотъ это-то положеніе меня и смущаетъ. И всякій долженъ будетъ признать, что это крайне парадоксалькое положеніе [2]). Когда Герценъ кидалъ въ мѣщанство острыя стрѣлы своего сарказма, онъ, очевидно, и не подозрѣвалъ возможности подобнаго историческаго парадокса. А вотъ мы съ г. Ивановымъ-Разумникомъ его открыли. Почему же это намъ такъ повезло? Да очень просто! Герценъ смотрѣлъ на „этическое мѣщанство“, какъ на плодъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, какъ на извѣстный фазисъ въ исторіи западной буржуазіи. „Этическое мѣщанство“ представлялось ему духовнымъ свойствомъ *буржуазіи* [3]) *временъ упадка*. Потому-то онъ и могъ сочувственно говорить о другихъ фазисахъ ея развитія, о тѣхъ эпохахъ, когда на историчесой сценѣ появлялись Рафаэли и Буонаротти, Вольтеры и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо. И по той же самой, весьма понятной, причинѣ онъ не считалъ мѣщанство свойственнымъ ни средневѣковому рыцарству, ни русскому крестьянству. А мы съ г. Ивановымъ-Разумникомъ ушли „впередъ“ отъ Герцена. Мы покинули точку зрѣнія *соціологіи* и превратили мѣщанство, это *свойство* буржуазнаго класса, въ вѣчную *„этическую“* категорію. И совершивъ съ нимъ эту операцію, мы уже не удивляемся, наблюдая борьбу мѣщанской драмы съ мѣщанствомъ; маіора Ковалева со

---

[1]) Г. Ивановъ-Разумникъ очень богатъ всякими опредѣленіями и различеніями.

[2]) Оно напоминаетъ парадоксальное положеніе знаменитаго маіора Ковалева, какъ извѣстно, находившагося одно время въ конфликтѣ со своимъ собственнымъ носомъ. Но для полноты аналогіи нужно было бы предположить, что маіорскій носъ явился на свѣтъ раньше самого маіора.

[3]) А также, разумѣется, и тѣхъ группъ, которыя подчинились ея вліянію.

своимъ собственнымъ носомъ; буржуазіи со своей собственной „духовной сущностью". О, мы далеко опередили Герцена!

Мѣщанство, это—трафаретность; антимѣщанство, это—антитрафаретность. Мы имѣемъ двѣ категоріи, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы *вѣчными*, а, стало быть, также „внѣсословными" и „внѣклассовыми". Но эти вѣчныя, „внѣсословныя и внѣклассовыя" категоріи тождественны съ категоріями *стараго* и *новаго*. Защитники *стараго* съ полнымъ правомъ могутъ быть названы представителями трафаретности, а *новаторы* — ея врагами. Вся исторія есть борьба новаго со старымъ; если бы всегда существовало одно старое, то не было бы и исторіи. Это неоспоримо. Но эта неоспоримая исторія еще болѣе тоща, чѣмъ самая тощая изъ коровъ, приснившихся Фараону. Она ни на одинъ шагъ не подвигаетъ насъ къ пониманію хода общественнаго развитія. Понимаетъ это развитіе не тотъ, кто открываетъ въ немъ борьбу новаго со старымъ, а тотъ, кто умѣетъ объяснить себѣ, *откуда взялось старое* (которое тоже вѣдь было когда-то *новымъ*); *почему оно не удовлетворяетъ въ данное время новаторовъ*; *чѣмъ обусловливается ходъ и отчего зависитъ исходъ борьбы новаторовъ съ консерваторами*. Вотъ въ чемъ дѣло! А чтобы справиться съ этой задачей необходимо перейти на почву *соціологіи*. Всякая данная философія исторіи лишь постольку и имѣла теоретическую цѣнность, поскольку она переходила на эту почву, поскольку ей удавалось опредѣлить *соціологическій эквивалентъ тѣхъ или другихъ „этическихъ" явленій*. Къ тому времени, когда Герценъ писалъ свои блестящія страницы о западно-европейскомъ мѣщанствѣ, въ этомъ направленіи сдѣлано было уже довольно много.

И не даромъ онъ прошелъ незамѣнимую школу классической нѣмецкой философіи: онъ понималъ, что мѣщанство не падаетъ съ неба и не существуетъ отъ вѣка, а создается *мѣщанскими условіями общественной жизни*. Потому блестящія страницы, посвященныя имъ мѣщанству, до сихъ поръ сохранили значеніе серьезнаго,—хотя далеко не всегда полнаго и безошибочнаго,—анализа западно-европейской духовной жизни. А г. Ивановъ-Разумникъ ушелъ отъ Герцена впередъ"... въ область безсодержательныхъ абстракцій, и потому теоретическое значеніе его „исторіи русской общественной мысли" уже и теперь—пусть онъ проститъ мнѣ рѣзкое сужденіе,—совершенно ничтожно.

VI.

Г. Ивановъ-Разумникъ, вѣроятно, возразитъ мнѣ, что онъ смотритъ на ходъ развитія русской общественной мысли не съ точки зрѣнія борьбы стараго съ новымъ, а съ точки зрѣнія борьбы индивидуализма съ мѣщанствомъ. И онъ будетъ по своему правъ, но замѣтьте: *правъ только по своему*, т. е. неправъ. Носительницей принципа индивидуализма является у него *интеллигенція*, а что она такое? На этотъ вопросъ онъ самъ отвѣчаетъ: *„интеллигенція есть этически антимѣщанская, соціологически внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ“* (I, 16 курсивъ подлинника).

Развѣ это не совсѣмъ то же самое, что я сказалъ?

Правда—и на это, разумѣется, будетъ сильно напирать г. Ивановъ-Разумникъ,—интеллигенція характеризуется у него не только творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ, но также *„и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности“* (тамъ же, курсивъ опять въ подлинникѣ).

Это добавленіе, навѣрно, кажется ему *существеннымъ*; онъ жестоко ошибается: оно не только не поправляетъ дѣла, но еще больше портитъ его.

Въ лучшемъ случаѣ оно показываетъ только то, что нашъ историкъ не ограничивается констатированіемъ борьбы новаго со старымъ, но также и опредѣляетъ, въ чемъ это новое состоитъ, т. е. каковы тѣ идеалы, за которые борются новаторы. Допустимъ, что опредѣленіе, даваемое имъ, ясно и точно, хотя я и не совсѣмъ понимаю, что значитъ *личное освобожденіе личности*“. Но вѣдь вопросъ-то вовсе не въ томъ, *каковы идеалы новаторовъ*, а въ томъ, каковъ ихъ соціологическій эквивалентъ, т. е. *откуда они взялись, почему возникли они на данной ступени общественнаго развитія.*

Это самый важный вопросъ всякой серьезной философіи исторіи общественной мысли, а именно онъ-то и пропадаетъ, и непремѣнно долженъ пропасть изъ виду у всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ держаться точки зрѣнія г. Иванова-Разумника.

До какой степени это такъ, покажетъ весьма простой примѣръ. Русская интеллигенція въ самомъ дѣлѣ много занималась разработкой всякаго рода вопросовъ, относящихся къ „личности“, но на это была весьма опредѣленная общественная причина: нашъ *„индивидуализмъ“* явился, какъ реакція противъ закрѣпощенія всего и всѣхъ въ московскомъ и петербургскомъ періо-

дахъ нашей исторіи. Такъ какъ—*по неразвитости нашихъ общественныхъ отношеній*,—представителемъ этой реакціи не могъ явиться какой нибудь общественный *классъ* (или *сословіе*), то она естественно приняла „групповой“, т. е. „*внѣсословный и внѣклассовый характеръ*“. Это хорошо понималъ еще Герценъ [1]), хотя онъ,—вслѣдствіе логической ошибки, которая собственно и позволила ему стать „родоначальникомъ народничества“,—видѣлъ въ этомъ не бѣду нашу, а наше преимущество передъ западными народами. Но у г. Иванова-Разумника нашъ „индивидуализмъ“,—порожденный нашей великой исторической бѣдою, нашей страшной экономической отсталостью,—получаетъ, *подобно мѣщанству*, значеніе вѣчной категоріи и потому не разсматривается при свѣтѣ соціологіи, который только и можетъ обнаружить его слабыя стороны, дѣлавшія его одной изъ разновидностей *утопизма* пока онъ не началъ—въ послѣднее время—превращаться въ нѣчто несравненно худшее и совсѣмъ непривлекательное.

Другой примѣръ. У нашего автора *мѣщанствомъ* является какъ тотъ *мелко-буржуазный духъ*, отъ котораго Герцена тошнило на западѣ, такъ и тотъ *духъ казармы*,—барабанной цивилизаціи, какъ выражается гдѣ-то богатый на эпитеты Герценъ,—который характеризовалъ у насъ эпоху Николая I. Это далеко не одно и тоже, но у г. Иванова-Разумника мѣщанство имѣетъ „*нуменальный* смыслъ“ [2]) и, слѣдовательно, уже не обусловливается обстоятельствами времени и мѣста, *феноменами общественной жизни*, проходящей черезъ различныя фазы развитія.

Я сказалъ,—и этого, конечно, не опровергнутъ никакіе „индивидуалисты“,—что въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, стремленія новаторовъ, какъ и консерваторовъ, всегда опредѣляются отношеніями классовъ. Въ *капиталистическомъ* обществѣ новымъ является тотъ идеалъ, сущность котораго состоитъ въ устраненіи *всякаго* классового господства или, выражаясь отвлеченнѣе, въ устраненіи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, или, выражаясь еще отвлеченнѣе, въ „*общественномъ освобожденіи личности*“. Почему этотъ идеалъ разрабатывается именно въ капиталистическомъ обществѣ на извѣстныхъ ступеняхъ его развитія „это опять объясняется взаимными отношеніями классовъ

---

[1]) Un siécle encore du despotisme actuel,—говоритъ онъ,—et toutes les bonnes qualités du peuple russe seront aneanties... Sans le principe actif de l'individualité on ponrrait douter que le peuple russe conservât sa nationalité et les classes civilisées leurs lumiéres“ (Du développement des idées revolutionnaires en Russie, Paris, 1851, p. 137.

[2]) Открытый имъ у Лермонтова и у символистовъ конца XIX вѣка (I, 158).

въ названномъ обществѣ, но разъ возникнувъ въ капиталистическихъ странахъ запада, этотъ идеалъ введенъ былъ и въ отсталую, еще не капиталистическую тогда Россію: освободительныя идеи издавна вводятся къ намъ съ запада вмѣстѣ со всѣмъ, „чѣмъ для прихоти обильной торгуетъ Лондонъ щепетильный“. А разъ попавъ въ *отсталую*, еще не капиталистическую Россію, онъ по необходимости,—т. е. именно потому, что Россія была отсталой страной, въ которой новѣйшія классовыя отношенія еще въ зародышѣ,—онъ по необходимости принялъ *наиболѣе* отвлеченный видъ, т. е. былъ формулированъ, какъ „общественное освобожденіе личности“. Въ этомъ своемъ отвлеченномъ видѣ онъ попалъ и въ голову г. Иванова-Разумника, который въ качествѣ „личности“, знакомой съ философской терминологіей, немедленно придалъ ему „нуменальный смыслъ“. Но какъ бы мы ни назвали розу, она не лишится своего запаха и какое-бы имя ни придумалъ нашъ историкъ для самого передового и самаго свѣтлаго изо всѣхъ нынѣшнихъ общественныхъ идеаловъ, этотъ идеалъ все таки не лишится своего метрическаго свидѣтельства. Для всѣхъ сколько-нибудь понимающихъ дѣло, онъ останется *идеаломъ*, порожденнымъ извѣстными классовыми отношеніями, а кто станетъ утверждать, что онъ происходитъ отъ неизвѣстныхъ „нуменальныхъ“ родителей, что онъ появился на свѣтъ божій на какомъ-то „внѣсословномъ и внѣклассовомъ“ пустырѣ, тотъ покажетъ одно изъ двухъ: или то, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, или же то, что онъ имѣетъ какіе нибудь посторонніе поводы для искаженія истины.

Г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, что въ составъ интеллигенціи могутъ входить люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Это въ самомъ дѣлѣ, такъ, но что же изъ этого? Мирабо и Сіейсъ были аристократами, но это не помѣшало имъ стать идеологами третьяго сословія. Марксъ, Энгельсъ и Лассаль были *буржуазнаго* происхожденія, но это не помѣшало имъ стать идеологами *пролетаріата*. Говоря о французскихъ мелко-буржуазныхъ идеологахъ 1848 г., Марксъ очень хорошо замѣчаетъ: „не слѣдуетъ воображать, будто представители демократизма (буржуазнаго Г. П.) сами поголовно принадлежатъ къ классу мелкихъ лавочниковъ или обожаютъ ихъ. По своему образованію и по своему личному положенію они могутъ отстоять отъ лавочниковъ, какъ небо отъ земли. Ихъ дѣлаетъ представителями мелкаго мѣщанства лишь то обстоятельство, что умственно, теоретически, они не заходятъ дальше тѣхъ предѣловъ, за которые въ жизни мѣщанство не переходитъ практически... Таково вообще то отношеніе въ которое становятся политическіе и литературные представители какого нибудь класса къ этому классу“.

VII.

Мы видимъ: вторая часть того опредѣленія, которое г. Ивановъ-Разумникъ даетъ интеллигенціи получаетъ нѣкоторый смыслъ единственно благодаря тому, что въ нее проникаетъ,—хотя и въ блѣдномъ, обезкровленномъ, отвлеченномъ видѣ,—содержаніе идеала, родившагося *на конкретной почвѣ классовыхъ отношеній.* А это значитъ. что она пріобрѣтаетъ нѣкоторый смыслъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой ею отвергается точка зрѣнія г. Иванова-Разумника. Потому-то я и говорю, что она не поправляетъ дѣла, а только портитъ его.

Далѣе. Если нашъ историкъ *не ошибся*, указывая намъ, въ чемъ заключалась *„ошибка“* Герцена; если эта ошибка дѣйствительно состояла въ томъ, что „антимѣщанства“ онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ его можно искать только въ группѣ интеллигенціи, потому что „сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами“, то ясно, что *масса всегда останется пропитанной мѣщанствомъ*. А такъ какъ освобожденіе *„личности“* предполагаетъ „прежде всего“ ея освобожденіе отъ мѣщанства, то ясно, какъ божій день, что тотъ идеалъ, за который боролась и борется, по словамъ г. Иванова-Разумника, русская интеллигенція, *для массы недостижимъ*, ясно, какъ божій день, что это идеалъ, до котораго могутъ,—по народному выраженію,—*достукаться* только избранные люди, цвѣтъ націи, „отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій“. Иначе сказать, *это—идеалъ, достижимый лишь для нѣкіихъ „внѣсословныхъ и внѣклассовыхъ“ сверхъ-человѣковъ*. Еще иначе: идеалъ г. Иванова-Разумника при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается ...своей собственною противоположностью. Стало быть, я собственно не имѣлъ права сказать, что въ этотъ идеалъ проникло содержаніе самаго передового западно-европейскаго идеала, взрощеннаго западно-европейской классовой борьбою. Гдѣ тамъ! Для г. Иванова-Разумника этотъ послѣдній слишкомъ „трафаретенъ“.

Теперь два слова отчасти pro domo mea.

Во второмъ томѣ своей исторіи г. Ивановъ-Разумникъ, стараясь доказать, что я плохо понялъ субъективизмъ покойнаго Михайловскаго, говоритъ, между прочимъ: „наконецъ, онъ считаетъ, что субъективизмъ Михайловскаго заключается главнымъ образомъ въ теоріи „героевъ и толпы“, въ чрезмѣрно-высокой оцѣнкѣ роли личности въ исторіи... Дальше этого непониманіе идти уже не можетъ, такъ какъ теорія героевъ и толпы, пред-

ставляя работу по психологіи массы, совершенно не входитъ въ рядъ основныхъ идей Михайловскаго, но является случайной его экскурсіей въ область общественной психологіи" (II, стр. 369).

Въ какой мѣрѣ удалось и удалось-ли г. Иванову-Разумнику „уразумѣть" сущность моего спора съ Михайловскимъ, объ этомъ у меня рѣчь будетъ ниже. Но уже теперь, на основаніи того, что мы отъ него слышали, я считаю возможнымъ утверждать, что въ числѣ „основныхъ идей" г. Иванова-Разумника, „теорія героевъ и толпы" занимаетъ далеко-далеко не послѣднее мѣсто. Подумайте-ка: съ одной стороны—„отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій" (вотъ они, „*герои*"), а съ другой—толпа (вотъ она, матушка-„*толпа*"!), „масса сѣраго цвѣта, съ срединными идеалами" и т. д. Что же это, если не теорія героевъ и толпы въ самомъ „плоскомъ", самомъ „узкомъ", самомъ „мѣщанскомъ" ея изданіи?

Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, содержаніе всякаго даннаго общественнаго идеала всегда опредѣляется классовыми отношеніями, экономическимъ строеніемъ этого общества. Внѣклассовыхъ идеаловъ въ такомъ обществѣ не бываетъ. Бываетъ *только непониманіе классоваго характера идеаловъ нѣкоторою частью или большинствомъ или даже всей совокупностью ихъ противниковъ или ихъ сторонниковъ*. Но и непониманіе это, въ свою очередь, обусловливается экономическими отношеніями. Оно имѣетъ мѣсто въ такомъ обществѣ, въ которомъ еще недостаточно обозначились классовыя противорѣчія. Примѣръ: нѣмецкій „истинный соціализмъ" сороковыхъ годовъ. „Истинные" нѣмецкіе соціалисты того времени видѣли преимущество *нѣмецкаго* соціализма передъ *французскимъ* въ томъ, что носительницей перваго была *интеллигенція*, между тѣмъ какъ во Франціи соціализмъ уже сталъ дѣломъ *народной массы*. Но это воображаемое преимущество нѣмецкаго соціализма было недолговѣчно: оно исчезло вмѣстѣ съ развитіемъ въ Германіи классовой борьбы. Уже въ шестидесятыхъ, а еще болѣе въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій соціализмъ сталъ дѣломъ не интеллигенціи, а непріятной г. Иванову-Разумнику „толпы, массы". А „внѣклассовый" идеалъ перекочевалъ далѣе на Востокъ и свилъ себѣ весьма уютное гнѣздышко въ Россіи, гдѣ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его глашатаевъ былъ П. Л. Лавровъ, на котораго ссылается нашъ историкъ (см. т. I, введеніе). Что лавровская „формула прогресса" имѣла „внѣсословный" и „внѣклассовый" характеръ, это совершенно справедливо. Но это вовсе не достоинство; это недостатокъ. Подобно многимъ соціалистамъ-утопистамъ Запада, Лавровъ не понималъ значенія классовой борьбы въ исторіи общества, раздѣленнаго на классы. Конечно,

фактъ ея существованія былъ ему извѣстенъ, какъ былъ онъ извѣстенъ и западнымъ соціалистамъ-утопистамъ. Но все-таки на вопросъ: „Какъ шла исторія? Кто ее двигалъ?“ Лавровъ отвѣчалъ: „одинокія борющіяся личности“ [1]). Въ этомъ отношеніи онъ, — опять, какъ и всѣ соціалисты-утописты, — стоялъ позади лучшихъ идеологовъ *буржуазіи*, которые уже въ эпоху французской реставраціи хорошо понимали великую творческую роль классовой борьбы въ исторіи. Уже въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка Гизо громогласно заявилъ, что вся исторія Франціи была „сдѣлана войною классовъ“. Лавровъ ждалъ осуществленія своего идеала отъ интеллигенціи. На счетъ рабочаго класса, представленіе о которомъ сливается у него, впрочемъ, съ представленіемъ о массѣ, задавленной нуждою, онъ полагалъ, что и изъ его среды могутъ, конечно, выйти энергичныя личности, и что подобныя личности въ высшей степени драгоцѣнны для прогресса; но, спѣшилъ прибавить онъ: „Эти энергическіе дѣятели заключаютъ лишь *возможность* прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшійся за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ въ обоихъ случаяхъ изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. Осуществленіе прогресса принадлежитъ (sic!) тѣмъ, которые избавились отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ“ [2]).

Мы видимъ, что, по Лаврову, „осуществленіе прогресса принадлежитъ“ тѣмъ „мыслящимъ личностямъ“, которыя ...такъ или иначе кормятся на счетъ прибавочной стоимости. Прогрессъ проходитъ „надъ головами“ огромнѣйшаго большинства тѣхъ, которые своимъ неоплаченнымъ трудомъ создаютъ эту стоимость. Это очень наивно. Оспаривать эту наивность теперь уже нѣтъ никакой надобности. Но не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что въ *настоящее время* подобныя мнѣнія свидѣтельствуютъ уже не о наивности людей, ихъ высказывающихъ, а скорѣе о томъ, что они „себѣ на умѣ“. То, что было извинительнымъ,—т. е. извиняемымъ обстоятельствами,—*паралогизмомъ*, когда складывались взгляды Лаврова, стало совсѣмъ не извинительнымъ *софизмомъ* въ устахъ людей нынѣшняго времени, когда рабочее движеніе приняло такіе большіе размѣры во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Теперь это мнѣніе служитъ „духовнымъ оружіемъ“ тому разряду „мыслящихъ личностей“, которому хотѣлось бы увѣковѣчить свое право на „принадлежащую“ имъ долю прибавочной стоимости. Теперь за него стоятъ самые „яркіе“ *мѣщане нашего времени*.

[1]) См. Историческія Письма, изд. 1891 г., стр. 116.

[1]) Тамъ-же, стр. 81—82.

Людей этого разряда много теперь повсюду; нѣтъ въ нихъ недостатка и въ Россіи, гдѣ урожай на нихъ, пожалуй, даже больше, нежели въ какой нибудь другой странѣ. Это — именно тотъ разрядъ людей, который такъ хорошо „уразумѣлъ“, по увѣренію г. Иванова-Разумника, мысль Герцена о „потенціальномъ мѣщанствѣ соціализма“.

Только напрасно нашъ авторъ думаетъ, что люди эти принадлежатъ у насъ къ поколѣнію начала XX вѣка. Они въ порядочномъ изобиліи появились на Руси уже въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Впрочемъ, о хронологіи я съ нимъ спорить не хочу. Я только нахожу нужнымъ показать, что „еретическая мысль“ Герцена совсѣмъ не такъ близка къ мысли людей этого разряда, какъ это можно подумать на основаніи словъ г. Иванова-Разумника. И для этого мнѣ опять придется сдѣлать небольшую историческую справку.

VIII.

Мы уже знаемъ, какъ формулируетъ г. Ивановъ-Разумникъ „еретическую мысль“ Герцена: „соціализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, самъ выродится въ мѣщанство“. Это не вѣрно въ двухъ отношеніяхъ.

„Прежде всего“ у Герцена нѣтъ рѣчи о мѣщанствѣ. Онъ говоритъ: „Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей“... [1]).

О вырожденіи соціализма въ „мѣщанство“ у Герцена не было рѣчи по той—уже хорошо извѣстной намъ—причинѣ, что для него „мѣщанство“ не имѣло „нуменальнаго смысла“, сочиненнаго г. Ивановымъ-Разумникомъ [2]).

Во-вторыхъ, у Герцена дѣло происходитъ совсѣмъ не такъ просто: вотъ, молъ, соціализмъ останется побѣдителемъ на полѣ битвы и сейчасъ же выродится въ „консерватизмъ“. Нѣтъ, у него дѣло выходитъ гораздо болѣе сложнымъ: сначала соціализмъ побѣдитъ; потомъ онъ будетъ развиваться; „разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій“ и, только

1) Сочиненія, т. V, стр. 131.

2) Не ручаюсь, однако, за то, что честь этого сочиненія принадлежитъ именно нашему автору. Возможно, что онъ заимствовалъ ее у какой-нибудь другой „личности“. Съ меня довольно того, что Герценъ не былъ и не могъ быть такой „личностью“.

дойдя до этихъ послѣдствій самъ, по закону всего живого, склонится къ упадку; вслѣдствіе чего будетъ побѣжденъ „неизвѣстною намъ революціей“. Въ историческомъ промежуткѣ между гибелью мѣщанской цивилизаціи, развившейся на основѣ мелкобуржуазной собственности, и началомъ упадка соціализма найдется много мѣста *для жизни, не имѣющей ровно ничего общаго съ мѣщанствомъ*. Объ этомъ промежуткѣ ровнехонько ничего не упоминаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, а вѣдь наличность этого промежутка въ „еретической мысли“ Герцена самымъ существеннымъ образомъ измѣняетъ весь ея смыслъ.

Я не стану разбирать, правъ или не правъ былъ Герценъ, считая неминуемой *въ будущемъ* „неизвѣстную революцію“, долженствующую положить конецъ соціализму. *Это* будущее, очевидно, слишкомъ далеко отъ насъ. Скажу только, что Герценъ подкрѣпляетъ эту свою гипотезу простой ссылкой на „вѣчную игру жизни, безжалостную, какъ смерть, неотразимую, какъ рожденіе“. Но вѣчная игра еще не знаменуетъ собою вѣчнаго возврата *къ старымъ формамъ жизни* вообще и къ старымъ формамъ *общественной* жизни въ частности. Я отнюдь не отрицаю „игры жизни“, но я не думаю, чтобы человѣчество, вышедшее изъ дикости, когда-нибудь вернулось къ *людоѣдству*. Точно такъ же,—и опять-таки нисколько не отрицая „игры жизни“,—я не думаю, чтобы цивилизованное человѣчество, разъ покончивъ съ раздѣленіемъ общества на классы и съ эксплуатаціей одного класса другимъ, могло опять вернуться къ такому раздѣленію и къ такой эксплуатаціи. А такъ какъ соціализмъ означаетъ именно устраненіе классовъ и эксплуатаціи одного класса другимъ, то никакія соображенія объ „игрѣ жизни“ не убѣдятъ меня въ неминуемости „неизвѣстной революціи“, которой будто бы суждено явиться отрицаніемъ соціализма. Для „игры жизни“ останется достаточно простора и помимо такой революціи, но, повторяю, все это касается столь далекаго будущаго, что спорить объ этомъ теперь врядъ ли есть какая-нибудь надобность. Несравненно важнѣе констатировать, что—согласно представленію Герцена—соціализмъ, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія, характеризовался бы полнымъ исчезновеніемъ того разлада между развитыми личностями съ одной стороны и „толпой, массой“—съ другой, которымъ отличается періодъ мѣщанства. Эпоха восходящаго соціализма была бы одной изъ благодатныхъ эпохъ, такъ изображаемыхъ Герценомъ.

„Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ *общемъ дѣлѣ*. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ

она живетъ. Въ такія времена... все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно геніальныя, какъ Гете, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, такъ же увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности,—все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ; жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія" [1]).

Нашъ историкъ умалчиваетъ обо всемъ этомъ, и это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его „исторію русской общественной мысли". Истинно, истинно говорю вамъ, читатель: и Ивановъ-Разумникъ, подобно герою извѣстной басни Крылова, слона-то и не замѣчаетъ. Да вѣдь оно и понятно. Съ его точки зрѣнія слоны-то и незамѣтны. Въ этомъ мы окончательно убѣдимся, перейдя къ Бѣлинскому, къ славянофиламъ, къ народникамъ и т. д.

Однако —подумаетъ, пожалуй, читатель,—вѣдь писалъ же Герценъ, что западно-европейскій рабочій—*мѣщанинъ будущаго*. Дѣйствительно, онъ писалъ это. Но почему онъ считалъ западнаго пролетарія мѣщаниномъ будущаго? Въ этомъ весь вопросъ.

А считалъ онъ его будущимъ мѣщаниномъ вотъ почему.

Расцвѣтъ соціализма, устраняющій разладъ между личностью и обществомъ, возможенъ бы былъ, по мнѣнію Герцена, лишь какъ слѣдствіе „взрыва", который покрылъ бы „лавой" поколѣнія, выросшія на истощенной почвѣ мелко-буржуазнаго порядка. Но такой взрывъ былъ слишкомъ маловѣроятенъ; по крайней мѣрѣ его нельзя было предсказывать, наблюдая обычную жизнь мелко-буржуазнаго общества. Внимательное наблюденіе *этой* жизни приводило Герцена, наоборотъ, къ тому убѣжденію, что господство мелкой собственности,—*экономическое* основаніе „*этическаго*" мѣщанства,— будетъ все болѣе и болѣе упрочиваться. Тѣмъ или инымъ путемъ къ мелкой собственности пріобщится также и рабочій, который, *поэтому*, тоже проникнется мелко-буржуазнымъ духомъ. „Всѣ силы, таящіяся теперь въ многострадальной, но мощной груди пролетарія изсякнутъ; правда, онъ не будетъ умирать съ голода, но на томъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли (замѣтьте это, читатель! Г. П.) или своей коморкой въ работни-

[1]) Сочиненія т, V., стр. 144.

чьихъ казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго развитія“ [1]).

Что же мы слышимъ? Въ многострадальной груди западнаго пролетарія таятся могучія силы. *Въ возможности западный* пролетарій не мѣщанинъ, а скорѣе титанъ, способный нагромоздить гору на гору. Но онъ попалъ въ историческій тупикъ; общественныя отношенія не дадутъ выхода его могучимъ силамъ, они заглушатъ ихъ, и онъ мало по малу самъ сдѣлается мѣщаниномъ. *„Такова перспектива мирнаго органическаго развитія“*, а другую перспективу слишкомъ трудно себѣ представить.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ „еретической мыслью“ Герцена о томъ, что западный пролетарій — мѣщанинъ будущаго. Эта мысль, какъ въ фокусѣ, отражаетъ въ себѣ и сильныя, и слабыя стороны герценовой философіи исторіи. Намъ уже извѣстно, что въ своихъ разсужденіяхъ о западномъ мѣщанствѣ Герценъ объясняетъ *сознаніе бытіемъ*; общественную *мысль* — общественной *жизнью*. Онъ не даромъ прошелъ школу Гегеля а потомъ Фейербаха и вообще онъ былъ слишкомъ человѣкомъ для того, чтобы не понимать, какъ несостоятеленъ тотъ поверхностный идеализмъ, который въ основу всѣхъ своихъ соціологическихъ объясненій кладетъ принципъ: *„мнѣнія правятъ міромъ“*. Онъ настойчиво повторяетъ, что мнѣніями западно-европейскаго міра правитъ *„купецъ“* и *„мелкая собственность“*, т. е. *экономика*. Но когда онъ пытается точнѣе опредѣлить вѣроятный ходъ дальнѣйшаго развитія западно-европейской экономики, тогда онъ немедленно впадаетъ въ огромное заблужденіе. Онъ думаетъ, что блестящій періодъ западно-европейской промышленности уже прошелъ, что собственность все болѣе и болѣе раздробляется и что западному работнику предстоитъ все большее и большее пріобщеніе къ мелкой собственности. Проникнувшись этимъ убѣжденіемъ, Герценъ естественно уже не могъ ожидать въ будущемъ никакихъ коренныхъ измѣненій въ общественномъ строѣ западной Европы.

„Куда я ни смотрю,—писалъ онъ,—вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *началъ*—они только въ теоріи и въ отвлеченіяхъ“.

Извѣстно, что разочарованіе Герцена вызвано было крушеніемъ революціи 1848 года. Такое же разочарованіе испытали и многіе изъ его западныхъ современниковъ, и замѣчательно, что это разочарованіе не коснулось только тѣхъ, которые съумѣли до конца продумать теорію, объясняющую ходъ мысли ходомъ жизни. Только сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи,—правда весьма немногочисленные въ то время,—сохранили

[1]) Тамъ же, стр. 67.

спокойную увѣренность въ торжествѣ своихъ идеаловъ. Читатель не забылъ, конечно, знаменитаго восклицанія Маркса: „Революція умерла! Да здравствуетъ революція!“ Марксъ понималъ, что развитіе западно-европейскихъ экономическихъ отношеній ведетъ вовсе не къ торжеству мелкой собственности, и что историческая роль пролетаріата состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы пріобщиться къ мелко-буржуазной собственности. Герценъ, испытавшій на себѣ сильное вліяніе Прудона и даже не подозрѣвавшій, что представляло собою ученіе Маркса, не доработался до этой спокойной увѣренности [1]), и въ этомъ было его величайшее несчастіе, въ этомъ заключался глубочайшій трагизмъ его „борьбы съ Западомъ“,—борьбы не лучше понятой теперь г. Ивановымъ-Разумникомъ, чѣмъ понималъ ее нѣкогда Страховъ. Эта-то полная потеря вѣры въ западную Европу едва-ли не болѣе всего способствовала тому, что Герценъ, отвернувшись отъ „стараго міра“, сдѣлался,—по справедливому на этотъ разъ мнѣнію нашего историка,—*родоначальникомъ русскаго народничества.*

IX.

По Герцену, соціализмъ сдѣлается консервативнымъ,—и, въ этомъ смыслѣ, *уподобится* мѣщанству, — лишь въ конечной стадіи своего развитія, лишь развившись до абсурда. А наша интеллигенція конца XIX и начала XX вѣка,—проницательность которой внушаетъ г. Иванову-Разумнику большое уваженіе, — объявила превращеніе соціализма въ мѣщанство дѣломъ самаго близкаго будущаго и, въ значительной степени, даже настоящаго времени. И это чрезвычайно характерно для нея. Не менѣе для нея характерно и то, что она долго не переставала, да, повидимому, и теперь еще не совсѣмъ перестала строить глазки г. Э. Бернштейну и другимъ, подобнымъ ему „критикамъ Маркса“. Если „посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ“, то дѣлается несомнѣннымъ, какъ дважды два четыре, что за бернштейновскую критику она хваталась только по одной причинѣ: эта пресловутая „критика“ давала ей желанный превосходнѣйшій предлогъ для того, чтобы повернуться спиной къ стремленіямъ пролетаріата, о которыхъ она вынуждена была наговорить много хорошихъ словъ въ періодъ своей борьбы съ народнической азіатчиной. Французская пословица говоритъ: quand on veut pendre un chien

---

[1]) Если состояніе западно-европейской *мысли* объясняется у Герцена складомъ западно-европейской *жизни*, то, — задумываясь о будущемъ Россіи, онъ сразу переходитъ на идеалистическую точку зрѣнія и воображаетъ, что интелигенція передѣлаетъ сельскую общину согласно своему идеалу. Но объ этомъ—потомъ.

on le dit—enragé (когда хотятъ повѣсить собаку, то увѣряютъ, что она взбѣсилась). А когда наша интеллигенція en question,—та интеллигенція, которая будто бы такъ хорошо поняла „еретическую мысль Герцена“,—захотѣла отвергнуться отъ пролетаріата и постигла свое истинное призваніе быть *буржуазной* интеллигенціей, она приравняла пролетарскія стремленія къ *мѣщанству* [1]). Что же касается подобнаго приравниванія, то бернштейновская „критика“,—надо отдать ей эту справедливость,—давала для него великолѣпный матеріалъ. Въ лицѣ г. Бернштейна и прочихъ „критиковъ“ этого калибра соціалистическая мысль въ самомъ дѣлѣ сдавалась на капитуляцію мѣщанству, объявивъ несбыточными утопическими бреднями неисправимыхъ и неспособныхъ къ критическому мышленію „догматиковъ“ всѣ стремленія, идущія дальше „соціальной реформы“. Кто не помнитъ, съ какимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отозвался г. Бернштейнъ о „*конечной цѣли*“? Въ лицѣ такихъ критиковъ соціалистическая мысль въ самомъ дѣлѣ выступила проповѣдницей молчалинскаго принципа умѣренности и аккуратности. Какъ же было не привѣтствовать г. Бернштейна и братьевъ его? Какъ было не рукоплескать имъ? Кто же лучше ихъ сумѣлъ бы оклеветать стремленія сознательнаго пролетаріата. Теперь, благодаря этимъ „критикамъ“, отъ этихъ стремленій можно было отворачиваться уже *не во имя мѣщанства, а какъ будто для борьбы съ нимъ*. А отвернуться-то смертельно хотѣлось, только все предлога „красиваго“ не встрѣчалось. Г. Бернштейнъ доставилъ такой предлогъ и тѣмъ заслужилъ искреннѣйшую и глубочайшую признательность со стороны „*критически*“-*мѣщанствующей* интеллигенціи. Она встрѣтила его, какъ Мессію, и на всѣ голоса закричала, что „ортодоксальный“ марксизмъ окончательно отжилъ свое время. Что бы ни говорилось въ защиту Маркса, такъ безбожно и такъ нелѣпо извращеннаго г. Бернштейномъ, она и ухомъ не вела, она органически не могла внимательно выслушать тѣхъ, которые критиковали „критиковъ Маркса“, потому что критиковать „критиковъ Маркса“ значило идти наперекоръ самымъ задушевнымъ ея стремленіямъ. И вотъ вокругъ этого вопроса накопился огромный запасъ „*условной лжи*“. По молчаливому, но тѣмъ не менѣе вполнѣ дѣйствительному взаимному соглашенію, „*критически-мыслящіе*“ *мѣщане нашего времени* стали приписывать Марксу всякій вздоръ,—подъ именемъ *катастрофическаго соціализма*,—который побѣдоносно опровергался и

[1]) Разумѣется, только въ той ихъ части, которая выходитъ *за предѣлы* освободительныхъ (преимущественно *политическихъ*) стремленій передового слоя нашей мелкой буржуазіи.

рѣшительно отвергался ими, какъ несоотвѣтствующій положенію дѣлъ въ *нынѣшнемъ* капиталистическомъ обществѣ. На счетъ этого положенія тѣ же люди и въ силу того же молчаливаго, но никѣмъ изъ нихъ не нарушаемаго договора, тоже изрекали цѣлые вороха „условной лжи": объ увеличеніи доли рабочаго класса въ національномъ доходѣ, о трестахъ, какъ средствѣ предупрежденія промышленныхъ кризисовъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, какъ о факторѣ, умножающемъ число капиталистовъ и проч. и проч. и проч. И, опираясь на всю эту условную ложь, каждый „критическій" идеологъ современнаго мѣщанства могъ съ легкостью и ловкостью „почти военнаго человѣка" подойти къ тому выводу, что сама экономія *нынѣшняго* капиталистическаго общества осуждаетъ соціализмъ на усвоеніе принциповъ г. Бернштейна, т. е. *мѣщанскаго духа*. А отъ этого вывода было уже рукой подать до „конечной цѣли", т. е. до вполнѣ понятнаго „разочарованія" въ такомъ соціализмѣ. Разъ добравшись до этой „конечной цѣли", до пріятнаго убѣжденія въ томъ, что работникъ нашихъ дней есть мѣщанинъ самаго близкаго будущаго, если не настоящаго, оставалось только заняться культивированіемъ своей собственной, болѣе или менѣе „красивой", болѣе или менѣе „сверхъ-человѣческой" личности. И тутъ-то чрезвычайно кстати припоминались тѣ ярко-талантливыя и глубоко-печальныя страницы, которыя Герценъ посвятилъ характеристикѣ мѣщанства. Самъ Герценъ не вѣритъ! Самъ Герценъ понимаетъ! Самъ Герценъ высказываетъ еретическую мысль! Самъ Герценъ предвидитъ! Это что-нибудь да значитъ.

И это въ самомъ дѣлѣ значитъ очень много. Это значитъ, что горестно-прочувствованныя страницы Герцена, тѣ его страницы, которыя написаны кровью его сердца и сокомъ его нервовъ, тѣ его страницы, изъ которыхъ многія были написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ ужасныхъ іюньскихъ дней, — что эти страницы, полныя „вавилонской тоски" о разбитомъ событіями идеалѣ, служатъ теперь орудіемъ *для борьбы* съ этимъ идеаломъ. Oh ironie, sainte ironie, vient que je t'adore!

Исторія—вообще до крайности ироническая старуха. Однако надо быть справедливымъ и къ ней. Ея иронія страшно зла; но она никогда не бываетъ совсѣмъ незаслуженной. Если мы видимъ, что исторія иронизируетъ надъ тѣмъ или другимъ крупнымъ и благороднымъ историческимъ дѣятелемъ, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что во взглядахъ или въ дѣйствіяхъ этого крупнаго и благороднаго дѣятеля были слабыя стороны, которыя и дали впослѣдствіи возможность воспользоваться *его взглядами или дѣйствіями*,—или, что тоже, *послѣдствіями* этихъ дѣйствій,

выводами, вытекающими изъ этихъ взглядовъ,—для борьбы противъ одушевлявшихъ его стремленій.

Мы уже знаемъ, что во взглядахъ Герцена дѣйствительно была своя слабая сторона. Но эта слабая сторона еще недостаточно слаба, по мнѣнію г. Иванова-Разумника. Герценова точка зрѣнія кажется нашему историку слишкомъ *конкретной*. Этотъ почтенный историкъ, подъ предлогомъ движенія „впередъ отъ Герцена", вскарабкался, потревоживъ почтенную тѣнь автора „Историческихъ Писемъ", на ту возвышенную точку зрѣнія, съ которой вся исторія поступательнаго движенія человѣчества представляется въ видѣ борьбы „внѣсословнаго и внѣклассоваго" антимѣщанства со столь же „внѣсословнымъ и внѣклассовымъ" мѣщанствомъ. Но—увы!—чѣмъ больше старается онъ удержаться на этой точкѣ зрѣнія, чѣмъ больше возстаетъ онъ противъ *мѣщанства*,—„эстетическаго", „этическаго" и „соціологическаго",—тѣмъ болѣе его собственное якобы-антимѣщанство обнаруживаетъ себя, *какъ идеологію образованнаго и „критически-мыслящаго" мѣщанина нашего времени*. О, иронія, святая иронія, дай поклониться тебѣ!

Въ этомъ *мѣщанствѣ „антимѣщанства"* г. Иванова-Разумника и заключается тайна его успѣха. Мы переживаемъ теперь такой періодъ, когда непремѣнно будутъ имѣть успѣхъ сочиненія, такъ усердно, такъ систематично *культивирующія мѣщанское „антимѣщанство"*.

Перехожу къ частностямъ, которыя покажутъ намъ, что точка зрѣнія мѣщанскаго „антимѣщанства",—даже когда на нее взбирается человѣкъ, не лишенный нѣкоторыхъ знаній, — остается безплодной, какъ знаменитая смоковница. Богатая содержаніемъ исторія русской общественной мысли пріобрѣтаетъ у г. Иванова-Разумника совсѣмъ плоскій характеръ. И это потому, что,—какъ справедливо говоритъ самъ г. Ивановъ-Разумникъ,—*мѣщанство есть плоскость содержанія*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Плехановъ.

Тоска.

Разсказъ *Владислава Реймонта.*

(Переводъ съ польскаго *И. Смидовичъ*).

Солнечный день грезился уже домамъ, спавшимъ въ холодныхъ испареніяхъ воздуха, грезился окоченѣвшимъ и дрожавшимъ деревьямъ, грезился морю, сонно рокотавшему у береговъ, тревожно грезился всему, что страдало, ждало и томилось въ оцѣпенѣвшей холодной тишинѣ мартовской ночи.

Вдругъ гдѣ-то въ безконечной дали, словно возвѣщая разсвѣтъ, заревѣла корабельная сирена. Грубый, хриплый голосъ съ трудомъ продирался сквозь ледяные туманы и, протяжно рыдая, съ тоскливой жалобой несся по пустыннымъ улицамъ спавшаго города.

Втиснутый между океаномъ и горой, городъ, наконецъ, услышалъ. Улицы, заполненныя клубами тумановъ, начали просыпаться. Запотѣлыя окна домовъ смотрѣли еще мутнымъ взоромъ, а внизу, въ сѣрыхъ туманахъ, зажигались уже огни. По скользкимъ тротуарамъ застучали деревянные башмаки, двери отворялись, со звономъ упалъ гдѣ-то засовъ... Стѣна, покрытая пылью и плѣсенью, начала вырисовываться надъ туманами. Съ порта неслись пѣвучія выкрикиванія рыбачекъ, идущихъ съ плетеными корзинами на головахъ.

И небо уже поблѣднѣло, какъ лицо послѣ тревожнаго сна. Туманы спускались съ домовъ, словно тяжелые, промокшіе, сѣрые плащи. Кое-гдѣ окна смотрѣли уже розоватымъ отблескомъ дня. Замелькали желтыя и зеленыя черепицы, покрывавшія крыши домовъ непромокаемой чешуей, и старые, съ незапамятныхъ временъ стоящіе дома, свѣшиваясь надъ улицей высунувшимися этажами обнажали свои, отяжелѣвшіе отъ времени, корпуса.

Заиграли куранты. Словно голосъ дня зазвенѣлъ со стрѣльчатыхъ крышъ и колоколовъ собора, возвышавшагося надъ городомъ въ синихъ туманахъ. На узкой и извилистой улицѣ, спускавшейся отъ собора, показалась въ это время какая то высокая и стройная фигура въ черномъ и, словно одинъ изъ звуковъ, поплыла въ

темнотѣ. Когда она миновала домикъ, прилѣпившійся посрединѣ горы, за ней пошла другая фигура тоже въ черномъ и съ капоромъ на головѣ.

Ступеньки извилистой лѣстницы казались безконечными. Внизу, подъ ними, лежалъ городъ. Изъ волнъ клубящагося тумана подымались башни, крутыя, словно острыя скалы, крыши, а изъ безконечной синей дали шелъ глухой рокотъ океана.

Когда фигуры проходили мимо дома, который, чернѣя потемнѣвшими балками, блестя красными черепицами крыши, ютился у подножія горы, за ними показалась третья фигура.

И всѣ три шли, направляясь къ морю, совершенно не зная другъ о другѣ.

Пристань спала еще, окутанная туманами, словно сѣтями мелкой стекающей воды. Волны съ дикимъ рокотомъ грызли каменныя стѣны и вспѣненными верхушками обрушивались на берега.

Стаи длинныхъ и черныхъ лодокъ, похожихъ на пресмыкающихся, яростно метались, прикованныя цѣпями и будто грызлись между собой, съ остервенѣніемъ стукаясь бортами.

Когда онѣ подходили къ главному бассейну, маленькое суденышко съ пронзительнымъ свистомъ мелькнуло на минуту и пропало во тьмѣ.

Съ моря снова донеслось завываніе сирены.

А онѣ все шли одна за другой, направляясь къ насыпи, далеко вдавшейся въ море.

Робкими тѣнями скользили онѣ мимо таинственныхъ неразгаданныхъ контуровъ, мимо очертаній какихъ-то обозовъ, какихъ-то блоковъ и подъемныхъ машинъ, сѣрѣвшихъ рядами, словно журавли, уснувшіе на потонувшихъ въ туманѣ лугахъ. Одна за другой пропали онѣ на гати въ зеленоватыхъ туманахъ, стекавшихъ мелкимъ дождемъ.

Съ недоступнаго для глазъ маяка расходились свѣтлыя полосы блѣдныхъ вспышекъ и гасли, мерцая въ клубящихся туманахъ.

Необозримая пучина тумановъ, больше ничего. Океанъ лежалъ почти нѣмой. Сѣрая безбрежная пустыня дрожала сдавленнымъ шумомъ; изъ тяжелой, давящей сырости вырывались только тихіе стоны волнъ, умирающихъ у загубленныхъ береговъ... Угрюмое движеніе отяжелѣвшихъ порывовъ... Ураганъ лежалъ теперь въ сонномъ безсиліи поражающей тишины. Только изрѣдка несся безсвязный лепетъ.

Голоса людей умирали безъ эха... Взгляды возвращались обратно обезумѣвшими, какъ ослѣпшія птицы. Мысль носилась въ смертельной тревогѣ надъ пучинами.

А онѣ стояли тихо, прислонившись къ периламъ. Каждый день

всматривались онѣ тоскующими зовущими глазами въ неразгаданную даль.

Ихъ хлесталъ дождь, злыя волны обливали ихъ, соленыя брызги выѣдали имъ лицо, болѣзненные стоны чаекъ, встрѣчающихъ утро, пронизывали воздухъ.

Онѣ ничего не слышали, ничего не замѣчали, каждый день ожидая прибывающее къ порту судно.

Завываніе сиренъ раздалось гдѣ-то ближе. Онѣ почти повисли на перилахъ и, перегнувшись, подстерегали горящими глазами чудовище.

Бѣлое тѣло великана вырисовывалось понемногу въ каналѣ: онъ плылъ, не переставая гудѣть низкимъ вздрагивающимъ басомъ.

Почти застывъ въ ожиданіи, онѣ всматривались горящими глазами въ палубу великана, но среди дыма и тумановъ люди копошились неуловимыми тѣнями. Тогда онѣ поспѣшно бѣжали впередъ, къ самому краю, и словно псы сторожили на пристани.

Чудовище, не спѣша и осторожно, подплывало къ берегу. Сотни людей чернѣли на палубѣ, а сотни другихъ на берегу лихорадочно напирали на барьеръ. Выплеснула первая вскипѣвшая волна голосовъ. Кто-то махалъ на носу платкомъ, кто-то протягивалъ надъ бортомъ руки, кто-то выкрикнулъ чье-то имя, и крикъ, проникнутый радостью, отвѣтилъ ему. Радость закипѣла, какъ буря.

Великанъ, наконецъ, присталъ; канатами и мостками его соединили съ землей, и, словно изъ необъятной пасти, начали выходить люди.

А онѣ, блѣдныя, притаившіяся, какъ-бы прикованныя къ мѣсту, ничего не слыша, ничего не чувствуя, мертвыя ко всему, не пропускали ни одной фигуры, показывавшейся на мосткахъ. Онѣ схватывали каждую стосковавшимися глазами и черезъ минуту уже забывали ее. Каждая показывавшаяся фигура будила въ нихъ все болѣе ростущую тоску разочарованія. Длинная вереница мелькала передъ ними. Здѣсь были добрые и злые, красивые и печальные, старые и молодые. Здѣсь были и бѣлые, и желтые, и черные, и совсѣмъ невѣроятнаго цвѣта, лица всѣхъ странъ свѣта, всѣхъ расъ и климатовъ. Здѣсь не было только тѣхъ, кого онѣ ждали...

Вереница прекратилась, великанъ опустѣлъ. Только винты продолжали скрипѣть, рьяно работая. Переполненные вагоны уѣзжали, берега звучали голосами, а онѣ долго еще не могли повѣрить, что не было тѣхъ, кого онѣ ждали...

А потомъ, когда проливной дождь прибивалъ къ землѣ туманы, когда зеленоватый мартовскій день освѣщалъ почернѣвшій городъ, когда проснувшійся океанъ начиналъ ударять волнами прилива,

когда блѣдное солнце показывалось надъ хмурой землей, когда каждый образъ, каждый предметъ становился уже только болѣзненной печальной дѣйствительностью—онѣ шли за городъ, на голыя и пустынныя скалы, садились на утесы и, свѣшиваясь надъ обрывами, устремлялись въ безконечность, прислушиваясь къ рокоту океана, къ пронизывающему зову пространства... За каждымъ судномъ, показывавшимся на горизонтѣ, рвались ихъ ожидающія души. За каждымъ парусомъ неслись ихъ истосковавшіеся глаза. За каждымъ облакомъ летѣла ихъ зовущая мысль...

А потомъ онѣ шли къ лурдской божьей матери, простиравшей со скалъ свои благословляющія весь свѣтъ руки, и съ жаромъ молились тамъ.

И такъ было ежедневно въ продолженіе многихъ, многихъ дней. И такъ должно было быть еще въ продолженіе очень многихъ одинаково тяжелыхъ, одинаково длинныхъ, одинаково тоскливыхъ дней.

Только послѣ многихъ такихъ недѣль онѣ замѣтили и узнали другъ друга.

— Ты кого ждешь?—спросила самая старшая изъ нихъ.

— Мужа!—шепнула, всхлипнувъ, женщина изъ стараго дома у подножья горы.

— А ты кого?

— Друга, возлюбленнаго!—отвѣтила стройная дѣвушка, закрывая лицо руками.

— А я жду сына,—сказала первая.

Онѣ подали другъ другу руки и заглянули одна другой въ душу; тоска сжимала ихъ души колючей цѣпью, уже заржавленной отъ слезъ. Онѣ поцѣловались, какъ сестры, онѣ взглянули другъ другу въ лицо.

Первая была самая старшая,—худая, высокая, съ лицомъ словно изъ бѣлаго воска; глаза ея горѣли сосредоточеннымъ блескомъ, и мудрость страданія освѣщала сѣдую голову.

Вторая была во цвѣтѣ лѣтъ,—сильная, розовая, съ высокой волнующейся грудью и жаждущими губами; глаза ея были полны обѣщаній, и руки рвались къ объятіямъ.

Третья была молодая дѣвушка, стройная и свѣжая, какъ ивовый побѣгъ; въ глазахъ у нея свѣтилось прозрачное небо, а полныя губы расцвѣтали уже жаждой счастья... Словно звонъ мѣди въ ясное весеннее утро... Отъ нея пахло цвѣтущей яблоней.

— Мой мужъ нажилъ въ Америкѣ состояніе и возвращается богатый.

— Мой женихъ возвращается изъ Канады, мы повѣнчаемся и уѣдемъ вмѣстѣ далеко.

— Мой сынъ вернется ко мнѣ, вернется! — шептала нѣжно мать.

Теперь онѣ уже знали и любили другъ друга—общая тоска ожиданія связывала ихъ.

Съ этихъ поръ, пробуждаемыя завываніемъ сиренъ, онѣ просыпались одновременно, и вмѣстѣ шли въ портъ, вмѣстѣ подходили къ берегу, а затѣмъ вмѣстѣ отправлялись въ соборъ, чтобы въ тѣни глубокихъ нишъ вмѣстѣ лить слезы и шептать жаркія молитвы.

А дни неумолимо проходили за днями...

Весна пришла уже, и свѣтлымъ гимномъ могучему солнцу дни чередовались длинной вереницей блесковъ, цвѣтовъ и запаховъ.

...И были они, какъ юношескія мечтанія, обвѣяны розоватой мглой, полны тихихъ вздоховъ, ласковыхъ улыбокъ, тоскливыхъ пѣсенъ, запаховъ распускающихся почекъ, внезапныхъ печалей и сладкихъ слезъ.

А онѣ ждали.

...И были они, словно вытканы изъ лучезарныхъ красокъ... Земля блестѣла изумрудомъ, небо висѣло расплавленной лазурью, а море сверкало, какъ волшебный цвѣтникъ—каждая волна переливалась пурпуромъ, золотомъ и сапфиромъ, каждая струя пѣны расцвѣтала снѣжными лиліями. Даже чайки, носясь надъ океаномъ, отливали фіолетовымъ цвѣтомъ и серебромъ.

А онѣ все ждали.

И были дни, когда звучала дивная, ни на что непохожая, музыка. Ураганъ игралъ въ старыхъ развѣсистыхъ деревьяхъ, деревья шумѣли... Звенѣли водосточныя трубы старыхъ домовъ, пѣли колокольни собора, свистѣли поѣзда... Нагружая въ порту тяжелыя суда, люди тянули грустную пѣсню труда... А океанъ гудѣлъ, неся дикій гимнъ, гимнъ силы, гимнъ смерти и уничтоженія...

А онѣ, словно мертвыя, не переставая, ждали и въ эти дни.

— „Надежда“ ужъ очень давно вышла изъ Ріо-Жанейро!

— Ужъ съ мѣсяцъ, какъ она должна была быть тутъ.

— Такое опозданіе безпокоитъ меня.

— Ушла и пропала, а вдругъ...

Такъ говорили въ порту, а онѣ, услышавъ это, усмѣхались снисходительно и шли на скалы смотрѣть въ безконечность и ждать.

— Люди малаго сердца!—думала объ нихъ мать.

— Вѣдь это мой мужъ, я жду его!—думала жена.

— Мы повѣнчаемся, и я больше не пущу его въ море!—рѣшала дѣвушка.

А въ городѣ начинали все больше тревожиться о судьбѣ „Надежды“. Много мужей, много сыновей и много возлюбленныхъ должно было вернуться на ней.

Тревожныя телеграммы уже летѣли во всѣ стороны свѣта; уже забезпокоились газеты, и даже биржа начала тревожиться, потому что судно было очень дорогое. И съ каждымъ днемъ все больше женщинъ молилось на колѣняхъ, заливаясь слезами, въ тѣни высокихъ нишъ. И съ каждымъ днемъ служилось все больше молебновъ, и старый нищій у собора собиралъ каждый день все болѣе щедрую милостыню; а по ночамъ въ окнахъ все дольше горѣли огни...

А онѣ, погруженныя въ тоску ожиданія, охваченныя мечтами о счастьи возвращенія близкихъ, какъ будто ничего не замѣчали.

Теперь онѣ проводили уже вмѣстѣ цѣлые дни и длинные вечера.

Чтобъ поддержать другъ друга, онѣ собрались въ первый разъ у жены, въ старомъ домѣ, ютившемся у подножія горы. Старинныя комнаты съ пожелтѣвшими стѣнами и почернѣвшими балками, охватили ихъ спокойствіемъ и такой благодатью. Въ каминахъ изъ голубоватыхъ кафель пылалъ огонь. Ярко блестѣла мѣдная посуда на полкахъ. Въ старыхъ зазубренныхъ жбанахъ изъ Лиможа шипѣлъ сладкій пѣнящійся сидръ. Онѣ сидѣли, очарованныя богатствомъ, а она съ увлеченіемъ разсказывала имъ о его добротѣ, показывала полученные отъ него подарки, показывала свои, приготовленные къ его пріѣзду, наряды; съ волненіемъ и съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ показывала имъ свою супружескую комнату. А затѣмъ, когда жбаны уже опустѣли и въ каминахъ краснѣли только раскаленные угли, когда теплая, отдающая запахомъ мускуса, тишина пронизывала ее сладострастнымъ трепетомъ, она со смѣхомъ повѣряла имъ, что сосѣдъ, красивый офицеръ, посылаетъ ей цвѣты и пишетъ страстныя письма..,

— Пусть вернется мой мужъ, пусть вернется, какъ можно скорѣй, иначе я съ ума сойду!—шептала она со слезами, страстно цѣлуя своихъ товарищей по несчастью.

Позднѣе онѣ начали сходиться у матери, въ ея маленькомъ домикѣ, прилѣпившемся, словно ласточкино гнѣздо, посрединѣ горы. Старые погнувшіеся вязы окружали его, и старые плющи обвивали его стѣны до самой крыши. Въ низкихъ комнаткахъ пахло яблоками и сушеными травами. Старые бретонскіе шкафы мерцали потемнѣвшими украшеніями. Часы—калѣка—отбивали время, бормоча, словно дѣдъ беззубымъ ртомъ. Мать усадила ихъ въ низкихъ креслахъ, обитыхъ полинявшей тканью. Отворивъ двери въ комнату сына, она усѣлась на порогѣ и начала вить свою сердечную пѣснь тоски.

Со стѣнъ, изъ широкой рамы, смотрѣло ясное лицо юноши съ пурпуровыми губами, съ отважными и смѣлыми, какъ разбушевавшееся море, глазами.

— Онъ красивѣе, чѣмъ тотъ офицеръ, который присылаетъ мнѣ цвѣты!

— Онъ красивѣе, чѣмъ нашъ соборный органистъ.

— Это онъ, это мой сынъ! Я умру спокойнѣе, когда онъ вернется!—задумчиво шептала мать.

Много длинныхъ вечеровъ пряла свою пряжу надежда, а онѣ подолгу смотрѣли въ чудное лицо юноши, предметъ обожанія для матери.

Наконецъ, ихъ пригласила къ себѣ дѣвушка. Она жила очень высоко, на верхнемъ концѣ улицы, въ домикѣ, покрытомъ плѣсенью и словно вросшемъ въ соборъ. Изъ низкихъ комнатъ былъ виденъ океанъ. Въ окна его заглядывали жабы и ящерицы, постоянно сидѣвшія на перилахъ и выступахъ собора.

Сквозь стѣны домика доносились глухіе звуки органа и голоса поющихъ. Иногда кадильный запахъ наполнялъ душистымъ облакомъ маленькія чердачныя комнатки. Дѣвушка вышивала церковныя ризы, пѣла въ хорѣ и ухаживала за старой больной теткой и за цвѣтами, выставленными на каменный балконъ.

Она повѣряла пришедшимъ къ ней женщинамъ, съ какой страшной тоской ждетъ своего возлюбленнаго. Онѣ хорошо знали, что значитъ такая тоска. Она говорила имъ, что безумно любитъ его— онѣ хорошо знали и это; что будетъ съ нимъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ! Отъ всей души онѣ желали ей этого счастья. Только старая тетка ворчала и настаивала на томъ, что Алиса поступаетъ глупо, ожидая столько времени, что она могла бы сдѣлать блестящую партію, такъ какъ ея руки добивается самъ органистъ.

Дѣвушка горько плакала, увѣряя въ своей любви. Ей искренне вѣрили всѣ. Такъ тянулась ихъ жизнь, полная тоски и ожиданія.

Наконецъ, настало время, когда онѣ опять начали расходиться молча, не говоря другъ съ другомъ ни слова и не глядя уже другъ другу въ лицо. Онѣ шли теперь плакать и горевать въ одиночку, потому что тревога зародилась въ нихъ.

Въ одинъ прекрасный день пришла, наконецъ, грозная вѣсть.

„Надежда“ погибла.

Эту вѣсть принесъ телеграфъ, а большое англійское судно должно было вскорѣ привезти спасшихся отъ гибели.

Городъ опустѣлъ.

Всѣ бросились въ портъ. Зловѣщая тишина нарушалась плачемъ. Тысячи людей ждали, затаивъ дыханіе, на пристани. Тысячи глазъ метались надъ взволнованнымъ океаномъ.

И онѣ также стояли на своемъ обычномъ мѣстѣ, только немного блѣднѣе и взволнованнѣе, чѣмъ всегда, но все же какъ будто съ большей увѣренностью, чѣмъ всѣ остальные.

Судно пристало къ берегу, и спасшіеся отъ гибели начали выходить...

Но не было между ними мужа!..

Не было возлюбленнаго!..

Не было сына!..

Дѣвушка бросилась въ море, но ее спасли. Жена въ отчаяніи потеряла сознаніе, и ее отнесли домой.

Только мать стояла спокойно и повторяла каменнымъ голосомъ:

— Неправда, мой сынъ живъ, онъ вернется!

Но съ этихъ поръ она уже одна стала ходить въ портъ, одна засиживалась на скалахъ и одна проводила вечера передъ портретомъ сына.

Она забыла о жизни, и смерть, казалось, забыла о ней.

Ей встрѣтилась разъ жена подъ руку съ красивымъ офицеромъ.

— Это жизнь!—шепнула она, снисходительно улыбаясь.

И увидѣла она какъ-то въ окнѣ дома, вросшаго въ соборъ, чудное личико дѣвушки, смѣющееся и счастливое, а рядомъ съ нимъ лысую голову органиста. Они пѣли вмѣстѣ.

— Это жизнь!—повторила она добродушно.

И она ждала, ждала съ упорствомъ деревьевъ, грезящихъ о веснѣ.

Наконецъ, выплакавъ всѣ слезы передъ лурдской божьей матерью, исчерпавъ всѣ вздохи въ темныхъ нишахъ собора, истративъ всѣ гроши на молебны и подаянія,—она начала взывать къ небу, къ чайкамъ, къ тучамъ, къ деревьямъ, къ камнямъ.

И вотъ, однажды, когда разбушевалась буря, когда громъ и молнія били ослѣпляющими стрѣлами, когда волны вздымались ожесточенно и съ воемъ обезумѣвшихъ демоновъ бросались на берегъ, когда океанъ сталъ уже самимъ ужасомъ, а весь міръ, казалось, разсыпался въ дребезги, она подошла къ самому берегу и, вытянувъ руки, взмолилась.

— О, сжалься тотъ, кто властенъ надъ смертью.

— Сжалься тотъ, кто самъ—вѣчная тоска!

И словно насталъ предѣлъ мукѣ ея ожиданій. Въ клубахъ пѣны, въ горахъ взбудораженныхъ волнъ, въ блескѣ молніи показался человѣческій образъ, блѣдныя губы шептали ей что-то... Онъ вышелъ изъ глубинъ, обвѣянный ураганами, и на рукахъ несъ бѣлое тѣло ея сына... Онъ колебался, какъ цвѣтокъ, потрясаемый бурей, и шелъ сквозь бурю съ сладкимъ словомъ успокоенія...

И она бросилась къ нему съ нечеловѣческимъ крикомъ счастья

Чайки закружились надъ ней, жалобно стеная.

Волны достигали уже колѣнъ, хватали ее за грудь, скользили по плечамъ, перескакивали черезъ голову, обнимали ее за шею цѣловали ее холодными устами, подчиняли ее своей власти... А она все рвалась впередъ, на встрѣчу къ сыну...

Чайки кружились надъ ней, съ жалобнымъ стономъ.

— Я—вѣчная тоска!—пѣлъ океанъ, замыкаясь надъ ея головой.

В. Реймонтъ.

Изъ „Дворцовыхъ сказокъ" Фьельдинга.

Переводъ съ англійскаго *Z. T.*

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пало королевство Верхней Бурмы, и король съ королевой удалились въ изгнаніе. Бывшая столица королевства еще существуетъ, еще высятся ея толстыя, кирпичныя стѣны, опоясанныя глубокими рвами. Стоитъ еще и дворецъ, но съ каждымъ днемъ онъ старѣетъ и блекнетъ. Многое уже измѣнилось, а скоро и все измѣнится. За послѣдніе годы во дворцѣ трижды вспыхивалъ пожаръ, разрушившій его, въ концѣ концовъ, чуть не до основанія, а въ одинъ прекрасный день какая-нибудь шалая искра, конечно, смететъ и послѣдніе остатки зданія—памятника величайшаго изъ бурманскихъ королей.

Но быстрѣе, чѣмъ дворецъ, разрушаются старыя взгляды и привычки. Они замѣняются новыми. Желѣзная дорога, новые пути и твердая администрація, вмѣстѣ съ свѣжимъ импульсомъ къ дѣятельности, вносятъ широкое развитіе въ ходъ жизни народа. Идеи бурманцевъ быстро мѣняются, а при отсутствіи книгъ и историческихъ мемуаровъ скоро исчезнетъ и самая память о прошломъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ король, королева и всѣ событія стараго дворца останутся лишь какъ преданія далекаго прошлаго.

Записывая эти маленькія событія, я пытался спасти отъ полнаго забвенія хотѣ одну страницу придворной жизни временъ бурманскихъ королей. Въ основаніи этихъ сказаній лежатъ слышанные мною факты; я придалъ имъ только форму. Не предлагаю ихъ въ качествѣ историческихъ повѣстей и не пріурочиваю ни къ какому опредѣленному королю или королевѣ. Пусть онн служатъ лишь иллюстраціей веселой стороны жизни стараго дворца, его забавъ и развлеченій. Это—маленькія солнечныя блестки въ лѣтописи полуцивилизованнаго двора, болѣе серьезными событіями котораго являются заговоры и интриги, насилія и убійства. Но рядомъ съ горемъ во дворцѣ раздавался и смѣхъ, вслѣдъ за слезами сіяло и солнце.

Приключенія атамана разбойниковъ.

— Какъ! Четыре грабежа и убійство, и все въ одинъ мѣсяцъ!—изумился король.—Да развѣ въ городѣ нѣтъ губернатора? Нѣтъ стражи?

— Ваше величество,—запинаясь оправдывался губернаторъ.—всѣ мѣры предосторожностей были приняты... Мы уже напали на слѣдъ и надѣемся переловить разбойниковъ въ самомъ скоромъ времени.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, ваше величество. Теперь мы знаемъ, кто разбойники.

— Кто же они такіе?

— Предводитель ихъ—Бо-Таукта, извѣстный убійца. Мы знаемъ, что недавно, съ частью своей шайки, онъ былъ въ Мандалаѣ.

— Такъ отчего же вы его не арестовали?

Губернаторъ смутился.—Мы скоро его арестуемъ, ваше величество,—сказалъ онъ, наконецъ.—Таукта чрезвычайно уменъ. Его не легко поймать. Къ тому же онъ храбръ и отваженъ.

— Ему бы слѣдовало быть губернаторомъ,—замѣтилъ король.

Губернаторъ промолчалъ.

— Откуда онъ родомъ?—продолжалъ король.

— Изъ Швебо, ваше величество. У него тамъ цѣлая маленькая армія. Въ схваткѣ съ королевскими войслами онъ даже нѣсколько разъ остался побѣдителемъ.

— Губернаторъ Швебо будетъ смѣщенъ. Удивительно, что разбойники бываютъ обыкновенно лучше моихъ чиновниковъ.

— Разбойникомъ быть легче, чѣмъ чиновникомъ,—вздохнулъ губернаторъ.

— Ну, смотрите, чтобъ Таукта былъ пойманъ, и поскорѣе. А пока какія же мѣры приняли вы для предупрежденія дальнѣйшихъ преступленій? Ходятъ ли ночью по городу патрули?

— Ходятъ, ваше величество.

— Что же они дѣлаютъ?

— Они слѣдятъ за исполненіемъ приказаній.

— Какихъ?

— Въ темнотѣ всѣ должны ходить съ фонарями; патрули берутъ подъ арестъ всѣхъ темныхъ лицъ.

— Всѣхъ, кромѣ Таукты,—перебилъ король.—Я вижу,—продолжалъ онъ, просматривая донесенія,—что во время этихъ грабежей хозяевъ никогда не было дома. Почему это?

— За послѣднее время въ городѣ давалось много драматическихъ представленій, ваше величество. Народъ любитъ посѣщать ихъ, а разбойники въ это время грабятъ дома.

— Значитъ, нужно прекратить представленія.

Губернаторъ принялъ озабоченный видъ.

— Это было бы затруднительно, ваше величество. Народъ любитъ, чтобы его развлекали.

— Въ такомъ случаѣ заставьте кончать представленія въ приличное время. До котораго часу они продолжаются?

— До трехъ или четырехъ часовъ, а иногда и до разсвѣта. Таковъ обычай, ваше величество.

— Пусть кончаютъ въ полночь,—твердо сказалъ король.— Я не могу терпѣть всѣхъ этихъ преступленій въ моемъ государствѣ. Издайте распоряженіе, что пока разбойниковъ не переловятъ, всѣ развлеченія должны кончаться въ двѣнадцать часовъ.

— Слушаю, ваше величество.

— И смотрите: строго наказывать всѣхъ нарушителей этого закона, а также и тѣхъ, кто ходитъ ночью безъ фонарей.

— Съ ними будутъ обходиться съ валичайшей строгостью ваше величество.

— Прекрасно,—сказалъ король.—А теперь перейдемъ къ другимъ дѣламъ.

— Монгъ-Санъ, бываете вы когда-нибудь въ городѣ?—спросилъ король нѣсколько дней спустя своего любимаго пажа.

— Да, когда мнѣ это позволяютъ мои обязанности при особѣ вашего величества,—осмотрительно отвѣтилъ Монгъ-Санъ.

— Конечно, чтобы навѣстить родныхъ или посѣтить пагоду?

— Да, ваше величество, для этого.

— А что теперь въ городѣ спокойно, Монгъ-Санъ?

— Совершенно спокойно, ваше величество, грабежей не было вотъ уже, кажется, полтора дня.

— Вѣроятно, по ночамъ въ Мандалаѣ очень весело,—задумчиво проговорилъ король.—Помню, давно уже, когда я еще не былъ королемъ, я любилъ этотъ городъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, такой же ли онъ и по сей часъ?

— О, онъ теперь гораздо лучше, ваше величество. Съ каждымъ годомъ онъ становится лучше. Онъ теперь богаче и народу въ немъ больше. Актеры лучше и актрисы красивѣе.

— Вотъ какъ!

— Но ваше величество не замѣтили бы этого.

— Почему же?—удивился король.

— Съ вашимъ величествомъ пришли бы стража, слоны... Всѣ бы перепугались, представленіе остановилось бы, народъ упалъ бы на колѣни...

— Ну, а еслибы безъ стражи и безъ слоновъ?

Глаза Монгъ-Сана удивленно раскрылись: король безъ такой

свиты—эта мысль положительно не укладывалась въ его головѣ.

— Я бы хотѣлъ,—сказалъ король,—забыть на нѣкоторое время, что я король. Я бы хотѣлъ пойти туда, въ городъ, и потеряться въ толпѣ, какъ прежде; я бы сталъ шутить съ мужчинами, поглядѣлъ бы на женщинъ... Ахъ, Монгъ-Санъ, подчасъ утомляешься быть королемъ.—Монгъ-Санъ, казалось, понималъ это.

— Итакъ, мнѣ бы хотѣлось пойти въ городъ. Вдвоемъ съ вами, я пересталъ бы быть королемъ и вы звали бы меня „братомъ".

Монгъ-Санъ положительно сіялъ.

— Мы отправимся сегодня, Монгъ-Санъ.

— Только вдвоемъ, ваше величество?

— Вдвоемъ. Вы развѣ боитесь, Монгъ-Санъ?

Пажъ засмѣялся.

— Вижу, что не боитесь. Ну, такъ будьте готовы и въ десять часовъ ждите меня у южной потайной калитки.

— Я буду ждать, ваше величество.

— Не опоздайте,—сказалъ король.

Когда король съ Монгъ-Саномъ вышли за потайную калитку, была темная ночь. Вѣтеръ затихъ и легкая бѣлая дымка спускалась съ неба; сквозь нее слабо мерцали звѣзды. Запахъ цвѣтовъ изъ дворцовыхъ садовъ разливался въ воздухѣ.

— Ахъ,—воскликнулъ король, выходя на дорогу,—я свободенъ! Мнѣ кажется, будто я снова молодъ. Лучше быть молодымъ, чѣмъ быть королемъ, Монгъ-Санъ.

Монгъ-Санъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Когда вы состаритесь, вы поймете это. Однако, куда же мы идемъ? Я, кажется, все забылъ. Какая это дорога, Монгъ-Санъ?

— Южная,—отвѣчалъ Монгъ-Санъ, проходя впередъ.

— Однако-жъ и темно,—замѣтилъ король, споткнувшись о колею.—У васъ нѣтъ фонаря, Монгъ-Санъ?

Пажъ въ смущеніи остановился.

— Про фонарь-то я позабылъ, ваше величество.

— Надо было вспомнить. Что же намъ теперь дѣлать?

— Можно раздобыть фонарь у моего двоюроднаго брата,—предложилъ Монгъ-Санъ.

— Ну, идемъ къ нему,—рѣшилъ король.

Нѣсколько минутъ они молча шли по дорогѣ. Около дворца было тихо и спокойно, и они благополучно добрались до городскихъ воротъ. Король показалъ пропускъ, и ихъ впустили. Пройдя черезъ подъемный мостъ, путники повернули на востокъ, къ центру города.

Внутри, за городскими стѣнами, стало немного свѣтлѣе. Въ лавкахъ горѣли огни. Они бросали длинныя, золотыя полосы

свѣта черезъ улицы, на которыхъ начинали попадаться прохожіе. Вдругъ послышались шаги. Монгъ-Санъ прислушался.

— Что это, Монгъ-Санъ?

— Это стража.

— Ну, такъ что же?

— Мы безъ фонаря. Насъ арестуютъ, ваше величество.

— Святые отшельники! Что же намъ дѣлать?

— Нужно бѣжать отъ нихъ. Скорѣе!

Монгъ-Санъ повлекъ короля въ боковой переулокъ, выходившій къ Арраканской пагодѣ. Но стражники успѣли ихъ замѣтить и окликнули.

— Бѣгите, ваше величество,—прошепталъ Монгъ-Санъ.

Онъ схватилъ короля за руку, и оба пустились бѣжать. Уже много лѣтъ королю не приходилось бѣгать. Стража преслѣдовала ихъ съ криками. Бѣглецы мчались по переулку, по камнямъ и колеямъ безъ разбору. Король ушибъ ногу, но остановиться не было возможности. Вотъ они повернули въ другой переулокъ.—„Разбойники! Разбойники!“—кричала стража и преслѣдовала ихъ по пятамъ.

— Что если насъ поймаютъ, Монгъ-Санъ?

— Насъ побьютъ, ваше величество.

— Ну, врядъ-ли это допустимо закономъ,—выговорилъ король, задыхаясь, и ускорилъ шагъ.

— Стражѣ велѣно строго расправляться съ нарушителями закона,—бросилъ въ отвѣтъ Монгъ-Санъ.

На топотъ бѣгущихъ людей изъ домовъ показывались владѣльцы. Стоя въ дверяхъ, они подбодряли стражу: „Ловите, ловите ихъ! это разбойники!“—кричали они. Двое или трое даже бросили камнемъ въ догонку своему убѣгавшему повелителю — по счастью промахнулись!

Король начиналъ зловѣще задыхаться.

— Если насъ поймаютъ, не говорите, кто мы,—прохрипѣлъ онъ.

— Еще одно усиліе, ваше величество, и мы спасены.

Монгъ-Санъ повернулъ за уголъ; король за нимъ. Стража уже настигала. Но за угломъ переулокъ утопалъ во мракѣ. Съ одной стороны шла живая изгородь изъ терновника. Пажъ быстро нырнулъ въ ней; король, въ отчаяніи, послѣдовалъ его примѣру. Очутившись въ какомъ-то саду, среди деревьевъ, бѣглецы быстро перебрались на другой его конецъ. Преслѣдователи же продолжали бѣжать прямо по переулку.

За садомъ оказался другой переулокъ. Выйдя въ него, король съ Монгъ-Саномъ направились въ обратную сторону, подошли къ какому-то монастырю и вошли подъ своды галлереи. Залаяла собака, но изъ людей никто не показался. Открывъ ма-

ленькую калитку въ концѣ галлереи, бѣглецы очутились на тропинкѣ, ведшей къ главнымъ улицамъ города.

— Теперь мы внѣ опасности, ваше величество,— сказалъ Монгъ-Санъ.—Они потеряли насъ изъ вида.

— И во время,—отвѣчалъ король, присаживаясь на пень и утирая лицо.—Вы уже совсѣмъ теряли силы, неправда-ли?

Монгъ-Санъ засмѣялся. Онъ все еще едва переводилъ духъ.

— Я и не подозрѣвалъ, что у меня такіе дѣятельные патрули. Впередъ намъ слѣдуетъ быть осторожнѣе. Но что же мы теперь будемъ дѣлать?

— Домъ моего брата недалеко отсюда, въ этой улицѣ. Мы мигомъ туда дойдемъ.

— Нѣтъ, —отвѣчалъ король,—нѣтъ. На сегодня я довольно набѣгался. Я останусь здѣсь, а вы принесите фонарь.

— Но, ваше величество, какъ же такъ? Вы останетесь совсѣмъ одни.

— Ничего: я спрячусь и отдохну. Все равно я не могу показаться въ толпѣ въ такомъ видѣ: мнѣ жарко, и я задыхаюсь.

— Ну, хорошо, я пойду. Ваше величество будете ждать здѣсь?

— Я останусь вонъ подъ тѣмъ деревомъ.

Король всталъ подъ громаднымъ тамариномъ, вѣтви котораго склонялись почти до самой земли, а Монгъ-Санъ ушелъ. Король ждалъ его со страхомъ.—„Если его поймаютъ,—думалъ онъ,—мнѣ придется сидѣть здѣсь до самаго разсвѣта. Весь дворецъ узнаетъ, что я уходилъ ночью. А главная королева!..“ Размышленія короля становились все мрачнѣе. Но Монгъ-Сана не поймали. Скоро онъ вернулся съ фонаремъ въ рукѣ. За время его отсутствія король отдохнулъ и охотно вышелъ изъ своей засады. Они зашагали по тропинкѣ и скоро выбрались на улицу.

— Ахъ,—сказалъ король, обводя взглядомъ весело освѣщенную панораму,—совсѣмъ, какъ въ доброе старое время!

Улица была полна народа. Мужчины и женщины, дѣвушки и дѣти, болтая и смѣясь, двигались группами съ фонарями, и дорога свѣтилась, какъ млечный путь. Вдоль улицы шли лавки, гдѣ продавались сласти, сигары, и всякихъ сортовъ прохладительныя. Лавки были переполнены людьми въ яркихъ одеждахъ.— Сегодня праздникъ пагоды,—сказалъ Монгъ-Санъ.

Король бродилъ взадъ и впередъ, восторгаясь, словно мальчикъ. У одного стола онъ угостилъ Монгъ-Сана шербетомъ, а Монгъ-Санъ угостилъ короля дешевой сигарой. Когда стали расплачиваться, король вдругъ вспомнилъ, что забылъ дома деньги;— пришлось занять у Монгъ-Сана.—„Какая оплошность,— досадливо замѣтилъ король,— я совсѣмъ забылъ, что со мной не будетъ моего казначея“.

— Я буду королевскимъ казначеемъ,—сказалъ Монгъ-Санъ. Они вышли на улицу подъ руку, смѣялись, подмигивали проходившимъ дѣвушкамъ и напѣвали веселыя мелодіи. Они обмѣнивались шутками съ молодежью, стоявшей у стоекъ съ прохладительными. Туманъ разсѣялся, и звѣзды ярко сіяли надъ счастливой толпой. Король слегка опьянѣлъ и громко смѣялся, гуляя подъ руку съ Монгъ-Саномъ посреди улицы. Вдругъ до нихъ долетѣли звуки музыки.

— Что это?—спросилъ король.

— Вѣроятно, здѣсь будетъ представленіе,—отвѣчалъ Монгъ-Санъ.—Сейчасъ узнаемъ.

Они остановили прохожаго, и тотъ сказалъ имъ, что въ домѣ одного богатаго купца въ этомъ кварталѣ дается зрѣлище.

— А кто принцесса?—живо освѣдомился король.

— Ма-тве-Гале—отвѣчалъ прохожій.—Я иду туда.

— Я думаю, и мы тоже?—предложилъ король.

Когда король съ Монгъ-Саномъ вошли въ залъ, всѣ были уже въ сборѣ, и представленіе уже начиналось.

Въ первый моментъ король былъ удивленъ тѣмъ, что никто ему не уступаетъ мѣста. Потомъ вдругъ вспомнилъ, въ чемъ дѣло, и разсмѣялся.—Пойдемъ, поищемъ мѣста,—сказалъ онъ.

Зрители сидѣли въ кружокъ, въ центрѣ котораго шло представленіе. Въ первомъ ряду сидѣли дѣти, потомъ женщины; третій рядъ составляли мужчины и женщины вперемежку; въ послѣднемъ ряду мужчины стояли. Немного потолкавшись и поспоривъ, король и Монгъ-Санъ нашли себѣ мѣсто и усѣлись.

На сцену вышли два клоуна. Они стали перекидываться шутками съ фрейлинами, къ большому удовольствію зрителей. Взрывы веселья то и дѣло раздавались кругомъ при ихъ остротахъ. Принцесса была пока за большимъ барабаномъ, совершая туалетъ.

— Да вѣдь это изумительное зрѣлище!—сказалъ король.—Во дворцѣ актеры никогда не бываютъ такъ веселы!—и онъ во все горло разсмѣялся надъ клоуномъ.

— Можетъ быть, во дворцѣ они больше нервничаютъ—предположилъ Монгъ-Санъ.

— Ну вотъ, нервничаютъ! Что за выдумки!—возмутился король. Но тутъ новая шутка отвлекла его вниманіе, и онъ снова засмѣялся.

Самое представленіе, обстановка, разлитое кругомъ чувство мира,—все очаровывало короля. Ему нравилось быть среди народа, который, не боясь придворнаго этикета, проходилъ совсѣмъ близко. Непринужденность актеровъ приводили короля въ восторгъ. Онъ изо всѣхъ силъ принялся аплодировать появившейся „Принцессѣ“.

— Она прямо таки первокласная артистка, и къ тому же

очень красива,—громко замѣтилъ онъ, обращаясь къ Монгъ-Сану.

Монгъ-Санъ только улыбался.

— И что за голосъ!—продолжалъ король. „Принцесса“ запѣла извѣстную пѣсню „О, вы, длинные рукава“.—Никогда не слышалъ, чтобы это такъ хорошо пѣли!

— Хорошая пѣсня,—согласился Монгъ-Санъ.

— Чудная! До сихъ поръ я и не подозрѣвалъ, что она такъ хороша. Завтра надо будетъ пригласить эту пѣвицу во...

— Тише!—остановилъ Монгъ-Санъ, подталкивая короля локтемъ.

Кругомъ на нихъ начинали оглядываться, и король понялъ, что ему слѣдовало быть осторожнѣе.

— Въ нашу деревню,—докончилъ онъ громко—и пажъ засмѣялся.

Первый актъ кончился; „Принцесса“ удалилась. Король подхватилъ подъ руку Монгъ-Сана.—Пойдемъ, освѣжимся,—сказалъ онъ.

Они освѣжились шербетомъ и лимонадомъ.

— По моему,—сказалъ король,—лимонадъ не особенно важенъ. Какъ вы думаете, Монгъ-Санъ,—и онъ понизилъ голосъ,—нельзя ли достать гдѣ-нибудь виски?—Монгъ-Санъ, казалось, испугался,—ваше величество, но вѣдь законъ...

— Къ черту законъ, Монгъ-Санъ! Я не пилъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался королемъ. Во дворцѣ вѣдь, вы знаете, надо быть осторожнымъ. Но я помню, въ дни моей молодости здѣсь, за угломъ, всегда можно было достать виски.

— О, это возможно и сейчасъ; но завтра ваше величество вспомнитъ, что сегодня кто-то нарушилъ законъ, и тогда...

— Завтра,—возразилъ король съ достоинствомъ,—я буду королемъ. Я не стану вспоминать о томъ, что дѣлалъ старшій братъ Монгъ-Сана. Ну, а теперь—онъ опять взялъ Монгъ-Сана подъ руку,—гдѣ же этотъ уголъ?

„Уголъ“ быстро нашелся.

Вернувшись въ залу, король оказался въ еще большемъ энтузіамѣ. Замѣченія его раздавались на всю залу и привлекали вниманіе. Сосѣди съ любопытсвомъ посматривали на него, перешептываясь другъ съ другомъ. Сидѣвшіе рядомъ слегка отъ него отодвигались.

— Не говорите такъ громко,—посовѣтовалъ Монгъ-Санъ.—На васъ всѣ удивляются.

— Пускай себѣ удивляются!—нетерпѣливо возразилъ король.—Спойте еще разъ эту пѣсню!—закричалъ онъ, обращаясь къ „Принцессѣ“ на сцену.—Слышите, еще разъ спойте!

Одинъ или два голоса поддержали короля, и пѣсня была повторена. Затѣмъ актеры собрались уходить.

— Эй! эй!—запротестовалъ король.—Почему же вы остановились?

— Представленія должны кончаться въ двѣнадцать часовъ,—напомнилъ Монгъ-Санъ.

— Что за гадость! Въ самой серединѣ пьесы!—возмутился король.

Глаза Монгъ-Сана заблестѣли.

— Говорятъ, таковъ приказъ губернатора.

— Къ черту губернатора! Эй,—горячился король,—продолжайте! Не обращайте вниманія на приказъ. Я все устрою.

Актеры въ нерѣшимости остановились. Они посматривали по сторонамъ и не знали, что дѣлать. Благоразумные люди отходили подальше.—„Кто это такой?"—спрашивали кругомъ—„Онъ говоритъ съ такимъ авторитетомъ"—„Онъ пьянъ, его нужно вывести",—говорили другіе.

Но король не любилъ противорѣчій, Онъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ за актерами, хватая кого за руку, кого за плечи, и всѣхъ возвращая на мѣсто. Группа молодыхъ франтовъ изъ публики помогала королю, привѣтствуя его усилія. Хозяинъ дома напрасно старался ихъ урезонить.

— Отпустите актеровъ,—убѣждалъ онъ.—Вѣдь уже заполночь; мы попадемъ въ исторію.

— Уходите вы!—бушевалъ король.—Кто вы такой, злобный вы человѣкъ, чтобы соваться не въ свое дѣло? Уходите!

Молодые люди, предводимые Монгъ-Саномъ, вытолкали хозяина дома вонъ.

Актеры, устрашенные буйнымъ поведеніемъ этихъ господъ, продолжали представленіе. Но публика замѣтно убывала. Ушли всѣ женщины, а съ ними и всѣ благоразумные люди. Остались только молодежь, сгруппировавшаяся вокругъ короля. Актеры чувствовали себя не въ своей тарелкѣ и пѣли скверно, но король былъ въ восторгѣ. Онъ хлопалъ въ ладоши, онъ кричалъ! „Слушайте! слушайте!" Онъ подпѣвалъ вслѣдъ за актерами и даже привскакивалъ отъ радостей.—Мы никогда такъ не веселимся во дворцѣ, а?—и онъ толкнулъ Монгъ-Сана въ бокъ.

Уже болѣе получаса продолжалось представленіе.

Монгъ-Санъ оставилъ всякія попытки вмѣшательства. На всѣ его напоминанія о стражѣ, о страхѣ передъ тѣмъ, что можетъ случиться, король отвѣчалъ лишь насмѣшками. Вмѣстѣ со своими новыми друзьями—ихъ было четверо или пятеро—король разсуждалъ о достоинствахъ примадонны. Нѣкоторые находили, что бываютъ актрисы и лучше. Монгъ-Санъ слегка ретировался и стоялъ, прислонившись къ дереву, внѣ освѣщеннаго круга.

Вдругъ онъ услышалъ, что мимо него крадутся какіе-то люди.

Это, наконецъ, пришла стража. Прежде чѣмъ Монгъ-Санъ успѣлъ закричать, стража набросилась на короля и его друзей и пажъ оказался совершенно отъ нихъ отрѣзанъ.

Онъ рѣшилъ спокойно ждать, что будетъ. Три стражника пытались арестовать короля, но онъ успѣлъ вскочить и отражалъ ихъ ударами. Король былъ силенъ; онъ былъ къ тому же разсерженъ и билъ не щадя. Двое изъ его друзей остались при немъ, остальные разбѣжались. При тускломъ свѣтѣ догоравшихъ фонарей Монгъ-Санъ увидѣлъ, какъ его повелитель сбилъ съ ногъ двоихъ солдатъ. Но тутъ сзади на него напалъ еще одинъ, и король былъ взятъ. Монгъ-Санъ успѣлъ замѣтить, что король всталъ на ноги пыльный и растрепанный, съ разорванной одеждой и выбившимися волосами. Онъ былъ внѣ себя.

Тутъ одинъ изъ солдатъ бросился на Монгъ-Сана, и пажъ пустился бѣжать. Оставшись на свободѣ, онъ могъ быть королю полезнѣе, чѣмъ связанный. Онъ рѣшилъ наблюдать издали, что случится и, еслибы дѣло приняло совсѣмъ скверный оборотъ,— идти къ губернатору и открыть ему тайну.

Сломивъ всякое противодѣйствіе, стража связала короля и двухъ другихъ своихъ плѣнниковъ и, въ ожиданіи прихода капитана, прислонила ихъ къ дереву. Капитанъ грозно взглянулъ на короля и коротко сказалъ:

— Завтра васъ казнятъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—иронически спросилъ король.

— Безъ сомнѣнія. Вы ослушались закона, священнаго закона короля. Вы оказали сопротивленіе стражѣ. Разумѣется, васъ казнятъ.

— И всетаки вы ошибаетесь,—возразилъ король.—Если кого и казнятъ, то не меня, а васъ.

Капитанъ разсмѣялся, а за нимъ и всѣ стражники.

— Кто вы такой?—спросилъ капитанъ.—Какъ ваше имя?

— Это вамъ безразлично,—отвѣчалъ король.

— Можете не говорить. Мы и такъ знаемъ.

— Вы знаете?—удивился король.

— Знаемъ.

— Было бы чрезвычайно любезно, еслибы вы и мнѣ сообщили. Я что-то вашего лица не помню.

— Конечно, не помните. Можетъ быть, оно и къ счастью вышло, что мы съ вами раньше не встрѣчались. Что же до того, кто вы, такъ вотъ не слыхали-ли вы о Бо-Тауктѣ?

— Понятно, слыхалъ. Такъ вы и есть Бо-Таукта?

— Завтра его казнятъ.

— Очень радъ. Но кто же я-то?

— Васъ казнятъ минута въ минуту съ Тауктой.

Король разсмѣялся.—Вы, я вижу, принимаете меня за него.

Но вы ошибаетесь. Я не изъ Дакоя. Я—важное должностное лицо.

Солдаты громко захохотали.

— И, раздражая меня, всѣ вы попадете въ непріятную исторію,— продолжалъ король.

— Важныя должностныя лица—сентенціозно замѣтилъ капитанъ,—не нарушаютъ закона и не нападаютъ на королевскую стражу. Вы сбили съ ногъ двоихъ изъ моихъ людей.

— Развяжите веревки хоть на минуту, и я свалю еще троихъ.

— Ну, я не могу разсуждать тутъ съ вами всю ночь. Ведите ихъ въ арестантскую!

— Я бы предпочелъ прямо отправиться къ губернатору,— сказалъ король.

— Еще бы! Но, надѣюсь, вы не думаете, что губернаторъ не спитъ всю ночь и принимаетъ визиты подобныхъ вамъ лицъ? Завтра, на судѣ, вы увидите губернатора, времени у васъ на это хватитъ.

Король призадумался. Дѣло становилось серьезнымъ.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ вами съ глазу на глазъ,— вымолвилъ, наконецъ, король.

Стража отошла въ сторону.

— Видите-ли, я дѣйствительно важное лицо. Вамъ бы лучше отпустить меня, или ужъ прямо отвести къ губернатору. Вы не останетесь безъ награды.

Капитанъ кивнулъ головой.

— Намъ о васъ давно все извѣстно. Я сразу узналъ вашу скверную физіономію; она такъ дышетъ преступленіемъ. Помнится я гдѣ-то видѣлъ васъ и раньше. Мы слѣдили за вами уже много времени. Но впрочемъ постойте-ка;—и нагнувшись къ уху короля, капитанъ продолжалъ:—Вѣдь у васъ цѣлыя горы сокровищъ; я знаю, вы ихъ гдѣ-то прячете. Скажите, гдѣ они, и тогда я, можетъ быть, что-нибудь для васъ сдѣлаю.

Въ королѣ проснулась надежда.—Вы отпустите меня?

— Когда сокровища будутъ у меня въ рукахъ, я посмотрю, что можно будетъ для васъ сдѣлать.

— Нѣтъ, прежде отпустите меня, тогда вы ихъ получите.

Капитанъ вдругъ разразился смѣхомъ. — О, нѣтъ! Я думалъ, что вдругъ вы и не Таукта; но тогда бы вы и не слыхали ничего объ его сокровищахъ.

У короля вырвалось проклятіе: онъ понялъ, что попался.

— Идемъ,—сказалъ капитанъ,—не стоять же намъ тутъ всю ночь.

Стража сомкнулась вокругъ короля и его гулякъ-товарищей. Ихъ стали выводить на улицу. Король пасмотрѣлъ на своихъ товарищей по несчастью. Одинъ былъ лѣтъ сорока, полный, опустившійся человѣкъ, съ густыми бровями. Король замѣтилъ, что

онъ былъ его главнымъ помощникомъ. Другой былъ еще почти юноша. При взятіи оба они мало сопротивлялись. Король не могъ рѣшить, къ какому классу они принадлежали. Проходя черезъ калитку, старшій изъ нихъ, какъ бы нечаянно, толкнулъ короля и быстро прошепталъ: „Все будетъ хорошо, только не нервничайте“.

Король въ изумленіи поднялъ глаза, но собесѣдникъ его уже отошелъ, и лицо его было непроницаемо.

Кортежъ вышелъ на улицу. Стража состояла изъ пятнадцати человѣкъ. Король сосчиталъ ихъ. Пятеро, вмѣстѣ съ капитаномъ, шли впереди, пятеро держали веревки плѣнниковъ, пятеро шли въ арьергардѣ. Всѣ были вооружены мечами и палками. Король боязливо оглянулся, ища пути къ бѣгству; но не открылъ ничего

Опустѣвшія улицѣ тонули во мракѣ. Огни въ домахъ потухли туманъ снова спустился съ неба и звѣздъ не было видно. Солдаты, шагая, стучали сапогами.

Проходили одну улицу за другой; арестантская была довольно далеко. Наконецъ, повернули въ короткій проходъ между раздѣлявшими улицы пагодами. Пагоды казались полными какихъ-то тѣней.

Вдругъ эти тѣни колыхнулись и отдѣлились. Раздался крикъ: „Таукта! Таукта!“—и всѣ бросились бѣжать.

Въ одинъ мигъ стража была отброшена и разбѣжалась. Король почувствовалъ, что кто-то мечемъ перерубаетъ его веревки, а товарищъ, схвативъ его за руки проговоривъ: „бѣжимъ“!

Вторично въ эту ночь король побѣжалъ. Не зная куда, увлекаемый бѣжавшимъ за нимъ рядомъ незнакомцемъ, онъ летѣлъ вдоль улицы. Онъ нырялъ въ аллеи, пробирался черезъ сады, царапался объ изгороди. Товарищъ поминутно понукалъ его: „бѣги, бѣги“!

Крики позади становились все слабѣе и наконецъ совсѣмъ замерли. Спутникъ короля постепенно убавилъ шагу, и измученный король послѣдовалъ его примѣру. Бѣгъ превратился въ рысь, потомъ въ шагъ, а когда король могъ придти въ себя и поглядѣлъ вокругъ, онъ увидѣлъ, что они находились невдалекѣ отъ городскихъ стѣнъ.

Они прошли еще немного, и тутъ спутникъ короля останоновился.

— Теперь намъ нужно разстаться.—сказалъ онъ.

— Хорошо,—возразилъ король. — Я вижу, что многимъ вамъ обязанъ. Вы выручили меня изъ бѣды. Но кто же были люди, освободившіе насъ?

Незнакомецъ улыбнулся.—А что они кричали?

— Они кричали: „Таукта, Таукта!“ — съ изумленіемъ отвѣчалъ король.

— Такъ, вѣрно, это были его люди, — небрежно проговорилъ незнакомецъ.—Ну, а скажите мнѣ, кто вы такой?

— Капитанъ сказалъ, что я Таукта.—отвѣчалъ король.

— А вы не Таукта?

— Думаю, что нѣтъ. Но я, право, нѣсколько смущенъ. Я выбрался, чтобы посмотрѣть представленіе и выпилъ немного виски; оно ударило мнѣ въ голову. Дѣйствительно, я сильно виноватъ—я вовлекъ васъ во всю эту исторію,--заключилъ король съ раскаяніемъ.

— Ну, это-то пустяки, — замѣтилъ незнакомецъ — Однакожъ если позволите, я вамъ дамъ одинъ добрый совѣтъ.

— Пожалуйста!

— Сегодня вы устроили эскападу. Не дѣлайте этого впередъ. Вы— почтенный человѣкъ, по всей вѣроятности купецъ или чиновникъ. Вы уже слишкомъ стары, чтобы попадать въ такія передѣлки, какъ сегодня. Предоставьте это молодежи. Неужели бы вамъ понравилось, еслибы васъ связали и побили передъ домомъ губернатора?

Короля даже передернуло.

— А не освободи я васъ, это бы непремѣнно случилось. Итакъ—на будущее время будьте осторожнѣе. Вы, повидимому, мало знаете свѣтъ, а я въ другой разъ не попадусь подъ руку, чтобы помочь вамъ. Не презирайте законъ. Въ концѣ концовъ онъ окажется къ вамъ слишкомъ строгимъ. Я даю вамъ хорошій совѣтъ. Запомните его.

— Постараюсь,—смиренно проговорилъ король.

— А теперь—прощайте!—заключилъ незнакомецъ, собираясь удалиться.

— Постойте, постойте минутку! Вѣдь вы не сказали мнѣ, кому я обязанъ...

Незнакомецъ остановился. — Да зачѣмъ вамъ это? — спросилъ онъ.

— Можетъ быть, это и пригодится. Можетъ быть, когда-нибудь придетъ и мой чередъ отплатить вамъ за услугу. Кто знаетъ?

Незнакомецъ внимательно поглядѣлъ на короля.

— Можетъ быть, вы и правы. Какъ знать? „Однажды мышенокъ спасъ тигра"... какъ бы въ раздумьи проронилъ онъ.

— Именно, именно. Такъ кто же вы?—торопилъ король.

Незнакомецъ колебался. Потомъ усмѣхнулся и сказалъ: Вспомните вашего пріятеля капитана. Кажется, онъ былъ немного не въ своемъ умѣ. Онъ назвалъ васъ Бо-Тауктой. Ну, а еслибы онъ взглянулъ на меня при свѣтѣ, то — кто знаетъ? — можетъ быть Тауктой онъ бы назвалъ меня.

Король въ ужасѣ вытаращилъ глаза, но незнакомецъ уже пропалъ изъ вида.

Голосъ крови.

(Zwischen den Rassen).

Романъ ***Генриха Мана.*** *)

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Славинской и Р. Ландау.*

Два дня подрядъ они вовсе не выходили изъ дому. Лола пожелала завтракать и обѣдать въ галлереѣ, но такъ, чтобы все было сервировано сразу, и чтобы никто не подавалъ къ столу. Прислуга не смѣла показываться даже подъ окнами въ саду. Но на третій день, вечеромъ, они рѣшили выйти подышать воздухомъ; когда ворота замка открылись передъ ними, взглядъ Лолы упалъ на карлицу съ зобомъ и гнойными глазами. Она вздрогнула, отвернулась, пошла быстрѣе, и даже слезы гнѣва выступили на ея глазахъ. Какъ могло *это* безобразіе ворваться въ чудное царство ласки и страсти, въ которомъ она жила! Но тотчасъ же Лола повернула назадъ и высыпала нищей въ руки всѣ деньги, какія были при ней. Затѣмъ, опустивъ рѣсницы, прошептала, опираясь на руку мужа:

— Скажи ей, чтобы она оставалась здѣсь.

Однако старуха шла вслѣдъ за ними до первой лѣстницы и воющимъ голосомъ молилась за свою благодѣтельницу. Изъ всѣхъ домовъ раздавались привѣтствія. Женщины съ дѣтьми на рукахъ выходили на порогъ, показывали другъ другу молодыхъ господъ и желали имъ счастья. Сосѣдки изъ окна въ окно обмѣнивались похвалами красотѣ графини. „Здѣсь слишкомъ грязно для такихъ красивыхъ ножекъ!"—закричала какая-то дѣвушка и быстро стала обѣими руками сбрасывать со ступенекъ лѣстницы обглоданные кочни кукурузы.

Внизу, на скатѣ, гдѣ кончалась улица, еще разъ мелькнули при лучахъ заката пестрые товары деревенскихъ лавокъ. Дорога пошла внизъ, подъ гору. Небо было такого теплаго яркаго цвѣта

*) См. „Современый Міръ", Май 1908 г.

и такъ отчетливо отражалось въ каждой изъ круглыхъ ягодъ винограда, что вился по обѣимъ сторонамъ. Лола глядѣла въ глаза мужа и видѣла въ нихъ тѣ же золотистыя искорки.

Они шли дальше. Лола чувствовала, что счастье, которымъ она упивалась эти дни и ночи, запершись въ душныхъ комнатахъ замка, точно рвется на просторъ. Радость ея тѣла перешла на все вокругъ и свѣтилась отовсюду.

Рука объ руку они вступили въ длинную аллею кипарисовъ, величавыя тѣни которыхъ ложились на свѣтлые виноградники; въ концѣ аллеи стоялъ убогій домишко. Здѣсь они остановились. Парди закричалъ что то въ окно. Вышла женщина съ дѣтьми одинъ изъ нихъ побѣжалъ за отцомъ. Женщина накрыла столъ скатертью, принесла винограду. Лола, еще не пробуя, нашла, что виноградъ—чудный. Затѣмъ пришелъ самъ хозяинъ, дружески пожалъ руки Парди и Лолы и усѣлся къ нимъ. Лола не переставала улыбаться; она искала что бы сказать имъ полюбезнѣе но чувствовала при этомъ, что не можетъ найти подходящаго тона. Парди былъ очень разговорчивъ и говорилъ съ хозяевами, какъ съ равными. Лола смотрѣла на мужа и ощущала особенное тонкое возбужденіе отъ этой смѣси элегантности и грубой простоты.

Въ это время она замѣтила, что голоса мужчинъ зазвучали горячѣе и поняла, что рѣчь идетъ о деньгахъ. Крестьянинъ клялся, что не можетъ въ этомъ году внести арендную плату, а Парди стучалъ рукой по столу.

— Ей-Богу, я говорю правду! повѣрьте, ваша свѣтлость! Тотъ арендаторъ, котораго вы выгнали, изъ мести срѣзалъ мои лучшіе виноградники, внизу, у самой земли. Я замѣтилъ, когда его уже и слѣдъ простылъ. Сами вѣдь знаете, что это за человѣкъ!

Женщина, какъ эхо, повторяла вслѣдъ за мужемъ каждое слово. Лола взглянула на нее—и внезапно ей бросилась въ глаза ужасная лихорадочная желтизна ея лица и черные круги вокругъ глазъ; она замѣтила изсохшаго ребенка на худой почернѣвшей рукѣ матери, поняла болѣзненную сверкающую глубину въ глазахъ этихъ людей и ей стало стыдно. Раскаяніе охватило ее. Такъ вотъ каковы бѣдствія и нищета, среди которыхъ она лелѣетъ свое безмятежное счастье! Она вспоминала только что испытанное позорное удовольствіе красоваться въ рамкѣ этого убожества—и ее наполнило чувство стыда и ужаса.

Женщина точно прочла мысли Лолы.

— Да,—сказала она,—у насъ у всѣхъ лихорадка. Зимою-то еще ничего, можно жить. А вотъ лѣто—зной невыносимый!—а перебраться въ горы нельзя было: денегъ нѣтъ.

— Ваша свѣтлость!—кричалъ крестьянинъ.—Взгляните соб-

ственными глазами на срѣзанные виноградники. Тогда вы не скажете, что я это самъ сдѣлалъ.

— Э, да что тамъ,—сказалъ Парди,—знаю я васъ; всѣ вы— пройдохи.

— Прошу тебя,—сказала Лола совсѣмъ тихо, ей было стыдно, что она такъ несмѣла со своимъ мужемъ. Парди отвѣтилъ рѣзко:

— Зачѣмъ ты вмѣшиваешься?

И обратился къ крестьянину:

— Въ воскресенье принесешь мнѣ остальныя деньги; не то худо будетъ!

— Идемъ!—сказалъ онъ Лолѣ.

— Попросите за насъ,—молила ее вслѣдъ женщина. Лола пошла за Парди, опустивъ голову и думала: „Почему я не могу сказать имъ, что люблю ихъ? Лучшее во мнѣ остается всегда нѣмымъ". А Парди неожиданно вернулся назадъ, шутя похлопалъ крестьянина по плечу и подалъ женщинѣ руку.

„Баринъ-то добрый все-таки",—сказала она. Парди на прощаніе повторилъ еще разъ:

— Итакъ, въ воскресенье. Не то—пожалуйте въ судъ.

— Какъ прикажете,—сказала женщина.

Парди былъ въ духѣ и доволенъ собой и нѣжно просунулъ свою руку подъ руку Лолы. Но какъ только они отошли настолько, что ихъ не могли видѣть, она высвободила свою руку.

— Обижена?—спросилъ онъ съ ироніей, но мягко.—Я закричалъ на тебя; знаю, это безобразно. Но что же дѣлать? Ты хотѣла испортить мнѣ все дѣло. Теперь ты видѣла, какъ надо брать людей. Не сердись же, будь милой!

Но при его прикосновеніи она закричала:—Оставь меня!

Нѣсколько секундъ онъ не выпускалъ ея руки, которая извивалась, чтобы вырваться, наконецъ выпустилъ ее и пошелъ дальше. Лола задыхалась отъ злости. Идти было трудно и душно. Навстрѣчу имъ въ облакѣ пыли бѣжало стадо овецъ. Глупое, дѣтское блеяніе барашковъ, уютный, мирный запахъ ихъ мягкошерстыхъ тѣлъ растрогалъ Лолу. Она быстро взяла Парди подъ руку и кротко сказала:—Милый, вѣдь, они бѣдняки!

— Чортъ побери! да, вѣдь, и намъ нужны деньги!

— Но эта маленькая сумма для насъ не имѣетъ значенія.

— Если разсуждать такъ при каждомъ должникѣ, то... Да и потомъ: они просто лгутъ.

— Но они платятъ своимъ здоровьемъ.

— На то они крестьяне изъ римской Кампаньи.

— Прежде всего они—люди. Прости имъ этотъ платежъ!

— Нѣтъ, моя милая; я имѣю свои основанія... Добрый вечеръ, господа.

На площади возлѣ кафэ сидѣлъ мѣстный адвокатъ во фракѣ, аптекарь и жандармскій офицеръ—они поклонились. Парди познакомилъ Лолу со всѣми, заказалъ коньяку и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи. Когда они распрощались и пошли дальше онъ сказалъ ей:—Если ты такъ человѣколюбива, то отчего ты такъ сухо держала себя съ этими людьми?

— Прости! Я иногда хочу быть любезной, но не могу. Но ты,— пожалѣй тѣхъ бѣдныхъ. Изъ любви ко мнѣ сдѣлай это.

— Чего я бы не сдѣлалъ изъ любви къ тебѣ?

— Такъ ты освободишь ихъ отъ платежа аренды?

— Это мы увидимъ. Если ты будешь вести себя очень хорошо.

— Что же я должна сдѣлать?

Онъ засмѣялся. На послѣдней лѣстницѣ онъ понесъ ее на рукахъ, какъ въ первый разъ. Какая-то женщина, стоявшая передъ порогомъ съ ребенкомъ, весело закричала имъ вслѣдъ. Лола тянула его за рукавъ, чтобы онъ опустилъ ее на землю. Но, несмотря на все, сила мужа, его нечувствительность къ просьбамъ самая его грубость, волновали ея чувственность. Было темно. наверху съ противнымъ крикомъ носились летучія мыши, а среди голой синевы ночного неба огромнымъ и чудовищнымъ великаномъ возвышался дворецъ. Вѣяло душной, страстной истомой Руки Парди и Лолы были сухи и горячи.

Неожиданно ихъ освѣтила луна. Лола оторвала свои губы отъ его губъ.

— Такъ ты простишь имъ долгъ?

Онъ произнесъ насмѣшливо:

— Съ ума я сошелъ, что ли?

И снова они слились въ долгомъ объятіи. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Утоми меня, тогда я прощу имъ долгъ.

На слѣдующее утро, когда Лола лежала еще въ постели, Парди, собираясь выходить, сказалъ ей:

— Развѣ я утомленъ? Нѣтъ! Они заплатятъ за аренду.

Съ каждой ночью комнаты казались имъ душнѣе: они выносили одѣяла въ садъ. Влажная трава охлаждала ихъ. Изъ темной чащи сіяли дикіе зеленые глаза фавновъ, а вѣтеръ приносилъ одуряющій ароматъ цвѣтовъ.

Когда Парди уходилъ, Лола вяло сидѣла въ прохладной галлереѣ, курила и жила воспоминаніями. Наслажденія—вотъ былъ весь ея міръ. Ничего другого она не знала, не хотѣла знать...

Впервые чувствовала она себя близкой и равной всему жи-

вущему. И Марія, въ первое утро спрашивавшая о проведенной ночи, не казалась ей больше загадкой. Теперь Лола часто болтала съ ней и заставила ее признаться въ ея любви съ Парди. Это было два года тому назадъ; младшій ребенокъ Маріи былъ отъ него. Мужъ зналъ все—она призналась ему. Но нисколько не раскаивалась, потому что испытала счастье...

Такъ говорили двѣ женщины о мужчинѣ, который пробудилъ въ нихъ страсть. Говорили горячо, таинственно, минутами еле заглушая крикъ ревности, минутами понижая голоса до шопота. Марія была опытнѣе и посвящала Лолу въ невѣдомыя ей еще тайны любви. Но вотъ... слышались шаги Парди, и Марія неслышно исчезала.

— Что я еще должна сдѣлать, чтобы ты простилъ крестьянамъ долгъ?—спрашивала Лола.—Что я должна еще сдѣлать?—горячимъ шопотомъ повторяла она съ тайнымъ желаніемъ и волненіемъ.

Она не сказала ему, что знаетъ исторію Гиги. Но въ его объятіяхъ, закрывъ глаза, воображала себя той голой дѣвушкой, которая была распростерта въ церкви у подножія алтаря.

— Называй меня Гиги!

Затѣмъ прибавила:—Научи меня еще чему-нибудь? Ты говоришь—больше нечему? Нечему? Такъ прости имъ долгъ!

Онъ, смѣясь, нарушилъ слово. А на ея горькія упреки отвѣчалъ:

— Съ вами, женщинами, все можно себѣ позволить.

Однажды, гуляя по саду, Лола обратила вниманіе на старый женскій монастырь съ рѣшетчатыми оконцами, находившійся невдалекѣ. Лола съ ненавистью смотрѣла на эти мрачныя, темныя стѣны. Какъ-то разъ церковная дверь была открыта. Полукругомъ стояли монахини и пѣли. Лола насмѣшливо поглядывала на нихъ. Когда онѣ прошли мимо нея, Лолѣ захотѣлось шепнуть имъ такія вещи, чтобы онѣ потеряли покой до конца дней своихъ.

По дорогѣ съ вокзала Лола изъ окна кареты презрительно поглядывала на людей, идущихъ по мокрой отъ дождя мостовой. Они ничего не знали, имъ незнакомо было то, что пережила она, Лола. Вѣдь съ этимъ человѣкомъ она прожила жгучія минуты. И ее не интересовалъ домъ, въ который привезъ ее Парди, не интересовали почтительно кланявшіеся слуги. Для чего они здѣсь? Почему онъ ихъ не отсылаетъ? Вотъ, вотъ—сейчасъ раскроются его объятія.

Парди сталъ разсматривать присланные цвѣты, визитныя карточки. Лакей доложилъ, что обѣдъ поданъ. Не успѣли они сѣсть за столъ, какъ явился гость.

— Мой другъ Вальдомини,—сказалъ Парди.

Лола удивилась:—Его другъ?—Спокойно выслушавъ поздравленія и комплименты, она подумала:—Хорошо, это уже сдѣлано? Что теперь?—Гость сѣлъ съ ними за столъ, надо было слушать его разсказы о людяхъ, которыхъ она совсѣмъ забыла за эти послѣдніе дни. Онъ говорилъ красиво, оживленно. Лола весело смѣялась и невольно вышла изъ своего міра грезъ.

Онъ ушелъ вмѣстѣ съ Парди, и она понемногу вернулась къ дѣйствительности. Быстро переодѣвшись и заложивъ руки за спину, она опустилась на оттоманку. Вотъ закрылась дверь за его другомъ, Парди поднимается по лѣстницѣ, онъ уже на порогѣ. Она улыбнулась. Нѣтъ... ошиблась, это не онъ... все еще не онъ. Горничная почтительно доложила.

— Графъ ушелъ вмѣстѣ съ княземъ.

— Ахъ да, я знаю...

Она думала:—Вѣроятно, онъ пошелъ проводить Вальдомини. Тотъ вѣдь сказалъ, что его жена нездорова. Парди посидитъ у него съ четверть часа.—Проходитъ еще полчаса.

— Внизу, кажется, открывается дверь! Ахъ, наконецъ-то.

— Скажите графу, что я въ спальнѣ.

— Графъ еще не вернулся.

Одна, совсѣмъ одна. Теперь они, вѣроятно, подошли къ дому Вальдомини. Тотъ сказалъ:—Моя жена больна, мнѣ скучно, погуляемъ немного.—Но вѣдь прогулка длилась больше часа? Куда они могли пойти? Лола мысленно слѣдовала за ними. Передъ клубомъ на улицѣ Торнабуони часто стояло много мужчинъ. Они обсуждали, куда бы направиться—не въ театръ ли? Оглядывали проходящихъ дамъ и дѣлали вслухъ свои замѣчанія. Неужели Парди теперь съ ними? Неужели онъ можетъ переносить клубную атмосферу, слышать эти разговоры, видѣть пошлыя лица?—Вѣдь всѣ его мысли заняты мной, только мной! Онъ знаетъ, что я лежу здѣсь и жду его!

Вдругъ ей показалось, что онъ произнесъ своимъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ очень грязное слово, и она знала: это слово относилось къ ней. Она въ ужасѣ вздрогнула. Тѣ засмѣялись. Парди продолжалъ говорить о ней, подробно разбиралъ и описывалъ красоту ея тѣла. Лола чувствовала, какъ горитъ ея лицо и спрятала его въ подушку, но безпощадный голосъ Парди все-таки доходилъ до ея ушей. Развѣ онъ стѣснялся выраженіями тогда, когда Нутини заставилъ ее подслушивать?

Она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какъ я недовѣрчива! Вѣдь, онъ любитъ меня; чего же больше? И уважаетъ меня съ тѣхъ поръ, какъ мы обвѣнчались. Все, что мнѣ мерещилось—совершенно немыслимо: вѣдь, я его жена! Надо знать мужчинъ...

Мало-по-малу она успокоилась и почувствовала, что ей очень холодно. Было три часа ночи. Лола легла въ постель.

Когда она проснулась, было уже совсѣмъ свѣтло; возлѣ нея спалъ Парди. Она приподнялась на локтѣ и стала разсматривать его неподвижное, красивое лицо. Полуоткрытый ротъ казался еще ярче и краснѣе на блѣдномъ лицѣ... Ея взглядъ скользнулъ по его вѣкамъ, по широкому лбу. За этимъ лбомъ таились мысли, которыя не принадлежали ей, воспоминанія, которыхъ она съ нимъ не могла раздѣлить. Она со страхомъ думала, какъ начать разспрашивать его. — „Лучше молчать и снова отвоевать его",— твердо рѣшила она.

Онъ требовалъ, чтобы Лола ѣздила съ нимъ кататься.

Бернабей кивала имъ изъ окна кареты. Вечеръ они должны были провести у нея. Когда они пріѣхали домой, Парди помогъ Лолѣ снять шубу, и она почувствовала жгучій поцѣлуй на плечѣ. Но когда обернулась, его уже не было. Ночью его приходъ разбудилъ ее. Со стиснутыми зубами обнялъ онъ ее. Дикость его страсти такъ испугала ее, что она отшатнулась на край кровати, и онъ едва успѣлъ подхватить ее.

Въ слѣдующіе дни онъ ограничивался мимолетными ласками. Казалось, голова его занята другимъ. Лола не спрашивала чѣмъ. Она рѣшила такъ уютно обставить домъ, чтобы ему по вечерамъ не хотѣлось уходить. Въ первые дни квартира ее совершенно не интересовала. Теперь же она велѣла все почистить, собственноручно разставляла кресла и стулья, сняла лишнія, плохія картины. Всѣ некрасивыя, лишнія вещи поставила внизу, въ той части дома, куда уже въ октябрѣ не проникало солнце. На верху должно было быть свѣтло и весело. Парди насмѣхался надъ спальней, гдѣ почти ничего не осталось, кромѣ кроватей. Будто не хватило бы мѣста для его сабель, чучелъ птицъ и коллекціи обуви! Онъ не препятствовалъ увеличенію электрическихъ лампъ, давалъ указанія обойщикамъ и драпировщикамъ. Но однажды вспылилъ, заставъ Лолу въ совершенно новой для него комнатѣ. Она расточительна до невозможности! Двѣ тысячи франковъ за эту сѣрую мебель!

— Вѣдь, этими деньгами я могъ играть цѣлую недѣлю!

Онъ прикусилъ губы и прибавилъ:

— Удвоилъ, удесятерилъ бы эту сумму!

— У меня не было будуара, — сказала Лола. — А мой братъ опять прислалъ двѣ тысячи франковъ.

— Но у меня лежитъ неоплаченный счетъ портнихи.

— Ты самъ хочешь, чтобы я заказывала себѣ новыя платья.

— Развѣ я дѣлаю тебѣ упреки? Свѣтская дама должна имѣть туалеты, но ей не нуженъ будуаръ. Дома можешь проводить время въ своей уборной.

— Должна же я имѣть комнату для чтенія.

— Лишнее, совершенно лишнее! Это книги сдѣлали тебя такимъ безумнымъ существомъ! Какъ я ихъ ненавижу!

Онъ схватилъ близко лежавшую книгу и бросилъ ее въ каминъ. Затѣмъ, успокоившись, продолжалъ:

— Видишь-ли, мы предназначены для свѣтской жизни. Въ нашей квартирѣ имѣютъ значеніе только тѣ комнаты, которыя увидятъ посторонніе, гости. Тамъ все должно быть изысканно-красиво, не по мѣщански. Я велю заново позолотить потолокъ въ залѣ. Да и фрески надо реставрировать, когда будутъ деньги.

— Отъ реставраціи фрески очень потеряютъ.

— Ничего, зато онѣ будутъ блестѣть.

Лола покорилась. Свободное отъ пріемовъ и визитовъ время она проводила у портнихи или въ своей уборной.

Въ тѣ дни, когда не было гостей, обѣды были, по его требованію, болѣе чѣмъ скромны. Когда же они послѣ театра ужинали въ „Гамбринусѣ“ или приглашали къ себѣ Вальдомини, напитки стоили больше, чѣмъ обѣды за всю недѣлю. Что же дѣлать? Надо было во всемъ соглашаться. Надо было дѣлать все возможное, чтобы удержать, сохранить его...

Иногда Лола не смѣла смотрѣть въ глаза будущему... Но слышались шаги Парди, и кровь горячо приливала къ сердцу. Ей казалось, что это—его кровь. Ей казалось, что онъ всю ее наполнилъ собой, сдѣлалъ сильнѣе, бодрѣе.

На большомъ балу въ казино она отчетливо и ясно чувствовала себя красивѣе, блестящѣе, чѣмъ прежде, чувствовала въ себѣ новую прелесть, за которую должна была быть благодарна ему. Красота ея ума точно слилась съ красотой наряда, и окруженная поклоненіемъ, сознаніемъ своей побѣды, она искала только его, того, кто впервые пробудилъ въ ней обаятельную женственность. Она была богата. Этотъ одинъ человѣкъ такъ одарилъ ее любовью, что она могла ею подѣлиться съ человѣчествомъ. На прогулкахъ, среди блестящей толпы, она вдругъ замѣчала печальную нищету, останавливала карету, отводила нищаго въ боковую улицу, разспрашивала его и помогала деньгами и участіемъ.

Все это съ веселой увѣренностью, безъ мрачныхъ мыслей о безполезности такой ничтожной помощи. Вальдомини познакомилъ ее съ депутатомъ-соціалистомъ. Подъ конецъ разговора съ ней— тотъ сказалъ:

— Вы—первая и единственная дама во Флоренціи, живущая не въ средніе вѣка.

Она засмѣялась: столько задорнаго довѣрія было въ ней. У Бернабей она уже добилась взноса на народный университетъ. Обѣ маленькія Никколи даже захотѣли посѣщать лекціи. А Клавдія Грилли принимала участіе во всемъ, что интересовало Лолу. Клавдія была ея настоящей, искренней подругой! Она часто приносила Лолѣ цвѣты. Какъ быстро протекали часы, когда Лола читала отраженіе своихъ желаній и мыслей въ большихъ, синеватыхъ глазахъ Клавдіи. Та медленно гладила свои черные волосы и, закрывая губами свои маленькіе, острые зубки, тихо, исподлобья поглядывала на Парди: что-то онъ скажетъ? Пока подруги бесѣдовали, онъ не уходилъ изъ дому, бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пожимая плечами. Иногда внезапно останавливался, точно стараясь жестами заставить ихъ вернуться къ предмету спора. Неужели онѣ дѣйствительно думаютъ, что безъ мужчины имѣютъ какое-нибудь значеніе на свѣтѣ?

Лола вѣрила, что отвоюетъ его. Онъ, вѣдь, въ душѣ настоящій ребенокъ. Онъ проигрывалъ тысячи, но дѣлалъ ей сцены изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ грошей. А его жестокость къ прислугѣ напоминала высокомѣріе избалованнаго ребенка. Лола показывала ему примѣръ доброты и кротко обращалась съ прислугой.

— Къ чему злоупотреблять нашимъ случайно благопріятнымъ положеніемъ? Мы никогда не сдѣлаемъ для нихъ того, что они дѣлаютъ для насъ.

Онъ настаивалъ на строгой дисциплинѣ.

— Это особая порода людей. Ихъ стоитъ только распустить, и мы пропали.

Лола замѣтила:

— Къ чему властвовать? Мое человѣческое достоинство страдаетъ, когда я вижу униженіе другихъ людей.

Какъ-то у Лолы пропала золотая пряжка. Парди, не смотря на протесты Лолы, обыскалъ всѣ вещи прислуги. Пряжки нигдѣ не оказалось. Парди заявилъ, что отвѣтственность падаетъ на Жермэну. Она одна входила въ спальню: нашлась-ли у нея пряжка или нѣтъ, все равно, она должна уйти. Жермэна была та самая горничная, которая еще служила у ма, но не захотѣла ѣхать съ ней въ Америку и осталась у Лолы. Она грозила подать на графа за клевету. И только изъ любви къ Лолѣ отказалась отъ этой мысли, согласившись прослужить до конца мѣсяца. Ежедневно Лола просила и молила за нее. Парди неизмѣнно отвѣчалъ:

— Я—здѣсь хозяинъ.

Однажды въ театрѣ Лола имѣла неосторожность выступить въ

защиту незамужнихъ матерей. Въ ихъ ложѣ было нѣсколько человѣкъ. Среди нихъ находился и Ботта; онъ являлся какъ бы представителемъ взглядовъ общества на этотъ вопросъ. Лола горячо спорила и не уступала. Двое мужчинъ переглянулись съ улыбкой. Парди, войдя въ ложу, моментально поспѣшилъ на помощь Лолѣ. Онъ сталъ щеголять своими рыцарскими взглядами. Доказывалъ, убѣждалъ, горячился, но тѣ спокойно и непреклонно стояли на своемъ и, насмѣшливо улыбаясь, поглядывали на него. И только многозначительный намекъ Парди на шпагу и его разъяренный видъ стерли съ ихъ лицъ раздражавшую его улыбку! Лола побѣдила. Онъ помогъ ей пробиться. Она вздохнула облегченно и радостно, точно онъ, дѣйствительно, на рукахъ пронесъ ее черезъ сомкнутые ряды враговъ. Она ликовала: онъ съ ней за одно! Да, да! Она предчувствовала, что отвоюетъ его!

Глаза ея наполнились слезами, и, когда всѣ смотрѣли на сцену, она взяла мужа за руку. Но онъ вырвалъ руку. По дорогѣ въ коляскѣ онъ молчалъ и запретилъ Лолѣ говорить, боялся, молъ, чтобы она не простудилась. Когда пріѣхали домой, онъ вдругъ остановился на порогѣ спальни, скрестивъ на груди руки.

Она испугалась его грознаго лица и быстро спросила:

— Что съ тобой, милый?

— Безъ штукъ пожалуйста; вы отлично понимаете въ чемъ дѣло. Сударыня, заявляю вамъ: чтобы вы меня больше компрометировать не смѣли!

— Я—тебя? Я хотѣла поблагодарить тебя, любить, какъ никогда еще... Ты сталъ на мою сторону...

— Да, конечно—я сталъ на вашу сторону! Что изъ этого? Вы—моя жена; если бы вы совершили кражу, я тоже выгораживалъ бы васъ. Но замѣтьте себѣ, я тогда бы не меньше презиралъ васъ.

— Я, вѣдь, только убѣждала мужчинъ быть милосердными къ несчастнымъ женщинамъ. Ты самъ далъ мнѣ столько любви, что, я ни на кого не могу смотрѣть со злобой.

— Предавайтесь вашимъ утопіямъ, пока мы наединѣ. Но берегитесь ставить на карту честь моего дома!

— Я не понимаю, чѣмъ честь вашего дома...

— Повторяю, вы не только наносите матеріальный ущербъ моему дому, но и позорите мое имя. Да, достаточно я терпѣлъ. Вы старались убѣдить маленькихъ Никколи въ томъ, что ада не существуетъ; къ счастью, неудачно. Мои слуги теряютъ всякое почтеніе. Вы терпите воровку въ домѣ...

— Жермэна не воровка!

— Вы терпите воровку! Благодаря вамъ въ моемъ домѣ бываетъ одинъ изъ этихъ подлыхъ соціалистовъ!

— Бѣдный Риккетти! Его недаромъ мучитъ мысль, что въ этой странѣ не вкоренятся его идеи.

— Онъ жалкій негодяй и больше ничего,—заявилъ Парди.— Ты его пригласила на завтра: сейчасъ же напиши ему, чтобы не являлся.

— Это неудобно!—прошептала она.—Подумай, милый!

— Думать?—Онъ снова вспылилъ.—Ты, кажется, плохо понимаешь свое положеніе: мнѣ нечего думать. Я запрещаю Риккетти бывать въ моемъ домѣ... Затѣмъ, кто тебя уполномочилъ увеличить Чекко жалованье на пять франковъ?

— Наши пріемы усложняютъ его работу...

— Ты зря выбрасываешь мои деньги!

— Опомнись. Подумай, что значитъ для тебя пять франковъ? Ты, вѣдь, дашь ихъ какому-нибудь лакею на чай. Будь добрымъ! увеличь ему жалованье!

Онъ злобно оттолкнулъ ее.

— Не для такого хозяйничанья привезъ я тебя сюда! Откуда ты такая взялась? Исполняй мои приказанья, иначе отправлю тебя отсюда вмѣстѣ съ твоей горничной!

Лола съ ужасомъ замѣтила ненависть въ его глазахъ. Не можетъ быть, она не хотѣла этому вѣрить! Онъ ошибся, онъ боленъ! Съ нѣжной улыбкой, точно онъ пошутилъ, Лола прошептала:

— Серьезно ты гонишь меня? Въ такомъ случаѣ молю жестокаго человѣка уже не за одну, а за двухъ. Позволь мнѣ остаться и... позволь, чтобы осталась и Жермэна!

— Позволь, чтобы Жермэна осталась! Въ который разъ я это слышу! Прощай. Это совсѣмъ какъ: „Прости крестьянамъ долгъ". Знаю, какія прекрасныя вещи ты дала мнѣ взамѣнъ арендныхъ денегъ. Теперь ты тоже хочешь этимъ откупиться? Ну, что же, пойдемъ, Гиги!..

Она отшатнулась. Онъ засмѣялся и ушелъ. Лола прислонилась къ постели; его смѣхъ еще звучалъ въ пустыхъ комнатахъ. Она неподвижно смотрѣла впередъ и думала:—Онъ презираетъ меня!—Ея колѣни дрожали, она незамѣтно опустилась на полъ.

— Да развѣ можетъ быть иначе? Развѣ онъ можетъ уважать меня? Я шла съ нимъ по грязи, я опустилась до самыхъ грубыхъ вожделѣній; свой хорошій поступокъ я тоже загрязнила ими.

Горячая кровь заливала ей щеки. Дрожа, поднялась она съ пола. Ей хотѣлось бичевать себя. Съ отвращеніемъ взглянула она въ зеркало. Вотъ эти глаза, которые видѣли безконечные, нечистые сны. Этотъ мерзкій ротъ... Она вдругъ протянула впередъ обѣ руки, точно увидя нѣчто новое, ужасное, вздрогнула и горько заплакала.

Что я сдѣлала? Я отдалась во власть своей плоти! Я теперь ея раба и ни о чемъ другомъ не могу больше думать. Ни о чемъ. Пока буду жива—буду помнить ожесточенную силу этихъ объятій! Я ненавижу себя, а онъ презираетъ меня, какъ грязную служанку.

Она сѣла на край постели.

— Господи, Господи, я пропала!

II.

На другой день, несмотря на угрозы Парди, Лола написала не только Риккетти, но и всѣмъ остальнымъ гостямъ, что вечеръ не состоится. Парди, желая отомстить, вызвалъ депутата на дуэль и слегка ранилъ его. Послѣ этого онъ заявилъ Лолѣ, что его честь возстановлена, и у нихъ опять могутъ возобновиться пріемы.

— Ты ошибаешься,—сказала она,—теперь я никого не хочу видѣть.

Онъ готовъ былъ вспылить, но сдержался, увидѣвъ выраженіе ея лица—враждебное, замкнутое.

— Безуміе,—проговорилъ онъ и вышелъ.

Лола осталась одна. Съ тоской вспоминала она дѣвичьи годы, робкое одиночество, грозу въ лѣсу. Она тогда была одна, совсѣмъ одна и дѣтски-чиста. Ее охватилъ щемящій ужасъ: — Какъ это случилось? Какъ я могла дойти до этого? Вѣдь, я была совсѣмъ, совсѣмъ другой!—И она вспоминала Арнольда. Если бы онъ зналъ! А, можетъ быть, придется опять встрѣтиться? Нѣтъ, нѣтъ, никогда больше не видѣть его!

Ей нравилось ѣздить далеко за городъ въ закрытой каретѣ. Парди запретилъ ей это.

— Если ты сумасшедшая, то отъ этого не должны страдать мои лошади. Благоразумные люди ѣздятъ по парку. Ты же хочешь обязательно взбираться на крутыя горы: это переутомляетъ лошадей.

Его скупость, безграничная жестокость и несдерживаемые порывы тяготили и раздражали ее. А прежде казалось шуточнымъ дѣломъ исправить его недостатки. Лола даже была счастлива при мысли, что излѣчитъ его отъ нихъ. Какъ-то Парди занялъ пятьдесятъ франковъ у того самаго Чекко, которому не хотѣлъ прибавить пять франковъ жалованья. Тотъ, казалось, былъ польщенъ, быстро побѣжалъ за деньгами и весело заявилъ, что обѣдъ поданъ. Лола не могла поднять глазъ съ блюда, которое ей подалъ старый слуга. Парди оживленно болталъ съ нимъ. Затѣмъ ему вдругъ показалось, что недостаетъ нѣсколькихъ сигаръ въ ящикѣ. Чекко былъ обвиненъ въ воровствѣ и возвращенъ въ прежнее подчи-

ненное положеніе. Во время обѣда Парди заговорилъ о старомъ Никколи и сталъ возмущаться, что тотъ разорилъ вторую жену и своимъ деспотизмомъ выгналъ изъ дому жениха дочери.

— Безсовѣстный человѣкъ! Онъ недостоинъ быть главой семьи!

Лола упрекала себя въ томъ, что слишкомъ строго осуждаетъ Парди.—Онъ этого, собственно, не заслуживаетъ: вѣдь до свадьбы онъ былъ такимъ же, и я это знала. Я знала, что онъ грубъ и несправедливъ. Не онъ виноватъ. Многія другія были бы вполнѣ удовлетворены на моемъ мѣстѣ: такія же безсознательныя существа, какъ и онъ. Отвѣтственность лежитъ на мнѣ: я все предвидѣла. Только чувственность могла меня такъ отуманить, но тогда я шла сознательно на свою погибель... Въ немъ говоритъ южная кровь. Онъ—человѣкъ инстинкта, расы и ставитъ выше всего свое право господина. Я же не принадлежу ни къ какому народу, ни къ какой расѣ. Я всѣмъ одинаково чужда и одинаково близка. Я его понимаю, а онъ меня нѣтъ—и это дѣлаетъ меня безправной...

Она терпѣливо переносила его вспышки гнѣва и принимала подарки, которые онъ ей дѣлалъ.

— Ты приносишь мнѣ счастье,—говорилъ онъ.—Я замѣтилъ, что, если иду отъ тебя, всегда выигрываю.

И требовалъ ласкъ. Онъ былъ теплѣе, сердечнѣе: его любовь иная, чѣмъ ея, уживалась съ презрѣніемъ. Онъ спалъ, а она бодрствовала и думала:

— Чего я хочу? Вѣдь я знала, что изъ-за меня онъ не переродится, что онъ искатель приключеній, игрокъ...

Когда она впервые увидѣла его пьянымъ, то вдругъ вспомнила шарманщика съ горящими глазами и блѣднымъ лицомъ, который занялъ мѣсто въ ея сердцѣ послѣ учителя исторіи Дитриха. Вспомнила, какъ бросила ему всѣ свои карманныя деньги, но онъ былъ пьянъ и попалъ въ участокъ.

Парди былъ такъ же невѣжественъ, какъ этотъ шарманщикъ, и это иногда даже трогало ее. Онъ не понималъ, почему она охладѣла къ нему, и всѣми силами старался разжечь ея страсть и упорно требовалъ сына:

— Гдѣ Джіованнино? Почему нѣтъ Джіованнино?

Лола съ отвращеніемъ и ужасомъ думала объ этомъ. Ребенокъ отъ него, этого чужого человѣка?

— Онъ не будетъ моимъ, не будетъ меня знать, любить... Порода Парди сильнѣе скажется въ ребенкѣ. Онъ будетъ принадлежать ему. Я этого не хочу, не хочу.

Послѣднее время она съ трудомъ переносила окружавшихъ ее чуждыхъ ей людей. Раздражали ихъ громкіе, грубые голоса, ихъ

чувственность, отражавшаяся въ выпуклыхъ глазахъ. Въ этой сутолокѣ страстей и тщеславія, она когда-то сама участвовала тамъ, въ Віареджіо, и, ослѣпленная любовью къ Парди, видѣла все въ иномъ свѣтѣ. Теперь завѣса спала съ глазъ, все было отвратительно, противно. Многое, прежде незамѣченное, бросалось ей въ глаза. Всѣ пожимали руку маленькому Зандрини, хотя всѣ знали, что онъ шулеръ. Но, вѣдь, его жена была дочерью префекта. Лола часто думала:—Если бы Парди не принадлежалъ къ такому аристократическому роду, то...

Траппола всѣмъ показывалъ новый портсигаръ, а его сестра обмахивалась вѣеромъ, сидя возлѣ барона Вергмана, которому принадлежало то и другое. Каждый въ отдѣльности былъ снисходителенъ къ остальнымъ. Ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ необходимости быть безупречнымъ.

Въ этомъ кругу не прощалось только одно: быть не такимъ, какъ остальные. Не чувствовали-ли они, что Лола критикуетъ ихъ?—Если бы Парди умеръ, всѣ говорили бы, что я его отравила,—думала Лола.

Въ городѣ говорили о новомъ свѣтскомъ скандалѣ. Бернабей была поймана мужемъ съ лейтенантомъ Кава̀. Мужчины стрѣлялись, и Кава̀ былъ переведенъ въ Сицилію. Всѣ отшатнулись отъ Бернабей, несмотря на то, что прежнихъ ея одиннадцать любовниковъ всякій могъ пересчитать по пальцамъ; отвернулись отъ нея даже родители и сестра, которая отличалась отъ нея только тѣмъ, что вмѣсто одиннадцати имѣла лишь девять любовниковъ. Мужъ назначилъ ей извѣстную сумму ежемѣсячно, съ условіемъ, чтобы она жила въ деревнѣ. Лола рѣшила отправиться къ ней: такъ возмутило ее всеобщее лицемѣріе. Эта женщина была послѣдней любовницей Парди до его женитьбы; она и Лола были въ натянутыхъ отношеніяхъ; теперь Лола стыдилась этого,—вѣдь, та была побѣждена. Она не могла быть совсѣмъ дурной, если Кава̀, самый порядочный изъ всѣхъ, любилъ ее. Кава̀ пришелъ прощаться. Лола прямо спросила его.

— Вы очень любили графиню?

Онъ опустилъ глаза.

— А если бы и не любилъ, — сказалъ онъ. — Теперь изъ-за нея отправляюсь въ ссылку, большаго она и требовать не можетъ.

И прибавилъ, улыбаясь и краснѣя, какъ мальчикъ:

— Мнѣ такъ жаль ее...

— Мнѣ тоже—и я бы хотѣла ей это сказать.

— Боже упаси! Вы не можете теперь бывать у этой женщины!

...А вѣдь онъ былъ самымъ порядочнымъ изъ всѣхъ! Лола тотчасъ же рѣшила отправиться къ ней.

На слѣдующій же день до Лолы дошли отрывки ея разговора съ Бернабей въ совершенно искаженномъ видѣ. Говорили, что она стала въ защиту всѣми осужденной.

Въ салонѣ Вальдомини ее встрѣтили удивленными взглядами, нѣкоторые смотрѣли даже съ ужасомъ. Лолѣ это было противно, она съ тоской думала:

— Все мнѣ здѣсь чуждо. Вездѣ, вездѣ я чувствую себя чужой.—Ее душили слезы. Она распахнула окно: шелъ дождь, въ лицо пахнулъ сырой, непріятный воздухъ.

— Я не имѣла права идти къ Бернабей. Я—жена Парди, и онъ отвѣчаетъ за мои поступки. Я—слабовольное, жалкое существо хочу исправлять міръ. Нѣтъ, мнѣ надо быть одной, одной!

Парди не понималъ, почему она не хотѣла его видѣть.

— Пожалуйста, милый, оставь меня одну. Я нездорова. Видишь, какъ я подурнѣла?

Онъ нетерпѣливо повелъ плечами:

— Опять капризы?

— Увѣряю тебя, я болѣзненно-раздражительна, нездорова.

Онъ вдругъ мягко проговорилъ.

— Неужели? Скажи—это Джіованнино?

— Нѣтъ, нѣтъ!—простонала она съ ужасомъ и мольбой.

Онъ рѣшительно заявилъ:

— Стыдись! Какимъ тономъ ты это сказала! Возмутительно для матери или женщины, которая должна была бы быть ею!

Онъ протянулъ руку черезъ открытое окно и дотронулся до графской короны, украшавшей стѣну. Похлопавъ маіоликоваго ангела, который ее держалъ, Парди съ удареніемъ сказалъ:

— Она будетъ украшать только голову матери, иначе...

У самой двери онъ обернулся и докончилъ:

— Уходи, откуда пришла.

Она прислонилась къ окну и неподвижно смотрѣла на кроткую мадонну, воспріявшую благую вѣсть. Что-то тянуло ее къ ней.

Она вышла изъ дому, притаилась въ воротахъ дома напротивъ. По обѣимъ сторонамъ подъѣзда стояли на колѣняхъ Дѣва Марія и Ангелъ; у нея было спокойное и тихое лицо, точно она давно ждала его. Лиліи и розы распустились уже въ честь ея материнства, пестрыя птицы пѣли ей пѣсни, и маленькіе ангелочки держали корону надъ ея головой, надъ головой матери. Къ ней обращались всѣ женщины этого дома, ожидавшія ребенка. Но Лола, точно изгнанная изъ него, бродила по саду. Только когда стемнѣло, она ощупью прошла темныя залы перваго этажа и открыла дверь на узкій балконъ. Она стояла передъ мадонной и ангеломъ, надо было дотронуться до опущенныхъ вѣкъ ма-

донны и шепнуть ей въ маленькое ушко свое завѣтное желаніе.. Тихо было вокругъ. Розы и лиліи благоухали, крылья ангела еще трепетали отъ полета.

И вдругъ Лолѣ почудился его голосъ.

Съ дикимъ испугомъ захлопнула она за собой дверь, прислонилась къ стѣнѣ,—сердце громко стучало. Тамъ, въ залѣ, висѣли портреты женщинъ, которыя въ этомъ домѣ ждали ребенка. Враждебное любопытство тянуло Лолу къ нимъ. Какіе у нихъ всѣхъ спокойные, животно-спокойные глаза! Онѣ были изъ разныхъ семействъ города и все же походили другъ на друга: окруженныя родственниками, онѣ рожали и воспитывали своего ребенка и отдавали замужъ въ другую семью.

Изъ мужчинъ никто не обладалъ красотой Парди. Ихъ лица были грубѣе, но и они были рабами тѣхъ же страстей. Когда Лола смотрѣла имъ въ глаза, они загорались желаніемъ. Они всѣ требовали отъ нея ребенка, наслѣдника этого дома. Но тутъ ей бросился въ глаза одинъ: юноша, почти мальчикъ, съ мягкими, нѣжными кудрями, падавшими на открытый воротникъ. Лобъ и мягкая щека склонялись въ самую тѣнь, точно хотѣли скрыться въ ней.

Косые лучи заходящаго солнца падали на нѣжныя черты. Лолѣ онѣ вдругъ показались знакомыми. Кого-то знакомаго и милаго напоминали онѣ... И она поняла—юноша былъ Арнольдъ, ему она бы хотѣла дать сына.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лола перестала показываться въ обществѣ, подруги ежедневно посѣщали ее. Но напрасно. Только однажды она приняла Клавдію.

— Клавдія, дѣйствительно, привязана ко мнѣ. Только ее я могу видѣть.

Та рѣшительно вошла.

— Ты имѣешь что-нибудь противъ меня?

Лола, смѣясь, отрицательно покачала головой. Клавдія бросилась ей на грудь и вся засіяла отъ радости.

— Какъ хорошо, что ты на меня не сердишься! Я тебя такъ люблю!

— А я ужасно рада, что я имѣю тебя, Клавдія. Я чувствую себя часто такой одинокой, несчастной.

— Вотъ видишь, а ты еще читаешь и разсматриваешь себя окончательно. Не надо читать!

Клавдія подозрительно схватила лежавшую возлѣ нея книгу.

— Нѣмецкая? Ты запираешься на ключъ и читаешь понѣмецки? Это значитъ—ты не хочешь имѣть ничего общаго съ нами.

Лола притянула къ себѣ подругу.

— Ага! ты не хочешь, чтобы я посмотрѣла тебѣ въ глаза. Но я отлично все понимаю. Несчастье Бернабей возмутило тебя, потому что ты честная нѣмка. Ты вовсе не на ея сторонѣ, какъ она утверждаетъ: вѣдь, она обманула мужа, а это очень дурно. Но мы не должны бросать камня, говоришь ты. Мы прежде сами должны быть честными, уходить отъ мужа раньше, чѣмъ возьмемъ себѣ любовника. Не такъ ли, скажи, не такъ ли?

— Какъ ты меня поняла, какъ смѣшно это сказала своимъ неаполитанскимъ акцентомъ!

Грустныя мысли Лолы, въ устахъ этой хорошенькой обезьянки, не звучали такъ безнадежно—скорѣе, какъ унылая шутка!

Личико Клавдіи приняло вдругъ печальное выраженіе.

— Какъ ужасна женская жизнь! Намъ грозятъ ужасы ежедневно! Слышала ли ты о чиновникѣ изъ Віа-дель-Миньяно, который задушилъ жену? Какъ воробья, вотъ такъ!

Клавдія глухо застонала, вытаращила глаза, вытянула языкъ. Потомъ бросилась на стулъ и зашептала:

— Мой мужъ тоже способенъ на это. Онъ неврастеникъ, часто напивается... ругаетъ меня, упрекаетъ... но въ одинъ прекрасный день онъ будетъ молчать и...

Клавдія быстро провела рукой по своей шеѣ. Затѣмъ громко заплакала. Лола испуганно опустилась передъ ней на колѣни.

— Клавдія! Вѣдь, у той женщины былъ любовникъ.

Клавдія судорожно повторяла.

— Я такъ боюсь!

— Чего тебѣ бояться? Ты, вѣдь, не такая, какъ та.

— Такая же! У меня есть любовникъ. Не спрашивай, кто! Повѣрь, наши мужья таковы, что мы нуждаемся въ утѣшеніи.

— Я знаю.

— Какой у тебя странный видъ! О комъ ты теперь думаешь? Довѣрь мнѣ свою тайну, Лолина!

Лола испуганно вырвалась изъ ея объятій.

— Ни о комъ я не думаю, увѣряю тебя. Но если бы я и не любила своего мужа, я никогда не взяла бы любовника. Я васъ не осуждаю: у васъ другія натуры.

Клавдія потянулась всей своей изящной фигуркой.

— А все-таки это занимательно. Скажи, Лолина, почему бы ты не могла?.. Развѣ ты не замѣчаешь, что Вальдомини въ тебя влюбленъ? Какъ бы я хохотала, если бы Парди...

Она приставила рожки къ своему лбу.

— Онъ, который столькихъ соблазнилъ! Всѣ были бы отомщены. А ты не подозрѣваешь, что онъ тебя обманываетъ?

— Я знала это прежде, чѣмъ вышла за него замужъ,—Лола опустила глаза.—Я взяла его такимъ, какъ онъ есть.

— Какая честность! Знаешь ли, въ концѣ концовъ это уморительно!

Она захохотала. Потомъ съ восхищеніемъ проговорила:

— Правда, если бы ты кого-нибудь полюбила, ты бы разошлась съ мужемъ?

Печально и несмѣло сказала Лола:

— Я бы хотѣла всегда, всегда быть одной.

Клавдія вскочила.

— Неужели онъ тебѣ такъ надоѣлъ?

Сейчасъ же ея глаза потухли, она снова приняла спокойный, кроткій видъ.

— Сдѣлай это, бѣдняжечка! Ты будешь такъ счастлива!

Лола внимательно наблюдала за ней.

— Тебѣ хочется этого?

Послышались шаги Парди. Клавдія испуганно заметалась.

— Господи! Я должна уйти.

— Почему? Оставайся!

Клавдія вздрогнула. Она прикусила губу, не поднимала глазъ и все отворачивалась отъ Парди. Лола смотрѣла то на нее, то на него. Потомъ быстро выпустила руку Клавдіи.

— Прощайте,—сказала та и выбѣжала изъ комнаты.

— Что съ ней?—Парди поблѣднѣлъ.

Лола у окна тяжело дышала. Медленно повернувшись къ нему, она проговорила.

— Я не знаю.

— Ты отвѣчаешь такъ отрывисто. Скажи, я виноватъ въ твоемъ дурномъ настроеніи?

— Нѣтъ.

— Ты ни въ чемъ не можешь меня упрекнуть?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше. Я вижу, тебѣ нуженъ покой.

— И это была подруга! Это маленькое, хитрое животное, которое во всемъ подражало мнѣ. Съ перваго же дня она знала, чего хотѣла. Мы спорили; я думала завоевать Парди, думала, что если тѣла такъ близки, какъ были наши, то и души должны быть такими же. Она поддерживала меня, лукаво, молча... И отняла его у меня!

Лола не могла перенести того, что ей пришлось пережить. Она безцѣльно бродила по комнатамъ, забивалась въ темные углы.

Она вдругъ бросилась къ звонку.

— Попросите графа сейчасъ же сюда!

— Графа нѣтъ дома.

Лола увидѣла въ зеркалѣ свое перекошенное отъ злобы лицо.

— Погоди же! Я устрою скандалъ, о которомъ Флоренція будетъ помнить! Онъ у нея, навѣрное у нея. Накрыть ихъ, отомстить и уйти, уйти отсюда: опять быть свободной!

Но вмѣсто того, чтобы открыть дверь, она прислонилась къ ней и замечталась.

— Для кого я хочу быть свободной? О комъ я опять подумала? Клавдія тоже замѣтила, что я о комъ-то думаю... Я хуже ихъ обоихъ, хуже всѣхъ! Я любила Арнольда, когда вышла замужъ за Парди, уступая своей чувственности. Это правда, горькая правда!

Едва наступилъ май, какъ Лола заявила, что ѣдетъ въ Санъ-Грегоріо.

Взглядъ Парди загорѣлся.

— Помнишь садъ ночью, когда мы лежали подъ деревьями, въ кустахъ? Ты хочешь опять... Я не отказываюсь, но...

— Ты ошибаешься. Я хочу одна туда поѣхать.

— Безъ меня? Что это опять за штуки?.. Ахъ да, ты больна. Къ сожалѣнію, эта болѣзнь не отъ Джіованнино. Предположимъ, что нашего климата ты не переносишь. Но сказать правду, частенько пожалѣешь о томъ, что женился на иностранкѣ.

Цѣлый день просидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, писалъ и телефонировалъ, а на слѣдующій день заявилъ, что она можетъ ѣхать. До Рима онъ готовъ былъ ее проводить. Она поблагодарила и отказалась.

Цвѣлъ миндаль и персики. Розовые лепестки лежали на дорогѣ, летѣли Лолѣ вслѣдъ. Въ городкѣ всѣ лица засіяли при ея появленіи.

Ея сердце сжалось, когда она подходила къ замку.

Въ комнатахъ было еще темно и холодно. Лола должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы отдать приказаніе открыть окна. Ей стыдно было смотрѣть въ глаза слугамъ, которые видѣли ее тогда. Холодные старческіе глаза камердинера не отрывались отъ нея.

Медленными шагами прошла она мимо черной Маріи съ гордымъ, равнодушнымъ лицомъ, у дверей спальни остановилась, потомъ быстро вошла. Прислонившись къ двери, она закрыла лицо руками и прошептала:—Слишкомъ много униженій, слишкомъ много униженій, слишкомъ много!

Ей казалось, что со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ отвратительныя картины прошлаго. Кое-какъ добралась она въ темнотѣ до сада.

— Къ чему себя дольше мучить?.. Арнольдъ!..

Сразу стало легче и свободнѣе дышать.

— Видишь, ты достаточно отомщенъ? Я пришла сюда, чтобы вполнѣ отдаться твоему презрѣнію. Оно нужно мнѣ, какъ живительный бальзамъ.

— Къ чему все это? Онъ не слышитъ и все забылъ.

— Я вся полна тѣмъ луннымъ свѣтомъ, который падалъ тогда на насъ, Арнольдъ!

Она протянула свое лицо съ закрытыми глазами, мягкому, синеватому свѣту луны.

И опомнилась только въ темнотѣ.

Послѣ короткаго сна, она вышла изъ дому. Было свѣжее, ясное утро. На синемъ небѣ зубцами вырисовывались бѣлыя горы, звонили колокола. На площади устроена была арка, обвитая цвѣтами.

Къ монастырю медленно двигалась процессія: дѣвочки въ бѣломъ, монахи, народъ. У воротъ монастырской церкви ждали монахини. Органъ игралъ.

Все въ этомъ ясномъ, прозрачномъ воздухѣ казалось чистымъ безгрѣшнымъ! Лола прислонилась къ высокой стѣнѣ монастыря и смотрѣла на проходящихъ, не отрывая глазъ отъ темныхъ, мрачныхъ стѣнъ. Когда-то она съ ненавистью смотрѣла на нихъ, готова была ихъ разрушить, уничтожить. Хотѣла шептать тѣмъ безмолвнымъ женщинамъ такія слова, отъ которыхъ бы онѣ потеряли покой навсегда. А теперь сама готова была кончить жизнь подъ этими мрачными сводами. Забыться въ пѣніи, молитвѣ, не грезить, не мечтать.

Полдень былъ жаркій. Она едва держалась на ногахъ, голова была полна жгучихъ мыслей. Вдругъ все закружилось передъ глазами. Ее охватилъ страхъ.—Кончено, подумала она. Слабость была страшная. Лола хотѣла позвать на помощь, но не въ силахъ была издать ни одного звука. Мягкій вѣтерокъ освѣжилъ ея испуганное лицо. Тамъ, у воротъ замка была большая каменная птица грифъ. Лола повисла на ея шеѣ, съ закрытыми глазами, слабая, безъ силъ.

— Значитъ здѣсь, здѣсь умереть. Почему же нѣтъ? Къ чему все это? Вокругъ только каменныя существа и небо, которому нѣтъ дѣла до меня. Довольно.

Она какъ бы смирилась, и неожиданно силы вернулись къ ней.

Незамѣтно очутилась она въ своей комнатѣ. Нѣсколько дней не выходила, избѣгала взглядовъ прислуги, думала въ полутьмѣ о томъ, что ее привело сюда, о своей судьбѣ.

Ма была тамъ, дома, забыла Европу, „чужихъ" и Лолу; никогда не писала. Да и въ жизни Лолы она не оставила глубокаго слѣда. Вспоминая о ма, Лола думала сейчасъ же о какомъ-нибудь приключеніи, о лицѣ мужчины, о платьѣ. Вспоминалась вся эта лихорадочная жизнь—жадность къ удовольствіямъ, усталость, порывы чувственности, увлеченіе пѣніемъ, безумная Бранцилла... Лола усиленно гнала отъ себя эти воспоминанія. Вотъ Паоло, ея братъ—для нея пустой звукъ, даже не образъ. Она не понимала его языка. Онъ зарабатывалъ для нея деньги, а она не умѣла даже поблагодарить его за это. Что же касается другихъ родственниковъ, то она даже именъ ихъ не знала. Можетъ быть, они иногда случайно и вспоминали ее? Правда, тутъ близко жили люди, любившіе па, а изъ-за него и Лолу! Она вспомнила брата отца, потомъ тѣхъ родственниковъ въ Мюнхенѣ. Ихъ образы быстро улетучились. Лола смотрѣла въ пустоту. Отъ всего пережитого ничего не осталось.

Но вдругъ ей вспомнилось маленькое, улыбающееся лицо Эрнесты! Это было хорошее, добродушное существо, но совсѣмъ другого склада, чѣмъ Лола. Даже теперь, когда Эрнеста умерла, Лола не могла ей простить, что развивалась подъ исключительнымъ вліяніемъ этой жалкой, обиженной души.

— Я была бы свободнѣе, счастливѣе, если бы Эрнеста дала мнѣ возможность стать актрисой!

Вотъ маленькой Тини судьба улыбнулась: она теперь актриса. Маленькая Тини, которая едва не стала сестрой милосердія, играетъ гдѣ-то далеко, далеко на сценѣ.

— Я столько мечтала о любви! Будучи ребенкомъ, готова была умереть за ма, за Эрнесту. Мечтала о радостяхъ для всего человѣчества. Но кому я это дала почувствовать? Кому стало лучше, благодаря мнѣ? Мое чувство всегда было мимолетной игрой.

Она встала, отдернула занавѣсы и тоскливо взглянула въ садъ.

— Па первый озлобилъ меня. Я ни одному человѣку больше не вѣрю съ тѣхъ поръ, какъ меня, свою маленькую дѣвочку, онъ покинулъ въ большомъ чужомъ саду. По его винѣ я не вѣрила больше любви—ни его, ни Эрнесты.

Она вспомнила себя въ то лѣто, проведенное въ горахъ, когда она готова была всѣхъ любить. Только отъ Эрнесты отворачивалась, упорно затыкала уши и читала.

Теперь уже поздно. Эрнеста умерла. Па тоже умеръ прежде,

чѣмъ Лола успѣла его полюбить. Безнадежно опустивъ руки, она бросилась изъ комнаты. Вѣтеръ пробѣгалъ по ея спинѣ.

— И его, его я тоже не успѣла полюбить! Арнольдъ! Арнольдъ!

Она часто ѣздила кататься, гнала лошадей вскачь. Надо было избавиться отъ назойливыхъ мыслей! Ничего не помогало. Гдѣ-нибудь у воротъ она вдругъ замѣчала Арнольда съ шляпой въ рукахъ, какъ тогда, у калитки, при послѣдней встрѣчѣ. Она закрывала глаза. Напрасно,—она видѣла передъ собой его горькую робкую улыбку...

Это было мучительно и сладко! А, вѣдь, могло быть такъ хорошо! Можно было любить другъ друга, слушать чириканье птичекъ, наслаждаться мелодіей свѣжаго, радостнаго утра.

— Я искала родину: какъ прекрасна была бы та, которую создали бы наши души. Я выбрала то, что было красиво, и тяжело наказана за то. Если бы я могла все разъяснить тебѣ! Если бы ты зналъ, какъ я страдаю... Мое искупленіе въ томъ, что ты этого не знаешь и что я молчу...

— Я тебѣ все скажу, чѣмъ стала и благодаря чему. Ты не услышишь, но я тебѣ это скажу. Точно я пишу все это на стѣнѣ между нашими двумя садами; а этой стѣны ты никогда не переступишь. Точно я выкрикну мою исповѣдь морю, которое насъ раздѣляетъ. Не бойся, волны заглушатъ мои слова!..

Дома, вся въ слезахъ, она стала записывать свои дѣтскія воспоминанія. Послѣ этого прошедшій день показался ей пріятнымъ и содержательнымъ.

Прошли недѣли; она не писала больше ни слова, а казалось, что уже изобразила ему всю свою жизнь ея темными и свѣтлыми днями. Теперь онъ зналъ ее всю.

Съ удивленіемъ замѣтила она, что листья въ саду стали опадать. Неужели уже кончилось лѣто? Она больше не чувствовала себя одинокой, покинутой. Онъ всегда былъ съ ней — сначала, какъ безплотный духъ, печально заглядывавшій ей черезъ плечо, потомъ, какъ другъ, дыханье котораго она часто при чтеніи ощущала на вискѣ. Она была виновата передъ нимъ, но онъ простилъ, забылъ все. Она теперь могла успокоиться. Лола стала здоровѣе, увѣреннѣе.

— Повидимому, я окончательно приноровилась къ здѣшнему климату!—Парди требовалъ ея возвращенія во Флоренцію.

— Почему же нѣтъ? Теперь я сильна, потому что вернула себѣ того, кого люблю. Среди чужихъ я буду чувствовать его поддержку, и никто этого не замѣтитъ.

Всѣ спрашивали Лолу:

— Графиня, въ какомъ курортѣ вы провели лѣто? Вы такъ похорошѣли, вы опять расцвѣли.

Она много выѣзжала. Успѣхи въ казино возобновились; мужчины настойчивѣе, чѣмъ прежде, ухаживали за ней съ увѣренностью, что одинъ изъ нихъ добьется ея расположенія. Всѣ находили, что наступила пора, когда у нея будетъ любовникъ, и Парди думалъ то-же.

Однажды она совершенно внезапно покинула шумный и веселый балъ. Сидя въ углу кареты, она улыбалась тихо и мечтательно. Парди сказалъ:

— Ты слишкомъ часто танцовала съ Вальдомини.

— Неужели? Я не обратила на это вниманія.

— Другіе это замѣтили... Впрочемъ, я совершенно не понимаю Вальдомини. Онъ такъ усердно ухаживаетъ за тобой—комично, въ его годы. Онъ мой другъ, и я не стану отрицать, что онъ прежде имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ. Несмотря на это, говорятъ, Бальделли недавно прогнала его.

— Она очень красива, — отвѣтила Лола, чтобы только сказать что-нибудь, хотя каждый ея отвѣтъ еще больше раздражалъ его.

Въ послѣднее время Парди даже ближе сошелся съ Вальдомини, сопровождалъ его всюду, гдѣ тотъ могъ встрѣтить Лолу. Остальное время проводилъ съ ней. Онъ снова сталъ приносить ей цвѣты и подарки, самъ покупалъ ей ленты, перья, а книги, которыя прежде швырялъ въ уголъ, предлагалъ читать ей вслухъ. Утромъ, когда она еще одѣвалась, онъ стучалъ въ дверь и спрашивалъ, хорошо-ли она спала.

— Увѣряю тебя, когда я стою утромъ у твоей двери, мнѣ кажется, что я едва знакомъ съ тобой.

Лола проговорила кокетливо черезъ плечо:

— Такъ ведите себя подобающимъ образомъ, прошу васъ... А что это за записку вамъ только что принесли? Я чувствую ея ароматъ. Вы, вѣдь, еще не успѣли прочесть ее?

Онъ покраснѣлъ, упрямо сломалъ печать. Лола узнала почеркъ Клавдіи. Она гордо прошла мимо него и вышла изъ комнаты. Къ ней вернулось спокойствіе, самообладаніе, она могла бороться съ противникомъ.

Однажды, въ концѣ зимы, опять ставили „Тоску“. Когда дверь ложи захлопнулась, Лола почувствовала себя, какъ въ раю. Дрожа, глотала она слезы. Счастье, — оно было въ этихъ звукахъ. Два

голоса, два любящихъ голоса поднимались надъ пыткой, надъ угнетеніемъ, какъ два вооруженные ангела. Все было забыто. Лола чувствовала, сама того не сознавая, что Парди вошелъ въ ложу... Она улыбнулась, не глядя на него, но улыбка была предназначена ему. То прежнее ее не пугало больше; вѣдь, это была любовь! Заблужденія? Но развѣ эти любящіе ангелы не знали ихъ?

Занавѣсъ опустился. Наступила тишина. Она забыла, гдѣ она, едва дышала... Возвратившись изъ театра, Лола ужаснулась.

— Что я сдѣлала, Господи, что я сдѣлала! Онъ понялъ меня. Одна съ нимъ въ пустомъ домѣ! Въ его власти. Онъ знаетъ, что теперь я слаба! Какъ жить дальше!

Его мягкій голосъ ласкалъ, какъ недавно затихшая музыка.

— Я такъ счастливъ снова очутиться наединѣ съ тобой. Ты прекраснѣе, чѣмъ прежде; я люблю тебя больше, чѣмъ прежде. Слышала ли ты, сколько любви было въ этой музыкѣ? Это было для насъ, моя радость, для насъ! Иди сюда, ко мнѣ.

Она вскочила, опрокинула стулъ.

— Оставь меня, я опять больна. Куда ты?

Онъ вошелъ съ ней въ ея комнату.

— Къ чему это все? Будь откровенна! Ты любишь меня. И я тебя.

Она вырвалась.

— Чего ты хочешь отъ меня? Я тебя не знаю. У насъ все кончено!

— Нѣтъ, далеко не кончено. Ты еще помнишь меня...

— У тебя есть другія женщины, не такъ-ли? Пусти меня, пожалуйста. Я хочу уйти отсюда. Это была ошибка, я могла бы тебѣ это объяснить. Я потеряла голову... Господи, я хочу уйти, уйти отсюда.

Онъ стоялъ, опираясь на край постели, и улыбался.

— Я вижу, ты влюблена, ты любишь меня, я это вижу. Что за бѣда, что я люблю другихъ женщинъ? Ты простишь меня. Впрочемъ, это ложь: я люблю только тебя!

Его глаза загорѣлись, улыбка исчезла. Онъ отодвинулся отъ кровати и бросился къ ней. Но вдругъ остановился—Лола стояла на подоконникѣ. Послышался звонъ разбитаго стекла, Лола закричала.

— Не тебя я люблю! Я люблю другого—если ты дотронешься до меня, я прыгну внизъ!

Еще разъ тихо повторила:

— Я люблю другого.

Онъ сжалъ кулаки.

— Неправда! Я возьму тебя!

Лола гордо откинула голову и медленно сказала:

— Я не твоя плѣнница. Я могу умереть. Ему, тому кого я люблю, я обязана своимъ спасеніемъ. Ты меня сдѣлалъ грубой и жалкой, знаешь ли ты это? Я была твоей грязной служанкой. Онъ меня спасъ и сдѣлалъ своей подругой. Знай, я чиста!

Онъ задыхался отъ злобы.

— Кто онъ? Я его убью!

— Ты его никогда не увидишь. И я никогда не увижу.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ. Затѣмъ презрительно сказалъ:

— Ты съ ума сошла, вотъ и все. Моя обязанность снять тебя съ окна.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней. Она висѣла уже по ту сторону окна.

— Назадъ, или я брошусь. Въ тотъ день, когда ты дотронешься до меня, я умру!

Онъ поднялъ плечи, показалъ пальцемъ на лобъ и тихо вышелъ.

Дверь закрылась за нимъ. Лола сразу почувствовала, что страшно ослабѣла. Съ ужасомъ взглянула она внизъ, въ темноту. Съ закрытыми глазами спустилась она съ окна. Едва дотащилась до двери и заперла ее на ключъ. Еще хватило силы броситься на постель.

— Спасена, еще разъ спасена! На сколько времени? А я-то думала, что совершенно излѣчилась? Вездѣ подкарауливаетъ соблазнъ—въ картинахъ, звукахъ. Почему я не бросилась изъ окна! Теперь я не могу больше разговаривать съ Арнольдомъ, смотрѣть ему въ глаза. Онъ знаетъ, что я лгу. Она—вскочила:— Нѣтъ! Этого не должно быть! Еще одна такая мысль и я брошусь внизъ.

Она подбѣжала къ окну. Сейчасъ же закружилась голова.

— Я не могу. Я—труслива.

Она снова упала на постель и лежала долго, долго.

— Могу ли я вѣрить себѣ? Когда я настоящая—теперь или тогда въ ложѣ? Можетъ-быть, я напрасно мучу себя—можетъ-быть, чувственныя радости выше всего, и тотъ отсутствующій только напрасно мучитъ меня. Я все-таки люблю Парди. Уступить, дать себѣ волю, — какъ легко было бы жить... Не стучитъ ли онъ?

Она стала прислушиваться... Нѣтъ, но она этого желала. Она закрыла лицо руками и видѣла передъ собой ярко-красныя губы Парди.

— Прости меня, Арнольдъ. Ты видишь, какъ я жалка! Спаси меня. Приди!

III.

Послѣ завтрака Лола вспомнила, что сегодня— пріемный день у Клавдіи. Какъ только она вошла въ ея гостинную, изъ-за чайнаго столика поднялась какая-то черная фигура и направилась къ ней навстрѣчу!

— А! Гвидаччи! здравствуйте!

Маленькій аббатъ остановился между Лолой и другими. Онъ радостно подпрыгивалъ, нервно поводилъ руками и, наконецъ, сказалъ:

— Знаете, кого я вамъ привезъ, графиня?—И отступилъ въ сторону. Въ тотъ же моментъ чайный столикъ пошатнулся, одна изъ чашекъ упала и забрызгала платье Клавдіи, а Лола, поблѣднѣвъ, глядѣла въ лицо, тоже блѣдное и взволнованное. Она едва переводила дыханіе, сердце сильно стучало и внутри что-то повторяло: „Арнольдъ, Арнольдъ“...

Въ одинъ короткій мигъ она почувствовала безконечное довѣріе къ своей судьбѣ и очнулась отъ своихъ мыслей, пока Клавдія вытирала облитое платье.

Клавдія обняла Лолу.

— Это пріятный сюрпризъ, Лолина, — шепнула она, слегка намекая, что понимаетъ.

Лола вдругъ заторопилась, вынула свой платочекъ и принялась помогать вытирать платье.

— Онъ опрокинулъ чашку? Да, я помню, онъ всегда имѣлъ обыкновеніе это устраивать.

Всѣ облегченно засмѣялись. Лола заговорила по-нѣмецки:

— Гдѣ вы жили съ тѣхъ поръ? Видѣли вы моихъ родственниковъ? Я имѣла письмо отъ Тини: она теперь – актриса... Моя кузина хотѣла стать сестрой милосердія, а пошла въ актрисы,— пояснила она другимъ. Затѣмъ снова по нѣмецки: — Какая странная судьба! Кто бы могъ предвидѣть все это?

Клавдія удивленно замѣтила:

— Я не понимаю ни слова.

— Вы тоже, Гвидаччи! Но вы, вѣдь, прямо изъ Германіи?

Да, Гвидаччи былъ въ Германіи. Ему нравилось пиво и, вообще, своеобразная жизнь у нѣмцевъ! Ахъ! путешествовать, тратить силу, энергію, лучше этого ничего нѣтъ!

— Онъ не знаетъ страха!—воскликнула Клавдія.

— Чего бояться? У меня въ карманѣ всегда надежный другъ,— и онъ ощупалъ свой револьверъ.

— Я знаю, — сказала Лола, — что вы смѣлы. Въ Прато,— разсказывала она Арнольду,—два года назадъ, во время выборовъ...

— Объ этомъ не стоитъ и разсказывать, — прервалъ Гвидаччи.—Каждый порядочный человѣкъ можетъ очутиться въ такомъ же положеніи. Вотъ, только вчера: я вижу на улицѣ извозчика, который гонится за ребенкомъ и бьетъ его. Я остановилъ лошадь на ходу и теперь извозчикъ будетъ наказанъ.

— Вы—настоящій герой, Гвидаччи,—воскликнула Клавдія.— Неужели вы не сообщите объ этомъ вашемъ поступкѣ въ газеты?

Нѣтъ, Гвидаччи давалъ только свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ замѣтилъ жестокую расправу извозчика, онъ былъ занятъ осмотромъ церкви Санъ-Лоренцо и мысленно украшалъ ея будущій фасадъ,—планъ фасада у него дома и можно его посмотрѣть.

— Кстати я вамъ покажу и старинныя матеріи, очень красивыя, которыя я собралъ,—сказалъ онъ.

Лола выразила удивленіе его дѣятельности. Онъ подтвердилъ: да, онъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ. Вотъ и теперь: такъ много есть пріѣзжихъ друзей, которымъ надо показать Флоренцію.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—Арнольдъ, напримѣръ, знаетъ Флоренцію лучше меня. Какъ я радъ, что онъ поѣхалъ со мной въ Италію. Когда я встрѣтилъ его въ Берлинѣ, онъ былъ такой печальный и говорилъ, что никогда, ни за что не поѣдетъ сюда, не знаю, почему. Затѣмъ оказалось, что онъ, какъ и я, вашъ старый другъ, графиня... Надѣюсь, мы какъ-нибудь всѣ вмѣстѣ поѣдемъ куда-нибудь слушать музыку? Съ большимъ удовольствіемъ я предложилъ бы театръ, но, къ сожалѣнію, санъ не позволяетъ. Тяжелѣе всего для меня быть лишеннымъ театра.

— А женщинъ?—спросила жадно Клавдія.

Лицо аббата приняло строгое замкнутое выраженіе, и онъ убѣжденно произнесъ:

— Надо только твердо отречься—и тогда все хорошо.

Лола взглянула на него:—Вы говорите такъ, точно это зависитъ отъ воли.

Гвидаччи беззвучно разсмѣялся и сказалъ, что не понимаетъ, какъ это люди не умѣютъ держать себя въуздѣ. Онъ не осуждаетъ ихъ, но они ему чужды.

Тѣло — это тиранъ; онъ не уступаетъ своихъ правъ и не идетъ ни на какія сдѣлки.—Увѣряю васъ, каждый мужчина хочетъ отъ васъ одного и того же.

Лола взглянула на Арнольда, какъ бы спрашивая его, что онъ думаетъ. Онъ хотѣлъ говорить, но аббатъ продолжалъ:

— Вотъ потому церковь и права, что не допускаетъ развода. Пусть души разъединятся; кто помѣшаетъ имъ въ этомъ? Но тѣлу нельзя дать воли, оно должно смириться.

Клавдія зѣвнула. Она стала извиняться:—Знаете, такъ жарко,

что совсѣмъ устаешь. Да не подкладывайте больше дровъ, Гвидаччи! Я хотѣла только немножко затопить каминъ для развлеченія гостей. Но сегодня, видимо, никого не будетъ.

Однако, въ тотъ же моментъ послышались голоса, и вошло четверо молодыхъ людей во главѣ съ Ботта. Клавдія ожила, начала щебетать, улыбаться и дѣлать нѣжные глазки.

— Ципріани, когда вы начнете мой портретъ?

— Меркуціо, прочтите намъ свою послѣднюю новеллу! У васъ ея нѣтъ съ собой? Вотъ бѣда: у васъ никогда нѣтъ съ собой того, что надо.

Гвидаччи заговорилъ о своемъ пріятелѣ, лейтенантѣ Кавà. Бѣдняга пишетъ такія жалобныя письма изъ Сициліи.

— Да онъ тамъ, вѣроятно, совсѣмъ одичаетъ,—сказалъ Ципріани.

Лола стала весело поддерживать эту шутку. „Они всѣ, собственно, очень славные“ подумала она. — „Не надо только брать ихъ въ серьезъ“. Ей было пріятно сидѣть въ этомъ легкомысленномъ кружкѣ свѣтскихъ людей. „Какъ странно,—думалось ей,— мы сидимъ въ шумномъ обществѣ, не смотримъ другъ на друга и всетаки кажется, что мы вмѣстѣ“.

Она быстро взглянула на Арнольда. Тотъ смущенно глядѣлъ себѣ подъ ноги; видно было, что онъ придумываетъ, какъ бы уйти. Лола испуганно отвела отъ него взглядъ.

Гвидаччи сталъ прощаться; Арнольдъ поспѣшно присоединился къ нему. Когда онъ подошелъ къ Лолѣ, она хотѣла и не могла рѣшиться сказать, что проситъ его къ себѣ, въ домъ того, другого... И она нерѣшительно пошла съ Гвидаччи къ дверямъ.

— Я хочу зайти къ вамъ посмотрѣть планъ фасада и ваши старинныя матеріи. Когда вамъ будетъ удобно?

— Во всякій часъ, графиня; днемъ и ночью. Вы, вѣдь, знаете, что я не сплю.

— Какъ, вы совсѣмъ не спите? — удивилась Лола и только для того, чтобы удержать Арнольда еще немного, чтобы не отпустить его безъ слова надежды, она заставила Гвидаччи разсказать ей всѣ подробности его нервной безсонницы.

И вдругъ, рѣшившись, сказала:—Вотъ что я надумала. Завтра въ половинѣ пятаго я буду у васъ.

Придя домой и оставшись одна, Лола была поражена тѣмъ, какъ сильно она любитъ. Этого она не знала. Раньше любовь ея была точно молитва къ какому-то божеству, въ существованіе котораго нетвердо вѣришь. Теперь жизненность ея чувства изумляла ее. Арнольдъ здѣсь! Ея отчаянные призывы услышаны!

У Гвидаччи Лолу встрѣтила маленькая Пьерина и сказала,

что братъ долженъ сейчасъ вернуться. Но она не рѣшилась ввести Лолу въ кабинетъ.

— Тамъ сидитъ одинъ господинъ,—объяснила она, наконецъ.

— Это ничего,—сказала Лола.

Войдя, она пожала руку Арнольда и они сѣли другъ противъ друга, не говоря ни слова. Лола чувствовала, по насмѣшливо-внимательному взгляду Пьерины, что та уже поняла. Она обратилась къ дѣвочкѣ, спросила объ ея новыхъ рисункахъ, но та вопросительно наклонила къ ней ухо. Наконецъ, радостно улыбнулась: рисунки? ахъ да! есть новые.—И она пошла за ними.

Лола и Арнольдъ сидѣли по обѣ стороны письменнаго стола, на которомъ стояло множество женскихъ карточекъ. На стѣнѣ тоже онѣ вились цѣлою гирляндой, а на самомъ верху висѣлъ портретъ улыбающагося папы. Свѣтло-зеленые длинные листья растеній весело вытягивались и заполняли собою узкую комнату; между ними, на полу безпорядочно валялись пустыя соломенныя бутылки.

— Какая очаровательная комната! — думала Лола. — Мы сидимъ въ ней одни съ нимъ, одни. Солнце свѣтитъ намъ.

Она не видѣла ничего: глаза ея были полны слезъ; она отошла къ окну,

— Отчего вы все молчите?—спросила она, не поворачиваясь къ нему.

— Графиня...

— Оставьте этотъ глупый титулъ!

Она взглянула на него. Онъ тоже всталъ съ мѣста, но стоялъ сгорбившись и избѣгалъ ея взгляда.

— Я радъ, что нахожу васъ такой счастливой и въ кругу друзей,—выговорилъ онъ наконецъ.

У Лолы что-то сдавило въ горлѣ. Ну, конечно, онъ еще не вѣритъ ей. Онъ еще больше полонъ сомнѣній, чѣмъ раньше. „Но теперь я должна покорить, должна убѣдить его. Это мое дѣло“,— рѣшила она.

Пришла Пьерина со своими рисунками, затѣмъ Гвидаччи. Онъ сталъ извиняться, перечислилъ всѣ свои занятія и все время упоминалъ о какой-то австрійской баронессѣ, которая поможетъ ему, какъ слѣдуетъ, изучить Флоренцію. „Лучше, чѣмъ по книгамъ“,— прибавилъ онъ. Затѣмъ онъ вытащилъ планъ церковнаго фасада, сталъ объяснять и тутъ же выложилъ и свои старинныя матеріи. Въ то же время онъ сообщилъ, что безсонница уже прошла. Онъ принимаетъ бромъ и все обстоитъ благополучно.

Онъ повелъ гостей въ гостиную, гдѣ Пьерина уже накрыла столъ.

Собираясь уходить, Лола подала Арнольду руку послѣднему.

— Какъ это случилось, что вы мнѣ, своей старинной прiятельницѣ, до сихъ поръ не сдѣлали визита?.. Я покажу вамъ свой домъ... Мужъ будетъ очень радъ видѣть васъ. А кстати,—который часъ? Онъ сейчасъ какъ разъ дома. Поѣдемте къ намъ!

Они сѣли въ карету. У Лолы сильно стучало сердце—за минуту до того она еще не знала, что отважится настолько.

— Что вы дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались?—спросила она, боясь молчанiя, какъ только дверца кареты захлопнулась.

Онъ проговорилъ, какъ бы съ трудомъ:

— Я путешествовалъ.

И внезапно сталъ разсказывать что-то, точно раскрылъ книгу на случайной страницѣ.

Они прiѣхали.

— Что, мужа нѣтъ дома? Это меня удивляетъ. За часъ до обѣда онъ всегда уже у себя.

Лола вся покраснѣла отъ своей лжи: съ того дня, какъ между ними произошло крупное объясненiе, Парди не обѣдалъ дома.

Арнольдъ шелъ за нею по комнатамъ съ натянутымъ видомъ чужого человѣка, и это возмущало ее: „Онъ бы долженъ былъ чувствовать, какъ мнѣ тяжело. Думаетъ-ли онъ объ этомъ? Зачѣмъ онъ прiѣхалъ?“ Между тѣмъ, Арнольдъ началъ говорить о чудной статуѣ передъ ихъ домомъ. Лола должна была слушать, должна была спокойно говорить объ ангелѣ и мадоннѣ, какъ будто не она еще недавно такъ горько плакала подъ угрозой той вѣсти, которую они приносили. Она рѣзко сказала:

— Хотите пройти туда посмотрѣть на нихъ поближе?

Въ быстро надвигающихся сумеркахъ она пошла впереди него въ нижнiй залъ, отворила окно и безъ словъ остановилась передъ нимъ. Они глядѣли другъ на друга, но лица ихъ были замкнуты. „Это была ошибка,—думала Лола:—мы слишкомъ виноваты оба. Поздно. Такова жизнь“...

— Изъ портретовъ тоже есть кое-что интересное. Я велю зажечь свѣтъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Это освѣщенiе очень хорошо. Я посмотрю еще вонъ ту голову и уйду.

Снова, какъ въ тотъ первый вечеръ, который Лола провела въ картинномъ залѣ, падалъ на стѣну бѣловатый свѣтъ и снова печально глядѣли внизъ карiе глаза того юноши, который точно оплакивалъ себя. Она съ трудомъ перевела дыханiе и прошептала почти беззвучно:

— Я несчастлива. Вы были правы, когда не совѣтовали мнѣ...

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, затѣмъ остановился. — Я боялся этого,—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Слезы горячо хлынули изъ глазъ Лолы. Она вся склонилась внизъ, точно сломленная.

Арнольдъ усадилъ ее въ кресло, а самъ, опустившись на полъ, у ея колѣнъ, шепталъ мольбы о прощеніи.

— Я виноватъ, что мы потеряли другъ друга. Я долженъ былъ быть сильнѣе. Какъ вы страдали! Я былъ гордъ. Теперь я не знаю, не чувствую ничего, кромѣ вашихъ слезъ. Все, что я перестрадалъ, для меня уже ничто. Теперь все въ томъ, — какъ осушить ваши слезы. Довѣряете-ли вы мнѣ еще? Не презираете меня?

— Презирать? Васъ? Такъ вы не вѣрите моему раскаянію? Какъ мнѣ доказать вамъ его? Хотите, я буду цѣловать вамъ руки.

Онъ вырвалъ ихъ у нея и закрылъ ими лицо. Онъ нагнулъ голову, и ихъ лбы коснулись другъ друга: оба плакали.

— Подумать только, что ты опять мой!—сказала Лола, страстно обвивая его шею руками.—Я хочу только знать, думалъ-ли ты обо мнѣ. Скажи мнѣ, что ты ни на минуту не забывалъ меня. Ты былъ со мной, правда? Я чувствовала это.

— Да. Я вовсе не путешествовалъ. Это была ложь. Я ненавидѣлъ весь міръ, который манилъ васъ и который вы предпочли мнѣ. Вы были моимъ послѣднимъ и самымъ глубокимъ разочарованіемъ. Единственное существо, понимавшее мой языкъ, отказалось отвѣчать мнѣ на немъ! Я былъ одинокъ, какъ никогда раньше. Но я не хотѣлъ отвлечься, не хотѣлъ уѣзжать. Я жадно пилъ восторги одинокаго страданія. Вы видите, я былъ гордъ имъ. Мнѣ хотѣлось отомстить вамъ. И мои художественныя работы съ тѣхъ поръ были чаще всего местью... Но я не могъ мстить, потому что любилъ васъ. Потому что люблю тебя.

Она больше угадала, чѣмъ услышала эти слова: голосъ его прерывался.

— Съ вами я не могъ совладать первый разъ въ жизни. Вы слишкомъ наполняли меня всего. Взглядъ мой затемняла ваша тѣнь. Вы были во мнѣ, дотрагивались до моего сердца, и рука, которая должна была работать надъ созданіемъ искусства, падала. Я могъ только бороться съ вами, просить о пощадѣ, и побѣжденный, сломленный, подчиниться и любить васъ. Только любить!

— А я! Точно такъ же, совсѣмъ такъ же я нашла тебя и говорила съ тобой. Я раньше боялась тебя, когда-то даже ненавидѣла. И все-таки, еслибъ не ты, еслибъ не твое дыханіе, вѣяніе котораго окружало меня, я бы погибла. Милый! знаешь-ли ты, что я много мѣсяцевъ подрядъ жила съ тобою вдвоемъ? Ты долженъ это знать.

— Можетъ быть, это было то время, когда я тебѣ такъ много писалъ. Писалъ-ли я или только грезилъ?

— И со мной было то же! Значитъ, ты никогда не покидалъ меня! Что бы со мной было теперь безъ тебя? Я не стою тебя.

И она склонилась лицомъ внизъ. Онъ быстро приподнялъ ея голову.

Подъ его дрожащій шопотъ Лола зарылась глубже въ кресло и закрыла глаза. Голова Арнольда опустилась на ея колѣни. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ они вздрогнули и отшатнулись другъ отъ друга.

— Какъ странно!—сказалъ онъ.

— Развѣ то, что было тогда, не болѣе странно? — спросила Лола.—Какъ странно все, что было! Подумайте только! всѣ эти старыя картины—это были люди, жили и не имѣли о насъ никакого понятія. А какъ мало мы, т. е. тѣ, которые тогда были мы, знали о себѣ, о томъ, чѣмъ мы будемъ потомъ. Не вѣрится даже, какъ слѣпы, какъ чужды самимъ себѣ мы были? О, это незнающее, страшное, наивное прошлое!.. Скажите мнѣ еще разъ, что я никогда больше не потеряю васъ.

Онъ подошелъ и взялъ ея руку. Долго стояли они молча.

— Теперь вы должны идти,—сказала Лола.

Когда онъ ушелъ, она закрыла глаза. Рука ея все еще чувствовала прикосновеніе его руки; она улыбнулась и подумала, что хорошо бы никогда не размыкать глазъ.

— Догадывались-ли вы, что происходитъ у меня въ душѣ,— спросила Лола на другой день.—Знали вы, что я васъ жду? О, я не смѣла надѣяться и все-таки ждала.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Я не думалъ, что имѣю какую-либо власть надъ вами и покорился этому сознанію. Я вообще не вѣрю, чтобы меня можно было долго выносить! Я самъ уже давно выношу себя только потому, что иначе нельзя. И я съ трудомъ понимаю, какъ это другимъ не надоѣдаетъ показывать себя людямъ все въ томъ же видѣ, снова повторять тѣ же душевные жесты, которые всѣмъ извѣстны напередъ. Что вы могли открыть во мнѣ еще новаго?

— Что вы принадлежите мнѣ,—сказала Лола.

Онъ ожилъ.

— Да. Теперь я не принадлежу уже себѣ, я освободился отъ этого неизмѣннаго тирана, котораго ненавидѣлъ. А теперь какое освобожденіе: я сталъ господиномъ своего владыки. Свободно я избралъ себѣ другого: я люблю.

Лола смущенно глядѣла внизъ.

— Я не заслуживаю этого,—сказала она.

Онъ изумленно улыбнулся:—Но вы видѣли меня такимъ слабымъ? А другихъ—настолько сильнѣе?

Быстро взглянувъ на него, Лола замѣтила, что онъ покраснѣлъ.

— Я думалъ, что вы нашли у другихъ ту родину, которую вы такъ искали. Еслибъ не настойчивость Гвидаччи, я бы врядъ-ли увидѣлся съ вами снова.

Она испугалась: — Вы могли думать, что я здѣсь чувствую себя, какъ на родинѣ? Вы, вѣдь, знали, что...

Имени мужа она тоже не могла произнести.

— ...что эти другіе внутренно ничего не могли дать мнѣ.

И прибавила, опустивъ голову:

— Ничего, кромѣ позора. Эти люди знаютъ только тѣло, только осязаемое; они дѣлаютъ изъ женщины рабыню, вещь!.. И къ тому же еще право, какъ будто, на ихъ сторонѣ,—продолжала Лола съ горечью.—Мой мужъ обманываетъ меня, но развѣ я могу отвѣчать ему тѣмъ же? То, что не связываетъ его, связываетъ меня. Чувственности я отдала дань разъ навсегда, теперь я презираю ее. Мнѣ иногда кажется даже, что я презираю самое счастье, что и отъ васъ я желаю одного только страданія.

Арнольдъ сказалъ:

— Вы больны; еслибъ я могъ излѣчить васъ!

Они замолчали. Вдругъ въ воздухѣ весело зазвенѣлъ колокольчикъ, тотчасъ къ нему присоединился другой и съ пѣвучимъ задоромъ они запѣли въ перемежку. Лола вдругъ произнесла тихо и внятно:

— Вѣдь, мы оба знаемъ—неправда-ли?—что никогда не будемъ принадлежать другъ другу.

Лола вздрогнула. Въ дверяхъ стоялъ Парди и смотрѣлъ на нихъ. Онъ улыбался, но взглядъ его былъ тяжелъ и мраченъ, и онъ сказалъ притворно-легко и вмѣстѣ насмѣшливо:

— А, старый знакомый! Вы нашли дорогу къ намъ? Скажите, а какъ поживаетъ мой другъ Гугигль? Я все еще жалѣю, что наша дуэль не состоялась тогда.

Онъ засмѣялся.

— Кромѣ него я чаще всего вспоминаю еще одну красивую дѣвушку тамъ, въ селѣ. Какъ легко онѣ даются, эти нѣмецкія женщины! Поразительно!

Онъ похлопалъ Арнольда по колѣну.

— Знаете-ли, мой милый, если вы съ которой-нибудь изъ нихъ понапрасну потратили время, то это не рекомендуетъ вашу ловкость.

Арнольдъ поднялся и сталъ прощаться съ Лолой—она сидѣла, какъ застывшая.

При слѣдующемъ посѣщеніи Арнольда Парди появился сразу и тотчасъ вступилъ въ разговоръ.

— Вы говорили здѣсь о Наполеонѣ! Ахъ, Наполеонъ! Какой гигантъ!.. И какіе теперь пошли мелкіе людишки!

Арнольдъ отвѣтилъ:

— Я не преклоняюсь передъ императоромъ. Мнѣ больше нравится Бонапартъ, когда онъ совершалъ свое освободительное шествіе по пробуждавшимся навстрѣчу ему странамъ. Тогда вѣнцомъ его былъ идеалъ. Позже онъ сталъ разжирѣвшимъ актеромъ своего собственнаго величія, и у него не осталось ничего, кромѣ своего собственнаго я. Этого мало, хотя бы это я и было очень велико. Надо стать выше героя и понять, что значителенъ онъ можетъ быть только благодаря любви.

Парди окинулъ Арнольда недовѣрчивымъ взглядомъ, затѣмъ разлегся въ креслѣ, заложивъ руки въ карманы и сталъ насвистывать. Лола чувствовала оскорбительное для Арнольда въ его манерахъ и тонѣ; ее мучилъ стыдъ, потому что оба они были при ней вмѣстѣ. Она боялась взглянуть на Арнольда, но ей было ясно, что все, что онъ говорилъ, дышало любовью къ ней. Въ своихъ словахъ онъ не подразумѣвалъ ни ее, ни себя, но каждое слово было окрашено его чувствомъ. Парди ощущалъ это; онъ чуялъ какую-то опасность, не находилъ ничего реальнаго, на что онъ могъ бы обрушиться, и потому мстилъ мальчишеской невѣжливостью, и когда Арнольдъ уходилъ, онъ сдѣлалъ удивленное лицо, точно считалъ его давно ушедшимъ.

Лола предполагала, что онъ имѣетъ въ домѣ шпіоновъ—иначе онъ не могъ бы такъ аккуратно являться къ самому моменту прихода Арнольда и разстраивать ихъ свиданіе. Въ своей фальшивой роли Парди сталъ такимъ пошлымъ, такимъ непохожимъ на того прежняго, блестящаго Парди, и она жалѣла его, какъ жалѣютъ безпомощное животное. Но помочь ему она не могла ничѣмъ, не могла объяснить ему, что за ея тѣло ему нечего бояться. Она не давала ему ничего, кромѣ холоднаго взгляда; онъ долженъ былъ терпѣть это, потому что она была ему вѣрна. И она спокойно выносила вмѣшательство Парди въ ихъ разговоры.

Однажды Парди явился домой до прихода Арнольда и потребовалъ, чтобы Лола одѣвалась, чтобы идти съ нимъ въ концертъ.

— Я не пойду, я жду Арнольда,—отвѣтила она.

— Хорошая причина! Его посѣщенія, знаешь-ли, становятся подозрительными. А ты дѣлаешь такой видъ, точно это тебѣ и въ голову не приходитъ.

Лола вспылила.

— Не пачкай своими скверными мыслями наши отношенія! Онъ слишкомъ хорошъ для того, чтобы я его...

Ей хотѣлось сказать: „сдѣлала твоимъ замѣстителемъ“, но она только холодно прибавила: — Этого ты понять не можешь. Но будь спокоенъ — тебѣ не отъ чего терять спокойствія.

— Я покажу вамъ, какъ я спокоенъ!

Онъ тяжело переводилъ духъ, и сжавшійся кулакъ его дрожалъ. Ротъ вдругъ искривился, глаза приняли безумное выраженіе; все, долго сдерживаемое, неожиданно прорвалось наружу.

Онъ вышелъ. Лола была блѣдна и вся дрожала. Лицо Парди было ужасно. Какъ уйти отъ него? Что можетъ успокоить его? Что дѣлать? Умереть? Теперь, когда есть Арнольдъ, умереть? Такъ долго искать его, найти наконецъ и тотчасъ снова потерять? „Нѣтъ, нѣтъ! я не могу. Бѣжать къ нему, бѣжать“!

„Но я забываю, я связана, я не имѣю на это права. Онъ, который хочетъ насъ убить, онъ имѣетъ право; я—нѣтъ. Я должна жить такъ, какъ требуетъ вся эта нечистая узкая жизнь кругомъ“.

Она невыразимо страдала, но все повторяла непреклонно:

— Я не должна больше видѣть его.

Въ тотъ же день Лола написала объ этомъ Арнольду и цѣлый день проплакала, лежа въ своей полутемной комнатѣ.

— И я считала счастіемъ тотъ моментъ, когда онъ появился! О, еслибъ онъ не приходилъ! Я бы опускалась все ниже и ниже, забылась бы и не страдала, какъ теперь!

Вошла Клавдія. Она оглянулась на двери и, наконецъ, тихо и значительно проговорила: — У меня есть письмо.

Лола поднялась на постели.

— Ты шутишь? Не надо!

— Лолина! Милочка! посмотри-ка!

И она протянула письмо. Лола схватила его; читая, она стиснула зубы, чтобы они не стучали, — ее била дрожь.

Онъ вѣрилъ ей! Онъ понималъ, что она можетъ подчиняться тому, нелюбимому и всетаки любить его, Арнольда! И онъ былъ готовъ любить ее издалека, безъ надежды на взглядъ, на пожатіе руки, съ одной мыслью о ней! Какое счастье...

Лола стала ходить къ Клавдіи, брать его письма.

— Онъ все пишетъ и пишетъ, — говорила Клавдія. — Что вамъ остается еще писать, разъ вы видитесь?

— Я, вѣдь, говорила тебѣ, что мы не видимся.

— Но на его письмахъ городской штемпель.

— И все-таки мы не видимся никогда, никогда. Еслибы ты понимала его языкъ, то прочла бы сама въ письмахъ.

Клавдія имѣла видъ растеряннаго ребенка, даже губы надула. Вдругъ она обняла Лолу:—Теперь я вѣрю, Лола!

Она считала, что подруга скрытничаетъ съ ней; все равно— она примиряется съ этимъ и всетаки помогаетъ ей! Правда, вѣдь, она не заслуживаетъ довѣрія, она, отнявшая у подруги мужа! Лола поняла мысли Клавдіи: она молча обняла ее, какъ невиннаго звѣрька, который любитъ тебя, но которому нельзя открыться.

— Это хорошо,—сказала Клавдія,—что ты не держишь письма у себя дома.

— Я не могу! мой письменный столъ каждый день перерытъ весь. Парди на почтѣ справляется о письмахъ, которыя лежатъ для меня „до востребованія". Я замѣтила даже однажды, что горничная подпорола подкладку моего платья и искала тамъ...

— Такіе они всѣ,—подтвердила Клавдія,—таковъ и мой. И оттого, Лола, твои письма и у меня не въ полной безопасности. Лолина, ты должна сжечь свои письма.

Лола печально опустила голову; но когда она принесла и эту жертву, то ей стало радостно, несмотря на всю остроту страданія. Послѣдняя осязаемая, видимая чужимъ связь была порвана. Этимъ ежедневно сжигаемымъ листкомъ бумаги, котораго касалась его рука, она ежедневно праздновала побѣду надъ плотью. То, что оставалось, была—тайна. Снова вставалъ передъ нею беззвучный міръ призраковъ и заслонялъ собою все видимое. Въ свѣтѣ все шло такъ же. На прогулкѣ по парку Лола проѣзжала, облокотясь на серебристыя подушки коляски, глядя прямо впередъ безучастнымъ страдающимъ взглядомъ. Ея взоръ никогда не скользилъ по пестрой толпѣ пѣшеходовъ. Она знала, что единственнаго, кого она хотѣла видѣть, нѣтъ среди нихъ. Она представляла его себѣ одиноко живущимъ въ запущенномъ домикѣ подъ старыми деревьями тамъ за рѣкой; ей казалось, что живетъ онъ въ такомъ мірѣ, куда нѣтъ пути, и куда она никогда не проникнетъ, и она видѣла его на порогѣ, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ; онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову, и косые лучи солнца освѣщали его...

Вдругъ музыка пробудила Лолу отъ ея грезъ. Всѣ экипажи останавливались на круглой площадкѣ. Къ ней подошли знакомые молодые люди.

— Графиня, васъ нигдѣ не видно. Что это, опять нервы? Странно, что вы не переносите нашего климата.

Раньше, когда всѣ думали, что Лола неравнодушна къ Вальдомини, они щадили Парди. Теперь же, когда каждый надѣялся на успѣхъ, они старались дать ей понять, что скоро любовникъ будетъ необходимъ хотя бы изъ-за счетовъ портнихи и цвѣточ-

ницы. Ей разсказали, что замокъ Санъ-Грегоріо, когда она прошлымъ лѣтомъ жила въ немъ, уже не принадлежалъ Парди: онъ нанялъ его для нея. Лола не могла не повѣрить этому, когда припомнила всѣ тѣ приготовленія, которыя онъ предпринялъ тогда къ переѣзду.

Какъ ни везло Парди въ игрѣ, у него никогда ничего не было: все забирала Саррида—танцовщица изъ "Альгамбры".

Съ высоты своего безтѣлеснаго и безнадежнаго страданія Лола жалѣла его; она входила въ переговоры съ кредиторами, платила изъ своихъ денегъ самымъ настойчивымъ изъ нихъ и старалась разобраться въ хаосѣ счетовъ и записокъ на письменномъ столѣ мужа.

Какъ то разъ братъ Паоло прислалъ ей денегъ; она вошла въ кабинетъ Парди, сняла кучку бумагъ со стола и подложила подъ нее нѣсколько кредитокъ: онъ подумаетъ, что забылъ эти деньги здѣсь,—но вотъ въ руки ей попало письмо, написанное почеркомъ, который она сразу узнала, хотя видѣла его всего 3—4 раза въ жизни—почеркомъ ма. Въ концѣ письма былъ поставленъ адресъ одного отеля въ Генуѣ. Лола съ отъѣзда ма въ Америку не получала отъ нея ни строчки; что же она могла писать Парди? На четвертой страницѣ ей бросилось въ глаза выраженіе благодарности за испытанное счастье. Какое счастье? Потомъ упоминалось имя Лолы. „Будь добръ съ нею, тогда я не буду раскаиваться въ томъ, что сдѣлала для тебя".

— Она съ нимъ на ты?

Лола перевернула страницу; письмо начиналось: „Мой возлюбленный!".

Сердце Лолы замерло. Она испугалась самой себя, испугалась той, которая мысленно произнесла эти два слова. Она бросила письмо и сказала громко:

— Онъ былъ ея любовникомъ.

Она упала на стулъ и заткнула себѣ уши:—Я не хочу вѣрить этому! Это неправда.

— Она продала меня,—думала Лола, въ отчаяніи ломая руки:— Хуже того: она отдала меня въ придачу въ томъ торгѣ, при которомъ она получила его. Онъ хотѣлъ насъ обѣихъ! Я знала это и была такъ слѣпа. Теперь я вижу! Она такъ хотѣла, чтобы я догадалась! Она такъ уговаривала меня передъ свадьбой. Она хотѣла, чтобы я оставила его ей: ея любовника... И я могла оставить его: одно только слово съ ея стороны и всего этого ужаса не было бы, всего, что я перестрадала. Было бы возможно счастье!

Она закрыла лицо руками и зарыдала отъ обиды и бѣшенства. Затѣмъ порывисто вскочила:—Нѣтъ, дальше не могу такъ!

Слишкомъ долго я покорялась. И я наконецъ хочу быть счастливой, несмотря ни на что. Меня ждетъ Арнольдъ, котораго я люблю. Я знаю дорогу къ нему, знаю его сердце и свое, а все, что стояло между нами, разрушено. Я снова принадлежу самой себѣ и Арнольду. Я хочу къ нему!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

Земная кора [1]).

Наша планета состоитъ изъ воздушной оболочки (*атмосферы*), изъ воды или водной оболочки (*гидросферы*), изъ твердой оболочки, образующей земную кору (*литосферы*) и огненно-жидкаго ядра (*барисферы*). Взаимнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ составныхъ частей обусловливаются многоразличные процессы, совокупность которыхъ можно назвать неорганической жизнью нашей планеты. Среди этихъ процессовъ видное мѣсто занимаютъ движенія земной коры. Изученіе напластованій показываетъ, что одни участки земной коры (литосферы) опускаются, другіе поднимаются, третьи собираются въ складки, давая начало складчатымъ горамъ. Результатомъ этихъ движеній является то, что очертанія материковъ измѣняются изъ эпохи въ эпоху. Тамъ, гдѣ было море, оказывается суша, а на мѣстѣ бывшей суши бушуютъ морскія волны. Съ измѣненіемъ расположенія материковъ и морей измѣняется климатъ, измѣняются условія жизни организмовъ, измѣняются горныя породы въ своемъ составѣ и строеніи. Восходящимъ движеніемъ литосферы выносятся на земную поверхность глубинныя породы; здѣсь онѣ оказываются химически неустойчивыми образованіями, вывѣтриваются и разрушаются. Наоборотъ, нисходящее движеніе литосферы увлекаетъ рыхлые осадки въ глубь, гдѣ температура и давленніе иныя, чѣмъ на земной поверхности. Эти рыхлыя породы спрессовываются, цементируются, а на еще болѣе значительныхъ глубинахъ подвергаются перекристаллизаціи. Такимъ образомъ, для географіи, біологіи, геологіи — законы, которыми регулируются движенія земной коры, представляютъ существенный интересъ.

А между тѣмъ, до сихъ поръ нѣтъ выработанной общепризнанной теоріи движенія и равновѣсія земной коры. Отчего происходятъ горы, какъ возникаютъ впадины, какъ сформировались континенты, какъ и отчего совершаются колебанія суши и моря — все это вопросы еще спорные.

Наряду съ наиболѣе популярной гипотезой горообразованія отъ *сокращенія* ядра земли вслѣдствіе охлажденія, существуетъ *термическая*

[1]) Содержаніе этой статьи служило предметомъ доклада въ Императорскомъ Минералогическомъ Обществѣ въ Горномъ Институтѣ.

гипотеза горообразованія, гипотеза *скольженія*, развиваемая Рейеромъ; гипотеза Дуттона. Также относительно происхожденія материковъ существуютъ разнообразныя воззрѣнія. Одни геологи не высказываются опредѣленно на этотъ счетъ; другіе считаютъ континенты первозданными элементами рельефа; третьи приписываютъ ихъ происхожденіе центробѣжной силѣ, которая отбрасываетъ тонкую материковую кору, вслѣдствіе напора огненно-жидкой массы (магмы), отъ оси вращенія; четвертые связываютъ существованіе материковъ съ тетраэдрической формой тѣлъ (гипотеза Грина) и т. д.

Того, кто стремится выработать себѣ цѣльное воззрѣніе на явленія, совершающіяся въ неорганической природѣ, подобные сбивчивые, противорѣчивые взгляды не могутъ удовлетворить. Мысль ищетъ исхода. Но, къ сожалѣнію, въ своихъ розыскахъ мы часто дѣлаемъ сужденія о движеніяхъ коры земного шара по аналогіи съ малыми шарами и, вслѣдствіе этого, впадаемъ въ грубыя ошибки. При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что не все то, что вѣрно относительно малаго шара, справедливо относительно большого шара, какъ наша планета. И вотъ почему. Какъ вся земля, такъ и ея кора, представляютъ огромное скопленіе вещества, вслѣдствіе чего въ нихъ достигаютъ мощнаго развитія *молярныя силы* [1]), *которыя внутри малыхъ тѣлъ совершенно незамѣтны*. Это вмѣшательство молярныхъ силъ въ кругъ тѣмъ явленій, въ которыхъ участвуютъ огромныя массы вещества, придаетъ имъ своеобразный характеръ, вслѣдствіе чего эти явленія можно назвать *планетарными процессами*. Чтобы лучше пояснить мою мысль, я прибѣгну къ слѣдующему примѣру. Вообразимъ себѣ два шара, приготовленные изъ одного и того же желѣза. Оба они сначала имѣли температуру въ 100°, а затѣмъ охлаждены на 50°. Вся разница между этими шарами пусть будетъ только въ ихъ размѣрахъ: одинъ шаръ величиной съ арбузъ, другой—съ нашу планету. Что случится при охлажденіи этихъ шаровъ? Какъ извѣстно, малый шаръ, остывая, нѣсколько уменьшится въ объемѣ. Этимъ дѣло и кончится. Отнятіе *такого же количества тепла на каждый граммъ вещества у большого шара* вызоветъ охлажденіе не на 50°, а только на 21°, вслѣдствіе развитія тепла въ большомъ шарѣ при сокращеніи его въ объемѣ. Именно, взаимная *потенціальная* энергія матеріальныхъ частичекъ въ большомъ шарѣ, вслѣдствіе ихъ сближенія отъ сокращенія объема при охлажденіи, уменьшится, перейдя въ *кинетическую* энергію, а эта послѣдняя,—въ *тепловую*, результатомъ чего и явится сильное нагрѣваніе большого шара. Въ маломъ шарѣ аналогичный процессъ также имѣетъ мѣсто, но вслѣдствіе крайне слабаго въ немъ напряженія молярныхъ силъ, образовавшееся количество тепла совершенно ничтожно и для

---

[1]) *Молярный* происходитъ отъ латинскаго слова moles—масса, грузъ, эти силы есть результатъ взаимнаго притяженія матеріальныхъ частичекъ другъ другомъ согласно закону Ньютона.

насъ незамѣтно. Отсюда мы видимъ, какъ рискованно дѣлать сужденія о планетарныхъ процессахъ по аналогіи съ явленіями, свойственными малымъ тѣламъ, или небольшимъ скопленіямъ массы. При изученіи планетарныхъ явленій приходится довольствоваться главнымъ образомъ наблюденіями и вычисленіями, такъ какъ экспериментъ въ отношеніи къ нимъ очень мало намъ доступенъ.

Занимаясь изслѣдованіемъ общихъ условій равновѣсія массъ на земной поверхности, массъ, слагающихъ горы и континенты, я пришелъ къ опредѣленнымъ выводамъ, которые можно назвать *теоріей равновѣсія земной коры*. Я не буду теперь останавливаться ни на различныхъ гипотезахъ относительно внутренняго состоянія земли, ни на гипотезахъ относительно вида въ разрѣзѣ земной коры (повсюду ли она одинаковой толщины, а если нѣтъ, то гдѣ толще и гдѣ она тоньше). Я укажу только на тѣ пункты, въ которыхъ излагаемая мною теорія согласна съ воззрѣніями различныхъ ученыхъ. Такъ, англійскій астрономъ *Эри* считаетъ, что горы сильнѣе погружены въ огненно жидкую массу (магму), чѣмъ окружающія ихъ части литосферы; скопленіямъ массъ на земной поверхности соотвѣтствуютъ въ магмѣ особые выступы—„корни горъ", а сама магма плотнѣе литосферы. Геофизикъ *О. Фишеръ* держится подобныхъ же воззрѣній. *Пиларъ* и *Геймъ* допускаютъ, что литосфера подъ материками толще, подъ океанами тоньше. Американскій геологъ *Дуттонъ* является представителемъ теоріи равновѣсія земной коры, высказанной *Праттомъ*. Накопленіе новообразующихся отложеній, по мнѣнію сторонниковъ этой теоріи, должно вести къ опусканію литосферы, а смываніе и удаленіе массъ—къ поднятію литосферы. Всѣ эти концепціи относительно земной коры существуютъ на ряду съ другими, имъ совершенно противоположными, и нѣтъ общепризнанной теоріи.

Если мы оставимъ въ сторонѣ вліяніе небесныхъ тѣлъ другъ на друга, то форма каждаго небеснаго тѣла опредѣляется соотношеніемъ молярныхъ, молекулярныхъ силъ и центробѣжной силы. Въ опредѣленіи формы нашей планеты первенствующую роль играютъ *молярныя силы*: онѣ сообщили ей *шаровидную* форму; *центробѣжная сила* приплюснула шаръ, измѣнила его въ *сфероидъ*: она удалила нѣкоторую часть вещества отъ оси вращенія, именно на экваторѣ, гдѣ напряженіе центробѣжной силы достигаетъ максимума, верхніе слои земли отстоятъ на 21,6 килом. дальше отъ центра земли, чѣмъ на полюсахъ. *Молекулярныя* же *силы* обусловливаютъ неровности на земной поверхности (высочайшая гора —Гауризанкаръ вздымается на 8,8 килом. надъ уровнемъ моря) и вызвали небольшія уклоненія (не превышающія 200 метровъ) общей формы нашей планеты отъ сфероида. Такимъ образомъ изслѣдованіе равновѣсія массъ на землѣ должно основываться на соотношеніи этихъ трехъ категорій силъ.

Для оцѣнки взаимодѣйствія этихъ силъ нужно исходить изъ опредѣленнаго взгляда на то, въ какомъ состояніи находится внутренность земли— въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ. Какъ извѣстно, относительно

внутренняго состоянія земли высказывались всевозможныя гипотезы. Изъ нихъ наиболѣе популярной и наиболѣе основательной является та, которая допускаетъ, что подъ твердою корою залегаетъ огненно-жидкая масса—магма. Въ пользу этой гипотезы говоритъ повсемѣстное повышеніе температуры съ глубиною и нахожденіе магмы въ глубинѣ земли подъ всѣми широтами. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ утверждать, что температура съ глубиною все наростаетъ отъ поверхности до самаго центра земли, хотя наше непосредственное изслѣдованіе захватываетъ только поверхностные слои земли. Гдѣ ни копали шахты, гдѣ ни производили буренія, всюду температура наростала съ глубиной. Внутреннія части земли теплѣе наружныхъ. А въ твердыхъ тѣлахъ теплота не можетъ быть въ устойчивомъ состояніи, разъ имѣются болѣе теплыя и болѣе холодныя мѣста: теплота будетъ перетекать отъ мѣстъ болѣе теплыхъ къ мѣстамъ болѣе холоднымъ. Слѣдовательно, въ землѣ существуетъ тепловой потокъ, идущій отъ центра къ земной поверхности, откуда теплота излучается въ пространство, т. е. земной шаръ *охлаждается*. Охлажденіе ведетъ къ сжатію, сокращенію объема. А сокращеніе объема, вслѣдствіе уменьшенія взаимной потенціальной энергіи частицъ, составляющихъ земной шаръ, вызываетъ развитіе огромнаго количества тепла. При сокращеніи земного радіуса на 1 сантиметръ развивается 84.10^{21} малыхъ калорій [1]). Эта теплота прогрѣваетъ *весь* земной шаръ, а охлаждается онъ только *снаружи*. Вотъ почему въ земномъ шарѣ температура должна непрерывно наростать по направленію къ центру. Если уже на разстояніи $^1/_{64}$ части радіуса отъ поверхности господствуетъ температура приблизительео въ 1500°, то въ центрѣ земли она должна достигнуть многихъ тысячъ градусовъ. А при такой температурѣ всѣ вещества превращаются въ *газы*. Поэтому мы принимаемъ гипотезу, что подъ твердой корой залегаетъ огненно-жидкая магма, а центральныя часть нашей планеты состоитъ изъ сильно сгущенныхъ паровъ металловъ, главнымъ образомъ желѣза. Вотъ размѣры всѣхъ составныхъ частей нашей планеты, причемъ замѣтимъ, что средній радіусъ земли = 6371 килом. (экватор, радіусъ = 6378, полярный = 6356,5 кил.), ея поверхность = 510 мил. кв. кил., ея объемъ = 1083000 мил. куб. кил., ея масса 6.10^{27} граммовъ.

	Средняя толщина слоя при равномѣрн. распредѣл. километр.
Атмосфера [2])	0,01
Гидросфера	2,7
Литосфера	56,72
Барисфера	6311,58

[1]) Малой калоріей называютъ такое количество тепла, которое необходимо для нагрѣванія 1 грамма воды на 1° C.

[2]) Атмосфера сгущена до плотности воды.

Хотя земля имѣетъ твердую кору, но форма ея настолько опредѣляется въ существенныхъ чертахъ *молярными силами* и *центробѣжной силой*, что будь она цѣликомъ изъ жидкости, она имѣла бы почти совершенно такую же форму сфероида, какъ и теперь. *Молекулярныя же силы* обусловливаютъ только второстепенныя деформаціи сфероида. Вотъ мы и постараемся выяснить роль молекулярныхъ силъ въ такихъ скопленіяхъ массъ, которыя образуютъ горы, плоскогорья, материки, острова. Мы постараемся дать отчетъ объ условіяхъ равновѣсія массъ на земной поверхности и тѣмъ самымъ попытаемся выяснить механизмъ образованія горъ и материковъ—этихъ узловатостей въ литосферѣ.

Если подвергать давленію кубики, приготовленные изъ различныхъ веществъ, то мы замѣтимъ слѣдующее. Однѣ тѣла (упругія, вязкія) будутъ сжиматься по направленію давленія и раздаваться въ стороны, выпучиваться съ боковъ; всякій легко можетъ продѣлать подобный опытъ съ гутаперчевой пробкой, надавливая ее сверху. Желѣзная болванка можетъ быть осажена на $^2/_3$ своей высоты безъ образованія замѣтныхъ трещинъ. Другія тѣла (хрупкія, жесткія) при надавливаніи сверху мало раздаются въ стороны, затѣмъ появляются трещины, съ боковъ куба окалываются куски, такъ что остаются двѣ пирамиды, сложенныя вершинами, при чемъ верхняя срывается и скользя по одной изъ граней нижней, падаетъ внизъ. Такъ какъ камни представляютъ важный строительный матеріалъ, то дѣлались многочисленные опыты, чтобы узнать степень сопротивляемости различныхъ породъ. Оказалось, что камни *раздробляются*, когда ихъ подвергаютъ давленію отъ 400 атмосферъ [1]) (известняки, песчаники) до 3000 атм. (базальты).

Сопротивленіе же камней разрыву въ 10—12 разъ менѣе сопротивленія раздробленію и сопротивленіе скалыванію или срѣзыванію немногимъ меньше сопротивленія разрыву.

Чтобы оцѣнить роль сцѣпленія горныхъ породъ въ земной корѣ, попробуемъ разобрать слѣдующій конкретный случай. Гора Араратъ, уединенно поднимающаяся на Армянскомъ плоскогорьѣ, занимаетъ своимъ основаніемъ эллиптическую площадь въ 35 килом. въ наибольшемъ и 25,5 кил. въ наименьшемъ діаметрѣ. Можетъ-ли Араратъ сохранить свое теперешнее положеніе въ силу молекулярнаго сцѣпленія частицъ въ земной корѣ, если предположимъ, что расплавленная магма удалена изъ-подъ того мѣста, которое занимаетъ Араратъ, а кольцевой слой коры, окаймляющій подошву Арарата имѣетъ прочную незыблемую опору (см. рис. 1).

Если мы проведемъ мысленно вертикальную плоскость вокругъ подошвы Арарата сквозь всю толщу земной коры, то мы вырѣжемъ исполинскій цилиндръ (съ эллиптическимъ основаніемъ) изъ литосферы. Вѣсъ этого цилиндра будетъ увлекать цилиндръ — проваляться вглубь, а молекулярныя силы сцѣпленія, дѣйствующія въ стѣнкахъ цилиндра будутъ

[1]) Давленіе въ *1 килограммъ* на 1 кв. сант. равно почти одной *атмосферѣ*.

стремиться удержать цилиндръ въ его положенiи. Тутъ будетъ борьба двухъ силъ: вѣса цилиндра и молекулярныхъ силъ, дѣйствующихъ въ боковыхъ стѣнкахъ цилиндра и противящихся скалыванiю или срѣзыванiю этого участка литосферы. Принимая земную кору, состоящей изъ гранитовъ, найдемъ, что вѣсъ цилиндра въ 29,5 раза превосходитъ молекулярныя силы, противящiяся скалыванiю, т. е. отрыву отъ окружающей массы и сползанiю внизъ. Отсюда мы видимъ, что этихъ силъ совершенно недостаточно для поддержанiя Арарата въ его положенiи, что онѣ могутъ преодолѣть только $^1/_{30}$ вѣса цилиндра и, слѣдовательно, весь остальной вѣсъ цилиндра и лежащаго на немъ Арарата долженъ уравновѣшиваться гидростатическимъ давленiемъ жидкой магмы снизу. Безъ этого цилиндръ провалился бы вглубь.

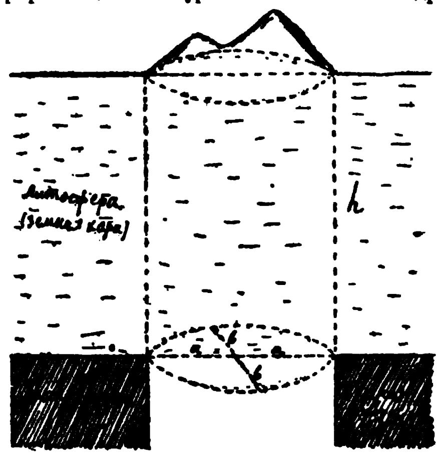


Рис. 1.

Отсюда мы видимъ, что въ дѣйствительности Араратъ плаваетъ на магмѣ при незначительной поддержкѣ со стороны молекулярныхъ силъ.

Подобнымъ образомъ мы нашли размѣры дiаметра такого цилиндра, вѣсъ котораго какъ разъ равнялся бы молекулярнымъ силамъ, дѣйствующимъ въ его стѣнкахъ и противящихся скалыванiю. Оказалось, что дiаметръ такого цилиндра равенъ почти 1 километру (точнѣе 960 метровъ). Подобные цилиндры, вырѣзанные мысленно изъ земной коры имѣютъ то замѣчательное свойство, что если на ихъ верхнюю площадку (которая приблизительно въ 1 кв. килом.) накладывать большiе грузы, то они будутъ *осѣдать*, опускаться вглубь, такъ какъ молекулярныя силы будутъ превзойдены силой тяжести. Всю поверхность земного шара, которая равна 510 миллiон. кв. кил., мы можемъ разбить на 510 милл. равныхъ площадокъ и провести черезъ контуры каждой площадки вертикальныя плоскости; вслѣдствiе этого вся земная кора разобьется на 510 миллiон. призмъ на подобiе ячеекъ сота. Эти призмы мы будемъ называть *предѣльными земными призмами*. Знанiе свойствъ этихъ призмъ въ высшей степени важно для тѣхъ, кто желаетъ дать себѣ отчетъ въ движенiи земной коры.

Каждая предѣльная призма въ сущности представляетъ собою усѣченную пирамиду, мысленная вершина которой лежитъ въ центрѣ земли. Она на подобiе клина (съ очень острымъ угломъ) вставлена въ земную кору и производитъ давленiе на сосѣднiя призмы. Быть можетъ это боковое давленiе будетъ столь значительно, что предѣльная призма этимъ давленiемъ будетъ удерживаться въ своемъ положенiи? Разсчетъ показываетъ

что этого случиться не можетъ. Въ своемъ стремленіи падать внизъ предѣльная призма можетъ развить на боковыя стѣнки гнѣзда въ корѣ, гдѣ оно находится, давленіе въ 800,000 атмосферъ на каждый кв. сант. Это чудовищное давленіе могло бы привести въ текучее состояніе наиболѣе прочные матеріалы и вообще собрало бы въ складки земную кору, для чего не требуется слишкомъ большого боковаго давленія. По вычисленію Уиллиса и Хайеса для изгиба силурійскихъ известняковъ Аппалахской цѣпи достаточно было давленія въ 778—2390,5 атмосферъ на 1 кв. сант. Такимъ образомъ боковое взаимное заклинивающее давленіе коры не можетъ воспрепятствовать движенію предѣльной призмы. Оно будетъ только его немного тормозить.

Такъ какъ механизмъ движеній предѣльныхъ призмъ лежитъ въ основѣ теоріи равновѣсія земной коры, то необходимо имѣть о немъ отчетливое представленіе, и я позволю себѣ нѣсколько разъяснить выведенныя мною положенія.

Если бы земная кора (литосфера) имѣла прочную неподатливую опору подъ собой, за исключеніемъ одного участка, площадью въ 1 кв. кил., который составляетъ предѣльную призму, то эта послѣдняя почти могла бы держаться въ своемъ положеніи напряженіемъ молекулярныхъ силъ, дѣйствующихъ въ ея боковыхъ стѣнкахъ и противящихся скалыванію или срѣзыванію. Если бы въ подобномъ положеніи очутились участки не въ 1 кв. кил., а въ 2, 10, 500, 1000 кв. кил. и болѣе, то уже молекулярныхъ силъ было бы недостаточно, и эти группы предѣльныхъ призмъ будутъ осѣдать, опускаться внизъ, пока давленіе снизу не уравновѣситъ ихъ избыточнаго вѣса надъ молекулярными силами. Участки менѣе 1 кв. кил. могутъ держаться въ своемъ положеніи сцѣпленіемъ молекулярныхъ силъ, если литосфера, окружающая эти участки имѣетъ прочную опору. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, прочной опоры подъ литосферой нѣтъ, а есть огненно жидкая магма. Поэтому, всѣ предѣльныя призмы будутъ стремиться падать къ центру и въ этомъ своемъ стремленіи будутъ производить другъ на друга боковое давленіе. Разсчетъ намъ показываетъ, что это взаимное заклиниваніе призмъ совершенно не можетъ преодолѣть вѣса этихъ призмъ (усѣченныхъ пирамидъ), такъ что онѣ будутъ погружаться въ магму до тѣхъ поръ, пока гидростатическое давленіе магмы снизу не уравновѣситъ избыточнаго вѣса этихъ призмъ, т. е. онѣ должны плавать на магмѣ при незначительной поддержкѣ со стороны молекулярныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ рѣзко сказывается вліяніе размѣровъ шара, т. е. мы имѣемъ дѣло съ планетарными процессами.

Въ лѣсномъ орѣхѣ при высыханіи ядро сжимается и отдѣляется отъ скорлупки, а скорлупа прочно сопротивляется силамъ притяженія къ центру орѣха. Въ кокосовомъ орѣхѣ при вызрѣваніи и уплотненіи ядра возникаетъ въ срединѣ ядра обширная пустота, при чемъ и скорлупа орѣха и его ядерный слой, прилегающій къ внутренней стѣнкѣ скорлупы прочно сопротивляются центральному притяженію. Тоже будетъ и съ гораздо болѣе

крупными шарами, имѣющими крѣпкую каменную наружную оболочку. Въ отношеніи къ нимъ мыслимо такое явленіе, что ядро, сжимаясь, отдѣлится отъ оболочки, на подобіе ядра лѣсного орѣха, или въ центрѣ ядра возникнетъ пустота, и тѣмъ не менѣе шаръ сохранитъ свою форму. Его наружная каменная оболочка можетъ съ успѣхомъ противостоять силѣ центральнаго притяженія. Хотя бы подъ этой оболочкой и была пустота, но взаимное заклиниваніе участковъ этой оболочки легко можетъ преодолѣть вѣсъ этой оболочки, и вотъ почему. Во-первыхъ, въ сравнительно небольшомъ шарѣ тяготѣніе къ центру незначительно, и потому вѣсъ отдѣльныхъ участковъ оболочки будетъ малъ, а во-вторыхъ, вершинный уголъ клиньевъ—усѣченныхъ пирамидъ, слагающихъ оболочку шара, будетъ значителенъ; онѣ, подобно замочному камню въ сводахъ, будутъ сопротивляться паденію къ центру, и это боковое давленіе (взаимное заклиниваніе) преодолѣетъ вѣсъ призмъ. Напротивъ, когда размѣры шара будутъ громадны, то притяженіе къ центру сильно возрастетъ, а, сверхъ того, уменьшится вершинный уголъ усѣченныхъ пирамидъ, слагающихъ кору. А изъ механики извѣстно, что бокозое давленіе, развиваемое клиномъ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ острѣе его вершинный уголъ. Для земного шара усѣченныя пирамиды съ поперечникомъ основанія въ 1 километръ имѣютъ вершинный уголъ всего въ 32 секунды, т. е. стѣнки этихъ усѣченныхъ пирамидъ почти параллельны. Поэтому боковое давленіе, чтобы выдержать вѣсъ такой усѣченной пирамиды (предѣльной призмы) должно быть страшно велико- какъ я уже сказалъ—800,000 атмосферъ на каждый кв. сантим. боковой поверхности пирамиды. А такого давленія не въ состояніи выдержать никакое твердое тѣло. Поэтому предѣльныя призмы, составляющія земную кору, не могутъ держаться въ своемъ положеніи взаимнымъ заклиниваніемъ. Если огненно жидкое ядро земли уменьшится въ объемѣ, то вслѣдствіе огромнаго бокового давленія предѣльныя призмы станутъ наѣзжать другъ на друга и собирать въ складки земную кору, хотя она на много километровъ состоитъ изъ сплошныхъ каменныхъ пластовъ. Этотъ выводъ подтверждается наблюденіями. Уменьшеніе въ объемѣ раскаленнаго ядра влечетъ за собою возникновеніе обширныхъ складокъ въ корѣ, которая не можетъ удержаться въ своемъ первоначальномъ положеніи сцѣпленіемъ частицъ въ горныхъ породахъ. Для большихъ планетъ невозможенъ такой случай, чтобы ядро при сжатіи отдѣлилось отъ коры, или чтобы въ центрѣ планеты возникла пустота, вслѣдствіе сокращенія объема ядра.

Итакъ, предѣльныя призмы могутъ держаться въ своемъ положеніи только благодаря гидростатическому давленію снизу или, другими словами, *онѣ плаваютъ на магмѣ*.

Для того же, чтобы тѣло плавало, необходимо, чтобы удѣльный вѣсъ его былъ меньше удѣльнаго вѣса жидкости, въ которой оно находится. У насъ имѣются различныя соображенія въ пользу того, что подкоровая магма удѣльно тяжеле литосферы (земной коры). Мы знаемъ, что плотность поверхностныхъ слоевъ земли около 2,5—2,6, тогда какъ средняя плот-

ность земли 5,6. Очевидно, въ глубинѣ земли имѣются гораздо болѣе тяжелыя вещества, чѣмъ на поверхности. При образованіи земного шара болѣе легкія вещества всплывали наверхъ, тяжелыя опускались внизъ, вглубь. Застывшая кора снаружи состоитъ изъ *болѣе легкихъ* кислыхъ (богатыхъ кремнеземомъ) породъ, въ глубокихъ частяхъ—изъ *тяжелыхъ* основныхъ богатыхъ желѣзомъ, магніемъ, а также кальціемъ.

Если нижнія части земной коры образовались отъ застыванія тяжелой основной магмы, то очевидно подъ земной корой залегаетъ *тяжелая основная магма*. Что эта магма имѣется въ огромнѣйшихъ количествахъ подъ корою, доказываютъ ея обширныя изліянія изъ нѣдръ земли, которыя покрываютъ пространства величиной съ Францію (напр. въ Деканѣ въ Индіи) и достигаютъ мощности породъ, (толщины) въ 1 килом. и болѣе [1]).

Плотность *тяжелыхъ основныхъ* (*базальтовыхъ*) *породъ* колеблется отъ 3,1—3,6. Отсюда мы заключаемъ, что плотность магмы, залегающей подъ корою близка къ указаннымъ числамъ, такъ какъ базальты при переходѣ въ жидкое состояніе такъ незначительно увеличиваютъ свой объемъ, что одно время даже считали, что расплавленіе базальтовъ сопровождается уменьшеніемъ объема. Такъ какъ плотность коры меньше плотности магмы, то кора и можетъ плавать на магмѣ. Всѣ же свободно плавающія тѣла подчиняются закону Архимеда: вѣсъ вытѣсненной жидкости плавающимъ тѣломъ долженъ равняться вѣсу этого тѣла. Нарѣжьте изъ пробокъ кружки разной толщины и пустите ихъ плавать въ водѣ. Вы увидите, что *чѣмъ толще кружекъ, тѣмъ больше онъ выдается изъ воды* и *тѣмъ глубже онъ сидитъ въ водѣ*. Разсуждая подобнымъ образомъ относительно земной коры (литосферы), мы приходимъ къ заключенію, что возвышеніямъ на земной поверхности должны соотвѣтствовать выпуклины снизу литосферы, углубленіямъ сверху—впадины снизу литосферы. Поэтому, литосфера не повсюду одинаковой толщины. Средняя глубина океановъ 3, 8 килом., средняя высота материковъ надъ уровнемъ океаническихъ водъ 0, 7 кил. Поэтому по сравненію съ дномъ океановъ материки представляютъ выступъ въ 4, 5 килом., и *океаническая литосфера* (т. е. литосфера, залегающая подъ океанами) значительно *тоньше материковой литосферы* (т. е. литосферы, образующей материки): разъ материки выдаются на 4, 5 килом. надъ дномъ океановъ, то они должны быть *глубже* погружены въ магму или имѣть выступы, *фундаменты*, по сравненію съ нижней поверхностью океанической литосферы. Мы можемъ легко вычислить въ километрахъ глубину фундамента (X) подъ материкомъ, имѣющимъ 0, 7 кил. высоты (h) надъ уровнемъ моря. Для простоты разсчетовъ примемъ землю за шаръ. При переходѣ отъ шара къ сфероиду намъ пришлось бы сдѣлать лишь незначительную поправку. Проведемъ мысленно внутри земного шара сферическую поверхность, концентрическую

---

[1]) Магма бываетъ и кислая, болѣе легкая; она происходитъ, по моему мнѣнію, отъ расплавленія гранитовъ въ глубокихъ выступахъ литосферы снизу, а также отъ расщепленія средней магмы.

земной поверхности и касательную къ самой крупной выпуклинѣ литосферы снизу. Назовемъ эту поверхность—*основной изобарической поверхностью*. По направленію вглубь земного шара отъ этой поверхности будетъ лежать магма—жидкость, по направленію вверхъ—мы встрѣтимъ частью магму залегающую, межъ нижними выступами литосферы, частью литосферу. Назовемъ весь слой земного шара, лежащій снаружи отъ изобарической поверхности—*коровымъ слоемъ*. Разобьемъ этотъ коровой слой вертикальными плоскостями, проведенными черезъ контуры площадокъ каждая въ 1 кв. километръ на 510 милліон. предѣльныхъ призмъ, совокупность которыхъ представитъ собою нѣкоторое подобіе пчелинаго сота. Подъ вліяніемъ силъ тяготѣнія жидкая магма, образующая шаръ, ограниченный изобарической поверхностью, будетъ въ равновѣсіи тогда, когда внѣшнее давленіе въ этой поверхости повсюду будетъ одинаковое, ибо въ противномъ случаѣ жидкость отъ мѣстъ большого давленія будетъ перетекать къ мѣстамъ меньшаго давленія. Для того же, чтобы всюду давленіе въ изобарической поверхности было одинаково, необходимо, чтобы *вѣсъ всѣхъ предѣльныхъ призмъ* былъ *одинъ и тотъ же*. Призма, вырѣзанная подъ самой глубокой выпуклиной литосферы снизу будетъ цѣликомъ состоять изъ литосферы и будетъ имѣть максимальную высоту; призма, взятая изъ материка средней высоты, будетъ ниже и будетъ состоять изъ слоя магмы и литосферы; наконецъ, призма, вырѣзанная изъ области занятой океанами, будетъ состоять изъ толстаго слоя магмы, сравнительно тонкой океанической литосферы и слоя океанической воды. (Слоемъ воздуха до уровня максимальной возвышенности на землѣ мы пренебрегаемъ). Сравнивая вѣса двухъ призмъ: океанической (со средней глубиной океана) и материковой безъ труда можетъ быть найденъ законъ, связующій глубину фундамента (X) съ высотою призмы (или нагорья) надъ уровнемъ моря (h):

$$X = 2{,}5\,h + 5{,}7.$$

Соотвѣтственно этому мы найдемъ *минимальные* числа для выступовъ снизу литосферы (т. е. выступы въ дѣйствительности никакъ *не менѣе* найденныхъ нами чиселъ).

Минимальныя величины для подкоровыхъ выступовъ и впадинъ.

- Материковый фундаментъ = 7,4 кил. (h = 0,7 кил.).
- Выступъ подъ Гауризанкаромъ = 27,8 кил. (h = 8,8 кил.).
- Фундаментъ плоскогорья въ 6 кил. = 20,7 кил. (h = 6 кил.).
- Утонченіе литосферы въ самой глубокой впадинѣ въ океанахъ = 14 кил. (впадина снизу литосферы 8,7 кил.).
- Разница между максимальной и минимальной толщиной литосферы = 54 кил.

Отсюда мы видимъ, что литосфера снизу отнюдь не представляетъ ровной поверхности, но выступамъ снаружи соотвѣтствуютъ выпуклины снизу, углубленіямъ снаружи—впадины снизу. Однимъ словомъ, рельефъ внутренней поверхности литосферы есть зеркальное изображеніе рельефа наруж-

ной поверхности, только контуры вытянуты въ вертикальномъ направленіи, смягчены, округлены.

Чтобы найти наиболѣе вѣроятныя величины для подкоровыхъ выступовъ, а не минимальныя, мы должны принять разницу между плотностями магмы (δ) и литосферы (d) менѣе значительной. Комбинируя эти плотности на разные лады, мы найдемъ наиболѣе вѣроятную глубину материковаго фундамента въ 11—12 кил.

При разыскиваніи наиболѣе вѣроятныхъ величинъ мы исключаемъ какъ максимальныя разницы межъ плотностями, такъ и минимальныя (т. е. не беремъ комбинаціи 2,8 и 3,2 или даже 3,1). Слишкомъ глубокихъ фундаментовъ мы не можемъ допустить, во-первыхъ, потому, что они внѣдряясь черезвычайно глубоко въ магму будутъ настолько прогрѣваться, что расплавятся. Во-вторыхъ, мы не должны слишкомъ уклоняться отъ плотности литосферы въ 2,5—2,6 и вотъ почему. Хотя нижній слой литосферы и обладаетъ значительной плотностью, а самый глубокій пластъ, быть можетъ, представляетъ собою, просто напросто затвердѣвшую основную магму, тѣмъ не менѣе этотъ слой, увеличивая среднюю плотность литосферы, почти не будетъ вліять на образованіе подкоровыхъ выступовъ. Вообразите себѣ, что вы приклеили къ пробкѣ пластинку изъ какого либо вещества, котораго плотность равна единицѣ; пробка отъ этого не опустится глубже, чѣмъ раньше до приклейки пластинки. Точно также и этотъ тяжелый нижній пластъ почти не вліяетъ на образованіе надкоровыхъ и подкоровыхъ выступовъ. Поэтому мы должны держаться плотности литосферы близкой къ къ 2,5—2,6—какая свойственна породамъ образующимъ литосферу на очень большую глубину, но не въ самыхъ глубокихъ частяхъ. Итакъ мы принимаемъ наиболѣе вѣроятную комбинацію плотностей магмы (δ) и литосферы (d) въ 3,3 и 2,6. Соотвѣтственно этому найдемъ формулу для глубины фундамента $X = 3{,}71\ h + 8{,}69$ кил.

Наиболѣе вѣроятные подкоровые выступы для

материковаго фундамента	= 11,28 кил.	(h=0,7).
Нагорья въ 5 кил.	= 27,24	„
Высочайшей горы	= 41,49	„
Глубочайшая впадина съ нижн. поверх. литосферы	= 13,2	„
Разница въ толщинѣ океанической и материковой литосферы	= 15,78	„
Разница между максимальной и минимальн. толщиной литосферы	= 73,1	„

Итакъ, мы пришли къ ясному, опредѣленному представленію относительно вида литосферы въ разрѣзѣ (вертикальномъ). Она тоньше всего подъ глубочайшей океанической впадиной, доходящей до 9,6 кил. въ Тихомъ океанѣ къ востоку отъ Маріанскихъ и къ сѣверу отъ Каролинскихъ острововъ. ъ этомъ мѣстѣ океаническая литосфера тоньше на 19 кил. океанической

литосферы средней толщины. Максимальной толщины листофера достигаетъ въ области Гималаевъ; она превосходитъ среднюю океаническую литосферу на 54,1 кил. (Рис. 2).

Вообще удобно за основаніе для сравненія взять среднюю толщину литосферы подъ океанами и отъ нея считать выступы вверхъ. и выпуклины снизу (или фундаменты) и впадины сверху и снизу.

Итакъ, нижняя поверхность литосферы представляетъ еще болѣе крупныя неровности: впадины и выступы, чѣмъ ея наружная поверхность. Поэтому возникаетъ вопросъ, могутъ ли вообще существовать эти выступы, разъ они погружены въ огненножидкую магму, и не должна ли магма ихъ расплавить и выровнять нижнюю поверхность литосферы. Подъ океанической литосферой, гдѣ охлажденіе наиболѣе энергично, верхніе слои магмы находятся при температурѣ застыванія, вслѣдствіе чего она не можетъ разъѣдать нижней поверхности океанической литосферы. Но даже и подкоровые выступы, глубоко внѣдряющіеся въ магму, хотя она тамъ и сильнѣе нагрѣта, все-таки могутъ противостоять ея растворяющему дѣйствію. И вотъ почему. Опытъ показываетъ, что разъ застыла лава, то, чтобы снова ее расплавить, нужно ее нагрѣть *на 50—100° выше* той температуры, при которой она была еще въ *жидкомъ* состояніи. Далѣе извѣстно, что замѣтное растворяющее дѣйствіе магмы на минералы обнаруживается тогда, когда ея температура на 200° превосходитъ температуру плавленія магмы. Благодаря этому и возможно существованіе глубокихъ выступовъ, погруженныхъ въ магму, если разница между температурами подъ океанической литосферой и подъ выступами не болѣе 200—250°. Слишкомъ глубокіе выступы, конечно, будутъ расплавляться, хотя процессъ плавленія будетъ совершаться очень медленно.

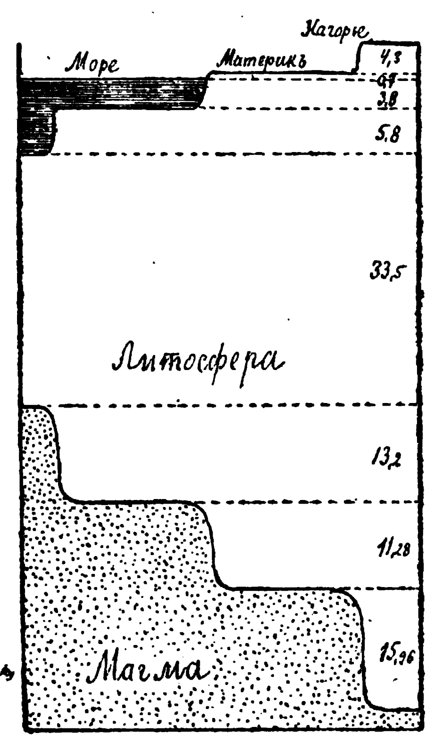


Рис. 2. Вертикальный разрѣзъ земной коры. Масштабъ $\frac{1}{1000000}$ Цифры означаютъ километры.

Въ пользу добытыхъ нами выводовъ относительно толщины земной коры имѣются многочисленные и разнообразные факты.

1) *Материки*, какъ извѣстно, отличаются огромною *устойчивостью* во времени, такъ что нѣкоторые геологи считаютъ ихъ даже первозданъ-

ными элементами рельефа. Этотъ фактъ совершенно понятенъ съ точки зрѣнія излагаемой мною теоріи. Атмосфернымъ осадкамъ недостаточно смыть выступающую часть материковъ (т. е. около 0,7 килом.) надъ уровнемъ моря, чтобы суша сдѣлалась добычей океановъ. По мѣрѣ смыванія суши сверху земныя призмы всплываютъ, благодаря своимъ фундаментамъ, и поддерживаютъ сушу. Чтобы смыть сушу до уровня моря, нужно снять не только выступающій пластъ въ 0,7 кил. надъ уровнемъ моря, но и *фундаментъ* этого пласта, который равенъ 2,59 кил., слѣдов. должно быть смыто 3,29 кил.

2) Складчатыя горы всегда зарождаются въ моряхъ: очевидно, океаническая литосфера представляетъ меньше сопротивленія, т. е. она тоньше материковой.

3) Древніе массивы оказываютъ задерживающее вліяніе на развитіе молодыхъ складокъ. Эти послѣднія либо останавливаются предъ древними массивами, какъ передъ стѣною, либо огибаютъ ихъ, но не пересѣкаютъ древнихъ горныхъ системъ. Это вліяніе древнихъ массивовъ, какъ Севенское плато, Шварцвальдъ, Вогезы, Мезета (Испанія), Родопъ (Балканскій полуостровъ) и т. д., отлично можно видѣть на ходѣ различныхъ новѣйшихъ горныхъ системъ—Юры, Альпъ, Карпатовъ, Балкановъ, Тянь-Шаня и др. Этотъ фактъ задерживающаго вліянія древнихъ массивовъ прекрасно объясняется тѣмъ, что суша *толще на 15,78 кил.* океанической литосферы, а въ области горъ эта разница еще крупнѣе.

4) Такъ какъ *тяжелая магма* подъ океанами лежитъ *ближе* къ земной поверхности, чѣмъ подъ материками, то ея вліяніе должно сказываться, несмотря на то, что подъ океанической поверхностью лежитъ толстый слой воды съ плотностью всего = 1. Дѣйствительно, напряженіе силы тяжести на океаническихъ островахъ *выше*, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, судя по широтѣ мѣста. Напряженіе тяжести измѣряютъ обыкновенно посредствомъ качаній маятника, который качается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше ускореніе тяжести въ данномъ мѣстѣ. На уединенныхъ океаническихъ островахъ напр. на Бонинскихъ секундный маятникъ дѣлаетъ лишнихъ 11,2 колебаній въ сутки; на о. Уаланѣ (Каролинскіе о-ва) число лишнихъ ударовъ 8,7; на о. Св. Елены—6,5; Ильдефрансѣ—9,9, Шпицбергенѣ—4,3. Наоборотъ нигдѣ такого ускореннаго качанія маятника на материкахъ не замѣчается.

5) Отклоненіе отвѣса вблизи горъ далеко не столь рѣзко, какъ можно было ожидать, а иногда и вовсе не замѣчается. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденія надъ качаніями маятника въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности въ области горъ показали, что на материкахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ сила притяженія, или напряженіе тяжести *менѣе ожидаемаго*. Существуетъ какая то постоянная причина, говоритъ извѣстный геодезистъ Гельмертъ, которая вызываетъ „недочеты массъ“ въ области материковъ и горъ. Подъ материками и горами залегаютъ пласты болѣе легкіе. Если провести поперечный разрѣзъ черезъ Апеннинскій полуостровъ на уровнѣ Капри и нанести на этотъ разрѣзъ кривую напряженія тяжести, то ока-

жется, что ея концы приподняты надъ Капри и Адріатическимъ моремъ, а средина опущена внизъ—въ области Апеннинъ. Эти наблюденія надъ качаніями маятника весьма хорошо свидѣтельствуютъ въ пользу существованія подкоровыхъ фундаментовъ изъ болѣе легкихъ веществъ, чѣмъ магма, у горъ и материковъ.

6) Такъ какъ тяжелые, богатые желѣзомъ, магнитопроницаемые слои лежатъ ближе къ земной поверхности подъ океанами, чѣмъ подъ материками, то и магнитное напряженіе должно быть значительнѣе на океанахъ, чѣмъ на сушѣ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. По разсчетамъ физиковъ океаническая напряженность магнетизма превосходитъ материковую въ отношеніи 4:3.

Итакъ, выводъ, что литосфера подъ океанами—тоньше, подъ материками—толще, хорошо согласуется съ другими данными. Острова, полуострова, материки плаваютъ на магмѣ, тѣмъ глубже погружаясь въ нее своими фундаментами, чѣмъ выше они приподняты надъ уровнемъ моря.

Чтобы нагляднѣе представить *вертикальныя движенія литосферы*, разсмотримъ ближе тотъ опытъ съ плавающими кружками пробки различной толщины, о которомъ я говорилъ выше. Отмѣтимъ чертами на пробкахъ тѣ мѣста, до которыхъ погруженъ въ воду каждый кружекъ. Затѣмъ будемъ срѣзывать пластинки съ болѣе толстыхъ кружковъ и накладывать на болѣе тонкіе кружки. Что же произойдетъ? Окажется, что подводный фундаментъ срѣзываемыхъ кружковъ всплываетъ вверхъ, вслѣдствіе чего сдѣланная нами черта уже окажется надъ водою и при томъ тѣмъ выше, чѣмъ толще срѣзанъ кружокъ съ пробки. Наоборотъ, тѣ кружки, на которые мы накладываемъ сверху добавочный грузъ (въ видѣ новыхъ кружковъ пробки) погружаются въ воду глубже, и сдѣланная нами черта окажется уже подъ водою. Такимъ образомъ разгрузка и нагрузка плавающихъ пробочныхъ кружковъ будетъ вызывать восходящее и нисходящее движеніе этихъ кружковъ. Тоже самое будетъ и съ предѣльными земными призмами. Переносъ вещества съ одного участка земли на другой вызоветъ восходящее движеніе перваго участка и нисходящее движеніе втораго. Этотъ переносъ вещества совершается въ огромныхъ размѣрахъ водою. Ежегодно выпадаетъ на сушу около 100,000 куб. килом. воды въ видѣ атмосферныхъ осадковъ. Приблизительно четвертая часть выпавшихъ осадковъ уносится рѣками въ моря. При этомъ текущая вода несетъ съ собою твердое вещество (результатъ размыванія суши), частью въ видѣ мути, рѣчного ила, частью въ видѣ раствора солей; и это твердое вещество составляетъ среднимъ числомъ $^1/_{2450}$ часть по объему текущей воды. Такимъ образомъ, съ материковъ ежегодно снимается около 10—16 куб. килом. вещества, и высота материковъ среднимъ числомъ ежегодно понижается на 0,1 миллим. Само собою понятно напряженность размыва-

нія не вездѣ одинакова. Горные потоки, ручьи и рѣки въ горахъ производятъ крупныя выемки, тогда какъ низменности размываются слабѣе, благодаря меньшей скорости теченія воды. Рѣки, впадая въ моря, отлагаютъ несомый илъ и песокъ у своего устья, давая начало рѣчнымъ дельтамъ, намывнымъ островамъ, песчанымъ косамъ и т. п. Такимъ образомъ, одни участки земли, лишаясь сверху части своего вещества, начинаютъ всплывать вверхъ, другіе, получая добавочный грузъ сверху, опускаются внизъ, глубже погружаясь въ магму. *Разгрузка и нагрузка земныхъ призмъ ведетъ къ вертикальнымъ движеніямъ литосферы.* Что описанное нами движеніе имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, доказывается наблюденіями. Максимальная глубина океана равна 9,6 кил., а между тѣмъ намъ извѣстны толщи осадковъ въ 10, 12, 15, 18 и болѣе километровъ. Ясно, что такія толщи осадковъ могли образоваться только благодаря тому, что по мѣрѣ отложенія осадковъ морское дно опускалось внизъ, давая возможность накопляться новымъ осадкамъ.

Нетрудно сдѣлать разсчетъ и показать до какой глубины можетъ идти опусканіе дна океана подъ тяжестью отлагающихся осадковъ. Оказывается, что если глубина моря α килом., то морское дно можетъ опуститься въ 2,3 раза больше противъ глубины моря, т. е. на 2,3α килом. Поэтому максимальная толщина осадковъ будетъ 3,3α кил. для моря глубиной въ α кил., когда толща осадковъ достигнетъ уровня моря; напр., для моря, глубиною въ 5 кил., максимальная толщина осадковъ будетъ 5×3,3=16,3 кил. Вотъ табличка, показывающая максимальную толщину осадковъ для морей различныхъ глубинъ.

Океаническія глубины.	Максимальная толщина осадковъ.
10 кил.	32,89 кил.
8 „	26,29 „
6 „	19,72 „
4 „	13,15 „
3,8 „	12,49 „

Съ другой стороны, намъ извѣстны многочисленные случаи, когда *глубинныя* породы, какъ гнейсы и граниты, залегаютъ на земной поверхности. Глубинными онѣ называются потому, что онѣ формируются только на значительной глубинѣ; на земной поверхности онѣ не только не образуются, но, напротивъ, не могутъ сохранить своего status quo, вывѣтриваются и разрушаются. А это показываетъ, что эти породы были вынесены на земную поверхность восходящимъ движеніемъ въ литосферѣ, благодаря тому, что породы, лежащія надъ глубинными, были смыты водою.

Очень демонстративный примѣръ нагрузки и разгрузки предѣльныхъ призмъ представляетъ развитіе и таяніе ледниковъ. Когда выпадающій снѣгъ не успѣваетъ въ теченіе лѣта растаять или вслѣдствіе высокаго положенія даннаго мѣста надъ уровнемъ моря или вслѣдствіе близости этого мѣста къ полюсу, то изъ году въ годъ происходитъ наростаніе снѣ-

гового слоя. Нижнія части его подъ высокимъ давленіемъ смерзаются въ ледъ. Въ Гренландіи толщи материковаго льда достигаютъ 1700 метровъ и даже 2000 метр. Понятно, что подъ тяжестью такого большого пласта льда этотъ островъ долженъ осѣдать, опускаться внизъ. По имѣющимся наблюденіямъ, Гренландія опускается, въ особенности ея западный берегъ. Въ недавнее, въ геологическомъ смыслѣ, время, именно въ ледниковую эпоху сѣверъ континентовъ былъ покрытъ материковымъ льдомъ, на подобіе Гренландіи. Подъ тяжестью льда сѣверныя части континентовъ должны были осѣсть. Когда льды стаяли, то началось обратное движеніе суши: сѣверныя части континентовъ стали приподыматься, всплывать, что и обнаруживается восходящимъ движеніемъ береговой линіи. Спрашивается, на какой высотѣ мы можемъ разсчитывать найти наиболѣе высоко приподнятый морской берегъ ледниковой эпохи въ Норвегіи, допуская, что толща льда здѣсь была около 1000 метровъ? Подъ тяжестью льда предѣльныя призмы должны были погрузиться въ магму настолько, чтобы вѣсъ вытѣсненной магмы былъ равенъ вѣсу льда. А такъ какъ плотность льда въ 3,4 раза меньше плотности магмы, то потребуется въ 3,4 раза болѣе низкій столбъ магмы, чтобы уравновѣсить столбъ льда въ 1000 метровъ, т. е. $\frac{1000}{3,4} = 294$ метрамъ. Поэтому слѣды морского берега дилювіальной эпохи мы можемъ разсчитывать найти на высотѣ 294 метровъ: послѣ таянія льда предѣльныя призмы подымутся на столько, на сколько онѣ опустились подъ напоромъ льда. Наблюденіе показываетъ, что въ Христіаніи прежній морской берегъ поднялся на 200 метровъ, а наибольшая высота, до которой доходитъ прежняя береговая линія, равняется 260—270 метровъ. Цифры 294 метр. и 270 метр. хорошо согласуются; небольшая разница между ними можетъ быть обусловлена тѣмъ, что слой льда былъ нѣсколько тоньше, а также другими причинами.

Чтобы не дать повода къ недоразумѣніямъ, спѣшу оговориться, что мы не можемъ a priori ожидать *равномѣрнаго* поднятія материковъ на всей площади, гдѣ были ледники. Поднятіе однѣхъ частей вызываетъ оттокъ магмы изъ-подъ другихъ участковъ литосферы, слѣдствіемъ чего являются опусканія — такъ что картина усложняется. Я хотѣлъ только указать на вѣроятное *максимальное* поднятіе суши, вызванное таяніемъ ледниковъ.

Наша планета въ настоящее время охлаждается или теряетъ теплоту главнымъ образомъ изъ запаса тепла, находящагося внутри земли. Внутренность земли охлаждается быстрѣе наружныхъ слоевъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, но въ дѣйствительности такъ оно и есть. Предположимъ, что средняя температура огненно жидкаго ядра 4000°, средняя температура же земной поверхности, какъ извѣстно изъ метеорологіи, равна +15°C. Пусть земля охладится до абсолютнаго нуля, т. е. до —273°C черезъ Г лѣтъ. Тогда земная поверхность ежегодно среднимъ числомъ будетъ терять $\frac{15+273}{Г} = \frac{288}{Г}$, а барисфера —

$\frac{4273}{r}$, т. е. въ *15 разъ болѣе.* А разъ начнетъ земля охлаждаться неравномѣрно — именно, ядро быстрѣе корового слоя, то этотъ послѣдній окажется черезчуръ *просторнымъ* для сжавшагося ядра. Предѣльныя призмы въ своемъ стремленіи падать внизъ, чтобы плавать на магмѣ, либо будутъ втягиваться вглубь земли — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сопротивленіе коры наименьшее, образуя сбросовыя впадины, либо кора начнетъ давать складки — *складчатыя горы*, если уменьшеніе объема ядра шло быстро. Примѣромъ сбросовой впадины, происшедшей въ недавнее время можетъ служить Красное море; она отдѣлила отъ африканскаго континента Аравію. Другая сбросовая впадина дала начало Рейнской долинѣ, разбивъ кристаллическое ядро древнихъ Варискійскихъ горъ на два массива: Шварцвальдъ и Вогезы. Благодаря сбросамъ цѣлые участки суши отдѣляются отъ материковъ, давая начало материковымъ островамъ, какъ Мадагаскаръ, Борнео, Целебесъ, Родосъ и др. Сбросовыя впадины, или грабены, представляютъ заурядныя дислокаціи (перемѣщенія), въ земной корѣ, съ которыми мы встрѣчаемся во всѣхъ геологическихъ системахъ.

Быстрое и сильное охлажденіе газоваго ядра нашей планеты вызываетъ столь энергичное сжатіе литосферы, что въ ней появляются складки — складчатыя горы. Однѣ части коры наѣзжаютъ, надвигаются на другія, такъ что въ результатѣ получится утолщеніе литосферы, узелъ или надкоровой выступъ и подкоровой фундаментъ. Наружная поверхность надкорового выступа покрыта складками (горными цѣпями); онѣ имѣютъ болѣе или менѣе параллельное направленіе и сидятъ на все болѣе высокихъ цоколяхъ по мѣрѣ приближенія къ главному хребту цѣпи, а вмѣстѣ съ тѣмъ повышается и положеніе горныхъ долинъ между хребтами. *Боковое движеніе литосферы, оканчивающееся надвиганіемъ однихъ участковъ на другіе, является первичной основной причиной узловатости литосферы, которая и даетъ начало сушѣ — материкамъ.*

Итакъ, мы видимъ, что вертикальныя и горизонтальныя движенія участковъ литосферы порождаютъ узловатости, утолщенія въ литосферѣ, причемъ намъ удалось приблизительно вычислить въ километрахъ подкоровыя выпуклины, надкоровые же выступы измѣряются непосредственно. Поэтому мы можемъ знать разницу толщины океанической и материковой литосферы (около 15 килом.), равно какъ и разницу между максимальной и минимальной толщиной литосферы, достигающую по крайней мѣрѣ 54 килом. Абсолютная же толщина литосферы пока остается для насъ неизвѣстной. Ее можно опредѣлить и при томъ различными способами. Укажу три способа.

Для установленія границъ или предѣловъ, между которыми должна содержаться толщина литосферы, воспользуемся максимальной толщиной осадковъ и аномаліями тяжести. Такъ какъ намъ извѣстны толщи осадковъ въ 18 килом. (Скалистыя горы) и болѣе, даже въ 30 кил. (Богемія), то

мы должны считать океаническую литосферу минимумъ въ 80 килом. Если въ складки собираются толща осадковъ въ 15—18 кил. и болѣе, то очевидно, и другія части океанической литосферы должны имѣть толщину не менѣе этихъ цифръ, такъ какъ складки образуются въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія. Материковая литосфера по крайней мѣрѣ на 12 килом. толще океанической, слѣдовательно ея толщина минимумъ 42 кил. Съ другой стороны, согласно Мессершмитту, источникъ аномалій тяжести долженъ залегать никакъ не глубже 200 кил. (т. е. долженъ быть менѣе 200 кил.). Эти аномаліи зависятъ частью отъ расположенія слоевъ различной плотности въ литосферѣ, частью отъ того, что въ тяжелую магму вдаются выступы (фундаменты) изъ болѣе легкихъ веществъ съ нижней поверхности литосферы. Въ жидкой магмѣ не могутъ содержаться какія-либо крупныя включенія, рѣзко отличающіяся по своей плотности отъ магмы, такъ какъ болѣе легкія вещества всплывали бы вверхъ—подъ кору болѣе тяжелыя—опускались бы вглубь. Поэтому *материковая литосфера съ подкоровыми выступами горъ должна быть менѣе 200 кил.*, разсчетъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ средняя толщина материковой литосферы не должна превышать 110 кил. Отсюда имѣемъ:

1) Минимальная толщина материковой литосферы 42 килом.

2) Максимальная толщина материковой литосферы 110 килом.

Тепловыя явленія также даютъ опредѣленныя указанія на счетъ толщины земной коры. Извѣстно, что съ глубиной наростаетъ температура, среднимъ числомъ 1° на каждые 33 метра (геотермическій градіентъ). Если бы такое наростаніе шло непрерывно, то уже на глубинѣ $33 \times 1500 = 49.500$ метр. или 49,5 кил. температура была бы въ 1500°, при которой плавятся горныя породы. Въ дѣйствительности нѣтъ равномѣрнаго наростанія геотермическаго градуса. Теоретическія соображенія, опыты Бишофа въ Боннѣ съ раскаленнымъ базальтовымъ шаромъ и наблюденія адъ приростомъ температуры съ глубиной въ шахтахъ и буровыхъ скважинахъ заставляютъ насъ признать, что съ глубиной геотермическій градусъ нѣсколько удлиняется, т. е. получаетъ нѣкоторыя приращенія (это замѣтилъ еще Араго). Чтобы опредѣлить величину этого прироста, я воспользовался растворяющимъ дѣйствіемъ магмы на минералы. Извѣстно, что лава можетъ быть въ жидкомъ состояніи при температурѣ значительно болѣе низкой, чѣмъ температура ея плавленія. Такъ, жидкая лава Везувія имѣла температуру 1000°—1070°, а температура плавленія той же лавы была 1100°; жидкая лава Этны имѣла въ 1892 г., по наблюденіямъ Бартоли, температуру ниже 960°, а температура ея плавленія достигала 980°—1010°. Дельтеръ указываетъ, что замѣтное растворяющее дѣйствіе на минералы магма обнаруживаетъ тогда, когда ея температура превосходитъ на 200° температуру ея плавленія. Это-то свойство магмы и дѣлаетъ возможнымъ существованіе глубокихъ подкоровыхъ фундаментовъ. Мате-

рики отличаются большою устойчивостью и, слѣдовательно, ихъ фундаменты (глубиною около 11—12 кил.) прочно сопротивляются растворяющему дѣйствію магмы, т. е. разница температуръ нижней поверхности океанической и материковой литосферъ не должна превосходить 200°. (Въ глубокихъ фундаментахъ горъ нижняя часть фундамента нерѣдко растворяется и даетъ начало кислой и средней магмѣ, питающей вулканы). Поэтому геотермическій градусъ на глубинѣ фундаментовъ не долженъ превышать $\frac{12000}{200} =$ $= 60$ метровъ. Итакъ, геотермическій градусъ возросъ на 27 метровъ (у поверхности земли онъ $= 33$ метрамъ). И такъ какъ согласно нашему допущенію температура подъ фундаментами материковъ $= 1500°$, то приростъ на 1° будетъ $\frac{27}{1500}$ метра. Слѣдовательно, принимая равномѣрное наростаніе длины геотермическаго градуса съ глубиной, мы будемъ имѣть послѣдовательно такія значенія для геотермическихъ градусовъ: 33 метра; 33 м. $+ \frac{27.1}{1500}$; 33 м. $+ \frac{27.2}{1500}$; 33 м. $+ \frac{27.3}{1500}$ и т. д. Если сложить 1500 членовъ, то мы и получимъ толщину (H) материковой литосферы $=$ *69,75 кил.*

Полученное число 69,75 кил. лежитъ какъ разъ по срединѣ предѣловъ, установленныхъ нами выше: минимумъ 42 кил. максимумъ 110 кил.

Наиболѣе точный пріемъ для опредѣленія абсолютной толщины литосферы — это воспользоваться сокращеніемъ земной поверхности при горообразованіи. Когда раскаленное ядро уменьшается въ объемѣ, наружная твердая оболочка становится черезчуръ просторной, она съеживается, коробится, даетъ складки. Съ уменьшеніемъ объема земного шара уменьшается и его поверхность. Слѣдъ этой убыли первоначальной поверхности мы находимъ въ изгибахъ и складкахъ наружныхъ пластовъ земной коры въ области горъ. Если мысленно расправить всѣ эти складки, то окажется нѣкоторый избытокъ поверхности — n кв. кил. для складчатой горной системы противъ той площади, какую занимаетъ эта система. Чтобы конкретнѣе изобразить механизмъ образованія узловатости въ литосферѣ (складчатыхъ горъ), я позволю себѣ сдѣлать такое сравненіе. Разломите пластинку изъ воска, слабо нагрѣйте плоскости разлома, сложите оба куска нагрѣтыми частями, а затѣмъ начните сжимать эти пластинки, чтобы онѣ опять склеились по мѣсту разлома. Вы увидите, что по линіи разлома сверху и снизу пластинки произойдетъ выпячиваніе воска: валикъ на верхней поверхности и валикъ на нижней поверхности. Аналогичный процессъ имѣетъ мѣсто и въ земной корѣ. Когда два сосѣднихъ участка коры надвигаются другъ на друга, то происходитъ выпячиваніе горныхъ породъ съ *наружной* (верхней) стороны литосферы: это будетъ *надкоровой* выступъ, который выдается на большую или меньшую высоту изъ-подъ уровня водъ [1],— и съ *нижней* поверхности литосферы: это

[1]) Складчатыя горы, какъ уже было сказано, зарождаются на днѣ океановъ.

подкоровая выпуклина, или *фундаментъ* горъ (Рис. 3). Если поверхность океанической литосферы уменьшилась на *n* кв. кил. и толщина ея = H, то исчезнувшій объемъ литосферы = nH куб. кил. *Этотъ объемъ и идетъ на образованіе надкорового выступа и подкороваго фундамента.*

Исходя изъ этихъ соображеній и пользуясь измѣреніями Гейма надъ сокращеніемъ земной площади при образованіи Юрской горной цѣпи, я нашелъ, что толщина океанической литосферы = 52,53 кил.; а такъ какъ материковая литосфера на 15,78 кил. толще [1]) океанической, то толщина материковой литосферы будетъ 52,53 + 15,78 = *68,31 килом.*

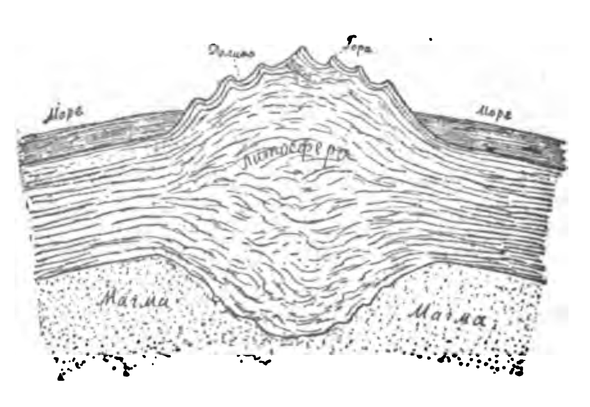


Рис. 3. Образованіе складокъ и возникновеніе узла (утолщенія) въ литосферѣ. Вертикальный поперечный разрѣзъ.

Эта величина почти тождественна съ числомъ 69,75 кил., которое мы нашли исходя изъ геотермическаго градуса и растворяющихъ свойствъ магмы [2]).

Возможная высота горъ для каждой планеты опредѣляется напряженіемъ тяжести на планетѣ. Чѣмъ больше сила тяжести на поверхности планеты, тѣмъ ниже будетъ гора. Напр. 1 куб. сант. воды, кот. на землѣ вѣситъ 1 граммъ, на солнцѣ будетъ вѣсить слишкомъ 27 граммовъ. Вслѣдствіе этого на землѣ мы не можемъ соорудить столба ни изъ какой горной породы, который имѣлъ бы въ высоту десятка 2 километровъ. Подъ тяжестью выше лежащихъ слоевъ низъ или основаніе столба будетъ раздавливаться, расползаться въ стороны. Вычисленія показываютъ, что соотвѣтственно крѣпости матеріала предѣльная высота столба была бы, если бы онъ состоялъ

изъ известняковъ . . .	1,9	кил.
„ песчанниковъ . . .	2,3	„
„ порфира.	4,5	„

---

[1]) Именно, надкоровой фундаментъ=11,28 кил., подводный цоколь=3,8 к., надводный выступъ=0,7 кил.; всего—11,28+3,8+0,7=15,78 кил.

[2]) Подробныя вычисленія толщины земной коры изложены въ VI-ой главѣ моей "Неорганической жизни земли".

„ гранитовъ . . . . 5,2 „
„ кварцитовъ . . . 8 „
„ базальта . . . . 9,5 „

Итакъ, высота надкорового выступа ограничена соотношенiемъ молекулярныхъ силъ и силы тяжести; сверхъ того, она ограничена глубиной фундамента. Слишкомъ высокiя горы имѣли бы слишкомъ глубокiе фундаменты, которые подвергались бы расплавленiю, вслѣдствiе чего надкоровой выступъ сталъ бы осѣдать, высота горы понизилась бы. Точно также и глубины океановъ имѣютъ предѣлъ со стороны крѣпости стѣнокъ впадины, напряженiя силы тяжести и растворяющаго дѣйствiя магмы. Разсчетъ показываетъ, что онѣ могутъ быть нѣсколько значительнѣе возможныхъ высотъ горъ [1]). Высочайшая гора на землѣ—Гауризанкаръ (Гималаи) достигаетъ 8,8 килом., а глубочайшая впадина (въ Тихомъ океанѣ на востокѣ отъ Марiанскихъ острововъ и на сѣверъ отъ Каролинскихъ) достигаетъ 9,6 кил.

Твердая оболочка земли по отношенiю къ земному шару менѣе толста, чѣмъ скорлупа орѣха по отношенiю къ орѣху. Именно толщина океанической литосферы составляетъ только $\frac{1}{121}$ часть радiуса земного радiуса, а материковой— $\frac{1}{93}$ часть. Относительные размѣры гидросферы и литосферы можно видѣть изъ слѣд. таблицы.

	Средн. толщина при равномѣрн. распр. по земн. поверх.	Объемъ.	Объемъ земн. шара=1.	Средняя глубина океановъ.	Наибольш. глуб. океан.	Средняя толщ. океан. литосф.	Средняя толщ. матер. литосф.	Наибольш. толщ. литосф.	Наименьшая толщ. литосф.	Общ. толщ. земн. коры.
	килом.	миллiоны куб. кил.		километры.						
Гидросфера.	2,7	1417,4	$\frac{1}{764}$	3,8	9,6	—	—	—	—	59,42
Литосфера.	56,72	28600,6	$\frac{1}{38}$	—	—	52,5	68,28	106,6	33,5	—

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно *развитiя континентовъ*. Нѣкоторые геологи считаютъ континенты первозданными элементами рельефа, что по моему мнѣнiю неосновательно. Дѣйствительно, материки отличаются огромною устойчивостью во времени; это обусловлено наличностью глубокихъ (11—12 кил.) подкоровыхъ фундаментовъ у материковъ. Тѣмъ не менѣе ихъ существованiе во времени ограничено.

[1]) Лицъ, интересующихся подобными вопросами, отсылаемъ къ моему сочиненiю: „Неорганическая жизнь земли“ ч. I.

Через 30 мил. лѣтъ они могутъ быть смыты до уровня моря при той напряженности размыванія, какая наблюдается въ настоящее время.

Континенты представляютъ собою *утолщенную* литосферу. Этимъ самымъ намъ дается указаніе на счетъ происхожденія континентовъ. Мы уже знаемъ, что причиной узловатости или утолщенія литосферы является боковое давленіе, развивающееся вслѣдствіе сжатія огненножидкаго ядра земли отъ охлажденія. При этомъ два сосѣднихъ участка океанической литосферы надвигаются другъ на друга и даютъ начало подкоровому фундаменту и надкоровому выступу. Изъ многихъ послѣдовательныхъ такихъ утолщеній и сложились материки. Въ началѣ море покрывало всю землю. Охлажденіе ядра вело къ образованію складокъ, утолщеній въ литосферѣ: изъ-подъ уровня водъ выдвигались то цѣпи небольшихъ островов, то цѣлые архипелаги, то длинные [крупные гористые острова. Неглубокіе проливы между ними заполняются осадками; площадь суши растетъ. Къ прежнимъ островамъ присоединяются новые складки, заносятся осадками болѣе крупные бассейны, суша выдвигается въ сторону открытаго моря рѣчными дельтами и намывными островами. Такъ, мало по малу, слагаются крупныя скопленія узловатостей—материки. Что изображенный нами процессъ образованія континентовъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, это показываетъ геологическій (стратиграфическій) анализъ континентовъ. Именно, материки состоятъ изъ *горъ—молодыхъ складокъ*, изъ *размытыхъ древнихъ* горныхъ системъ (напр. Финляндія, Севенское плато, Чешскій массивъ, Шварцвальдъ, Вогезы, Родопъ, Мезетта и т. д.), при чемъ размываніе можетъ снести всѣ выступы и превратить гористую область въ равнину (напр. Канадская низменность), и наконецъ, изъ *продуктовъ разрушенія* возвышенностей: твердое вещество, приносимое рѣками въ моря, частью отлагается непосредственно, частью благодаря жизнедѣятельности организмовъ (корненожекъ, коралловъ ,моллюсковъ, ишанокъ и т. п.), и скопляющіеся осадки изъ вѣка въ вѣкъ, выполняя не очень глубокіе бассейны, даютъ начало сушѣ съ горизонтальнымъ напластованіемъ слоевъ— таковы напр. Скандинавская низменность, Русская низменность (или восточно-европейская), Ангарская и др. Какую огромную роль въ развитіи материковъ играютъ складчатыя горы, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ геологически ближайшее къ намъ время—въ третичный періодъ—развилась такая масса горныхъ цѣпей (Анды, Скалистыя горы, Гималаи, Тянь-Шань, Альпы, Пиренеи, Апеннины, Карпаты, Балканы, Кавказскія горы и т. д.), что площадь, занятая ими, равна цѣлому континенту съ Европу или Австралію и при томъ съ самымъ высокимъ подъемомъ надъ уровнемъ моря. Одни Анды вмѣстѣ съ Альпами по площади составятъ половину Австраліи, при гораздо болѣе высокомъ подъемѣ надъ уровнемъ моря, чѣмъ Австралія.

Итакъ, для объясненія того, какъ возникли материки, намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ нибудь экстраординарнымъ факторамъ и силамъ. Если материки развились изъ скопленія острововъ (горныхъ цѣпей)

и выполненныхъ осадками бассейновъ, то и обратно, при размываніи и опусканіи участковъ литосферы (сбросахъ), отъ материковъ могутъ отдѣляться крупные куски—материковые острова. Всѣ крупные острова суть обломки материковъ, какъ Гренландія, Новая Гвинея, Мадагаскаръ, Великобританія, Ирландія, Цейлонъ, Борнео, Целебесъ, Суматра, Ява и т. д.

Разъ сформировавшійся материкъ, хотя и отличается огромною устойчивостью, тѣмъ не менѣе—онъ не вѣченъ. Развитіе новыхъ складокъ на счетъ океанической литосферы вызываетъ *повышеніе* морского уровня, вслѣдствіе чего низменная область континентовъ заливается водой: наступаетъ трансгрессія моря. Причину этого повышенія легко понять. Складчатыя горы развиваются вслѣдствіе *сокращенія* поверхности океанической литосферы. Отъ этого уменьшается площадь, занятая океанами. То же количество водъ должно умѣститься на меньшей площади, слѣдовательно толщина водяного слоя будетъ больше: уровень водъ подымется. Въ еще большей мѣрѣ повышенію уровня океаническихъ водъ содѣйствуетъ образованіе самихъ складокъ. Возникающія горныя системы занимаютъ обширную площадь, которая до ихъ образованія составляла дно океановъ и потому площадь океановъ значительно сокращается. По приблизительной оцѣнкѣ, развитіе третичныхъ горъ должно было поднять уровень океановъ на 120 метровъ.

Если бы въ настоящее время повысился уровень океаническихъ водъ на 200 метровъ, то была бы затоплена $^1/_8$ всей суши; при повышеніи морского уровня на 500 метровъ больше половины современныхъ континентовъ сдѣлалось бы добычей моря.

Такъ какъ намъ извѣстна толщина океанической литосферы, то мы можемъ вычислить, какъ будетъ развиваться суша и каковы будутъ трансгрессіи моря или сокращенія земного радіуса на 1 метръ, 5 м., 100 м., 1 кил. и т. д. Подъ развитіемъ суши мы разумѣемъ возникновеніе такой узловатости въ литосферѣ, у которой надкоровой выступъ возвышается надъ уровнемъ моря на 0,7 кил. (т. е. какъ разъ равенъ среднему подъему современныхъ материковъ.

Оказывается, что сжатіе земного радіуса на 1 метръ способно дать, начало 532,3 кв. кил. материка, и что для образованія всѣхъ современныхъ материковъ съ ихъ горами, плоскогоріями, полуостровами и островами достаточно было сжатія радіуса на 261,1 килом. Такъ какъ наши континенты не первичные (раньше ихъ были другіе), то сжатіе радіуса должно было значительно превосходить 261 кил. за историческій (въ геологическомъ смыслѣ) періодъ жизни нашей планеты.

Колебанія суши и моря возможны и отъ другихъ причинъ. Мы видѣли, что сцѣпленіе молекулярныхъ силъ недостаточно для поддержанія участковъ литосферы, площадью болѣе 1 кв. километра. Хотя вѣсъ участковъ коры съ поперечникомъ въ 50, 100 или 500 килом. въ много разъ превосходитъ силы сцѣпленія, дѣйствующія въ боковыхъ стѣнкахъ этихъ участковъ, тѣмъ не менѣе эти силы не нуль: если онѣ не въ состояніи цѣли-

коимъ преодолѣть вѣсъ этого участка, то онѣ могутъ нѣкоторую долю его поддержать въ положеніи несоотвѣтственномъ законамъ гидростатики. Напр. если въ какомъ либо участкѣ коры толщиной въ 68 кил. молекулярныя силы могутъ преодолѣть только 1% вѣса этого участка, то возможны уклоненія вверхъ и внизъ отъ положенія, опредѣляемаго гидростатикой на $\frac{1}{100}$ т. е. $\frac{68000}{100}$=680 метровъ. Вслѣдствіе бокового давленія, оттока или притока магмы—этотъ участокъ можетъ опуститься или подняться вверхъ на 680 метровъ безъ всякаго измѣненія глубины фундамента. Это уклоненіе, вызываемое молекулярными силами, можно назвать *аномаліей высотъ*. Чѣмъ больше участокъ, тѣмъ слабѣе роль молекулярныхъ силъ, тѣмъ незначительнѣе аномалія. Вотъ *размѣръ аномалій* для участковъ коры различныхъ діаметровъ.

Для площадей круговъ діаметомъ до 1 килом. законы гидростатики непримѣнимы. Величина аномаліи опредѣляется молекулярными силами.

Для площади	круга	діаметромъ		10	килом.	6.800	метровъ.
„	„	„	„	50	„	1.360	„
„	„	„	„	100	„	680	„
„	„	„	„	1.000	„	68	„
„	„	„	„	5.000	„	13,6	„

Благодаря этомъ аномаліямъ возможны колебанія суши, безъ измѣненія глубины ея фундамента: низменность опускаясь можетъ превратиться въ неглубокое море и обратно, неглубокое море можетъ дать начало сушѣ. А. П. Карпинскій реставрировалъ колебанія суши и моря на той части земного шара, которая занята восточно-европейскою низменностью. Оказалось, что на этомъ пространствѣ море нѣсколько разъ смѣняло сушу, причемъ моря были вытянуты то въ широтномъ направленіи (съ запада на востокъ), то въ меридіанальномъ (съ сѣвера на югъ). Анализъ осадковъ въ петрографическомъ отношеніи, слагающихъ горизонтальныя напластованія равнинъ, показываетъ, что это осадки прибрежные, мелководные или въ крайнемъ случаѣ умѣренныхъ глубинъ. Напротивъ, среди осадковъ, образующихъ складчатыя горы, могутъ встрѣчаться осадки и самые глубоководные. Таковы, напр., роговики Альпъ, которые состоятъ изъ панцырей и радіолярій и иглъ кремнистыхъ губокъ. Этотъ типъ осадка свойственъ очень глубокимъ мѣстамъ современныхъ океановъ. Все это хорошо согласуется съ излагаемою мною теоріей равновѣсія земной коры.

Подведемъ итоги нашему изслѣдованію.

1) Общая форма нашей планеты опредѣляется молярными силами и центробѣжной силой, а молекулярныя силы играютъ третьестепенную роль.

2) Земля состоитъ изъ газоваго ядра (сильно сгущенныхъ паровъ металловъ), толстаго слоя огненно-жидкой массы и тонкой (менѣе 1/100 радіуса) твердой оболочки или коры (литосферы).

2) Молекулярныя силы, дѣйствующія въ твердой оболочкѣ (корѣ) не

въ состоянiи поддерживать крупныя формацiи коры, вслѣдствiе чего нужно признать, что кора плаваетъ на магмѣ, подчиняясь законамъ гидростатики.

4) Земная кора не одинаковой толщины: подъ дномъ океановъ она тоньше на 15 килом., чѣмъ въ области материковъ.

5) Внутреннiй рельефъ земной коры (литосферы) есть зеркальное изображенiе наружнаго рельефа, причемъ контуры подкорового изображенiя нѣсколько вытянуты въ вертикальномъ направленiи, округлены и смягчены.

6) Участки земной коры размѣрами въ 1 кв. километръ представляютъ собою предѣльныя призмы, т. е. такiе столбики коры, вѣсъ которыхъ какъ разъ равенъ молекулярнымъ силамъ, дѣйствующимъ въ стѣнкахъ столбика и противящихся скалыванiю (или срѣзыванiю) по плоскости этихъ стѣнокъ.

7) Нагрузка предѣльныхъ призмъ ведетъ къ ихъ опусканiю, разгрузка—къ поднятiю. Эта нагрузка и разгрузка производится главнымъ образомъ дѣятельностью воды, которая смываетъ слои съ однихъ участковъ и отлагаетъ ихъ на другiе.

8) Опусканiе призмъ можетъ идти только до опредѣленной глубины.

9) Сокращенiе барисферы (огненно-жидкаго и газоваго ядра) вызываетъ образованiе складокъ въ океанической литосферѣ, согласно особому закону газообразованiя.

10) Абсолютная толщина материковой земной коры опредѣляется:

	Минимумъ.	Максимумъ.
a) изъ аномалiй тяжести и максимальныхъ толщъ осадковъ	42 кил.	100 кил.
b) изъ геотермическаго градуса и растворяющихъ свойствъ магмы	69	кил.
c) изъ сокращенiя земной поверхности при газообразованiи	68	„

Толщина океанической литосферы = 52,5 килом.

11) Материки представляютъ собою обширныя скопленiя узловатостей литосферы, происшедшихъ частью вслѣдствiе газообразующихъ процессовъ, частью вслѣдствiе выполненiя осадками морскихъ и прѣсноводныхъ бассейновъ. Слѣдовательно, материки являются производными образованiями отъ горныхъ системъ.

12) Колебанiя суши и моря вызываются: a) вертикальнымъ движенiемъ предѣльныхъ призмъ вслѣдствiе нагрузки и разгрузки; b) образованiемъ складчатыхъ горъ, что съ одной стороны даетъ начало новой сушѣ, а съ другой—вызываетъ трансгрессiи моря; c) влiянiемъ молекулярныхъ силъ, которыми обусловливаются аномалiи высотъ; уклоненiя тѣмъ меньше, чѣмъ значительнѣе площади, въ которыхъ возникаютъ аномалiи.

I. Лукашевичъ.

Современный парламентаризмъ
и его теоретики.

(По поводу „Современнаго парламентаризма“ проф. Фальбека. Спб. 1907).

Кризисъ современнаго парламентаризма является въ настоящее время фактомъ, въ такой же мѣрѣ безспорнымъ, какъ и неотвратимымъ. Теоретики самыхъ различныхъ и даже противоположныхъ направленій стремятся намѣтить симптомы этого кризиса, выяснить ихъ угрожающую силу, раскрыть ихъ источники, взвѣсить силу противоположныхъ тенденцій, предугадать пути, по которымъ пойдетъ будущее развитіе парламентаризма. Понятенъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ всякая новая попытка поставить и разрѣшить одну изъ этихъ проблемъ [1]).

Въ работѣ Фальбека прежде всего обращаютъ на себя вниманіе двѣ черты, на первый взглядъ исключающія другъ друга: во 1-хъ, обильный матеріалъ, дающій средства для весьма цѣнныхъ обобщеній, и во 2-хъ, крайній схематизмъ построеній, какъ бы игнорирующій весь этотъ матеріалъ: настолько, что изслѣдованіе фактически не выходитъ за предѣлы анализа отдѣльныхъ конституцій или сравненія ихъ отдѣльныхъ чертъ. Удивительно то, что подходя къ самымъ глубокимъ, захватывающимъ вопросамъ, связаннымъ съ существованіемъ и развитіемъ парламентаризма, авторъ нигдѣ не пытается дать имъ *общее* принципіальное разрѣшеніе; тамъ же, гдѣ онъ стремится прослѣживать тенденціи развитія, онъ ограничивается слишкомъ общими, никого ужъ не удовлетворяющими замѣчаніями объ „эволюціи отъ королевскаго суверенитета къ парламентскому“ или указаніемъ на опасности, угрожающія политическому развитію европейскаго общества отъ повсемѣстнаго распространенія всеобщаго избирательнаго права, правленія парламентскаго большинства и современнаго импе-

---

[1]) Русскій переводъ работы Фальбека представляетъ собою вторую часть его сочиненія „Шведская конституція и современный парламентаризмъ“ (Pontus Fahlbeck. La contitution Suédoise et le parlementarisme moderne. Par. 1905); эта часть является, впрочемъ, довольно законченнымъ цѣлымъ, съ опредѣленно поставленной задачей, съ матеріаломъ и выводами, спеціально къ ней относящимися.

ративнаго мандата (рѣчь идетъ объ обязательствахъ депутата предъ своей партіей).

Какъ объяснить эту блѣдность обобщеній и страхъ предъ неотвратимой политической эволюціей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ методъ автора и общіе принципы, лежащіе въ основѣ этого метода. Анализируя характеръ и тенденціи развитія современнаго парламентаризма, авторъ стремится ни на мгновеніе не покидать *„конституціонной основы“* данной государственной формы. Назвавъ явленіе неконституціоннымъ, онъ какъ-бы бронируетъ себя отъ научной необходимости подвергнуть его анализу, хотя бы данное явленіе опредѣляло характеръ, вызывало существованіе и предрѣшало судьбу данной конституціи. Поскольку у него рѣчь идетъ только о догмѣ современныхъ конституцій, такое съуженіе поля изслѣдованія даетъ намъ стройный морфологическій очеркъ современнаго парламентаризма; но авторъ желаетъ не только описывать, но и теоретизировать, искать зародыши, открывать тенденціи, предсказывать будущее самыхъ сложныхъ современныхъ отношеній, корни которыхъ лежатъ гораздо глубже конституціонной поверхности государственной жизни. Для выполненія такой задачи рамки „конституціи“ должны быть разбиты, ибо ни одна конституція въ мірѣ не обладаетъ ни способностью самопроизвольнаго зарожденія, ни мощью самодовлѣющаго развитія: логика учрежденій не развивается сама изъ себя, а питается могучими соціально-экономическими силами, которыя опредѣляютъ характеръ и темпъ развитія конституціонныхъ учрежденій. Иными словами, для выполненія задачи, которую ставитъ себѣ авторъ, необходимо, чтобы конституція страны выявлялась предъ нами не въ образѣ замкнутой въ себѣ юридической системы, а въ видѣ составной части огромнаго цѣлаго — *соціальной жизни*. Но стремленіе автора считаться съ конституціей, какъ съ явленіемъ, во-первыхъ, соціальнымъ, и, во-вторыхъ, подверженнымъ закону эволюціи,—сталкивается съ болѣе привычной въ этой области традиціей— изучать только юридическую *схему* конституціонныхъ учрежденій, и такъ какъ эта традиція почти всюду въ работѣ торжествуетъ побѣду, то современный парламентаризмъ предстаетъ предъ нами не какъ живой, развивающійся организмъ, а какъ сухой, неподвижный скелетъ. Естественно, что всѣ попытки предсказать его будущее разбиваются о его мертвыя кости. Какое будущее можетъ быть у скелета, кого можетъ занимать его будущее? Теоретику остается лишь изучать его строеніе, отношенія между частями, детали его организаціи... Такъ поступаетъ и авторъ.

Устанавливаются три типа современнаго парламентаризма: унитарный, гдѣ парламентское большинство чрезъ свое министерство безраздѣльно управляетъ страной (Англія), дуалистическій, гдѣ парламентъ и глава государства обладаютъ одинаковой степенью вліянія (Швеція и С.-А. Соединенные Штаты) и смѣшанный, „Швейцарскій парламентаризмъ“, гдѣ суверенитетъ принадлежитъ парламенту, исполнительной власти и народу; далѣе, даются схематическіе абрисы этихъ типовъ и ихъ континентальныхъ подра-

жаній и очерчивается конституціонная роль партій [1]).—Общая задача ставится такъ: дана конституція, даны органы власти и ихъ полномочія; требуется, какъ завѣщалъ Монтескье, que le pouvoir arrête le pouvoir (чтобы власть удерживала власть). Разъ государственная система построена такъ, что невозможно указать истиннаго юридическаго суверена, т. е. суверенные классы разсѣиваютъ свою политическую силу въ различныхъ органахъ власти, такъ что нѣтъ средства указать на центральный ея источникъ такъ что даже побѣжденные въ одномъ пунктѣ, суверенные классы могутъ стянуть свои силы и окопаться въ другомъ,—это значитъ, что система организована правильно, умно и эстетично. Если же какой-нибудь органъ власти, напр. парламентъ, получаетъ преобладающую силу въ государственной системѣ, тогда слѣдуютъ скорбныя предсказанія, предостерегающіе совѣты или рѣшительное осужденіе, слышатся отзвуки рѣчей Де-Лольма и Токвиля о тиранніи одной господствующей власти, воскресаетъ грозное предостереженіе Венжамена Констана—„народъ, который всемогущъ (qui peut tout) такъ же опасенъ, даже болѣе опасенъ, чѣмъ тиранъ"... сколько было высказано на эту тему! [2]).

[1]) Если не преувеличивать значенія терминологіи—и донынѣ еще болѣе, чѣмъ условной въ этой области—то нетрудно замѣтить совпаденіе конструкцій у автора и Моро (Моро. Въ защиту парламентаризма Спб. 1908). Послѣдній также рѣзко разграничиваетъ режимъ, основанный на господствѣ парламентскаго большинства надъ исполнительной властью „парламентарный режимъ" и „режимъ, основанный на раздѣленіи властей", но, въ противоположность автору, онъ всецѣло отстаиваетъ парламентскій режимъ, считая „химерой дѣйствительное раздѣленіе властей (Стр. 58). Между тѣмъ, Фальбекъ съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ останавливается именно на уравновѣшиваніи властей, пользуясь примѣромъ Швеціи и классической страны принципа раздѣленія властей—С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

[2]) Напрасно искать въ работѣ болѣе современнаго и болѣе глубокаго пониманія роли народныхъ массъ въ современномъ правотворчествѣ, анализа борьбы двухъ или даже нѣсколькихъ правопорядковъ, которая неизбѣжна во всякомъ правовомъ общеніи, будь то борьба парламентаризма съ народовластіемъ или абсолютизма съ парламентаризмомъ (Г. Еллинекъ. Борьба стараго права съ новымъ. Спб. 1908. С. 21, 33). Не занимаетъ автора и мысль объ олигархической природѣ современнаго парламентаризма: напротивъ, съ тревогой онъ смотритъ на расширеніе избирательнаго права... Эгоизмъ массъ—„такова опасность, которой подвергается современное государство подъ режимомъ парламентарнаго суверенитета". Интересно противопоставить этой тревогѣ мысль, прямо противоположную, взглядъ, рѣзко подчеркивающій природу парламентскаго полновластія, воплощающаго въ себѣ скорѣе диктатуру меньшинства, чѣмъ суверенитетъ народа: „До настоящаго времени парламентъ еще нигдѣ не является дѣйствительнымъ выразителемъ желаній и воли народнаго большинства; именно этимъ—а не чѣмъ либо инымъ—*объясняется тяжелый кризисъ*, переживаемый современнымъ парламентаризмомъ въ большинствѣ государствъ Западной Европы... Только народныя

Равновѣсіе силъ—вотъ фетишъ автора, вотъ тотъ принципъ, котораго онъ ищетъ во всѣхъ государственныхъ образованіяхъ, такова статическая основа и суверенный идеалъ его правно-политическихъ построеній. Этому принципу подчинена и идея развитія, въ трактовкѣ автора напоминающая Спенсеровъ „ритмъ эволюціи", стремящійся создать *устойчивое равновѣсіе*; но Спенсеръ зналъ и *„ритмъ разложенія"*, предъ которымъ не могутъ устоять самыя устойчивыя и совершенныя организаціи. Авторъ отворачивается отъ этой стороны соціальнаго развитія... Обнять мыслью *движущія* силы политическаго развитія, намѣтить тенденціи, проявляющіяся съ настойчивой необходимостью въ различныхъ широтахъ и въ разныя эпохи, указать, какія *постоянныя* силы стремятся исторгнуть данную правовую форму изъ *временнаго* состоянія равновѣсія, какія временныя условія или *противоположныя тенденціи удерживаютъ ее еще въ этомъ состояніи*—этой задачи не вмѣщаетъ въ себѣ та теорія развитія, которая такъ часто упоминается въ работѣ, но не обладаетъ въ ней дѣйственной мощью, точно такъ же, какъ упоминаніе о соціальныхъ силахъ, питающихъ конституціонныя учрежденія.

Какъ представляетъ себѣ авторъ *соціологическій методъ въ правѣ* и къ какимъ выводамъ его приводитъ стремленіе держаться „конституціонной основы" политической жизни—особеннно рельефно обнаруживается по двумъ важнымъ вопросамъ: о соціальномъ характерѣ современныхъ партій и о политической роли англійскаго дворянства. Такъ, глава о Швеціи открывается рѣшительнымъ замѣчаніемъ, что „въ вопросѣ о современномъ парламентаризмѣ должно *прежде всего* выяснить *соціальную основу* политической жизни (la base sociale de la vie politique)". Какова же эта соціальная основа? „Иначе говоря, объясняетъ авторъ, важно выяснить, какъ организуются *партіи* и какую роль онѣ играютъ"! Трудно повѣрить, что авторъ дѣйствительно считаетъ *соціальной* основой политической жизни—не противорѣчія классовой борьбы, а конституціонные конфликты партій, эти зарницы невидимыхъ на конституціонномъ горизонтѣ молній. Между тѣмъ, онъ идетъ гораздо дальше: онъ полагаетъ, что рознь партій, основанныхъ на классовомъ началѣ, является не столь важной и глубокой, какъ, напр., различія партій національныхъ и религіозныхъ. Къ сожалѣнію, положеніе это, матеріалъ для котораго, вѣроятно, взятъ изъ исторіи Англіи (но не Швеціи...),—остается недоказаннымъ, такъ же какъ утвержденіе, что партіи необходимы тамъ, гдѣ онѣ являются „элементомъ конституціи", напр., въ Англіи; что же касается странъ съ *дуалистическимъ* парламентаризмомъ, то „тамъ онѣ излишни", такъ что, еслибы, напр., въ Швеціи

демократическія партіи будутъ обладать достаточной силой для того, чтобы именемъ народа править страной; и эти партіи будутъ въ такой же мѣрѣ однородны, въ какой нѣкогда въ старой Англіи были однородны политическія партіи аристократическаго меньшинства..." В. Гессенъ. Теорія правового государства. Политическій строй современныхъ государствъ. Т. I. Спб. 1905. С. 176.

исчезли вдругъ всѣ партіи, то „такое событіе не оставило бы особенныхъ слѣдовъ ни въ политической жизни страны, ни на ея конституціи". Это соображеніе не мѣшаетъ автору на стр. 73 считать американскія партіи *необходимыми* для конституціи, хотя въ федераціи царитъ дуалистическій парламентаризмъ; въ другомъ мѣстѣ, опущенномъ въ переводѣ, онъ объясняетъ это тѣмъ, что партіи тамъ необходимы—для президентскихъ выборовъ: какъ будто онѣ перестали бы существовать въ Америкѣ, еслибы здѣсь президентъ, какъ во Франціи, выбирался палатами, или не существуютъ въ Швеціи, гдѣ онѣ „излишни!" [1]).

---

[1]) Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности исчерпать ни теоретическое содержаніе работы Фальбека, въ одинаковой мѣрѣ спорное и интересное, ни фактическій ея матеріалъ, стройно и компактно уложенный въ тѣсныя рамки работы общаго характера. Но говоря о фактическомъ матеріалѣ работы, нельзя не отмѣтить, что въ этомъ отношеніи автору malgré lui приходится дѣлить свою славу знатока шведской конституціи—съ переводчикомъ: математика и конституціонное право единогласно свидѣтельствуютъ, что слава эта не можетъ оттого возрасти... На стр. 85, о Швеціи мы читаемъ, что 1809 г. есть „годъ обнародованія *теперешней конституціи*", къ которой въ 1866 году были сдѣланы „*нѣкоторыя поправки*". Обращаемся къ французскому тексту (стр. 236) и убѣждаемся, что мѣсто это—придумано переводчикомъ или является, въ видѣ произвольной вставки, искаженнымъ переводомъ замѣчаній автора, высказанныхъ въ иномъ контекстѣ и по совершенно другому поводу, а для того, чтобы оцѣнить творчество переводчика по этому вопросу, достаточно вспомнить, что „теперешняя конституція" Швеціи не есть „форма правленія 1809 г.": въ 1866 г. въ этой странѣ погребена была „готическая монархія", т. е. *сословное представительство* уступило мѣсто *національному парламенту*, и эта *юридическая революція* квалифицируется, какъ „*нѣкоторыя поправки къ конституціи*".—Но не только въ Швеціи, и въ Англіи достается автору отъ переводчика. На стр. 88 мы неожиданно читаемъ: „Избирательныя реформы въ Англіи нисколько не вліяли *никогда* на составъ палаты общинъ". Что это значитъ? Развѣ олигархія землевладѣльцевъ и набобовъ до избирательной реформы 1832 г. не смѣнилась господствомъ буржуазіи въ нижней палатѣ? Могъ ли авторъ забыть, что послѣ реформы у власти стали либералы, т. е. виги, соединившіеся съ радикалами? Раскрываемъ текстъ. Говоря объ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ составъ риксдага конституціей 1866 г., авторъ замѣчаетъ: „Не такъ, какъ въ Англіи, гдѣ избирательныя *реформы 1867 и 1884 г.г.* нисколько не измѣнили состава палаты общинъ",—что также въ извѣстномъ смыслѣ невѣрно,—но переводить подчеркнутое мѣсто словомъ „*никогда*"—и произвольно и фактически-неправильно. Я говорю о замѣчаніи автора, что оно *въ извѣстномъ смыслѣ* невѣрно потому, что англійская двухпартійная система и послѣ реформъ 1867 и 1884 г.г. осталась почти непоколебленной, а по отношенію къ рабочимъ, какъ извѣстно, „разница между либераломъ и тори приблизительно та же, что между верхнимъ и нижнимъ жерновами, т. е. они одинаковаго достоинства" (проф. Бисли). Но не слѣдуетъ забывать, что *лишь послѣ избирательной реформы 1867 г.*—въ министерство лорда Биконсфильда (1874—80), *появились первые рабочіе въ палатѣ общинъ*, что и позже, до 1885 г., Бернсъ и Бродгерстъ были единственными представителями труда въ палатѣ, а *послѣ реформы 1884 г.*

Но въ особенности останавливаютъ вниманіе факты и соображенія, касающіеся англійскаго дворянства. Оказывается, что „англійская аристократія никогда не имѣла тѣхъ привилегій, какими пользовалась континентальная аристократія“ и что „другіе классы не чувствовали въ такой мѣрѣ нарушенія своихъ правъ и не вступали въ борьбу съ дворянствомъ“; правда, неизвѣстно почему, „ряды крестьянъ-собственниковъ, составлявшіе когда-то главный контингентъ страны, стали значительно рѣдѣть съ конца среднихъ вѣковъ, а въ концѣ 18 вѣка они почти совсѣмъ исчезли“, но „все это, увѣряетъ авторъ, произошло *съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ нормъ, согласно требованіямъ частнаго права*: дворяне и другіе *скупали* фермы крестьянъ, превращая ихъ въ пастбища для овецъ“ (24). Нѣтъ нужды доказывать, что исторія англійской аристократіи есть исторія—„безмезднаго“, какъ думаетъ Гнейстъ—политическаго закрѣпощенія массы англійскаго народа аристократіей черезъ парламентъ, судебную и полицейскую организацію графствъ,—даже оставляя въ сторонѣ экономическую, національную и колоніальную политику правительства. Насколько, далѣе, „*другіе классы не чувствовали на-*

число этихъ представителей увеличилось до 10 и въ 1892 г.—до 16 (Э. Порритъ. Современная Англія. М. 1897. С. 232). Въ этомъ смыслѣ, утвержденіе автора, что „избирательныя реформы 1867 и 1884 г.г. *нисколько* не измѣнили состава палаты общинъ“ является произвольнымъ вымысломъ, тѣмъ менѣе понятнымъ и допустимымъ, что интересующій насъ вопросъ есть не болѣе, какъ questio facti...—Выше мы указали на искаженія, пропуски и вставки въ переводѣ: мы видѣли, что переводъ иногда разсказываетъ невѣроятныя вещи объ авторѣ; къ сожалѣнію и подлинникъ не всегда щадитъ его. Такъ, объ англійскомъ парламентѣ подлинникъ и переводъ согласно разсказываютъ, что среди *прерогативъ*, „*свойственныхъ исключительно ему одному*“ находится право „принимать петиціи, исходящія отъ частныхъ лицъ и касающіяся какого угодно предмета“ (40, p. 170). Помимо фактической невѣрности этого утвержденія, о чемъ ниже, нетрудно замѣтить неправильность въ самой постановкѣ вопроса. Дѣйствительно, для безвластнаго законодательнаго корпуса второй имперіи, который, подобно нашимъ обѣимъ палатамъ, не могъ, до 1870 г., принимать петицій, для него принятіе петицій могло явиться объектомъ *права*, поскольку оно могло служить орудіемъ борьбы съ императорскимъ правительствомъ; но въ странахъ парламентарнаго режима можно говорить о правѣ *гражданъ подавать петиціи*, но не о *правѣ парламента принимать ихъ*: для него это скорѣе обязанность, чѣмъ право, и тѣмъ менѣе прерогатива. Это пониманіе характера петицій, *утратившихъ* характеръ *жалобъ*, оправдывается эволюціей и превращеніемъ права петицій въ народную *иниціативу*, которая по толкованію Эсмена представляетъ собою повелительную форму петиціи (Эсменъ однако не отмѣчаетъ, что эта эволюція *радикально* измѣняетъ *силу и значеніе* права петицій). Что касается исключительнаго положенія англійскаго парламента, то авторъ забываетъ, что петиціи узаконены не только въ Англіи, но и въ цѣломъ рядѣ странъ, политически менѣе развитыхъ, чѣмъ Англія: въ Испаніи, Италіи, Голландіи, не говоря ужъ о Франціи, Бельгіи...

рушенія своихъ правъ", можно видѣть изъ исторіи этой страны, столь чуждой, на взглядъ автора, привилегій и даже классоваго эгоизма: въ этой исторіи нетрудно найти страницы, посвященныя кровавому подавленію крестьянскаго возстанія 1381 г., безчеловѣчному рабочему законодательству того же періода, движенію левеллеровъ средины XVII вѣка и, наконецъ, борьбѣ буржуазіи противъ аристократическаго режима наканунѣ реформы 1832 г.: нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что континентальныя Жакеріи были шире и продолжительнѣе крестьянскихъ возстаній въ Англіи, или что англійская революція 1649 г. была болѣе мирной, чѣмъ революція 1789 года во Франціи и менѣе кровавой, чѣмъ 1848 годъ въ Германіи и Австріи.

Что касается юридической обстановки тѣхъ измѣненій въ характерѣ земельной собственности, какія имѣли мѣсто въ Англіи XV—XVIII в.в., то и здѣсь авторъ обнаруживаетъ мало обоснованную симпатію къ англійской аристократіи или—невнимательность къ фактамъ. Не такъ трудно найти изслѣдователей, менѣе пристрастныхъ къ исторической роли англійскаго дворянства за этотъ періодъ [1]).

Но если соціально-политическій анализъ въ работѣ Фальбека страдаетъ

[1]) „Въ Англіи крѣпостное право фактически исчезло во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Огромное большинство населенія состояло тогда, и еще болѣе въ XV-мъ столѣтіи, изъ свободныхъ самостоятельно-хозяйствующихъ крестьянъ, за какими бы феодальными вывѣсками ни скрывалось ихъ право собственности". Что же или кто лишилъ ихъ этой собственности? „Крупные феодалы", отвѣчаетъ изслѣдователь, путемъ „*насильственнаго изгнанія крестьянъ* съ тѣхъ земель, на которыя крестьяне имѣли такія же права, какъ и ихъ господа, и *захватомъ ихъ общественныхъ земель*", для превращенія пахатныхъ земель въ пастбища. Съ другой стороны, „реформація и послѣдовавшее за нею колоссальное расхищеніе церковныхъ имуществъ дало новый ужасный толчекъ процессу *экспропріаціи народной массы въ XVI-мъ столѣтіи...* Церковныя имѣнія были по большей части раздарены хищнымъ королевскимъ любимцамъ или проданы за безцѣнокъ спекулянтамъ-фермерамъ и горожанамъ, которые *изгоняли массами старыхъ наслѣдственныхъ держателей-крестьянъ* и соединяли ихъ хозяйства въ большіе участки". Наконецъ,—не говоря ужъ о расхищеніи государственныхъ имуществъ въ эпоху реставраціи Стюартовъ и при Ганноверской династіи,—по вопросу о ликвидаціи общиннаго землевладѣнія мы читаемъ: „Прогрессъ XVIII-го столѣтія выражается въ томъ, что *законъ самъ становится орудіемъ расхищенія народной земли*" чрезъ „Bills for Inclosures of Commons" (законы объ огораживаніи общинныхъ земель), другими словами, декреты, которыми помѣщики сами дарятъ себѣ на правѣ частной собственности народную землю, т. е. декреты объ экспропріаціи народа" (К. Марксъ. Капиталъ. 605—620). Данныя для XVI и XVII в.в.—о томъ, что, наряду съ добровольнымъ отчужденіемъ, широко практиковался насильственный захватъ общинныхъ участковъ—у М. Ковалевскаго. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Т. III. М. 1906, Стр. 363—375.

глубокими и существенными недостатками, то нельзя въ то же время не отмѣтить, что несмотря на указанные пробѣлы и недочеты ея, несмотря на неправильности и противорѣчія въ установленіи и учетѣ отдѣльныхъ фактовъ, въ ней есть нѣчто въ высшей степени цѣнное, что такъ рѣдко встрѣчается въ подобныхъ работахъ: она полна научнаго изящества, которое проникаетъ собою и стройную гармонію построеній и рельефную законченность формулъ. Въ особенности интересны и цѣнны блестящая характеристика дуалистическаго парламентаризма Швеціи, стройная схема англійскихъ учрежденій и очеркъ политическихъ отношеній, сложившихся по ту сторону океана. Тонкая наблюдательность, съ какой подмѣчены и фиксированы едва уловимыя черты конституцій, мягкость линій и точность разграниченій, интересный матеріалъ и отчетливая его группировка—все это сообщаетъ изслѣдованію не только научный, но и своеобразный научно-эстетическій интересъ, который можетъ быть ослабленъ, но не уничтоженъ указанными несовершенствами. Что касается этихъ послѣднихъ, то, отвлекаясь отъ индивидуальныхъ недочетовъ даннаго изслѣдованія, необходимо замѣтить, что онѣ являются лишь *неотвратимымъ результатомъ* общаго состоянія современной государственной науки, въ которой государство и донынѣ разсматривается, лишь какъ явленіе юридическое, но *не соціальное*. И нѣтъ сомнѣнія, что несовершенства эти останутся во всей своей силѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана непоколебимая *соціологическая* основа для изученія *юридической* природы государства, то aliquid inconcussum государственной науки, котораго искалъ когда-то Декартъ для всей системы познанія, пока не будетъ заложенъ фундаментъ той науки будущаго, которую Еллинекъ назвалъ *соціальнымъ ученіемъ о государствѣ*...

II.

Необходимость *соціально*-политическаго анализа съ особенной силой чувствуется въ одномъ чрезвычайно важномъ вопросѣ, который ставитъ работа Фальбека и которому суждено стать рано или поздно самымъ жгучимъ вопросомъ современности для многихъ странъ развитого парламентаризма. Рѣчь идетъ о тенденціяхъ, проявляющихся въ развитіи парламентарныхъ странъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что современный парламентаризмъ переживаетъ глубокій кризисъ, что онъ все рѣзче и рѣшительнѣе обнаруживаетъ тенденцію всякаго государственнаго строя—*развиваясь, исчерпывать себя*, свою роль, свои задачи, свое значеніе, что новые элементы общественнаго развитія проникаютъ сюда съ неотвратимой силой и что современный развитой парламентаризмъ даетъ намъ картину такой же борьбы противоположныхъ тенденцій, какъ и все современное капиталистическое общество. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ послѣднія десятилѣтія намѣчается теченіе, которое въ кризисѣ современнаго парламентаризма видитъ

его „опустошеніе", Aushöhlung, паденіе творческой его роли и переходъ законодательнаго строительства жизни *отъ парламента къ народу*, какъ это наблюдается въ Швейцаріи съ ея иниціативой и референдумомъ. Фальбекъ не ставитъ въ такой общей и рѣшительной формѣ этого вопроса. Напротивъ, онъ убѣжденъ, что „народное представительство стало или становится главнымъ государственнымъ органомъ" и что „послѣдняя стадія этого развитія выступаетъ въ различныхъ формахъ парламентаризма"; но и онъ, комментируя швейцарскія учрежденія, замѣчаетъ, что Федеральное собраніе раздѣляетъ власть съ народомъ, „съ которымъ оно безъ сомнѣнія и впредь будетъ дѣлить ее все больше и больше", что „здѣсь народъ является какъ бы третьей властью, которая судитъ двѣ другія въ послѣдней инстанціи", что референдумъ и иниціатива „превратили народъ въ дѣйствительный органъ управленія", и что, „съ развитіемъ этихъ институтовъ, вліяніе и престижъ Федеральнаго собранія пойдутъ на убыль: тотъ фактъ, что оно не является ужъ болѣе главнымъ государственнымъ органомъ и что надъ нимъ стоитъ другой органъ власти,—долженъ неизбѣжно привести къ его паденію" (106—114).

По существу выше-очерченнаго взгляда на развитіе народовластія необходимо замѣтить, что онъ охватываетъ лишь одну сторону современнаго политическаго развитія и игнорируетъ огромную силу совершенно иной тенденціи. Какъ бы высоко мы ни оцѣнивали мощное развитіе народовластія, какъ бы велики ни были его завоеванія за счетъ политической силы парламентаризма, огромное значеніе надо признать за тѣмъ фактомъ, что къ завоеванію функцій и власти современнаго парламента стремится не только народъ, но *къ той же цѣли увлекаетъ логика соціальнаго и политическаго развитія и исполнительную власть*,—при чемъ эти двѣ силы порою сталкиваются, порою власть одной служитъ опорой для притязаній и роста другой; невозможно не видѣть, что исторія такъ наз. унитарнаго парламентаризма за послѣдніе полвѣка есть исторія роста значенія исполнительной власти, что парламентъ, сохраняя въ потенціи огромную власть, фактически все болѣе и болѣе подчиняется руководству кабинета, какъ это отмѣчаетъ и самъ Фальбекъ относительно Англіи...

Въ этомъ отношеніи авторъ всецѣло слѣдуетъ за блестящимъ комментаторомъ англійской конституціи Г. С. Мэномъ (G. S. Maine. Popular governement. Lond. 1885), почти повторяя его слова: „Кабинетъ, который путемъ ряда конституціонныхъ фикцій наслѣдовалъ всю власть короны,—*впиталъ въ себя всю власть короля надъ законодательствомъ, и даже больше того*" (p. 114). Указавъ на то, что кабинетъ можетъ распустить парламентъ, посовѣтовать королю воспользоваться своимъ правомъ veto и задержать мѣру, на какой бы стадіи ни находилось ея обсужденіе въ палатахъ (примѣръ: конецъ сессіи 1884 г.),—Мэнъ продолжаетъ: „Кабинетъ сдѣлался единственнымъ источникомъ... всего конституціоннаго законодательства" и „хотя кабинетъ, какъ таковой, совер-

шенно неизвѣстенъ закону, онъ открыто является англійскимъ учрежденіемъ, *власть и вліяніе котораго все болѣе и болѣе возрастаютъ, и*, кромѣ того, что его полномочія превышаютъ уже теперь законодательную власть короны, *онъ овладѣлъ почти всей законодательной властью парламента*, лишивъ его, въ частности, *всего права иниціативы*" (благодаря тому, что фактически парламентъ заваленъ министерскими биллями). Порицаютъ комиссіи конгресса, критикуютъ институтъ спартанскихъ эфоровъ и венеціанскій Совѣтъ Десяти, какъ учрежденія, сила которыхъ была огромна, но дѣятельность которыхъ была окутана непроницаемой тайной. „Многіе изъ этихъ писателей—англичане,—между тѣмъ, можно подумать, что они совершенно не сознаютъ, что ихъ собственная страна управляется тайнымъ совѣтомъ. Трудно сомнѣваться, что *тайна-то и составляетъ силу Кабинета*". Здѣсь Мэнъ (какъ и Беджготъ, и Фальбекъ, и С. Лоу) имѣетъ въ виду дѣйствительную недоступность для кого бы то ни было дѣлопроизводства Кабинета, въ противоположность тому, что въ Швеціи риксдагъ разсматриваетъ и контролируетъ протоколы засѣданій государственнаго совѣта, т. е. министерства [1]). Обращаясь къ будущему англійскаго парламентаризма

---

[1]) Когда и при какихъ условіяхъ былъ сотканъ покровъ тайны, донынѣ окутывающій засѣданія англійскаго кабинета, не ведущаго даже протоколовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ соотношеніи силъ двухъ основныхъ элементовъ англійскаго государственнаго строя, парламента и королевской власти, въ началѣ XVIII в. Въ это время конституируется кабинетъ, какъ третья сила, вліяніе и значеніе которой рельефно отразились въ личности Вальполя (1720—1742). На одной сторонѣ мы видимъ сильный парламентъ, использовавшій въ интересахъ своего могущества „славную революцію" 1688 г.; на другой — чуждую странѣ династію, суверенныя права которой слишкомъ очевидно коренились въ волѣ и силѣ парламента, ее призвавшаго. Кабинету оставалось лишь *эксплоатировать свое положеніе посредника* между парламентомъ и королемъ, какъ парламентъ эксплоатировалъ свое мнимое представительство отъ имени націи, а король — свои реальные доходы отъ обладанія англійской короной, въ интересахъ усиленія Вельфовъ въ Германіи; обѣ эти силы — и парламентъ и король — нуждались въ посредникѣ, роль котораго взяло на себя министерство. — Обычно выводятъ силу кабинета и тайну его засѣданій изъ того, что два первыхъ Георга не присутствовали на этихъ засѣданіяхъ, такъ какъ не знали страны, которой управляли, и не понимали языка, на которомъ она говорила (Г. Кохъ. Очерки по исторіи полит. идей и госуд. управленія. М. 1906. С.с. 120—122; Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи. Спб. 1906. С. 17). Трудно удовлетвориться однимъ констатированіемъ этого факта и разсматривать его, лишь какъ счастливую случайность въ исторіи развитія англійскихъ учрежденій. Намъ кажется, что слѣдовало бы измѣнить самую постановку занимающаго насъ вопроса, что пониманіе характера и значенія этихъ двухъ царствованій (1714—60) много выиграло бы отъ того, что взвѣсили бы тѣ *общія политическія обстоятельства, которыя создали „учредительный актъ"* (Act of Settlement) 1701 г.: не только неудача торійскаго заговора противъ призванія Ганно-

и резюмируя свои замѣчанія, Мэнъ рѣзко высказываетъ мысль, что „мы быстро идемъ (we are drifting) къ образу правленія, который связанъ съ грозными событіями"... Онъ не колеблется утверждать, что повторятся времена якобинской диктатуры—однопалатный парламентъ, вооруженный всей полнотой учредительной власти, и не знающій иного закона, кромѣ своего желанія: „то будетъ теоретически-полновластный Конвентъ, управляемый фактически-полновластнымъ Комитетомъ общественной безопасности"... (P. 126).

Но въ то время, какъ Мэнъ, съ безпощаднымъ сарказмомъ развѣнчиваетъ иллюзіи англійскаго парламентаризма и бичуетъ его недостатки, Беджготъ почти за двадцать лѣтъ до Мэна, *отмѣчаетъ тѣ же явленія*, какъ *достоинства и преимущества* англійской системы, и привѣтствуетъ въ современной ему Англіи то, что Мэнъ осуждаетъ уже не только какъ *фактъ современности*, но и какъ угрожающую *тенденцію будущаго развитія*. (Беджготъ. Государственный строй Англіи. М. 1905). „Матеріальныя потребности нашего вѣка, констатируетъ Беджготъ, нуждаются въ сильной исполнительной власти. Нація, лишенная сильной исполнительной власти, не можетъ быть столь счастлива, здорова и сильна, какъ нація, обладающая ею". Съ этой точки зрѣнія, онъ предпочитаетъ парламентарное правленіе президентскому, ибо послѣднее лишено, по его мнѣнію, „запаса революціонной силы", при немъ *„невозможна диктатура"*, между тѣмъ, парламентарная или кабинетская конституція во времена дѣйствительно опасныя, обладаетъ тѣмъ, что мы можемъ назвать *запасомъ власти, приспособленнымъ и необходимымъ для чрезвычайныхъ нуждъ*" (89, 93, 268, 354).

Въ высшей степени характерно и интересно одно обстоятельство: подобно тому, какъ Мэнъ, черезъ 20 лѣтъ послѣ Беджгота, рѣзко и опредѣленно подчеркиваетъ то, что Беджготъ намѣчаетъ лишь въ общихъ и еще недостаточно рѣшительныхъ выраженіяхъ, такъ черезъ 20 лѣтъ послѣ

верской династіи, но и *господство вигской аристократіи при первыхъ Георгахъ*, свидѣтельствуютъ о томъ, что виги сумѣли оцѣнить всѣ преимущества короля, ничѣмъ не связаннаго со страной, настолько чуждаго ей, что онъ не зналъ ея языка; царствованіе первыхъ Георговъ лишь раскрываетъ глубину той пропасти, до которой — уже послѣ бѣгства изъ своей страны Іакова II — пала историческая королевская власть въ Англіи, и эти два царствованія обнаруживаютъ лишь ту огромную силу, которая была въ рукахъ парламента, благодаря праву вотировать ежегодно военный бюджетъ и экстренные расходы. Съ этой точки зрѣнія и *сила министерства* должна быть конструирована, не какъ продуктъ простого захвата — или безпомощной неосвѣдомленности короля, — а какъ *отраженіе мощи парламента*: король видѣлъ въ кабинетѣ представителя парламентскаго могущества, парламентъ признавалъ и поддерживалъ кабинетъ, какъ проводника своей воли, хранителя своихъ правъ и орудіе борьбы за новыя привилегіи и вольности (Ср. попытку парламента обезсилить кабинетъ въ 1701 г. и отмѣну этихъ мѣръ уже черезъ пять лѣтъ, въ 1706 г. Дюпріе. С. 16).

Мэна, мы читаемъ уже совершенно опредѣленныя, не оставляющія никакихъ сомнѣній строки, рисующія картину разоруженія англійскаго парламента и усиленія его кабинета. Послѣ обычныхъ перечисленій всего того, что „можетъ" палата общинъ, слѣдуетъ еще довольно необычная характеристика того, чего она *не можетъ*. Говорится о томъ, что какъ ни велики ея права, „она претерпѣваетъ эволюцію, которой подвержено большинство политическихъ организмовъ. Многія изъ ея полномочій перешли въ другія руки. Ея верховенство ограничено ростомъ соперничающихъ съ нею силъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, *ея собственные слуги сдѣлались ея господами*. Корона сохранила, по крайней мѣрѣ, ту же власть, какую имѣла при устранившейся отъ дѣлъ королевѣ. *Кабинетъ получилъ бо́льшую власть* и овладѣлъ многими изъ тѣхъ аттрибутовъ, которые коммонеры продолжаютъ еще воображать своими". Кромѣ, можетъ быть, избранія министерства, трудно указать область, гдѣ власть палаты не уменьшилась бы по сравненію съ прежними ея правами (слѣдуютъ факты, иллюстрирующіе эту мысль). „Голосованіе въ пользу какой нибудь перемѣны или реформы, читаемъ мы дальше о палатѣ общинъ, *разъ оно не получило оффиціальнаго штампа*, есть не болѣе, какъ демонстрація, лишенная дѣйствительнаго вѣса. Палата общинъ провела резолюціи въ пользу установленія жалованія депутатамъ, ограниченія „наслѣдственнаго принципа" и другія имъ подобныя резолюціи „академическаго" характера. *Но министры ихъ игнорируютъ*, а печать обсуждаетъ ихъ, какъ проявленія воодушевленія или каприза". Подобныя рѣшенія палатъ „являются поразительной иллюстраціей того положенія, что *дѣйствительная законодательная власть перешла отъ всей палаты къ ея исполнительному комитету*" (S. Low. The governance of England. London. 1906. P. p. 58, 35, 69—72)...

Во всѣхъ этихъ взглядахъ, высказанныхъ черезъ равные промежутки въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, варьируется одинъ и тотъ же мотивъ— быть можетъ, и чрезмѣрно подчеркнутый,—всѣ они различными словами выражаютъ и оттѣняютъ одну и ту же мысль: она покоится на томъ огромномъ фактѣ, что суверенные классы, какъ бы охладѣвъ къ творческой иниціативѣ въ области соціальныхъ преобразованій и *не довѣряя ужъ болѣе логикѣ своихъ учрежденій и принципамъ своего законодательства, все болѣе и болѣе подчиняются руководству исполнительной власти, надѣленной обширными полномочіями*, и создаютъ почву для новаго юридическаго суверена, министерства, которому парламентъ какъ бы делегируетъ свои функціи [1]).—Этотъ процессъ, протекающій на

1) Въ вопросѣ о ростѣ значенія исполнительной власти необходимо различать два далеко не тождественныхъ момента: во 1-хъ, то обстоятельство, что благодаря росту задачъ современнаго государства, растутъ и усложняются *функціи* исполнительной власти; во 2-хъ, та, подчеркнутая Мэномъ тенденція, въ силу которой исполнительная власть получаетъ все больше и больше *самостоятельной, рѣшающей власти*: какъ сказано,

вершинѣ современнаго государства, при томъ, особенно замѣтно, въ странахъ, гдѣ парламентаризмъ достигъ высшей ступени своего развитія, этотъ процессъ представляетъ собою отраженіе или модифицированную копію съ тѣхъ отношеній, какія развертываются передъ нами при изученіи фундамента современнаго общества, гдѣ экономически-суверенные классы делегируютъ свои организаторскія функціи въ области хозяйства спеціалистамъ, добровольно—или вслѣдствіе огромнаго усложненія современнаго хозяйства—отказываясь отъ руководства производственнымъ процессомъ [1]). Существенное различіе между этими двумя областями, политической и экономической, однако, то, что министры изъ делегатовъ и слугъ парламента становятся *независимой* въ цѣломъ рядѣ областей *силой въ конституціи страны*, и этотъ фактъ долженъ быть оцѣненъ не какъ субъективно-поставленная цѣль исполнительной власти, а какъ *объективно-данная тенденція* ея развитія, какъ процессъ, который имѣетъ глубокіе корни и въ общемъ ходѣ соціально-политическаго развитія современнаго общества, и въ предоставленныхъ министерству полномочіяхъ, и въ томъ своеобразномъ отношеніи, въ которое становится министерство къ народу: черезъ угрозу роспуска парламента и обращенія къ избирателямъ, министерство можетъ производить давленіе на парламентъ, въ сторону большей его уступчивости,—явленіе, которое ждетъ еще своей аналогіи въ области отношеній между трудомъ, капиталомъ и его квалифицированными служащими...

Вотъ этотъ-то ростъ новой конституціонной силы и упускается часто изъ виду при оцѣнкѣ значенія кризиса современнаго парламентаризма и новыхъ формъ народовластія. Между тѣмъ парламентъ опустошается не только или даже не столько народовластіемъ, сколько *министеріализмомъ*, sit venia termino. Отношенія между этими двумя явленіями, народовластіемъ и министеріализмомъ, складываются пока на почвѣ парламен-

---

она опирается при этомъ не только на полномочія, врученныя ей парламентомъ, но и на избирателей, поскольку съ ними вынужденъ считаться и парламентъ. Первую сторону вопроса имѣлъ въ виду уже Милль, когда, въ главѣ „объ истинныхъ функціяхъ представительныхъ собраній", говорилъ, что „всякое многочисленное собраніе такъ же мало способно къ непосредственной законодательной дѣятельности, какъ и къ административной", что задача парламента—только „контроль и критика", а „*веденіе дѣлъ*" надо „довѣрить, при строгомъ контролѣ націи, небольшому числу просвѣщенныхъ, опытныхъ и спеціально къ тому подготовленныхъ людей". (Д. С. Милль. Представительное правленіе. Спб. 1897. С. 50, 52, 56). Такъ же смотритъ на законодательную функцію парламента Беджготъ: парламентъ долженъ только выдвинуть изъ своего большинства министерство („избирательная функція"). Беджготъ, Цит. соч. С. 193—194.— Что касается второй стороны вопроса, о предѣлахъ *рѣшительныхъ* полномочій министерства,—см. В. Энсонъ. Англ. парламентъ его конституціонные законы и обычаи. Спб. 1908. С. 35—36 (о характерѣ отвѣтственности правительства за договоры съ иностранными государствами).

[1]) Я. Магазинеръ. Самодержавіе народа. Спб. 1907. С. 36—41.

таризма, но нѣтъ сомнѣнія, что въ странахъ развитого парламентаризма, центръ тяжести политической жизни стремится перенестись въ эти двѣ сферы, или пока въ одну изъ нихъ. Парламентъ теряетъ свое былое значеніе—трудно найти доводы противъ этой мысли,—но *кто будетъ преемникомъ его полномочій, исполнительная власть или народныя собранія*, оба вмѣстѣ или одинъ изъ нихъ—эти вопросы еще ждутъ своего разрѣшенія отъ жизни не меньше, чѣмъ отъ теоріи.

Каковы же однако *возможные* пути, по которымъ пойдетъ развитіе парламентаризма? По поводу существующихъ попытокъ предугадать это будущее въ томъ смыслѣ, что мѣсто парламентовъ займутъ народныя собранія, а функціи министерства перейдутъ къ палатѣ—невольно возникаетъ рядъ вопросовъ: достаточно ли даже самаго радикальнаго опустошенія парламентаризма для того, чтобы его мѣсто было занято непосредственнымъ участіемъ народа, достаточно ли враждебнаго данному парламенту настроенія и поведенія министерства для убѣжденія въ томъ, что здѣсь уже начинается процессъ перехода политической власти отъ парламента къ народу, наконецъ, можно ли признать ростъ непосредственнаго значенія народа факторомъ первичнымъ и основнымъ въ современной политической эволюціи? На эти вопросы, съ нашей точки зрѣнія, не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго: напротивъ, гораздо больше значенія имѣетъ тотъ фактъ, что *ростъ непосредственнаго вліянія избирательнаго корпуса въ значительной мѣрѣ питается усиленіемъ министерства*. Возможность обращенія къ народу имѣетъ для министерства цѣну лишь постольку, поскольку оно можетъ пользоваться *угрозой его примѣненія*, какъ средствомъ давленія на парламентъ, т. е. поскольку *усиливаетъ министерство* въ его конфликтахъ съ одной изъ палатъ, не только съ нижней, какъ въ Англіи, но и съ верхней, какъ въ Австраліи. Иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ демократизаціей государственной власти, сколько съ ея *демагогизаціей*... (См. Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Спб. 1907). Не трудно также замѣтить, что право апеллировать къ народу имѣетъ для министерства такое же значеніе, какъ для короля право вводить новыхъ пэровъ въ палату лордовъ: одна *угроза примѣнить это средство* заставила лордовъ согласиться на избирательную реформу 1832 г.

Выше мы указали на то, что исполнительная власть черпаетъ силу въ растущемъ вліяніи электората и въ свою очередь поддерживаетъ его ростъ. Но мы далеки отъ мысли, что сила исполнительной власти имѣетъ своимъ *единственнымъ* источникомъ вліяніе электората, какъ не думаемъ, что электоратъ черпаетъ свою силу только изъ поддержки исполнительной власти. Справедливо лишь то, что оба они, и электоратъ и министерство, усиливаютъ другъ друга и оба одинаково энергично обезсиливаютъ и разоружаютъ парламентъ. Но ошибочно думать, что этимъ исчерпывается ихъ *сила и взаимоотношеніе*. Напротивъ, *въ идеѣ*

они *отрицаютъ другъ друга*, какъ двѣ противоположныя тенденціи, выросшія изъ одной и той же соціально-экономической основы современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы привели указаніе Беджгота на „матеріальныя потребности нашего вѣка, нуждающіяся въ сильной исполнительной власти:" такова тенденція развитія соціально-политическаго господства крупной буржуазіи. Но съ другой стороны, мы не можемъ объяснить себѣ силы электората въ Швейцаріи иначе, какъ тѣмъ, что мелкая буржуазія составляетъ тамъ наиболѣе численный и *экономически-доминирующій* классъ общества и стремится замѣнить парламентаризмъ *народовластіемъ*, которое при указанныхъ условіяхъ означаетъ ея соціально-политическое господство [1]). Намъ кажется неубѣдительной мысль, что, говоря вообще, народовластіе всегда есть высшій по сравненію съ парламентаризмомъ государственный строй, что Швейцарія перешла къ нему, благодаря долгому процессу *политическаго развитія*. Напротивъ, высказанныя замѣчанія даютъ основаніе для иного пониманія народовластія, которое иногда является не столько слѣдствіемъ политическаго прогресса, сколько результатомъ *задержанной экономической эволюціи*, и при извѣстныхъ условіяхъ, такой государственный строй можетъ сыграть не менѣе

---

1) Здѣсь раскрываются предъ нами тѣ же источники, которые питаютъ и *однопалатный парламентъ* въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи. Подобно тому, какъ истинное значеніе швейцарскаго народовластія не можетъ быть понято до тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсматривать его, только какъ побѣду *высшей политической формы надъ низшей*, демократіи надъ представительствомъ,—такъ же точно однопалатный парламентъ останется непонятнымъ для насъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ трактовать его, лишь какъ торжество *высшей* и прогрессивной формы надъ низшей и отсталой, какъ побѣду единой „общей воли" надъ групповыми стремленіями сословій или классовъ. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, мы никогда не сумѣемъ объяснить, какимъ образомъ Сербія, эта страна дворцовыхъ и государственныхъ переворотовъ, имѣетъ однопалатный парламентъ, котораго добиваются самыя радикальныя и соціалистическія партіи въ наиболѣе развитыхъ политически странахъ. Между тѣмъ, трудно сомнѣваться, что *не политическое развитіе* Сербіи, насчитывающей едва нѣсколько десятилѣтій конституціонной жизни, а *соціально-экономическая сила сербскаго крестьянства*, составляющаго до 90% населенія—является той реальной основой, которыя поддерживаетъ однопалатную скупщину Сербіи и дѣлаетъ невозможнымъ и немыслимымъ институтъ верхней палаты въ этой странѣ. Аналогичныя условія имѣются на лицо въ Болгаріи, гдѣ великое народное собраніе созывается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а функціи нормальнаго законодательства принадлежатъ обыкновенному народному собранію, т. е. единой палатѣ. Насколько велики были численность и вліяніе крестьянства въ Болгаріи къ моменту созданія ея конституціи, можно заключить изъ нѣсколько преувеличенной оцѣнки Сеньобоса: „Въ Болгаріи, какъ и въ Сербіи, говоритъ онъ, общество было (1879) демократическимъ: оно состояло изъ *крестьянъ, священниковъ и школьныхъ учителей*" (Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Спб. 1899. С. 452, 456).

реакціонную роль, чѣмъ хотя-бы сословное представительство въ борьбѣ съ *народно*-представительными учрежденіями... (Вюртембергскій конфликтъ между королемъ-конституціоналистомъ Фридрихомъ I и чинами, Stände, сторонниками старыхъ началъ „готической монархіи", 1815—1819 [1]).

Поскольку интересы мелкой и крупной буржуазіи допускаютъ ихъ политическую солидарность, поскольку каждая изъ этихъ двухъ классовыхъ фракцій имѣетъ силу осуществлять свою волю въ политическихъ учрежденіяхъ страны—постольку возможно *сосуществованіе* двухъ различныхъ тенденцій современнаго политическаго развитія—народовластія и министеріализма — постольку возможно ихъ *реальное воплощеніе* въ дѣйствующихъ учрежденіяхъ, т. е. возможенъ ростъ не только исполнительной власти, но и электората. Поскольку рѣшительно преобладаетъ одна изъ этихъ фракцій, постольку торжествуетъ тенденція, отвѣчающая ея интересамъ,—и наоборотъ. Что же касается странъ, гдѣ рабочій классъ является численно-господствующимъ въ электоратѣ, то, даже оставляя въ сторонѣ характеръ существующихъ избирательныхъ системъ, не слѣдуетъ забывать, что шансы политическаго господства мелкой буржуазіи глубоко отличны отъ условій политическаго преобладанія рабочаго класса: то, что возможно для первой, безусловно немыслимо для второго. Цѣльнымъ, исчерпывающимъ типомъ современной политической эволюціи является не Швейцарія, гдѣ господствуетъ пока лишь *одна* изъ занимающихъ насъ тенденцій, а Англія, гдѣ *обѣ эти тенденціи сплетаются и растутъ самымъ очевиднымъ образомъ*; но только будущее Англіи дастъ намъ косвенный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ,—если эволюція ея политическихъ учрежденій не будетъ на время прервана или направлена въ другую сторону проектируемымъ превращеніемъ этой міровой имперіи съ ея многочисленными колоніями въ одно огромное федеративное государство новѣйшаго типа...

Что касается современности, то какъ бы мы ни оцѣнивали ростъ вліянія электората уже при существующихъ условіяхъ,—мы склонны думать, что для убѣжденія въ грядущемъ *повсемѣстномъ торжествѣ народовластія* требуется гораздо больше данныхъ, чѣмъ тѣ, какія даны намъ современной экономической и политической дѣйствительностью, и совсѣмъ *иныя* данныя, чѣмъ тѣ, какими, еще до недавняго времени, удовлетворялась теорія народовластія. Трудно безъ существенныхъ ограниченій принять мысль, что современныя парламентарныя страны съ неотвратимой необходимостью эволюціонируютъ къ такой политической системѣ, гдѣ представительныя учрежденія будутъ играть роль законодательныхъ комиссій при народныхъ собраніяхъ (К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію Спб. 1907 г.). Одно изъ возраженій, какія вызываетъ этотъ прогнозъ, заключается въ томъ, что онъ игнорируетъ угрожающія тенденціи современнаго *соціальнаго* развитія, наростаніе элементовъ развитія и

[1]) Ѳ. Тарановскій. Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Варш. 1904. С. с. 303—306.

разложенія, борьбы и противоположностей; здѣсь какъ бы заранѣе исключена возможность *дальнѣйшаго роста исполнительной власти*, устранена возможность такой группировки условій, при которыхъ одна изъ трехъ рѣшающихъ силъ парламентарнаго государства, парламентъ, утратившій свое первостепенное значеніе, устранится или будетъ устраненъ, и исполнительная власть снова, какъ нѣкогда въ этихъ странахъ, столкнется лицомъ къ лицу съ народомъ и вмѣсто солидарнаго сотрудничества между ними вспыхнетъ неугасимый антагонизмъ, во всей его угрожающей, стремительной, рѣшающей силѣ...

Возможно ли это, существуютъ ли краски для такой картины будущаго? Чтобы подчеркнуть истинный смыслъ только-что высказанныхъ замѣчаній, отмѣтимъ, что они прежде всего не имѣютъ значенія прогноза: рѣчь идетъ о необходимости—при опредѣленіи условій и шансовъ побѣды народовластія надъ существующими государственными учрежденіями—считаться съ огромной силой *противодѣйствующихъ ей тенденцій* даже въ области политической. Необходимо взвѣсить и учесть нѣкоторыя существенныя обстоятельства... Тотъ фактъ, во-первыхъ, что исполнительная власть стремится вознаградить себя (или, точнѣе, ее вознаграждаютъ) за ту, повидимому подчиненную роль, какую она играетъ наряду съ властнымъ законодательнымъ собраніемъ — не составляетъ уже, по отношенію, напр., къ Франціи, секрета ни для кого: „*Чрезвычайная власть*, отмѣчаетъ Фальбекъ, которой располагаетъ французское правительство *внѣ палатъ*, вознаграждаетъ его за зависимое положеніе по отношенію къ партіямъ въ парламентѣ и превращаетъ его въ центръ политической жизни" (59) [1].

[1]) Аналогичную оцѣнку полномочій исполнительной власти во Франціи даетъ и Лоуэлль, расходясь однако съ Фальбекомъ въ выводахъ: „Но для того, чтобы вполнѣ понять положеніе министровъ и ихъ отношеніе къ палатамъ, необходимо оцѣнить *громадность ихъ власти*, которая создается главнымъ образомъ тремя причинами — попечительнымъ характеромъ управленія, централизаціей государства" и судебными, наряду съ законодательными, полномочіями исполнительной власти (Правительства и политическія партіи въ континентальной Европѣ. М. 1905. С. 22 — 29). Какъ бы забывая обо всемъ этомъ, Дюпріе высказываетъ взглядъ прямо противоположный (Государство и роль министровъ во Франціи. Спб. 1907. С. 62—70). — Дѣйствительная роль и сила исполнительной власти вообще особенно ярко обнаруживается во время пріостановокъ конституціонныхъ гарантій: такъ относительно Франціи, Дайси констатируетъ, что „власть военныхъ судовъ во время осаднаго положенія *при республикѣ больше, чѣмъ была при Луи-Филиппѣ*" (Дайси. Основы государственнаго строя Англіи. М. 1905. С. 320). Въ этомъ отношеніи Франція стоитъ настолько ниже Англіи, что изслѣдователи,— не безъ нѣкотораго впрочемъ преувеличенія, — включаютъ ее въ одну рубрику съ Пруссіей и Германіей. Данныя объ этомъ и о полномочіяхъ исполнительной власти, во время исключительныхъ положеній, въ другихъ странахъ—у Th. Reinach. L'état de siège... Paris. 1885. P. p. 237—268; о томъ же у H. Gmelin. Ueber den Umfang des königlichen Verordnungsrechtes... Karlsruhe. 1907. S. 143.

И вообще, если называть Англію монархіей съ республиканскими учрежденіями, то трудно назвать Францію иначе, какъ республикой съ монархическими учрежденіями: достаточно вспомнить значеніе французскаго генеральнаго штаба, силу бюрократіи, роль президента, характеръ мѣстнаго управленія... Во-вторыхъ, существуетъ область, которая требуетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то, какое посвящается ей при обсужденіи занимающаго насъ вопроса: рѣчь идетъ о *роли судебныхъ учрежденій*. Не говоря ужъ объ ихъ реакціонномъ значеніи въ странахъ, подобныхъ Германіи,—даже тамъ, гдѣ они болѣе или менѣе независимы отъ другихъ органовъ власти, они пользуются своими полномочіями не только для защиты *права*, но и для того, чтобы вести опредѣленную *политику*,—вслѣдствіе-ли того, что законъ оставляетъ достаточный просторъ для *судебнаго усмотрѣнія*, или въ силу того, что извѣстная политика судовъ встрѣчаетъ *молчаливое одобреніе* парламента: фикція полной независимости судебной власти отъ законодательной позволяетъ парламенту молчать тогда, когда судебныя учрежденія перегибаютъ вѣсы правосудія въ пользу господствующихъ классовъ и исправляютъ несовершенства закона, созданнаго *подъ давленіемъ электората* или вообще недостаточно охраняющаго привилегированные интересы. Практика американскихъ и англійскихъ судебныхъ учрежденій даетъ не мало данныхъ для обоснованія этой мысли: достаточно вспомнить преслѣдованія трэдъ-юніоновъ въ Англіи и Америкѣ въ теченіе истекшаго столѣтія, и въ особенности за послѣдніе годы (Англія, Taff Vale, 1904) [1]). Эти преслѣдованія свидѣтельствуютъ о томъ, что судебныя учрежденія имѣютъ возможность вознаграждать господствующіе классы за тѣ уступки, какія вынужденъ сдѣлать парламентъ въ области *законодательства* вліянію электората (Зак. 1875 г.), что суды являются такой же ширмой или отводнымъ каналомъ реакціонности господствующихъ классовъ, какимъ нерѣдко является верхняя палата для нижней... Наконецъ преждевременно игнорировать *огромную силу первыхъ палатъ*, ведущихъ свою политику и функціонирующихъ несмотря на угрожающіе лозунги „Mending or Ending“...

Политическое значеніе и соціальная мощь парламентовъ падаетъ, какъ отмѣчено, съ каждымъ годомъ, но устанавливается ли одновременно съ этимъ руководящая роль солидарнаго министерства, какъ въ Англіи, или крѣпнетъ направляющая сила парламентскихъ комиссій, какъ въ Швеціи и С.-А Соединенныхъ Штатахъ (конгрессовое правительство, по терминологіи В. Вильсона)—и въ томъ и въ другомъ случаѣ отъ этого непосред-

---

[1]) Political Science quarterly review. Dec. 1907 Vol. XII. P. 618. „Представители организованнаго труда... утверждали, что рѣшеніе по дѣлу о стачкѣ въ долинѣ Таффъ *прямо противорѣчитъ ясно выраженной волѣ парламента* (defeated the manifest intention of Parliament), и они апеллировали къ странѣ, чтобы она выбирала парламентъ, который защититъ свое достоинство тѣмъ, что сдѣлаетъ свою прежнюю волю *дѣйствительной*“.

ственно выигрываетъ кто угодно, только не народъ... [1]) Развитіе народовластія и усиленіе исполнительной власти являются главнѣйшими и характернѣйшими чертами современнаго политическаго развитія, но *направленіе* этого развитія можетъ раскрыться намъ не изъ изученія одной изъ этихъ двухъ тенденцій, а изъ *анализа соціально-политическихъ силъ, питающихъ обѣ эти тенденціи*, изъ анализа той *зависимости*, которая устанавливается между ними въ процессѣ ихъ роста, изъ правильной оцѣнки той угрожающей силы, которая идетъ противъ народовластія въ лицѣ усиливающейся исполнительной власти, съ ея растущими полномочіями въ

---

[1]) Слишкомъ долгое время любили сливать въ одно понятіе *волю народа*, избравшаго палату, *волю парламента*, выдѣлившаго изъ своей среды кабинетъ, и *волю министерства*, осуществляющаго политику палаты, т. е. (думали) волю *народа*, создавшаго палату. Въ настоящее время все рѣшительнѣе раздаются голоса, протестующіе противъ подобныхъ отождествленій, какъ научно—несостоятельныхъ и политически—недопустимыхъ. „Неудачной является фикція, что кабинетъ есть выборный комитетъ большинства нижней палаты; неподходящей является далѣе фикція, что кабинетъ избираетъ своего лидера, тогда какъ въ дѣйствительности послѣдній выбираетъ своихъ коллегъ и, наконецъ, невѣрно то, что данное большинство въ парламентѣ соотвѣтствуетъ большинству народа, именно невѣрно при нынѣшнемъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ въ Англіи". М. Горенбергъ. Парламентарное управленіе въ Англіи (ст. о книгѣ Hatschek'а). Послѣднія данныя, иллюстрирующія эту оборотную сторону современнаго парламентаризма, относятся къ выборамъ 1906 года: насколько непропорціонально представленъ электоратъ въ палатѣ общинъ, можно видѣть изъ того, что 512 депутатовъ правительственнаго большинства получили 2.945.095 голосовъ, а 158 членовъ оппозиціи—2.333.880. Такимъ образомъ парламентское большинство (336) имѣетъ за собою меньше голосовъ, чѣмъ оппозиція, т. е. если бы это большинство даже дѣйствительно исполняло волю своихъ избирателей и подчинялось ихъ вліянію, то и въ этомъ лучшемъ случаѣ оно вело бы въ сущности политику *меньшинства* электората, не говоря ужъ о томъ, что при отсутствіи всеобщаго избирательнаго права въ Англіи и самъ электоратъ не исчерпываетъ собою всего, правоспособнаго при другой системѣ, населенія Англіи... Теперь много занимаются отношеніями между электоратомъ и парламентомъ, но совершенно устраняютъ анализъ взаимоотношенія между *электоратомъ и массами, вытолкнутыми изъ него*. Между тѣмъ, не только на континентѣ, съ его сильными пережитками абсолютизма, но и въ Англіи, съ ея общественнымъ мнѣніемъ, которое ужъ давно стало общимъ мѣстомъ въ устахъ изслѣдователей,—и тамъ воля націи искажается по крайней мѣрѣ *трижды*: электоратъ не является точной копіей политическаго настроенія всего народа; парламентъ далекъ отъ своего оригинала — электората, а мнимая креатура парламента—министерство стремится скорѣе руководить парламентомъ, чѣмъ подчиняться ему. Оно отнимаетъ у парламента энергію иниціативы и взамѣнъ ея служитъ ему, какъ въ доброе старое время умный бурмистръ своему капризному, зѣвающему надъ счетами помѣщику, какъ сперва избиравшіеся народомъ майордомы—наслѣдственнымъ франкскимъ королямъ... Montesquieu. De l'ésprit des lois. L. XXXI. P.p. 274—284.

области управленія и вліятельной иниціативой въ сферѣ законодательства.

„Носители исполнительной власти,—училъ Руссо,—не начальники народа, но его чиновники; онъ можетъ назначать и смѣнять ихъ, когда ему угодно“. Казалось бы, такъ же точно и суверенный парламентъ можетъ смѣстить неугодныхъ ему исполнителей его воли и назначить новыхъ, ему покорныхъ. Но этимъ даже не затрагивается занимающій насъ вопросъ. Разъ возможна такая юридическая конструкція народнаго представительства, согласно которой избранники народа предъ нимъ неотвѣтственны, разъ мыслимо и возможно, что парламентъ, это отраженіе народной воли радикально расходится съ этой волею, разъ все это допустимо и существуетъ, то нѣтъ ничего принципіально-недопустимаго въ томъ, что и *между парламентомъ и министерствомъ складываются такія же отношенія, какъ между электоратомъ и парламентомъ*; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что практика парламентской и внѣпарламентской жизни обезпечиваетъ достаточный просторъ для независимой дѣятельности кабинета, какъ бы внимательно ни прислушивался онъ къ парламентскимъ настроеніямъ и пожеланіямъ: вѣдь то же дѣлаетъ и парламентъ по отношенію къ электорату. Здѣсь дѣйствуетъ принципъ, согласно которому *исполнители воли суверена, пока они у власти, всегда будутъ пользоваться ею въ той же мѣрѣ, какъ и тѣ, которыми ихъ замѣнятъ*, разъ поведеніе ихъ обусловлено не ихъ субъективными желаніями, а объективной логикой соціально-политическаго развитія, „матеріальными потребностями нашего вѣка, которыя нуждаются въ сильной исполнительной власти“.

Подъ желѣзной пятой необходимости парламенты принуждены не только подчиниться руководству исполнительной власти, но и уступить ей нѣкоторыя важнѣйшія свои функціи и довѣрить ей управленіе страной. Роковой примѣръ франкскихъ королей и ихъ майордомовъ не можетъ ни повернуть, ни остановить эту эволюцію, какъ не въ силахъ онъ измѣнить то положеніе, въ силу котораго люди остаются рабами своихъ же собственныхъ учрежденій даже тогда, когда сознаніе этой зависимости выступаетъ предъ ними въ самой ясной, законченной, классической формѣ—

Am Ende hängen wir doch ab von Kreaturen, die wir machten...

Я. Магазинеръ.

Разслоеніе современной деревни.

(Крестьянскій банкъ, замлеустр. комиссіи и указъ 9 ноября).

Два года тому назадъ правительство въ противовѣсъ оппозиціи, требовавшей принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ частновладѣльческихъ земель, объявило свою аграрную программу. Суть этой программы въ I-й Г. Думѣ была формулирована гг. Стишинскимъ и Гурко. Черезъ годъ она была повторена председателемъ Совѣта министровъ во II-й Г. Думѣ.

Г. Стишинскій въ засѣданіи I-й Г. Думы 19-го марта 1906 г. говоритъ: „*Улучшеніе благосостоянія* крестьянскаго населенія надо искать въ другихъ мѣрахъ, а именно въ улучшеніи условій землепользованія ихъ въ предѣлахъ существующихъ надѣльныхъ земель, въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія путемъ планомѣрной скупки частныхъ земель Крест. банкомъ, въ правильной, широкой постановкѣ переселенческаго дѣла".

„Не уничтоженіе собственности на землю", говорилъ г. Гурко въ томъ-же засѣданіи, „а закрѣпленіе за каждымъ крестьяниномъ въ его частную собственность нынѣ состоящей въ его владѣніи надѣльной земли, вотъ какой мѣрой Г. Дума заслужитъ отъ народа спасибо".—Къ осуществленію этой программы правительство приступило уже въ 1906 г. послѣ роспуска Г. Думы, внѣзаконодательнымъ путемъ, на основаніи 87 ст.

Созывъ II-й Г. Думы ничего не прибавилъ къ программѣ правительства, задачей котораго, по словамъ председателя Совѣта м-въ въ засѣданіи Г. Думы 11 мая 1907 г., осталось по прежнему созданіе „крѣпкой индивидуальной собственности" и помощь *малоземельному* крестьянству".

Въ настоящее время крестьянское движеніе совершенно затихло. Среди правыхъ партій существуетъ мнѣніе, что „успокоеніе" деревни является результатомъ успѣшнаго осуществленія правительственной аграрной программы.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ Крест. банкъ, будто-бы, оказывалъ помощь малоземельному крестьянству, и движеніе въ деревнѣ прекратилось потому, что самая острая земельная нужда самой нуждающейся части крестьянства прекращена.

И. ЧЕРНЫШЕВЪ.

Разсмотрѣніе того, что сдѣлано правительствомъ въ области рѣшенія поставленной себѣ задачи, составляетъ цѣль настоящей статьи.

Мы остановимся на двухъ пунктахъ земельной политики: на Крестьянскомъ банкѣ и указѣ 9 ноября.

I.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ земельной политики Крест. банкъ становится съ 3 ноября 1905 г., когда ему была разрѣшена скупка частновладѣльческихъ имѣній. Съ этого времени покупка имѣній дѣлается основной задачей Крест. банка.

За 14 мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени изданія указа 3 ноября 1905 года, банкъ получилъ предложеніе отъ частныхъ владѣльцевъ купить 7.633 имѣнія съ общей площадью 8,5 милл. дес. земли. Насколько велика эта цифра можно судить потому, что за 10 лѣтъ (1896 — 1906) банку было предложено купить всего лишь 5 милл. дес.

Развитіе дѣятельности банка по скупкѣ земель всецѣло опредѣлялось ходомъ аграрнаго движенія. Количество предлагаемыхъ банку имѣній увеличивалось или уменьшалось въ зависимости оттого, поднималось или падало движеніе въ деревнѣ. Первый взрывъ аграрнаго движенія произошелъ въ 1905 г. Наиболѣе острый характеръ движеніе носило въ Поволжьѣ и на югѣ Россіи. Въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г. Банкъ заваливается предложеніями о покупкѣ имѣній изъ всѣхъ губерній Россіи и въ особенности изъ губерній южныхъ и поволжскихъ.

Ожиданіе созыва Г. Думы и наступившая зима пріостановили движеніе въ деревнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилось число предложеній имѣній Крест. банку. Неоправдавшіяся надежды на Г. Думу и затѣмъ разгонъ первой Г. Думы дали новый толчекъ движенію лѣтомъ 1906 г., и количество предложеній банку вновь возросло [1]).

Съ начала 1907 г., когда движеніе почти окончательно затихло, предложенія банку сильно понижаются. Среднія ежемѣсячныя предложенія въ теченіи 1906 г. равнялись 700 тыс. дес., а ежемѣсячныя среднія предложенія первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1907 г. не достигали и половины этой цифры (259 тыс. дес.) [2]).

Что помѣщиковъ въ Крест. банкъ гнало прежде всего аграрное движеніе подтверждается многочисленными случаями отказовъ отъ продажи имѣній банку, какъ только движеніе на мѣстѣ заканчивалось, и опасность оставаться въ деревнѣ проходила [3]).

---

[1]) См. Обзоръ дѣятельности Крест. позем. банка. съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907. Стр. 80.

[2]) Ibid. Стр. 259.

[3]) Такихъ взятыхъ назадъ заявленій и „разстроившихся сдѣлокъ“ за 14 мѣсяцевъ банкъ насчитываетъ 1.120 что составляетъ 14% общаго числа (7700) предложеній. См. Обзоръ. Стр. 84 и 99.

Въ теченіи 1906 г. банкъ успѣлъ разсмотрѣть только часть поступившихъ къ нему заявленій о продажѣ имѣній и далъ согласіе на покупку 2,3 милл. дес. земли. Это означало, что за одинъ годъ онъ рѣшилъ купить въ три раза болѣе имѣній, чѣмъ онъ купилъ ихъ за все предыдущее десятилѣтіе.

Къ 15 апрѣля 1908 г. банкъ постановилъ купить уже 5,2 мил. дес., что составляетъ почти 2/3 того количества земли, которое крестьяне пріобрѣли съ помощью банка за 24 года (1883—1905).

Сдѣлки по покупкѣ имѣній заканчивались очень медленно и за 1906 г. банкъ купилъ у частныхъ владѣльцевъ всего 1.240 тыс. дес. земли за 140 мил. рублей. Къ 1 іюля 1907 г. въ рукахъ банка сосредоточенъ былъ „земельный фондъ" въ 2,5 мил. дес.—площадь болѣе чѣмъ скромная для удовлетворенія нужды крестьянъ въ землѣ.

Однако, какъ-бы незначительны ни были операціи Крест. банка, сравнительно съ земельной нуждой крестьянства, онѣ принесли и будутъ приносить въ дальнѣйшемъ существенную пользу дворянству.

При ближайшемъ разсмотрѣніи опубликованныхъ Крест. банкомъ данныхъ оказывается, что содержаніе его дѣятельности за послѣдніе годы въ главномъ сводится къ содѣйствію ликвидаціи дворянскихъ малодоходныхъ латифундій, на которыхъ велось отсталое хозяйство. Въ большинствѣ случаевъ проданныя банку крупныя помѣстья эксплуатировались посредствомъ крестьянскаго исполья и отработковъ.

Изъ данныхъ Крест. банка[1]) видно, что дворянскія имѣнія составляли 78% предложенной банку земельной площади (6,6 мил. дес.) и 87% площади всѣхъ купленныхъ банкомъ имѣній (1,1 мил. дес.). Эти цифры показываютъ, что въ своихъ покупкахъ Банкъ предпочиталъ именно дворянскія имѣнія.

Если имѣнія площадью выше 1.000 дес. отнести къ крупнымъ, то окажется, что такія имѣнія въ предложеніяхъ банку составляли 76%, въ разрѣшенныхъ 76,5% и въ совершенныхъ уже покупкахъ 81% площади. Владѣнія же латифундіальнаго типа свыше 5.000 тыс. дес. составляли 35,7% площади, заявленной къ продажѣ банку и 42% купленной банкомъ у частныхъ владѣльцевъ земельной площади[2]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что банкъ имѣлъ тенденцію покупать главнымъ образомъ крупныя имѣнія или даже латифундіи.

И за эти имѣнія банкъ платилъ помѣщикамъ очень высокія цѣны. Цѣны на землю въ покупкахъ банка въ 1906 г. были выше, какъ сравнительно съ пятилѣтіемъ 1901—1905 гг., такъ и сравнительно съ 1905 г.

За пятилѣтіе 1901—1905 гг. при покупккѣ земли банкъ платилъ за десятину въ среднемъ 88 рублей, въ 1905 г. 95 рублей, въ 1906 г. 113 рублей[3]).

---

[1]) За 14 мѣсяцевъ (3 ноября 1905 по 1907 г.) См. Обзоръ. Стр. 107.

[2]) Ibid. Стр. 82—105.

[3]) Ibid. Стр. 159.

Изъ 37 губерній, въ которыхъ банкъ покупалъ имѣнія, подесятинныя цѣны понизились въ 16 губерніяхъ и повысились въ 21 губерніи. При этомъ степень повышенія цѣнъ была значительно большей, чѣмъ степень ихъ пониженія. Пониженіе цѣнъ въ 1906 г., сравнительно съ пятилѣтіемъ 1901—05 гг. больше, чѣмъ на 10%, имѣло мѣсто только въ 5 губерніяхъ, а повышеніе цѣнъ болѣе, чѣмъ на 10%, имѣло мѣсто въ 17 губерніяхъ. И несмотря на то, что въ губерніяхъ съ пониженными цѣнами за 14 мѣсяцевъ было куплено больше земли (659 тыс. дес.), чѣмъ въ губерніяхъ съ повышенными цѣнами (499 тыс. дес.) тѣмъ не менѣе средняя цѣна по Имперіи повысилась сравнительно съ пятилѣтіемъ на 28%.

Повышеніе земельныхъ цѣнъ произошло въ то время, когда Крест. банкъ былъ единственнымъ покупателемъ земли, когда онъ, былъ заваленъ предложеніями и могъ при покупкахъ диктовать свои условія. Но банкъ и не старался быть экономнымъ при расходованіи народныхъ денегъ на покупку дворянскихъ имѣній. Наоборотъ, онъ бралъ подъ свою защиту интересы дворянства, такъ какъ правительство неоднократно высказывало мысль о необходимости прійти ему на помощь въ такое „тяжелое время". „Прійти на помощь" это означало, между прочимъ, заплатить дворянству при данныхъ условіяхъ возможно дорогую цѣну за продаваемую имъ землю. А вполнѣ понятно, чѣмъ выше платилъ банкъ дворянамъ, тѣмъ дороже онъ долженъ былъ продать ее крестьянамъ.

Если же разсмотрѣть цѣны, которыя банкъ платилъ продавцамъ различныхъ сословій, то окажется, что въ то время, когда крестьянамъ за десятину земли онъ платилъ 64 рубля, дворянамъ онъ платилъ 121 рубль, т. е. вдвое больше, купцамъ—118 рублей, а мѣщанамъ — 113 руб. т. е. цѣны правильно повышаются, соотвѣтственно рангу продавца имѣнія [1]).

Итакъ, дѣятельность Крест. банка во время аграрнаго движенія была очень полезна дворянству. Посмотримъ такъ ли она была полезна крестьянству.

II.

Указъ 3 ноября 1905 г. выдвигаетъ на первый планъ положеніе, что основной задачей Крест. банка всегда было „увеличеніе площади землевладѣнія *малоземельныхъ* крестьянъ". Въ дѣйствительности за все время своего существованія малоземельные крестьяне пользовались наименьшимъ вниманіемъ банка.

Непосредственнымъ поводомъ къ созданію кредитнаго учрежденія для помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земли было броженіе въ деревнѣ, вызванное народническо-революціонной пропагандой конца 70-хъ годовъ [2]).

1) См. Обзоръ стр. 95.

2) По мнѣнію Г. Совѣта „необходимо было считаться съ распространеннымъ злоумышленниками среди народа слухомъ о передѣлѣ земли". См. Обзоръ за 20 лѣтъ. Стр. 63.

Проектъ Крест. банка былъ внесенъ въ Госуд. Совѣтъ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ въ 1881 году и утвержденъ въ 1882 г. Послѣ учрежденія Крест. банка „русскій народъ", по мнѣнію большинства Г. Совѣта, долженъ былъ увидѣть, что „несмотря на распускавшіеся слухи, даровой помощи въ поземельномъ отношеніи ожидать нельзя" и что „поэтому, отложивъ въ сторону всякія мечты, до сихъ поръ волновавшія сельскій людъ, нужно было для увеличенія своего надѣла купить тотъ или другой участокъ при содѣйствіи учрежденнаго для этой именно цѣли банка" [1]).

Въ 1895 г. Г. Совѣтъ разрѣшилъ Крест. банку, въ видѣ опыта, покупать въ теченіи 5 лѣтъ имѣнія за счетъ собственнаго капитала и продавать эти имѣнія крестьянамъ. Цѣлью этой мѣры было желаніе правительства притти „на помощь крупнымъ земельнымъ собственникамъ" и удовлетворить запросы на землю крестьянъ [2]). Дѣло въ томъ, что Крест. банкъ по уставу 1882 г. могъ помогать крестьянамъ при покупкѣ имѣній только въ томъ случаѣ, когда размѣръ ссуды на дворъ не превышалъ нормы 125 руб. на муж. душу при общинномъ пользованіи и 500 руб. на домохозяина при участковомъ владѣніи. При такихъ условіяхъ крестьяне не могли покупать имѣній, въ которыхъ требуемый размѣръ ссуды превосходилъ эти нормы.

Разрѣшая Крест. банку покупать имѣнія за собственный счетъ, Г. Совѣтъ имѣлъ въ виду, „облегчить положеніе дворянъ-продавцовъ и помочь имъ ликвидировать свою собственность по возможности безубыточно". А необходимость ликвидаціи помѣстій, по мнѣнію Г. Совѣта, въ виду сельскохозяйственнаго кризиса, для „многихъ дворянъ была очевидна". Въ западныхъ же губерніяхъ и въ привислянскомъ краѣ покупка имѣній Крест. банкомъ, по мнѣнію Г. Совѣта, могла бы послужить средствомъ „усиленія русскаго элемента въ средѣ мѣстнаго крестьянскаго населенія" [3]). Какъ видимъ и по уставу 1896 г. помощь малоземельнымъ крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли у Крест. банка не стояла на первомъ планѣ.

Какому же слою крестьянства помогалъ Крест. банкъ? Въ дореволюціонную эпоху дѣятельность банка сосредоточивалась преимущественно на содѣйствіи крестьянамъ ссудами при покупкѣ ими земли у помѣщиковъ. До 3 ноября 1905 года съ помощью банка крестьяне пріобрѣли 8,2 мил. дес. земли, на что получили ссуды 487 мил. руб.

Заемщики Крест. банка, получившіе эту ссуду, разбиваются на три категоріи: сельскія общества, товарищества и отдѣльныя домохозяева. У сельскихъ обществъ составъ заемщиковъ въ имущественномъ отношеніи наиболѣе разнороденъ, сюда входятъ всѣ жители села: и богатые, и маломощные. Благодаря тому, что въ составъ сельскихъ обществъ всегда входитъ много слабыхъ домохозяевъ, эта категорія заемщиковъ въ глазахъ

---

[1]) См. Обзоръ дѣятельности Крест. банка за 1883—1904 гг. Стр. 57.

[2]) Ibid. Стр. 63.

[3]) См. Обзоръ дѣятельности Кр. поз. банка за 1883 — 1904 гг. стр. 68—69.

банка была малонадежной и маложелательной. Наоборотъ, товарищества, куда подбирались болѣе или менѣе зажиточные крестьяне и куда бѣднота не принималась, были для банка наиболѣе желательными клiентами. Въ виду этого банкъ всегда отдавалъ предпочтенiе товариществамъ: изъ общей площади 8,2 милл. дес. на долю товариществъ пришлось 6,1 милл. дес. (75%), сельскихъ обществъ 1,9 милл. дес. (23%) и отдѣльныхъ домохозяевъ 0,18 милл. дес. (2%) 1).

Насколько различна была платежеспособность этихъ трехъ группъ заемщиковъ банка видно изъ того, что каждый домохозяинъ въ составѣ сельскаго общества покупалъ земли всего на 277 руб. и долженъ былъ доплачивать сверхъ ссуды банка изъ собственныхъ средствъ 47 руб.; домохозяинъ въ составѣ товарищества покупалъ земли на 606 руб. и доплачивалъ 150 руб., а отдѣльный домохозяинъ покупалъ земли на 1,237 руб. и доплачивалъ 472 руб., т. е. въ 10 разъ больше, чѣмъ заемщикъ-домохозяинъ изъ сельскаго общества. Домохозяева, которые могли выдержать 660 руб. ссуды на дворъ не могутъ быть причислены къ слабѣйшимъ элементамъ деревни 2).

Что Крест. банкъ расходовалъ государственныя средства главнымъ образомъ на поддержку *зажиточныхъ* слоевъ крестьянства, а не малоземельныхъ показываетъ и земельное обезпеченiе заемщиковъ банка. Домохозяева, имѣющiе до покупки земли съ помощью банка до 1½ дес. на душу муж. пола, составляли 28,8% общаго числа покупщиковъ; имѣвшiе отъ 1½ дес. до 3 дес.—33,7%, имѣвшiе выше 3 дес. на муж. душу—27%, беземельные же 11% общаго числа заемщиковъ 3). Въ среднемъ, на одного домохозяина среди заемщиковъ банка приходилось 3,2 муж. душъ. При такихъ условiяхъ обезпеченiе до 1½ д. на муж. душу означаетъ 5 дес. на дворъ, отъ 1½ до 3-хъ дес.—10 дес. на дворъ и свыше 3-хъ дес.—свыше 10 дес. на дворъ. Слѣдовательно, среди клiентовъ банка 3/5 было домохозяевъ, имѣвшихъ до покупки выше 5 дес. на дворъ, и только около 1/4, имѣвшихъ менѣе 5 дес. на дворъ.

Съ 1896 года Крест. банкъ началъ покупать имѣнiя за собственный счетъ для продажи ихъ крестьянамъ. При такихъ продажахъ банкъ могъ выдавать своимъ покупщикамъ ссуду свыше 90% покупной цѣны или даже въ размѣрѣ полной стоимости земли. Это давало ему возможность при желанiи помогать главнымъ образомъ малоземельнымъ крестьянамъ. Однако и здѣсь банкъ остался вѣренъ своему обыкновенiю поддерживать не деревенскую бѣдноту, а среднiй слой крестьянства.

За десятилѣтiе 1896—1905 гг. Крест. банкъ купилъ 986 тыс. дес.

---

1) См. Обзоръ дѣятельности банка съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. стр. 6 и Обзоръ дѣятельности банка за 20 лѣтъ стр. 105—106.

2) Уставъ банка больше покровительствовалъ товариществамъ и обществамъ, чѣмъ отдѣльнымъ домохозяевамъ.

3) Въ число беземельныхъ часто входятъ лавочники, кулаки и потому эта группа нетипична.

земли, изъ которыхъ продалъ крестьянамъ 670 тыс. дес. Главная масса земли (79% площади) была продана товариществамъ и 20% площади сельскимъ обществамъ, на долю отдѣльныхъ домохозяевъ падало всего 1%. Купившіе землю крестьяне до покупки въ среднемъ уже имѣли по 6 дес. земли на дворъ, а съ помощью банка они купили по 9 дес. на дворъ, т. е. увеличили свое землевладѣніе до 15 дес. на дворъ. Зная земельное обезпеченіе нашихъ крестьянъ нельзя сказать, что шести-десятинники въ первую очередь нуждаются въ увеличеніи площади своего землевладѣнія. Такимъ образомъ оффиціальныя данныя, относящіяся къ дѣятельности банка съ 1883 г. до начала крестьянскаго движенія въ концѣ 1905 г., показываютъ, что Крест. банкъ помогалъ не малоземельнымъ, а кредитоспособнымъ заемщикамъ.

Направленіе дѣятельности Крест. банка послѣ изданія указа 3 ноября 1905 г. осталось безъ измѣненія. Посредническая дѣятельность Крест. банка послѣ изданія этого указа до 15 апрѣля 1908 г. выразилась въ выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку отъ частныхъ владѣльцевъ 2,018 тыс. дес., покупаемыхъ за 266 милл. руб. съ ссудой отъ банка въ 224 милл. р. [1]).

Подробный отчетъ о томъ, въ какія руки попала эта земля имѣется только относительно 533 тыс. дес., ссуду на которую въ размѣрѣ 56 милл. руб. крестьяне взяли у банка по 1 января 1907 г. (съ 3 ноября 1905 г.).

Мы уже видѣли, что до крестьянскаго движенія при посреднических сдѣлкахъ банкъ предпочиталъ помогать товариществамъ, а не сельскимъ обществамъ, такъ какъ товарищества являются болѣе надежными плательщиками. Товарищества обычно до покупки имѣли достаточно земли, они выдерживали и большую доплату и покупали больше земли на дворъ, чѣмъ сельскія общества. Совершенно тѣже тенденціи обнаруживаетъ банкъ и послѣ изданія указа 3 ноября 1905 г. Онъ выдалъ 60% всей суммы ссуды (33 милл. руб.) товариществамъ, которые покупали при содѣйствіи банка 64% всей земельной площади (343 тыс. д.) и только 39% ссуды онъ выдалъ сельскимъ обществамъ, покупавшимъ 34,5% земельной площади. Покупщики изъ сельскихъ обществъ покупали на 1 домохозяина 4,5 дес., изъ товариществъ—6,3 и изъ отдѣльныхъ домохозяевъ—13 д. земли.

До указа 3 ноября 1906 г. наиболѣе обезпеченные землей заемщики покупали при содѣйствіи банка и больше земли. Тоже осталось и послѣ изданія этого указа. Среди заемщиковъ банка, имѣвшихъ до покупки земли до $1^1/_2$ д. (т. е. на дворъ до 5 дес.) [2]) было 28,5%; имѣвшихъ отъ $1^1/_2$ до 3 дес. на муж. душу, т. е. отъ 5 до 10 дес. на дворъ—16,4%, имѣвшихъ до 20 дес. на дворъ (отъ 3 до 6 дес. на душу м. п.) 21,8%, имѣвшихъ болѣе 20 дес. на дворъ—18%, безземельныхъ—15,2%.

---

[1]) См. „Отч. Кр. поз. банка". „Торгово-Промышленная газета". № 109.

[2]) Среди заемщиковъ банка на одного домохозяина приходится 3,2 души м. п. См. Обзоръ, стр. 63.

Такимъ образомъ большая часть земли при посредствѣ банка переходила въ руки крестьянъ, имѣвшихъ болѣе 5 дес. на дворъ, а ²/₅ всей площади—въ руки крестьянъ, съ надѣломъ выше 10 дес. на дворъ.

Покровительство Крест. банка зажиточнымъ слоямъ деревни въ его операціяхъ послѣ указа 3 ноября 1905 г. проявляется еще болѣе наглядно.

III.

Указъ 3 ноября 1905 г. о расширеніи дѣятельности Крест. банка по покупкѣ земель былъ изданъ во время крестьянскаго движенія въ „заботахъ правительства“ о „неотложномъ удовлетвореніи нуждъ малоземельнаго сельскаго населенія“ [1]). Въ дополненіе къ этому указу 4 марта 1906 г. былъ изданъ новый указъ объ учрежденіи Землеустроительныхъ комиссій „для содѣйствія Крест. банку въ покупкѣ и продажѣ земли нуждающимся въ ней крестьянамъ“. Комиссіи эти составлялись изъ высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ и выборныхъ отъ земства и крестьянъ.

Представители крестьянъ, какъ въ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ комиссіяхъ, по уставу должны были составлять всегда незначительное меньшинство ихъ членовъ. Какъ извѣстно, крестьянами и нѣкоторыми земскими собраніями такая организація дѣла крестьянскаго „землеустройства“, какъ разъ передъ созывомъ Г. Думы, была встрѣчена крайне враждебно. Благодаря этому въ рядѣ уѣздовъ землеустроительнымъ комиссіямъ былъ объявленъ „бойкотъ“ и организація ихъ въ „законномъ“ составѣ встрѣтила серьезныя затрудненія. Свои дѣйствія Земл. комиссіи открыли съ осени 1906 г., когда начало дѣйствовать 184 уѣздныхъ комиссій. Къ началу 1907 г. начали функціонировать еще 193 комиссіи.

Къ 1 октября 1907 г. былъ опубликованъ отчетъ о дѣятельности 370 Земл. комиссій, изъ которыхъ половина работала цѣлый годъ, а половина 6 мѣсяцевъ. Изъ этого отчета видно, что для объединенія дѣятельности Земл. комиссій и Крест. банка въ 34 губерніяхъ было организовано 5 Временныхъ отдѣленій совѣтовъ Крест. банка. Покупка имѣній Крест. банкомъ отъ частныхъ владѣльцевъ и распродажа ихъ крестьянамъ, начиная съ конца 1906 года совершалась уже при посредствѣ Земл. комиссій. Изъ земельнаго фонда въ 2,360 тыс. дес., которыми располагали Врем. отд. совѣта банка на 1-ое іюля 1907 г., крестьянамъ было запродано по 1-ое окт. 1907 г. 628 тыс. дес. [2]). Если разсмотрѣть земельное обезпеченіе крестьянъ-покупщиковъ, то окажется, что Землеустр. комиссіи въ 16 губерніяхъ продавали землю преимущественно малоземельному крестьянству, а въ остальныхъ

---

[1]) См. указъ 3 ноября 1905 г.

[2]) См. обзоръ дѣятельности З. ком. по 1 окт. 1907. Стр. IV. Цифра эта намъ кажется слишкомъ преувеличенной, такъ какъ по отчетамъ банка къ 15 апрѣля 1908 г. крестьянамъ продано всего 482 тыс. д. Очевидно въ цифру 628 тыс. вошли предполагаемыя продажи и „предварительныя (до продажи) аренды“.

18 они продолжали старую политику Крест. банка и снабжали землей *зажиточные* слои крестьянъ. Если разбить всѣхъ покупщиковъ на двѣ категоріи — имѣющихъ до 2-хъ дес. на дворъ и имѣющихъ выше 5 дес. на дворъ, то окажется, что въ районахъ дѣятельности I, IV, V Врем. отд. сов. банка крестьяне-покупщики, имѣвшіе до покупки до 2-хъ дес. на дворъ, составляли меньшинство, а покупщики, имѣвшіе свыше 5 дес.— большинство; въ то время какъ во II и III отдѣленіяхъ совѣта банка было наоборотъ. Земли же крестьянамъ было продано въ первыхъ трехъ отд. банка 326 тыс. дес., а во вторыхъ двухъ—301 тыс. дес. [1]).

Распредѣленіе покупщиковъ земли у Земл. комиссій видно изъ слѣдующей таблицы:

Отдѣленія совѣта банка.	% покупщиковъ къ общему числу ихъ: Имѣвшіе до 2-хъ д. на дворъ.	Имѣвшіе болѣе 5 д. на дворъ.
I	24%	50%
II	48%	19%
III	70%	9%
IV	18%	55%
V	14%	65% [2])

Зажиточнымъ покупателямъ банкъ больше продавалъ земли въ районѣ экстенсивнаго хозяйства въ Поволжьѣ и въ районахъ интенсивнаго хозяйства зап. и сѣв.-зап. губ.; малоземельнымъ покупателямъ банкъ продавалъ больше земли въ черноземныхъ губерніяхъ центра и на югѣ.

Въ засѣданіи Г. Думы 27 марта 1908 г. г. Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ опровергалъ депутата Бѣлоусова, доказывавшаго, что Землеустр. комиссіи слишкомъ часто идутъ навстрѣчу зажиточнымъ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобы помогать бѣднымъ. Въ доказательство деп. Бѣлоусовъ приводилъ данныя отчета Земл. комиссій о дѣятельности I, IV и V Врем. отд. сов. банка, т. е. данныя, касающіяся 18 губ. Россіи. Г. Главноуправляющій рѣшительно опровергалъ это: „Тутъ было сейчасъ сказано, что участіе въ этомъ дѣлѣ Земл. ком. какъ бы обогащаетъ уже и безъ того богатыхъ землей крестьянъ, и это было подтвер-

[1]) Въ районъ I отд. сов. банка входятъ губерніи: Казан., Ниж., Пенз., Рязан., Сам. Симбир., Уфим.; II — Ворон., Полт., Сарат., Тамб., Черниг.; III—Бессар., Волын., Екат., Кіев., Курск., Орлов., Подольск., Тавр., Тульск., Харьк., Херс.; IV—Вятская, Гродн., Ковен., Новг., Смоленск.; V—Витеб., Калуж., Минск., Могилев., Псков., Тверская.

[2]) Если взять группировку покупщиковъ, имѣвшихъ до покупки до 1 дес. и имѣвшихъ болѣе 8 дес., то результатъ не измѣнится:

I	17%	30
II	29%	5
III	54%	2
IV	13%	31
V	12%	40

ждено ссылкой на примѣръ одной губерніи", говорилъ онъ, „между тѣмъ ссылки на общую совокупность результатовъ дѣятельности Крест. банка при содѣйствіи Земл. комиссій даютъ совершенно иные итоги. Именно, въ 1907 г. изъ общей массы пріобрѣтенныхъ К. банкомъ земель было распродано домохозяевамъ, владѣющимъ менѣе, чѣмъ 8 десятинами на дворъ, 52% общаго фонда, т. е. большая половина земель [1]) пошла именно въ руки тѣхъ крестьянъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ быть признаны *малоземельными*, а 30% пошло въ руки абсолютно безземельныхъ, т. е. такихъ, которые имѣютъ на дворъ менѣе одной десятины, только 16% перешло въ руки домохозяевъ, владѣвшихъ до пріобрѣтенія земли отъ Крест. банка болѣе 8 дес. на дворъ".

Въ дѣйствительности же разсмотрѣніе стенограммы рѣчи деп. Бѣлоусова показываетъ, что онъ совершенно правильно цитировалъ послѣдній отчетъ Земл. комиссій. Содѣйствіе покупкѣ земли крестьянамъ, сравнительно обезпеченнымъ землей, по отчету Земл. комиссій имѣетъ мѣсто не *„въ одной губерніи"*, а въ районахъ дѣятельности 8-хъ Врем. отдѣл. совѣта банка, т. е. въ 18 губерніяхъ изъ 34, въ которыхъ дѣйствовали Врем. отд. совѣта банка.

Что касается средняго вывода по Имперіи, приводимаго г. главноуправляющимъ, то онъ совершенно правиленъ, но онъ не уничтожаетъ приводимаго деп. Бѣлоусовымъ факта, что политика банка въ большинствѣ губерній направлена именно въ сторону содѣйствія покупкѣ земли зажиточными, а не бѣдными крестьянами [2]).

Рядомъ съ содѣйствіемъ Крест. банку въ покупкѣ и продажѣ земли Земл. комиссіи занимались сдачей въ аренду поступившихъ въ ихъ распоряженіе

---

[1]) Въ виду того, что въ отчетѣ Зем. ком. совершенно нѣтъ указаній сколько именно земли купилъ каждый разрядъ покупщиковъ, это утвержденіе г. Главноуправляющаго не имѣетъ подъ собой статистической почвы.

[2]) Къ сожалѣнію мнѣніе о томъ, что Земл. ком. и Крест. банкъ помогаютъ *малоземельнымъ* крестьянамъ распространено не только въ оффиціальныхъ сферахъ. Такъ Черепанинъ, авторъ книги: „Современное положеніе и возможное будущее" также утверждаетъ, что „Землеустроительныя комиссіи стремились содѣйствовать не дифференціаціи крестьянства, а поднятію положенія *малосостоятельныхъ* крестьянъ". Онъ утверждаетъ также, „что новая дѣятельность Крест. банка несомнѣнно характеризуется усиленіемъ содѣйствія *малоземельнымъ крестьянамъ* въ скупкѣ земли на счетъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ", стр. 142. Кстати, Черепанинъ начинаетъ свою работу слѣдующимъ заявленіемъ: „Всѣмъ памятенъ тотъ конфузъ, который вызвало въ рядахъ марксистовъ публичное выступленіе извѣстнаго статистика Лосицкаго съ докладомъ, защищавшимъ аграрныя мѣропріятія г. Столыпина". Смѣемъ увѣрить Черепанина, что если рѣчь идетъ объ А. Е. Лосицкомъ, то такого выступленія его съ защитой „аграрныхъ мѣропріятій Столыпина" никогда не было. Мы рекомендуемъ ему навести справки по этому поводу въ „Трудахъ В. Э. Общества".

казенныхъ земель. Въ 1907 г. въ Земл. ком. было передано 1056 тыс. дес. земли, изъ нихъ 884 тыс. было сдано въ аренду крестьянамъ. Отчетъ объ этого рода дѣятельности Земл. ком. составленъ въ высшей степени неудовлетворительно, и мы лишены возможности установить въ руки какого слоя крестьянъ перешла главная часть земли. Въ отчетахъ Крест. банка обычно строго различаются товарищества и сельскія общества, и мы видѣли, что эти категоріи кліентовъ банка имущественно значительно различаются между собою. Въ отчетъ Земл. ком. показано, что 600 тыс. дес., т. е. 70% всей площади сдано вмѣстѣ сельскимъ обществамъ и товариществамъ и не указано, сколько десятинъ сдано каждой изъ этихъ категорій арендаторовъ въ отдѣльности. Если здѣсь преобладаютъ товарищескія аренды, то это будетъ означать, что землю арендуютъ обычные кліенты Крест. банка—кредитоспособные крестьяне, если наоборотъ, то это будетъ означать помощь менѣе состоятельнымъ слоямъ крестьянъ. Что Земл. ком. и въ этомъ случаѣ не защищали интересовъ маломощнаго крестьянства можетъ отчасти показать распредѣленіе аренды 272 тыс. д. изъ общаго ареднаго фонда 884 тыс. дес. Изъ этой площади 104 тыс. дес. (10%) отдано въ аренду отдѣльнымъ домохозяевамъ, т. е. наиболѣе состоятельнымъ кліентомъ Банка, а 172 тыс. д., т. е. 19% сдано въ аренду съ торговъ, т. е. тѣмъ, которые могли заплатить за аренду дороже [1]).

IV.

Съ помощью Крест. банка и Земл. комиссій правительство имѣло въ виду осуществить главную часть своей аграрной программы. Предсѣдатель Сов. м-овъ въ засѣданіи II Г. Думы 11 мая 1907 г. говорилъ о необходимости для государства притти на помощь крестьянству, какъ слабѣйшей части населенія. Принципъ такой помощи слабымъ частямъ государственнаго организма онъ называлъ „принципомъ государственнаго соціализма“.—„На практикѣ у насъ помощь крестьянству, говорилъ онъ, должна была заключаться въ слѣдующемъ: государство закупило бы предлагаемыя въ продажу частныя земли, которыя вмѣстѣ со всѣми угодьями и хозяйствами составляли бы государственный земельный фондъ; при массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возрасли бы. Изъ этихъ фондовъ получили бы землю на самыхъ льготныхъ условіяхъ *всѣ малоземельные крестьяне*, которые въ ней нуждаются и дѣйствительно прилагаютъ свой трудъ къ землѣ, и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить форму теперешняго землепользованія“. „Теперь же надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ *малоземельнымъ* крестьянамъ дать

[1]) См. Обзоръ дѣятельности Земл. ком. по 1 окт. 1907 г. Стр. 22.

возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса тѣмъ количествомъ земли, которое имъ необходимо на льготныхъ условіяхъ".

Если подвести итоги дѣятельности Крест. банка и Земл. ком., то окажется, что до настоящаго момента государственная помощь *малоземельному* крестьянству была оказана въ самой ничтожной степени.

Общее содѣйствіе Крест. банку въ покупкѣ земли крестьянамъ всѣхъ категорій съ начала 1904 г. до 15 апрѣля 1908 г., т. е. за $4^1/_4$ года было такимъ-же, какъ и въ пятилѣтіе 1899—1904 гг. Другими словами, если бы дѣятельность Крест. банка не была прервана революціоннымъ движеніемъ и развивалась въ томъ же направленіи, какъ и въ пятилѣтіе 1899—1904 гг. то площадь крестьянскаго землевладѣнія съ помощью Крест. банка увеличилась бы *на ту самую величину*, что и послѣ 1905 г. Съ 1 января 1904 г. по 3 ноября 1905 г. крестьяне съ помощью Крест. банка купили 964 тыс. дес. и изъ имѣній банка 78 тыс. д.—всего 1042 тыс. д. Съ 3 ноября 1905 г. по 15 апрѣля 1908 г. крестьянами куплено съ помощью банка 2.013 тыс. д. и изъ имѣній банка 488 тыс. [1]) дес.—всего 2,5 мил. дес. Слѣдовательно, въ общемъ, съ 1904 г. по 15 апрѣля 1908 г. землевладѣніе крестьянъ съ помощью Крест. банка увеличилось на 3,5 милл. дес. Но если бы дѣятельность банка развивалась въ томъ же самомъ направленіи, что и въ пятилѣтіе 1899—1904 гг., то получилось бы слѣдующее: среднее годовое увеличеніе землевладѣнія крестьянъ отъ покупокъ съ помощью банка въ это пятилѣтіе равнялось 750 тыс. д., отъ покупокъ изъ имѣній банка 98 тыс. д. въ годъ, что къ 15 апрѣля 1908 г. даетъ общую сумму увеличенія также 3, 5 мил. дес.

Такимъ образомъ революціонное движеніе, съ точки зрѣнія увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, прошло безслѣдно.

Въ распоряженіе Земл. ком., подъ вліяніемъ аграрнаго движенія, были переданы еще оброчныя статьи казенныхъ земель для распродажи ихъ крестьянамъ. Дѣятельность Земл. ком., какъ по приведенію этихъ земель въ удобное для населенія состояніе, такъ и по распродажѣ ихъ крестьянамъ, поражаетъ своей мизерностью. Размѣръ земельнаго фонда, переходящаго по указу 27 августа 1906 г. къ Землеустр. ком., составляетъ 6,5 милл. д. Къ 1 іюля 1907 г. въ Земл. ком. было передано 1 милл. д.; Земл. ком. составили планы для ликвидаціи всего на площади 0,1 милл. д.; изъ этого числа запродано крестьянамъ 0,01 милл. д. Для хуторскаго поселенія къ 10 октября 1907 г. Земл. ком. подготовили площадь въ $3^1/_2$ тыс. дес. и оказали содѣйствіе для переселенія на эту землю 1 двору [2]).

И такъ общая помощь „крестьянскому населенію" отъ Крест. банка и Земл. ком. выразилась въ продажѣ имъ по высокой цѣнѣ (по 15 апрѣля

---

[1]) Мы беремъ ту цифру, которую даетъ Крест. банкъ, а не отчетъ Земл. ком. Если взять цифру Земл. ком., то результатъ измѣнится приблизительно на 150—200 тыс. д.

[2]) Этотъ единственный въ Имперіи дворъ находится въ Витеб. губ. См. Обзоръ дѣятельности Земл. ком. Стр. 17 и стр. VI и VII.

1908 г.) 2,5 милл. дес. земли. При этомъ земля попадала въ руки зажиточныхъ крестьянъ, а не наименѣе обезпеченныхъ землей. Этимъ путемъ усиливался происходящій съ давнихъ поръ процессъ разслоенія деревни.

Помощь дворянскому „населенію" со стороны Крест. банка и Земл. ком. выразилась въ покупкѣ у него (къ 15 апрѣлю 1908 г.) 3 милл. д. по высокой цѣнѣ попреимуществу малодоходныхъ имѣній типа латифундій. Этимъ путемъ было поддержано дворянство въ „тяжелый для него годъ".

Но всѣ эти результаты дѣятельности Крест. банка и Земл. ком. доказываютъ, что здѣсь нѣтъ и намека на рѣшеніе тѣхъ задачъ, которое поставило крестьянское движеніе 1905—1906 гг.

VI.

Вторымъ основнымъ элементомъ правительственной програмы явилось разрушеніе общины и насажденіе подворнаго хуторскаго хозяйства. Одинъ фактъ изданія указа о выходѣ изъ общины, не ожидая созыва Г. Думы, въ порядкѣ чрезвычайныхъ мѣръ, ясно показывалъ, что правительство въ данномъ случаѣ разсчитывало на какой то *мгновенный* эффектъ отъ этой мѣры, а не на медленный процессъ экономическаго подъема крестьянства подъ вліяніемъ „индивидуализаціи" формъ землевладѣнія. Такимъ мгновеннымъ эффектомъ могло быть отвлеченіе крестьянъ отъ помѣщичьихъ земель и уничтоженіе почвы для солидарныхъ выступленій крестьянъ. Расхищеніе общинныхъ земель по указу 9 ноября должно было сыграть роль клина, раскалывающаго крестьянскую массу.

Указъ 9 ноября 1906 г. регулировалъ отношеніе крестьянъ къ землѣ въ теченіе только одного года. Его экономическіе результаты за этотъ промежутокъ времени сказаться не могли, но политическіе виды правительства имѣли возможность проявиться въ болѣе или менѣе ясной формѣ. Въ теченіе года указъ при посредствѣ агентовъ правительства проникъ въ самые глухіе углы Россіи, и уже повсемѣстно крестьяне знаютъ, что они имѣютъ право укрѣплять за собой общинную землю и что если сходъ на это не дастъ согласія, то земскій начальникъ укрѣпитъ землю своей властію. Какъ-же отнеслось крестьянство различныхъ районовъ къ этому указу.

Уже a priori можно сказать, что отношеніе это не могло быть вездѣ одинаковымъ. Это обусловливается какъ сложностью указа, такъ и сложностью той почвы, на которую онъ падаетъ. Указъ 9 ноября о выходѣ изъ общины затрагиваетъ двѣ стороны деревенской жизни—хозяйственную и „моральную". Съ выходомъ изъ общины домохозяинъ освобождается не только отъ хозяйственной опеки „міра" но и отъ всякой его опеки, такъ какъ именно хозяйственная зависимость отъ „міра" является основой всякой иной зависимости отъ него. И поэтому не только хозяйственныя соображенія должны руководить крестьяниномъ при выходѣ изъ общины и заставлять его пользоваться указомъ 9 ноября.

Съ другой стороны сами деревни Россіи далеко не похожи другъ на друга; деревня на сѣверѣ не та, что деревня на западѣ и на югѣ или даже на востокѣ. Земледѣліе не играетъ роль главнаго занятія на сѣверѣ; на востокѣ оно еще совершенно не вышло изъ стадіи трехполья, на западѣ и въ центрѣ уже практикуется давно травосѣяніе, на югѣ культивируютъ цѣнныя растенія—виноградъ, табакъ и т. д. На востокѣ еще процвѣтаютъ передѣлы, а на западѣ и сѣверо-западѣ крестьяне задолго до 9 ноября начали переходить на хутора. Неодинаковая доходность земледѣлія опредѣляетъ и неодинаковость земельныхъ цѣнъ. Цѣны на землю на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ въ четыре-пять разъ ниже, чѣмъ цѣны на югѣ и въ центрѣ Россіи [1]). Цѣны на землю въ пригородныхъ волостяхъ и при желѣзныхъ дорогахъ значительно выше, чѣмъ цѣны въ глухихъ мѣстахъ. Естественно, что въ зависимости отъ различія въ способахъ веденія хозяйства и въ зависимости отъ различія доходности земли и ея цѣны отношеніе крестьянъ къ закону 9 ноября должно быть различно.

Но это отношеніе должно быть неодинаковымъ и у различныхъ слоевъ каждой отдѣльной деревни. Кулаки и бѣдняки, средніе крестьяне, крестьяне случайно собравшіе въ своихъ рукахъ много надѣловъ, старики и вдовы, фабричные, горные, желѣзнодорожные рабочіе,—живущіе всегда въ городѣ,— всѣ эти элементы деревни должны разными глазами смотрѣть на землю различно оцѣнивать право выхода изъ общины, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Къ сожалѣнію систематическихъ свѣдѣній о примѣненіи указа 9 ноября и о томъ, какъ крестьянство пользуется этимъ указомъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ. Данными для освѣщенія этихъ вопросовъ могутъ служить лишь корреспонденціи ежедневной прессы. Матеріалъ этотъ конечно не даетъ полнаго отвѣта на вопросъ, однако онъ позволяетъ все-же намѣтить его рѣшеніе. Мы приведемъ здѣсь по отдѣльнымъ губерніямъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя.

Архангельская губ. [2]) представляетъ царство „незыблемаго общиннаго владѣнія“. Здѣсь законъ 9 ноября „не имѣетъ никакого значенія“ и воспользоваться имъ пожелала лишь ничтожная часть крестьянъ. Земледѣліе далеко не вездѣ здѣсь играетъ значительную роль въ хозяйствѣ. Выдѣлъ изъ общины пашни (о чемъ главнымъ образомъ говоритъ указъ 9 ноября) не особенно привлекаетъ крестьянъ, т. к. главную часть надѣльныхъ земель составляютъ луга и лѣса, т. е. угодья, которые по этому указу остаются въ общинномъ владѣніи и послѣ укрѣпленія пашни въ частную собственность. Значительныя часть пахатной земли кромѣ того находится фактически въ частномъ владѣніи. Это такъ называемыя „росчисти“. Община охотно даетъ расчищать лѣса отдѣльнымъ домохозяевамъ и позволяетъ

[1]) Крестьяне покупали землю съ помощью К. Банка въ 1901—1905 г.— въ Вологодской г. по 37 р. за десятину; въ Вятской—62; въ Пермской—19; Курской 175; Полтавской—208; Таврической—169; Херсонской—168.

[2]) Сѣверъ №№ 176, 184, 186, 200, 204, 206 за 1908 г.

имъ владѣть расчищенной пашней 40 лѣтъ, послѣ чего расчищенная земля переходитъ къ обществу. Въ Мезенскомъ у. корреспонденты различныхъ волостей уѣзда единогласно утверждаютъ, что существующіе земельные обычаи удовлетворяютъ крестьянъ, что „собственническаго фанатизма“ у нихъ нѣтъ. Крестьяне остаются равнодушными къ указу 9 ноября: „на сходѣ о немъ не объявляли, а начальство къ выходу изъ общины не принуждаетъ“.—Одинъ домохозяинъ, впрочемъ, хотѣлъ выдѣлиться, но сходъ ему этого не разрѣшилъ. Въ Шенкурскомъ у. указъ 9 ноября „никому не интересенъ“ и „мало извѣстенъ“. Выдѣломъ пашни не интересуются потому, что надѣльной пашни приходится всего 1/2 дес. на душу. Въ Пинежскомъ у. выхода изъ общины „не было“, такъ какъ на надѣльной землѣ высѣваютъ всего полъ-мѣры въ полѣ, большая же часть пашни представляетъ „росчисти“, которыми владѣютъ въ теченіи 40 лѣтъ. Въ Холмогорскомъ у. „случаевъ выхода изъ общины не было“.

Вологодская. губ. [1]) даетъ уже нѣсколько иную картину, такъ какъ здѣсь пашенная земля въ надѣлѣ во многихъ уѣздахъ составляетъ большій процентъ, чѣмъ въ Архангельской губ., и земледѣліе иногда приноситъ уже значительный доходъ. Въ Устьсысольскомъ у., гдѣ пашня занимаетъ всего 0,2 общей площади, земледѣліе не представляетъ главнаго занятія населенія, отношеніе къ указу 9 ноября то-же, что и въ Архангельской губ. Въ с. Визинги на сходѣ крестьяне единогласно высказались „за общину, такъ какъ считаютъ, что „міръ“—великая сила“. Въ Сольвычегодскомъ у. уже наблюдается иное явленіе: въ теченіи года изъ одной пригородной волости общество само дало 80 приговоровъ на выходъ изъ общины. Въ Устюжскомъ у., гдѣ мѣстами практикуется травосѣяніе и вводятся сельско-хозяйственныя машины, за годъ было до 100 выдѣловъ изъ общины. Выдѣляются „богачи“, которые добиваются, чтобы имъ прирѣзали надѣлъ къ купчей ихъ землѣ; „многодушные крестьяне“—изъ боязни, что во время передѣла у нихъ „отрѣжутъ“ часть земли; бѣдняки, желающіе продажей земли „выпутаться“ изъ нужды; старики, не имѣющіе дѣтей, желаютъ продать свой надѣлъ для того, чтобы прокормиться на „старости лѣтъ“. Изъ Устюжскаго у. отмѣчаютъ случаи, когда выходъ изъ общины вызывалъ раздоры среди крестьянъ. Въ Никольскомъ у., гдѣ надѣлъ на душу былъ 15 дес., были немногочисленные случаи выдѣла изъ общины зажиточныхъ крестьянъ и многодушниковъ. Въ Вельскомъ у. „несмотря на всѣ старанія земскихъ начальниковъ“, выхода изъ общины не было. Прекращеніе выкупныхъ платежей, по мнѣнію населенія, не ведетъ къ праву собственности на надѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ, такъ какъ выкупъ есть простая государственная подать, не дающая никакихъ правъ на землю. Отъ прекращенія передѣловъ, считаютъ они, хозяйство и не улучшится: „у духовенства отдѣльное хозяйство, но оно столь же при-

[1]) Сѣверъ №№ 168, 167, 179, 181, 182, 183, 185, 196, 208, 213, 238 и Рус. Вѣд. № 46 за 1908 годъ.

митивно, какъ и у крестьянъ". Въ Тотемскомъ у. законъ 9 ноября „почти неизвѣстенъ", заявленія о выходѣ начали поступать отъ богатыхъ крестьянъ, только въ концѣ 1907 г. Въ Кадниковскомъ у. воспользоваться правомъ выдѣла стремятся богачи и многодушники, но въ общемъ число выходящихъ очень незначительно. Такъ къ декабрю 1907 г. въ Кокошиловской волости подано всего 4 заявленія о выходѣ изъ общины. Къ выходящимъ изъ общины крестьяне относятся очень враждебно; сельскіе сходы на выдѣлъ согласія не даютъ и потому всегда требуется содѣйствіе земскаго начальника. Выходъ изъ общины, по мнѣнію корреспондента, и здѣсь не поведетъ къ переходу къ улучшеннымъ системамъ хозяйства, такъ какъ на собственныхъ „лѣсныхъ полянкахъ" (расчищенныхъ отъ лѣса мѣстахъ) ведется такое же отсталое хозяйство какъ и на общинной землѣ. Въ Грязовецкомъ у. случаи выхода изъ общины были только въ 3-хъ волостяхъ. Выдѣляются многодушные и бѣдняки. Только немногіе выдѣляются съ цѣлью „улучшенія хозяйства". „Если бы выдѣлялись только тѣ, кто стремится къ улучшенію хозяйства, то общинная земля, полагаетъ корреспондентъ, отъ выдѣла такихъ домохозяевъ уменьшилась-бы очень незначительно". Между прочимъ имѣются случаи, когда выдѣлялись изъ общины старики, „чтобы возвратить утраченную власть надъ сыновьями". Въ Вологодскомъ у. Кубенской волости наблюдаются единичные случаи выхода изъ общины богатыхъ крестьянъ. Въ Несвойской вол. несмотря на то, что передѣлъ былъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, изъ общины не выходятъ даже и многодушники, хотя законъ 9 ноября крестьянамъ „извѣстенъ".

Въ Вятской губ. Сарапульскаго у. Петропавловской вол. выдѣляются изъ общины только кулаки и бобыли. Костромская губ. [1]) Въ Солигаличскомъ у. выдѣловъ производится очень мало. Въ Костромскомъ у. вол. съ 2198 ревизскими душами поступили заявленія отъ 22-хъ домохозяевъ о выдѣлѣ имъ 44 надѣловъ. Нѣкоторыя изъ выходящихъ обращаются къ содѣйствію земскихъ начальниковъ. Деревня въ 14 дворовъ раздѣлила землю подворно. Въ Уфимской губ. [2]) въ Воскресенской вол. возбуждено 200 дѣлъ о выдѣлѣ надѣльной земли. Выдѣленные надѣлы продаются за полцѣны, потому-что продаютъ нуждающіеся „бездомники", а покупаютъ ихъ кулаки.

Въ Пермской губ. [3]) въ трудовую группу прислано заявленіе отъ крестьянъ съ просьбой помѣшать выдѣлу многодушныхъ изъ одной общины, которые въ числѣ 50 душъ муж. пола выдѣляютъ земли 315 дес. и на 201 душу муж. пола оставляютъ 365 дес. Передѣла же выдѣляющіеся устраивать не хотятъ, хотя передѣлъ былъ 15 лѣтъ тому назадъ. Въ Тверской губ. [4]) Вышневолоцкаго у. въ с. Освищи сходъ постановилъ,

[1]) Сѣверъ № 198.
[2]) Слово № 442.
[3]) Волжскій Листокъ № 612. 1908 г.
[4]) Рѣчь № 20. 1907 г.

что ни одинъ членъ общества не имѣетъ права продавать землю посторонним лицамъ. Кто же продастъ свой надѣлъ безъ вѣдома общества, тотъ долженъ быть исключенъ изъ общества. Ни одинъ членъ общества не можетъ требовать выдѣла себѣ участка „на выѣздъ“ (очевидно къ одному мѣсту).

Въ приволжскихъ губерніяхъ выходъ изъ общины происходитъ уже болѣе интенсивно. Въ Нижегородской губ. [1]) выдѣлы производятся въ Васильскомъ у., гдѣ развито садоводство, почва мало плодородна и отходъ на Волгу довольно великъ. Въ Казанской губ. [2]) на почвѣ выхода изъ общины были острыя столкновенія между крестьянами. Въ Подберезьѣ Свіяжскаго у. при выходѣ изъ общины въ 3000 душъ 15-ти домохозяевъ въ дѣло вмѣшалась полиція и въ результатѣ оказались убитые и раненые [3]). Въ Тетюшскомъ у. въ с. Собанчинѣ и въ д. Ср.-Балтаевской выходящихъ изъ общины избивали, выбивали въ ихъ избахъ окна и изгоняли ихъ изъ села. Въ д. Шенгутахъ требованіе о выдѣлѣ предъявили „проходимцы“, лица „давно ушедшіе изъ деревни, долго не платившіе выкупа и мірскихъ повинностей“.—Въ такихъ случаяхъ сходы отказываютъ въ выдѣлѣ: „пріѣзжайте, живите дома, и вамъ будетъ земля“. Въ Симбирской губ. [4]) Курмышск. у. выдѣлы производятся земскими начальниками, такъ какъ сходы согласія на выдѣлъ не даютъ. На почвѣ выдѣла происходятъ „раздоры“ между „хуторянами“ и обществами. Въ Ардатовскомъ у. выходъ изъ общины принимаетъ уже массовый характеръ. Въ с. Козловкѣ выдѣлилось сразу „полъ-села“, около 100 домохозяевъ, „благодаря чему“, говоритъ корреспондентъ, „община окончила свое существованіе“.—„Черезъ 2—3 года всѣ крестьяне здѣсь будутъ собственники и бѣднота скоро проѣстъ свои аршинные загоны и отправится искать счастья на новыхъ мѣстахъ“.—Въ Сенгилеевскомъ у. изъ села Левашевка послѣ выхода 30 дворовъ, взявшихъ 70 душъ, въ обществѣ осталось 80 дворовъ съ 130 душами, „и среди оставшихся есть еще желающіе вырѣзаться“. Во всей Самарской губ. [5]) за годъ до 1 дек. 1907 г. возбуждено 85455 ходатайствъ о выходѣ изъ общины; 30 тыс. изъ этихъ ходатайствъ уже утверждено; при этомъ только 1/4 утверждена „добровольно“ сельскими сходами, всѣ остальные совершались земскими начальниками. Въ Николаевскомъ у. наблюдались „массовые“ выхода изъ

[1]) Стол. Почта № 233. Наша Газета № 5.

[2]) Ст. Почта № 249; Сѣверъ №№ 200, 212. Волж. Листокъ № 603; 8 марта 1908 г.

[3]) Поводъ къ столкновенію болѣе точно установить нельзя, такъ какъ въ прессѣ существуетъ нѣсколько варіантовъ описанія этого побоища и его причинъ.

[4]) Слово № 338; Волж. Листокъ 8 марта 1908 г: Ст. Почта 26 янв. 1908 г.

[5]) Слово № 386; 418; Ст. Почта 19 янв. 1908 г. № 242, 248, 229; Волж. Листокъ № 614.

общины; въ с. Клинцовкѣ вышли изъ общины „почти всѣ домохозяева“— 635 человѣкъ; тоже самое было въ деревняхъ Бобровкѣ и Семеновкѣ; въ с. Савельевкѣ изъ 370 домохозяевъ о выходѣ изъ общины заявило „болѣе половины“; въ д. Медынкѣ, имѣющей 149 ревиз. душъ, рѣшила выйти изъ общины „половина домохозяевъ“; въ Новозахаркинѣ—108 домохозяевъ. Въ с. Чувашскомъ Колмаюрѣ передѣловъ не было и получилось такъ, что у 98 домохозяевъ сосредоточилось 1880 д., т. е. по 14 д. на дворъ, а у 142 домохозяевъ 360 д., т. е. по 2,5 д. на дворъ. «Многодушные думаютъ выдѣлиться и сдавать малоземельнымъ выгонъ по 3 рубля съ головы скотины». По словамъ корреспондента, послѣ изданія указа 9 ноября «всѣ протягиваютъ руки за землей; кулаки, крестьяне, давно порвавшіе связь съ землей, старухи, одиночки, ремесленники и т. д.». Гдѣ выходъ изъ общины не принимаетъ массового характера, сходы всѣми силами стараются помѣшать ему. Въ М. Узенѣ двумъ домохозяевамъ, пожелавшимъ выйти изъ общины сходъ пригрозилъ ссылкой въ Сибирь. «Не допустимъ выдѣла! Отъ нихъ надо отказаться, они общество мутятъ! Въ Новоузенскомъ у. въ с. Скатовкѣ изъ общины рѣшили выдѣлиться не богачи, а бѣдняки въ числѣ 160 домохозяевъ. Причиной выхода изъ общины бѣдняковъ было то, что богачи на общинныхъ поляхъ откармливали по 100 головъ скота, а бѣдняки пасутъ по 2—3 головы. Въ Саратовской губ. 1) въ слободѣ Покровской выходящіе изъ общины желаютъ выдѣла не по фактическому владѣнію, а по живымъ душамъ, а потому они требуютъ общаго передѣла. Къ 1 февраля 1908 г. уѣздный съѣздъ утвердилъ 278 постановленій земскаго начальника о выходѣ изъ общины. Въ Астраханской губ. 2) въ с. Валхунахъ на защиту общины выступаютъ сильные домохозяева, такъ какъ это нарушаетъ привычные для нихъ способы эксплуатаціи слабыхъ. Одинъ домохозяинъ хотѣлъ выдѣлиться, но на сходѣ «противъ него поднялась буря; начали кричать: «отдать его въ распоряженіе правительства, какъ смутьяна» [3]. «Въ общинѣ», пишетъ корреспондентъ, «сильный гнететъ слабаго, воротиламъ живется хорошо, можно водить скотину и откармливать ее за счетъ общины». Въ одной слободѣ Николаевской Астраханской губ. у земскаго начальника за годъ (до конца 1907 г.) скопилось до 1000 заявленій о выходѣ изъ общины. На югѣ Россіи замѣчается „массовый“ выходъ изъ общины. О массовыхъ ходатайствахъ крестьянъ о выходѣ изъ общины пишутъ изъ Харьковской губ. [4]) Харьковскаго у. «Такими ходатайствами переполнены камеры земскихъ начальниковъ и сельскія правленія». Въ Богодуховскомъ обществѣ (Богод. у.) подано 500 заявленій о выходѣ изъ общины.

---

[1]) Ст. Почта №№ 225, 229, 239; Волж. Листокъ отъ 6 марта 1908 г.

[2]) Волжскій Листокъ 17 фев.; 18 марта 1908 г.

[3]) Быть отданнымъ въ „распоряженіе правительства“ для членовъ с. общества по дѣйствующему праву означаетъ быть сосланнымъ въ Сибирь.

[4]) Утро № 370. Столичная Почта № 248.

Въ Екатеринославской губ. [1]) къ концу 1907 г. подано 8.238 заявленій о выдѣлѣ 60 тыс. дес. Наибольшее число заявленій приходится на Александровскій, Маріупольскій, Верхнеднѣпровскій у.у. Всего пятая часть выдѣловъ совершается „добровольно", а остальные—при посредствѣ земскихъ начальниковъ. Исключеніе составляетъ Павлоградскій у., гдѣ подавляющее большинство выдѣловъ совершено самими сельскими сходами. Число выдѣловъ въ Екатеринославской губ. постоянно растетъ. Такъ по Новомосковскому уѣзду къ 1 января 1908 г. было выдѣлено 4,5 тыс. дес., а къ 1 марту уже 8 тыс. дес. Въ Таврической губ. [2]) въ Мелитопольскомъ у. крестьяне „массами" возбуждаютъ ходатайства о закрѣпленіи за ними надѣльной земли. Многіе выдѣляются съ цѣлью переселенія въ Сибирь. При продажѣ земли переселенцы получаютъ всего 50—60% рыночной стоимости земли. Село Рогачевка—все приговоромъ перешло къ подворному владѣнію.

Въ Херсонской губ. [3]) въ Елизаветградскомъ у. кулаки, „которые раньше занимались ростовщичествомъ", скупаютъ послѣ указа 9 ноября землю выдѣлившихся домохозяевъ „по баснословно низкой цѣнѣ".

Въ Сѣв. Кавказѣ въ Ставропольской губ. [4]) за 13 мѣсяцевъ дѣйствія указа подано 4.248 заявленій о выходѣ изъ общины; изъ нихъ приведено въ исполненіе 1.252 заявленія о выдѣлѣ 20 тыс. дес. Наибольшее количество заявленій приходится на уѣзды Медвѣженскій, Прасковейскій, Александровскій. Всего въ губерніи обществъ 8 подворныхъ и 150 владѣющихъ землей на общинномъ правѣ. Въ 85 общинахъ были заявленія о выходѣ изъ общины. Изъ нѣкоторыхъ обществъ выходятъ отъ 1/3 до 2/3 общаго числа домохозяевъ. Одна община перешла къ подворному владѣнію.

Изъ Западнаго края имѣются сообщенія изъ Могилевской [5]), Гродненской и Смоленской губ. Въ Могилевской губ., въ Гомельскомъ у. указъ 9 ноября нашелъ „много сторонниковъ".

Въ Смоленской губ. [6]) рядомъ съ выходомъ изъ общины идетъ добровольное разселеніе на хутора. Въ Порѣчскомъ у. на хутора переходятъ цѣлыя деревни, такъ, напр., д.д. Малиновка, Селиваленка, Житница и еще есть „масса желающихъ выдѣлиться на хутора". Разселеніе совершается подъ вліяніемъ „образцоваго хуторского хозяйства латышей". „У латышей имѣется много земли, по 35—40 д. на дворъ. У выселяющихся же на хутора часто не хватаетъ средствъ на обзаведеніе и имъ иногда приходится продавать выдѣленную землю барышникамъ". Въ Духовщинск. у. выдѣлы совершались въ 14 деревняхъ и выдѣлившіеся образовали 150 хуторовъ [7]).

---

[1]) „Утро" № 350, „Рѣчь" № 90, 304; „Ст. Почта" № 232.
[2]) „Нашъ Вѣкъ" 8 янв. 1908 г.; „Волжк. Лист." 18 марта 1908 г.
[3]) „Кіевск. Мысль" 15 февр. 1908 г.
[4]) „Наша Газета" № 6.
[5]) „Ст. Почта" № 225.
[6]) „Смолен. Вѣст." № 73; „Сѣверъ" № 196; „Ст. Почта" № 232.
[7]) „См. Вѣст." № 73.

Въ Гродненской губ. [1]), къ 1 января 1908 г. подано заявленій о желаніи перейти на хутора отъ владѣльцевъ 26.000 дес. земли въ Зем. ком. Въ Новгородской губ. [2]) въ Череповецкомъ у. было довольно большое число укрѣпленій земли въ личную собственность, иногда это укрѣпленіе производится съ цѣлью продажи земли. Были случаи перехода цѣлыхъ деревень къ подворному владѣнію. Въ Тихвинскомъ у. выходъ изъ общины поставилъ на очередь вопросъ о размежеваніи совмѣстныхъ владѣній многихъ деревень. Здѣсь часто 10—15 селеній, а иногда цѣлыя волости, владѣютъ землей неразмежеванно. Общество отказываетъ въ выдѣлѣ на томъ основаніи, что оно само не знаетъ, гдѣ будетъ земля этого общества при размежеваніи. Во всякомъ случаѣ, въ выходѣ изъ общины оказываются заинтересованными не только то общество, къ которому принадлежитъ выдѣляющійся, но и цѣлый рядъ другихъ обществъ. Въ Новгородскомъ у. выдѣлы совершаются охотнѣе. Воскресенская слобода составила приговоръ объ укрѣпленіи земли въ собственность „за всѣми хозяевами селенія". И многія изъ выдѣлившихся „запродали свои надѣлы". Въ Троицкой волости сельскій сходъ рѣшительно возсталъ противъ того, чтобы выдѣлять землю вдовамъ. Онъ пригрозилъ выселить ихъ „на болото за озера". Въ Боровичскомъ у. сходы тоже противъ выдѣла земли.

Въ Тамбовской губ. [3]) выдѣлы совершаются въ незначительномъ количествѣ, а мѣстами „массами". Выдѣляются тѣ, кто самъ не обрабатывалъ, а сдавалъ надѣлъ въ аренду для того, чтобы „раздѣлаться" съ землей, а равно и тѣ, у кого скопилось много надѣловъ. Крестьяне приговоровъ о выдѣлѣ не даютъ, и дѣла рѣшаются властью земскихъ начальниковъ. Выдѣлившихся они „тѣснятъ", точно также какъ и тѣхъ, кто ихъ землю скупаетъ. Поэтому цѣны на выдѣленныя земли очень низки.

VII.

Приведенныя данныя, при своей отрывочности, позволяютъ все же приблизиться къ конкретной дѣйствительности при рѣшеніи вопроса о вліяніи указа 9 ноября на жизнь деревни. Какъ и слѣдовало ожидать отношеніе къ выходу изъ общины крестьянъ въ различныхъ районахъ Россіи совершенно различно. На сѣверѣ и сѣверовостокѣ Россіи (Арх., Вологод., Пермск., Уфимск., Костром., Казан., Тверск.) крестьяне крѣпко держатся за общину. Хозяйственные интересы не толкаютъ ихъ къ перемѣнѣ формы землевладѣнія и потому массовыхъ выходовъ изъ общины здѣсь не наблюдается. Выходы изъ общины рѣдки, населеніе къ выходящимъ относится враждебно. Въ приволжскихъ губ. (Нижег., Симб., Сарат., Самар., Астрах.) земля уже представляетъ большую цѣнность, за землю идетъ ожесточенная

---

[1]) „Рѣчь" 27 апр. 1908 г,
[2]) „Сѣверъ" № 201.
[3]) „Русск. Вѣд." № 69.

борьба. Случаи выхода изъ общины довольно часты. Мѣстами они принимають „массовый“ характеръ, и цѣлыя деревни переходятъ къ подворному владѣнію. Таже картина многочисленныхъ выходовъ изъ общины наблюдается и на югѣ (Екатер., Твер., Ставр.) и отчасти въ центрѣ Россіи. Число выходящихъ изъ общины тамъ систематически возростаетъ и переходы къ подворному владѣнію также не рѣдки. На Западѣ и Сѣверозападѣ (Могилевской, Смоленской, Гродненской) привходитъ еще новое явленіе, сравнительно съ приволжскими и южными губерніями. Кромѣ „массоваго“ выхода изъ общины, перехода къ подворному владѣнію наблюдается еще добровольное разселеніе крестьянъ на хутора.

Указъ 9 ноября укореняется тѣмъ сильнѣе тамъ, гдѣ менѣе прочно общинное землевладѣніе. Его вліяніе значительно въ приволжскихъ и южныхъ губ., очень сильно на западѣ и совсѣмъ ничтожно на сѣверѣ и востокѣ Россіи. Какіе же слои деревни спѣшатъ имъ воспользоваться? По идеѣ указа, стремящагося къ ускоренному разрушенію общины, первые должны были уходить изъ общины тѣ домохозяева, въ рукахъ которыхъ скопилось значительное количество надѣловъ. Это оказалось вполнѣ вѣрнымъ предположеніемъ тамъ, гдѣ община держится еще прочно, гдѣ она соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ условіямъ. Тамъ же, гдѣ община уже отживаетъ, изъ общины бѣгутъ всѣ и многодушные, и малодушные, выходъ изъ общины принимаетъ „массовый“ характеръ, цѣлыя деревни переходятъ къ подворному владѣнію или даже къ хуторскому владѣнію. Здѣсь при разрушеніи общины играетъ главную роль не та премія, которую даетъ за выходъ указъ 9 ноября многодушнымъ, а самая возможность выхода изъ общины. Гдѣ хозяйственныя условія покровительствуютъ общинѣ, рядомъ съ многодушниками, выходящими изъ общины не для того, чтобы улучшить свое хозяйство, а для того, чтобы захватить въ свои руки побольше общинной земли, часто выходятъ бѣдняки и отхожіе рабочіе, ушедшіе изъ общины. Для бѣдняковъ община не мать а мачеха, отъ нея они ничего не получаютъ и потому они стремятся укрѣпить свою землю, продать ее и уйти изъ общины. Точно также отхожіе рабочіе и фабрично-заводскій пролетаріатъ стремятся часто разорвать свою послѣднюю связь съ землей и продать свой надѣлъ. Отсутствіе въ деревнѣ всякой помощи престарѣлымъ ведетъ къ тому, что всѣ одиночки — старухи и старики, спѣшатъ укрѣпить за собой землю и продать ее для того, чтобы чѣмъ нибудь, обезпечить свою старость.

Кулаки далеко невсегда являются сторонниками выхода изъ общины. Въ общинѣ они выработали вѣрные способы эксплуатаціи деревенской бѣдноты путемъ аренды за безцѣнокъ надѣловъ маломощныхъ домохозяевъ и отхожихъ рабочихъ; на общинныхъ выгонахъ они безплатно откармливаютъ для рынка иногда цѣлыя стада своего скота. Выйдя изъ общины бѣдняки могутъ продать землю въ другія руки, а не прежнимъ арендаторамъ-кулакамъ, а съ разрушеніемъ общины для кулаковъ совершенно исчезнетъ возможность использовать общинныя угодья. Различія въ отношеніяхъ крестьянъ

къ выходу изъ общины сказывается на отношеніи ихъ къ передѣламъ. Многодушники при выходѣ изъ общины являются противниками передѣловъ, малодушники при выходѣ изъ общины стоятъ за передѣлъ, такъ какъ при передѣлѣ имъ придется больше земли.

Въ какой мѣрѣ оправдались надежды на то, что въ деревню будетъ внесенъ расколъ изъ-за дѣлежа общинной земли? Факты показываютъ, что тамъ, гдѣ хозяйственныя условія приводятъ къ ликвидаціи общины, и выходъ изъ нея принимаетъ массовой характеръ, выдѣлъ изъ общины происходитъ безъ столкновеній. Если же число выходящихъ домохозяевъ незначительно, то населеніе относится къ нимъ враждебно, приговоровъ „на выходъ" не даетъ, а отправляетъ выходящихъ къ земскому начальнику. Иногда вражда въ такихъ районахъ заходитъ такъ далеко, что примѣняется физическое насиліе. Въ Свіяжскомъ у. произошло кровавое столкновеніе съ полиціей. Выходящихъ изъ общины избивали въ Тетюшскомъ у. Казан. губ. Нужно замѣтить, однако, что случаи насилія отмѣчаются прессой только въ Казанской губ. Въ Астраханской и Сарат. губ. сельскіе сходы грозятъ выходящимъ ссылкой въ Сибирь. Такимъ образомъ въ деревню несомнѣнно указомъ 9 ноября внесены раздоры, но это явленіе не имѣетъ общаго характера и сказывается далеко не по всей Россіи.

Въ общемъ факты показываютъ, что обычный взглядъ, сводящій все значеніе указа 9 ноября къ выходу изъ общины многодушниковъ, по отношенію ко всей Россіи совершенно неправиленъ. Община раскалывается не только по этому направленію. Во многихъ мѣстахъ выходъ изъ общины охватываетъ всѣ слои деревни и иногда приводитъ къ полному разрушенію общины, къ переходу къ подворному владѣнію и хуторамъ. А это показываетъ, что указъ 9 ноября бьетъ значительно дальше цѣли, поставленной правительствомъ. Выходъ изъ общины, какъ бы онъ ни былъ несправедливо обставленъ по указу 9 ноября, отвѣчаетъ стремленію значительной части крестьянъ въ особенности на югѣ и западѣ Россіи освободиться изъ-подъ традиціонной опеки большинства, которая была установлена въ фискально-полицейскихъ цѣляхъ и задерживала и хозяйственный и духовный ростъ крестьянства.

Отсюда ясна необходимость отмѣны указа 9 ноября и замѣна его закономъ, установляющимъ свободный выходъ изъ общинъ съ землей 1).

Насколько велика потребность къ свободному выходу у крестьянъ всей Россіи видно изъ того, что во всѣхъ губерніяхъ даже бѣдняки пользуются выходомъ изъ общины по указу 9 ноября, не ожидая другого, болѣе лучшаго закона.

Приведенные нами факты даютъ доказательство какъ того, что указъ 9 ноября въ высшей степени несправедливъ, такъ какъ ведетъ къ не-

---

1) Какъ долженъ быть организованъ такой выходъ изъ общины, см. нашу статью, „Община какъ предметъ вѣры и какъ предметъ суевѣрія". „Соврем. Міръ". апрѣль 1908 г.

равномѣрному распредѣленію земли, такъ того, что самое справедливое распредѣленіе крестьянскихъ земель не спасаетъ крестьянъ отъ малоземелья. Такъ, напримѣръ, въ заявленіи въ трудовую группу 3-ей Г. Думы крестьяне Пермской губ., жалуются на то, что 50 душъ м. п. при выходѣ берутъ земли 315 дес., т. е. по 6 дес. на душу, и оставляютъ 361 дес. на 221 душу, т. е. по 1,7 дес. Конечно, это — вопіющая неравномѣрность. Но что получилось бы, если бы земля была распредѣлена равномѣрно?

Они получили бы 676 дес. на 271 душу м. п., т. е. всего по 2,5 дес. на м. душу, что для Пермской губ. съ малоплодородной почвой представляется очень недостаточнымъ надѣломъ. Очевидно, что даже идеально-правильное распредѣленіе общинной земли не уничтожаетъ вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ.

Итакъ, оба главныхъ рычага правительственной аграрной политики— Крест. банкъ и указъ 9 ноября дѣйствуютъ въ одну и ту же сторону. Крест. банкъ укрѣпляетъ среднее и зажиточное крестьянство; указъ 9 ноября, вводя частную собственность на землю въ общинныхъ областяхъ Россіи, ускоряетъ процессъ мобилизаціи надѣльной земли и содѣйствуетъ скопленію ея въ рукахъ „крѣпкаго“ крестьянства. Единственнымъ результатомъ движенія 1905—1906 гг. въ деревнѣ пока является усиленіе дифференціаціи крестьянства, все болѣе глубокое дѣленіе деревни на богатыхъ и бѣдныхъ.

Аграрныя „реформы“ правительства не создаютъ разслоенія деревни, а только усиливаютъ его. Разслоеніе существовало и до революціи 1905 г., и оно-то, главнымъ образомъ, и привело къ крушенію крестьянское движеніе. Извѣстно, что роль разныхъ слоевъ деревни въ этомъ движеніи была неодинакова, и что въ немъ проявилась какъ солидарность деревни, такъ и антагонизмъ разныхъ слоевъ ея. Богатые крестьяне, какъ общее правило, не участвовали въ движеніи, такъ какъ они сами были часто объектами движенія. Зажиточные крестьяне всегда первые покидали движеніе. Есть масса фактовъ, когда бѣднота жестоко мстила богачамъ за „измѣну“ движенію. Въ разгромномъ движеніи и въ массовыхъ лѣсныхъ порубкахъ не могли участвовать бѣдняки и безлошадные, такъ какъ имъ не на чемъ было возить „барское добро“ и „лѣсъ“. Въ стачечныхъ движеніяхъ на работу къ помѣщикамъ не шли „всей деревней“ и въ тоже время богатые крестьяне за безцѣнокъ нанимали бѣдняковъ убирать свой хлѣбъ, а затѣмъ, по окончаніи стачки, вмѣстѣ съ бѣдняками, шли убирать хлѣбъ къ помѣщикамъ.

Это разслоеніе деревни совершается крайне разрушительнымъ способомъ, съ необыкновенной растратой народныхъ силъ. Выбрасываемые изъ деревни подъ вліяніемъ новыхъ отношеній слабосильные хозяева при пол-

номъ застоѣ экономической жизни обрекаются на нищенство; обезсиленное крестьянство, получивъ въ собственность свой надѣлъ, во многихъ мѣстахъ долгое время принуждено будетъ вести старое, примитивное хозяйство. Но тѣмъ не менѣе ростъ дифференціаціи деревни подъ вліяніемъ правительственной политики, разрушая укладъ деревенскаго „міра“, подтачиваетъ основы стараго порядка и создаетъ почву для новой Россіи. Это живо чувствуютъ всѣ охранительныя партіи. Недаромъ въ Г. Совѣтѣ, состоящемъ цѣликомъ изъ дворянско-бюрократическихъ элементовъ, начинается фронда противъ указа 9 ноября, изданнаго бюрократіей для спасенія дворянства.

„Die Ironie der Weltgeschichte stellt alles auf den Kopf!“

И. Чернышевъ.

Свободный швейцарскій народъ и его школа *).

Россія переживаетъ въ настоящее время тяжелый кризисъ; она занята передѣлкой своего политическаго строя, долгіе годы мѣшавшаго ей стать въ ряды истинно цивилизованныхъ странъ.

Какъ тормозились у насъ всякія начинанія общества въ области народнаго просвѣщенія, объ этомъ врядъ ли приходится здѣсь много распространяться: факты этого рода извѣстны всѣмъ. Достаточно будетъ сказать, что всякій, выказывавшій болѣе или менѣе горячій интересъ къ дѣлу улучшенія народнаго образованія, — будь онъ даже совсѣмъ не причастенъ къ какимъ либо политическимъ партіямъ, — этимъ самымъ уже становился подозрительнымъ въ глазахъ бюрократіи и могъ разсчитывать рано или поздно оказаться зачисленнымъ въ ряды „неблагонадежныхъ" элементовъ страны.

Существуетъ извѣстная поговорка: „Скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу тебѣ, кто ты"; съ большимъ еще правомъ можно, перефразируя эту поговорку, сказать по отношенію къ цѣлому народу: „Дай мнѣ возможность узнать, какова твоя школа, и я опредѣлю тебѣ твой умственный и политическій кругозоръ". Эту то живую связь между школой и жизнью отлично понимало наше правительство и оно употребляло всѣ

---

*) Печатая статью Ю. М. Райхесберга, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Русскіе педагоги, посѣщавшіе швейцарскія школы, нерѣдко чувствовали себя разочарованными, находя швейцарскихъ дѣтей недостаточно развитыми. Но поскольку этотъ недостатокъ дѣйствительно существуетъ, онъ обусловливается общимъ складомъ швейцарской жизни: мелко-буржуазныя общественныя отношенія не могутъ способствовать развитію подвижности мысли и расширенію ея кругозора. И противъ этого безсильна даже самая лучшая *школа*. Тутъ можетъ помочь только *сама жизнь* путемъ углубленія и расширенія общественныхъ противорѣчій. Однако, полезно напомнить объ этомъ недостаткѣ тѣмъ нашимъ „прогрессистамъ", которые хотѣли бы увѣковѣчить у насъ,—по крайней мѣрѣ, *въ деревнѣ*, — мелко буржуазныя отношенія.

Редакція.

свои усилія, чтобы держать школу — особенно же низшую — въ загонѣ. Самостоятельно мыслить, критически относиться къ тому, что вокругъ насъ происходитъ, особенно же выражать тотъ или иной взглядъ свой на дѣйствія властей — это такія свойства, которыя понятно, терпимы быть не могутъ. И если за послѣдніе годы въ школьномъ дѣлѣ въ Россіи всетаки замѣчается нѣкоторый шагъ впередъ, то это уже никакъ не благодаря стараніямъ правительства, а именно вопреки всѣмъ его отрицательнымъ стремленіямъ [1]). Жизнь беретъ свое, несмотря ни на какіе тормазы. Измѣнившіяся экономическія и соціальныя условія властно требуютъ измѣненія и всего того, что не находится въ соотвѣтствіи съ народившимися новымъ положеніемъ вещей. Стремленіе къ свободѣ, къ освобожденію изъ подъ гнета стараго режима усилило также и стремленіе къ такому же освобожденію и школы. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто болѣе или менѣе систематически слѣдитъ хотя бы за нашей періодической печатью. Народъ, наконецъ, понялъ, что знаніе—сила и что ему этой силой необходимо во чтобы то ни стало запастись, воспользоваться. Между правительствомъ и обществомъ все время велась борьба, хотя и,—благодаря господствующему у насъ до сихъ поръ режиму, — скрытая, глухая, но все таки довольно ясная для всякаго, привыкшаго разбираться въ общественныхъ событіяхъ.

Было бы, однако, ошибочно полагать, что эта борьба изъ за вліянія на школу, изъ за расширенія или съуженія ея дѣятельности есть нѣчто специфически-русское. Эта борьба не только можетъ быть отмѣчена въ прошломъ исторіи всѣхъ странъ, но она и до сихъ поръ повторяется по временамъ то тутъ, то тамъ съ большей или меньшей интенсивностью; и почти повсюду привиллегированные элементы являются тѣмъ тормазомъ, благодаря которому и до настоящаго времени не удается, даже во многихъ передовыхъ странахъ, поставить школьное дѣло на должную высоту. Конечно, въ странахъ конституціонныхъ, гдѣ низшіе слои населенія не обречены на молчаніе, гдѣ они, напротивъ, вполнѣ свободно могутъ выражать

---

[1]) Вотъ что пишетъ г. Меньшиковъ, котораго навѣрно никто въ пристрасти къ русскому правительству не заподозритъ, въ „Новомъ Времени" отъ 23 марта 1906 г.: „Неисчислимые милліарды собраны съ народа и растрачены—и даже грамотѣ не удостоились его научить! Не потому, чтобы сама по себѣ грамотность была спасительна, но потому, что она необходимый жестъ, съ котораго дѣлается первый шагъ... Слабыя попытки къ этому движенію въ обществѣ дѣлались много разъ, но какъ дѣятельность Новикова, воскресныя школы, комитетъ грамотности и пр.—эти попытки подавлялись силой. *Старое правительство сознательно было противъ образованія.* Покойный министръ гр. Толстой мечталъ прямо таки о сокращеніи народныхъ школъ. И это вовсе не было безуміе,—напротивъ. Пока правительство держалось идеи самовластія, оно должно было подавлять народную образованность, ибо эти два начала логически не совмѣстимы. Полное безвластіе народное возможно лишь при полномъ невѣжествѣ"...

свои желанія и гдѣ къ этимъ желаніямъ правящимъ классамъ приходится волей-неволей прислушиваться, тамъ рѣчь не можетъ идти больше о томъ, необходимо ли народу вообще образованіе, или слѣдуетъ ли образованіе сдѣлать доступнымъ всему населенію. Какъ одно, такъ и другое для истинно культурныхъ странъ Европы и Америки настолько теперь само собою понятно, что никому и въ голову болѣе не приходитъ спорить объ этомъ. Споры вызываютъ тамъ вопросы совершенно другого характера. Что считать начальнымъ образованіемъ? До какого возраста дѣти *обязательно* должны посѣщать школу, и какъ сдѣлать это обязательное посѣщеніе по возможности мало обременительнымъ для несостоятельныхъ родителей? Создавать ли—для окончившихъ начальную школу и не имѣющихъ средствъ для продолженія своего образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—такія учрежденія, которыя содѣйствовали бы ихъ дальнѣйшему внѣшкольному развитію? Допустить ли вліяніе церкви на школу, или сдѣлать школу учрежденіемъ чисто свѣтскимъ? Отдавать ли въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе центральной власти передъ муниципальной, или наборотъ? и т. д.

Нечего говорить, что въ противоположность привиллегированнымъ, классамъ, для которыхъ невѣжество массъ есть своего рода гарантія устойчивости ихъ привиллегій, и которые поэтому, понятно, не особенно охотно выражаютъ свою готовность содѣйствовать устраненію этого невѣжества, демократія повсюду стоитъ за самое широкое, всестороннее, свободное отъ всякой религіозной примѣси образованіе. И чѣмъ больше вліянія послѣдняя получаетъ на правительственный механизмъ, тѣмъ энергичнѣе она также отстаивать эти требованія. Демократія полагаетъ вмѣстѣ съ Фихте, что только тотъ народъ можетъ разсчитывать на могущество, счастье и уваженіе другихъ націй, у котораго глубокое всестороннее образованіе проникло во всѣ безъ исключенія слои общества. Это особенно ясно можно прослѣдить на Швейцаріи, этой самой демократической странѣ въ Европѣ, во многихъ отношеніяхъ напоминающей собою древнюю Грецію, но только еще болѣе превосходящей ее по своимъ свободнымъ учрежденіямъ.

Если о какой либо странѣ можно сказать, что ея школа есть дѣло рукъ самого ея народа, то эта страна именно Швейцарія. Референдумъ и инниціатива — два чрезвычайно важныхъ инструмента въ рукахъ швейцарскаго народа; два крѣпкихъ весла, которыми онъ двигаетъ челнокъ законодательства, направляя его по желанному пути; референдумъ и инниціатива являются также тѣми учрежденіями, благодаря которымъ народъ, особенно въ кантонахъ, могъ самъ имѣть вліяніе на судьбу своей школы.

Какъ же онъ ими воспользовался?

Поставленная на референдумъ и принятая въ апрѣлѣ 1874 года огромнымъ большинствомъ швейцарскаго народа, — 340.899 голосами противъ 198.013,—новая союзная конституція слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ, въ своей 27-й статьѣ, отношеніе кантоновъ и союза къ народ-

ному образованію: кантоны заботятся о достаточномъ первоначальномъ образованіи, которое ведется исключительно подъ руководствомъ гражданскихъ властей. Это образованіе обязательное и въ общественныхъ школахъ безплатное. Право посѣщенія общественныхъ школъ принадлежитъ послѣдователямъ всѣхъ вѣроисповѣданій, безъ всякаго стѣсненія въ чемъ либо ихъ свободы совѣсти и вѣры. Противъ кантоновъ, не исполняющихъ своихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи, союзъ приметъ необходимыя мѣры.

Изъ другихъ статей конституціи, имѣющихъ опредѣленное отношеніе къ только что приведенной и до нѣкоторой степени ее дополняющихъ, укажемъ еще на 49-ую и 57-ую, изъ которыхъ первая гарантируетъ всѣмъ гражданамъ полную свободу совѣсти и исповѣданія и предоставляетъ родителямъ и опекунамъ дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ давать послѣднимъ въ религіозномъ отношеніи воспитаніе по личному усмотрѣнію. Статья же 51-я выключаетъ изъ всей швейцарской территоріи орденъ іезуитовъ и родственныя ему общества и запрещаетъ имъ всякое участіе въ церковныхъ и школьныхъ дѣлахъ. Такія же мѣры союзу предоставляется предпринимать и по отношенію къ другимъ духовнымъ орденамъ, могущимъ по дѣятельности своей оказаться опасными для государства или о которыхъ можно полагать, что они въ состоянія нарушить миръ и добрыя отношенія между гражданами различныхъ вѣроисповѣданій [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что однимъ изъ основныхъ положеній своей конституціи швейцарскій народъ объявляетъ всеобщее обязательное и безплатное начальное образованіе, которое при томъ въ общественныхъ школахъ должно быть исключительно свѣтское. А чтобы дѣти дѣйствительно имѣли достаточный досугъ для посѣщенія школы и не истощали свои молодые организмы непосильнымъ для нихъ трудомъ, союзный совѣтъ воспользовался предоставленнымъ ему 34-й статьей союзной конституціи правомъ издавать постановленія съ цѣлью урегулировать работу дѣтей и взрослыхъ на фабрикахъ и выработалъ въ 1877 году вошедшій затѣмъ въ силу законъ, по которому дѣтямъ моложе четырнадцати лѣтъ всякая работа на фабрикахъ совершенно воспрещается, а подросткамъ — до 18-ти лѣтъ — она хотя и позволяется, но только съ извѣстными ограниченіями [2]). Фабрикантъ, дѣйствующій въ разрѣзъ съ этимъ закономъ,

[1]) Эта статья дала между прочимъ Швейцаріи возможность избѣжать тѣхъ крупныхъ непріятностей, отъ которыхъ Франція не могла такъ долго избавиться и которыя привели ее къ такимъ острымъ конфликтамъ съ католической церковью. И единственно благодаря этой же статьѣ Швейцаріи и теперь удалось избѣжать грозившей было ей опасности стать гнѣздомъ всѣхъ ушедшихъ изъ Франціи въ послѣднее время іезуитскихъ обществъ.

[2]) Что это мѣропріятіе не можетъ быть отнесено исключительно къ законамъ объ охранѣ труда, а имѣетъ не въ меньшей степени въ виду и цѣли школы, вытекаетъ довольно ясно изъ сдѣланнаго союзнымъ совѣтомъ заявленія, что если кантоны согласились бы распространить

подвергается строгому наказанію; причемъ онъ въ свое оправданіе не можетъ ссылаться на незнаніе возраста своихъ рабочихъ.

Однако, все здѣсь сказанное есть только та общая канва, на которой, какъ увидимъ, такими богатыми узорами вырисовываются передъ нами школьныя учрежденія швейцарскаго народа. Швейцарія, какъ извѣстно, не есть строго централизованное государство; наравнѣ съ союзомъ большую роль играютъ еще также и кантоны, которые во многихъ, и при томъ очень важныхъ, отношеніяхъ вполнѣ автономны. Такая автономность существуетъ также и по части вопросовъ народнаго образованія. Мы видѣли, что общая конституція выставляетъ требованіе, чтобы *кантоны* обязательно заботились о достаточномъ образованіи всего народа — это все; но *какъ* выполнять это требованіе, это уже дѣло каждаго кантона въ отдѣльности.

И дѣйствительно, средства употребляемыя для этой цѣли кантонами, такъ-же разнообразны, такъ-же отличаются другъ отъ друга, какъ и характеръ ихъ населенія, какъ ихъ географическое положеніе и какъ степень ихъ экономическаго развитія. Начиная съ внутренняго строя школы и кончая самой школьной администраціей — все это выступаетъ передъ изучающимъ положеніе и организацію народнаго образованія въ Швейцаріи почти въ стольнихъ же видахъ, сколько имѣется кантоновъ и даже полукантоновъ. Обстоятельство, которое несомнѣнно дѣлаетъ детальное описаніе указаннаго предмета чрезвычайно затруднительнымъ. Къ счастью, намъ не столько важны детали, сколько то общее, что имѣется во всемъ этомъ разнообразіи. Хотя средства у различныхъ кантоновъ и различны, но цѣль у нихъ одна и та же.

Однажды, одинъ афинянинъ спросилъ Аристипа, сколько онъ взялъ бы у него за воспитаніе его сына. „Тысячу драхмъ“, — отвѣтилъ философъ. „О, за такую сумму,—воскликнулъ тотъ,—я могу уже купить себѣ раба!“ „Пожалуй,—возразилъ лаконически Аристипъ,—и ты тогда будешь владѣльцемъ двухъ рабовъ“. Швейцарскій народъ всего меньше желаетъ походить на этого безразсуднаго, близорукаго отца: онъ самъ не желаетъ быть рабомъ, но еще меньше намѣренъ видѣть въ этой роли своихъ дѣтей. Въ этомъ — общая цѣль всѣхъ многочисленныхъ школьныхъ организацій Швейцаріи. Школа не только должна сообщать своимъ воспитанникамъ полезныя знанія; ея задача—создать изъ нихъ также и людей съ независимымъ характеромъ и самостоятельнымъ взглядомъ на вещи. Народное образованіе—это народное освобожденіе. Таковъ былъ одинъ изъ лозунговъ политическаго движенія тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія,— періода возрожденія швейцарскаго народа, — и таковымъ онъ остался и понынѣ. Никакія матеріальныя жертвы не кажутся кантонамъ обремени-

---

обязательность посѣщенія школы на дѣтей до шестнадцатилѣтняго ихъ возраста, то и онъ, съ своей стороны, позаботился бы о запрещеніи поступленія на фабрику дѣтямъ моложе этого везраста.

тельными, разъ онѣ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ распространеніе въ народной массѣ знанія.

Что послѣднее утвержденіе не голословно, можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ уже одно то огромное количество школьныхъ зданій, которое встрѣчается разбросаннымъ по всей территоріи этой маленькой страны, имѣющей какихъ нибудь три съ третью милліона жителей. Если вы забредете даже въ самую отдаленную деревушку, то первое, что бросится вамъ въ глаза, будетъ школьное зданіе, почти всегда находящееся на самомъ видномъ и лучшемъ мѣстѣ и привлекающее вниманіе всѣхъ своей солидной постройкой.

Какъ сильно вкоренилось въ народѣ представленіе о томъ, что подъ школу непремѣнно должно быть отведено самое лучшее помѣщеніе данной мѣстности, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго небольшаго, но достаточно характернаго эпизода. Пишущему эти строки пришлось ѣхать однажды въ бернскомъ трамваѣ вмѣстѣ съ крестьянкой, очевидно, незнакомой съ городомъ; это можно было заключить изъ того любопытства, съ которымъ она осматривала все, встрѣчавшееся намъ на пути. Когда мы поравнялись съ огромнымъ трехъ-этажнымъ зданіемъ желѣзнодорожнаго правленія, находящимся на возвышенномъ мѣстѣ, рядомъ со зданіемъ университета, то крестьянка, на которую это зданіе, повидимому, произвело особенное впечатлѣніе, съ живостью обратилась ко мнѣ и, полуспрашивая, полувыражая свою увѣренность, сказала: „а, это школа“. И нужно было видѣть ея удивленіе, когда она узнала, что—нѣтъ. Крестьянка, видно, не могла понять, какъ такое зданіе можетъ служить еще чему нибудь другому, кромѣ школы. Въ сущности же, она была несправедлива къ Берну, школьныя зданія котораго не только не уступаютъ поразившему ее своимъ видомъ зданію, но въ нѣкоторыхъ участкахъ даже превосходятъ его какъ по своей величинѣ, такъ и въ смыслѣ архитектуры.

Да, школьныя зданія—это дворцы демократіи. Но такое полное глубокаго уваженія отношеніе демократіи къ школѣ создалось, конечно, не въ одинъ день, а является плодомъ долголѣтняго развитія, слѣдствіемъ цѣлаго ряда соціальныхъ и политическихъ моментовъ; и намъ думается, поэтому, что для лучшаго уясненія настоящаго положенія школы въ Швейцаріи, необходимо сдѣлать хотя бы небольшую экскурсію въ область ея прошлаго.

II.

Общественная школа представляетъ собою въ Швейцаріи довольно старинное учрежденіе. Она встрѣчается въ нѣкоторыхъ городахъ уже съ четырнадцатаго и даже тринадцатаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, преподаваніе велось въ ней очень долгое время самымъ примитивнымъ образомъ—и при томъ почти исключительно кочующими учителями, людьми, въ сущности „малозвающими и къ педагогической дѣятельности совершенно не

подготовленными. Къ тому же эти учителя принуждены были, въ виду скудости ихъ жалованія, снискивать себѣ и своей семьѣ пропитаніе еще какими нибудь побочными занятіями, какъ сапожничествомъ, портняжничествомъ, а то и просто трудомъ поденщика [1]). О какой либо планомѣрной организаціи этихъ школъ, о какомъ либо правильномъ надзорѣ или заботливомъ отношеніи къ нимъ со стороны общества, или кантоновъ, врядъ ли и говорить приходится. Только съ начала шестнадцатаго столѣтія начинаетъ замѣчаться нѣкоторое стремленіе къ постановкѣ школьнаго дѣла на болѣе прочныхъ и раціональныхъ началахъ, чему особенно способствовала реформація, вызвавшая въ обществѣ живой интересъ къ образованію и къ школѣ.

Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ причины указаннаго факта, скажемъ только, что сами реформаторы поняли всю важность и необходимость народнаго образованія и усиленно стали заботиться объ увеличеніи числа школъ и возможномъ ихъ усовершенствованіи. Какъ въ Германіи Лютеръ, такъ въ Швейцаріи Цвингли и Кальвинъ придавали школѣ особенно важное значеніе. „Ничто, пишетъ Лютеръ, не можетъ принести намъ и нашимъ потомкамъ столько пользы, какъ именно хорошая школа“. А въ другомъ мѣстѣ читаемъ мы у него, что Германія, пожалуй, въ состояніи обойтись безъ правителей, безъ князей и дворянства, но обойтись безъ школы ей невозможно,—послѣдней принадлежитъ господство надъ міромъ. И, согласно такому высокому взгляду на школу, онъ требуетъ отъ правительства, чтобы оно даже насильственно заставляло родителей посылать своихъ дѣтей въ какое нибудь учебное заведеніе. Онъ, слѣдовательно, требовалъ обязательнаго образованія для всего народа; мысль несомнѣнно довольно смѣлая для его времени. Въ томъ же духѣ высказывался и Цвингли, сравнивавшій человѣческую душу съ садомъ, дающимъ хорошіе плоды только послѣ тщательнаго за нимъ ухода, и находившій, что такой уходъ за ребенкомъ можетъ лучше всего взять на себя школа.

Конечно, реформаторы, ратуя за школу, раньше всего связывали съ нею церковно-религіозныя цѣли. Они имѣли въ виду главнымъ образомъ сдѣлать школу прислужницей церкви, разсадницей проповѣдуемыхъ ими и ихъ приверженцами новыхъ религіозныхъ идей. Оттого-то и утвержденіе кого либо въ должности учителя входило первоначально всецѣло въ компетенцію духовныхъ лицъ. И въ этихъ же цѣляхъ въ рукахъ послѣднихъ находилось также и установленіе программы преподаванія въ школѣ. Однако, съ теченіемъ времени, школа мало по малу начинаетъ эмансипироваться отъ церкви. Этому способствовала, съ одной стороны, сама школа; умъ прихожанина, умѣющаго читать и разбираться въ читанномъ, не могъ, какъ и слѣдовало ожидать, надолго довольствоваться однимъ

1) Т. Курти сообщаетъ въ своей Geschichte der Schweiz im XIX Iahrhundert (стр. 41) о существованіи такого типа учителей еще даже въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

чтеніемъ библіи и проповѣдей, онъ считалъ себя вправѣ заглядывать по временамъ и въ свѣтскія книжки и справляться съ тѣмъ, что и въ нихъ говорится. И онъ тѣмъ болѣе находилъ это для себя дозволеннымъ, что вѣдь сами реформаторы учили его до нѣкоторой степени критически относиться къ тому, что до того считалось не подлежащимъ собственно никакой критикѣ. Съ другой же стороны—и идеи эпохи возрожденія, послужившія первоначально во многихъ отношеніяхъ подготовительной почвой для реформаціи, становятся впослѣдствіи въ чрезвычайно враждебное отношеніе къ послѣдней. Дороги религіозныхъ реформаторовъ и гуманистовъ расходятся въ діаметрально противоположныя направленія. Въ то время, какъ первые руководятся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соображеніями чисто богословскаго характера, имѣя въ виду раньше всего поддержаніе и укрѣпленіе церкви, и къ этой цѣли стараются, какъ указано было, приспособить и школу,—гуманисты требуютъ, напротивъ, полнаго освобожденія науки и научнаго изслѣдованія отъ какой бы то ни было зависимости отъ теологіи, а школы—отъ всякой опеки со стороны церкви. Въ интересахъ свободнаго развитія личности гуманисты требуютъ болѣе живого отношенія, болѣе глубокаго вниманія къ окружающему насъ реальному міру съ его реальными радостями и печалями. Знаніе дѣйствительной жизни, индивидуальной и общественной, углубленіе въ духовный и моральный міръ человѣка, въ политическія и соціальныя учрежденія—вотъ что ставится ими выше всего. Во всемъ этомъ чувствуются вѣянія наступающихъ новыхъ общественныхъ условій, новаго уклада хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, требующихъ непремѣнно и иного отношенія къ государству и церкви.

Къ сожалѣнію, это просвѣтительное движеніе оказалось довольно непродолжительнымъ. Вызванныя всѣмъ предыдущимъ ходомъ событій новыя общественныя противорѣчія естественно должны были привести къ потрясеніямъ внутренняго и внѣшняго характера. То же самое случилось и съ Швейцаріей. Когда, вслѣдствіе неудачнаго исхода такъ называемой швейцарской крестьянской войны (въ 1653 г.), въ кантонахъ водворяется аристократическій режимъ, а рядомъ съ нимъ, въ умственной жизни страны, преобладающее вліяніе получаетъ протестантская нео-схоластика,—начавшее было развиваться школьное дѣло приходитъ въ совершенный застой и упадокъ. И такое состояніе продолжается почти безпрерывно вплоть до пятидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, когда вновь, наконецъ, начинаетъ замѣчаться нѣкоторое оживленіе прогрессивныхъ элементовъ. Вопросы просвѣщенія какъ бы сразу выплываютъ на первый планъ. Особенно отличается въ этомъ отношеніи вторая половина названнаго столѣтія. Къ этому времени педагогическіе вопросы становятся предметомъ горячихъ обсужденій въ литературѣ и обществѣ. „Съ одной стороны раздавались, говоритъ швейцарскій историкъ Денликеръ [1]), требованія

1) Denliker, Geschichte der Schweiz. Bd. III, Zürich, 1904, s. 140.

о необходимости, съ національно-политической точки зрѣнія, улучшенія образованія и воспитанія швейцарскаго подростающаго поколѣнія, а съ другой—и просвѣтительная философія проповѣдывала необходимость развитія умственныхъ способностей народа, его душевныхъ качествъ, словомъ, приведенія школы въ гармонію съ требованіями времени. То, что Ф. А. Ланге говоритъ о Германіи восемнадцатаго вѣка, вполнѣ можетъ быть примѣнимо и къ Швейцаріи. „Здѣсь, говоритъ онъ [1]), не было, какъ въ Англіи, сильнаго промышленнаго движенія; города не выростали изъ земли, богатства не скоплялись въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, усиливая ихъ власть. Бѣдные пасторы и учителя спрашивали себя, что можетъ принести пользу народу? И принимались за то, чтобы основаніемъ новыхъ школъ, введеніемъ новыхъ учебныхъ предметовъ въ существующихъ школахъ усилить ремесленное образованіе простого класса горожанъ и земледѣліе въ деревняхъ, повысить одновременно съ профессіональной дѣятельностью и умственную дѣятельность и обратить трудъ на пользу добродѣтели“.

Особенно сильный толчокъ получило все это движеніе благодаря идеямъ Руссо. Его требованіе привести воспитаніе ребенка въ согласіе съ естественными его способностями, т. е. положить въ основаніе воспитанія точное пониманіе природы ребенка, нашло живой откликъ въ передовой части тогдашняго швейцарскаго общества, подготовленнаго уже къ воспріятію подобныхъ идей различными швейцарскими же писателями, выступавшими на этомъ поприщѣ до Руссо. Такъ, еще въ 1718 году, Жанъ Пьеръ де Круза, въ своихъ „новыхъ принципахъ воспитанія“, ополчается противъ крайне ненормальнаго метода преподаванія, особенно противъ мелѣпаго, безсмысленнаго вдалбливанія и набиванія дѣтскихъ головъ недоступными для ихъ молодого разума понятіями и представленіями. Такъ борется за такое же улучшеніе способа обученія и за умѣлое вліяніе на характеръ, на его правильное образованіе, вольфіанецъ Зульцеръ въ своемъ появившемся въ 1745 году „*Опытѣ нѣкоторыхъ разумныхъ идей о воспитаніи и обученіи дѣтей*“. И въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ и нѣкоторые другіе писатели.

Но еще больше, чѣмъ педагогическія теоріи Руссо, оказалъ вліянія на умы его современниковъ призывъ его къ возврату къ природѣ, къ еще не испорченному культурой естественному состоянію. Наиболѣе отзывчивая и идеально настроенная часть молодежи встрѣтила съ энтузіазмомъ этотъ призывъ „апостола природы“, и ея идеаломъ стало—освобожденіе личности отъ „культурныхъ оковъ“ и возвращеніе къ природѣ, къ простому и, какъ ей казалось, безпорочному образу жизни пахаря. Не затронутый культурой крестьянинъ, его постоянное общеніе съ природой, его незамысловатыя требованія отъ жизни,—все это представлялось этимъ

[1]) Ф. А. Ланге, Исторія матеріализма, переводъ Страхова. Петербургъ 1881 г., т. 1-ый, стр. 374.

молодымъ энтузіастамъ высоко прекраснымъ, идеалистическимъ. И многіе изъ нихъ не только на словахъ увлекались этими идеями, но дѣйствительно пошли въ деревню, пошли съ тѣмъ, чтобы стать въ непосредственное общеніе съ этими „чистыми дѣтьми природы“ и зажить такою же, какъ и они, „идеальной жизнью“. Опытъ не замедлилъ имъ показать, что суровая дѣйствительность не такъ ужъ привлекательна, какъ она рисовалась ихъ пылкому воображенію изъ прекраснаго далека. Скоро имъ пришлось убѣдиться въ полномъ невѣжествѣ и грубости крестьянской массы, въ ея чрезвычайно плачевномъ экономическомъ и политическомъ положеніи, въ ея положеніи забитаго полу-свободнаго раба. Словомъ знакомство съ реальной дѣйствительностью быстро разсѣяло передъ ними тотъ фантастическій образъ поселянина, котораго заоблачный идеализмъ нарисовалъ было имъ въ такихъ яркихъ краскахъ.

Но именно это разочарованіе, это знакомство съ голой, не прикрашенной, не идеализированной дѣйствительностью и оказалось впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній, добытыхъ изъ всего движенія, вызваннаго идеями Руссо. Многіе лишь теперь поняли свою обязанность, свою отвѣтственность предъ народомъ; поняли, что ихъ задача, какъ людей, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія и пользующихся благами той культуры, отрицать которую они собирались, состоитъ не въ томъ, чтобы сентиментальничать, не въ томъ, чтобы носиться со своей собственной персоной и спасать ее отъ какого то мнимаго грѣхопаденія, а въ томъ, чтобы стремиться вырвать народъ изъ его глубоко-невѣжественнаго состоянія, улучшить его тяжелое экономическое положеніе, помочь ему стать истинно свободнымъ, истинно-культурнымъ [1]). И первымъ шагомъ въ этомъ направленіи они, естественно, должны были считать созданіе хорошо обставленныхъ, правильно функціонирующихъ и въ достаточномъ количествѣ по всей странѣ распространенныхъ народныхъ школъ. Если до того и существовали нѣкоторыя учебныя заведенія, то они—ужъ не говоря о крайне плачевномъ ихъ положеніи—находились большей частью въ городахъ и доступны были преимущественно дѣтямъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія. Въ деревнѣ же и такія плохія школы рѣдко гдѣ встрѣчались.

Нуж имѣть въ виду, что въ разбираемое нами время раздѣленіе

1) Яркимъ примѣромъ сейчасъ сказанному можетъ служить небольшая біографическая справка о великомъ швейцарскомъ педагогѣ Песталоцци. Увлекшись идеями Руссо, онъ бросаетъ свои научныя занятія и городъ, покупаетъ въ деревнѣ кусокъ земли и становится поселяниномъ. Но въ своей сельской жизни онъ знакомится ближе съ печальнымъ положеніемъ крестьянина и, исполненный сострадания и готовности помочь ему, предается педагогической дѣятельности, собравъ въ своемъ деревенскомъ домѣ, Нейофѣ, болѣе пятидесяти дѣтей бѣдняковъ. Отсюда и начало его знаменитой педагогической дѣятельности, принесшей впослѣдствіи такъ много плодовъ.

народа на высшія и низшія сословія въ Швейцаріи существовало еще въ полной силѣ. Дитя бѣдныхъ родителей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускалось въ среднее или высшее учебное заведеніе; о принятіи же дѣтей крестьянъ въ такое заведеніе—нечего было и говорить. Корпоративный духъ цѣпко держался закоснѣлой формы, боясь больше всего какихъ бы то ни было новшествъ. Вслѣдствіе такихъ условій, демократическимъ элементамъ ничего больше пока не оставалось, какъ приняться за разрѣшеніе выступившаго передъ ними во всей своей силѣ школьнаго вопроса лишь путемъ частной иниціативы и на средства добровольныхъ жертвователей. Но что въ состояніи совершить благотворительность въ такомъ дѣлѣ? Сами же государства-кантоны относились тогда къ вопросамъ просвѣщенія или совершенно пассивно или даже враждебно. Какъ извѣстно, государство понималось тогда почти исключительно какъ организація внѣшняго порядка. Культурныя задачи—особенно народное просвѣщеніе– считались не входящими въ непосредственныя его обязанности. Вотъ почему, между прочимъ, въ государственныхъ бюджетахъ—не только Швейцаріи—тогдашняго времени такъ рѣдко встрѣчаются указанія на расходы по этой части. Понадобилась такая потрясающая катастрофа, какъ великая французская революція, чтобы новыя идеи о государствѣ, высказывавшіяся до того лишь единичными умами, стали наконецъ достояніемъ всего общества; чтобы полицейское государство обратилось въ правовое, чтобы „ночной сторожъ“, заботящійся лишь о внутреннемъ спокойствіи и внѣшней безопасности превратился въ ревнителя,—если еще не на дѣлѣ, то покрайней мѣрѣ въ теоріи,—духовнаго и матеріальнаго благосостоянія гражданъ.

Первый актъ оффиціальнаго, такъ сказать, закрѣпленія этихъ новыхъ идей въ Швейцаріи имѣлъ мѣсто въ Женевѣ, въ 1793 году. Въ торжественно провозглашенной тамъ въ указанномъ году на всенародномъ собраніи „Декларація правъ и обязанностей человѣка и гражданина“ устанавливается, на ряду съ различными другими принципами, также и принципъ обязательной заботы государства о доставленіи всѣмъ своимъ гражданамъ одинаковой возможности получить извѣстный минимумъ образованія. Но еще гораздо осязательнѣе, еще рельефнѣе выступаетъ вліяніе новаго взгляда на государство въ конституціи возникшей въ 1798 году единой и нераздѣльной Гельветической республики, объявляющей народное просвѣщеніе одной изъ основъ народнаго благосостоянія. Живительная гроза, разразившаяся на политическомъ полѣ, подѣйствовала, очевидно, не менѣе благотворно и на педагогическую ниву. Двѣнадцатаго апрѣля конституировалось центральное правительство, а 18-го ноября оно обращается къ законодательному собранію съ указаніемъ на необходимость „спасти, улучшить и расширить учебныя заведенія“. „Поддержаніе и усовершенствованіе облагораживающимъ образомъ дѣйствующихъ на нашу націю учрежденій, говорится тамъ, является нашимъ священнымъ долгомъ... священнымъ особенно потому, что единственно этимъ путемъ (т. е. пу-

темъ распространенія просвѣщенія въ народѣ) возможно обезпеченіе за нашими согражданами полнаго обладанія вновь пріобрѣтенными ими правами и уничтоженіе всякихъ поползновеній съ чьей бы то ни было стороны на узурпацію этихъ правъ".

И это заявленіе со стороны правительства не осталось платоническимъ. Вскорѣ министръ искусствъ и наукъ, Филиппъ Альбертъ Штаниферъ, человѣкъ, весьма преданный народному дѣлу, обнаружилъ чрезвычайно интенсивную дѣятельность въ этомъ направленіи. Онъ учреждаетъ въ кантонахъ педагогическіе совѣты и школьныя инспекціи; вырабатываетъ обширный проектъ общешвейцарской школьной организаціи, долженствовавшей охватить всѣ ступени образовательной лѣстницы, начиная съ низшихъ школъ и кончая высшими учебными заведеніями. Штапферъ имѣлъ въ виду создать обязательную для всѣхъ дѣтей извѣстнаго возраста начальную школу, возможно большее количество среднеучебныхъ заведеній, а вѣнцомъ всего этого зданія—гельветическую центральную высшую школу или университетъ. Далѣе, его забота была направлена на созданіе хорошихъ учительскихъ институтовъ для подготовки необходимаго контингента стоящихъ на высотѣ своего призванія учителей. Онъ стремился по возможности скорѣе уничтожить слѣды того печальнаго положенія, въ которомъ находилась швейцарская школа ко времени основанія Гельветической республики, и требовалъ подъ угрозой наказанія, чтобы каждая община въ возможно короткій срокъ устроила у себя начальную школу. „Намъ необходимо доказать міру, что совершившійся у насъ политическій переворотъ будетъ способствовать облагороженію человѣка".

Эти слова, сказанныя Штапферомъ, вполнѣ характеризуютъ, какъ его собственную дѣятельность, такъ и дѣятельность всего гельветическаго правительства.

III.

Къ сожалѣнію, страстная дѣятельность Штапфера встрѣчала препятствіе въ самомъ тогдашнемъ положеніи вещей: финансовое положеніе многихъ общинъ было таково, что оно не позволяло имъ, при всемъ добромъ ихъ желаніи, немедленно взяться за выполненіе его требованій. Тѣмъ не менѣе, посѣянное доброе сѣмя постепенно стало пускать ростки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ педагогическія коллегіи и школьныя инспекціи съ такой любовью и воодушевленіемъ отдаются своему дѣлу, что съ успѣхомъ преодолѣваютъ всякія препятствія. Такъ, напр., въ Люцернскомъ кантонѣ мы встрѣчаемъ до 1798 года лишь небольшое количество разбросанныхъ по деревнямъ школъ; а въ 1801 году нельзя уже найти ни одной деревни въ этомъ кантонѣ, которая не имѣла бы своей школы.

Къ тому времени, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, въ педагогическомъ мірѣ съ особенной силой выступаетъ имя великаго Песталоцци. Уже съ 1774 года онъ стремится различными путями провести въ жизнь

свои новыя идеи воспитанія, дать имъ плоть и кровь—и съ этой цѣлью устраиваетъ въ Нейофѣ въ кантонѣ Ааргау школу для бѣдныхъ дѣтей. Но лишь переворотъ 1798 года доставляетъ ему возможность соотвѣтственно обставить свои практическіе опыты развитія и улучшенія человѣческой природы путемъ особаго метода воспитанія. При поддержкѣ директоріи, онъ устраиваетъ въ этомъ же году воспитательный домъ въ Стансѣ, а въ 1800 году перенимаетъ въ Бургдорфѣ, вмѣстѣ съ Крюзи и Тадлеромъ, не задолго до того основанное тамъ учебное заведеніе, связанное съ учительской семинаріей. Это учебное заведеніе, вмѣстѣ съ появившимися тогда новыми его педагогическими сочиненіями, дѣлаетъ его имя все болѣе популярнымъ не только въ Швейцаріи, но и далеко за ея предѣлами и пріобрѣтаетъ ему все большее количество горячихъ приверженцевъ, разносящихъ его идеи по разнымъ концамъ страны—и, съ своей стороны, способствующихъ—въ качествѣ педагоговъ и государственныхъ дѣятелей—народному образованію. А когда, въ 1803 году, Гельветическая республика перестаетъ существовать, то хотя вмѣстѣ съ нею уничтожается и возможность равномѣрной и планомѣрной реорганизаціи школьнаго дѣла въ томъ видѣ, какъ это имѣлъ въ виду Штапферъ, но гуманныя идеи Песталоцци, вмѣстѣ съ соотвѣтственными мѣропріятіями этого министра, уже успѣли произвести настолько благопріятное вліяніе, что о поворотѣ въ сторону прежняго состоянія народнаго образованія больше и рѣчи быть не могло. И хотя все еще не было недостатка въ людяхъ, считавшихъ безжизненнымъ—и даже вреднымъ—предоставленіе крестьянамъ возможности получать одинаковое съ горожаниномъ образованіе, но, въ общемъ, кантоны были искренно озабочены насажденіемъ школы въ деревнѣ. Учрежденные гельветическимъ правительствомъ школьные совѣты и школьныя инспекціи продолжали большей частью функціонировать по прежнему, и даже замѣчаются нѣкоторыя улучшенія, какъ въ самой организаціи школы, такъ и въ методахъ преподованія. Точно также обращается больше вниманія и на образованіе учительскаго персонала, на улучшеніе его положенія и т. д. Словомъ, дѣло народнаго развитія продолжаетъ, несмотря на различныя препятствія, двигаться впередъ и въ послѣдовавшемъ за Гельветикой такъ называемомъ медіаціонномъ періодѣ. И не удивительно. Стоитъ только немножко глубже вникнуть въ тогдашнее положеніе вещей, чтобы понять, что все это движеніе въ пользу улучшенія образованія соотвѣтствовало лишь реальнымъ потребностямъ, выросшимъ на почвѣ измѣнившихся экономическихъ условій. Развитіе промышленности и торговли, замѣчаемое повсюду въ Швейцаріи особенно съ середины восемнадцатаго столѣтія, съ особенной силой стало проявляться послѣ того, какъ многія изъ прежнихъ привилегій и стѣсненій были уничтожены Гельветической республикой—и народъ почувствовалъ себя болѣе свободнымъ въ своихъ движеніяхъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ многія мѣстности, носившія до того чисто сельскій характеръ, довольно быстро измѣнились въ полупромышленныя и промышленныя. Явилась потребность въ людяхъ болѣе приспособленныхъ къ

этимъ новымъ обстоятельствамъ, а ихъ могла дать только школа—и притомъ, школа болѣе совершенная, чѣмъ прежняя.

Было бы, однако, ошибочно думать, что теперь швейцарская школа уже окончательно была поставлена на прочный базисъ. Своеобразное положеніе этой маленькой страны въ средѣ европейскихъ государствъ, ея тогдашняя политическая неустойчивость, ея зависимость отъ всякаго рода внѣшнихъ условій—все это чрезвычайно сильно мѣшало ей спокойно предаваться указанной культурной работѣ. Отъ времени до времени она то останавливалась, то шла въ обратную сторону, то опять подвигалась впередъ. Реакція, наступившая во всей Европѣ послѣ событій 1814 года, не могла остаться безъ вліянія и на Швейцарію—а также и на ея отношеніе къ школѣ. Школа всегда была чрезвычайно вѣрнымъ показателемъ преобладающаго вліянія тѣхъ или иныхъ идей въ данномъ государствѣ; на ней, такъ сказать, какъ на барометрѣ, отражается состояніе политической атмосферы страны въ любомъ періодѣ ея исторіи, такъ что не будетъ парадоксально сказать, что подробная и вѣрно изображенная исторія школы есть въ тоже самое время и вѣрная исторія политической жизни.

Упомянутыя событія даютъ перевѣсъ консервативнымъ и реакціоннымъ элементамъ страны; вопросы вѣроисповѣднаго характера, а съ ними и духъ нетерпимости—выступаютъ на первый планъ и приводятъ къ всевозможнымъ раздорамъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ забота свѣтской власти о народномъ образованіи вновь очень сильно слабѣетъ, и школа опять переходитъ въ руки духовенства, которое дѣлаетъ ее орудіемъ своихъ ретроградныхъ стремленій. Но вотъ наступаютъ іюльскія событія во Франціи. Еще всего за нѣсколько дней до этихъ событій тогдашній глава Союза, консерваторъ Эммануилъ фонъ-Фишеръ, насмѣхался въ Бернѣ надъ требованіями прогрессистовъ и приписывалъ имъ всякаго рода нечистые мотивы. А когда въ Швейцарію проникло извѣстіе о знаменитыхъ трехъ „ордонансахъ“ Карла X, которыми уничтожалась свобода печати, распускался парламентъ и сокращалось избирательное право гражданъ, то ликованію реакціонныхъ элементовъ не было конца. Теперь-то, мечтали они, удастся наконецъ возстановить старый дореволюціонный режимъ. Но не успѣла еще перестать звучать въ ихъ ушахъ благая для нихъ вѣсть, какъ новое извѣстіе уничтожаетъ ихъ радостное настроеніе. И какъ вчера ликовали они, такъ теперь заликовало все, что только стремилось къ свободѣ и свѣту. Въ кантонахъ то здѣсь, то тамъ начинаетъ проявляться нѣкоторое броженіе. Народъ, сначала робко, а затѣмъ все смѣлѣе выступаетъ съ заявленіемъ о своихъ правахъ. На различныхъ митингахъ, принимающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грандіозные размѣры, выставляются требованія первостепенной политической и культурной важности: признаніе гражданскаго и политическаго равноправія, введеніе всеобщаго, прямого избирательнаго права, полнѣйшей гласности въ управленіи и судопроизводствѣ и т. п. По отношенію къ школѣ, эти новыя вѣянія означали прежде всего совершенное уничтоженіе различія

между городомъ и деревней, между дѣтьми бѣдныхъ и зажиточныхъ. На мѣсто прежней концентраціи образовательныхъ учрежденій преимущественно въ городахъ, явилось болѣе равномѣрное распредѣленіе ихъ по всей территоріи. Необходимость проведенія принципа всеобщаго обязательнаго образованія выступаетъ теперь съ особенной силой. За Люцерномъ, который первый въ 1830 году внесъ единство въ учебныя заведенія всего своего кантона, слѣдуютъ въ нѣмецкой Швейцаріи въ 1832 году Цюрихъ, годъ спустя Тургау; въ 1835 году Ааргау, Базель-городъ, сельскій Базель, Бернъ; во французской—Женева, Ваадтъ и др. Получивъ больше политическихъ правъ, ставъ ближе къ управленію, народъ счелъ одной изъ первыхъ своихъ обязанностей позаботиться объ умственномъ развитіи своего подрастающаго поколѣнія.

Различныя причины, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, привели, однако, къ тому, что не всѣ кантоны оказались въ одинаково благопріятномъ положеніи. Швейцарія все еще представляла собою союзъ крошечныхъ государствъ, и каждое такое „государство" жило преимущественно своими мѣстными интересами, нерѣдко противоположными интересамъ сосѣдей. Этому вредному для истинно прогрессивныхъ интересовъ швейцарскаго народа состоянію удалось положить конецъ лишь послѣ цѣлаго ряда новыхъ внутреннихъ волненій и послѣ войны съ такъ называемымъ Зондербундомъ. Въ 1848 году прежняя федерація государствъ уступаетъ мѣсто федеративному государству, и этимъ создается почва и необходимый просторъ для болѣе широкихъ реформъ во всѣхъ областяхъ соціальной и политической жизни.

Цѣль, которую теперь преслѣдовалъ союзъ, не состояла больше исключительно въ отстаиваніи внѣшней независимости страны и въ заботѣ о внутреннемъ спокойствіи и порядкѣ, но, что особенно важно, также—какъ это говорится въ первомъ параграфѣ конституціи—и въ защитѣ правъ и свободъ, добытыхъ себѣ гражданами, и въ заботѣ объ общемъ ихъ благосостояніи. Этимъ союзъ получилъ возможность и право благотворнымъ образомъ воздѣйствовать также и на внутреннюю жизнь каждаго кантона въ отдѣльности, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться. Что Союзъ, получивъ такую компетенцію, не могъ и не долженъ былъ болѣе игнорировать также и вопросъ о народномъ образованіи, само собою понятно. Уже въ докладѣ коммиссіи по пересмотру конституціи мы читаемъ: „Союзъ не долженъ болѣе оставаться индиферентнымъ къ народному образованію, ибо послѣднее является основой всей общественной жизни, свободы и правопорядка."

Конституція 1848 года разрѣшаетъ, однако, Союзу открывать на общегосударственный счетъ только такія учебныя заведенія, поддерживать которыя не по силамъ отдѣльнымъ кантонамъ. Этимъ имѣлись въ виду преимущественно высшія учебныя заведенія. И Союзъ, воспользовавшись своимъ правомъ, открылъ въ 1854 году въ Цюрихѣ политехникумъ и обставилъ его такъ хорошо, что онъ скоро сталъ однимъ изъ образцовыхъ

учрежденій этого рода въ Европѣ. Въ 1874 году швейцарскій народъ даетъ себѣ новую конституцію. Довольный опытомъ государственнаго строя, установленнаго конституціей 1848-го года, онъ расширяетъ компетенцію Союза и вводитъ новыя демократическія начала. На народныхъ собраніяхъ, предшествовавшихъ принятію этой новой конституціи, такъ, напр., на Золотурнскомъ 15-го іюня 1873 года, гдѣ участвовало до 30,000 гражданъ, выставляются требованія о необходимости для союза заботиться объ улучшеніи экономическаго положенія народныхъ массъ, о расширеніи ихъ правъ, объ уничтоженіи всякаго вліянія церкви на школу, о введеніи института гражданскаго брака, о признаніи абсолютной свободы совѣсти, печати и т. д. И всѣ эти требованія не остаются благими пожеланіями. Они впослѣдствіи дѣйствительно вошли въ конституцію страны, ставъ такимъ образомъ незыблемыми началами государственнаго строя.

Что касается спеціально интересующаго насъ здѣсь вопроса, то Союзу предоставлено было право кромѣ политехникума открыть также университетъ и другія высшія учебныя заведенія, или же поддерживать матеріально уже существующія, давая имъ такимъ образомъ возможность лучше развиваться. А главное—ему вмѣнено было въ обязанность наравнѣ съ кантонами заботиться о томъ, чтобы дѣти извѣстнаго возраста непремѣнно получали достаточное первоначальное образованіе, и притомъ исключительно свѣтское. Мы имѣемъ здѣсь въ виду уже приведенный нами раньше 27-й параграфъ конституціи, давшій сразу сильный толчекъ всему дѣлу народнаго образованія въ Швейцаріи.

Мы не безъ нѣкотораго умысла останавливались такъ долго на *исторіи* швейцарской школы: мы полагаемъ, что на ней лучше всего можно видѣть, что чѣмъ меньше какой-нибудь народъ регламентируется, чѣмъ меньше онъ находится подъ „строгимъ началомъ", тѣмъ больше стремится къ расширенію своего умственнаго кругозора, и что причина невѣжества массы не въ ея неспособности къ образованію, не въ ея стараніи по возможности отдѣлаться отъ него, а въ ея „опекателяхъ", стремящихся всѣми средствами возможно дольше удержать ее въ темнотѣ.

IV.

Едва ли приходится еще доказывать, что величина затратъ, которыя дѣлаются какимъ-либо государствомъ на народное образованіе, является довольно вѣрнымъ мѣриломъ того, въ какомъ состояніи послѣднее находится въ данной странѣ. Съ этой точки зрѣнія, расходы Швейцаріи на интересующій насъ предметъ могутъ оказаться для насъ чрезвычайно поучительными.

Стефанъ Франсцини [1]), дѣлая въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣ-

[1]) Stephan Franscini, Neue Statistik der Schweiz. Переводъ со второго итальянскаго изданія T. II. 1849 г. Бернъ.

тія подсчетъ расходамъ Швейцаріи на начальное образованіе, нашелъ, что сумма эта не превышала $2^1/_2$ милліоновъ франковъ, а всего расходовъ на образованіе,—включая сюда и среднія учебныя заведенія,—было приблизительно четыре милліона. Въ настоящее же время одинъ только бернскій кантонъ тратитъ на народное образованіе свыше десяти милліоновъ въ годъ. Всего же на одни только первоначальныя школы кантоны и общины вмѣстѣ израсходовали въ 1903 году 36.385.280 фр., что составляетъ среднимъ числомъ въ годъ на каждаго учащагося 75 фр., а на каждаго жителя 10 фр. 70 с. Въ общемъ Швейцарія истратила въ указанномъ году на образовательныя цѣли круглымъ счетомъ $61^1/_2$ милліонъ франковъ; и это на населеніе—по послѣдней народной переписи, 1-го декабря 1900 года — въ 3.315.443 душъ; на каждую голову слѣдовательно, приходится 18.5 фр. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ достоенъ вниманія, но онъ выступитъ предъ нами еще рельефнѣе, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующее сопоставленіе статистическихъ данныхъ, сдѣланное въ 1899 году швейцарскимъ статистическимъ бюро. По этимъ даннымъ въ указанномъ году было израсходовано на каждую голову изъ числа жителей:

На образованіе.			На армію:
фр.	6	въ Англіи	фр. 25
„	5	во Франціи	„ 24
„	12	въ Германіи	„ 18
„	3	„ Даніи	„ 11
„	2	„ Греціи	„ 10
„	4	„ Швеціи	„ 9
„	2	„ Австро-Венгріи	„ 9
„	1	„ Италіи	„ 9
„	4	„ Норвегіи	„ 8
„	4	„ Бельгіи	„ 8
„	15	„ Швейцаріи	„ 8

Такимъ образомъ, Швейцарія, по своимъ расходамъ на армію, занимаетъ наравнѣ съ Норвегіей и Бельгіей послѣднее мѣсто; зато въ отношеніи расходовъ на образованіе она стоитъ впереди всѣхъ безъ исключенія культурныхъ странъ. Если вспомнимъ къ тому, что Швейцарія въ 1903 г. тратила уже не 15, а 18,5 фр. и что теперь—спустя три года—эта сумма навѣрное уже поднялась до 20 фр., то мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что самая демократическая страна въ мірѣ есть въ то же время и самая ревностная сторонница возможно широкаго и возможно интенсивнаго народнаго образованія. Сопоставьте со всѣмъ этимъ еще также и тотъ фактъ, что Россія тратила въ 1902 году—по словамъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ (отъ 19-го февраля 1906 года) — на образовательныя цѣли всего-на-всего 8 коп. или 21 сантимъ на голову. Выводъ изъ этого сопоставленія самъ собою напрашивается.

Каковы же результаты всѣхъ этихъ усилій швейцарскаго народа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо коснуться существующаго въ Швейцаріи своеобразнаго учрежденія—такъ называемыхъ рекрутскихъ экзаменовъ.

Принятая народомъ въ 1874 году новая союзная конституція установила также и новую организацію военныхъ силъ страны, сконцентрировавъ ихъ въ большей, чѣмъ до того, степени въ рукахъ центральныхъ властей союза. Этимъ-то обстоятельствомъ союзное правительство и воспользовалось для установленія контроля надъ кантонами, въ какой степени, послѣдніе выполняютъ возложенную на нихъ 27 параграфомъ союзной конституціи обязанность заботиться о достаточномъ начальномъ народномъ образованіи. 13-го апрѣля 1875 года изданъ былъ регулятивъ о педагогическихъ рекрутскихъ испытаніяхъ, на основаніи котораго каждому рекруту, одновременно съ медицинскимъ его осмотромъ, приходится подвергаться и умственному испытанію предъ спеціальной педагогической коммиссіей. Первоначально это требованіе относилось лишь къ тѣмъ, которые въ своемъ образованіи не пошли дальше начальной школы, но съ 1888 года оно было распространено и на другія категоріи—вплоть до оканчивающихъ среднеучебныя заведенія.

Требованія, предъявляемыя этими коммисіями къ экзаменующимся, состоятъ въ умѣніи быстро и толково читать и правильно и свободно передавать прочитанное. Письменныя работы должны быть исполнены вполнѣ правильно, какъ по изложенію самихъ мыслей, такъ и въ смыслѣ ороографіи и знаковъ препинанія, а также и каллиграфіи. По ариометикѣ требуется знаніе четырехъ дѣйствій съ цѣлыми и дробными числами, включительно до десятичныхъ дробей; знаніе метрической системы и умѣніе рѣшать соотвѣтственныя задачи. По отечествовѣдѣнію—знаніе карты Швейцаріи и главныхъ моментовъ отечественной исторіи и союзной конституціи.

Вотъ тѣ минимальныя требованія, которыя предъявляетъ Швейцарія къ познаніямъ своего будущаго воина и, кстати сказать, гражданина, такъ какъ полноправіе пріобрѣтается съ достиженіемъ двадцатилѣтняго возраста. Результаты этихъ экзаменовъ, выраженные знаками пятибалльной системы—причемъ единица является высшимъ балломъ,—публикуются ежегодно отдѣльно по кантонамъ. Послѣднее обстоятельство, кажущееся на первый взглядъ не имѣющимъ особенно большого значенія, послужило съ своей стороны новымъ толчкомъ къ увеличенію суммы народныхъ знаній. Благодаря ему, между кантонами установилось, съ теченіемъ времени; соревнованіе, выражающееся въ томъ, что каждый изъ нихъ стремится стать однимъ изъ лучшихъ, изъ достигшихъ наибольшаго успѣха. Каждый кантонъ почитаетъ за величайшую честь видѣть себя впереди своихъ соревнователей и потому дѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы поднять свое населеніе на возможно большую высоту умственнаго развитія.

Мнѣ еще придется касаться различныхъ мѣръ, принимаемыхъ кантонами для достиженія этой цѣли; здѣсь же я хочу пока только воспользо-

ваться нѣкоторыми цыфровыми данными, полученными на основаніи указанныхъ экзаменовъ, чтобы разобраться въ поставленномъ выше вопросѣ—каковы же результаты всѣхъ этихъ усилій швейцарскаго народа?

Какъ я уже сказалъ, съ 1888 года къ рекрутскимъ испытаніямъ стали привлекаться и такіе молодые люди, которые посѣщали также и среднеучебное заведеніе. Естественно поэтому, что если мы желаемъ сдѣлать нѣкоторые выводы путемъ сравненія результатовъ испытанія различныхъ годовъ, то намъ не слѣдуетъ брать въ разсчетъ такіе годы, которые лежатъ позади указаннаго времени, иначе мы стали бы сравнивать числа, полученныя при совершенно различныхъ условіяхъ. Итакъ, посмотримъ, каковы были результаты испытаній въ 1888 году и сравнимъ ихъ съ полученными въ 1905 году.

Изъ таблицъ въ Statistisches Jahrbuch der Schweiz отъ 1891 года (стр. 205 и 207) и Schweizerische Statistik-Lieferung (153). Bern. 1906—видно, что всего въ 1888 году явилось къ рекрутскому набору 23.037 человѣкъ, а въ 1905 году 26.840. Результаты испытанія читатель найдетъ въ таблицѣ (стр. 89).

Эта небольшая таблица уже сама по себѣ довольно краснорѣчиво говоритъ о томъ, какіе огромные успѣхи сдѣлало образованіе въ Швейцаріи только за сравниваемый нами періодъ, т. е. всего за восемнадцать лѣтъ. Между тѣмъ, какъ еще въ 1888 году очень плохую отмѣтку за чтеніе получило изъ 23.037 человѣкъ 293 или 1,2%, въ 1905 году изъ 26.840 такую же отмѣтку получило уже всего только 20 человѣкъ или 0,07%. И въ такомъ же отношеніи находятся между собою и результаты другихъ отдѣловъ. Но увеличеніе суммы народныхъ знаній станетъ для насъ еще очевиднѣе, если узнаемъ, что среднимъ числомъ изъ ста рекрутовъ, оказавшихъ отличные успѣхи, т. е. получившихъ единицу болѣе, чѣмъ по двумъ предметамъ, въ 1888 году было всего 19, а въ 1905 году уже 35. Въ 1888 году оказали низкіе успѣхи, т. е. получили отмѣтку 4 или 5 больше чѣмъ по двумъ предметамъ, 17 человѣкъ. Въ 1905 году всего только шесть человѣкъ. Если ко всему сказанному прибавить, что изъ всего контингента рекрутовъ 1905 года было 7197 молодыхъ людей со среднимъ образованіемъ, то получимъ болѣе или менѣе ясное представленіе не только о степени *распространенности* образованія, но и о степени его *интенсивности*. При этомъ не нужно забывать, что швейцарецъ, какъ и вообще всякій сынъ культурнаго народа, вступая въ практическую жизнь, не перестаетъ и дальше расширять и углублять свои знанія, чему особенно способствуетъ масса всевозможныхъ публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ различными обществами или университетскими корпораціями въ теченіи круглаго почти года—не только въ городахъ, но и по деревнямъ.

Возвращаясь къ нашей таблицѣ, мы должны замѣтить, что изъ числа получившихъ плохія отмѣтки очень многіе были съ какимъ-нибудь физическимъ или умственнымъ дефектомъ. Кромѣ того, наибольшій процентъ

	По чтенію					По письм. работѣ					По ариѳметикѣ					По отечествовѣдѣнію				
	Количество рекрутовъ, получившихъ слѣдующія отмѣтки:																			
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
въ 1888 г.	8,035	8,345	4,899	1,465	293	5,049	6,680	7,714	2,854	744	5,581	6,859	7,302	3,103	192	3.642	5,566	8,027	4,721	1,087
%	34,9	36,2	21,3	6,4	1,2	21,8	29,1	33,5	12,4	3,2	24,2	29,7	31,7	13,5	0,9	15,8	24,2	34,8	20,5	4,7
	71,1			7,6		50,9			15,6		53,9			14,4		40,0			25,2	
въ 1905 г.	15,893	7,798	2,832	297	20	10,299	9,103	6,403	917	118	11,529	8,211	5,175	1.899	26	7,558	8,644	8,048	24,02	188
%	59,22	29,05	10,56	1,1	0,07	38,38	33,9	23,86	3,43	0,43	42,96	30.59	19,29	7,07	0,09	28,16	32,21	29,98	8,95	0,7
	88,27			1,17		72,28			3,86		73,55			7,16		60,37			9,65	

плохихъ даютъ такіе кантоны, какъ маленькіе Ури, Швицъ, Аппенцель-Иннероденъ, или какъ Граубюнденъ, Тичино, которымъ ихъ географическое положеніе — гористая мѣстность и связанная съ нею чрезвычайная разбросанность и разобщенность населенія — не даетъ уже само по себѣ возможности интенсивно бороться съ невѣжествомъ. Или же общины и также сами кантоны не настолько зажиточны, чтобы быть въ состояніи еще больше тратить на образовательныя цѣли, чѣмъ они это дѣлаютъ въ настоящее время. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Союзъ, желая поставить указанные кантоны въ одинаковыя приблизительно условія съ другими, рѣшилъ придти имъ на помощь въ большей степени, чѣмъ остальнымъ. Если, поэтому, обратимъ вниманіе на результаты экзаменовъ каждаго кантона въ отдѣльности, то найдемъ, что изъ всѣхъ 25 кантоновъ (и полукантоновъ) въ 10 не оказалось въ 1905 году никого, кто получилъ бы за чтеніе самую плохую отмѣтку; въ трехъ — такую отмѣтку получило только по одному человѣку; въ трехъ — не было и плохихъ отмѣтокъ, а въ четырехъ — плохую получило лишь по одному человѣку. По ариѳметикѣ очень плохой отмѣтки не было въ 18 кантонахъ; въ пяти такую отмѣтку получили по одному экзаменовавшемуся, а въ четырехъ по два экзаменовавшихся.

Казалось бы, что такими результатами можно остаться довольнымъ; но швейцарцы не перестаютъ жаловаться, что у нихъ народное образованіе все еще не поставлено должнымъ образомъ. Многое, правда, говорятъ они, уже сдѣлано въ этомъ направленіи, но еще больше работы предстоитъ впереди. „Въ достаточной ли степени заботится, спрашиваетъ одна базельская либеральная газета „National-Zeitung“, въ настоящее время наше отечество или составныя его части, т. е. кантоны, о воспитаніи юношества? Какъ обстоитъ дѣло воспитанія въ кантонахъ? Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ, положа руку на сердце, заявить, что въ этомъ отношеніи все совершается согласно требованіямъ справедливости, государственнаго интереса и человѣческаго разума?“

Къ сожалѣнію, кантоны, нужды которыхъ быстрѣе увеличиваются, чѣмъ ихъ доходы, не въ состояніи, при всемъ своемъ добромъ желаніи, собственными средствами выполнять всѣ тѣ повышенныя требованія, которыя ставитъ школѣ наше время; и вотъ приходится изыскивать новые источники. До 1902 года союзъ выдавалъ субсидію только профессіональнымъ школамъ—ремесленнымъ, коммерческимъ, земледѣльческимъ и нѣкоторымъ другимъ подобнымъ; на это онъ имѣлъ право на основаніи конституціи; но онъ не имѣлъ права дѣлать расходы на народную школу. Послѣднее заявленіе можетъ многимъ, не особенно знакомымъ съ швейцарской исторіей, показаться довольно страннымъ. Какой, въ самомъ дѣлѣ, резонъ не допускать союзъ къ матеріальной поддержкѣ школъ, если онъ только въ состояніи это сдѣлать? Но черезъ всю швейцарскую исторію красной нитью проходитъ борьба двухъ принциповъ: принципа строгаго *федерализма* — стремленія отстаивать самостоятельность канто-

новъ вплоть до обращенія ихъ въ „независимыя государства",—съ принципомъ такого же строгаго *централизма* — приближенія теперешняго союзнаго строя къ типу Гельветической республики 1798 года, — и что всѣ союзныя учрежденія являются большимъ или меньшимъ компромиссомъ между этими двумя принципами [1]). Понятно, что все, что въ состояніи дать союзу возможность такъ или иначе вмѣшаться въ дѣла кантоновъ, усилить то, что способствуетъ увеличенію его прерогативъ на счетъ послѣднихъ, подвергается со стороны федералистовъ осужденію и вызываетъ ихъ къ противодѣйствію. Такъ обстояло долгое время и съ вопросомъ о матеріальной поддержкѣ школъ союзомъ. Уже въ 1861 году этотъ вопросъ обсуждался на общешвейцарской учительской конференціи. Учителя, имѣя прежде всего въ виду пользу школы, приходятъ къ заключенію, что, въ интересахъ лучшей постановки школьнаго дѣла, слѣдуетъ настаивать на финансовой поддержкѣ школъ со стороны союза. Впослѣдствіи, въ 1871 году, при пересмотрѣ союзной конституціи, этотъ вопросъ вновь выдвигается министромъ Шенкомъ въ національномъ совѣтѣ; но послѣдній въ своемъ большинствѣ не соглашается съ его доводами, очевидно присоединившись къ взгляду одного изъ членовъ комиссіи по этому вопросу, полагавшаго, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой поддержки должна быть централизація всего школьнаго дѣла. Но что требуется логическимъ ходомъ вещей, то непремѣнно должно рано или поздно осуществиться: школа нуждалась въ большихъ средствахъ, а ихъ могла дать только союзная касса, и надолго отказаться отъ нихъ было немыслимо. Вся суть состояла лишь въ томъ, чтобы найти такую формулировку закона, которая могла бы удовлетворить обѣ партіи. И эта формула найдена была, наконецъ, въ томъ, что хотя школа и была оставлена по прежнему всецѣло подъ вѣдомствомъ кантоновъ, но по отношенію къ средствамъ, получаемымъ ими отъ союза, кантоны обязывались давать послѣднему ежегодный отчетъ съ подробнымъ указаніемъ, на что эти средства были ими израсходованы. Дѣло въ томъ, что союзную субсидію предполагалось разрѣшить только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она послужила не къ сокращенію школьнаго бюджета въ кантонахъ, а, напротивъ, къ увеличенію этого бюджета, съ цѣлью дальнѣйшаго улучшенія школы въ различныхъ направленіяхъ. 23-го ноября 1903 года, выработанный въ этомъ смыслѣ законъ былъ переданъ въ видѣ добавленія къ 27-й статьѣ союзной конституціи на народное голосованіе и принятъ большинствомъ голосовъ. На основаніи

[1]) Это обстоятельство объясняетъ намъ, между прочимъ, и существованіе въ Швейцаріи двухъ палатъ. Въ то время какъ національный совѣтъ (Nationalrat) является выразителемъ всей націи или всего союза въ его совокупности, совѣтъ кантоновъ (Ständerat) является исключительно представительствомъ кантоновъ, гдѣ каждый изъ нихъ, безразлично большой или маленькій, представленъ только двумя депутатами, чѣмъ и дается возможность маленькимъ кантонамъ отстаивать въ одинаковой степени свои интересы съ большими.

этого добавленія, субсидія выдается семнадцати кантонамъ по шестидесяти сантимовъ на каждаго жителя, а восьми болѣе нуждающимся кантонамъ по восьмидесяти сантимовъ. Такъ какъ при распредѣленіи субсидіи принимается въ соображеніе народная перепись 1900 года, то до ближайшей переписи, которая состоится въ 1910 году, Бернъ, напримѣръ, будетъ получать ежегодно по 353.860 фр., Цюрихъ — 258.621 фр., Женева — немногимъ меньше 80.000, маленькій кантонъ Ури — около 16.000 фр. и т. д. Это, какъ видимъ, довольно серьезная прибавка къ приведенному нами выше школьному бюджету. Всего союзу пришлось раздать въ 1903 году 2.084.168 фр., что, вмѣстѣ съ тѣми субсидіями, которыя онъ уже прежде раздавалъ ежегодно различнымъ профессіональнымъ школамъ, и расходами на политехникумъ, составляетъ сумму въ 5.286.699 франковъ.

Таковы въ общемъ тѣ *матеріальныя жертвы*, которыя швейцарскій народъ приноситъ образованію подростающаго поколѣнія, и таковы тѣ результаты, которые уже получились, благодаря этимъ по истинѣ достойнымъ уваженія жертвамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ю. Райхесбергъ.

Литературные отклики.

„Разсказъ о семи повѣшенныхъ“ Л. Андреева.—„Единственный“ въ русской критикѣ.

Признаюсь, не безъ жуткаго чувства раскрылъ я пятый Альманахъ „Шиповника“ на страницѣ, гдѣ начинается „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“ Леонида Андреева.

Мнѣ казалось, что приступая къ чтенію, я обрекаю себя на мучительство, которое, однако, Л. Андреевъ производить надъ моей душой не воленъ. Достоевскій,—вотъ кому я могъ бы дать право истязать мою душу зрѣлищемъ возмутительной расправы съ человѣкомъ, потому что Достоевскій самъ былъ на эшафотѣ, самъ пережилъ смертную казнь.

„Когда осужденныхъ—разсказываетъ Спѣшневъ—привезли на Семеновскій плацъ и троихъ уже привязали къ столбамъ, Ѳедоръ Михайловичъ, какъ ни былъ онъ потрясенъ, не потерялся. Онъ былъ блѣденъ, но довольно быстро взошелъ на эшафотъ; скорѣе былъ тороплив, чѣмъ подавленъ. Оставалось произнести: „пли“! и все было бы кончено. Тутъ махнули платкомъ—и казнь была остановлена. Но когда Григорьева, того самаго, который уже въ крѣпости сталъ мѣшаться въ умѣ, отвязали отъ столба, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Умственныя способности окончательно измѣнили ему“.

И однако Достоевскій не разсказалъ о своихъ переживаніяхъ въ тюрьмѣ послѣ смертнаго приговора и на эшафотѣ. Онъ не сдѣлалъ этихъ переживаній сюжетомъ художественнаго произведенія. И мы знаемъ, почему онъ не сдѣлалъ этого. Мы знаемъ, потому что, обходя молчаніемъ собственныя свои переживанія на эшафотѣ, онъ все же иногда какъ бы невольно касался этой больной для него темы и слегка приподнималъ завѣсу, скрывавшую отъ насъ страшную тайну его души.

„Подумайте,—говоритъ онъ праведными устами „идіота“ Мышкина—подумайте, если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная и, стало быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, пока не умрешь. А вѣдь

главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что знаешь, навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ скользнетъ надъ головой, вотъ эти то четверть секунды всего страшнѣй. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „ступай, тебя прощаютъ". Вотъ этакой человѣкъ, можетъ быть, могъ бы разсказать объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ...

„Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать"—говоритъ Достоевскій устами Мышкина. И онъ же заставляетъ спившагося чиновника Лебедева страдать за невѣдомую и далекую ему графиню Дюбарри и возносить за упокой ея души трогательныя молитвы къ небу. Эта несчастная жертва революціи поразила воображеніе чиновника своимъ поведеніемъ на плахѣ. Живой и страшной представляется ему сцена, какъ подталкиваютъ Дюбарри къ ножу гильотины, а она, „на потѣху пуасардокъ парижскихъ" кричитъ: encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment! Что и означаетъ: „минуточку одну еще повременните, господинъ буро, всего одну!" И вотъ за эту то минуточку ей, можетъ, Господь и проститъ, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душой вообразить невозможно... Отъ этого графининаго крика объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами"...

На одной только графининой „минуточкѣ" можно построить десятки страницъ, полныхъ невыразимаго ужаса. А если прибавить къ этому еще другую испытанную Достоевскимъ „минуточку", когда человѣку, уже пережившему всѣ предшествующія казни мучительства, на эшафотѣ возвѣщаютъ „помилованіе", то можно представить себѣ, какой богато-жестокій матеріалъ былъ въ распоряженіи этого „жестокаго таланта" для того, чтобы написать „Разсказъ о семи повѣшенныхъ".

По поводу этой второй „минуточки" память моя сохраняетъ еще въ дѣтствѣ услышанный разсказъ о судѣ надъ Осинскимъ и Софіей Лешернъ. Оба они судились въ Кіевѣ въ 1879 г. Серьезныхъ уликъ для ихъ обвиненія у суда не было. Но, довѣрившись „глубокому убѣжденію" извѣстнаго въ тѣ времена прокурора Стрѣльникова, судъ приговорилъ и Осинскаго и Лешернъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Спустя нѣсколько дней осужденнымъ объявили, что приговоръ конфирмованъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ, причемъ разстрѣляніе замѣнено повѣшеніемъ. А вслѣдъ затѣмъ смертная казнь для Лешернъ была замѣнена пожизненной каторгой. Подготовившая себя къ тому, чтобы раздѣлить участь Осинскаго и товарищей (Брандиера и Антонова), приговоренныхъ къ смерти по другому процессу, Софія Лешернъ встрѣтила объяв-

ленную ей „милость“, какъ новое надъ ней издѣвательство. Твердо и мужественно принявъ смертный приговоръ, она не могла съ тѣмъ же мужествомъ встрѣтить и объявленную ей милость. Весь день она горько рыдала въ тюрьмѣ, такъ что Осинскій долженъ былъ посвятить ей свои послѣдніе часы, чтобы утѣшить и ободрить остающагося въ живыхъ товарища.

Такъ вотъ объ этихъ „минуточкахъ“ я готовъ былъ бы услышать самыя ужасающія подробности изъ устъ Достоевскаго, который самъ пережилъ и перечувствовалъ ихъ. Но даже Толстому я не передовѣрилъ бы этого права, поскольку я, читатель, могу своими симпатіями, своимъ интересомъ и вниманіемъ раздавать подобнаго рода полномочія художникамъ слова. Потому что здѣсь замыкаются границы творчества и можетъ быть допустима только исповѣдь, можетъ быть допущено только научное изслѣдованіе.

Достоевскій не использовалъ своего права исповѣди, потому что не захотѣлъ раскрыть и растравить, быть можетъ, самой больной, самой чувствительной раны своего сердца. Не перешагнулъ онъ и границъ художественнаго творчества и не далъ разсказа ни о семи, ни даже объ одномъ повѣшенномъ; не далъ потому, конечно, что даже въ творческомъ вымыслѣ онъ не могъ бы обойти личныхъ своихъ переживаній, мучительныя воспоминанія о которыхъ онъ хранилъ только про себя и для себя.

Настроенный такими мыслями, я приступилъ къ новому произведенію Л. Андреева съ серьезными опасеніями и за себя и тѣмъ болѣе за художника, который рѣшился взять на себя слишкомъ отвѣтственную, слишкомъ рискованную задачу, опредѣляемую самымъ названіемъ разсказа.

Однако, по мѣрѣ того, какъ углублялся въ чтеніе разсказа, опасенія мои все болѣе и болѣе разсѣивались. Особенно ободряюще въ этомъ смыслѣ, дѣйствуетъ трагическая сцена прощанія одного изъ приговоренныхъ къ повѣшенію—Сергѣя Головина—съ отцомъ и матерью. Художникъ разсказываетъ, какъ готовились старики къ прощанію съ сыномъ, какъ заранѣе обдумали они всѣ детали страшнаго свиданія, заботясь о томъ, чтобы не отягчить, а облегчить сыну послѣднія минуты. И хотя въ роковой часъ свиданія тщательно обдуманная программа была забыта, однако нѣкоторое время всѣ трое, при помощи усиленнаго напряженія воли, держали себя бодро и, сбиваясь и путаясь, все же не выходили изъ заранѣе намѣченныхъ границъ. Эта сцена проведена художникомъ въ убѣждающемъ и захватывающемъ правдой тонкомъ психологическомъ рисункѣ. Трагизмъ ея наростаетъ съ каждой минутой, но художникъ не доводитъ до конца этой потрясающей сцены. Онъ обрываетъ ее на томъ моментѣ, когда участники свиданія не выдерживаютъ взятыхъ ими на себя ролей и вдругъ, повинуясь захватившему ихъ порыву, сливаются въ бурныхъ и трепетныхъ послѣднихъ объятіяхъ.

„Тутъ было то, о чемъ нельзя и не надо разсказывать“,—поясняетъ художникъ, опуская занавѣсъ среди недоконченной картины.

Итакъ, художникъ знаетъ, что есть переживанія, о которыхъ „нельзя и не надо разсказывать“, такъ что мы смѣло можемъ довѣриться его такту. И дѣйствительно, увлекая насъ въ кромѣшный адъ—пытокъ и истязаній, которымъ подвергаются здѣсь живыя, мыслящія и чувствующія человѣческія существа, Андреевъ ведетъ насъ съ осторожностью, граничащей съ робостью. Многаго онъ не договариваетъ, обо многомъ совершенно умалчиваетъ. Поэтому „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ памфлетомъ противъ смертной казни.

Андреевъ не протестуетъ, не обличаетъ, — онъ только разсказываетъ. И даже въ тѣхъ потрясающихъ трагизмомъ мѣстахъ, гдѣ кажется, что голосъ разсказчика вотъ-вотъ перейдетъ сейчасъ въ крикъ паѳоса, Андреевъ, какъ разъ наоборотъ, вдругъ сразу понижаетъ тонъ и замедленнымъ шопотомъ продолжаетъ свою скорбную повѣсть.

Правда, первая глава разсказа („Въ часъ дня, ваше превосходительство“), глава, кстати сказать, крайне неудачная по своей искусственной архитектурѣ, можетъ ввести читателя въ заблужденіе насчетъ истинной задачи всего произведенія. Она одна имѣетъ характеръ памфлета противъ смертной казни. И когда читаешь ее, не знаешь даже, на что больше досадовать,—на то ли, что памфлетъ начатъ въ такомъ неубѣдительномъ, вымученномъ тонѣ,—или на то, что художникъ вообще взялъ на себя крайне неблагодарную задачу.

Всѣ доводы мысли и чувства противъ смертной казни давнымъ-давно исчерпаны, и не къ кому въ наше время обращаться съ ними. Не къ матерямъ же и женамъ казненныхъ взывать о безчеловѣчности законнаго убійства?

Къ министру явился начальникъ охраны и предупредилъ его, что завтра онъ не долженъ выходить изъ дому, такъ какъ въ часъ дня на него готовится покушеніе. Впрочемъ, всѣ подробности заговора полиціи извѣстны, и преступники будутъ схвачены на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ. Министръ немедленно же съ женой и дѣтьми уѣхалъ ночевать въ чей-то чужой гостепріимный дворецъ.

Въ первый моментъ дѣйствія полиціи показались министру заслуживающими полнаго одобренія. Однако, ночью, подъ впечатлѣніемъ безпокоившихъ его кошмарныхъ видѣній, онъ передумалъ. И тѣ, кого утромъ еще онъ обзывалъ молодцами, теперь стали казаться ему несомнѣннѣйшими дураками.

„Дураки!“—много разъ повторялъ онъ по адресу услужливыхъ охранниковъ, предупредившихъ его о подготовлявшемся къ часу дня покушеніи на его жизнь.

„Вотъ,—разсуждаетъ министръ,—у меня болятъ почки, и умру же я когда нибудь, а мнѣ не страшно, потому что ничего не знаю. А эти дураки сказали: въ часъ дня, ваше превосходительство. И думали, дураки, что я буду радоваться, а вмѣсто того она стала въ углу и не уходитъ. Не уходитъ, потому что это моя мысль. И не смерть страшна, а знаніе ея;

и было бы совсѣмъ невозможно жить, если бы человѣкъ могъ вполнѣ точно и опредѣленно знать день и часъ, когда умретъ. А эти дураки предупреждаютъ: въ часъ дня, ваше превосходительство!"

Въ такихъ нудныхъ разсужденіяхъ проводитъ его превосходительство длинную, безсонную ночь, пока, наконецъ, не приключился съ нимъ обморокъ, а, можетъ быть, и ударъ. И все это—и безсонница, и страшныя ночныя видѣнія, и мысли, и обморокъ—все это только потому, что „ничему живому, ни человѣку, ни звѣрю, не дано знать дня и часа своей смерти", а вотъ ему „эти любезные ослы" открыли часъ смерти и хотя открыли только потому, что смерть предотвращена, но -- увѣряетъ насъ Андреевъ — „одно уже знаніе ея возможнаго часа наполнило его ужасомъ".

Само собою разумѣется, что этотъ весьма деликатнаго воспитанія сановникъ въ длинную сѣть своихъ соображеній не вплелъ ни одного намека на смертную казнь. Для него лично этотъ родъ смерти не существуетъ даже въ „предотвращенной возможности", и поэтому его фантазія не забѣгаетъ въ эти предѣлы. Но тѣмъ естественнѣе было думать читателю „Разсказа о семи повѣшенныхъ", что за сановника логическіе выводы изъ его разсужденій сдѣлаетъ самъ авторъ; что отъ переживаній министра авторъ протянетъ нить къ переживаніямъ осужденныхъ на смертную казнь и, связавъ въ одинъ узелъ разноцвѣтныя нити этихъ далекихъ другъ отъ друга существованій, онъ въ живыхъ образахъ раскроетъ передъ нами весь ужасъ безумія, которое несетъ съ собою смертная казнь.

Можно было ожидать, что весь разсказъ ведется къ тому, чтобы о смертной казни повторить тоже, что устами брата раненнаго офицера въ „Красномъ смѣхѣ" авторъ сказалъ о войнѣ: со многимъ можно такъ или иначе примириться, ко многому можно привыкнуть, но къ самому факту смертнаго приговора и казни нельзя привыкнуть,—умъ отказывается понять и объяснить то, что въ основѣ своей безумно.

Этого можно было бы ожидать, если бы первая глава разсказа имѣла съ цѣлымъ внутреннюю связь. Но на самомъ дѣлѣ она пристроена къ разсказу или, наоборотъ, разсказъ пристроенъ къ ней одной только механической, легко расторжимой скрѣпой. Весьма вѣроятно, что по первоначальному замыслу автора „Разсказъ о семи повѣшенныхъ" долженъ былъ служить для него выраженіемъ такого же протеста противъ смертной казни, какимъ „Красный Смѣхъ" являлся по отношенію къ войнѣ. Осуществляя этотъ замыселъ, художникъ и написалъ первую главу разсказа. Но въ процессѣ творчества интересъ художника, очевидно, перемѣстился. Начало осталось безъ продолженія, а всѣ послѣдующія главы служатъ отвѣтомъ художника на новый поставленный имъ себѣ вопросъ.

Собственно говоря, „новымъ" этотъ вопросъ можно назвать лишь по отношенію къ первой главѣ разсказа. Для самого же Андреева это старый, давнишній вопросъ, поставленный имъ чуть ли не на первой же написанной имъ страницѣ. Весь первый томъ его разсказовъ почти цѣликомъ

посвящень этому вопросу, и въ „Разсказѣ о семи повѣшенныхъ" нова не постановка вопроса, а отвѣтъ на него.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ пришлось сдѣлать общую оцѣнку литературной дѣятельности Л. Андреева по поводу выхода перваго тома его разсказовъ 1), я обратилъ вниманіе на то, что въ міросозерцаніи художника есть много родственнаго съ Ницше.

Когда вы читаете произведенія Андреева—писалъ я тогда,—то часто чувствуете, а иногда и прямо видите, что кое-что, а можетъ быть, даже и многое въ свое міросозерцаніе онъ взялъ у Ницше, котораго, кстати сказать, онъ не разъ къ тому же упоминаетъ и цитируетъ. Лирикъ прежде всего, Андреевъ заимствовалъ у Ницше его отрицательное отношеніе къ разуму, къ „малому разуму", какъ пренебрежительно называетъ его Заратустра. Мысли—говоритъ философъ — это тѣни нашихъ ощущеній—всегда болѣе тусклыя, чѣмъ онѣ, болѣе пустыя и простыя. И если кто-нибудь считаетъ себя мыслителемъ, это значитъ, что онъ обладаетъ способностью видѣть вещи проще, чѣмъ онѣ есть. „Мысль" Андреева въ прекрасной художественной формѣ разрабатываетъ эту именно тему, разоблачая безсиліе „малаго разума", который является только жалкой игрушкой въ рукахъ властнаго и могущественнаго распорядителя всей нашей судьбы— „Самого".

Споръ „малаго разума", интеллекта, съ „Самимъ" служитъ постоянной темой произведеній Андреева, причемъ, конечно, въ острые моменты спора интеллектъ неизмѣнно отступаетъ, и поле битвы каждый разъ остается въ полномъ распоряженіи „Самого". И развѣ „Нѣкто въ сѣромъ" въ концѣ концовъ не тотъ же ли „Самъ",—побѣдоносный герой андреевскихъ разсказовъ,—подвергшійся въ пьесѣ неудачной объективаціи?

Такъ вотъ и въ „Разсказѣ о семи повѣшенныхъ" художникъ даетъ намъ картину все той же извѣчной тяжбы „малаго разума" съ „Самимъ", причемъ предметомъ спора на этотъ разъ служитъ проблема жизни и смерти. „Смерти нѣтъ", „Есть и смерть, есть и жизнь", „Меня не надо вѣшать"—таковы названія отдѣльныхъ главъ разсказа, и по однимъ этимъ названіямъ можно сказать, что тяжба затѣяна всерьёзъ и обставлена солидно.

Было время, когда читатель могъ заранѣе безошибочно предсказать, какое рѣшеніе въ такой тяжбѣ постановитъ судья-Андреевъ. Тогда искъ интеллекта можно было бы считать безповоротно проиграннымъ, потому что „Самъ", пользуясь явнымъ покровительствомъ судьи, былъ категориченъ, неуступчивъ и даже безпощаденъ въ своихъ домогательствахъ. Даже въ такой страшной тяжбѣ, какъ разыгралась въ разсказѣ „Бездна", „Самъ" не уступилъ интеллекту ни на іоту.

Теперь художникъ-судья, повидимому, рѣшилъ пересмотрѣть разрѣшен-

1) „Леонидъ Андреевъ и его критики". См. „Образованіе", 1902 г., кн. 11.

ныя имъ дѣла. Онъ опасается, должно быть, что былъ слишкомъ лицепріятенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. И мнѣ кажется, что въ этой новой тяжбѣ интеллекта съ „Самимъ“ Андреевъ черезъ чуръ перегибаетъ палку въ противоположную сторону.

Перейдемъ къ „Разсказу“.

По разнымъ дѣламъ и въ разное время приговорены къ повѣшенію семь человѣкъ, казнь надъ которыми пріурочена къ одному дню. Пятеро изъ нихъ — Сергѣй Головинъ, Василій Каширинъ, неизвѣстный, по прозвищу Вернеръ, неизвѣстная, по прозвищу Муся, и Таня Ковальчукъ — обвинялись въ политическомъ преступленіи,—въ покушеніи на жизнь уже извѣстнаго намъ министра. Всѣ они были очень молоды: старшему изъ мущинъ, Вернеру, двадцать восемь лѣтъ, младшей изъ женщинъ, Мусѣ,— всего девятнадцать. Батракъ-эстонецъ, Иванъ Янсонъ, судился за убійство своего хозяина, за покушеніе на изнасилованіе его жены и за поджогъ фермы. Наконецъ, Голубецъ, по кличкѣ Мишка Цыганокъ, судился за вооруженный грабежъ, сопровождавшійся убійствомъ трехъ человѣкъ. Это было послѣднее преступленіе Цыганка, а дальше уходило въ загадочную глубину его темное прошлое.

Проще, первобытнѣе другихъ былъ Янсонъ. Это былъ неграмотный, плохо говорившій по русски, да и вообще неразговорчивый человѣкъ. Плохой и лѣнивый работникъ, нѣмой съ людьми, жестокій съ животными, пьяница, онъ, кочуя съ фермы на ферму, постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, придвинулся къ самой столицѣ. Здѣсь, на послѣднемъ мѣстѣ, имъ также были недовольны, но онъ былъ дешевъ и потому держался здѣсь года два. Въ одинъ зимній вечеръ, когда другого работника услали на станцію, онъ внезапно, вооружившись ножемъ, напалъ на своихъ, причемъ выполнилъ онъ свое разбойное дѣло какъ то удивительно просто и даже лѣниво,—съ видомъ человѣка, которому ужасно хочется спать.

На судѣ онъ былъ такой же какъ всегда, и какъ будто не понималъ значенія происходившаго: моргалъ бѣлыми рѣсницами, тупо, безъ любопытства, оглядывалъ незнакомый залъ, и ковырялъ въ носу заскорузлымъ, негнущимся пальцемъ. И только услышавъ приговоръ, онъ вдругъ заволновался и нѣсколько убѣдительно и вѣско повторялъ, обращаясь къ судьямъ:

— Меня не надо вѣшать.

Эта фраза, которую онъ не уставалъ повторять и въ тюрьмѣ, казалась ему такою убѣдительною, мудрою, неопровержимой, что ни о чемъ не стоило безпокоиться. О своемъ преступленіи онъ давно забылъ и только иногда жалѣлъ, что не удалось изнасиловать хозяйку. А скоро забылъ и объ этомъ. И такъ какъ исполненіе приговора—со дня на день оттягивалось, то Янсонъ сталъ забывать и о судѣ. Онъ цѣлыми днями валялся на койкѣ, смутно и радостно грезя о снѣжныхъ поляхъ, о станціонномъ буфетѣ, въ которомъ бывало напивался раза два въ мѣсяцъ, и о чемъ то еще болѣе

далекомъ и свѣтломъ. Въ тюрьмѣ его хорошо кормили и какъ-то очень быстро, за нѣсколько дней, онъ пополнѣлъ и сталъ немного важничать.

„Теперь она меня и такъ бы полюбила",—подумалъ онъ какъ-то про хозяйку.—„Теперь я толстый, не хуже хозяина".

Когда арестовали террористовъ, въ тюрьмѣ стало извѣстно объ этомъ. И надзиратель, который раньше на вопросы Янсона о времени казни, неизмѣнно давалъ ему успокоительные отвѣты (— „ну, это, братъ, придется тебѣ погодить"), теперь вдругъ неожиданно и дико отвѣтилъ: „скоро".

Съ этого дня Янсонъ совершенно измѣнился. Онъ какъ-то сразу осунулся, похудѣлъ, переставъ ѣсть и спать. Онъ никогда не думалъ о томъ, что такое смерть, никогда не представлялъ ее себѣ. Но теперь онъ ясно почувствовалъ, что смерть вошла въ камеру и ищетъ его. И, спасаясь, онъ началъ бѣгать по камерѣ, покуда не упалъ въ остромъ припадкѣ ужаса. Затѣмъ, когда его привели въ себѣ, онъ казался спокойнымъ. Для него наступило обычное для осужденныхъ состояніе, сходное, по мнѣнію надзирателя, съ тѣмъ, какое бываетъ у убиваемой скотины, когда ее оглушатъ ударомъ обуха по лбу.

— Теперь онъ оглохъ, теперь онъ до самой смерти ничего не почувствуетъ, — сказалъ надзиратель и съ этой поры пересталъ обращать на Янсона вниманіе.

И дѣйствительно, тупо, почти безсознательно встрѣтилъ Янсонъ пришедшихъ везти его на смертную казнь. Медленно и вяло надѣлъ онъ на себя все, что у него было, и повязалъ грязно-красный шарфъ. Вяло сказалъ онъ: „я не хочу". Но когда его взяли подъ руки и повели, онъ покорно зашагалъ. Не хотѣлъ онъ и выходить изъ вагона, когда поѣздъ прибылъ на мѣсто казни. Но и здѣсь упирался онъ какъ то вяло: схватится за ручку, — жандармъ разожметъ безсильные пальцы и отдеретъ руку; схватится за уголъ, за дверь, за высокое колесо—и тотчасъ же, при слабомъ усиліи жандарма, отпуститъ. Даже не хватался, а скорѣе сонно прилипалъ ко всякому предмету молчаливый Янсонъ—и отдирался легко и безъ усилій. По пути къ висѣлицѣ онъ остановился и упалъ въ снѣгъ. Надъ нимъ нагнулись, подняли его и понесли, а онъ слабо барахтался въ несущихъ его рукахъ. Отчего онъ не кричалъ? — спрашиваетъ художникъ и тутъ же даетъ отвѣтъ:—Вѣроятно, забылъ, что у него есть голосъ.

Здѣсь все примитивно въ біографіи этого несчастнаго батрака: примитивно его оголенное, почти животное существованіе; примитивно его преступленіе, болѣе похожее на дикое нападеніе звѣря, чѣмъ на сознательный, хотя бы и жестокій актъ, одаренной разумомъ, двуногой твари; примитивна и смерть его, въ самомъ дѣлѣ заставляющая вспомнить объ оглушаемой и умерщвляемой на бойнѣ скотинѣ. Здѣсь „Самъ" царитъ безраздѣльно, и о какомъ бы то ни было искѣ со стороны „малаго разума" нѣтъ рѣчи.

Нѣсколько сложнѣе исторія Цыганка.

Цыганокъ откровенно и совершенно искренно называлъ себя разбойникомъ и съ ироніей относился къ тѣмъ, которые по модному величали себя „экспропріаторами“. Цыганкомъ его прозвали за внѣшность и воровскія ухватки. Взглядъ у него—характеризуетъ художникъ—былъ короткій, быстрый, но до жуткости прямой и полный любопытства, и вещь, на которую онъ коротко взглянулъ, точно теряла что-то, отдавала ему часть себя и становилась другою. Какой-то вѣчный неугомонъ сидѣлъ въ немъ, и то скручивалъ его, какъ жгутъ, то разбрасывалъ его широкимъ снопомъ извивающихся искръ. На судѣ онъ ни мало не запирался и держалъ себя такимъ разбойникомъ, что судьи, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, вынесли ему смертный приговоръ.

— Вѣрно!—сказалъ Цыганокъ, когда приговоръ былъ прочитанъ.— Во чистомъ полѣ да перекладинка. Вѣрно! — И, обратясь къ конвойному, молодецки бросилъ:

— Ну, идемъ что ли, кислая шерсть. Да ружье крѣпче держи — отыму!

И конвойные понимали, что Цыганокъ не шутитъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за арестантомъ. Неугомонъ, владѣвшій Цыганкомъ, не успокоился и послѣ приговора: всѣ семнадцать дней, которые ему, какъ и Янсону, пришлось провести до казни въ тюрьмѣ, пролетѣли для него такъ быстро, какъ одинъ—какъ одна неугасающая мысль о побѣгѣ, о волѣ и о жизни. Однажды надзиратель предложилъ ему стать палачомъ. Цыганокъ оскалилъ зубы, но рѣшительнаго отвѣта не далъ: „еще разокъ прійди, тогда скажу“.

И хотя бушующая фантазія сейчасъ же стала рисовать ему яркія картины, въ которыхъ онъ среди залитой народомъ площади уже гордо красовался на высокомъ помостѣ, въ красной рубахѣ и съ блестящимъ топорикомъ, однако съ отвѣтомъ онъ медлилъ. Медлилъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не нашли другого палача.

Подъ конецъ, чѣмъ ближе къ казни, стремительность разорванныхъ образовъ становилась невыносимой. Цыганку уже хотѣлось остановиться, раскарячить ноги и остановиться, но крутящійся потокъ уносилъ его и не за что было ухватиться. Очевидно, воля его ослабѣла и утратила свою дирижирующую власть. Былъ вечеръ, когда Цыганокъ всталъ на четвереньки посреди камеры и завылъ дрожащимъ волчьимъ воемъ. И былъ онъ при этомъ какъ то особенно серьезенъ,—будто дѣлалъ важное и необходимое дѣло.

Всетаки, когда явились ночью въ камеру, чтобы везти Цыганка на казнь, онъ съумѣлъ найти въ себѣ достаточно силы, чтобы острить при этомъ случаѣ и надъ своими палачами и надъ самимъ собой. Во рту его неудержимо набиралась сладкая слюна, нѣмѣли ноги, но въ глазахъ его заискрилось прежнее, немного дикое лукавство.

Повидимому, Цыганокъ еще во время своихъ метаній по камерѣ

рѣшилъ не даромъ отдать свою жизнь. Въ вагонѣ, быстро осмотрѣвшись и остановивъ свое острое вниманіе на Вернерѣ, Цыганокъ наклонился къ нему и прошепталъ:

— Баринъ, а что если бы конвойныхъ, того... а? Попробовать?

— Не надо,—также шепотомъ отвѣтилъ Вернеръ.—Выпей до конца.

— А для ча? Въ дракѣ то оно все веселѣе, а? Я ему, онъ мнѣ, и самъ не замѣтилъ, какъ порѣшили. Будто и не помиралъ.

Цыганокъ признавалъ драку, въ которой онъ не разъ уже, вѣроятно, ставилъ на карту свою безшабашную жизнь. Но онъ рѣшительно отрицалъ казнь. И возможно, что онъ съумѣлъ бы осуществить свой планъ и умереть не на висилицѣ, а въ дракѣ, если бы встрѣча съ террористами не остановила его. Террористы импонировали ему своимъ самообладаніемъ и, преодолѣвая вырывающееся наружу предсмертное томленіе, онъ пошелъ за ними.

Впрочемъ, и среди террористовъ былъ одинъ, который могъ бы позавидовать даже Цыганку, въ мечтѣ о дракѣ искавшему спасенія отъ висѣлицы. Василій Каширинъ уже на судѣ весь состоялъ изъ одного сплошного, невыносимаго ужаса смерти и такого же отчаяннаго желанія сдержать этотъ ужасъ и не показать его судьямъ. Сверхъестественнымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ пальцы свои не дрожать, голосъ быть твердымъ, глаза спокойными. Но и за всѣмъ тѣмъ такъ явственно выступала въ немъ смерть, что судьи избѣгали смотрѣть на него.

Страхъ смерти пришелъ къ нему сразу и властно овладѣлъ имъ. Еще утромъ, идя на явную смерть, онъ фамильярничалъ съ нею, а уже къ вечеру, заключенный въ одиночную камеру, былъ закруженъ и захлестнутъ волною бѣшеннаго страха. Пока онъ самъ, своею волею, шелъ на опасность и смерть, пока свою смерть онъ держалъ въ собственныхъ рукахъ, ему было легко и весело даже. Опоясанный адской машиной, превращенный какъ бы самъ въ адскую машину, отъ чувствовалъ себя пришлецомъ изъ иного, невѣдомаго міра, гдѣ не знаютъ ни смерти, ни страха.

И вдругъ сразу рѣзкая перемѣна. Онъ уже не идетъ, куда хочетъ, а его везутъ,—куда хотятъ. Онъ уже не можетъ выбрать свободно жизнь или смерть, какъ всѣ люди, а его непремѣнно и неизбѣжно умертвятъ. Онъ сталъ вещью, которую, несмотря ни на какое сопротивленіе, осилятъ, помнутъ, свяжутъ и связаннаго поднесутъ къ висѣлицѣ. И люди, которые должны будутъ совершать надъ нимъ всѣ эти дѣйствія, стали представляться ему не то какими то призраками, не то механическими куклами на пружинѣ: берутъ, хватаютъ, ведутъ, вѣшаютъ, дергаютъ за ноги. Всюду куклы. И даже мать, пришедшая къ нему на свиданіе, кажется ему куклою матери, какъ тамъ вотъ стоитъ кукла солдата, а здѣсь вотъ шевелится кукла Василія Каширина.

„Онъ уже умеръ“, умеръ до казни—сказали о немъ товарищи, усиленно старавшіеся ободрить и поддержать его. „Малый разумъ“ потухъ въ немъ и слабо тлѣла лишь одна маленькая искорка, которая кое-какъ

еще удерживала его на границѣ того состоянія, въ которомъ мы видѣли Янсона. Онъ стыдился своего страха,—стыдился унизить себя передъ судьями и страшными усиліями воли сдерживалъ себя на судѣ; стыдился солдата въ тюрьмѣ и поэтому не сталъ на колѣни, когда ему такъ страстно захотѣлось молиться; стыдился своихъ товарищей и когда тѣ подбадривали его:—„Ничего, Вася, ничего, сейчасъ кончится. Надо держаться, надо,"—Каширинъ отвѣчалъ: „Да я ничего. Я держусь". Наконецъ, подходя къ висѣлицѣ, Каширинъ вдругъ остановился и сказалъ громко и отчетливо, хотя совершенно чужимъ, незнакомымъ голосомъ:

— Прощайте, товарищи!

Эти выраженія силы и бодрости, выраженія, за которыми всякій посторонній глазъ сейчасъ же улавливалъ опустошенную отъ содержанія внѣшность, оболочку,—это все, что въ жестокомъ спорѣ между „малымъ разумомъ" и „Самимъ" успѣлъ отстоять въ свою пользу интеллектъ Василія Каширина.

Въ несравненно болѣе счастливомъ положеніи оказался въ этой послѣдней тяжбѣ „малый разумъ" Сергѣя Головина.

Крѣпкій, здоровый, веселый юноша, Головинъ никогда не думалъ о смерти,—для его жизнерадостной натуры смерть была чѣмъ то постороннимъ и ея совершенно не касающимся. Въ жизни были его думы и его интересы. И во всякое дѣло или даже забаву онъ вносилъ всегда присущую ему спокойную и жизнерадостную серьезность: все въ жизни весело, все въ жизни важно, все нужно дѣлать хорошо.

Послѣ ареста онъ было загрустилъ по поводу неудачно выполненнаго дѣла. Но подумалъ: „есть теперь другое, что нужно сдѣлать хорошо—умереть", и развеселился. И со второго же утра въ крѣпости онъ началъ усердно заниматься гимнастикой. Однако страхъ смерти какими то толчками сталъ подкрадываться къ нему. Сергѣй съ удивленіемъ прислушивался къ этимъ внезапнымъ и мгновеннымъ ощущеніямъ невыносимаго страха и, проэкзаменовавъ себя, пришелъ къ выводу, что боится не онъ,—боится его молодое, крѣпкое, сильное тѣло.

„Чтобы оно умерло легче, его надо ослабить, а не укрѣплять"—рѣшилъ Сергѣй и, бросивъ гимнастику, посадилъ себя на діэту. Стало какъ будто легче. Но скоро тѣло привыкло къ новому режиму, и страхъ смерти появился снова.

Такъ было до суда и до послѣдняго страшнаго свиданія со стариками. Когда онъ проснулся въ камерѣ съ яснымъ сознаніемъ, что съ жизнью все покончено, что впереди только нѣсколько часовъ ожиданія въ пустотѣ и смерть,—стало какъ то странно. Смерти еще нѣтъ, но нѣтъ уже и жизни, а есть что то новое, поразительно непонятное, и не то совсѣмъ лишенное смысла, не то имѣющее смыслъ, но такой глубокій, таинственный и нечеловѣческій, что открыть его невозможно. Каждое движеніе, каждая мысль казались ему въ этомъ состояніи странными и даже безумными. И онъ замеръ въ неподвижности, гася всякую мысль, удерживая

дыханіе, избѣгая всякаго движенія. И не въ томъ—поясняетъ художникъ—было мученіе, что видна смерть, а въ томъ, что сразу видны и жизнь и смерть. Святотатственною рукою была отдернута завѣса, сызвѣка скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и онѣ перестали быть тайной,—но и не сдѣлались понятными, какъ истина, начертанная на невѣдомомъ языкѣ.

Чтобы сбросить съ себя гнетъ этого мучительнаго состоянія, Сергѣй быстрымъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ вновь заставилъ себя продѣлывать всѣ тѣ гимнастическія упражненія, отъ которыхъ онъ такъ недавно еще категорически отказался. Свидѣвшись въ роковую ночь съ товарищами, Сергѣй весьма одобрительно отозвался о своемъ гимнастическомъ методѣ подготовки къ казни. Видъ у него былъ настолько бодрый, что товарищи ему поручили вести къ мѣсту казни еще автоматически-двигавшагося, но уже почти мертваго Каширина.

Въ трагическомъ переживаніи Сергѣя Головина интеллектъ еще не торжествуетъ. Но во всякомъ случаѣ „Самъ“ столкнулся здѣсь съ достойнымъ противникомъ, оказавшимъ его властнымъ притязаніямъ стойкое сопротивленіе.

Всѣ эти четыре фигуры—Янсонъ, Цыганокъ, Каширинъ и Головинъ—мастерски зарисованы художникомъ во всей цѣлостности ихъ человѣческой природы, со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальныхъ характеристикъ. Всѣ они живые люди, и поэтому каждое отмѣченное художникомъ переживаніе ихъ воспринимается читателемъ съ такою живостью, какъ будто онъ самъ былъ свидѣтелемъ пережитыхъ ими послѣднихъ дней. Нѣсколько утомляютъ однообразіемъ и повтореніями страницы, посвященныя Каширину, но длинноты эти вполнѣ искупаются проникновенной правдивостью отдѣльныхъ освѣщающихъ эту трагическую фигуру бликовъ. Одна только сцена свиданія его съ матерью вноситъ столько свѣта въ душевную жизнь Василія, такъ близко придвигаетъ этого несчастнаго юношу къ читателю, что онъ готовъ примириться съ повтореніями, какъ мирится онъ съ ними, выслушивая исповѣдь близко знакомаго ему человѣка.

Въ обрисовкѣ этихъ четырехъ фигуръ Л. Андреевъ остается тѣмъ же, какимъ мы знаемъ его по первому тому его разсказовъ. Здѣсь онъ — у себя дома, онъ держитъ кисть твердою рукою и увѣренно бросаетъ ею на полотно смѣлые, широкіе мазки.

Начиная съ Вернера, остальныя три фигуры этой захватывающей картины знаменуютъ собою поворотъ художника въ сторону признанія за „малымъ разумомъ“ такого значенія, котораго онъ никогда раньше не признавалъ за нимъ.

Вернеръ, человѣкъ съ красивой и благородной внѣшностью, при первомъ же взглядѣ на него давалъ впечатлѣніе спокойной силы и непреоборимой твердости. Судьи обращались къ нему съ нѣкоторой почтительностью, считая его главаремъ и организаторомъ покушенія, хотя никакихъ объективныхъ указаній на это въ дѣлѣ не было.

Напротивъ, Вернеръ былъ человѣкъ, уставшій отъ жизни и борьбы. Всесторонне образованный, съ широкимъ кругомъ интересовъ, онъ раньше любилъ жизнь, увлекался борьбой. Но минутами онъ чувствовалъ себя, какъ безумецъ, который ищетъ квадратуру круга въ лужахъ человѣческой крови. Однажды совершенное имъ по порученію организаціи убійство провокатора окончательно выбило его изъ колеи. Онъ охладѣлъ къ жизни, перестолъ уважать людей, себя и свое дѣло. Но изъ организаціи—„какъ человѣкъ единой, нерасщепленной воли"—не ушелъ и никому не сказалъ о совершившейся въ немъ перемѣнѣ.

Чувство страха было совершенно незнакомо Вернеру. Онъ понималъ, что казнь не есть просто смерть, а что то другое, но рѣшилъ встрѣтить ее спокойно, какъ нѣчто постороннее: жить до конца такъ, какъ будто ничего не произошло и не произойдетъ и этимъ выразить высшее презрѣніе къ казни и не отторжимо сохранить свободу духа. Превосходный игрокъ въ шахматы, онъ съ перваго дня заключенія началъ съ спокойной и сосредоточенной внимательностью разыгрывать трудную шахматную партію. Незамѣтно для судей и даже для товарищей онъ продолжалъ разыгрывать эту партію на судѣ и рѣшилъ вести игру безостановочно до самой послѣдней минуты, не заботясь о томъ, придется ли ему кончить ее.

Кончить партію Вернеру не пришлось по другой причинѣ.

Въ утро послѣдняго дня, который оставался ему на землѣ, Вернеръ почувствовалъ, что онъ допустилъ въ игрѣ какую то крупную ошибку. Тщетно стараясь отыскать и исправить ее, онъ неожиданно пришелъ къ обидной для него мысли, что, можетъ быть, самой большой ошибкой было его желаніе оградиться игрой отъ страха смерти, который будто бы неизбѣженъ для осужденнаго. Онъ тщательно провѣрилъ себя и убѣдился, что страха у него не было. И не только не было страха, но наростало что то, какъ бы противоположное ему — чувство смутной, но огромной и смѣлой радости.

Никогда раньше не знавшій вдохновенія и экстаза, Вернеръ неожиданно почувствовалъ въ себѣ приливъ новыхъ силъ; его осѣнило просвѣтленіе, которое поднимаетъ человѣка на высочайшія вершины созерцанія. И новою предстали предъ нимъ жизнь и люди. Какими то невѣдомыми путями пришелъ онъ отъ чувства гордой свободы къ нѣжной любви и жалости къ людямъ. И въ порывѣ этого новаго, никогда прежде имъ не испытаннаго чувства, холодный и надменный Вернеръ теперь плакалъ и улыбался сквозь слезы.

Такимъ преображеннымъ, свѣтлымъ и мягкимъ, съ удивленіемъ увидѣли его товарищи, когда они сошлись, чтобы вмѣстѣ совершить свой послѣдній крестный путь.

Равнодушнымъ къ жизни, презирающимъ смерть, вступилъ онъ въ тюрьму, безъ страха выслушалъ приговоръ, безъ страха, ободряя товарищей, пошелъ на висѣлицу.

Какъ есть люди, которые никогда не знали головной боли, такъ Вер-

неръ не зналъ—говоритъ художникъ,—что такое страхъ. Можно подумать, что онъ весь сотканъ изъ одного интеллекта, и темныя силы человѣческой природы никогда не нарушали равновѣсія его ясной, спокойной души.

Въ такой характеристикѣ Вернеръ представляется больше безплотнымъ духомъ, чѣмъ облеченнымъ плотью человѣческимъ существомъ. Однако, въ разсказѣ онъ производитъ впечатлѣніе живого человѣка, и переживанія его приковываютъ вниманіе именно своей человѣчностью. Отчего это?

Оттого—думаю я,—что окончательное торжество интеллекта надъ „Самимъ“, который совершенно отсутствуетъ въ характеристикѣ Л. Андреева, постигается читателемъ, какъ результатъ огромной внутренней работы, произведенной Вернеромъ въ крѣпости. Этой работы художникъ не показалъ въ своемъ разсказѣ. Да по замыслу художника ея и не было, потому что Вернеръ явился въ тюрьму уже давно когда-то преодолѣвавшимъ въ себѣ то человѣческое, „слишкомъ человѣческое“, съ чѣмъ — какъ мы видѣли—по разному и съ разными результатами боролись и Цыганокъ, и Василій, и Сергѣй.

Но читатель въ данномъ случаѣ легко можетъ допустить и допускаетъ что художникъ просто *недосказалъ* кое-чего изъ переживаній Вернера А за тѣмъ кореннымъ переворотомъ, который произошелъ въ немъ передъ казнью, не трудно представить себѣ серьезную трагическую борьбу съ самимъ собой, борьбу, сопровождавшуюся полной переоцѣнкой ранѣе утвержденныхъ имъ цѣнностей.

Но если деффектъ въ біографіи Вернера легко покрывается воображеніемъ читателя, то никакія усилія не помогутъ ему облечь живою плотью схематизированные художникомъ образы Муси и Тани Ковальчукъ.

Глава, посвященная этимъ двумъ дѣвушкамъ, носитъ названіе: „Смерти нѣтъ“. Съ этимъ убѣжденіемъ Муся взошла въ тюрьму, съ нимъ же безбоязненно она пошла и на висѣлицу, предложивъ свою послѣднюю дружескую помощь оробѣвшему въ смертный часъ Цыганку.

Муся запоздала родиться. Или правильнѣе, художникъ поспѣшилъ пересадить этотъ благоуханный цвѣтокъ древне-христіанскаго міра въ неподходящую для него почву современной политической и соціальной борьбы.

Муся—мученица первыхъ завѣтовъ христіанства. Участвуя въ террористической организаціи, она и терроръ понимаетъ по своему, — по-христіански. Ей совсѣмъ не нуженъ успѣхъ террористическаго акта. Напротивъ, она предпочла бы выйти одна съ браунингомъ, противъ цѣлаго полка солдатъ. Она, конечно, никого не убьетъ. Но это то и важно. Важна готовность террориста принести въ жертву себя, а отнюдь не жертва изъ другого лагеря. Блѣдная, она казалась освѣщенной внутри ея горящимъ огнемъ. Въ тюрьмѣ она радовалась своему мученичеству. Ей казалось, что она отошла уже отъ земли и приблизилась къ невѣдомому солнцу правды и жизни и безплотно паритъ въ его свѣтѣ. За шелестомъ вѣтра, въ шагахъ часового въ коридорѣ ея слухъ творилъ цѣлыя музыкальныя мелодіи.

Одно тревожное сомнѣніе волновало ее: достойна ли она, молоденькая, незначительная, не успѣвшая совершить ни одного подвига, достойна ли она быть принятой въ лоно тѣхъ свѣтлыхъ, что извѣка черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу? Но вѣдь она—разсуждала Муся—не виновата, что ей не дали сдѣлать всего, что она могла и хотѣла? Не виновата она, что убили ее на порогѣ храма, подножія жертвенника? И если человѣкъ цѣненъ не только по тому, что онъ сдѣлалъ, а и по тому, что онъ хотѣлъ сдѣлать,—тогда... тогда она достойна мученическаго вѣнца.

Солнце правды, храмъ, жертвенникъ, жертва, небо, мученическій вѣнецъ, все, все, начиная отъ этой терминологіи и кончая музыкальными галлюцинаціями Муси, говоритъ намъ гораздо больше о христіанской мученицѣ, которая жила и умерла въ состояніи религіознаго экстаза, чѣмъ о современной террористкѣ.

Я отнюдь не отрицаю возможности такого чистаго и высокаго идеализма въ современной русской революціонно-настроенной дѣвушкѣ. Напротивъ, я могъ бы даже взять на себя обязательство фактами обосновать поэтическій образъ Муси. Но я утверждаю, что нельзя ее ставить рядомъ съ Каширинымъ и Головинымъ, не раскрывая ни однимъ намекомъ той трагической внутренней борьбы, какую должна была она пережить передъ лицомъ смерти. Идеализмъ Муси могъ быть первымъ словомъ ея сознательной жизни и тогда онъ могъ бы достаться ей безъ спора, безъ борьбы. Но для того, чтобы онъ сталъ ея послѣднимъ словомъ, онъ долженъ былъ пройти свой побѣдоносный путь черезъ тѣ же игольныя уши сомнѣнія, страданія, борьбы, черезъ которыя старались продвинуть свои интеллектуальныя силы ея товарищи. Пусть Муся молода, пусть она еще почти подростокъ, но висѣлица умѣетъ уравнивать возрасты также, какъ выравниваетъ она сословія, классы и положенія.

Словомъ, радость и счастье приговоренной къ повѣшенію Муси проблематичны въ моихъ глазахъ въ той мѣрѣ, въ какой они достались ей безъ боли, безъ борьбы.

О Танѣ Ковальчукъ можно не распространяться тѣмъ болѣе, что и самъ Андреевъ удѣляетъ ей сравнительно очень мало времени и мѣста. Она сработана по тому же типу, по какому въ „Жизни человѣка“ сработанъ скрипачъ, похожій на скрипку или въ „Царь-Голодѣ“ — рабочій, похожій на шелестящій ремень. Таня ни на судѣ, ни послѣ суда ни разу не задумывается о себѣ, о своей жизни, о своей судьбѣ и предстоящей смерти. Она вся ушла въ заботу о своихъ товарищахъ, и такъ какъ, запертая въ одиночной камерѣ, она не можетъ ни въ чемъ реальномъ проявить свои заботы, то она сидитъ и плачетъ. Плачетъ о томъ, что у Сережи можетъ не оказаться табаку, что Вернеръ можетъ быть лишенъ своего привычнаго крѣпкаго чаю; плачетъ о томъ, что ея товарищи приговорены къ смертной казни. Похожая на мать столько же, сколько скрипачъ на скрипку, она символизируетъ собою въ разсказѣ женщину-мать, живущую исключительно для другихъ. Безплотный символическій образъ

Тани слишкомъ мало гармонируетъ съ живыми лицами разсказа. И кажется, что Таня—постоянная жительница послѣднихъ драмъ Андреева—забѣжала въ разсказъ такимъ же случайнымъ гостемъ, какимъ, также ненарокомъ и также на минуту, заглянулъ сюда и знакомый намъ министръ, постоянное мѣстожительство котораго должно быть по настоящему въ фельетонахъ Джемса Линча.

Не скрывая недостатковъ „Разсказа о семи повѣшенныхъ“, я счелъ себя обязаннымъ задержать на немъ вниманіе читателя, потому что это новое произведеніе Л. Андреева представляется мнѣ большимъ литературнымъ событіемъ. Ничего равноцѣннаго ему въ нашей литературѣ послѣдняго времени я не знаю. И пока что, оно остается лучшимъ и въ то же время типичнѣйшимъ цвѣткомъ, выросшимъ на почвѣ нашей истинно-русской конституціи.

„Разсказъ о семи повѣшенныхъ“ появился на книжномъ рынкѣ чуть ли не въ одинъ и тотъ же день съ книжкой Ю. Александровича, подъ длиннымъ и претенціознымъ названіемъ: „Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія 1898—1908“.

Кто такой Александровичъ откуда онъ взялся, я не знаю. Но, случайно заглянувъ въ предисловіе, соблазнился: очень ужъ расхваливаетъ авторъ книжку. Онъ не обѣщаетъ „дать исчерпывающій взглядъ“ (sic) на современную литературу, но зато гарантируетъ, что читатель найдетъ въ книгѣ „точку зрѣнія, выдержанную, строго проведенную черезъ все изложеніе и очерченную рѣзко и опредѣленно“. Дальше слѣдуетъ продолженіе этого хвалебнаго отзыва. Если вѣрить предисловію—рѣшилъ я,—то книга будетъ не совсѣмъ грамотная, но зато очень и очень интересная. Подумалъ-подумалъ, вынулъ изъ кармана рубль серебромъ и пріобрѣлъ книжку въ собственность.

Одинъ мой хорошій пріятель, попадая въ незнакомый ресторанъ, прежде всего ищетъ по прейсъ-куранту, какъ разцѣнивается бифштексъ. Онъ говоритъ, что такимъ образомъ онъ безошибочно каждый разъ опредѣляетъ достоинство ресторана. Отчасти подражая пріятелю, отчасти по самостоятельному влеченію, въ каждой новой книжкѣ о современной художественной литературѣ, я прежде всего ищу страницу, посвященную Л. Андрееву. Эта страница для меня точно также служитъ безошибочнымъ критеріемъ достоинства книги. Этотъ методъ я и использовалъ прежде всего для оцѣнки работы неизвѣстнаго мнѣ автора.

„Можно держаться самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на терроръ, какъ справа, такъ и слѣва—разрѣшаетъ Александровичъ,—можно отрицать, какъ то, такъ и другое, но посвящать цѣлый періодъ литературной дѣятельности борьбѣ съ терроромъ спеціально слѣва, какъ сдѣлалъ это Л. Андре-

евъ въ вышеозначенныхъ произведеніяхъ [1]), гдѣ взглядъ его слишкомъ однообразенъ,—*это значитъ уподобляться Пуришкевичамъ* (курсивъ мой. Вл. Кр.), настойчиво вносящимъ на обсужденіе вопросъ о порицаніи террора слѣва при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и усиленно замалчивающимъ и оправдывающимъ терроръ справа."

Сравненіе Л. Андреева съ Пуришкевичемъ очень понравилось Ю. Александровичу и въ концѣ своей расхваленной книжки онъ еще разъ употребляетъ его. Конечно, онъ не оставляетъ Андреева по этому случаю безъ должнаго вразумленія и внушаетъ художнику нѣсколько руководящихъ правилъ „литературной этики", границы которой, по мнѣнію Александровича, „Андреевъ въ цѣломъ рядѣ (!!!) своихъ произведеній переступилъ".

Я не знаю, кто такой Александровичъ, но теперь по ушамъ могу назвать его. Это ужасно прогрессивный критикъ. Съ его „выдержанной" (гдѣ?) и страшно прогрессивной точки зрѣнія, даже Горькій, котораго, кстати сказать, онъ смѣшиваетъ въ одну навозную кучу вмѣстѣ съ Вербицкой, Кузьминымъ и т. д., даже Горькій—реакціонный писатель (стр. 56).

„Вы подумайте!"

Вы подумайте, какой удивительный сумбуръ завелся въ головѣ этого выдержаннаго и страшно прогрессивнаго критика, если на стр. 109 своей книги онъ громитъ современную русскую критику за то, что она превратилась въ публицистику, а нѣсколькими страницами дальше онъ упрекаетъ критиковъ за то, что они, забывъ завѣты Михайловскаго, превратились въ эстетовъ.

Къ научному соціализму, основные принципы котораго страшно прогрессивный критикъ къ тому же немилосердно перевираетъ, онъ „всюду видитъ жгучую ненависть и негодованіе".

Это на одной страницѣ. А на другой оказывается, что собственно давно уже некому и не на что негодовать, потому что еще „1908 годъ былъ завершеніемъ коренной ломки экономическаго матеріализма".

Вообще, по глубокому убѣжденію Ю. Александровича, научный соціализмъ, съ самого его возникновенія, былъ чуждъ русской литературѣ; онъ не привился къ ней и оказался безслѣдно пропавшей для него идеей.

„Перевѣсъ получаетъ реалистическое пониманіе исторіи, какъ синтезъ идеализма и позитивизма. Метафизическому идеализму противопоставляется идеализмъ этическій".

Пока Александровичъ безграмотенъ и слабо владѣетъ русскимъ языкомъ, онъ только смѣшенъ. Но я боюсь, что онъ сдастъ экзаменъ въ третій классъ гимназіи, познакомится съ синтаксисомъ и выпуститъ второй томъ „выдержанной" критики. И тогда онъ будетъ опасенъ. Вѣдь если онъ

[1]) Къ „вышеозначеннымъ произведеніямъ" относятся: „Губернаторъ", „Савва", „Тьма", „Къ звѣздамъ", „Такъ было", „Іуда", „Елеазаръ", „Жизнь человѣка" и „Проклятіе звѣря". *Вл. Кр.*

начнетъ писать грамотно, то, при томъ апломбѣ, съ какимъ онъ и сейчасъ балагуритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ, онъ можетъ создать себѣ огромную аудиторію. И теперь уже онъ считаетъ себя единственнымъ русскимъ критикомъ, съ которымъ лишь отчасти и слабо могутъ конкурировать Пильскій съ Чуковскимъ. Что же онъ скажетъ потомъ, когда овладѣетъ русской грамотой?

Однако, и къ Александровичу надо относиться безпристрастно. И поэтому я долженъ сказать, что книга его даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ. Она называется: „Послѣ Чехова". Но въ ней есть цѣлая глава, посвященная Достоевскому, Гаршину и Чехову. И вотъ что страшно прогрессивный критикъ разсказываетъ намъ о Чеховѣ:

„Незадолго до своей естественной смерти Чеховъ началъ умирать, какъ Чеховъ; вопреки всему общему чеховскому направленію окружавшей литературы, онъ отказывается отъ наслѣдства въ то время, какъ вся литература была ему вѣрна. Но смерть не дала ему создать въ этомъ родѣ ничего крупнаго и костлявой рукой зажала ему ротъ. И пожалуй къ лучшему".

Я не знаю Александровича и, право же, ничего дурного, кромѣ хорошаго, ему не желаю. И я думаю, что будетъ „пожалуй къ лучшему", если онъ, не тратя времени на изученіе грамоты, теперь же зажметъ себѣ ротъ собственной костлявой или пухлой рукой и перестанетъ писать о русской литературѣ.

Вл. Кранихфельдъ.

За рубежомъ.

Упадокъ нѣмецкаго либерализма.

О человѣкѣ нельзя судить по тому, что онъ самъ о себѣ думаетъ. Цѣлая эпоха чаще всего ошибается относительно своего значенія въ исторіи. Не составляетъ исключенія и то соціальное явленіе, которое начинаетъ играть все большую и большую роль въ жизни государствъ и народовъ: политическая партія. Программа, цѣль, теоретическая аргументація, тактическій лозунгъ,—все, въ чемъ выражается субъективная, идейная жизнь партіи,— не даетъ никакого представленія о ея дѣятельности, о ея политическомъ и историческомъ значеніи, если оставлены безъ вниманія ея поступки, тѣ объективные *факты*, изъ которыхъ состоитъ ея жизнь. Только анализъ вліянія этихъ фактовъ на политическую жизнь страны можетъ раскрыть, въ какую сторону—впередъ или назадъ—направлена въ дѣйствительности дѣятельность партіи; только ясное представленіе объ истинныхъ мотивахъ партійныхъ дѣйствій способно пролить свѣтъ на то, въ какой степени желанія и стремленія партіи соотвѣтствуютъ носимому ею — часто очень звучному—имени. Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ того, какъ далеко могутъ расходиться здѣсь слова и поступки, какъ мало иногда истинная роль партіи соотвѣтствуетъ ея названію, является не слишкомъ длинная, но чрезвычайно поучительная исторія нѣмецкаго либерализма.

Первой крупной организаціей нѣмецкихъ либераловъ послѣ 48 года была, какъ извѣстно, партія прусскихъ прогрессистовъ-- Fortschrittspartei. Ея образованіе почти совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда Бисмаркъ сдѣлался главою прусскаго министерства (1862) и когда прусская палата, ландтагъ, была еще настолько неразвитымъ политическимъ организмомъ, что въ ней существовали почти только двѣ партіи, двѣ враждебныя группы,— сторонниковъ и противниковъ правительства. Если первая, консерваторы, не отличалась особенной многочисленностью (иногда она состояла лишь изъ горсти депутатовъ), то у второй, прогрессистовъ, тѣмъ больше было сторонниковъ, чѣмъ больше она имѣла основаній считать себя *единственной* представительницей оппозиціи. Излишне говорить о томъ, насколько такой взглядъ соотвѣтствовалъ реальнымъ отношеніямъ дѣйствительности. Вся агитаціонная дѣятельность Лассаля своей исходной точкой, своей

предпосылкой—имѣла такое состояніе отношеній труда и капитала, когда классовый инстинктъ четвертаго сословія еще не проснулся. Лассалю приходилось говорить не только о томъ, какъ улучшить положеніе рабочихъ, но и о томъ, что положеніе это дѣйствительно плохо и нуждается въ улучшеніи. Происходило это оттого, что переворотъ, ликвидировавшій феодальную эпоху, только что совершился; оба класса индустріально-капиталистическаго періода, антагонизмъ которыхъ составляетъ истинную пружину политической жизни всѣхъ капиталистически развитыхъ странъ, не успѣли еще въ достаточной мѣрѣ дифференцироваться — по крайней мѣрѣ въ ихъ собственномъ сознаніи, въ ихъ воображеніи. Оппозиція прусскому правительству, во главѣ котораго стоялъ юнкеръ, правительству, которое хотѣло какъ можно больше возвратить себѣ изъ того, что казалось ускользнувшимъ въ 48 году, въ глазахъ націи являлась непосредственнымъ продолженіемъ тѣхъ усилій въ сторону прогресса, какія предшествовали перевороту. Но обстоятельства очень быстро мѣняются. Вмѣстѣ съ развитіемъ индустріи и капитализма развивается явленіе, составляющее обратную сторону медали. Растетъ промышленный пролетаріатъ; въ немъ просыпается чувство солидарности,—а ни съ чѣмъ не сравнимыя бѣдствія рабочихъ, всегдашній спутникъ начальнаго роста капитализма, очень скоро выдвигаютъ и передъ нѣмецкими рабочими вопросъ объ улучшеніи ихъ соціальнаго положенія. Съ этимъ обстоятельствомъ прогрессисты должны были считаться самымъ серьезнымъ образомъ, если они хотѣли по прежнему защищать интересы не только третьяго, но и четвертаго сословія. И дѣйствительно, забота о сохраненіи за собою симпатій и голосовъ рабочихъ нашли себѣ выраженіе въ извѣстной агитаціонной дѣятельности Шульце-Делича. Но дѣятельность Шульце-Делича была, какъ извѣстно, лишь прелюдіей къ дѣятельности Лассаля, исторической заслугой котораго является основаніе самостоятельной рабочей партіи. Партія эта не могла имѣть собственныхъ представителей въ ландтагѣ, но вліяніе ея стало сказываться весьма явственно въ странѣ.

Между тѣмъ, побѣда пруссаковъ надъ австрійцами при Садовой отразилась на группировкѣ партій въ ландтагѣ. Съ одной стороны, она сдѣлала болѣе доступными новымъ идеямъ часть консерваторовъ; съ другой— она пробудила національное чувство у той части прогрессистовъ, которая была менѣе устойчива въ своихъ либеральныхъ принципахъ. Отдѣлившаяся отъ консерваторовъ группа стала носить названіе свободныхъ консерваторовъ (впослѣдствіи—германско-имперская партія: Deutsche Reichspartei), а отпавшая отъ прогрессистовъ — націоналъ-либераловъ. Если политика прусскаго правительства послѣ войны съ австрійцами, вообще говоря, сдѣлалась нѣсколько либеральнѣе, то, тѣмъ не менѣе, поддержка, какую Бисмаркъ нашелъ у націоналъ-либераловъ — въ особенности тогда, когда созданіе германской имперіи ареной политической борьбы сдѣлало преимущественно германскій рейхстагъ, — лишила эту партію ея значенія какъ оппозиціонной группы. Очень скоро въ рейхстагѣ пріобрѣтаютъ вліяніе

новыя партіи, которыя частью имѣли своихъ представителей и въ ландтагѣ, частью же существовали только въ странѣ; и эти партіи, если и по различнымъ причинамъ, занимаютъ въ рейхстагѣ положеніе болѣе или менѣе рѣшительной оппозиціи. Такимъ образомъ, одна часть либераловъ-прогрессистовъ перестала быть безусловно оппозиціонной; на ряду съ другою же возникаютъ новыя оппозиціонныя группы, которыя не только дѣлаютъ прогрессистовъ блѣднѣе, но и отымаютъ,—что гораздо существеннѣе,—у ихъ депутатовъ голоса во время выборовъ.

Конечно, не возникшая около 1870 года партія „Центра" была наиболѣе страшна либераламъ. Въ петиціи императору отъ 18 февраля 1871 года эта партія вполнѣ ясно обнаружила свой реакціонный характеръ: петиція приглашала Императора содѣйствовать возстановленію свѣтской власти папы. Если наступившая затѣмъ эпоха Kulturkampf'а сообщила партіи центра нѣкоторое обаяніе гоненія, если она и передвинула ее сразу въ ряды оппозиціи, все же цѣли ея были слишкомъ опредѣленны—а средства порою слишкомъ мало разборчивы—для того, чтобы она могла сильно ослабить позицію либераловъ, боровшихся во имя общихъ прогрессивныхъ принциповъ. Но тѣмъ страшнѣе былъ ростъ рабочей партіи. Всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право, во имя котораго сплачивалась подъ руководствомъ Лассаля рабочая партія, сдѣлалось основаніемъ для выборовъ въ парламентъ новой имперіи, и прогрессистамъ всѣхъ нѣмецкихъ земель вскорѣ пришлось считаться съ появленіемъ въ рейхстагѣ представителей рабочихъ, которые вошли туда съ програмиой соціалъ-демократической партіи.

Уже въ это время совершенно явственно сказалась та тенденція развитія либерализма, которая привела его въ концѣ концовъ къ теперешнему жалкому состоянію. Съ одной стороны, ряды его послѣдователей уменьшались вслѣдствіе того, что представители крупной буржуазіи переходили къ націоналъ-либераламъ; съ другой—представительство ярко оппозиціонныхъ интересовъ цѣлаго слоя населенія, цѣлаго класса, было взято имъ въ собственныя руки и отнято у прогрессистовъ. Присмотримся къ этимъ двумъ процессамъ нѣсколько внимательнѣе.

Созданіе германской имперіи, было, прежде всего, созданіемъ крупной народно-хозяйственной единицы. Естественно, что люди, интересамъ которыхъ это обстоятельство соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе, должны были поддерживать все то, что клонилось къ укрѣпленію такого порядка вещей. Тотъ, кому Имперія Германской націи давала полную возможность широко развернуться, обогатить себя лихорадочной дѣятельностью, не могъ, очевидно, не сдѣлаться націоналистомъ. Пока живы были еще традиціи буржуазіи, боровшейся противъ феодализма, эти люди становились націоналъ-либералами; по мѣрѣ того, какъ время приносило съ собою забвеніе, а, главнымъ образомъ, обнаружило, наконецъ, разницу въ интересахъ крупнаго и мелкаго капитала,—по мѣрѣ этого и политика націоналъ-либера-

ловъ становится все больше національной и все меньше либеральной. Націоналъ-либеральная партія становилась все больше и больше правительственной партіей. Очень скоро она стала чувствовать себя союзницей консервативныхъ группъ, съ которыми у нея были общіе хозяйственные интересы, вмѣстѣ съ которыми она добивалась покровительственныхъ пошлинъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда прекратился вывозъ пшеницы изъ Германіи и начался все возраставшій ввозъ; когда конкурренція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ—дѣлало покровительственную пошлину для аграріевъ не менѣе выгодною, чѣмъ болѣе древняя конкуренція англійской промышленности дѣлала ее выгодной—для представителей индустріи, съ владѣльцами желѣзо-дѣлательныхъ предпріятій во главѣ. Но разъ заключенный союзъ продолжаетъ существовать. „Воспитательная пошлина" превращается съ теченіемъ времени въ пошлину для защиты картелей, которая содѣйствуетъ образованію и развитію синдикатовъ; которая, развивая капиталистическую монополію, благопріятствуетъ эксплоатаціи внутренняго рынка. Такимъ образомъ, націоналъ-либеральная партія, по крайней мѣрѣ ея правое крыло, совершенно измѣняетъ дѣлу либерализма. Отъ послѣдняго постепенно откалываются въ этомъ направленіи все новые и новые слои, что чрезвычайно ослабляетъ его, такъ какъ изъ рядовъ либерализма уходятъ какъ-разъ люди, которые обладаютъ большимъ политическимъ вліяніемъ, вслѣдствіе значительнаго экономическаго могущества.

Глубже и богаче своими послѣдствіями другой процессъ. Когда рабочіе порвали свою связь съ либерализмомъ и прогрессистами, послѣдніе отнеслись къ этому, какъ къ измѣнѣ. Они видѣли въ этомъ только ослабленіе той группы, которая въ ихъ глазахъ все еще не могла не быть единственной представительницей оппозиціи; оппозиціи во имя прогрессивныхъ демократическихъ идей, а не реакціонныхъ ультрамонтанскихъ вожделѣній. Само собою разумѣется, прогрессисты не могли съ такою ясностью, какъ это возможно для объективнаго наблюдателя теперь, понимать, что ихъ собственная половинчатость и слабость были одною изъ причинъ скораго образованія самостоятельной политической рабочей партіи. Но они поняли, что пробужденіе рабочаго класса угрожаетъ ихъ собственнымъ интересамъ— и прямо, въ столкновеніяхъ труда и капитала, и косвенно, въ уменьшеніи ихъ мандатовъ, —и страхъ передъ будущимъ побудилъ ихъ политиковъ къ уступкамъ по отношенію къ правительству. Это было непоправимой ошибкой, если въ историческихъ процессахъ вообще можно говорить объ ошибкахъ. Уступки правительству повели къ полнѣйшей неудачѣ либеральной политики, и прогрессисты не нашли ничего лучшаго для собственнаго утѣшенія, какъ измѣнить направленіе своего раздраженія. Съ этихъ поръ они начинаютъ жестоко нападать на соціалъ-демократію, не брезгая никакими средствами къ борьбѣ, прибѣгая даже къ самымъ нелѣпымъ вымысламъ и клеветѣ. Очень характерна возникшая въ это время легенда о томъ,

что соціалъ-демократія является даже союзницей консерваторовъ и Бисмарка и пользуется особымъ покровительствомъ послѣдняго.

Какъ извѣстно, Бисмарка отнюдь нельзя было обвинять въ недостаткѣ рѣшимости въ борьбѣ противъ оппозиціонныхъ группъ, если эту борьбу онъ начиналъ серьезно. За суровыми законами противъ католиковъ, ознаменовавшими собою эпоху Kulturkampf'а былъ изданъ законъ противъ соціалистовъ съ его знаменитыми «каучуковыми» параграфами—Sozialistengesetz. Послѣдствія этого шага были не тѣ, какихъ ожидалъ Бисмаркъ. Кромѣ усиленія соціалъ-демократовъ, полицейская практика вызвала протестъ у тѣхъ слоевъ населенія и у тѣхъ политиковъ, которые не отказывали до этого правительству окончательно въ своей симпатіи. Съ другой стороны, его начинаютъ поддерживать всѣ тѣ, кому было непріятно увеличеніе вліянія соціалъ-демократовъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи либерализма довольно явственно замѣтна эта двойственность.

Перегруппировка партій приводитъ къ тому, что лѣвое крыло націоналъ-либераловъ, образовавъ въ 1880 году новую группу подъ именемъ „либеральнаго союза“ („сецессіонисты“), соединяется въ 1884 съ прогрессистами. Программа новой партія чрезвычайно напоминаетъ программу прогрессистовъ. Съ тою только разницей, что опредѣленное требованіе мѣропріятій въ пользу рабочихъ, ясное и конкретное указаніе желаемаго въ этомъ направленіи—смѣняется гораздо болѣе абстрактнымъ и туманнымъ выраженіемъ того же самаго. Новая партія начинаетъ существовать подъ именемъ „нѣмецкихъ свободомыслящихъ“—Deutsch Freisinnige,—и во главѣ ея становится одаренный ораторъ и финансистъ, вождь прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ. Манчестерцы по своимъ экономическимъ взглядамъ, свободомыслящіе въ вопросахъ чисто политическихъ заявляютъ себя въ началѣ радикалами и демократами. Но неуклонное развитіе общественныхъ отношеній въ обозначившемся направленіи и десятокъ лѣтъ „реальной“ политики сильно измѣнили ихъ физіономію.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма, въ Германіи чревычайно ярко обозначилось слѣдующее явленіе. Въ промышленные центры, въ города, стягивались все большія и большія массы населенія. Въ то же время относительно уменьшалось населеніе сельскихъ округовъ. Но промышленные рабочіе отнюдь не были склонны симпатизировать манчестерскимъ доктринамъ; они слишкомъ хорошо помнили горячую проповѣдь Лассаля, говорившаго: „неправда, что я мѣшаю человѣку самостоятельно лѣзть на стѣну, если я даю ему лѣстницу; неправда, что я мѣшаю рабочимъ самимъ улучшить свое положеніе, если я требую для нихъ поддержки государства“ [1]). Если соціально-экономическая часть програмы рабочей партіи въ это время и не была уже согласна съ этой стороной ученія Лассаля, то все

---

[1]) Цит. по памяти.

же слишкомъ живы были его примѣръ, его критика существующаго. И рабочіе большихъ городовъ превращались въ соціалъ-демократовъ съ правильностью воды, неизбѣжно движущейся въ данномъ направленіи, разъ опредѣленными свойствами обладаетъ русло. Но становясь соціалъ-демократами, они переставали быть объектомъ агитаціонной дѣятельности свободомыслящихъ, по крайней мѣрѣ—удачно выбраннымъ объектомъ. Такимъ образомъ, города были потеряны свободомыслящими.

Едва ли не хуже обстояло для нихъ дѣло въ сельскихъ округахъ, Сельскіе округа лишались какъ разъ тѣхъ самыхъ элементовъ, какіе притекали въ города. Изъ нихъ уходили всѣ, кто труднѣе переносилъ бѣдность и тѣсноту, кому необходимѣе былъ исходъ, кто чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы искать новыхъ путей въ жизни. Тѣ, кто оставался, были вѣрными слугами своихъ господъ и церкви, и они подавали свои голоса, въ развивающейся политической борьбѣ, либо за консерваторовъ, либо за католическихъ депутатовъ центра. Во всякомъ случаѣ они не были свободомыслящими, и послѣдніе утрачивали свое вліяніе и въ деревнѣ.

Итакъ, промышленное развитіе Германіи оказалось невыгоднымъ для свободомыслящихъ. Но между тѣмъ какъ господство консервативныхъ элементовъ въ сельскихъ округахъ, какъ привычное, довольно легко примиряло съ собою либераловъ, ростъ рабочаго движенія въ городахъ вызывалъ у нихъ самое желчное отношеніе. Объясняется это обстоятельство, помимо указанныхъ причинъ, еще и тѣмъ, что тотъ слой населенія, изъ котораго формировались кадры свободомыслящихъ, принадлежалъ, подобно рабочимъ, къ городскому населенію. Даже больше того: въ эпоху расцвѣта либерализма, значительной разницы въ политическихъ взглядахъ тѣхъ, кто сдѣлался потомъ соціалъ-демократами, и тѣхъ, кто оставался вѣренъ либерализму, не было. Это были вообще трудящіеся, еще не раздѣлившіеся въ своемъ сознаніи на двѣ рѣзко противоположныхъ группы ремесленниковъ и рабочихъ—въ тѣсномъ смыслѣ. Тому же Лассалю приходилось точно устанавливать понятіе „рабочій“ и отдѣлять его отъ понятія „ремесленникъ“. Ошибочное представленіе о солидарности политическихъ интересовъ рабочихъ и ремесленниковъ было причиною другой ошибки, въ силу которой прогрессисты, а затѣмъ свободомыслящіе—считали весь городской работающій людъ надежнѣйшимъ оплотомъ своего политическаго вліянія. Тѣмъ жестче было разочарованіе. И тѣмъ сильнѣе была ненависть къ соціалъ-демократіи. Съ этого момента свободомыслящіе особенно усердно ищутъ себѣ союзниковъ въ борьбѣ съ соціалъ-демократами и здѣсь, въ концѣ концовъ, встрѣчаются съ консерваторами и юнкерами, какъ это случилось до нихъ съ націоналъ-либерами (1887 г.). А два врага одного и того же человѣка рано или поздно должны стать, по мнѣнію соціолога Зиммеля, друзьями...

Нѣмецкая свободомыслящая партія просуществовала девять лѣтъ. Между составлявшими ее прежними прогрессистами и прежними націоналъ-либе-

ралами возникли разногласія по почвѣ голосованія по поводу законопроэкта о величинѣ арміи въ мирное время (1893). Разногласія оказались непримиримыми. Вмѣсто одной сдѣлалось двѣ партіи. Прежніе прогрессисты сплотились въ „свободомыслящую народную партію“, „Freisinnige Volkspartei“, съ Рихтеромъ во главѣ, а бывшіе націоналъ-либералы („сецессіонисты“) въ „Свободомыслящій союзъ“, „Freisinnige Vereinigung“, наиболѣе вліятельными членами котораго были Риккертъ и Бартъ.

Съ этого момента установились главныя группы либеральныхъ политиковъ, и опредѣлилось то отношеніе между партіями рейхстага, какое существовало до самаго недавняго времени. Правая была представлена преимущественно консервативными партіями и націоналъ-либералами, лѣвая—„Свободомыслящимъ союзомъ“, „Свободомыслящей народной партіей“, „Южно-Германской народной партіей“ и соціалъ-демократами. Средину занималъ „Центръ“. У него были свои собственные, „католическіе“, интересы; обладая въ послѣднее время очень большимъ количествомъ мѣстъ въ Рейхстагѣ (ок. 100), центръ часто оказывалъ рѣшающее вліяніе на судьбу того или иного законопроэкта. Тѣмъ болѣе, что правая и лѣвая, съ примыкающими къ нимъ болѣе или менѣе мелкими группами и „дикими“, приблизительно уравновѣшивали другъ друга. Центръ долгое время съ полнымъ основаніемъ назывался „Regierende Partei“ (правящая партія)—въ противоположность кличкѣ „Regierungspartei“ (Правительственная партія), которую у консерваторовъ долгое время оспаривали націоналъ-либералы, а за самое послѣднее время и „свободомыслящіе“ всѣхъ оттѣнковъ.

Германскій рейхстагъ по своему значенію, по своей роли въ странѣ, отнюдь не соотвѣтствуетъ англійскому или французскому парламенту. Но иногда, несмотря на то, что съ нимъ очень мало церемонились и въ случаяхъ разногласій распускали, онъ все же настаивалъ на своемъ и оказывалъ тѣмъ самымъ существенную услугу странѣ. Несомнѣнно также, что его существованіе опредѣляло въ той или иной степени политику, какъ имперіи, такъ и составляющихъ ее государствъ, и тогда, когда тѣ или другія мѣропріятія находились еще въ стадіи обдумыванія и подготовки, не успѣвъ пока сдѣлаться законопроэктами. Нисколько не удивительно поэтому то, что та или иная группировка партій въ рейхстагѣ составляла одно изъ самыхъ важныхъ данныхъ для правительства при его попыткахъ разрѣшить свои задачи. Со вступленіемъ на престолъ Императора Вильгельма II, неуклонно желающаго быть „своимъ собственнымъ канцлеромъ“, одною изъ самыхъ существенныхъ задачъ канцлера de jure—сдѣлалась обязанность заботиться о томъ, чтобы мѣропріятія правительства всегда находили себѣ поддержку въ рейхстагѣ. На долгое время задача эта была разрѣшена—по крайней мѣрѣ алгебраически, въ общей формулѣ. Требовалось ладить съ правой и Центромъ. Покровительственныя пошлины для первыхъ и уступки католицизму для другихъ были тѣмъ средствомъ для этого, на которое правительство соглашалось довольно легко. По отношенію къ Центру Бисмаркъ обходился даже иными средствами—безъ усту-

помъ. Нынѣшнему канцлеру, князю Бюлову, какъ и его двумъ предшественникамъ, это удавалось меньше; въ такой степени меньше, что онъ серьезно задумался, въ концѣ концовъ, объ иныхъ комбинаціяхъ, объ иномъ составѣ парламентскаго большинства. Ему пришла на помощь та эволюція либеральныхъ партій, о которой мы говорили выше и которая въ послѣдніе годы—въ зависимости отъ эволюціи производственныхъ отношеній Германіи вообще—стала прогрессировать съ чудовищною быстротой.

Соціалъ-демократическая партія сдѣлалась большою силой. Число ея представителей въ рейхстатѣ не даетъ никакого представленія о ея дѣйствительномъ вліяніи въ странѣ, потому что устарѣлое дѣленіе на избирательные округа и другія причины дѣлаютъ представительство различныхъ классовъ въ парламентѣ далеко не равномѣрнымъ. Несмотря на всю лояльность внѣшнихъ формъ, борьба между капиталомъ и трудомъ все болѣе обостряется. И отнюдь нельзя утверждать, чтобы передъ рабочими оказывались въ одинаковой степени сильными всѣ капиталистическія предпріятія. Напротивъ того. Разница между крупными и мелкими предпріятіями огромна. Въ промышленной войнѣ къ услугамъ крупнаго капитала гораздо больше средствъ. Усовершенствованная техника производства, способность дольше выдерживать стачку и употреблять контръ-оружіе—локаутъ,—все это дѣлаетъ силы крупнаго капитала и рабочихъ организацій почти равносильными врагами, ихъ борьбу лишь медленнымъ и ровнымъ процессомъ въ сторону неминуемой исторической будущности. Совсѣмъ другое дѣло мелко-капиталистическія предпріятія. Часто они могутъ существовать только потому, что въ нихъ гораздо сильнѣе эксплуатація рабочихъ. Здѣсь больше поводовъ къ стачкамъ, но здѣсь и гораздо значительнѣе сила организованныхъ рабочихъ, потому что мелкому предпріятію труднѣе оставаться безъ работы и выжидать, пока изсякнетъ постоянно поддерживаемая организаціями стачечная касса. Мелкія предпріятія чрезвычайно страдаютъ также и отъ конкурренціи крупныхъ; но ихъ недовольство по столько же извѣстному, какъ и странному, психологическому закону, обращается не вверхъ, въ скорону крупнаго капитала, а внизъ, по адресу порабощеннаго труда. Въ современной Германіи нѣтъ болѣе желчныхъ, болѣе ожесточенныхъ враговъ соціалъ-демократіи, какъ мелкая буржуазія—съ ея традиціями либерализма, но и съ ея филистерствомъ. Между тѣмъ развивающіяся профессіональныя организаціи, потребительныя общества, вызываютъ чувство самаго неподдѣльнаго ужаса также у всѣхъ чье существованіе терпитъ ущербъ отъ того, что къ организаціямъ переходятъ ихъ занятія и обязанности. Ремесленники, мелкіе лавочники—„Händler und Krämer"—ненавидятъ рабочихъ не меньше мелкихъ капиталистовъ. Но мы видѣли, что эти категоріи гражданъ волею судебъ должны были сдѣлаться единственнымъ оплотомъ свободомыслящихъ въ

народѣ. Представители такъ называемыхъ свободныхъ профессій не могутъ являться ядромъ ни одной изъ партій. Если ихъ вообще слишкомъ мало, чтобы давать значительный перевѣсъ на выборахъ въ пользу той или иной партіи, то и распредѣленіе ихъ въ странѣ не облегчаетъ этой задачи. По самой профессіи своей, эти люди должны жить въ городахъ, болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ, а въ этихъ мѣстахъ, какъ мы уже говорили, чрезвычайно велико количество рабочихъ. Такимъ образомъ, положеніе „свободомыслящихъ“ съ каждымъ годомъ становилось трагичнѣе. Соціальное противорѣчіе между интересами мелкой буржуазіи и рабочихъ заставляетъ первую въ концѣ концовъ съ радостью встрѣчать всѣ мѣропріятія, всѣ факты, которые могутъ содѣйствовать подавленію политическаго движенія вторыхъ.

„Сводомыслящіе“ должны были выбирать между демократическими традиціями и совершенно опредѣленно выраженными желаніями ядра своихъ приверженцевъ, продиктованными послѣднимъ ихъ ненавистью. Ясно, что выборъ не могъ окончиться торжествомъ демократической традиціи. Идеальное, то, что сдѣлалось только идеальнымъ, потому что исчезла его матеріальная почва, — должно было уступить новому матеріальному, идеологія котораго только создается. Послѣ сравнительно долгихъ колебаній свободомыслящіе окончательно устанавливаются на пути измѣны демократическимъ и въ истинномъ смыслѣ „прогрессивнымъ“ принципамъ. Въ настоящее время они дошли до того, что демократическая нѣмецкая пресса— не только соціалъ-демократическая — съ полнымъ основаніемъ говоритъ о смерти нѣмецкаго либерализма, о полномъ исченовеніи буржуазной демократіи.

Ничего не могло быть естественнѣе, при такомъ положеніи вещей, что партія, число сторонниковъ которой — и мандатовъ — все больше падало; не имѣя никакой возможности разсчитывать на измѣненіе этого положенія; по крайней мѣрѣ инстинктивно чувствуя историческую тенденцію,—что эта партія стала искать другихъ средствъ сохранить свое вліяніе, если не въ странѣ, то въ парламентѣ. Свободомыслящіе все чаще и чаще заключаютъ предвыборные—или въ той или другой стадіи выборовъ—союзы съ другими партіями; а такъ какъ желанія ихъ направлены всегда къ тому, чтобы отвоевать мѣсто у соціалъ-демократовъ, чтобы не дать усилиться этимъ ненавистнымъ врагамъ, то самъ собою вытекаетъ союзъ съ консервативными и реакціонными группами. „Но—какъ замѣчаетъ одна газета— юнкера дѣйствуютъ подобно разъѣдающей кислотѣ. Нѣкогда они отравили національ-либераловъ, теперь свободомыслящихъ“...

Итакъ—вотъ элементарная политическая задача. Имперскій канцлеръ, желая освободиться отъ дорого стоющей дружбы Центра, ищетъ новаго союзника; желаетъ имѣть большинство въ рейхстагѣ при помощи новой группировки партій. Свободомыслящіе, теряя почву въ странѣ, употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы спасти свои парламентскіе мандаты при помощи союза съ другими партіями, одинаково ненавидящими соціалъ-

демократовъ,—въ чемъ у нихъ имѣется уже отнюдь не ничтожный опытъ. Каковъ результатъ? Увы! Задача слишкомъ проста. Свободомыслящіе, какъ хорошо выдрессированныя собачки прыгаютъ черезъ изящно подставленную имъ канцлеромъ палку; какъ изощренные въ свѣтскихъ удовольствіяхъ дэнди посѣщаютъ его въ Norderney'ѣ, украшаютъ себя пожалованными по ходатайству канцлера орденами и чувствуютъ себя польщенными его вѣжливой улыбкой. Князю Бюлову нужно отдать справедливость. Свою задачу онъ выполнилъ блестяще. Въ Свободомыслящихъ, вошедшихъ въ извѣстный „блокъ“ [1]), онъ нашелъ въ высшей степени нетребовательныхъ и послушныхъ союзниковъ и слугъ. Свободомыслящіе оказались способными такъ далеко итти въ своей готовности жертвовать демократическими принципами ради проблематическихъ выгодъ участія въ „блокѣ“, что даже Центръ оказался въ состояніи держать себя по сравненію съ ними достаточно „демократически“ и „прогрессивно“.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ послѣдней сессіи рейхстага было обсужденіе имперскаго закона о союзахъ и собраніяхъ, такъ называемаго—Reichsvereingesetz. Безъ сомнѣнія, законъ, который регулируетъ жизнь союзовъ, который опредѣляетъ условія созыва и роспуска собраній, который устанавливаетъ, кто можетъ и кто не имѣетъ права въ нихъ участвовать, на какомъ языкѣ должны вестись дебаты; однимъ словомъ, законъ, который создаетъ внѣшнія формы проявленій коллективной воли народа, не можетъ не вызывать самаго горячаго интереса со стороны всѣхъ политически-активныхъ элементовъ конституціонной страны. Очевидно, отношеніе къ такому законопроэкту гораздо отчетливѣе, чѣмъ что-либо другое, можетъ обнаружить дѣйствительное значеніе данной политической партіи и пролить яркій свѣтъ на то, какому богу она служитъ. И по отношенію къ Свободомыслящимъ законъ о союзахъ сдѣлалъ это самымъ безжалостнымъ образомъ. Онъ вскрылъ всю ихъ сущность, обнаружилъ все, о чемъ мы говорили выше. Отношеніе къ закону и послѣднихъ сомнѣвающихся убѣдило въ томъ, что въ Германіи дѣйствительно нѣтъ истинной демократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря такимъ образомъ сложившимся обстоятельствамъ, Центръ попалъ въ положеніе партіи свободы и прогресса, получилъ возможность поднять свой нѣсколько пошатнувшійся престижъ. Остановимся на этихъ обстоятельствахъ нѣсколько подробнѣе.

Само собою разумѣется, что при существующемъ соотношеніи реальныхъ силъ и партій въ странѣ, никто не ожидалъ, что новый законъ будетъ удовлетворять требованіямъ истинной демократіи. Но, что онъ будетъ выдержанъ по крайней мѣрѣ въ духѣ либерализма, на это вправѣ были разсчитывать всѣ, потому что положеніе, существовавшее до новаго закона было на самомъ дѣлѣ чрезвычайно далеко отъ идеальнаго для

---

1) См. „Соврем. Міръ“ № 2, 1908 г. За рубежомъ.

конституціоннаго государства. Однообразнаго закона для всей имперіи не было. Каждое изъ союзныхъ государствъ руководствовалось своимъ собственнымъ законодательствомъ, а населеніе весьма разнообразно страдало отъ индивидуальныхъ особенностей тѣхъ или иныхъ, прусскихъ или саксонскихъ, полицейскихъ властей. До какой виртуозности доходила — въ особенности саксонская полиція, показываетъ, напримѣръ, часто повторявшійся роспускъ собраній изъ-за того, что въ залѣ, гдѣ происходило собраніе, раскрывались окна. Согласно постановленіямъ, собранія не могли происходить „подъ открытымъ небомъ“. Но вѣдь если окна раскрыты, то стоящія вокругъ помѣщенія — „локала“ — на улицѣ толпы народа (допущеніе довольно проблематичное) могутъ принимать участіе во всемъ, что происходитъ внутри локала. А такъ какъ они самымъ несомнѣннымъ образомъ находятся „подъ открытымъ небомъ“, то и собраніе подлежитъ роспуску. Трудно провѣрить, насколько справедливы тѣ, еще болѣе чудовищные случаи, о какихъ разсказываютъ и пишутъ въ газетахъ. Увѣряютъ, напримѣръ, что одно собраніе было распущено потому, что въ залъ вбѣжала собака; другое на томъ основаніи, что полицейскій коммисаръ слишкомъ произвольно заподозрилъ въ группѣ собравшихся несовершеннолѣтнихъ и т. д. и т. д... Но всѣ эти разсказы самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что положеніе сдѣлалось достаточно невыносимымъ. Едва ли его могли смягчить противоположные случаи, когда слишкомъ несовременныя постановленія не исполнялись „либеральной“ полицейской практикой. Какъ бы то ни было, „либеральный“ законъ о собраніяхъ и союзахъ долженъ былъ прежде всего порвать окончательно не только съ духомъ полицейской опеки, не только съ доходящей до чудовищныхъ размѣровъ мелочностью и придирчивостью полицейской практики, но и вообще изъять эту сторону жизни народа изъ сферы полицейскаго вмѣшательства. Въ нѣкоторыхъ южныхъ германскихъ государствахъ уже давно существуетъ именно такой порядокъ, при которомъ участіе полиціи сведено къ минимуму,—и дѣло идетъ какъ нельзя лучше; собранія протекаютъ въ образцовомъ порядкѣ, не вызывая ни въ комъ опасеній за общественную безопасность. Было бы недостаточно, однако, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, создать лишь возможно меньше законодательныхъ ограниченій. Укоренившаяся привычка, огромныя средства правительства, которыя оно могло бы косвенно пустить въ ходъ для того, чтобы оказывать вліяніе на собранія и, въ особенности, на союзы — не смотря на отсутствіе легальнаго повода,—дѣлали бы необходимымъ введеніе въ законъ и такихъ параграфовъ, цѣлью которыхъ была бы положительная защита противъ всякихъ посягательствъ на свободу союзовъ и собраній. Но чьей задачей должно и могло быть созданіе именно такого законопроэкта, или внесеніе въ этомъ смыслѣ поправокъ къ правительственному законопроэкту, если бы онъ оказался инымъ? Каковъ долженъ былъ быть, съ другой стороны, законопроэктъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ желаніямъ правительства?

Очевидно, внося законопроэктъ о союзахъ и собраніяхъ, имперское правительство могло преслѣдовать только одну цѣль. Чтобы желать закона въ духѣ либерализма, оно должно было обнаружить дипломатическій тактъ и широту взгляда, какими обладалъ иногда жесткій Бисмаркъ, но какіе не принадлежатъ къ числу несомнѣнныхъ качествъ любезнаго Бюлова. Князю Бюлову слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу уже то, что онъ усвоилъ политику Бисмарка *на половину*, стараясь провести законы, которые разсчитаны на ближайшій успѣхъ, если и не направлены къ созданію нормальнаго и спокойнаго развитія страны. Не желая либеральнаго закона, имперское правительство тѣмъ больше должно было стремиться къ тому, чтобы создать единый для всей имперіи порядокъ.

Отсюда желаніе реформы по отношенію къ status quo, но нежеланіе такой реформы, какая способна уменьшить хоть на одну іоту вліяніе правительства и увеличить вліяніе народа. Слѣдовательно, задача созданія изъ правительственнаго матеріала демократическаго закона—выпадала цѣликомъ на долю демократовъ же. Слѣдовательно, отношеніе къ законопроэкту было истинной пробой на демократизмъ. Если бы „свободомыслящіе“ были дѣйствительно демократами, то они имѣли бы полную возможность придать демократическій характеръ законопроэкту при обсужденіи его въ комиссіи. Соціалъ-демократы вносили такъ много поправокъ и добавленій, что поводовъ къ этому у свободомыслящихъ было больше, чѣмъ достаточно. Но они, въ трогательномъ единодушіи съ націоналъ-либералами и консерваторами, своими союзниками по пресловутому Бюловскому „блоку“ („Hottentotenblock“, какъ его прозвали въ народѣ), упорно голосовали противъ всякаго предложенія соціалъ-демократовъ. Положеніе ихъ, конечно, было очень труднымъ. Разъ они вступили въ блокъ съ юнкерами ради парламентскихъ мандатовъ, имъ приходилось поддерживать по мѣрѣ возможности своихъ новыхъ друзей. Но они дѣлали это и вопреки возможности, потому что поведеніе этихъ друзей было почти вызывающимъ. Консерваторы вели себя точь-въ-точь такъ, какъ знаменитый волкъ изъ басни Крылова, который особеннымъ благополучіемъ для журавля считалъ то обстоятельство, что, вытаскивая изъ горла подавившагося волка кость, онъ не оставилъ тамъ вмѣстѣ съ глупой головой своего длиннаго носа. Юнкера при каждомъ новомъ параграфѣ дѣлали видъ, что они оказываютъ свободомыслящимъ ужъ и такъ большую услугу, если не вносятъ еще болѣе реакціонныхъ предложеній. Если націоналъ-либералы и антисемиты и соглашались вначалѣ съ тѣми или иными улучшеніями проэкта, то они тотчасъ же поворачивали фронтъ, какъ только убѣждались, что правительство къ этимъ поправкамъ отнеслось бы отрицательно. Реакціонный характеръ блока сказался въ этихъ перипетіяхъ въ высшей степени рельефно; рельефно обнаружилась и роль „свободомыслящихъ“. Истинно прогрессивными, по отношенію къ партіямъ блока, оказались поляки и центръ. Эти двѣ группы исходили изъ своихъ матеріальныхъ интересовъ,—но это уже не ихъ вина, что ихъ матеріальные интересы совпадали въ данномъ случаѣ съ тѣмъ,

что являлось истинно демократическимъ. Но какъ ни поучительно и ни интересно то, что происходило въ комиссіи во время перваго чтенія въ ней законопроэкта, дальнѣйшія событія оказались еще неизмѣримо ярче.

Между первымъ и вторымъ чтеніемъ въ комиссіи „свободомыслящіе“, которые до этого находили возможнымъ увѣрять, что улучшенія законопроэкта предстоятъ еще впереди, что у нихъ въ запасѣ немало самыхъ прогрессивныхъ поправокъ,—нашли возможнымъ войти окончательно въ сдѣлку съ правительствомъ и правыми и заключить съ ними компромиссъ, который по всей справедливости можетъ считаться „историческимъ“: онъ знаменуетъ собою окончательный упадокъ нѣмецкаго либерализма. Свободомыслящіе пришли къ соглашенію по поводу законопроэкта, окончательно уступили правительству и тѣмъ самымъ рѣшили судьбу этого закона. Съ этого момента парламентская процедура по отношенію къ нему сдѣлалась простой формальностью. Но она не была только формальностью. Такъ какъ, обладая большинствомъ, правительство теперь совершенно прямо шло къ цѣли, то и второе чтеніе въ комиссіи и послѣдующее обсужденіе въ рейхстагѣ были произведены съ головокружительной быстротой. Не смотря на то, что, по парламентскимъ правиламъ, второе чтеніе in pleno должно быть тщательнымъ обсужденіемъ отдѣльныхъ статей,—объ обсужденіи не было больше и рѣчи. Всякая статья безъ дальнѣйшихъ околичностей голосовалась и принималась. По отношенію къ оппонентамъ не были соблюдены даже элементарныя парламентскія приличія; имъ просто на просто зажимали ротъ. Это не было „формальное обсужденіе“, это была уже парламентская комедія. Такимъ образомъ былъ принятъ законъ, который на долгое время впередъ будетъ регулировать политическую жизнь Германской имперіи. Для характеристики самого закона достаточно привести лишь очень немногое.

Всѣ такъ называемыя „уступки“ правительства требованіямъ депутатовъ обладаютъ въ высшей степени спорнымъ практическимъ достоинствомъ, если имѣть въ виду обычаи властей въ толкованіи относящихся къ собраніямъ законоположеній. Кромѣ того эти „уступки“—какъ, напримѣръ, освобожденіе отъ обязательнаго извѣщенія полиціи о ремесленныхъ собраніяхъ, или допущеніе, *при извѣстныхъ обстоятельствахъ*, переноса собранія изъ закрытаго помѣщенія подъ открытое небо—приправлены такою массой оговорокъ, допускаютъ лишь такое ограниченное примѣненіе льготнаго правила, что все ихъ значеніе, вообще говоря, очень проблематично. О положительномъ облегченіи можно говорить только для Мекленбурга, наиболѣе отсталаго нѣмецкаго союзнаго государства. Нѣкоторыя улучшенія достигнуты для Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ. Но допущеніе на собранія женщинъ для этихъ государствъ является чѣмъ-то вродѣ политической девальваціи, ибо запрещеніе для женщинъ посѣщать собранія даже въ Пруссіи существовало только на бумагѣ. Можно было бы привести еще цѣлый рядъ мелочей, но всѣ онѣ съ избыткомъ уравновѣшиваются двумя безусловно реакціонными и во всей имперіи ухудшаю-

щими положеніе постановленіями. Во-первыхъ, новый законъ воспрещаетъ участіе во всѣхъ *политическихъ* союзахъ и собраніяхъ молодымъ людямъ до 18 лѣтняго возраста. Извѣстно, какую свободу допускаетъ толкованіе понятія „политическій". Въ глазахъ прусской, напримѣръ, полиціи, какъ это можно предположить на основаніи предыдущей практики, политической можетъ явиться всякая организація юношества изъ рабочаго класса, такъ какъ она развиваетъ классовую солидарность и подготовляетъ ко вступленію въ ряды соціалъ-демократіи. Во вторыхъ, пресловутымъ параграфомъ седьмымъ, воспрещается употребленіе въ общихъ собраніяхъ всякаго иного языка, кромѣ нѣмецкаго. Нѣкоторыя ограниченія этого правила — таковы, что, повидимому, исключеній не будетъ вовсе. Одинъ этотъ параграфъ, отъ котораго чрезвычайно пострадаетъ политическая жизнь страны, который чрезвычайно ухудшаетъ положеніе не-германскихъ народностей, какъ, напримѣръ, поляки,—достаточенъ, чтобы опредѣлить весь характеръ закона. Еще больше онъ будетъ оттѣненъ, если принять во вниманіе, что все положительное поставлено въ прямую зависимость отъ полицейскаго усмотрѣнія. Въ такихъ странахъ, какъ Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ, законъ создаетъ *только* ухудшенія.

Законъ о союзахъ и собраніяхъ есть законъ по преимуществу политическій. Но если либерализмъ является въ современной жизни въ какой-либо мѣрѣ прогрессивнымъ, то лишь въ области чистой политики. Не есть ли, такимъ образомъ, поддержка политической реакціи, во имя чего бы она ни происходила нѣчто, діаметрально противоположное либеральнымъ принципамъ? И не является ли голосованіе свободомыслящихъ за реакціонный проэктъ о собраніяхъ и союзахъ поступкомъ, направленнымъ *противъ* либерализма? Мы вправѣ говорить о концѣ нѣмецкаго либерализма. Это впечатлѣніе только подтвердилъ состоявшійся въ концѣ апрѣля н. с., во Франкфуртѣ на Майнѣ, третій конгрессъ „свободомыслящаго союза".

Если политика „блока" и голосованіе за законопроэктъ о союзахъ и собраніяхъ означаютъ смерть стараго либерализма, то конгрессъ во Франкфуртѣ, по выраженію одной газеты, имѣетъ значеніе послѣднихъ ударовъ молота, заколачивающаго гробъ. Этотъ конгрессъ представлялъ бы одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ болѣзненнаго политическаго самобичеванія, если бы рѣчи большинства не были преисполнены самовосхваленія. Правда, самовосхваленіе носило такой характеръ, какъ если бы кто-либо именемъ блага, добра etc., называлъ вещи, на обыкновенномъ языкѣ этимъ понятіямъ прямо противоположныя. Центральнымъ вопросомъ на конгрессѣ былъ вопросъ о направленіи либеральной политики вообще, центральнымъ моментомъ—выступленіе извѣстнаго политическаго дѣятеля Теодора Барта и товарищей изъ рядовъ „свободомыслящаго союза"; а непосредственнымъ поводомъ къ

тому и другому, было отношеніе „свободомыслящихъ“ къ законопроэкту о союзахъ.

Въ первый же день установилось на конгрессѣ напряженное, повышенное настроеніе. Въ первый же день начались дебаты о политикѣ компромиссовъ и о законопроэктѣ. Честь перваго восхваленія союза съ правительствомъ и консерваторами принадлежала депутату... Струве.

И онъ считаетъ оба основныхъ положенія закона о союзахъ—о недопущеніи въ союзы и собранія не достигшихъ 18 лѣтняго возраста и о запрещеніи въ собраніяхъ иностранныхъ языковъ—мѣрами отнюдь не прогрессивнаго характера. „Но компромиссъ есть компромиссъ, и мы должны были подать наши голоса за нихъ—съ тяжелымъ сердцемъ“. Дальше ораторъ говоритъ о томъ, что иногда больше мужества нужно для того, чтобы отказаться отъ своихъ принциповъ, чѣмъ для того, чтобы упрямо настаивать на нихъ. Въ стенографическомъ отчетѣ отмѣчено „оживленное одобреніе“ послѣ этихъ словъ. Но не всѣ слушатели прусскаго Струве были съ нимъ согласны. Меньше всѣхъ Теодоръ Бартъ. Его рѣчь была прекрасна по формѣ и безусловно справедлива по содержанію. Кромѣ того, она была сказана такъ, какъ можно говорить только о вещахъ, составляющихъ плодъ мучительныхъ и долгихъ размышленій, являющихся до трагизма глубокимъ убѣжденіемъ. Но вниманіе собранія было приковано къ этой рѣчи не только ея качествами. Оно было сосредоточено на ней и на фигурѣ оратора, кромѣ того, и по причинамъ, какія дѣлаютъ его личность вообще одною изъ самыхъ интересныхъ среди всѣхъ представителей нѣмецкаго либерализма.

Съ именемъ Теодора Барта и патера Наумана еще очень недавно связывались самыя радужныя надежды. Оба они были самыми типичными представителями того направленія, того толка въ партіи „свободомыслящаго союза“, какое стало въ ней пробиваться довольно замѣтной струей послѣ соединенія съ „національ-соціалами“ („National-sozialen“). Ихъ тактика старалась соединить буржуазную демократію съ соціалъ-демократіей въ борьбѣ противъ юнкерства, была, слѣдовательно, прямо противоположна тактикѣ свободомыслящихъ вообще. Временами казалось даже, что въ сторону ихъ тактики склоняется большинство „свободомыслящаго союза“; нѣкоторые готовы были даже мечтать о возрожденіи нѣмецкаго либерализма и связаннаго съ нимъ въ старину *демократическаго* имперіализма. Но политика блока разрушила мечты. Какъ выразился другой ораторъ на франкфуртскомъ конгрессѣ (адвокатъ Конъ—Cohn).—„сильнѣе, чѣмъ всѣ политическія идеи, оказываются соціально-экономическія противорѣчія въ народѣ“. Настолько сильнѣе, что ихъ обаянію подчинился даже прежній союзникъ Барта и вліятельный „національ-соціалъ“—патеръ Науманъ, отдѣлившійся на конгрессѣ отъ Барта.

Бартъ не жалѣлъ красокъ для того, чтобы рисуемая имъ картина паденія либерализма вышла яркой. Онъ говорилъ и о томъ, какъ унизительно-пренебрежительно поступаетъ со своими новыми союзниками князь

Бюловъ, третирующій ихъ такъ, какъ никогда не третировалъ бы юнкеровъ; онъ говорилъ и объ измѣнѣ „свободомыслящей народной партіи“ при голосованіи законопроэкта о пошлинахъ; о реакціонномъ значеніи принятаго закона о союзахъ—и о томъ, что политика „свободомыслящаго союза“ перестала быть демократической, перестала быть либеральной,—и сдѣлалась прямою противоположностью того и другого. Бартъ не думаетъ, что необходимо единеніе либеральныхъ партій во что бы то ни стало: „Единеніе сообщаетъ силу, если соединенныя силы направлены въ сторону отстаиваемыхъ интересовъ. Но тамъ, гдѣ единеніе служитъ только для того, чтобы удерживать болѣе энергичные элементы отъ рѣшительныхъ поступковъ, тамъ оно изъ момента силы превращается въ моментъ слабости. Единеніе есть моментъ слабости, если соперники выступаютъ противъ демократическихъ принциповъ и заставляютъ подчиняться этому истинныхъ демократовъ... Выборы въ ландтагъ проходятъ подъ паролемъ: «противъ соціалъ демократіи»... Борьба противъ соціалъ-демократіи выставляется какъ главная задача выборной борьбы въ прусскій ландтагъ... Вся политика блока есть ничто иное, какъ борьба противъ демократическихъ тенденцій въ соціалъ-демократіи, въ демократіи и въ центрѣ. Вся политика блока есть лишь попытка съ помощью лѣваго крыла либераловъ проводить въ жизнь антидемократическіе принципы... Серьезная демократическая политика перестала быть дѣломъ свободомыслящихъ партій... Вожди фракціи выпустили все демократическое вино—и рады спасти боченокъ изъ подъ него!“...

Эта страстная обвинительная рѣчь не могла остаться безъ впечатлѣнія. Подъ ея вліяніемъ была внесена резолюція, предлагавшая осудить голосованіе § 7 закона о союзахъ, какъ оскорбленіе основныхъ принциповъ либерализма. Резолюція была отвергнута большинствомъ 315 противъ 98 голосовъ. Послѣ этого 20 членовъ націоналъ-соціальнаго союза въ Берлинѣ и другихъ городахъ, съ Бартомъ, Герлахомъ, Брейтшейдомъ и Кечке во главѣ, объявили о своемъ выходѣ изъ избирательнаго союза либераловъ. Послѣ этого съ легкимъ сердцемъ была принята резолюція противоположнаго содержанія.

Бартъ, Герлахъ и другіе образовали новую демократическую партію, выпустили манифестъ и устроили уже нѣсколько собраній. Но можетъ ли въ этой группѣ возродиться либерализмъ, есть ли у нея будущее? Мы видѣли, что тотъ или иной фазисъ въ развитіи либерализма чрезвычайно мало зависитъ отъ того или иного поведенія отдѣльныхъ личностей, вождей. Судьба нѣмецкаго либерализма опредѣлялась все время общественно-соціальными—въ конечномъ счетѣ экономическими—причинами. Либерализмъ процвѣталъ, когда классовые интересы третьяго и четвертаго сословія были смѣшаны, онъ окончательно палъ, когда классовыя противорѣчія обострились. Либерализмъ пересталъ быть демократизмомъ. Современный либерализмъ поддерживаютъ антидемократическіе элементы. Либерализмъ скомпрометировалъ себя такъ сильно, что истинно-демократическіе элементы

должны были уйти безвозвратно. Повидимому, они пристали къ соціалъ-демократіи. Въ самые послѣдніе дни сдѣлалось извѣстнымъ, что соціалъ-демократы пріобрѣли 7 мѣстъ въ Прусскомъ ландтагѣ во время только что происшедшихъ выборовъ, и на перебаллотировкахъ пріобрѣтутъ, вѣроятно, еще. Даже „Berliner Tageblatt“ усматриваетъ въ этомъ урокъ для либераловъ—и ярко выраженную тенденцію. Шансы новой либеральной группы, такимъ образомъ не велики. Бартъ и его товарищи рискуютъ очутиться въ положеніи офицеровъ безъ войска...

К. Вейдемюллеръ.

На родинѣ.

Анархизмъ „простонародный“.

I.

Въ стремительномъ потокѣ судебныхъ процессовъ, „ликвидирующихъ“ событія недавняго прошлаго,—а, главнымъ образомъ, лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ нимъ,—всплываетъ время отъ времени „дѣло“, останавливающее на себѣ особое вниманіе. Оно сосредоточиваетъ на себѣ интересъ не только индивидуальнаго характера,—по личности „ликвидируемыхъ“, по обстоятельствамъ ихъ дѣяній, самого процесса и т. д.,—вмѣстѣ съ имя-рекомъ, созданнымъ обвинительнымъ актомъ по всѣмъ правиламъ формальнаго судопроизводства, оно вводитъ въ процессъ того же имя-рекъ, но только созданнаго общественнымъ вымысломъ, таинственными и знаменательными пріемами народнаго творчества.

22-го апрѣля въ Вяткѣ судили знаменитаго уральскаго, или даже россійскаго, героя Александра Лбова, неуловимаго предводителя вольной дружины. Подвиги вольницы и ея атамана сами по себѣ не столь замѣчательны, чтобы выдѣлять ихъ изъ массы однородныхъ, хотя и болѣе мелкихъ событій. Смѣлыя экспропріаціи (напримѣръ, на пароходѣ „Анна Степановна“), удачная борьба съ полицейскими ловушками, когда Лбова захватывали сразу въ трехъ мѣстахъ, въ то время, какъ онъ неожиданно появлялся въ четвертомъ, и пр. въ томъ же духѣ,—ко всему этому мы слишкомъ привыкли. Лбова судили, приговорили къ смертной казни и повѣсили,—къ казнямъ мы и тѣмъ болѣе привыкли, такъ что даже и не понимаемъ, что это такое, казнь.

То, что во всей исторіи, связанной съ именемъ уральскаго атамана, можетъ еще живо говорить уму и воображенію, несомнѣнно связано не съ этой внѣшней драматической стороной, какъ бы она ни была романтична. Возбуждаетъ вообще ошеломленную впечатлительность тотъ ореолъ массовыхъ сказаній, легендъ, который всюду сопровождалъ Лбова и, какъ къ непостижимому фокусу, отражался къ нему отовсюду, ото всѣхъ слоевъ населенія. Народныя массы группировали около имени извѣстнаго экспропріатора свои не буденныя, не скучныя мысли, съ явнымъ сочувствіемъ

слѣдили за его подвигами, и, какъ свидѣтельствуютъ, легендарная неуловимость Лбова отчасти связана именно съ этимъ массовымъ сочувствіемъ.

Этотъ подлинный *фактъ* особенно замѣчателенъ въ виду очевиднаго и скоротечнаго крушенія анархическихъ и максималистскихъ *теорій*, оправдывающихъ или рекомендующихъ практику, которой пользовался уральскій предводитель вольницы. Интеллигентская наспѣхъ приготовленная „теорія", какъ извѣстно, быстро истощилась, оставивъ своимъ послѣдователямъ-интеллигентамъ въ наслѣдство либо горькое разочарованіе, либо дѣянія, съ большимъ удобствомъ обходящіяся безъ всякой теоретической одежды.

Подъ этимъ интеллигентскимъ теченіемъ теперь можно спокойно провести черту итога и подписать совершенно ничтожное число единицъ, сочувствовавшихъ ему. Это число такъ мало, исторія этого теченія такъ скоропреходяща, что ни о какомъ проникновеніи въ массы не можетъ быть и рѣчи. Максималистскія настроенія и построенія, какъ продуктъ исполинскаго напряженія всѣхъ творческихъ силъ страны въ недавнюю эпоху соціально-политической грозы, производили, пожалуй, своеобразный эффектъ. Но этотъ эффектъ коснулся лишь поверхности жизни, и здѣсь, въ интеллигентской головѣ, окончательно заглохъ... Такъ взорванные газы проводятъ черезъ спеціальные сосуды, отличающіеся только большой вмѣстимостью, гдѣ звукъ взрыва гаснетъ, не причиняя дальнѣйшихъ неудобствъ.

Но, съ другой стороны, тамъ, въ глубинѣ народной, источникѣ волны, складывалась, независимо отъ эффектовъ вверху, замѣтная струя массового сочувствія и неопредѣленныхъ симпатій къ вольницѣ, подобной той, которая оперировала на Уралѣ подъ командой Лбова. На первый взглядъ теорія вверху и практика внизу кажутся непосредственно связанными между собой явленіями. Дѣйствительность, такимъ образомъ, какъ будто, идетъ въ разрѣзъ съ только что высказаннымъ взглядомъ. Но эта же дѣйствительность наглядно внушаетъ, что не было и не могло быть путей отъ шумоукротительныхъ сосудовъ къ глубокому внутреннему процессу въ массовой средѣ. Независимость одного факта отъ другого слишкомъ бросается въ глаза. И вопросительный знакъ, слѣдовательно, стоитъ не надъ способами проникновенія неудачливой идеологической системы въ народную жизнь, а надъ причинами различія въ судьбѣ двухъ внѣшне схожихъ явленій: тактики, выведенной по пунктамъ и цитатамъ изъ теоретической програмы, и практики, сложившейся, повидимому, изъ безсознательныхъ, но властныхъ порывовъ темной массовой души. Первой суждено было быстро истощиться въ борьбѣ съ брезгливымъ,—въ лучшемъ случаѣ, удивленнымъ,—равнодушіемъ, второй—вызвать сочувствіе.

Процессъ Лбова даетъ кое-какой матеріалъ для изученія этого факта и заслуживаетъ вниманія именно съ этой стороны, тайны его успѣха и вліянія на окружающія массы.

II.

Сотрудникъ „Вятской Рѣчи“ г. Кій такъ описываетъ Лбова: „Тонкій конспираторъ, человѣкъ малаго развитія, достаточно честолюбивый, но съ желѣзной волей, съ громаднымъ организаторскимъ талантомъ—Лбовъ больше года подвизался на Уралѣ, предводительствуя „лѣсными братьями“... Среди „лѣсныхъ братьевъ“ онъ ввелъ желѣзную дисциплину. Его слову, приказанію подчинялись безпрекословно. Его обаяніе среди дружинниковъ было чрезвычайно велико. Самая наружность его импонировала. Высокій, черный, съ красивымъ, энергичнымъ лицомъ, съ черными, глубоко сидящими, подернутыми дымкой задумчивости глазами, съ повелительной фигурой —Лбовъ выглядитъ настоящимъ атаманомъ и производитъ неотразимое впечатлѣніе. Пишущему эти строки пришлось видѣть Лбова на судѣ. Подъ его взглядомъ трудно устоять. Когда онъ смотритъ на васъ исподлобья—его взглядъ нервируетъ васъ, вы стараетесь скорѣе отвести глаза въ сторону, невольно подчиняясь какому-то безотчетному чувству неловкости“.

Судебный отчетъ въ той же газетѣ точно также отмѣчаетъ характерную черту во внѣшнемъ обликѣ Лбова: „По наружности и по поведенію на судѣ обвиняемый производитъ впечатлѣніе малообразованнаго человѣка— настроеннаго протестующе“.

Передъ нами, такимъ образомъ, сразу встаетъ эта фигура прирожденнаго главаря, въ которой бросаются въ глаза двѣ замѣчательныхъ особенности,—„человѣкъ малаго развитія“, человѣкъ „настроенный протестующе“. Если однѣ черты объясняютъ личное обаяніе Лбова, какъ начальника и вдохновителя на удалые набѣги, то послѣднія двѣ прочно связываютъ его думы и переживанія съ настроеніемъ не только непосредственно подчиненныхъ, но и значительной массы окружающихъ. Это тѣмъ болѣе ясно, что ближайшая эволюція во взглядахъ Лбова является вмѣстѣ съ тѣмъ и типичной, массовой.

Въ 1905 омъ году онъ, самъ бывшій мотовилихинскій рабочій,—выдвинулся изъ среды рабочихъ, какъ лучшій митинговый ораторъ. Тогда онъ, по своимъ взглядамъ, принадлежалъ къ соціалдемократической партіи. Въ декабрѣ того же 1905 года онъ принималъ участіе въ баррикадной борьбѣ во время вооруженнаго возстанія на Мотовилихинскомъ заводѣ,— послѣ чего принужденъ былъ скрываться. Затѣмъ его взгляды принимаютъ „болѣе крайнее“ направленіе, и Лбовъ становится во главѣ экспропріаторскихъ дружинъ на Уралѣ.

Это въ сущности путь, аналогичный тому, который продѣланъ за тотъ же періодъ времени оппозиціонной частью общества. Одна и та же смѣна настроеній (ибо гораздо вѣрнѣе будетъ говорить не о взглядахъ и направленіяхъ въ этой эволюціи, а о чисто психологическихъ видоизмѣненіяхъ общественнаго протеста) характерна и въ схематической картинѣ общественной жизни и въ полной яркихъ красокъ жизни самого Лбова. Сначала его про-

тестующее настроеніе само собой, непроизвольно отливается въ соціалдемократическую форму, которая въ свое время неожиданно овладѣла самыми разнообразными настроеніями и переживаніями. Затѣмъ, неустойчивая, но сильно потрясенная мысль быстро прошла этапъ за этапомъ, безпомощно истощаясь въ поискахъ „самыхъ крайнихъ" выводовъ и практическихъ средствъ.

Анархическая тенденція явилась въ исторіи нашей общественности не потому, что ея пріемы являются дѣйствительно самымъ радикальнымъ средствомъ въ соціально-политической борьбѣ, не потому, что прочія средства обнаружили свою негодность, и, такъ сказать, „бремя побѣды" само собою легло на плечи анархіи, максимализма и пр. теченій въ этомъ же родѣ. Напротивъ, прежде всего и нагляднѣе всего обнаружилось крушеніе именно анархистскихъ идей и методовъ. „Русская революція не только не была реваншемъ анархизма, но, напротивъ, прямо является *исторической ликвидаціей анархизма*",—этотъ безспорный фактъ ясно отмѣченъ еще въ 1906 году [1]).

Но въ то время, какъ интеллигентскій анархизмъ во всѣхъ его видахъ идеологически развивался у насъ отъ чрезмѣрности пылкихъ надеждъ и упованій и былъ занятъ только придумываніемъ магическаго средства, способнаго сразу переселить насъ въ міръ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, — анархизмъ внизу, въ массахъ, взвалилъ на себя „бремя пораженія". Его распространеніе здѣсь явилось несомнѣннымъ результатомъ побѣды реакціи, а никакъ не проникновенія анархистскихъ идей сверху. И въ этомъ заключается крупнѣйшее различіе между характеромъ и судьбами анархизма въ интеллигентскихъ кругахъ и въ рабочей средѣ.

Время пораженія даетъ здѣсь особую форму неорганизованной спайки, когда боль каждаго вызываетъ у всѣхъ одинъ и тотъ же стонъ, одно и то же настроеніе создаетъ, такимъ образомъ, почву для взаимнаго содѣйствія. Это не фундаментъ для мало-мальски прочной организаціи угнетенныхъ, — тутъ дѣйствуетъ пока лишь эгоизмъ собственныхъ страданій. И только въ связи съ укрѣпленіемъ классоваго самосознанія, въ связи съ упрочившимися культурными навыками организованной жизни появляется неумирающій ростокъ единенія.

Нынѣшніе успѣхи анархизма въ рабочей средѣ,—а объ этомъ говорятъ люди, близко стоящіе къ ней,—объясняются этимъ разъединяющимъ вліяніемъ ранъ, полученныхъ въ недавней борьбѣ. Анархизмъ соединяетъ не страждущихъ и угнетенныхъ, онъ соединяетъ только страданія. Онъ оставляетъ протестующихъ и безсильно злобствующихъ —каждаго со своимъ бременемъ, со своимъ слабымъ протестомъ, но зато даетъ каждому крику

1) Р. Люксембургъ. Всеобщая забастовка и нѣмецкая соціалдемократія. Стр. 4.

страданія мѣсто въ своемъ хорѣ воплей и стоновъ. И въ этотъ хоръ разбитыхъ пораженіемъ становятся многіе.

Лбовъ, утверждаетъ мѣстный наблюдатель г. Кій, „явился только типичнымъ выразителемъ настроенія части уральскихъ рабочихъ. Въ рабочемъ движеніи на Уралѣ, какъ раньше, такъ и теперь, вообще элементъ стихійности преобладаетъ надъ сознательностью. Въ то же время рабочее движеніе на Уралѣ всегда росло и выдѣлялось своими анархическими тенденціями, для которыхъ тамъ существуетъ богатѣйшая почва. Событія послѣдняго времени, а особенно реакціонная волна, закрывшая всѣ клапаны для проявленія инниціативы и самодѣятельности рабочихъ, еще болѣе усилили этотъ ростъ анархическихъ тенденцій“.

Мы видимъ, что среда, вскормившая и выдвинувшая Лбова, не могла не высказывать ему сочувствія. Она по праву считала его своимъ по духу и плоти. Онъ весь былъ ей близокъ и, главное, понятенъ. Ореолъ, созданный вокругъ имени уральскаго атамана, — это былъ ореолъ изъ горя и страданій каждаго изъ задавленныхъ жизнью и общественнымъ строемъ рабочихъ.

Лбовъ несомнѣнно чувствовалъ эти нити, связывавшія его съ населеніемъ, и его непоколебимая увѣренность, что онъ боролся, и боролся за „правое дѣло“, питалась, конечно, такимъ отношеніемъ къ нему массъ. Онъ былъ „настроенъ протестующе“ и имѣлъ достаточно силъ, чтобы своимъ настроеніемъ заразить своихъ дружинниковъ, слѣпо повиновавшихся ему. Но нѣтъ никакихъ признаковъ, даже слабаго намека на то, чтобъ обаяніе его личности, чтобы сила его властной натуры и протеста могла поднять и повести за собою рабочую массу. Дальше пассивнаго сочувствія, которое иногда, можетъ быть, переходило въ укрывательство, дальше молчаливаго любованія своимъ героемъ отношеніе массъ не шло.

Анархическая спайка разрушалась, дойдя до предѣльнаго эффекта своего дѣйствія. Въ лучшемъ случаѣ „дружина хоробрая“ удалыхъ добрыхъ молодцовъ — этимъ и ограничивался кругъ общественныхъ воздѣйствій анархической личности. Анархическая тенденція оказывается безсильной создавать даже время отъ времени такой мгновенный соціальный „институтъ“, какъ взаимодѣйствіе героя и толпы. Вся типичная исторія похожденій Лбова показываетъ полнѣйшее отсутствіе этого хоть и кратковременнаго, но, видимо, чрезвычайно цѣльнаго явленія, когда всѣ чувства, всѣ мысли сливаются въ одно слово, одинъ жестъ, одно захватывающее всѣхъ дѣйствіе.

Это обстоятельство тѣмъ болѣе поучительно, что, повторяемъ, коренная связь между мѣстнымъ населеніемъ и его героемъ является подлиннымъ фактомъ. Движеніе солидарности, такимъ образомъ, прекращалось какъ разъ тамъ, гдѣ должны были бы выступить не личныя переживанія и настроенія въ обособленномъ видѣ, не личная боль, а организованность, хотя бы организованность тѣхъ же чисто субъективныхъ настроеній, какъ въ явленіи „героя и толпы“. Всѣ данныя были на лицо для такого эф-

фекта: и несомнѣнно героическая личность, увлекшая мечты и помыслы толпы, и несомнѣнная толпа, малокультурная и забитая, искони одушевленная главнымъ образомъ стихійными чувствами, стихійными порывами (напомнимъ приведенную выше характеристику части уральской рабочей среды и ея историческаго движенія). Однако, ничего подобнаго не произошло.

Остается, правда, ссылка на неподходящій — всемогущій въ такихъ случаяхъ — „моментъ". Но что это такое моментъ? Это и есть замѣтная анархическая струя въ народныхъ низахъ, это — успѣхи анархизма среди разбитыхъ, истрадавшихся людей, это — „малое развитіе" и безсильный протестъ вспарившей было души, но такъ и не выпрямленной подъ новымъ напоромъ ожесточенной реакціи.

Это—„простонародный" анархизмъ, который въ отличіе отъ накрашеннаго и расцвѣченнаго революціонной фразой, не знаетъ ни громкаго слова, ни широкаго жеста. Онъ весь въ угрюмыхъ „будничныхъ" заботахъ, его „выступленія" не поднимаются выше субъективной мести и личнаго озлобленія,— поэтому-то онъ, можетъ быть, такъ легко сливается съ сѣрой уголовной хроникой грабежей и убійствъ.

Анархизмъ „простонародный" откровенно скуденъ, откровенно безплоденъ. Безцѣльно разрушая какія бы то ни было общественныя группировки, онъ оставляетъ нетронутымъ только право каждаго быть несчастнымъ по-своему. Въ этомъ же его право на существованіе. Легендарная слава и трагическая судьба его героевъ, погибающихъ въ той же атмосферѣ одинокаго протеста, въ какой начали свое поприще, съ естественной неизбѣжностью вытекаетъ изъ всего строя этой общественной психологіи.

III.

Рѣзко замѣтной чертой даже въ наружности Лбова было, какъ мы видѣли, протестующее настроеніе. Во имя чего протестовалъ онъ? Была ли у него опредѣленная задача?

Въ сущности, это не такъ важно—подвести взгляды главаря вольницы подъ опредѣленную общественно-политическую систему и дать имъ какое-нибудь изъ существующихъ партійныхъ или групповыхъ названій. Можетъ быть, онъ всталъ во главѣ уральскихъ дружинъ въ качествѣ соціалиста-революціонера-максималиста, можетъ быть, онъ числился въ анархистахъ-коммунистахъ, или какъ тамъ еще назывался. Это не измѣняетъ ни того симптоматическаго значенія, какое Лбовъ имѣетъ, ни существа той общественной эволюціи, которая привела его къ кочевой жизни и удалымъ набѣгамъ,—какъ если бы онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Быстрая смѣна политическихъ взглядовъ его, начиная съ 1905 года, въ связи съ „малымъ развитіемъ", сама по себѣ исключаетъ возможность ясной и опредѣленной системы убѣжденій. Привести ихъ въ понятный по-

рядокъ было бы, вѣроятно, дѣломъ невозможнымъ даже въ случаѣ наличности всѣхъ средствъ къ такому выясненію.

Его, очевидно, бурно бродящая мысль безсознательно служила цѣлямъ властной натуры и неугомонно бунтующаго духа. Ничѣмъ не сдерживаемая—она быстро освобождала Лбова отъ путъ строгаго идейнаго развитія, чтобы тѣмъ рѣзче, острѣе,—но не яснѣе,—обнажить протестующее настроеніе. Въ концѣ концовъ получился стремительный, безпрерывный потокъ бунтующихъ импульсовъ, неопредѣленно направленный на пользу народа. Такъ думалъ о своей дѣятельности самъ Лбовъ.

Во время перерыва въ судебномъ засѣданіи кто то предложилъ ему вопросъ: боитесь ли вы смерти? „Лбовъ, нервно усмѣхнувшись, выразилъ удивленіе и спросилъ: „Какъ это бояться смерти? Развѣ можетъ бояться смерти тотъ, кто погибаетъ за правое дѣло? Я самъ на себя петлю надѣну безъ страха". Очевидно, тѣ дѣла, за которыя онъ попалъ на скамью подсудимыхъ — для него настолько безспорны, что у него не возникаетъ даже никакого сомнѣнія въ своей правотѣ. Онъ непоколебимо вѣритъ, что работалъ яко бы на пользу трудящихся и шелъ правильнымъ путемъ для достиженія этой цѣли. О своей работѣ на пользу трудящихся онъ говорилъ все время, указывая, что ранѣе онъ много работалъ и даже организовалъ сельско-хозяйственныя общества и школы при нихъ въ деревнѣ" [1]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы оцѣнить, поскольку „правое дѣло", какъ положительная задача уральской вольницы, могло служить къ укрѣпленію симпатіи и сочувствія между массами и ихъ героемъ. Нельзя однако не признать, что, если эта задача и накладывала отпечатокъ взаимнаго довѣрія на отношенія героя и толпы, то важнѣйшее содержаніе этихъ отношеній опредѣлялось не ею. Культъ личности, совершенно родственной по несложности ея настроенія и слишкомъ понятной въ ея разрушительной работѣ, — вотъ важнѣйшій элементъ сближенія, мыслимый въ средѣ анархизма простонароднаго. Все прочее только не отпугивало и устраняло подозрительность.

Точно также трудно сказать, поскольку „правое дѣло" осмысливало въ глазахъ самого Лбова его дѣянія. Давало ли ему это сознаніе удовлетвореніе въ скитальческой, звѣриной жизни? „Я думалъ еще поработать годика два, а потомъ и на отдыхъ",—говорилъ онъ,—„нервы поистрепались сильно". И опять таки можно усумниться въ силѣ и значеніи положительнаго идеала, рисовавшагося Лбову, для его повседневной работы.

Человѣкъ громаднаго самообладанія, онъ выслушалъ безъ всякихъ признаковъ волненія свой смертный приговоръ и, послѣ произнесенія его, все время безпокоился объ арестованномъ вмѣстѣ съ нимъ въ Нолинскѣ Мышкинѣ, указывая на его непричастнось къ дѣлу. И, однако, былъ такой моментъ, когда этотъ сильный духъ дрогнулъ, и дрогнулъ, выдавъ головой

[1]) „Вятская Рѣчь" отъ 27 апрѣля,

не свою незаурядную силу, а свою идею, свое „правое дѣло". Раньше, чѣмъ коснуться этого момента, мы хотѣли бы еще разъ подчеркнуть, что герой вольницы обладалъ подлинной властью надъ страхомъ смерти и преодолѣвалъ его своей желѣзной волей. Вотъ описаніе его казни со словъ очевидцевъ.

„Въ первомъ часу ночи въ камеру Лбова вошло нѣсколько человѣкъ солдатъ Котельническаго баталіона. Увидя ихъ, Лбовъ поблѣднѣлъ и глухо произнесъ:

— „Значитъ уже... готово?... Значитъ конецъ?"...

Вскорѣ его вывели изъ камеры на дворъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими конвойными усадили въ карету. Карета со всѣхъ сторонъ была оцѣплена драгунами. Передаютъ, что Лбовъ сначала очень волновался, но потомъ понемногу успокоился и на мѣсто казни прибылъ совершенно спокойный, какъ человѣкъ покорившійся неизбѣжности...

Казнь произошла въ тюремной оградѣ. Лбова высадили изъ кареты и подвели къ роковому мѣсту. На вопросъ священника — не желаетъ ли осужденный передъ смертью исповѣдаться, Лбовъ отвѣтилъ отрицательно, заявивъ, что онъ *чувствуетъ себя правымъ* (курсивъ нашъ I. Л.) и исповѣдываться ему не въ чемъ...

Когда на Лбова хотѣли надѣть саванъ, онъ рѣзко произнесъ:

— „Ужъ если давить, — такъ хотя бы такъ просто и давили, а то еще какой-то мѣшокъ тутъ!"...

„И савана не надѣли"... (Вятская Рѣчь").

И наряду съ этимъ совершенно опредѣленнымъ свидѣтельствомъ своей власти надъ самыми ужасными минутами въ жизни человѣка, Лбовъ далъ и свидѣтельство слабости своей якобы руководящей идеи. Сейчасъ же послѣ прочтенія приговора, защитникъ спросилъ Лбова, не пожелаетъ ли онъ подать прошеніе о помилованіи на Высочайшее Имя, — „Ал. Лбовъ, немного поколебавшись и густо покраснѣвъ, махнулъ рукой. Раздалась команда и, окруженный конвоемъ, гремя кандалами, осужденный направился въ тюрьму. Обернувшись на пути въ залѣ онъ спросилъ все-таки защитника, видимо колеблясь: „Какъ же насчетъ прошенія?" Но конвой повелъ его дальше и не далъ ему договорить". („Вятская рѣчь"). На слѣдующій день Лбовъ обратился къ администраціи съ просьбой послать отъ него на имя Государыни Императрицы слѣдующую телеграмму: „По поводу дня Вашего Тезоименитства прошу даровать мнѣ жизнь. *Извѣстный разбойникъ* Александръ Лбовъ".

Мы не будемъ касаться той душевной драмы, которая привела Лбова къ подчеркнутой нами подписи. Была ли она неискренняя или на моментъ Лбовъ дѣйствительно усумнился въ правотѣ своего дѣла и вправду счелъ себя только разбойникомъ (во время самой казни, какъ мы знаемъ, онъ снова утвердилъ свое „правое дѣло"),—эта подпись даетъ нѣкоторое право думать, что идейные мотивы его „работы" не были властными и во всякомъ случаѣ не могли итти въ сравненіе съ импульсами протестую-

щаго настроенія. Въ то время, какъ послѣднее никогда не ослабѣвало и не измѣняло Лбову, идейный свѣточъ, очевидно, не служилъ столь же надежнымъ маякомъ. Онъ погасъ совершенно, можетъ быть, только въ эту исключительную минуту ожиданія казни, но въ связи со всѣмъ тѣмъ, что извѣстно о Лбовѣ, это отреченіе отъ якобы руководящей идеи не является неожиданнымъ.

Анархизмъ простонародный не стоитъ за содержаніе своего сознанія. Напротивъ его появленію способствуетъ именно расшатанность выведенной изъ равновѣсія мысли и неустойчивость въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Съ другой же стороны, его вліяніе на окружающихъ и распространеніе въ массахъ идетъ совсѣмъ не идеологическими путями. Оно обусловлено такимъ состояніемъ массоваго сознанія, когда каждый самостоятельно воспроизводитъ картину анархизма простонароднаго. Ни внушеніе, ни идеологическая зараза не имѣютъ значенія въ той связи и взаимномъ сочувствіи, какія установились, напримѣръ, между Лбовымъ и его дружиной, съ одной стороны, и мѣстнымъ населеніемъ, съ другой. Нельзя сомнѣваться, что за цѣлый годъ своей экспропріаторской дѣятельности Лбовъ не потратилъ ни одной минуты на пропаганду своихъ новыхъ „самыхъ крайнихъ" идей. Да это было бы и совсѣмъ лишнимъ. Ибо сознаніе реагируетъ теперь не на слова и системы, а на разрушительныя дѣла, крики мести, движенія злобы, какъ бы безыдейны послѣднія ни были.

Нѣтъ ни пророковъ, ни адептовъ, ни евангелія. Все это имѣется въ изобиліи наверху, въ анархизмѣ культивированномъ, гдѣ каждый говоритъ не отъ себя, а является посланцемъ еще болѣе высшаго. Наверху роскошествуютъ ссылками и цитатами, искушаютъ мысль, вербуютъ учениковъ, и обычная уголовная практика подвергается предварительному освященію. У всѣхъ, вѣроятно, въ памяти не столь давній процессъ анархистовъ, среди участниковъ котораго фигурировалъ, между прочимъ, и нетронутый деревенскій парень, „идейно" совращенный и увлеченный въ кучу уголовной грязи.

Внизу не за чѣмъ подготовлять сознаніе и подвергать его предварительной обработкѣ и обогащенію новыми идеями и взглядами. Разрушительная практика застаетъ здѣсь ужъ такое состояніе души и ума, которое само по себѣ воспріимчиво къ актамъ дезорганизаціи. Результатъ получается, такимъ образомъ, одинъ и тотъ же и въ идеологической лабораторіи и въ темной средѣ житейской нужды. Но тамъ приводятъ неискушенное сознаніе въ „боевую" готовность, расшатавъ его дѣйствіемъ „крѣпкихъ" идей и овладѣвая разбитой мыслью, якобы обогащенной новымъ содержаніемъ. Здѣсь, въ анархизмѣ простонародномъ, малокультурное сознаніе уже разбито тяжкой борьбой и тяжкими пораженіями, притомъ безъ всякой иллюзіи относительно того, что оно вышло изъ пораженія съ новыми идейными богатствами. Слишкомъ ясно и слишкомъ просто здѣсь выставляется на видъ полнѣйшее истощеніе идейныхъ источниковъ, оскудѣніе добытыхъ культурою средствъ на планомѣрную дѣятельность.

Время пораженія, съ особенной силой придавившее малосознательныя головы, механически сдѣлало ту самую работу, надъ которой съ такимъ идеологическимъ ухищреніемъ трудились взявшіе на себя бремя побѣды.

IV.

Самымъ любопытнымъ обстоятельствомъ въ виду такого очевиднаго идейнаго безсилія является чрезвычайно сильное чувство — мы чуть было не сказали—партійныхъ обязанностей, если бы это понятіе имѣло какой-нибудь смыслъ въ анархизмѣ простонародномъ. Въ показаніяхъ и частныхъ разговорахъ Лбова на судѣ красной нитью проходитъ это сознаніе, что есть извѣстныя и строго опредѣленныя правила чести и долга въ его „дѣлѣ", что его „работа" требуетъ точнаго исполненія нѣкотораго неписаннаго устава.

Нѣсколько неопредѣленное въ частностяхъ, но очень характерное въ общемъ впечатлѣніе даетъ этотъ уставъ, какъ онъ выясняется изъ замѣчаній и отвѣтовъ Лбова.

На показанія стражника Н., схватившаго Лбова послѣ долгой и упорной борьбы, обвиняемый замѣчаетъ:

— „Я могу сказать только одно, что три раза я не могъ промѣтить въ стражника Н. Я хорошій стрѣлокъ и попадать въ цѣль умѣю.

Предс. суда. У васъ, вѣдь, револьверъ былъ не въ порядкѣ — вотъ въ чемъ дѣло.

Обвиняемый. Въ этомъ ужъ я не виноватъ. Это ужъ механизмъ такъ дѣйствуетъ. А мое правило такое: стрѣлять такъ стрѣлять, а то не стоитъ" („Вят. Рѣчь", 25 апр.).

„*Предс. суда.* Подсудимый Лбовъ, вы слышали показанія ряда свидѣтелей: одна группа ихъ установляетъ, что вы Лбовъ, другая, что вы первый стрѣляли въ стражниковъ. Считаете-ли вы нужнымъ еще допросить о чемъ-нибудь свидѣтелей?

Обвиняемый. Я желаю, чтобы былъ допрошенъ тотъ свидѣтель, который говорилъ, что я по дорогѣ заряжалъ револьверъ.

Предс. суда. Это не имѣетъ для васъ значенія.

Обвиняемый. Нѣтъ—это можетъ отразиться на Мышкинѣ.

Предс. суда. Какъ можетъ отразиться?

Обвиняемый. Здѣсь показывали, что я заряжалъ револьверъ вмѣстѣ съ Мышкинымъ. Его могутъ привлечь. Онъ не зналъ даже, что у меня было оружіе. Револьверъ мой былъ заряженъ. Онъ у меня всегда заряженъ, потому что я былъ честный воинъ.

Предс. суда. Почему вы считаете себя воиномъ, подсудимый?

Обвиняемый. Потому что я воевалъ.

Предс. суда. А почему вы честный воинъ?

Обвиняемый. Потому, что я безъ бою не сдалъ оружія и никогда не сдамъ" („Вят. Р.", 24 апр.).

Эту же мысль онъ не упускаетъ выставить на первый планъ и въ частныхъ бесѣдахъ. „Когда Лбова спросили, зачѣмъ онъ не пошелъ въ Нолинскѣ въ полицію, предпочтя убійство стражника, между тѣмъ какъ у него былъ паспортъ, и онъ во всякомъ случаѣ рисковалъ тогда, можетъ быть, только штрафомъ за неразрѣшенное ношеніе оружія, онъ отвѣчалъ совершенно серьезно и волнуясь:

— Я, вѣдь, не какъ Стессель. У насъ оружія безъ бою не сдаютъ! У насъ такое правило — борись до послѣдней капли крови, а оружіе не отдавай! Я былъ храбрый воинъ!" („Вят. Р.", 27 апр.).

Господствующая въ настроеніи Лбова мысль, что онъ со своей вольницей воевалъ, былъ воюющей стороной,—и не такой, какъ Стессель,— что онъ самъ воинъ, является, на нашъ взглядъ, чрезвычайно важной для уразумѣнія позиціи анархизма простонароднаго. Въ этомъ упорно повторяемомъ заявленіи мы получаемъ ключъ къ тому, что держало атамана и его вольницу въ неослабномъ напряженіи всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ столь долгое время, что удерживало ихъ отъ дальнѣйшаго паденія въ „самое крайнее" положеніе, на соціальное дно.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ далеки они были отъ однороднаго смѣшенія съ окончательно выброшенными за бортъ общественной жизни? Развѣ ихъ дѣянія такъ сильно отличаются отъ буйныхъ эксцессовъ разгулявшейся черни? Однако, гдѣ-то былъ тотъ предѣлъ, за которымъ кончалась работа анархизма простонароднаго, исчезалъ атаманъ, вольная организація дружины и то смутное психологическое состояніе, которое мы назвали анархизмомъ простонароднымъ. Дальше начинался самый обычный грабежъ и убійства, которыя сами собой связывались съ преступной личностью, темной средой, еще дальше съ основами общественнаго строя, но менѣе всего — съ широкимъ общественнымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, съ общественно-политической исторіей страны.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что многочисленныя экспропріаціи, не только инспирированныя сверху, съ идейныхъ вершинъ, но и зародившіяся внизу, какъ бы своекорыстны они ни были, слишкомъ нуждались въ той пуповинѣ, которая ихъ связывала бы съ историческими событіями. Это обстоятельство слишкомъ извѣстно даже и сыщикамъ, которымъ удавались повсемѣстныя провокаціонныя упражненія, на почвѣ самой слабой связи экспропріацій съ революціоннымъ настроеніемъ. Успѣхъ такого рода „выступленій",—не только въ смыслѣ ихъ распространенности, но и въ смыслѣ матеріальной удачи,—слѣдовательно, былъ обусловленъ въ значительной степени особымъ „духомъ" участниковъ. Судебные процессы надъ экспропріаторами раскрыли въ этомъ отношеніи любопытную и знаменательную картину. Во всѣхъ этихъ крупныхъ и малыхъ дѣлахъ слѣпые и самоотверженные исполнители были использованы совсѣмъ не въ качествѣ профессіоналовъ-грабителей. Для этого большинство изъ нихъ и не годилось. Помимо денежнаго идеала въ нихъ пробуждали,—а это очень легко было сдѣлать съ

безработнымъ, голоднымъ людомъ,—чувство отчужденности и вражды ко всему, что такъ или иначе устроилось въ существующей обстановкѣ.

Воюющая сторона сама собой рождалась изъ этого „духа". Кому или чему объявлена война? Выступилъ ли, напримѣръ, Лбовъ войной противъ владѣній, или государства вообще, или противъ частной собственности? Мы не знаемъ мало-мальски опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, точно такъ же, какъ не знаемъ подъ какимъ знаменемъ и во имя чего онъ воевалъ. То, что извѣстно и что представляетъ для насъ сейчасъ важность, говоритъ, во всякомъ случаѣ объ его искренней, никогда не забываемой имъ позиціи воюющей стороны. Это—отчужденность, заставившая его построить свой маленькій обособленный кочующій лагерь, это—протестующее настроеніе, доведенное до открытаго разрыва всѣхъ формъ мирнаго проживанія.

Эта позиція тѣмъ болѣе существенна, что для той массы, среди которой жилъ и подвизался Лбовъ, массы дезорганизованной и озлобленной непомѣрной эксплоатаціей капитала и репрессіями мѣстныхъ властей съ ихъ ингушами и прочимъ наемнымъ воинствомъ, — для нея понятно и важно только это раздѣленіе на два лагеря. Что ей скажетъ сейчасъ, въ настоящую минуту, слово о сложной общественно-политической борьбѣ, о сложномъ сплетеніи общественныхъ интересовъ, классовомъ раздѣленіи, когда каждый изъ этой массы настолько придавленъ, что не имѣетъ возможности оглянуться на другихъ и живетъ своей собственной болью? Въ этомъ положеніи ясность и внутренность на сторонѣ нагляднаго расположенія: стоящіе здѣсь—враги, скрывающіеся тамъ, поправшіе всѣ законы,—друзья.

Вотъ и вся ихъ программа. Стоитъ только перейти демаркаціонную линію и смѣнить волчью отчужденность и злобу на мирное преуспѣяніе хотя бы въ тѣхъ же грабительскихъ дѣлахъ, и ореолъ легенды и увлеченій сейчасъ же исчезаетъ. Вполнѣ возможно и даже наиболѣе вѣроятно, что стихійно живущая масса Урала, такъ сочувствовавшая Лбову, весьма мало заботилась о томъ, куда и на что идутъ деньги, добываемыя вольницей. Не все ли равно, тратитъ ли ихъ атаманъ на себя, или даетъ имъ какое-нибудь таинственное употребленіе? Важно, что онъ еще безпокоитъ всѣхъ, мирно устроившихся, что онъ еще за пограничной чертой и чуждъ этому міру эксплоатаціи и гнета.

Помнится, мы встрѣчали такое „идейное" обоснованіе экспропріацій, будто онѣ должны разрушить въ массахъ уваженіе къ праву частной собственности. Ужасающая по своей нелѣпости и кровавымъ жертвамъ практика показала, что „идея" въ ней такъ безслѣдно исчезаетъ, что не только массы, но и сами участники не видятъ здѣсь никакого права, а только чужое имущество. Анархизмъ простонародный не знаетъ никакихъ „поучительныхъ" идей. Та массовая психологія сочувствія удалымъ добрымъ молодцамъ, которую мы выше пытались намѣтить, бережетъ свои корни и вырастаетъ не путемъ индуктивныхъ наблюденій надъ „опытами" хотя бы

Лбова. Если бы одному изъ его темныхъ почитателей задать вопросъ, кто онъ такой, эта почитаемая личность, мы бы, навѣрное, услышали отвѣтъ:

— Знаменитый разбойникъ, грабитель.

Никакихъ слѣдовъ перемѣны взглядовъ на то, что воровство есть воровство, грабежъ есть грабежъ, мы не нашли бы. Ибо массовое мышленіе меньше всего склонно къ парадоксальной терминологіи, какъ бы это выгодно для массъ ни было.

Но за то центръ тяжести въ отношеніи массъ къ своему, поправшему законы, герою и лежитъ совсѣмъ не въ этой области. Безсознательно цѣнится протестъ, выброшенный боевой значекъ, что бы на этомъ значкѣ ни было написано. И опять-таки изъ этой оцѣнки никакого поученія не извлекается. Развѣ можно научиться такой отчужденной злобѣ, протестующему настроенію? Съ этой стороны Лбовъ и другіе, явно ушедшіе изъ-подъ успокоительной сѣни куда глаза глядятъ, стоятъ ничуть не выше притаившейся массы и ничѣмъ не отличаются отъ нея. Сочувствующіе совсѣмъ не учились у Лбова, настолько не учились, что его громкія похожденія, какъ извѣстно, не вызвали никакихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ угнетателей и угнетенныхъ. Даже никакихъ попытокъ не зарождалось примѣнить пріемы вольницы въ широкомъ масштабѣ.

Да этого ничего и не требовалось. Анархизмъ простонародный—это протестъ разбитыхъ, и въ его задачу не входитъ поднять, привести въ порядокъ потерпѣвшихъ пораженіе. Это послѣдняя стадія въ эволюціи общественныхъ, массовыхъ настроеній отъ стихійнаго подъема къ стихійному же упадку. За нимъ начинается сѣрое существованіе даже безъ такого слабаго объединенія, какое проявляется въ отборѣ общаго предмета тайныхъ мечтаній, общей темы для народнаго творчества. Онъ вспыхиваетъ то въ той, то въ другой личности самыми примитивными эксцессами протестующаго настроенія, какъ въ загорѣвшемъ кострѣ вдругъ воспламенится невѣрнымъ свѣтомъ разбитая головня.

Связь между населеніемъ и Лбовымъ съ его вольницей, такимъ образомъ,—чисто статическое состояніе послѣдней степени общественнаго сцѣпленія, какъ еще не распавшійся остатокъ былого стихійнаго объединенія. Въ процессѣ раздробленія силъ и сознанія этотъ анархизмъ чувствъ и дѣйствій служитъ вѣрнымъ признакомъ отрицательнаго процесса, соціальнаго распада. Имъ никогда не начинаютъ. Только кончаютъ.

V.

На обѣихъ граняхъ стихійно двигавшихся массъ, на вершинѣ общаго подъема и въ низахъ разстроеннаго паденія, мы видимъ проявленіе одного и того же анархистскаго чувства (мы говоримъ вообще объ анархическомъ элементѣ въ общественной психологіи, независимо отъ его партійной формы и клички, которой онъ предпочитаетъ называться). Успѣхъ такого проявленія, быстрота, съ которой анархизмъ продѣлываетъ свою эволюцію и

обнаруживаетъ всѣ свои силы, стоятъ въ обратной зависимости отъ культурнаго фундамента для этой эволюціи, отъ навыковъ массъ къ организованной жизни. Различіе въ судьбахъ анархизма вверху и анархизма внизу, различіе, надъ которымъ въ началѣ мы поставимъ знакъ вопроса, оказывается, въ сущности, различіемъ формы одной и той же судьбы.

Анархизмъ „побѣдный“, сложившійся въ эпоху наивысшаго роста стихійной волны, въ крайнемъ логическомъ развитіи всевозможныхъ своихъ развѣтвленій привелъ не только къ упадку, но и къ прямому вырожденію свои организаціи. Его успѣхъ, его „идеи“, какъ рѣдкій цвѣтокъ въ теплицѣ, могли цвѣсти лишь въ накаленной атмосферѣ крайняго напряженія общественныхъ силъ. Температура слегка понизилась, и цвѣтокъ захирѣлъ въ своей теплицѣ. Перенести его отсюда на открытый просторъ массовой жизни оказалось совершенно невозможнымъ.

Анархизмъ простонародный далъ богатые ростки только съ недавняго времени, на широкихъ поляхъ, обвѣянныхъ жестокимъ вѣтромъ реакціи. Лишенный всякаго „идейнаго“ аромата, бѣдный красками, онъ говоритъ только о пораженіи, объ упавшей волнѣ стихійности. Его судьба — та же судьба культивированнаго анархизма. Послѣдній погибаетъ на зыбкой вершинѣ стихійнаго процесса, какими бы идеологическими подпорками ни была укрѣплена эта вершина. Простонародный—знаменуетъ послѣднюю рябь на поверхности стихійной жизни, т. е. пораженіе всего несознательнаго движенія въ цѣломъ. Успѣхи простонароднаго анархизма, такимъ образомъ, равноцѣнны гибели культивированнаго.

„Историческая ликвидація анархизма“, о которой писала Р. Люксенбургъ въ 1906 году, происходитъ у насъ не только въ отношеніи такихъ формъ движенія, какъ всеобщая стачка. Здѣсь анархистовъ ликвидировали безъ нихъ, и грандіозная стачечная волна вылилась совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ которомъ, по теоріи анархистовъ, она должна была вылиться. Ликвидація произошла у насъ и въ явномъ присутствіи, съ участіемъ самихъ ликвидированныхъ, при вполнѣ законной обстановкѣ. Такъ было съ анархизмомъ, явленнымъ на культурной вершинѣ: онъ засвидѣтельствовалъ, что его слабые корни не могутъ проникнуть дальше наносной стихійной почвы въ сердцевину уже сложившейся культуры. Такъ есть и съ анархизмомъ, буйно разросшимся въ малокультурныхъ лицахъ: онъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи организованной жизни.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ едва сохраняется граница, отдѣляющая анархизмъ, какъ общественное движеніе, отъ эксцессовъ личнаго своекорыстія и уголовной преступности. Оголенный стихійнымъ движеніемъ, обостренный соціальный протестъ удерживаетъ анархизмъ отъ паденія на соціальное дно до тѣхъ поръ, пока онъ въ силахъ своими неопредѣленными импульсами создавать опредѣленное психическое настроеніе. Но многія-ли души могутъ долго питаться этой скудной пищей?

Такой незаурядный человѣкъ, какъ Лбовъ, въ состояніи еще защищать свою позицію „воина“ и отстаивать свое протестантское значеніе, хотя

почва подъ его ногами ежесекундно сползала и грозила обрывомъ. И то на долго-ли хватило бы его? Приходилось удерживаться на тонкомъ слоѣ зыбучаго песка отливающей стихійности, и только невѣрный, столь неопредѣленный признакъ, какъ тайное сочувствіе населенія, служилъ для него видимымъ знакомъ, что онъ не оборвался въ бездну. Вмѣстѣ съ угасаніемъ этого мерцающаго огонька исчезаетъ и единственная опора „праваго дѣла" вольницы.

Анархизмъ простонародный завершаетъ здѣсь кругъ своего развитія.

I. Ларскій.

БИБЛІОГРАФІЯ и КРИТИКА.

С. С. Кондурушкинъ Сирійскіе разсказы.—*Владиміръ Короленко.* Отошедшіе (объ Успенскомъ, Чернышевскомъ, Чеховѣ).—*Оскаръ Уайльдъ.* Саломея.—*Ола Гансонъ* Женщины, какихъ много.—*Шаломъ Ашъ.* Разсказы.—*Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* А. И. Герценъ.—*Евгеній Соловьевъ.* (Андреевичъ) Очерки изъ исторіи русской литературы XIX в.—*Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго.*—*І. М. Кулишеръ.* Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Зап. Европѣ т. II.—*И. Янжулъ.* Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы.—*В. Украинскій.* Крестьянская община и ограрная реформа.—*Викторъ Черновъ.* Къ вопросу о соціализаціи земли.—*Sagorsky.* Die Arbeiterfrage in der Südrussischen Landlwirtschaft.—*В. Святловскій.* Профессіональные рабочіе союзы и учрежденія ими созданныя.—*П. Засодимскій* Наслѣдіе вѣковъ.—„*Вселенная и человѣчество*".—*П. И. Ковалевскій*—Мірозданія (ест.-истор. очеркъ).—*Полное собраніе писемъ Михаила Ивановича Глинки.*

С. С. Кондурушкинъ. Сирійскіе разсказы. Рисунки Е. Лансере. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1908 г. Ц. 1 р. Впервые „Знаніе" выпускаетъ томъ художественной литературы не въ обычномъ свѣтло-зеленомъ мундирѣ и на хорошей плотной бумагѣ. Очень можетъ быть, что причиною этому было желаніе автора или уступка моднымъ вѣяніямъ въ дѣлѣ книгоиздательства. Но хотѣлось бы думать также, что это явленіе символизируетъ расширеніе задачъ и вкусовъ товарищества въ смыслѣ предоставленія своимъ сочленамъ большей писательской индивидуальности.

Разсказы С. С. Кондурушкина отчасти знакомы читателямъ „Міра Божьяго" и „Современнаго Міра", гдѣ нѣкоторые изъ нихъ разновременно печатались. Всѣ событія въ нихъ протекаютъ на сирійской возвышенности, въ окрестностяхъ Ливана и Гермона, въ Дамаскѣ и Бейрутѣ, въ горныхъ селеніяхъ и на границахъ аравійской пустыни. Сирійскіе горцы, феллахи, арабы и друзы—ихъ дѣйствующіе. Невольно чувствуется, что многое въ книгѣ почти сфотографировано наблюдательнымъ и даровитымъ авторомъ.

Разсказы занимательны, благодаря необычности описываемой среды, и читаются легко, благодаря хорошему, чистому, вполнѣ литературному языку, лишенному однако *собственнаго*, личнаго тембра. Правда, нѣкоторые изъ нихъ настолько мелки по содержанію, что хотѣлось бы найти имъ оправданіе хоть въ юморѣ, которымъ С. С. Кондурушкинъ владѣетъ въ небольшихъ размѣрахъ. Таковы: „Узналъ, узналъ" (отецъ Рашоди, заблудившись, пріѣхалъ въ свою деревню, даже въ свой домъ и узналъ ихъ только на другой день, послѣ того, какъ получилъ отъ сосѣда здоровеннаго тумака), „Англичанка" (русскій инженеръ въ поѣздѣ желѣзной дороги бранитъ вслухъ сѣвшую противъ него дѣвицу, которую считаетъ за англичанку, а она оказалась потомъ русской), „Единственная непріятность", „Акулина въ Триполи".

Въ другихъ разсказахъ, при ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, чувствуется невольно какой-то внутренній холодокъ. Слишкомъ мало въ нихъ солнца, зноя, раскаленнаго песка и камня, не хватаетъ экзотическихъ красокъ, звуковъ, фигуръ, жестовъ. Душа Востока не горитъ въ нихъ и если въ такихъ, напримѣръ, разсказахъ, какъ „Ко-ко-ко", „Горе Хэлиля" и „Два минарета" замѣнить сирійскія имена русскими, или французскими, то простодушный читатель такой перемѣны вовсе и не замѣтитъ. С. С. Кондурушкинъ хорошо знакомъ съ географіей и топографіей описываемыхъ мѣстностей, но пейзажъ ему не дается.

Отмѣтимъ въ числѣ старомодныхъ недостатковъ весьма длинныя вступленія, которыя дѣлаетъ авторъ передъ каждымъ почти разсказомъ прежде чѣмъ приступить къ сути. Также рѣжутъ глаза и вкусъ нерѣдкія обращенія автора къ читателю. Какъ курьезъ, обращаетъ на себя вниманіе описаніе Средиземнаго моря, построенное ученическимъ способомъ, по плану гоголевскаго Днѣпра.

Лучше другихъ разсказовъ — „На рубежѣ пустыни", „Шагинъ-Ходля" и „Могильщикъ" (фигура во вкусѣ русскаго унтера Пришибова). „На рубежѣ пустыни" — это сцена примиренія между бедуинскимъ племенемъ Руаля и селомъ феллаховъ — Атейбе, которые враждовали изъ-за крови. Здѣсь прекрасны фигуры пылкаго дамасскаго архимандрита Николая (абуна Нкуля) и бедуина Реада, слова котораго о вольной жизни въ пустынѣ—апоѳеозъ дикой, бѣдной, грязной, первобытной, но въ то же время безграничной и гордой свободы независимаго кочевника.

Прямо великолѣпна центральная сцена примиренія:

— Все равно, сына у тебя уже нѣтъ,—говоритъ абуна Нкуля арабской женщинѣ.—А у того, котораго убьютъ, тоже есть мать. Она будетъ страдать и плакать, какъ ты...

Абуна остановился. Послѣдніе его слова придавили женщину. Она вся опустилась, понизилась, точно ноги ея потонули въ пескѣ.

— А простишь, пріобрѣтешь себѣ вмѣсто убитаго новаго сына... Вотъ онъ будетъ тебѣ за сына,—сказалъ вдругъ абуна, протискался въ толпу и вывелъ убійцу за руку къ женщинѣ.

Онъ дѣлалъ послѣднюю ставку въ своей игрѣ и поставилъ все, что у него было.

— Вотъ, онъ убилъ твоего сына и будетъ тебѣ сыномъ вмѣсто него.

Бедуины вскочили. Послышался ропотъ, сдержанный, но злобный. Женщина замахала руками; въ глазахъ ея блеснулъ огонь негодованія. Она откачнулась назадъ, точно хищная птица, которая собирается съ послѣдними усиліями, чтобы броситься на добычу и растерзать ее.

— Проклятый!—застонала она.—Ты убилъ и ты же пришелъ къ намъ!

Но убійца уже зналъ, что нужно дѣлать. Онъ вдругъ приникъ къ высохшей груди женщины, поймалъ бородатымъ ртомъ грязный сосокъ и началъ сосать его, точно ребенокъ.

Этимъ прикосновеніемъ къ груди убійца лишилъ женщину всей злобной силы. Вѣдь такъ нѣкогда сосалъ эту же грудь младенецъ, ея прекрасный сынъ. А она въ это время прижимала его рукою къ своему сердцу... Какое томительно пріятное воспоминаніе! И вотъ теперь эту грудь сосетъ большой бородатый человѣкъ, убійца ея прекраснаго сына, ея злѣйшій врагъ! Онъ щекочетъ грудь усами и чмокаетъ смѣшно, точно ребенокъ... Нѣтъ, онъ ужъ не врагъ! Онъ сосетъ ту же грудь, которую сосалъ и ея прекрасный сынъ; онъ сталъ ей роднымъ.

Женщина громко заплакала. Многіе изъ присутствующихъ тоже прослезились. Принесли ножницы; на шею убійцѣ накинули бѣлое полотенце и шейхъ бедуиновъ постригъ ему волосы на головѣ и бороду, въ знакъ мира и радости.

Е. Лансере очень мило сдѣлалъ обложку въ сирійскомъ стилѣ, но рисунки въ текстѣ гораздо ниже изящнаго и тонкаго таланта этого художника.

А. К.

Владиміръ Короленко. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. 1908 г., Ц. 40 коп. — Три очерка, собранные въ этой книгѣ воспоминаній, встрѣтятъ, конечно, живое сочувствіе у читателей; ибо дорога память объ этихъ лицахъ и цѣнно мастерство художника, сохранившаго живые черты „отошедшихъ". Второй очеркъ— о Чернышевскомъ—долго былъ подъ запретомъ цензуры, появившись впервые въ заграничномъ изданіи, потомъ перепечатанный въ „Русск. Богат.". Очеркъ о Чеховѣ—одинъ изъ лучшихъ въ ряду многихъ другихъ воспоминаній объ Антонѣ Павловичѣ. Онъ особенно цѣненъ по передачѣ впечатлѣній о юной порѣ Чехова, котораго въ періодѣ расцвѣта дѣятельности, такъ рано прервавшейся, со столь любовнымъ вниманіемъ воспроизвелъ въ живомъ образѣ Купринъ. Воспоминанія о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ проникнуты теплымъ чувствомъ и изобилуютъ тонкими штрихами, воскрешающими образъ особенно близкаго автору писателя съ чрезвычайною конкретностью. Горячо привѣтствуя эту книжку, мы невольно лишь недоумѣваемъ—почему авторъ ограничился лишь тремя „отошедшими", почему не включены его воспоминанія о Н. К. Михайловскомъ, почему онъ не далъ очерка о Гаршинѣ, котораго былъ современникомъ и который былъ столь близокъ ему по общности настроеній?.. Но, можетъ быть, это только первый выпускъ, за которомъ послѣдуютъ другіе? Будемъ на это надѣяться. Вылившіеся подъ перомъ писателя-художника живые образы собратьевъ по перу— лучшіе, не поддающіеся разрушенію памятники, которые должны стать неизмѣнными спутниками ихъ произведеній. *Ѳ. Б.*

Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Драма въ 1-мъ д., перев. съ франц. оригинала К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой, съ предислов. К. Д. Бальмонта, рисунками Обри Бирдслея и статьей о нихъ С. Маковскаго (изд. „Пантеонъ", библіотека міровой литературы, ц. 1 р. дешев. изд. 30 к.).

Оскаръ Уайльдъ, его жизнь и литерат. дѣятельность, соч. Гальфданъ Лангаардо, перев. Мих. Кадиша, Москва, 1908 г. Ц. 40 к. „Саломея" Уайльда—это цвѣтокъ зла, распустившійся на разлагающемся, но все еще внѣшне пышномъ стволѣ Іудейскаго царства, наканунѣ полной гибели. Авторъ съ рѣдкимъ искусствомъ съумѣлъ (опираясь отчасти на произведеніе Флобера, извѣстнаго у насъ въ переводѣ И. С. Тургенева) въ одноактной трагедіи передать и непродолимую силу и весь ужасъ чувственной страсти, упивающейся смертью любимаго человѣка, и коротко, но выразительно обрисовалъ всю обстановку дѣйствія: безстыдно распутную мать, сластолюбиваго и трусливаго, при всей неудержимости своихъ чувственныхъ вожделѣній, старика, вотчима и дядю, жаждущаго обладанія своей племянницею, и неистоваго изобличителя пороковъ царской семьи, пророка-дѣвственника, Іоканаона, и безплодную схоластику спорящихъ о вѣрѣ Іудеевъ, и беззавѣтно-влюбленнаго молодого сирійца, отдающаго жизнь за любовь, и римлянъ, и варваровъ... Въ изображеніи Уайльда Саломея сама, а не по побужденію своей матери, Иродіады, требуетъ отъ Ирода головы пророка въ награду за свою пляску: она мститъ человѣку, который не захотѣлъ ея любви; она хочетъ поцѣловать его въ губы, живыя или мертвыя, и узнала, что пророкъ никогда не склонится на ея ласки. Все дѣйствіе происходитъ какъ бы во снѣ, въ кошмарномъ видѣніи, при колеблющемся сіяніи восходящей луны, сперва странной, „какъ женщина, встающая изъ могилы", мертвенно-блѣдной, потомъ окрашивающейся въ зловѣщій багряный цвѣтъ. И стиль драмы выдержанъ въ тонахъ не реальнаго дѣйствія, а именно какого-то видѣнія, въ которомъ дѣйствующія лица выражаются то краткими, отрывочными фразами, значительными по

внутреннему смыслу, то вдаются въ длинные монологи, не прерываемые никѣмъ изъ присутствующихъ, точно человѣкъ говоритъ самъ съ собой, а другіе внимаютъ признаніямъ, раскрывающимъ все сокровенное въ тайникахъ души. Этотъ стиль давалъ поводъ сближать Уайльда съ первыми драмами Метерлинка. Онъ несомнѣнно требуетъ особой экспрессіи и сосредоточеннаго вниманія даже при простомъ чтеніи, но, когда встанешь на надлежащую точку зрѣнія, особенно и захватываетъ. По цѣльности и художественной сжатости выраженія, настоящая драма Оскара Уайльда одно изъ самыхъ совершенныхъ его произведеній. Причудливыя иллюстраціи Бирдслея удачно гармонируютъ съ своеобразными пріемами письма Уайльда, содѣйствуя углубленію фантастической картины, правдивой по вѣрности изображенія и глубокому знанію человѣческой природы, въ ея чувственныхъ проявленіяхъ.

За всѣмъ тѣмъ, это все таки произведеніе „упадочной литературы", при утраченной гармоніи духа и плоти, съ перевѣсомъ похотливыхъ вожделѣній надъ запросами души и разума. Мы не совсѣмъ понимаемъ заключительную фразу въ предисловіи Бальмонта, превозносящаго свыше всякихъ похвалъ произведеніе Уайльда: „я вижу Саломею незапятнанной въ вѣкахъ, увѣнчанной всѣмъ ея дѣвическимъ луннымъ блескомъ, на горномъ срывѣ, въ холодныхъ росахъ, а у ногъ ея алые цвѣты, которые взростила не она, и вотъ она смотритъ на нихъ съ изумленіемъ". Конечно, не она взростила ту атмосферу разврата, среди которой выросла, но порожденная зломъ, она сама и остается „цвѣткомъ зла". И въ какомъ выгодномъ противоположеніи Саломеѣ представляется кроткая и нѣжная Суламиѳь, въ граненой обработкѣ талантливаго Куприна: одна въ багряномъ отблескѣ заката, предвѣстница ночного мрака, другая—въ свѣтломъ сіяніи утренней зари, эмблема близящагося яркаго дневнаго солнца.

Англійскій писатель свою драму написалъ первоначально на французскомъ языкѣ, предназначая роль Саломеи своей пріятельницѣ и великой французской артисткѣ—Сарѣ Бернаръ. Но впервые исполнена была пьеса (въ 1896 г.) въ парижскомъ театрѣ „Oeuvre", безъ участія Сары Бернаръ, а потомъ она шла на нѣмецкой сценѣ въ Берлинѣ, съ Гертрудой Эйзольдтъ въ роли Саломеи. Сара Бернаръ отказалась играть въ виду извѣстнаго процесса О. Уайльда, приговореннаго къ двухъ годамъ каторги. Этотъ процессъ былъ причиной и того, что въ Англіи, какъ объ этомъ сообщаетъ и К. Бальмонтъ, считалось неприличнымъ даже просто заговорить объ Уайльдѣ; пьесы его изъяты были изъ репертуаровъ англійскихъ театровъ, книги уничтожались издателями и книгопродавцами, а бывшій „любимецъ публики", баловень счастья, прославленный „король жизни", умеръ въ нищетѣ, подъ гнетомъ общественнаго осужденія, въ одномъ изъ глухихъ кварталовъ Парижа.

Произведенія Уайльда, конечно, не должны находиться ни въ какой зависимости отъ той или другой оцѣнки его частной жизни. Къ міровымъ геніямъ его причислить нельзя, но это одинъ изъ талантливѣйшихъ и остроумнѣйшихъ писателей, посредственный драматургъ въ своихъ комедіяхъ, все же чрезвычайно занимательныхъ по блеску діалога и обилію афоризмовъ, мастерской разсказчикъ фантастическихъ сказокъ, авторъ оригинальнаго романа и блестящій критикъ и теоретикъ искусства, глава современнаго эстетизма. А послѣ испытанныхъ имъ превратностей жизни, незадолго до смерти, имъ написана одна изъ глубочайшихъ книгъ, какія только появлялись за послѣднее время: „De profundis" (русск. перев. въ К—вѣ Грифъ, Москва, 1905 г.). Общему ознакомленію съ жизнью и дѣятельностью О. У. отвѣчаетъ книга Г. Лангаарда, только что вышедшая

въ русскомъ переводѣ. Очеркъ, довольно бѣглый, въ основныхъ очертаніяхъ вѣрный, но авторъ даже не упоминаетъ о „De profundis“. Трагическая судьба О. У., конечно, въ высокой степени интересна и даже поучительна. Въ расцвѣтѣ силъ, онъ принялъ единственнымъ руководящимъ принципомъ жизни потребности своего я и,—по собственному его выраженію, —„далъ впречь себя въ ярмо наслажденія. И конецъ былъ—ужасающій позоръ“. Англійское общество выказало не мало лицемѣрія, первоначально предоставивъ О. У. всѣ средства къ отъѣзду, во избѣжаніе скандальнаго процесса „за безнравственность“, потомъ, когда У. отказался отъ побѣга, примѣнивъ къ нему высшую мѣру наказанія, но общественное мнѣніе ограждало себя отъ вызывающаго образа дѣйствій Уайльда, самонадѣянно начавшаго процессъ съ маркизомъ Квинсбери, отцомъ его друга Альфреда Дугтано. О. Уайльдъ въ своихъ запискахъ изъ тюрьмы самъ формулировалъ наигоршее для себя осужденіе: „чѣмъ въ области мысли былъ для меня парадоксъ, тѣмъ въ области страсти стала для меня извращенность... Жизнь другихъ уже не значила для меня ничего. Я бралъ наслажденіе, когда мнѣ нравилось, и шелъ дальше“. Вотъ тутъ-то уже внѣшній, „правительственный“ судъ и людское осужденіе ничего не значатъ передъ уколами пробудившейся совѣсти. Будь кѣмъ хочешь, эстетомъ, индивидуалистомъ, будь порочнымъ, поскольку понятіе о порочности колеблется въ подвижныхъ рамкахъ опредѣленія „нормальнаго“, но не совершай насилія надъ жизнью другихъ, ибо въ отношеніяхъ человѣка къ людямъ и заключается единственное реальное основаніе нравственности.

Ѳ. Бат—овъ.

Ола Гансонъ. Женщины, какихъ много. Новеллы. Къ физіологіи современной любви. Переводъ подъ редакціей Н. Кауфмана. Книг-ство „Пропилеи“. Спб. 1908. Одинъ рубль. Для того, чтобы теперь перевести и издать книгу западно-европейскаго писателя, надо имѣть, по сравненію съ недалекимъ прошлымъ, уже нѣсколько больше увѣренности въ томъ, что не только имя, но и данная книга писателя достаточно крупны. Книга, о которой я намѣренъ сказать нѣсколько словъ, мнѣ не кажется настолько крупной. Она, пожалуй, вовсе и не относится къ области изящной литературы: по крайней мѣрѣ самъ авторъ предвидитъ замѣчаніе, что „новеллистика его является литературнымъ ублюдкомъ, помѣсью науки и искусства“ (недаромъ подзаголовокъ книги гласитъ: „къ физіологіи современной любви“). И на вопросъ: почему же эта глава изъ физіологіи носитъ беллетристическую оболочку?—книга такъ же мало сумѣетъ отвѣтить, какъ и на другой вопросъ: почему только теперь оказались нужными русскому читателю эти новеллы солиднаго, почти двадцатилѣтняго возраста?

Не хочется сразу относить эту книгу къ числу тѣхъ, что переводятся и издаются съ исключительной цѣлью—вводить въ соблазнъ покупателя и заглавіемъ своимъ, и подзаголовкомъ. И тѣмъ менѣе можно отыскать основаніе для ея появленія у насъ въ томъ, что она, повидимому, дѣйствительно не принадлежитъ къ тому роду порнографическихъ произведеній, для которыхъ все въ мірѣ окрашено „похотью“ и „грѣхомъ“. Вы ихъ знаете, читатель: если вѣтеръ прижимаетъ юбку къ колѣнямъ женщины, онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ „безстыдно“, если весною въ курахъ бродитъ хмѣль, и куры призывно ворчатъ, — онѣ дѣлаютъ это непремѣнно „безстыдно“; „безстыдны“ въ квадратѣ всѣ движенія и помыслы существа, одареннаго разумомъ и волею. За каждою строчкою *такихъ* произведеній чувствуешь напряженный взоръ человѣка, настолько же лишеннаго сдерживающихъ центровъ, какъ вѣтеръ или куры весной; видишь лицо чело-

вѣка, уже не умѣющаго смотрѣть на міръ иначе, какъ воспаленными отъ неутолимаго желанія глазами. Совсѣмъ не таковъ Ола Гансонъ: онъ остается дѣловитымъ и спокойнымъ наблюдателемъ при всякихъ обстоятельствахъ. Когда его умственному взору предносятся картины мальтузіанскихъ ласкъ его героевъ, онъ не суетится, какъ непремѣнно засуетился бы на его мѣстѣ наивный порнографъ: онъ слѣдитъ лишь за тѣмъ, чтобы отчетъ его не потерялъ связности изложенія. Когда онъ разсказываетъ о томъ, какъ нѣкій молодой музыкантъ „присосался своими эротическими органами" къ другому существу, не забываетъ дѣловито пояснить, какіе это именно органы: „наполовину тѣлесные, наполовину душевные, нѣжные органы утонченной тѣлесности и тронутыхъ чувственностью душевныхъ движеній"... Развѣ порнографъ сохранитъ въ этихъ обстоятельствахъ необходимое для такихъ quasi-научныхъ опредѣленій самообладаніе?

Если я правъ, если не въ специфическомъ характерѣ книги кроются достаточныя основанія для появленія ея въ русскомъ переводѣ, то остается взглянуть на соціальное освѣщеніе тѣхъ вопросовъ, которыми, повидимому, совершенно серьезно занятъ авторъ.

Цѣль, которую онъ поставилъ себѣ, такова: показать, какъ Ева, эта „центральная фигура" „вѣка утилитаризма и соц.-демократіи", „ставшая сначала гермафродитомъ лишь въ области сознанія, становится имъ и въ области половыхъ переживаній; такимъ образомъ создается двойственный человѣкъ съ женскими органами и мужской душой... страстное влеченіе изолируется, погашается или грубѣетъ": изолируется, какъ у героини первой новеллы, у этого „пресыщеннаго диспептика передъ полнымъ столомъ", какъ у баронессы Ковенъ („Въ дамскомъ пансіонѣ") и другихъ; погашается, какъ у Эльвиры Гоппе или (временно) у Адели Ветхеръ; грубѣетъ, какъ у Эммы Геннигъ. Попутно Ола Гансонъ иллюстрируетъ небольшую и небогатую мысль о томъ, что трижды благословенна женщина, которая сумѣла найти и полюбить предопредѣленнаго ей мужчину (г-жа А. въ новеллѣ „Три розы", Тереза—„Въ дамскомъ пансіонѣ"), и трижды несчастна та, которая не съумѣетъ или опоздаетъ это сдѣлать или та, которая не имѣетъ „права (?) любить" („Mater dolorosa M-lle Анна З.).

Я готовъ признать, что нѣкоторыя иллюстраціи удачны, что нѣкоторые портреты въ этой книгѣ достаточно выпуклы, но я совершенно не вѣрю тому, чтобы автора когда-нибудь посѣтили тѣ „минуты благословеннаго прозрѣнія", о которыхъ онъ говоритъ, и помогли ему разобраться въ причинахъ разрыва органической связи пола съ душевной жизнью. Пытаясь найти эти причины, онъ можетъ только безпомощно перечислять: „ученіе о равноправіи и равенства половъ", „общество и современность, затѣмъ внѣшнія обстоятельства и культурныя теченія", философія Милля. Въ этой неглубокой мѣшанинѣ Ола Гансонъ окончательно запутывается; запутывается тѣмъ безнадежнѣе, что пытаясь разрѣшить проблему о Евѣ, онъ знакомится съ Евой, ищетъ ее въ „старинныхъ патриціанскихъ родахъ", въ семействахъ лицъ, занимающихъ „высокіе посты", среди женщинъ „праздно сидящихъ изо дня въ день дома", „безъ возможности найти прибѣжище въ трудовой жизни". Наблюдая Еву въ этихъ кругахъ, можно въ лучшемъ случаѣ дать страницу изъ „Psychopathia sexualis" Крафтъ-Эбинга.

Ничего другого Ола Гансонъ и не даетъ. Тамъ же, гдѣ онъ зачѣмъ-то хочетъ изобразить „отрадное для моралиста" явленіе, онъ скученъ—и только.

Надѣюсь, что заключеніе, къ которому я перехожу, достаточно уже обосновано: книга переведена на русскій языкъ и вынесена на рынокъ въ

расчетѣ на того „любителя“, который отыщетъ порнографію и въ „Psychopathia sexualis“. Трудъ переводчиковъ и издателей книги встрѣтилъ бы больше признанія, еслибы они сразу обратились къ этому первоисточнику, а не раскладывали бы по прилавкамъ ту завалъ, которую они откопали заграницей. *Евг. Тарасовъ.*

Шаломъ Ашъ. Разсказы. Авториз. переводъ съ еврейскаго Анны Брумбергъ и Евг. Троповскаго. Томъ первый. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908 г. Ц. 1 руб. Помните простое и красивое вступленіе, которымъ Шаломъ Ашъ приглашаетъ читателя послѣдовать за нимъ въ своеобразный міръ его „Городка“? Онъ обѣщаетъ ему показать этотъ міръ, разсказать о его обитателяхъ, о радостяхъ и горестяхъ ихъ; онъ обѣщаетъ немного, но онъ много даетъ. А вотъ что вы прочтете на первыхъ страницахъ книги его „Разсказовъ“:

„Такъ говоритъ Богъ: обратились вы къ чуждому Богу, къ Богу небесъ, къ Богу, который васъ не знаетъ—и вашей молитвы не слышитъ. Вы пророчествовали отъ имени Бога неба, и ваши пророчества не осуществлялись, потому что они чужды были Богу земли и человѣку земли... Тебя я возвожу въ пророки Бога земли... Твое знаменіе — естественно... То, что лѣтомъ грѣетъ солнце, а осенью льетъ дождь—вотъ знаменіе твоего Бога“. Знаменіе его—„Бытіе“.

Дерзко и рѣзко отмежевываясь отъ „пророковъ Бога небесъ“, Шаломъ Ашъ опредѣленно ставитъ себя въ ряды изобразителей „бытія“ — „быта“ тожъ. Но въ этой своей книгѣ онъ, обѣщая больше, обѣщая цѣлое откровеніе Бога земли,—даетъ меньше, чѣмъ въ первой.—Этюды могутъ помочь вамъ составить представленіе о картинѣ, но картины они не могутъ замѣнить: томъ разсказовъ Шаломъ Аша мнѣ кажется собраніемъ этюдовъ для его „Городка“ (такъ же, какъ „Весенней ночью“—этюдъ для „Бога мести“). Здѣсь вы увидите тѣ же улички и переулки, тѣ же ничтожныя событія въ нихъ на фонѣ застойной, вѣчно себя повторяющей жизни; въ доброй половинѣ разсказовъ—ту же встрѣчу субботы, тѣ же праздники и будни. И все-таки (допуская, что разсказы написаны, какъ и изданы, послѣ „Городка“) отмѣчу, что и въ этой книгѣ Шаломъ Ашъ остается такимъ же тонкимъ наблюдателемъ, какимъ его знаетъ и цѣнитъ читатель. Изобразитель быта прежде всего, онъ съ одинаковымъ умѣньемъ разсказываетъ обо всемъ, что видитъ и знаетъ въ своемъ уголкѣ; тамъ, гдѣ онъ вѣренъ Богу земли, онъ простъ и богатъ, какъ земля; тамъ, гдѣ онъ измѣняетъ ему („Умирающія звѣзды“), онъ сразу становится безсильнымъ и скучнымъ; но стоитъ ему вновь коснуться земли, — и онъ вдругъ блеснетъ недюжиннымъ талантомъ юмориста („Канторъ съ пѣвчими“, „Дина“, „Женихъ“).

Съ одинаковой охотой зарисовывая каждую типичную физіономію въ Городкѣ, Шаломъ Ашъ не легко, однако, позволитъ вамъ угадать, кому онъ отдалъ бы свои симпатіи: представителю древняго уклада или „нѣмцу“ (ушедшему изъ подъ власти Городка еврею), который почти не показывается на страницахъ разсказовъ, а если и является на мгновенье, то въ нѣсколько карикатурномъ видѣ. А симпатіи придется кому нибудь отдать: вѣдь тотъ укладъ, который царитъ въ Городкѣ, прежде всего — укладъ гетто, и какъ бы ни идеализировать гетто (хотя бы въ его демократическихъ низахъ),—въ немъ все равно станетъ тѣсно и душно. Шаломъ Ашъ это знаетъ. Въ послѣднемъ разсказѣ („Наполеоновская шапка“) ломаютъ домъ, съ незапамятныхъ временъ стоявшій въ древней уличкѣ, и авторъ такъ говоритъ о чувствѣ трехъ зрителей разрушенія: „...одно чувство про-

снулось разомъ въ сердцахъ этихъ трехъ людей: тутъ умираетъ не человѣкъ, а домъ, уличка, можетъ быть, цѣлый міръ; были когда-то другія времена, другая уличка, другіе хозяева и другіе дома; еврей ужъ не еврей тѣхъ временъ, помѣщикъ—не старый помѣщикъ, и даже полицейскій ужъ не тотъ. У всѣхъ трехъ возникла мысль, что надо приготовиться къ жизни въ другой уличкѣ, между другими людьми.—И ихъ одолѣла печаль о томъ, что умираетъ, о томъ, что никогда больше не оживетъ".

„Надо приготовиться къ жизни въ другой уличкѣ", другая жизнь эта уже на порогѣ. Въ тѣсныя стѣны мелкобуржуазнаго гетто врывается капиталъ, не знающій ни эллина, ни іудея, не желающій знать ни еврейской субботы, ни христіанскаго воскресенья; на заводахъ и фабрикахъ еврей-пролетарій условіями производства вынужденъ забыть о субботѣ, которую такъ радостно встрѣчаютъ въ Городкѣ. Это забвеніе субботы — символъ медленнаго освобожденія изъ подъ власти гетто, символъ грядущей жизни, жизни уже не въ „уличкѣ".

Трудно, повторяю, угадать, гдѣ лежатъ симпатіи автора; одолѣваетъ-ли и его печаль о томъ, что умираетъ, или онъ готовъ изъ Городка, обреченнаго на медленную смерть, уйти къ новой жизни, гдѣ новый еврей, оставаясь евреемъ, пріобщается къ борьбѣ за новый міръ? Это рѣшитъ ближайшее будущее. Создавъ поэму изъ жизни „мѣстечковаго" еврейства, авторъ исчерпалъ или скоро исчерпаетъ всѣ скрытыя въ ней возможности опоэтизированія ея; передъ нимъ раскроется неизбѣжный трагизмъ неизбѣжной ея гибели; этотъ трагизмъ уже назрѣваетъ въ „Богѣ мести"—захочетъ-ли авторъ показать намъ пусть незамѣтную, пусть однообразную, но героическую борьбу за новую жизнь? И хочется сказать ему: до встрѣчи—„въ другой уличкѣ"!

Переводчики хорошо справились со своей задачей и съумѣли дать представленіе объ изумительной яркости и силѣ того некрасиваго и страннаго языка, на которомъ написаны разсказы Шаломъ Аша.

Евг. Тарасовъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Герценъ. (Характеристика. Спб. 1908 г. 37 стр. ц. 35 к. Характеристика А. Герцена г. Овсянико-Куликовскаго въ своемъ первоначальномъ видѣ была напечатана два года тому назадъ въ газетѣ „Наша Жизнь". Авторъ выпустилъ ее теперь въ переработанномъ видѣ отдѣльною брошюрою какъ нельзя болѣе кстати—въ настоящее время замѣчается усиленный интересъ къ творчеству и личности А. И. Герцена.

Небольшая книжечка г. Овсянико-Куликовскаго написана очень содержательно и вдумчиво. Характеристика духовнаго облика Герцена сдѣлана оригинально и мѣтко. Авторъ мѣтко отмѣчаетъ у Герцена чрезвычайно живое пониманіе и чутье настоящаго на-ряду съ отсутствіемъ „дальнозоркаго прозрѣнія въ будущее".

Очень жаль, что г. Овсянико-Куликовскій въ своей интересной характеристикѣ не отмѣтилъ любопытнаго поворота, обнаружившагося въ міросозерцаніи Герцена въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. *П. Б.*

Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е, исправленное. Спб., стр. 24 + XXXIV + 557. Цѣна 2 руб.—Въ предисловіи къ новому изданію „Очерковъ" Евг. Соловьева сказано, что „первое изданіе этой книги претерпѣло не мало „критическихъ нападокъ". „Покойный авторъ — говорится дальше—отнесся къ нимъ съ тѣмъ безпокой-

нымъ вниманіемъ, съ какимъ настораживаются люди при серьезныхъ укорахъ, сдѣланныхъ тому, что мы любимъ... Соловьеву пришлось исправлять и дополнять—„чистить“ книгу съ большимъ вниманіемъ, и чтобы выправить ея недочеты, онъ послѣдовательно прoредактировалъ „Очерки“ по... шести экземплярамъ... Если теперь пересмотрѣть всѣ сдѣланныя критикою замѣчанія и сравнить первое изданіе „Очерковъ“ съ этимъ,—третьимъ,—придется признать книгу исправленной“. Если на основаніи приведенныхъ строкъ читатель подумаетъ, что „Очерки“ Соловьева исправлены, какъ слѣдуетъ, то онъ сильно ошибется. Стоитъ только провѣрить упомянутую въ предисловіи рецензію „Міра Божьяго“ (1908 г., № 6), чтобы убѣдиться, что почти всѣ сдѣланныя тамъ указанія на многочисленныя противорѣчія и фактическія ошибки во второмъ, исправленномъ и дополненномъ, изданіи „Очерковъ“ вошли и въ третье изданіе. Книга эта по-прежнему остается крайне ненадежнымъ источникомъ для знакомства съ исторіей русской литературы. А кто интересуется историко-литературными взглядами покойнаго Евг. Соловьева, тому лучше обратиться къ его позднѣйшему труду „Опытъ философіи русской литературы“.

Къ „Очеркамъ“ приложены: портретъ автора и вступительная статья г. Петра Пильскаго — родъ характеристики Соловьева, какъ человѣка и писателя. Восторженный тонъ этой характеристики значительно ослабляется большимъ количествомъ разнаго рода оговорокъ. Между прочимъ, упоминается, что „историкомъ покойный не былъ, не могъ и не хотѣлъ имъ быть. Для этого ему не хватало объективности, безпристрастія, холода изслѣдователя, спокойствія и выдержки“ (стр. 14). По заключительному мнѣнію г. Пильскаго, покойный Соловьевъ, *„можетъ быть,* былъ писатель безъ выдержки, мыслитель безъ новой системы, литераторъ безъ стилистическаго новаторства, историкъ безъ архивныхъ знаній, филологъ безъ оффиціальной учености. Зато это былъ публицистъ съ дальнозоркостью, литературный философъ съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ, полемистъ съ огнемъ и бунтарскимъ темпераментомъ, журналистъ съ дерзкимъ паѳосомъ, критикъ съ острымъ слухомъ и настоящимъ чутьемъ, стилистъ съ красотой и точностью, умница съ большой наблюдательностью и съ мощью широкихъ обобщеній, человѣкъ съ крылатой душой, рвущейся мыслью, неугомоннымъ безпокойствомъ и горячимъ пылающимъ сердцемъ бойца“ (стр. 24). Приведенныя слова крайне характерны, но не какъ окончательная оцѣнка Соловьева, а какъ мнѣніе его восторженныхъ почитателей. *С. Ашевскій.*

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VIII. Стр. 535. Спб. Цѣна 1 р. 25 к. Этотъ томъ сочиненій Бѣлинскаго заключаетъ статьи и рецензіи, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843 года и частью 1844 года, за исключеніемъ знаменитыхъ статей о Пушкинѣ, которыя будутъ соединены въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ. Крупныхъ статей въ VIII томѣ всего три: обзоры русской литературы за 1842 и 1843 годы и статья о сочиненіяхъ Державина. Большая часть статей и рецензій напечатана полнѣе, чѣмъ въ изданіи Солдатенкова. Впервые извлечены изъ „Отечественныхъ Записокъ“ болѣе тридцати рецензій Бѣлинскаго, среди которыхъ представляютъ нѣкоторый интересъ отзывы объ историческихъ повѣстяхъ Кукольника, о „Статейкахъ въ стихахъ“ Некрасова, о повѣстяхъ гр. Соллогуба и о „Мысляхъ“ Паскаля. Въ отличіе отъ предыдущихъ томовъ, VIII томъ вышелъ безъ примѣчаній редактора, которыя обѣщаны въ XII томѣ. Это большой недоста-

томъ, потому что ждать XII тома придется, по всей вѣроятности, очень долго. Достаточно напомнить, что I томъ вышелъ въ 1900 году, а VII томъ три года тому назадъ. *С. А.*

I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Зап. Европѣ. Т. II-ой. Девятнадцатый вѣкъ. Спб 1908 г. Ц. 2 р. 50 к. Названная работа г. Кулишера представляетъ собою окончаніе широко задуманнаго труда, первый томъ котораго (большій) появился два года тому назадъ. Несомнѣнно, было бы болѣе цѣлесообразно подвергнуть критическому разбору второй томъ совмѣстно съ первымъ, ибо, хотя авторъ въ предисловіи и настаиваетъ на томъ, что „каждая изъ двухъ частей представляетъ собою нѣчто цѣльное и самостоятельное", но такой взглядъ врядъ-ли справедливъ: оба тома тѣснымъ образомъ связаны между собою, и ихъ „самостоятельность" носитъ чисто внѣшній, формальный характеръ. Однако, въ виду того, что первая часть работы г. Кулишера появилась значительно раньше, и ея оцѣнка уже была сдѣлана въ печати и на публичномъ диспутѣ, мы можемъ ограничить свою задачу предложенными авторомъ рамками. Г. Кулишеръ ставитъ своею цѣлью выясненіе происхожденія прибыли на капиталъ, нахожденіе хозяйственнаго источника, откуда она черпается и сосредоточивается въ рукахъ владѣльцевъ капитала; авторъ, такимъ образомъ, желаетъ отвѣтить на основной вопросъ теоріи экономической науки, то или иное разрѣшеніе котораго опредѣляетъ, въ конечномъ счетѣ, взглядъ ученаго на современное хозяйство. Припомнимъ, что политическая экономія, собственно говоря, и возникла теоретически на почвѣ выясненія происхожденія прибыли. И въ дальнѣйшемъ, то или другое направленіе въ экономической наукѣ, та или иная система конструировалась въ зависимости отъ способа разрѣшенія указанной проблемы. Хотя основныя воззрѣнія на этотъ предметъ достаточно выкристаллизировались въ настоящее время, но ни въ коемъ случаѣ не можетъ почитаться излишней, ненужной всякая попытка вновь пересмотрѣть данный вопросъ, освѣтить его съ точки зрѣнія новыхъ данныхъ, прибавить тѣ или другія детали; отрицать такія попытки значило бы отказаться отъ дальнѣйшаго развитія теоріи хозяйства. Мыслимо при этомъ и желаніе со стороны ученыхъ дать оригинальное освѣщеніе темѣ; авторъ въ этомъ случаѣ долженъ, однако, понимать большую отвѣтственность, какую онъ беретъ на себя: вѣдь дѣло сводится къ новому теоретическому синтезу. Далеко нелишней является и историко-догматическая работа въ данномъ направленіи—выясненіе смѣны разнообразныхъ теорій, особенно если такое выясненіе дѣлается на фонѣ эволюціи реальной хозяйственной жизни. Помимо этого, принимая во вниманіе крайнее усложненіе послѣдней, мы вправѣ ожидать отъ изслѣдователя, что, разсматривая проблему прибыли, онъ поможетъ намъ разобраться въ главныхъ новыхъ наслоеніяхъ, понять новые пути и средства накопленія,—однимъ словомъ жизнь современнаго капитала.

Авторъ разбираемой работы, какъ это видно уже изъ ея заглавія, намѣренъ былъ разрѣшать свою задачу въ широкомъ масштабѣ, предлагая свою теорію на основаніи не только историко-догматичесаго анализа, но и учета хозяйственнаго развитія. Посмотримъ, насколько ему удалось достигнуть намѣченной цѣли. Обратимся къ содержанію книги. Весь томъ, заключающій въ себѣ около 450 страницъ, распадается на восемь главъ. Первая глава (с. 1—59) рисуетъ хозяйственный переворотъ конца 18 и начала 19 ст. въ области обмѣна и производства; авторъ, указывая на усиленіе производительности труда вслѣдствіе техническаго прогресса, кон-

статируетъ „появленіе творческаго труда изобрѣтателя“ и вторую главу (с. 60—100) посвящаетъ аргументаціи положенія, что именно этотъ „творческій трудъ“ является главнымъ источникомъ прибыли съ капитала „въ первыя двѣ трети XIX вѣка“. „Съ первымъ примѣненіемъ машины въ каждой данной отрасли производства“, говоритъ г. Кулишеръ, „возникаетъ и новый источникъ прибавочной цѣнности; періодъ всеобщаго распространенія изобрѣтенія, когда механическій способъ производства становится господствующимъ, есть время окончательнаго перехода созданнаго изобрѣтателемъ продукта въ руки потребителя посредствомъ соотвѣтствующаго пониженія цѣнъ. Но это конечные пункты, которые находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и разстояніе, раздѣляющее ихъ, должно быть пройдено;... „въ теченіе періода постепеннаго распространенія машинъ производимый машиной прибавочный продуктъ превращается для предпринимателя въ прибавочную цѣнность“ (с. 79—80). „Въ первый періодъ развитія машиннаго производства предприниматель присваивалъ себѣ почти весь плюсъ, создаваемый изобрѣтателемъ, позднѣе онъ вынужденъ былъ уступать уже часть его потребителю“ (с. 87)... Объектомъ эксплоатаціи со стороны капиталистовъ является изобрѣтатель, владѣлецъ „творческаго труда“, который надо тщательно отличать отъ труда исполнительнаго, физическаго, рабочаго. Предшествовавшіе два-три вѣка этотъ послѣдній трудъ являлся главнымъ источникомъ эксплоатаціи; въ первыя двѣ трети 19 в. его значеніе падаетъ: ... „прибавочный продуктъ, получаемый капиталистомъ-предпринимателемъ, состоялъ какъ изъ творческаго, такъ и изъ исполнительнаго труда“ (с. 140), о чемъ трактуетъ глава третья (с. 101—141). Обширная четвертая глава (с. 142—241)—историко-догматическаго характера — посвящена выясненію ученій о прибыли за тотъ же періодъ времени; ея центральнымъ пунктомъ является разборъ теоріи Маркса. Слѣдующая часть книги, расположенная по той же схемѣ, изслѣдуетъ послѣднюю треть XIX столѣтія: глава пятая (с. 242—272) говоритъ о творческомъ трудѣ, шестая (с. 273—348)—о трудѣ рабочаго, седьмая (с. 349—416) разбираетъ ученія (преимущественно ревизіонисты и Б.-Баверкъ). Глава восьмая (417—489) трактуетъ объ уровнѣ прибыли и претендуетъ быть заключительной. О концѣ прошлаго столѣтія авторъ того мнѣнія, что наибольшую выгоду отъ изобрѣтеній начинаетъ получать не предприниматель, а потребитель; первый „является лишь передаточной инстанціей между потребителемъ и изобрѣтателемъ, и временно удерживаетъ въ свою пользу часть продукта творческаго труда, прежде чѣмъ онъ переходитъ къ потребителю“ (с. 270—271). Что касается труда рабочаго, то авторъ, строго отдѣляя (конечно—лишь принципіально) трудъ исполнительный отъ творческаго, находитъ, что доля продукта, получаемая рабочимъ, сильно увеличилась (ибо „заработная плата значительно повысилась, тогда какъ продуктъ, производимый *рабочимъ*, почти не увеличился, такъ какъ возрастаніе интенсивности труда могло лишь наверстать потерю, происшедшую благодаря сокращенію рабочаго дня“, с. 283), что рабочій получаетъ не только производимый его трудомъ прибавочный продуктъ, но и „часть того продукта, который является результатомъ новаго изобрѣтенія, результатомъ примѣненія большаго количества творческаго труда въ процессѣ производства“ (с. 285). Разсужденія автора въ данномъ случаѣ настолько характерны, что мы позволимъ себѣ обременить нашу рецензію лишней цитатой: ... „мы вправѣ... заключать, что въ послѣднюю четверть вѣка стала постепенно исчезать та часть прибыли, которая проистекаетъ отъ труда рабочаго, руководящаго машиной, что мало-по-малу осуществляется т. н. право на полный продуктъ труда, если ко-

нечно давать этому понятію правильное опредѣленіе въ смыслѣ продукта исполнительнаго труда рабочаго, того труда, который состоитъ въ надзорѣ за машинами и аппаратами и въ направленіи ихъ хода, въ противоположность продукту творческаго труда, выражающагося въ дѣятельности машины,—а не исходить изъ предвзятаго предположенія, будто бы все, что производится на фабрикѣ или заводѣ, составляетъ результатъ исключительно труда фабрично-заводскаго рабочаго“ (с. 286—287). Осуществленіе этого, своеобразно понимаемаго г. Кулишеромъ, „права на трудъ“, обязано, главнымъ образомъ, борьбѣ рабочаго класса съ предпринимателями; и авторъ съ удовольствіемъ констатируетъ постепенное возникновеніе „новаго хозяйственнаго строя, именуемаго соціалистическимъ“.

Остановимся, насколько это допустимо въ краткой журнальной рецензіи, на основныхъ положеніяхъ автора. Центральнымъ пунктомъ является отдѣленіе творческаго труда отъ исполнительнаго. Авторъ настолько увлеченъ своей идеей (конечно, не новой въ исторіи экономической науки), что совершенно просматриваетъ необходимость сосуществованія обоихъ видовъ труда на всякой ступени хозяйственнаго развитія, ибо, прежде чѣмъ выполнить что-либо, нужно пережить извѣстный процессъ творчества. Послѣдній можетъ быть болѣе или менѣе длительнымъ, направляться въ ту или другую сторону, но безъ него немыслима сознательная хозяйственная работа. Г. Кулишеръ заявляетъ, что „лишь съ конца XVIII ст. можетъ быть рѣчь о существованіи рядомъ съ исполнительнымъ трудомъ и труда творческаго“ (с. 44), а между тѣмъ тотъ же Лампрехтъ, котораго онъ усиленно цитируетъ, справедливо указываетъ, что наибольшія напряженія творчества, самыя великія открытія и изобрѣтенія—теряются въ глубинѣ вѣковъ, напр., искусство добывать огонь, обрабатывать металлы и пр. Рѣчь можетъ лишь итти о различныхъ формахъ, въ какія выливается творческая работа человѣка, а эти формы—различны въ зависимости отъ характера хозяйственной эволюціи. Методы борьбы человѣка съ природой — безпрерывно мѣняются; стремленіе уменьшить затрату труда выпукло выдвигается на сцену съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ свою исторію. Сомнительно, чтобы хозяйствующій субъектъ когда-либо несъ только исполнительныя функціи. Таковы—историческія предпосылки; обратимся теперь къ существу экономической проблемы. Разсужденія г. Кулишера о громадномъ значеніи изобрѣтеній—конечно справедливы; правильны и его утвержденія, что долгое время изобрѣтатели несправедливо лишались вознагражденія за свои открытія. Но когда онъ начинаетъ на этой почвѣ строить теорію прибыли, чувствуешь, что вступаешь на почву недоразумѣній. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о необходимости оплаты изобрѣтеній (сторонникъ культуры можетъ дать на это только положительный отвѣтъ, какъ и по вопросу о необходимости оплаты учителей, врачей и т. п.), искать въ этомъ творческомъ трудѣ источникъ прибыли—значитъ довольно своеобразно представлять себѣ хозяйство. Я нанялъ рабочаго, трудящагося у меня по старому методу и дающаго мнѣ, предположимъ, 10 единицъ продукта въ день, изъ которыхъ пять идетъ на его оплату; завтра я придумываю новый способъ, получаю отъ рабочаго 80 единицъ, отдаю ему десять и заявляю, что не я его эксплуатирую, а онъ меня, получая лишнихъ пять продуктовъ, созданныхъ моимъ творческимъ трудомъ. Не скажетъ ли рабочій обратнаго и, не предложитъ ли мнѣ самому заняться производствомъ? И развѣ неодинаково съ г. Кулишеромъ разсуждалъ Бастіа, доказывавшій законность процента на ссужаемый капиталъ, въ видѣ, напр., рубанка столяру? Если же рабочій не можетъ практически доказать правильности своего утвержденія, то этому, вѣроятно, мѣ-

шають какія-то объективныя условія, а именно то, что онъ долженъ быть наемникомъ, и вынужденъ, при всякомъ уровнѣ техники, удовлетворяться не всѣмъ непосредственнымъ результатомъ своего труда, а лишь частью. А потому рабочій можетъ осуществить т. н. „право на полный продуктъ труда“ только тогда, когда перестанетъ быть наемникомъ. Хозяйство, съ технической стороны, есть воздѣйствіе человѣка на природу, съ экономической — трудъ людей на почвѣ добыванія матеріальныхъ продуктовъ; и если г. Кулишеру хочется включить въ понятіе хозяйства, кромѣ вышеуказаннаго труда, умственную творческую работу, то онъ долженъ говорить и о трудѣ „чистаго“ ученаго, подготовляющаго открытія, и о трудѣ учителя и пр., т. е. расширить рамки хозяйства до слиянія его съ соціальнымъ бытіемъ вообще. Штаммлеръ („Wirtschaft und Recht“) допустилъ такую ошибку; какъ извѣстно, она въ большей или меньшей мѣрѣ свойственна также всѣмъ представителямъ нѣмецкой школы политич. экономіи. Упрекая Маркса, Зомбарта, Лексиса и др. въ томъ, что они лишь физическому труду придаютъ хозяйственное значеніе (причемъ г. Кулишеръ слишкомъ грубо, по крайней мѣрѣ, относительно Маркса, толкуетъ этотъ терминъ), авторъ идетъ по опасной дорогѣ. „Продуктъ произведенъ всѣми лицами, участвовавшими въ производствѣ, независимо отъ того, принимали ли они участіе въ послѣдней или въ болѣе раннихъ ступеняхъ производства. Только лица, вовсе не участвующія въ производствѣ, прямо или косвенно, своимъ личнымъ трудомъ, могутъ разсматриваться въ качествѣ живущихъ на счетъ труда другихъ лицъ...“ (с. 373). Но, намъ думается, что г. Кулишеру, при занятой имъ позиціи, довольно трудно будетъ найти въ сферѣ *полезныхъ* работниковъ вообще кого-либо, непричастнаго, хотя бы весьма отдаленно, къ производству.

Воздавая должное изобрѣтателямъ, мы не можемъ согласиться съ г. Кулишеромъ въ его выводахъ. Если, однако, и стать на его почву, то совершенно необоснованнымъ будетъ положеніе, что нынѣ рабочій получаетъ, пожалуй, весь *свой* продуктъ? Вѣдь г. Кулишеру надо для подтвержденія этой мысли, ни много, ни мало, какъ вычислить *справедливую* заработную плату,—тема, въ свое время многихъ (Тюненъ и др.) интересовавшая. Мало того, если бы авторъ глубже вдумался въ свою задачу, то ему надо было бы излагать не исторію техники (которая вообще плохо удается экономистамъ) и приводить жизнеописанія изобрѣтателей, а внимательно изучать исторію цѣнъ и заработной платы, въ особенности движеніе прибыли и процента, не такъ поверхностно, какъ это сдѣлано въ послѣдней главѣ. При такомъ анализѣ реальной хозяйственной жизни мы лучше уловили бы новыя условія распредѣленія, картина эволюціи прибыли была бы яснѣе; въ настоящей же обработкѣ фактическій матеріалъ, почерпнутый не изъ первоисточниковъ, а монографій, вопреки желанію автора, играетъ, какъ намъ кажется, роль слабой аргументаціи предвзятой идеи. Поскольку г. Кулишеръ говоритъ о полученіи дохода отъ медленнаго распространенія изобрѣтеній, онъ трактуетъ о рентномъ началѣ, которое ему и слѣдовало бы разбирать въ данномъ случаѣ. Странно, что авторъ, выясняющій жизнь капитала, интересующійся развитіемъ промышленности и торговли, совершенно пренебрегъ областью кредита, а между тѣмъ, онъ нашелъ бы здѣсь много интереснаго для пониманія „эволюціи прибыли“. Можетъ быть, наряду съ процессомъ „соціализаціи“ хозяйства онъ увидѣлъ бы признаки и „феодализаціи“ капитализма, врядъ ли обѣщающей мирное превращеніе одного хозяйственнаго порядка въ другой. Въ указанномъ выше мы видимъ главные недостатки работы. Немало ихъ намъ бросается въ глаза и въ менѣе отвѣтственныхъ частяхъ труда, напр., при изложеніи теорій прибыли. Очень

слабо изложены взгляды соціалистовъ; критика Маркса обнаруживаетъ, на нашъ взглядъ, своеобразное толкованіе его теоріи (потребительная и мѣновая цѣнность, ученіе о машинахъ, рабочей силѣ и пр., с. 203 и д.); аргументація автора вовсе не доказываетъ, что „домашняя промышленность обречена на гибель“ (с. 337); замѣтны слѣды недостаточно отчетливаго употребленія терминовъ, какъ, напр., „единственно возможная теорія прибыли—эволюціонная“ (с. 361), какъ будто бы этотъ признакъ формальнаго характера даетъ представленіе о содержаніи понятія. Нѣтъ, однако, у насъ мѣста останавливаться на всемъ этомъ. Цѣль изслѣдованія г. Кулишера мы считаемъ недостигнутой: дефектами страдаютъ пріемы, обработка, а—слѣдовательно—и выводы. Однако, мы отнюдь не хотимъ сказать, что трудъ—безполезенъ. Хотя второй томъ гораздо слабѣе перваго, но все-таки читатель найдетъ въ немъ сжатую исторію развитія промышленности въ XIX в., довольно полную сводку теорій прибыли, причемъ критическія замѣчанія автора нерѣдко—цѣнны (напр., разборъ взглядовъ субъективной школы), и обширный библіографическій матеріалъ, добросовѣстное усвоеніе котораго дѣлаетъ честь автору. Однимъ словомъ, книга можетъ оказать существенную услугу лицамъ, спеціально работающимъ надъ выясненіемъ основной проблемы экон. науки. Не можемъ не отмѣтить, въ заключеніе, одной непріятной черты у автора: сильно заботясь о „нижнемъ этажѣ“ книги (выраженіе г. Кулишера), т. е. о ссылкахъ, примѣчаніяхъ, онъ положительно разбиваетъ цѣльность своего изложенія; стремясь процитировать какъ можно большее количество авторовъ и отмѣтить это внизу страницы, онъ сообщаетъ изложенію какой-то мозаическій характеръ, себѣ же въ ущербъ,—нерѣдко изъ-за авторовъ, не заслуживающихъ такого вниманія. *М. Вернацкій.*

И. Янжулъ. Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Второе изданіе. Книгоиздательства Просвѣщеніе ц. 1 р. 25 к. Книга академика И. Янжула выходитъ почти черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго ея появленія. Первоначально это былъ рядъ статей напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ временъ Салтыкова (за іюль, августъ, сентябрь и ноябрь 1879 г.). Въ 1880 г. трудъ былъ изданъ отдѣльной монографіей.

Наконецъ въ наши дни, препирательства второй Думы съ правительствомъ по вопросу о правѣ думы призывать въ свои комиссіи экспертовъ вызвали у профессора Ковалевскаго мысль переиздать книгу съ педагогической цѣлью. И дѣйствительно, трудъ проф. Янжула представляетъ двойной интересъ: непосредственный какъ характеристика мало извѣстной страницы англійской исторіи и косвенный по отношеніи къ одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ русской современности.

Такъ называемая ливерпульская ассоціація возникла почти одновременно съ лигой противъ хлѣбныхъ законовъ—въ то время, какъ чартистское движеніе еще объединяло рабочихъ и буржуазію въ борьбѣ противъ общаго врага, поземельной аристократіи. Центромъ, откуда вышли главные вожди хлѣбной лиги, былъ Манчестеръ, центромъ „антимонопольной ассоціаціи“ (Anti—monopoly—association), ставившей себѣ аналогичную задачу, Ливерпуль—тотъ и другой развивающіеся фабричные города.

Когда въ 1846 г. пали хлѣбные законы антимонопольная ассоціація лишившись ближайшей своей задачи, превратилась въ „ливерпульскую ассоціацію финансовыхъ реформъ“. Эта ассоціація необычайно быстро разрослась. Въ 70-ыхъ годахъ, ливерпульское общество имѣло 39 подобныхъ обществъ въ различныхъ городахъ страны. Цѣль и

задачи свои общество выражало въ слѣдующемъ девизѣ: „Бережливое управленіе, справедливое и простое устройство налоговъ и совершенная свобода торговли“. (Economical Government, just and simple Taxation and — perfect Freedom of Trade). Какъ видно изъ послѣдней части этого девиза, общество являлось послѣдователемъ манчестерской школы, во имя интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ отрицавшей вмѣшательство государства.

Что касается справедливаго и простого устройства налоговъ, то общество поставило себѣ цѣлью „уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ англійскаго бюджета (акцизы и таможенныя пошлины) и замѣну ихъ болѣе справедливыми и равномѣрными налогами на собственность“.

Самую любопытную сторону дѣятельности этого общества представляетъ его критика *государственныхъ расходовъ*. Разбору этой критики и посвящено преимущественно содержаніе книги проф. Янжула (6 главъ изъ 7-и). Критика направлялась главнымъ образомъ противъ расходовъ 4-хъ министерствъ: военнаго министерства, морского министерства, министерства колоній и министерства двора.

Въ своихъ памфлетахъ направленныхъ, противъ военнаго министерства, общество рѣзко нападаетъ на *синекуры* въ войскахъ созданныя и подерживаемыя вліяніемъ поземельной аристократіи, на соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ и томъ же лицѣ. Вотъ фактъ для характеристики этой системы. „Навозъ въ войскахъ продается ежегодно на сумму 12,359 ф. ст., но продажа его изъ различныхъ казармъ и содержаніе штата *писцовъ съ синекурами секретарями*, обходится казнѣ *ровно въ такую же сумму денегъ*, если не больше (стр. 31). „Гвардія, говорится въ другомъ памфлетѣ „существуетъ у насъ пока будто только для того, чтобы плодить синекуры и размножать въ *британской арміи скороспѣлыхъ и неспособныхъ военачальниковъ* (стр. 63).

А вотъ факты изъ практики морского министерства. У министерства были свои излюбленные поставщики, какъ нѣкто Моррисъ, который получалъ заказы предпочтительно передъ другими, хотя былъ далеко не изъ крупныхъ или надежныхъ лѣсныхъ торговцевъ. Нерѣдко у послѣднихъ, совсѣмъ не было нужнаго дерева въ запасѣ, и онъ немедленно закупалъ его у отвергнутыхъ казной поставщиковъ, напр. у весьма крупныхъ лѣсоторговцевъ Нэшъ и Герней, которые естественно брали съ него лишнюю цѣну, и конечно казна въ концѣ концовъ отвѣчала за всѣ лишнія прибыли и проценты (стр. 88). Но бывало и еще лучше. *Казна покупала свой собственный лѣсъ* (проданный лѣснымъ торговцамъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ) изъ третьихъ рукъ, *переплачивая двойной барышъ двухъ торговцевъ* — Нэша и поставщика Морриса. Не вспоминаются ли читателю наши заводы, которымъ переплачивали за рельсы по 40 коп. съ пуда противъ рыночныхъ цѣнъ или та же поставка бревенъ для флота. Какъ видно, безконтрольное хозяйничаніе повсюду приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести неограниченное количество. Мы ограничимся вышеприведенными, т. к. по нимъ можно составить себѣ понятіе о характерѣ остальныхъ. Книга написана чрезвычайно легко и читается съ большимъ интересомъ. На нашъ взглядъ, быть можетъ недостаточно подчеркнутъ классовый характеръ ливерпульской ассоціаціи.

Если критика ея привела къ такимъ блестящимъ результатамъ, и финансовая система Англіи по справедливости считается одной изъ самыхъ

упрощенныхъ и прогрессивныхъ системъ Европы, то случилось это не столько потому, что „общественное мнѣніе“ играетъ въ Англіи такую значительную роль, сколько потому, что въ данномъ конкретномъ случаѣ это общественное мнѣніе выражало интересы политически подымающейся буржуазіи. И если само общество думало, что оно стоитъ надъ партіями, т. к. принимало въ свою среду людей всѣхъ политическихъ партій, то задача историка, быть можетъ, заключалась именно въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить политическую окраску ливерпульской ассоціаціи. *А. Э.*

Украинскій, В. Крестьянская община и аграрная реформа. Стр. 117 Ц. 50 к. М. 1908 г. Изд. „Новыя силы“. Читатель не найдетъ въ этой брошюрѣ того, что онъ въ правѣ разсчитывать найти, судя по заглавію. Связь вопроса объ общинѣ съ общимъ аграрнымъ вопросомъ трактуется г. Украинскимъ слишкомъ поверхностно и притомъ внѣ конкретныхъ условій даннаго момента. На протяженіи сотни страницъ авторъ придирчиво, наскокомъ полемизируетъ съ соц.-демократами, ни разу не пытаясь серьезно подойти къ вопросу объ общинѣ въ постановкѣ с.-д. Не давая совершенно анализа условій развитія общины, г. Украинскій видитъ въ ней фетишъ,—тотъ чудодѣйственный фетишъ, который таитъ въ себѣ „зародышъ“ коллективизма. До сихъ поръ, говоритъ авторъ, община „горячо борется за свое существованіе“ (стр. 75), и, вынужденное административно-фискальными обстоятельствами переходить къ подворному владѣнію, „крестьянство все же всѣми силами стремится сохранить основныя черты общиннаго быта“ (стр. 73). Это положеніе, какъ и большинство другихъ, г. Украинскимъ совершенно не обосновано. Напр., съ легкимъ сердцемъ берется онъ утверждать, что „артельныя соединенія... сильно развиты въ крестьянскомъ быту, а тѣмъ болѣе (!) въ общинѣ“.

Для г. Украинскаго положеніе, занятое въ вопросѣ объ общинѣ наиболѣе авторитетными въ данномъ отношеніи марксистами, даетъ лишь поводъ для издѣвательства; ему кажется смѣшнымъ, что „при однихъ хозяйственныхъ условіяхъ община является наиболѣе благопріятной формой землевладѣнія для хозяйственнаго развитія, при другихъ является тормазомъ“ (См. П. Масловъ. Аграрный вопросъ, СПБ. 1908 г., стр. 355).

Это, по мнѣнію г. Украинскаго, не ясное и опредѣленное „рѣшеніе вопроса“, а „ни къ чему не обязывающія замѣчанія“. „Ясность“ и упрощенность рѣшенія вопроса—главная черта работы г. Украинскаго; для автора прошелъ безслѣднымъ урокъ полемики народниковъ съ марксистами по вопросу объ общинѣ, и въ его изложеніи мы встрѣчаемся съ сохранившимся въ неприкосновенномъ видѣ трафаретнымъ трактованіемъ вопроса, какое имѣло мѣсто у народниковъ типа В. В. и т. п.

Брошюра эта вышла въ свѣтъ въ 1908 г., а между тѣмъ въ ней нѣтъ ни слова объ указѣ 9 ноября 1906 г., о вызванной этимъ указомъ полемикѣ по вопросу объ общинѣ и, наконецъ, объ условіяхъ примѣненія этого указа. И съ этой стороны брошюра г. Украинскаго пришлась не ко времени. *Б. Веселовскій.*

Черновъ, Викторъ. Къ вопросу о соціализаціи земли. Изд. „Сотрудничество“ стр. 96. Ц. 50 к. М. 1908 г.—Странное впечатлѣніе производитъ эта новая работа г. Чернова. Теперь, когда жизнь ребромъ поставила аграрный вопросъ передъ всѣми политическими партіями и заставляетъ ихъ конкретизировать свои схемы, когда даже въ средѣ соціалистовъ-революціонеровъ наблюдается серьезное теченіе въ сторону критики тѣхъ понятій, съ которыми такъ легко прежде оперировали народники (см., напр., книгу Д. Фирсовъ „Къ пересмотру аграрной

программы и ея обоснованiя"), — теперь появленiе книги г. Чернова вызываетъ лишь недоумѣнiе. Своею цѣлью г. Черновъ ставитъ—дать „юридическую формулировку соцiализацiи земли", съ цѣлью, „отграниченiя этого понятiя отъ другихъ, сопредѣльныхъ понятiй". Какимъ же образомъ выполнилъ онъ свою задачу, далъ ли г. Черновъ сколько-нибудь ясное и толковое опредѣленiе таинственной незнакомкѣ,—„соцiализацiи земли",—о которой чуть ли не у каждаго эсъ-эра теперь „особое мнѣнiе". Къ сожалѣнiю, работа г. Чернова нисколько не выясняетъ дѣла. Ходъ его разсужденiй приблизительно таковъ. Прежде всего „требованiе соцiализацiи земли, съ его отрицательной стороны, означаетъ уничтоженiе частной собственности на землю". Пытаясь дать положительную характеристику, г. Черновъ путается въ рядѣ тавтологiй, пустословiя, и затѣмъ побѣдоносно заключаетъ: „мы не дѣлаемъ землю ни имуществомъ общины, ни имуществомъ области, мы не переводимъ ее и *просто* въ разрядъ современныхъ государственныхъ имуществъ [1]). Мы дѣлаемъ ее ничьей. Именно, какъ ничья, она и становится общенароднымъ достоянiемъ". Читатель такъ и не узнаетъ, въ чемъ заключается sui generis этого „достоянiя", его отличiе отъ обычной буржуазной „собственности". Онъ долженъ лишь утѣшаться тѣмъ, что римское право не пропитало понятiй русскаго мужика, въ правосознанiи котораго таятся „зародыши или остатки примитивнаго коллективизма". Итакъ, соцiалисты-революцiонеры хотятъ перевести землю „не просто" въ разрядъ современныхъ государственныхъ имуществъ, но переводятъ ее именно „просто". Такъ, община должна состоять „подъ должнымъ контролемъ высшихъ демократическихъ органовъ" (стр. 95), а „соцiализацiя земли есть единственный путь развитiя общины и *примиренiе общины съ государствомъ* путемъ перестройки государства и *вростанiя* въ него общины..." (стр. 96). Вообще, какъ говоритъ г. Черновъ,—конструируя „соцiализацiю", „нельзя совершенно обойти и центральныхъ государственныхъ учрежденiй". Между прочимъ, для защиты права на „уравнительное землепользованiе" гражданамъ предоставляется „судомъ возстановлять нарушенное право" (стр. 29).

Какъ видимъ, никакого яснаго юридическаго анализа „соцiализацiи" г. Черновъ не даетъ. И въ этомъ собственно не его вина; не въ его силахъ устранить внутреннее логическое противорѣчiе формулы соцiализацiи, какъ не подъ силу ему сконструировать концепцiю „права" не буржуазнаго и не „просто" соцiалистическаго, а создать нѣчто промежуточное, находящееся на пути отъ буржуазнаго правосознанiя къ соцiалистическому и таящему въ себѣ „остатки примитивнаго коллективизма". Это ахиллесова пята всего народническаго мiровоззрѣнiя, и у г. Чернова она не менѣе уязвима. „Соцiализацiя" мыслится народниками въ общемъ, какъ процессъ „вростанiя" (?) государства въ общину, какъ соцiализмъ, осуществляющiйся какъ то по частямъ, путемъ „вростанiя", а не путемъ обостренiя экономическихъ и соцiальныхъ противорѣчiй. Въ этомъ г. Черновъ остался вѣренъ народническимъ традицiямъ и не проявилъ даже тѣни той самокритики, слѣды которой замѣчаются въ рядахъ эсъ-эровъ. Въ общемъ, работа г. Чернова производитъ впечатлѣнiе какого то начетническаго отношенiя къ самымъ жгучимъ вопросамъ текущаго момента.

Б. Веселовскiй.

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

Sagorsky, Simon. Die Arbeiterfrage in der südrussischen Landvirtschaft. München 1908. S. 208+V. Pr. 1 M. 80 Pf. Работа г. Загорскаго даетъ общій очеркъ положенія рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ на югѣ Россіи въ настоящее время и за послѣднія лѣтъ 20. Русскій читатель не найдетъ въ этой книгѣ чего-либо новаго. Большая часть книги посвящена анализу заработной платы — ея измѣненію для различныхъ категорій сельскохозяйственныхъ рабочихъ Новороссіи, для различныхъ сезоновъ года и за послѣднія два десятилѣтія. Основной выводъ автора относительно заработной платы сводится къ тому, что реальная заработная плата сельскихъ рабочихъ юга Россіи за послѣднее десятилѣтіе идетъ на убыль, поднимаясь лишь временами для нѣкоторыхъ районовъ. Къ сожалѣнію, г. Загорскій не достаточно, на нашъ взглядъ, приводитъ матеріала относительно размѣровъ реальной заработной платы, но въ общемъ его выводъ нельзя не признать правильнымъ. Правъ г. Загорскій также и въ томъ, что пониженіе заработной платы за послѣднее время обусловливается общими условіями, которыя переживаетъ русская деревня: измельчаніе надѣловъ, усиленный ростъ налоговъ и т. п., — все это за послѣднее время сильно увеличило кадры рабочихъ рукъ на югѣ Россіи и сильно измѣнило картину. Еще въ концѣ 80-хъ г.г., по вычисленіямъ С. Короленко, общая потребность въ пришлыхъ рабочихъ для лѣтнихъ работъ въ 4 южныхъ губерніяхъ и въ Области Войска Донскаго опредѣлялась въ 1858 тыс., рабочихъ; къ серединѣ 90-хъ г.г. эта цифра опустилась до 546 тыс., а въ 1900 г., по приблизительнымъ подсчетамъ г. Загорскаго, нужда въ пришлыхъ рабочихъ была лишь въ Таврической губ. (до 175 тыс.), а въ остальныхъ губерніяхъ ощущался уже избытокъ рабочихъ рукъ.

Роли распространенія машинъ на югѣ Россіи, въ отношеніи вытѣсненія пришлыхъ рабочихъ, г. Загорскій также отводитъ свое мѣсто, но справедливо ставитъ этотъ факторъ на второй планъ, по сравненію съ указанными выше, въ дѣлѣ пониженія заработной платы. Однако автору слѣдовало бы подробнѣе остановиться на размѣрахъ примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ юга Россіи.

Кромѣ этого, можно указать еще и на рядъ др. пробѣловъ въ книгѣ г. Загорскаго. Такъ, онъ совершенно не даетъ картины и анализа стачечнаго движенія на югѣ Россіи; нѣтъ у него ничего почти и объ отношеніи землевладѣльцевъ, въ частности земствъ, къ рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ; не сообщается полныхъ данныхъ о лечебно-продовольственныхъ пунктахъ земствъ и о работахъ статистическихъ—санитарныхъ въ связи съ этимъ; нѣтъ данныхъ о травматизмѣ при работахъ на земледѣльческихъ машинахъ и т. д.; наконецъ, при анализѣ земельной мобилизаціи на югѣ, авторомъ не использована „Статистика землевладѣнія въ 1905 г.“, вышедшая уже годъ тому назадъ. Въ общемъ, если бы авторъ обратилъ вниманіе и на эти стороны, онъ далъ бы читателю полную картину положенія рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ юга Россіи; но и въ настоящемъ своемъ видѣ работа г. Загорскаго явится полезнымъ вкладомъ въ небогатую литературу на иностранныхъ языкахъ по аграрному вопросу въ Россіи. *Б. Веселовскій.*

В. Святловскій. Профессіональные рабочіе союзы и учрежденія, ими созданныя. 3 изд. Выпуски 1 и 2. Спб. 1908. Изд. Пирожкова. Цѣна 1 р. Г. В. Святловскій имѣетъ опредѣленную литературную физіономію. Книги свои онъ печетъ, какъ блины, но, точно первый блинъ, онѣ всегда выходятъ комомъ. Въ его безчисленныхъ произ-

веденіяхъ вы не найдете ни искорки научнаго творчества, ни серьезной обобщающей мысли, ни даже умѣлаго использованія чужого матеріала. Некритическое отношеніе къ источникамъ, отсутствіе системы въ изложеніи и беззаботность насчетъ теоріи лишаютъ его писанія и компилятивной цѣнности. Разбираемая книга не составляетъ исключенія и, если она за очень короткій срокъ выходитъ третьимъ изданіемъ, то это свидѣтельствуетъ не объ ея достоинствѣ, а лишь объ отсутствіи хорошихъ книгъ по этому жизненному вопросу.

Въ новое изданіе вошли два выпуска, раньше печатавшіеся особо. Въ первой части сообщаются фактическія данныя о проф. движеніи по странамъ. Описаніе чисто внѣшнее; внутренней жизни союзовъ, характера ихъ дѣятельности и ихъ идейнаго направленія авторъ почти не касается, а гдѣ и касается, то въ такихъ безсодержательныхъ фразахъ, которыя ничего не говорятъ. Таковы, напр., двѣ-три страницы, посвященныя французскому синдикализму. Но и фактическій матеріалъ на каждомъ шагу вызываетъ недоумѣнія—почему есть то, а нѣтъ другого, болѣе важнаго. Почему есть главы о Швеціи и Норвегіи, и нѣтъ главы о Даніи, съ болѣе развитымъ движеніемъ? Есть Австрія, но нѣтъ Венгріи, а въ главѣ объ Австріи ни слова не говорится о національномъ расщепленіи движенія. Почему для однѣхъ странъ приводятся данныя о стачкахъ, а для другихъ, напр., для Германіи, гдѣ стачечная статистика поставлена у союзовъ очень хорошо, этихъ данныхъ нѣтъ? Почему приведенъ образецъ устава вымирающихъ гиршъ-дункеровскихъ, а не идущихъ во главѣ движенія „свободныхъ" с.—д. союзовъ? Почему въ главѣ о международномъ движеніи имѣются кое-какія данныя лишь о центральномъ международномъ секретаріатѣ и ничего не говорится о международныхъ объедяненіяхъ по профессіямъ (въ концѣ второй части приложены только соотвѣтствующіе адреса). Книга не разрѣшаетъ этихъ недоумѣній.

Такъ же случайно подобранъ и неумѣло расположенъ матеріалъ и во второй части, трактующей объ „учрежденіяхъ для рабочихъ" (?). Въ главѣ о междусоюзныхъ объединеніяхъ, напр., говорится о мѣстныхъ объединеніяхъ—Центр. Бюро,—но ничего нѣтъ о національныхъ центральныхъ коммиссіяхъ. Типы Ц. Б. остаются, разумѣется, для читателя такъ же невыяснены, какъ и типы проф. движенія вообще. Въ главахъ о рабочихъ камерахъ совсѣмъ не упоминается о разногласіяхъ въ германскомъ рабочемъ движеніи по поводу камеръ труда и рабочихъ камеръ. Говоря о принудительномъ арбитражѣ въ „счастливой" Австраліи, авторъ ни словомъ не обмолвился объ отрицательномъ отношеніи къ этому институту рабочихъ организацій Европы. И т. д., и т. д.

Между обѣими частями имѣется теоретическая прослойка изъ 20 страницъ. Самое лучшее для нея—обойти ее полнымъ молчаніемъ...

Изъ сказаннаго ясно, что читателю, желающему серьезно ознакомиться съ проф. движеніемъ на Западѣ, книга г. Святловскаго не дастъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ отрывочныхъ свѣдѣній. Не рекомендовали бы мы и пользоваться ею, какъ справочнымъ изданіемъ.

Д—ъ.

П. Засодимскій. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Изд. 2-е. М. 1908 г. 216 стр. Ц. 60 к. Заглавіе обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ работа П. Засодимскаго. Его книгу можно бы признать недурной компиляціей по исторіи первобытной культуры,—компиляціей, пригодной для перво-

начальнаго знакомства съ предметомъ. Портитъ впечатлѣніе излишняя расплывчатость, повторенія и особенно топтанье на мѣстѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ берется разсуждать самъ (см. напримѣръ, главы, посвященныя людоѣдству). Но главный недостатокъ книги—не дефекты изложенія, а желаніе автора дать что то большее, чѣмъ очеркъ первобытной культуры, что то доказать, кого-то поразить, внести моральную оцѣнку явленій, подлежащихъ только простому изученію, телеологическій привкусъ,—однимъ словомъ, пересказъ и вульгаризація идей П. Л. Лаврова („Историческія Письма") и отчасти Н. К. Михайловскаго.

Подходя къ изучаемому явленію съ предвзятой моралью, П. Засодимскій сначала впадаетъ въ уныніе при видѣ „очень печальнаго зрѣлища" (стр. 7), переходитъ къ сѣтованіямъ (Нѣтъ! человѣкъ вовсе ужъ не такъ далеко ушелъ по пути прогресса, какъ кажется оптимистамъ"—стр. 8) и обличеніямъ: „Нѣтъ! Если въ области культуры человѣку не подобаетъ особенно кичиться завоеваніями, то въ сферѣ нравственной—у него еще менѣе основаній гордиться своими побѣдами" (стр. 15). А такъ какъ „гордиться" повидимому всетаки есть чѣмъ, то П. Засодимскій начинаетъ изумляться: „...Мы скорѣе склонны удивляться тому, что человѣчество еще не одичало и не вымерло... Дѣйствительно, можно удивляться... Да! мы должны изумляться живучести человѣчества..." (Этотъ залпъ удивленій—см. стр. 16). Подѣлившись съ читателемъ изумленіемъ по случаю того, что и онъ — авторъ — и его читатели еще не вымерли, еще могутъ писать и читать книги, П. Засодимскій константируетъ, что „при существующихъ условіяхъ человѣчеству нелегко дойти до цѣли, намѣченной цивилизаціею". Неизвѣстно, какъ и когда цивилизація разсказала нашему автору о намѣченныхъ ею цѣляхъ; да это должно быть и не важно, потому что, минуя мелкій вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ ведутся сношенія съ г-жей Цивилизаціей, П. Засодимскій прямо переходитъ къ разсказу о томъ, что же повѣдала ему эта почтенная особа о своихъ цѣляхъ (стр. 21). Вопреки П. Засодимскому, насъ интересуетъ именно вопросъ о познаніи, — если не „цѣли, намѣченной цивилизаціею", то хоть тенденціи общественнаго развитія. Къ счастью, мы прочли книгу П. Засодимскаго и отказались отъ тщетныхъ поисковъ; ибо развѣ не убѣдительна слѣдующая тирада:

„Человѣкъ, мыслящій и чутко чувствующій и теперь, въ минуты высшаго интеллектуальнаго подъема и просвѣщенія, можетъ видѣть умственными очами изъ-за раздирающейся на мгновеніе завѣсы, какъ бы сквозь туманъ, обѣтованную землю, но и въ эти минуты „откровенія" человѣкъ напрасно сталъ бы пытаться прослѣдить направленіе пути, ведущаго въ ту землю. А если бы кто-нибудь сказалъ, что онъ знаетъ, видитъ этотъ путь, то съ нашей стороны было бы большимъ легкомысліемъ повѣрить этому „провидцу" (стр. 21). *М. Ольм.*

„Вселенная и человѣчество". Первые 4 тома. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 11 руб. за томъ. Спб. Въ настоящее время петербургское издательство „Просвѣщеніе" занято изданіемъ крупнаго переводнаго (съ нѣмецкаго) сочиненія „*Вселенная и Человѣчество*", вышедшаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи, подъ общей редакціей Г. Кремера. Въ настоящее время вышло въ свѣтъ уже 4 тома русскаго изданія, въ скоромъ будущемъ выйдетъ еще два.

„Вселенная и Человѣчество"—исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству—это безспорно капитальный трудъ, заслуживающій серьезнаго вниманія. Онъ является результатомъ коллективной работы цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ, написавшихъ каждый отдѣль-

ныя обширныя статьи по своимъ спеціальностямъ. Въ первомъ томѣ находимъ описаніе изслѣдованія земной коры и ея отношеній къ человѣчеству и интересный отдѣлъ, посвященный геофизикѣ (магнетизмъ, воздушная оболочка земли и пр.). 2-ой томъ весь посвященъ біологическимъ вопросамъ: происхожденіе и развитіе человѣческаго рода (д-ра Клаача), развитіе растительнаго и животнаго міра. 3-ій и 4-ый томы содержатъ въ себѣ исторію изслѣдованія вселенной вообще (астрономія) и земной поверхности въ частности.

По обилію, прекрасному выполненію черныхъ и въ особенности цвѣтныхъ рисунковъ, качеству бумаги и роскошности переплета — „Вселенная и Человѣчество" относится къ числу самыхъ лучшихъ изданій, вышедшихъ у насъ за послѣдніе годы. Очень высокая цѣна—11 руб. за томъ въ переплетѣ—вполнѣ объясняется размѣрами и качествомъ изданія.

Однако нельзя не замѣтить, что изданіе это не только бы не проиграло, но даже выиграло бы, если бы въ немъ былъ значительно сокращенъ черезчуръ большой историческій матеріалъ. Исторія науки—вопросъ безспорно очень интересный и не только для спеціалиста, но та подробность, съ которою разсматриваются во „Вселенная и Человѣчество" вопросы постепенной эволюціи наукъ, вопросы медленнаго поступательнаго движенія человѣческой мысли черезъ рядъ ошибокъ и заблужденій — это слишкомъ спеціально и даже не нужно для широкихъ слоевъ читателей. У насъ слишкомъ мало знакомы съ современнымъ достояніемъ естественныхъ наукъ, чтобы имѣло значеніе подробно останавливаться на безчисленныхъ заблужденіяхъ древности. Безъ всякаго ущерба для значенія книги можно было бы изъ нея исключить, напримѣръ, добрую половину рисунковъ, изображающихъ міръ, людей, животныхъ по представленію древнихъ египтянъ, вавилонянъ, китайцевъ, арабовъ и пр. Это одно уже съ пользой удешевило бы дорогое изданіе.

Нельзя также не пожалѣть, что главное, центральное мѣсто въ біологическомъ отдѣлѣ „Вселенная и Человѣчество" отдано обширной статьѣ именно д-ра Клаача. Клаачъ—это какъ бы партійный человѣкъ въ наукѣ. Клаачъ — это приверженецъ своеобразнаго взгляда, оригинальной теоріи происхожденія человѣческаго рода. Но своеобразность и оригинальность этой теоріи, отрицаемой и опровергаемой всѣми спеціалистами и знатоками этого вопроса, не даетъ основанія выдвигать ее на первый планъ въ изданіи, имѣющемъ цѣлью отвѣтить на запросы широкихъ слоевъ публики—не спеціалистовъ. Хорошо еще, что по просьбѣ редактора русскаго изданія проф. Догеля — проф. В. М. Шимкевичъ снабдилъ второй томъ „Вселенная и Человѣчество" (въ которомъ находится статья Клаача) особымъ примѣчаніемъ, краткимъ, яснымъ и убѣдительнымъ. Въ этомъ примѣчаніи пр. Шимкевичъ указываетъ на неосновательность теоріи Клаача, на ея явныя противорѣчіямногимъ фактамъ и т. д. Но не правильнѣе-ли было бы въ подобныхъ научно-популярныхъ сочиненіяхъ отдавать предпочтеніе статьямъ, излагающимъ научные вопросы болѣе объективно, а не съ точки зрѣнія односторонняго (и къ тому же неправильнаго) взгляда.

Однако, помимо указанныхъ недочетовъ, въ общемъ „Вселенная и Человѣчество" какъ по содержанію, такъ и по внѣшности производитъ хорошее впечатлѣніе, а такіе отдѣлы ея, какъ, напр., „Изслѣдованіе моря" проф. В. Маршала являются и новымъ и цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. *Евгеній Елачичъ.*

Ковалевскій П. И.—Мірозданіе (ест.-истор. очеркъ). Спб. 1908 г., 120 стр. Ц. 80 к. Изд. М. О. Вольфъ.—У насъ ежегодно

выпускается на книжный рынокъ множество научно-популярной литературы разнаго назначенія и качества и, разумѣется, среди этого множества имѣется такое значительное количество плохихъ, неудачныхъ и даже просто никуда негодныхъ книгъ, что давать отчетъ о всѣхъ совершенно невозможно. Но иногда на рынкѣ появляются такія неудачныя книги, о которыхъ нельзя умолчать и которыя невольно наводятъ на самыя печальныя размышленія. Пусть маленькіе, никому въ научномъ отношеніи неизвѣстные, популяризаторы пишутъ слабыя и преисполненныя ошибокъ книги и брошюры, это нехорошо, — но понятно. Но что же сказать, когда выходитъ книга изъ подъ пера профессора — и не отвѣчаетъ даже элементарнымъ требованіямъ научной правдивости? Когда я впервые взялъ въ руки книгу, на обложкѣ которой стояло: *„Міозданіе. Естественно-историческій очеркъ профессора П. И. Ковалевскаго“* и увидѣлъ, что наверху обложки стоитъ заголовокъ „Свободное знаніе. Сборникъ общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціей проф. Гримма, проф. Петражицкаго, пр.-доц. Сиповскаго и проф. Шимкевича“ — я былъ глубоко убѣжденъ, что держу въ рукахъ хорошую, строго-научную, общедоступную книгу. Въ этомъ издательствѣ вѣдь уже вышелъ цѣлый рядъ прекрасныхъ книгъ, какъ напр. „Кровь“ проф. Догеля, „Будущее человѣчество“ проф. Шимкевича, „Что такое инстинктъ“ В. Вагнера и др., являющихся несомнѣнно цѣннымъ вкладомъ въ нашу бѣдную научно-популярную литературу. Могло ли быть сомнѣніе, что и „Міозданіе“ проф. Ковалевскаго есть аналогичная по достоинству книга? Но какое разочарованіе наступило, когда я прочелъ эту небольшую книгу (120 стр.)!

Прежде всего, это вовсе не „естественно-историческій очеркъ“, объективно излагающій вопросы міозданія, а просто рядъ личныхъ разсужденій профессора на разныя темы, пересыпанныхъ цитатами изъ разныхъ авторовъ, преимущественно изъ Геккеля. Тутъ и исторія науки, и спорныя гипотезы, и философія, и личныя мнѣнія, излагаемыя какъ научныя доктрины. Напримѣръ:—„Первобытною матеріею, основою міра, первоосновою вселенной является эфиръ... Этотъ эфиръ представляетъ собою непрерывную матерію или вещество, вѣчно дѣйствующее, вѣчно живое, колеблющееся и одушевленное. Въ зависимости отъ характера колебанія, величины амплитуды и проч. получаютъ разновидности эфира и различныя его проявленія въ видѣ свѣта, тепла, движенія, магнетизма, электричества и пр...“ (стр. 5). Помимо того, что читатель-не спеціалистъ ничего не пойметъ изъ такого объясненія, развѣ это дѣйствительно объективное изложеніе современнаго воззрѣнія науки на эфиръ и его значеніе? На стр. 16 мы уже читаемъ „...атомы эфира, плавающіе въ своемъ основномъ веществѣ, проявляютъ уже и болѣе сложную жизнь и болѣе сложную душу. Такіе атомы проявляютъ свойства притяженія и отталкиванія. Эти проявленія притяженія и отталкиванія атомовъ рисуютъ намъ не только жизненность и жизнь частицъ, но и ихъ личное существованіе, симпатіи и антипатіи, любви и ненависти. Здѣсь проявляется уже не только простой рефлексъ движенія, но и личная реакція даннаго элемента къ другому, ему пріятному, или нѣтъ“. Какой сумбуръ понятій вселитъ въ голову читателя такое разсужденіе о душѣ, любви и личной реакціи атомовъ, а что положительнаго оно ему даетъ? Въ концѣ книги авторъ еще болѣе запутываетъ читателя, говоря: „По моему, сознаніе есть способность самоопредѣленія и опредѣленія отношеній къ предметамъ внѣ себя. Это есть отдѣленіе „я“ отъ не „я“. Притяженіе и отталкиваніе міровыхъ атомовъ есть проявленіе личности и отношеніе ея внѣ, — а потому и сознательное про-

явленіе. Сродство химическихъ элементовъ есть уже высшее проявленіе сознанія...“ и т. д. (стр. 102). Сколько такое субъективное толкованіе сознанія, это смѣшеніе разныхъ понятій въ одномъ, вселитъ путаницы въ головы читателей, ищущихъ въ книгѣ яснаго, понятнаго, объективнаго объясненія. Въ другомъ мѣстѣ авторъ съ полной увѣренностью говоритъ о томъ, что изъ атомовъ эфира образуются атомы всѣхъ химическихъ элементовъ и даже вскользь, даже въ примѣчаніи, не считаетъ нужнымъ оговорить, что это только одна изъ частныхъ гипотезъ, а ни въ какомъ случаѣ не установленное наукой ученіе, за которое онъ его выдаетъ.

Еще болѣе однако поражаешься, когда вдругъ на стр. 41 и многихъ другихъ проф. Ковалевскій серьезно, какъ о послѣднемъ словѣ современной науки, повѣствуетъ о батибіи Гексли, какъ о связующемъ звенѣ между органическимъ и неорганическимъ міромъ, видимо, не подозрѣвая даже, что пресловутый и много въ свое время нашумѣвшій батибій давнымъ давно (лѣтъ 15), признанъ ошибкою, недоразумѣніемъ и не имѣетъ ничего общаго съ живымъ существомъ. Авторъ тутъ же повѣствуетъ о безъядерныхъ клѣткахъ—монерахъ Геккеля, которыя тоже, какъ показали изслѣдованія послѣднихъ 15 лѣтъ, врядъ ли существуютъ, ибо въ описанныхъ Геккелемъ безъядерныхъ клѣткахъ (монерахъ) были обнаружены ядра. Все это имѣется въ любомъ новомъ учебникѣ зоологіи, но профессоръ все еще строитъ свои умозаключенія и разсужденія о мірозданіи, опираясь на подобные устарѣлые, опровергнутые факты.

Но дальше натыкаешься на еще болѣе невѣроятныя ошибки. На стр. 49 читаемъ: „Какъ слоны, тапиры, носороги, бегемоты и свиньи, такъ и киты относятся несомнѣнно къ одной породѣ толстокожихъ...“ Эта классификація прямо таки заимствована изъ плохихъ учебниковъ начала прошлаго столѣтія, но и это бы еще ничего. Тутъ же оказывается, что связующимъ звеномъ между слонами и китами являются вымершіе динотеріи и токіодонты: „По формѣ тѣла и заднихъ конечностей динотерій былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ близкій родственникъ слона“. Какъ ужаснулся бы однофамилецъ автора—знаменитый Ковалевскій (В. О.), покойный палеонтологъ, если бы онъ узналъ, что типичное хоботное и высоко спеціализированное животное динотерія его однофамилецъ вдругъ надѣлилъ задними конечностями кита (у котораго, какъ извѣстно, заднихъ конечностей вовсе нѣтъ) и призналъ въ немъ предка китовъ! Откуда подобныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія о непониманіи и полномъ незнаніи авторомъ ни палеонтологіи, ни зоологіи. Въ этомъ печальномъ выводѣ убѣждаетъ и все то, что говорится въ этой книгѣ о происхожденіи человѣка. Можетъ показаться, что авторъ ничего не слышалъ о всѣхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ въ области вопроса о происхожденіи человѣка, сдѣланныхъ за время отъ Дарвина до нашихъ дней. Авторъ не усвоилъ даже воззрѣній Дарвина и наивно утверждаетъ, что человѣкъ произошелъ отъ гиббона, отъ того самаго гиббона, который живетъ и теперь на Зондскихъ островахъ „...человѣческій родъ получилъ свое началю отъ обезьянъ стараго свѣта, именно отъ гибонновъ“ (стр. 85). „Такимъ образомъ, въ силу подбора особи гиббоновъ удалялись отъ основного типа, совершенствовались... и на землѣ оставались только гиббоны сильные и мощные, а слабые и хилые становились добычею враговъ...“ и т. д. (стр. 87) и т. д. идетъ пространное и совершенно не научное толкованіе, какъ изъ гиббоновъ произошелъ человѣкъ. Но вѣдь ужъ Дарвину было извѣстно, что человѣкъ не могъ произойти и не произошелъ ни отъ одной изъ нынѣ живущихъ обезьянъ, а имѣетъ съ ними общихъ предковъ. А послѣ Дарвина сдѣлано столько цѣнныхъ изслѣдованій, прослѣжены пути развитія чело-

вѣка и каждой изъ человѣкообразныхъ обезьянъ, установлена степень ихъ родства, и каждому освѣдомленному въ этой области человѣку хорошо извѣстно, почему нельзя допустить происхожденія человѣка отъ нынѣ живущихъ обезьянъ, почему отъ гиббона не могъ произойти человѣкъ, или горилла, какъ и отъ человѣка не могъ произойти гиббонъ. Но какъ профессоръ, хотя и не спеціалистъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ (проф. П. И. Ковалевскій—медикъ), но все же профессоръ, какъ онъ всего этого не знаетъ,—понять трудно.

Я привелъ только нѣкоторыя изъ бросившихся мнѣ въ глаза ошибокъ этой книги, но ихъ на самомъ дѣлѣ очень много. И всѣ эти невѣрныя свѣдѣнія будутъ большинствомъ читателей „Мірозданія“ приняты на вѣру, ибо великъ у насъ въ Россіи научный авторитетъ профессора. Но не надо ли быть тѣмъ болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ писаніяхъ именно профессору?

Есть еще нѣчто, совсѣмъ непонятное въ выходѣ въ свѣтъ разсматриваемой книги. На обложкѣ сказано, что она относится къ серіи книгъ, выходящихъ подъ редакціей спеціалистовъ и, между прочимъ, подъ редакціей проф. В. М. Шимкевича. Но можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что проф. Шимкевичъ не только не редактировалъ, но вѣроятно и не видалъ этой книги до выхода ея въ свѣтъ, иначе онъ, разумѣется, не пропустилъ бы ея. Но почему же онъ допускаетъ, что его фамилія стоитъ въ спискѣ редакторовъ, благодаря чему эта книга получаетъ въ глазахъ публики еще большій авторитетъ, авторитетъ научности, правдивости и серьезности, котораго она совершенно не заслуживаетъ [1]. *Евгеній Елачичъ.*

Полное собраніе писемъ Михаила Ивановича Глинки. Собралъ и издалъ Ник. Финдейзенъ. Спб. 1908 г. Ц. 2 руб. Стр. 566. Какъ объясняетъ въ предисловіи редакторъ Н. Финдейзенъ, изданіе это обязано своимъ осуществленіемъ матеріальной поддержкѣ М. А. Баланчивадзе. Такимъ образомъ, къ столѣтію со дня рожденія (1904 г.) и къ пятидесятилѣтію со дня смерти (1907 г.) нашего національнаго генія, создавшаго русскую національную оперу, мы не только не имѣемъ удовлетворительной біографіи Глинки, но даже матеріалы для его біографіи появляются въ свѣтъ только благодаря частной благотворительности. А между тѣмъ къ 1904 году было собрано на памятникъ Глинкѣ около 106 тыс. руб.

Письма Глинки изданы очень „опрятно“, но безъ достаточнаго „ухищренія злобы“ (любимыя выраженія Глинки): слѣдовало бы дать гораздо болѣе примѣчаній, поясняющихъ роль лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ. Но спасибо и за то, что дано: изъ 363-хъ писемъ Глинки до сихъ поръ были опубликованы только 184 письма. Чтеніе этой книги даетъ не только богатый матеріалъ для біографіи Глинки, но представляетъ огромный интересъ и для всѣхъ, кому дорога память этого человѣка. Но какое грустное впечатлѣніе остается отъ этого чтенія! Этого нѣжнаго, чувствительнаго

---

[1] Эта замѣтка уже была написала, когда въ № 253 газеты „Столичная Почта“ появилось письмо въ редакцію проф. В. Шимкевича, въ которомъ онъ указываетъ, что этого сочиненія онъ „не видѣлъ ни въ рукописи, ни въ корректурѣ, и, помѣщая его въ сборникѣ [„Свободное Знаніе“], издательство (Т-во Вольфъ) нарушило мои элементарнѣйшія права, какъ редактора. Для возстановленія этихъ правъ мною уже сдѣланы соотвѣтствующіе шаги“.

человѣка и его геніальный талантъ раздавили пошлость и некультурность окружавшей его среды, встрѣтившая въ немъ самомъ благодарную почву: слабость воли, благодаря которой онъ не въ силахъ былъ сопротивляться вліянію пьяной „братіи" (Кукольники и др.), кутежи съ которыми разрушали его слабое отъ природы здоровье; „обломовщина", какъ ядъ парализовавшая всѣ его желанія стряхнуть съ себя лѣнь и начать жить по европейски. Въ 1841 г. Глинка пишетъ матери изъ Петербурга: „Искусство — эта данная мнѣ небомъ отрада — гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бы я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ бы „Жизни за Царя"—теперь вполнѣ убѣжденъ, что „Русланъ" можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи". Глинка ошибся: „Руслана" онъ окончилъ на родинѣ въ 1842 году, но именно убійственное равнодушіе общества и пошлая конкурренція диллетантовъ изъ аристократовъ (Львовъ, Толстой) убили въ немъ охоту къ творчеству. Послѣ 1842 года талантъ Глинки только вспыхивалъ яркими молніями („Камаринская") и очень быстро изсякъ. Отъ пошлости среды въ своемъ отечествѣ Глинка искалъ спасенія въ Европѣ, но тоска по родинѣ гнала его обратно.

Въ 1856 году Глинка пишетъ сестрѣ изъ Берлина, гдѣ онъ подъ руководствомъ Дена работалъ надъ церковной музыкой: „Здѣсь у меня цѣль—цѣль высокая, а можетъ быть и полезная; во всякомъ случаѣ цѣль, а не жизнь безъ всякаго сознанія". Эти грустныя слова написаны были Глинкой за два мѣсяца до смерти. *Викторъ Вальтеръ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(по 20 мая 1908 г.).

Контора не принимаетъ на себя выполненія заказовъ подписчиковъ на эти книги, т. к. онѣ поступаютъ въ редакцію въ одномъ лишь экземплярѣ).

Александровичъ Ю.—Послѣ Чехова (1898—1908.) М. 1908. 255 стр. Ц. 1 р. Изд. „Основа".

Альманахи молодой еврейской литературы, подъ ред. С. Гибянскаго. кн. 1. Спб. 1908. 297 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Соврем. мысль".

Ануфріева А.—Разсказы. кн. 1. Спб. 1908. 161 стр. Ц. 80 к. Изд. „Изд. Бюро".

Ауслендеръ С.—Золотыя яблоки (разсказы). М. 1908. 215 стр. Изд. „Грифъ".

Бельше В.—Любовь въ природѣ. ч. 1. перев. Э. Пименовой. Спб. 1908. 470 стр. Ц. 2 р. Изд. Спб. кн. экспедиціи.

Блечфордъ С.—Волшебная лавка (ром.). М. 1908. 259 стр. Ц. 90 к. Изд. „Основа".

Богуславлевъ М.—Сборникъ отверженнаго. т. I. Спб. 1908. 176 стр. Ц. 1 р.

„Борозды" (сборникъ). Спб. 1908. 235 стр. Ц. 1 р.

Вандаль А.—Армяне и турецкія реформы; перев. съ франц. М. Алавердянцъ. Спб. 1908. 24 стр.

Гамсунъ К.—Собр. сочиненій. т. 5 (Панъ. Сьеста). Спб. 1908. 287 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Шиповникъ".

Годишникъ на софийския университет. I. 1904—1905. София 1905. 288 стр.; II 1905—1906. София 1906.

Горвицъ М.—Современныя идейныя теченія въ еврействѣ. Спб. 1908. 144 стр. Ц. 50 к. Изд. „Общ. польза".

Диль Ш.—Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI в.; съ 209 грав. въ текс. и 8 отд; пер. съ фр. Спб. 1908. 683 стр. Ц. 5 р.

Дюбуа П.—Пропорціональное представи-

тельство въ опытѣ Бельгіи; перев. И. Блинова и З. Данчканецъ. Спб. 1908. 170 стр. Ц. 90 к.

Еллинекъ Г.—Борьба стараго права съ новымъ; перев. съ нѣм. Р. К. Ч.; со вст. ст. проф. А. Алексѣева. М. 1908. 52 стр. Ц. 40 к. Изд. „Заратустра".

Жилинскій И.—„Рюрикъ". **Дмитріевъ В.**—Юнкерскія стихотворенія Спб. 1908. 38 стр. Ц. 20 к. Изд. В. Дмитріева.

Зарубинъ В.—Добродѣтельная фея (легенда). Спб. 1908. 16 стр. Ц. 15 к. Изд. В. Дмитріева.

Его-же—Въ мастерской художника Руджіо (этюдъ). Спб. 1908. 15 стр. Ц. 15 к. Изд. В. Дмитріева.

Его-же—Скромное геройство. Спб. 1908. 11 стр. Ц. 15 к. Изд. В. Дмитріева.

Зелигманъ Э.—Основы политич. экономіи; пер. В. Твердохлѣбова и М. Булатова. Спб. 1908. 579 стр. Ц. 3 р. Изд. „Общ. польза".

Земцевъ М. Е.—Еврейскіе крестьяне (эконом. положеніе евреевъ-земледѣл. Екатериносл. губ.). Спб. 1908. 113 стр. Ц. 50 к.

Зографъ Н. Курсъ зоологіи ч. II. М. 1908. 467 стр. Ц. 3 р. Изд. 2-ое. вновь перед. и пересм. Сытина.

Кауфманъ А. А.—Аграрный вопросъ въ Россіи; в. I. М. 1908. 167 стр. Ц. 40 к.

Кашъ С.—Страничка изъ жизни проф. Д. Менделѣева. Спб. 1908. 24 стр. Ц. 20 к. Изд. В. Дмитріева

Киннардъ Г. П.—Русскій крестьянинъ; перев. Н. Сувирова; Спб. 1908. 258 стр. Ц. 1 р. Изд. „Общ. польза".

Кинэ Э.—Революція и критика ея; перев. Конаревыхъ. 2 тт. М. 1908. 232+289 стр. Ц. 2 р. Изд. С. Уманскаго.

Коллежинскій Г.—Письма изъ деревни. Спб. 1908. 16 стр. Ц. 20 к. Изд. В. Дмитріева.

Критская Н. и Лебедевъ Н.—Исторія синдикальнаго движенія во Франціи (1789—1907); съ пред. Э. Пуже. М. 1908. 317 стр. Ц. 1 р. 20 к. Изд. „Союзъ труда".

„Кругомъ свѣта"—географ. хрестоматія. ч. II. По Европѣ. в. I. сост. И. Горбуновъ-Посадовъ и Е. Горбунова; съ 246 рис. М. 1908. 457 стр. Ц. 1 р. 80 к. Изд. Горбунова-Посадова.

Кундурушкинъ С.—Сирійскіе разсказы. Спб. 1908. 249 стр. Ц. 1 р. Изд. „Знаніе".

Лаговскій С.—Что такое туберкулезъ и какъ предохранить себя отъ него; пер. съ польск. Г. Вавельберга. Иркутскъ. 1908. 46 стр.

Левинсонъ А.—Аксель Галленъ; съ 35 репрод. Спб. 1908. 79 стр. Ц. 7 к. Изд. „Пропилеи".

Лескюръ Ж.—Общіе и періодическіе промышленные кризисы; перев. съ фр. Н. Сувирова; Спб. 1908. 558 стр. Ц. 2 р. 50 к. „Изд. „Общ. польза".

де Лиль-Аданъ В.—Жестокіе разсказы; перев. Е. Рунтъ; подъ ред. и со ст. В. Брюсова. Спб. 1908. 112 стр. Ц. 60 к. Тоже изд. дешевое. Ц. 20 к. Изд. „Пантеонъ".

Литер.—Художеств. альманахи. Изд. „Шиповникъ". кн. 5. Спб. 1908. 240 стр. Ц. 1 р.

„Литературный распадъ"—критич. сборникъ. Спб. 1908. 311 стр. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Зерно".

Лоти П.—Разочарованныя (ром.) М. 1908. 384 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Основа".

Лукашевичъ О.—Неорганическая жизнь земли. ч. I. съ 49 рис. Спб. 1908. 233 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Луначарскій А.—Религія и соціализмъ. ч. I. Спб. 1908. 228 стр. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Шиповникъ".

Мантегацца П.—Соврем. женщины М. 1908. 217 стр. Ц. 1 р. Изд. „Соврем. проблемы".

Матеріалы къ поземел. вопросамъ Кавказ. края ч. I. Тифлисъ 1908. 230 стр.

Мережковскій Д.—Павелъ I. Спб. 1908. 261 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. М. Пирожкова.

Отчетъ о дѣятельности воронеж. общ. народныхъ университетовъ за 1907 г. Воронежъ. 1908. 23+6 стр.

„Рег аврега"—еврейскій альманахъ кн. I. Кіевъ. 1908. 238 стр. Ц. 1 р. Изд. И. Самоненко.

Первая рождеств. елка; перев. съ фр. С. Мещерской. Спб. 1908. 16 стр. Ц. 15 к. Изд. В. Дмитріевъ.

Пименова Э.—Дж. Бёрисъ, вождь рабочей партіи въ Англіи. Спб 1908. 39 стр. Ц. 20 к. Изд. В. Дмитріева.

Плехановъ Г. В.—Основные вопросы марксизма. Спб. 1908. 107 стр. Изд. „Наша жизнь".

Подоводскій К.—Лучи жизни. М. 1908. 227 стр. Ц. 1 р. Изд. „Основа".

Полетаева О.—Сила науки въ экономической борьбѣ. Спб. 1908. 16 стр. Ц. 20 к. Изд В. Дмитріева.

Радванъ-Рытинскій Е. В. — Эсперанто (полный курсъ.) Спб. 1908. 48 стр. Ц. 30 к. Изд. В. Богушевскаго.

Риккертъ Г.—Философія исторіи; перев. съ нѣм. С. Гессена. Спб. 1908. 154 стр. Ц. 75 к. Изд. Д. Жуковскаго.

Рунге М.—Ракъ матки; перев. съ нѣм. Г. Вавельберга. Иркутскъ. 1907. 28 стр Ц. 15 к.

Руновская А. Д.—Стихотворенія. Курскъ, 1907. 375 стр. Ц. 1 р.

Рыбаковъ Ѳ. Е.—Современные писатели и больные нервы (психіатр. этюдъ). М. 1908. 49 стр. Ц. 40 к.

Рыжаковъ Н. П.—Въ тылу (разсказы). М. 1908. 160 стр. Изд. „Основа".

Сборникъ статей Антонова, А. Бака, Е. Брешковской, Ю. Гарденина, Г. Гершуни, М. Гоца, И. Каляева, Н. Макси-

мова, П. Новобранцева, Б. Савинкова, и Тарасова. вып. 1. М. 1908. 380 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ т-ва „Знаніе", кн. 22. Спб. 1908. 338 стр. Ц. 1 р.

Седьмой годъ дѣятельности „Маяка" (1906—1907). Спб. 1908. 96.

Сенкевичъ Г.—Крестоносцы; истор. ром. въ 2 ч.; пер. съ пол. Е. и И. Леонтьевыхъ М. 1908, 324 стр. Ц. 80 к. Изд. Сытина.

Сетонъ-Томпсонъ Э.—Красный воротничекъ (разсказъ); съ 13 рис., пер. съ англ. Н. Альмедингенъ. М. 1908. 45 стр. Ц. 20 коп. Изд. 2-ое И. Горбунова-Посадова.

Его же—Лобо, король Корромпо (исторія одного волка); съ рис.; перев. В. Б-скаго. М. 1908 31 стр. Ц. 15 к. Изд. 3-ье И. Горбунова-Посадова.

Его-же—Летунъ (исторія одного почтоваго голубя); съ 14 рис.; пер. съ англ. Н. Альмедингенъ М. 1908. 28 стр. Ц. 12 к. Изд. И. Горбунова-Посадова.

Его-же—Хромуша-медвѣженокъ. Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. (два разсказа); съ 18 рис.; перев. съ англ. Е. В. М. 1908. 46 стр. Ц. 25 к. Изд. 3-ье И. Горбунова-Посадова.

Смирновъ И., Яхонтовъ И. и Коваленковъ И.—Разсказы и очерки изъ русс. исторіи. Новгородъ. 1908. 116 стр. Ц. Ц. 25. к.

Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Мирный завоеватель (ист. повѣсть). М. 1908. 163 стр. Ц. 75 к. Изд. Сытина.

Его-же. Счастливые годы (сборникъ разск. для дѣтей); съ рис. М. 1908. 126 стр. Ц. 50 к. Изд. 2-ое Сытина.

С. С. Х.—Финансы Россіи въ связи съ экомич. положеніемъ ея населенія. Спб. 1908. 296 стр.+27 табл. вѣдомостей Изд. 2-ое дополн.

Стоянъ П. Пути къ истинѣ (соц.-филос. очеркъ). Спб. 1908. 243 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Тихоміровъ Д. П.—Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній Н. П. Огарева. и литературы о немъ. Спб. 1908. 35 стр.

Тищенко Ѳ.—Разсказы т. 1. М. 1908. 255 стр. Ц. 1 р. Изд. Сытина.

Толстой Л. Н.—Надоѣло. Легенда о нищихъ. **Ермоловъ А. С.** Голодный годъ. **Свящ. І. Кедровъ.** Картинки деревенской жизни. **Проф. И. Озеровъ** Совѣтъ копейки. Спб. 1908 64 стр. Ц. 20 к. Изд. В. Дмитріева.

Трахтенбергъ В. Ф.—Блатная музыка („жаргонъ" тюрьмы") подъ ред. и съ пред. проф. И. Бодуэнъ-де Куртенэ. Спб. 1908. 116 стр. Ц. 1 р.

Троцкій В. П. Торговля въ общественныхъ началахъ при содѣйствіи государства. Харьковъ. 1908. 42 стр. Ц. 30 к. Изд. автора.

Трубицынъ Н. Н.—Одинъ изъ восьмидесятниковъ—Надсонъ. Варшава. 1908. 31 стр.

Уайльдъ. О.—Саломея (драма въ 1 д.); перев. съ франц.; со ст. К. Бальмонта и С. Маковскаго Спб. 1908. 131 стр. Ц. 1 р. тоже изд. дешевое Ц. 30 к. Изд. „Пантеонъ"

Усовъ М. Л.—Преданіе и факты (къ еврейскому вопросу). Спб. 1908. 86 стр. Ц. 20 к.

Ферворнъ М. Механика душевной жизни; съ 11 рис.; пер. В. Линдъ. М. 1908. 142 стр. Ц. 50 к. Изд. „Основа".

Хвостовъ В. М.—Этюды по соврем. этикѣ М. 1908. 207 стр. Ц. 1 р.

Чарнолусскій В. И.—Сводъ законовъ, циркуляровъ и справ. свѣдѣній по нар. образованію въ перех. періодъ. М. 1908. 280 стр Ц. 1 р. 50 к. Изд. Сытина.

Черновъ В.—Теоретики романскаго синдикализма. **П. Луи**—Исторія синдикализма во Франціи М. 1908. CXC+193 стр. Ц. 2 р. 20 к. Изд. „Сотрудничество".

„Чтецъ декламаторъ", т. III. Новая поэзія. Кіевъ. 1908 470 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. И Самоненко.

Шепердъ Е.—Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей (о половой жизни); перев. съ англ. Е. Дунаевой; съ рис. М. 1908. 180 стр. Ц. 55 к. Изд. 2-ое „Посредникъ".

Шницлеръ А.—Граф. Мицци (комед.); пер. З. Венгеровой Спб. 1908. 96 стр. Ц. 40 к. Изд. Спб. кн. экспедиціи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ"

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ **8** р., на полгода **4** р., на три мѣсяца **2** р., на одинъ мѣсяцъ **80** к. За границу на годъ **10** р., на полгода—**5** р. Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала и въ книжныхъ магазинахъ по 80 коп.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала: въ СПБ., въ конторѣ журнала—Разъѣзжая 7; **въ Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской—Петровскія линіи; въ книж. складѣ „Звено"—Б. Никитская, 20 и въ книж. маг. „Образованіе"—Кузнецкій м., 11; **въ Одессѣ:** въ книж. маг. „Трудъ"—Дерибасовская, 25.

---

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*. снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу нихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку**.

5) Контора не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

7) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

8) Заявленіе о перемѣнѣ адреса должно быть получено въ конторѣ **не позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

9) При перемѣнѣ адреса уплачивается **14 копѣекъ**.

10) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ лишь 5%.

Контора журнала открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ** отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. **Редакція** для личныхъ объясненій открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 час. дня.

Адресъ редакціи СПБ., Разъѣзжая. 7, телеф. **270-14**

Редакторъ-издательница ***Л. Э. Ватсонъ.***

Типографія Монтвида, Гончарная ул., д. 7.